

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА ¹⁾).

I.

Съѣздъ для раздѣла. — Затѣи стараго времени. — Характеристика двухъ Страховыхъ.

Въ концѣ апрѣля 1839 г., матушка, со мною и съ меньшимъ братомъ моимъ, Кронидомъ, поѣхала изъ дер. Городокъ въ дер. Нармонку, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губ., куда должны были съѣхаться всѣ наслѣдники дѣда нашего, Александра Васильевича Страхова (племянника поэта Державина), для раздѣла движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося послѣ его смерти. Страховъ былъ не родной нашъ дѣдъ, а дядя моего отца, который и былъ однимъ изъ сонаслѣдниковъ. Отецъ не поѣхалъ самъ на раздѣлъ, а далъ довѣренность матушкѣ. Онъ былъ человѣкъ нервный, раздражительный, привыкшій къ извѣстному образу жизни, и ему прожить нѣсколько мѣсяцевъ не у себя дома, вмѣстѣ съ другими лицами, изъ коихъ многіе были, сверхъ того, ему не по нутру, представлялось подвигомъ невыносимымъ, несчастіемъ, даже пыткой. Независимо отъ нарушенія порядка жизни и лишеній, которымъ онъ долженъ былъ подвергнуться внѣ своего дома, его останавливало еще и другое соображеніе: раздѣлъ обѣщаль быть очень бурнымъ.

Надо сказать, что наслѣдники, которыхъ было 8 человѣкъ, уже два раза съѣзжались прежде, но, не придя къ согласію, разъѣзжа-

¹⁾ Небольшая часть этихъ интересныхъ записокъ была напечатана въ одномъ изъ мало распространенныхъ изданій. Нынѣ редація приобрѣла отъ автора всю рукопись.

лись. На этотъ разъ, такъ или иначе, надо было покончить, ибо срокъ, установленный закономъ для раздѣла, истекалъ.

Имѣніе дѣда А. В. Страхова должно было быть раздѣлено сначала на двѣ половины: одна шла въ родъ Панаевыхъ, другая— въ родъ Синельниковыхъ; и затѣмъ въ Панаевскомъ родѣ его половина должна была дѣлиться на 5 частей, а въ Синельниковскомъ— на 3 части.

А. В. Страховъ никогда не былъ женатъ; во времена императрицы Екатерины онъ служилъ въ Петербургѣ, въ гвардіи. Онъ былъ богатъ и потому вращался въ высшемъ кругу общества, чему способствовало и близкое родство его съ Державинымъ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Страховъ уѣхалъ въ отпускъ, въ Казанскую губернію, и съ тѣхъ поръ оттуда не возвращался, при чемъ не позаботился оформить свою неявку изъ отпуска и потому былъ исключенъ изъ службы.

Неоднократно Державинъ вызывалъ Страхова въ Петербургъ для того, чтобы имѣть возможность исправить его оплошность, а также помочь ему въ борьбѣ съ бывшимъ тогда губернаторомъ, который, будучи сосѣдомъ по одному изъ большихъ имѣній Страхова, называющемуся «Крестниково», захватилъ и оттягалъ у Страхова всю землю, по самыя усадебныя изгороди, такъ что крестьяне были буквально обезземелены.

Не разъ Страховъ собирался ѣхать въ Петербургъ и не разъ бралъ уже подорожныя на поѣздку, но съ мѣста не двигался.

Одинъ разъ, въ 1805 году, въ то самое время, когда мой отецъ поступалъ въ университетъ, Страховъ отправилъ уже большой обозъ въ Петербургъ. Обозъ этотъ на нѣсколькихъ подводахъ везъ произведенія Казани, предназначавшіяся для подарковъ знакомымъ и роднымъ въ Петербургѣ, какъ-то: халаты, ичетки—мужскія и дамскія шитыя серебромъ и золотомъ—татарскія чеплашки, залитыя тоже золотою вышивкою и кажушіяся какъ бы изъ литаго металла, китайскія матеріи, получавшіяся въ Казани чайными оптовыми торговцами, многіе цибикки разныхъ сортовъ чаевъ, крупчатый казанскій медъ, полотна, безчисленное количество разныхъ вареній и проч. Обозъ отправился на собственныхъ лошадяхъ, съ достаточнымъ количествомъ людей, и при немъ нѣсколько отличныхъ лошадей

собственного завода, тоже назначавшихся для подарковъ въ Петербургъ. Заводъ этотъ считался въ Казанской губерніи самымъ обширнымъ: всего въ немъ насчитывалось болѣе 250 головъ.

Этому обозу повелѣно было поѣхать въ одно изъ имѣній, называвшихся подмосковными, и тамъ ожидать его пріѣзда.

Затѣмъ, послѣ отправки обоза, Страховъ опять взять подорожную, но все-таки не выѣхалъ.

Вотъ участь этого обоза.

Въ 1808 году, отецъ мой, окончивши курсъ въ университетѣ, отправился на службу въ Петербургъ. Великій князь Константинъ Павловичъ взялъ его въ свой лейбъ-уланскій полкъ. Въ 1812 г. отецъ находился къ кампаніи; однажды, послѣ Малоярославцаго дѣла, деревня, гдѣ стоялъ уланскій полкъ, загорѣлась, и отецъ едва только могъ самъ выскочить изъ избы, такъ что остался даже безъ запаснаго бѣлья, безъ всякой теплой одежды, и, кромѣ того, въ предшествовавшемъ дѣлѣ и лошадь его была ранена. Словомъ сказать, отецъ находился въ крайне бѣдственномъ положеніи. Въ это время является къ нему личность, имѣющая видъ прикащика или бурмистра, называетъ отца по имени и спрашиваетъ: не имѣетъ ли онъ въ чемъ-нибудь надобности? Сначала отецъ не узналъ этого человѣка, но тотъ пояснилъ ему, что онъ тотъ самый человѣкъ, котораго дядюшка А. В. отправилъ старшимъ при обозѣ, что обозъ ожидаетъ дядюшку въ подмосковной деревнѣ 7-й годъ и что, чѣмъ гнить вещамъ идохнуть лошадямъ, будетъ лучше, если отецъ мой воспользуется тѣмъ, что ему нужно.

Читатель, вѣроятно, не мало удивится, если я скажу, что обозъ и люди ожидали Страхова въ подмосковной до самой его смерти, т. е. до 1836 г., и люди были возвращены наследниками лишь въ 1837 г. вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ, кромѣ, конечно, лошадей, которыя перекоѣли, и что я былъ свидѣтелемъ вскрытія сундуковъ, составившихъ знаменитый обозъ, и самаго дѣлежа вещей, въ нихъ находившихся.

Я очень хорошо помню, что при вскрытіи сундуковъ халаты, ичетки и проч. представлялись сохранившимися, но поблекшими, когда же ихъ стали вынимать, то они разваливались. Менѣе всего подверглись тлѣнію китайскія матеріи, называемыя канчею, такъ

что нѣсколько кусковъ этой матеріи поступили въ раздѣлъ. Изъ предметовъ же, шитыхъ серебромъ и золотомъ, сдѣлана была выжига, которая не миновала раздѣла.

Помню тоже, что медь, называющійся крупчатымъ липовымъ и имѣющій бѣлый цвѣтъ, сохранился, обратившись чуть не въ камень. И такъ какъ его оказалось не такое количество, чтобы каждому наслѣднику могло достаться по цѣлой кадущкѣ, то надо было рубить кадущки и, затѣмъ, рубить топоромъ самый медъ. То же произошло и съ вареньями. Изъ числа ихъ, имбирное варенье оказалось годнымъ и какъ бы выиграло отъ времени; но чтобы достать его изъ фарфоровыхъ банокъ, надо было разбивать ихъ, затѣмъ раскалывать варенье для употребленія. какъ раскалываютъ сахаръ.

Сборы и подготовленія, безъ приведенія намѣреній въ исполненіе, были вообще чертою характера Страхова. Впрочемъ, судя по многимъ примѣрамъ, этою болѣзнію страдало большинство помѣщиковъ той эпохи. Такъ напримѣръ, дѣдъ всю жизнь собирался построить великолѣпный домъ въ Казани и такой же въ деревнѣ, но не выстроилъ ни тамъ, ни сямъ и прожилъ всю жизнь въ весьма невзрачномъ деревянномъ домѣ. Еще до пожара 1815 года, истребившаго чуть не всю Казань, Страховъ купилъ тамъ домъ, съ тѣмъ чтобы на его мѣстѣ воздвигнуть палаццо; но послѣ пожара продалъ это мѣсто и купилъ другое, откуда былъ самый живописный видъ на весь городъ. На вновь купленномъ мѣстѣ стояли два обгорѣвшихъ въ 1815 году дома, въ видѣ руинъ. Въ одной изъ означенныхъ руинъ устроено было кое-какъ нѣсколько комнатъ для пріѣзда — такъ это и осталось до смерти Страхова. Одинъ изъ означенныхъ обгорѣлыхъ домовъ находился не въ дальнемъ разстояніи отъ помѣщенія Дворянскаго собранія, и во время пріѣзда наслѣдника Александра Николаевича, въ 1837 году, въ этомъ обгорѣломъ домѣ устроена была обширная зала, для чего домъ Дворянскаго собранія былъ соединенъ съ нимъ длинной, висячей деревянной крытой галлереей, убранной внутри въ видѣ сада. Между тѣмъ, ежегодно выписывались изъ Петербурга и изъ-за границы разныя принадлежности для двухъ предполагаемыхъ къ постройкѣ домовъ. Я помню, какъ Страховъ показывалъ нашимъ родителямъ: великолѣпные бронзовые замки для дверей и такіе же шпинголеты во всю

величину оконъ—что было тогда невидалью,—огромныя зеркальныя для оконъ стекла и много другихъ предметовъ; выставленъ былъ кирпичъ, который ко времени раздѣла представлялъ уже на половину груду мусора, поросшаго во многихъ мѣстахъ травой: домашніе столяры заготовляли двери, окна и паркетъ; для храненія всѣхъ этихъ вещей выстроенъ былъ въ деревнѣ, поодаль отъ жилья, каменный большой сарай, крытый желѣзомъ, въ предотвращеніе отъ пожара. Наконецъ, въ деревнѣ, въ саду, была выстроена такой величины каменная оранжерея, какой я послѣ того нигдѣ не встрѣчалъ. Оранжерея занимала до 100 сажень длины, съ рядомъ залъ во второмъ этажѣ во всю длину оранжереи, которыя не были, конечно, отдѣланы, но предназначались въ будущемъ для музыкальныхъ концертовъ и другихъ представлений. Несмотря на все это, постройка домовъ не начиналась и, конечно, никогда и не началась бы, ибо подготовленія и сборы длились болѣе 25 лѣтъ, то-есть почти столько же, сколько длились сборы къ поѣздкѣ въ Петербургъ.

Первый разъ я увидалъ дѣда, когда мнѣ былъ только девятый годъ; но, несмотря на это, я живо помню нашъ первый къ нему пріѣздъ.

Онъ жилъ верстахъ въ 120 отъ насъ. Родители наши поѣхали къ нему на праздникъ Рождества и взяли съ собою четырехъ своихъ сыновей, въ томъ числѣ и меня. Мы пріѣхали къ дѣду наканунѣ Рождественскаго сочельника, часовъ въ 7 или 8 вечера. Когда мы пріѣхали, дѣдъ насъ не встрѣтилъ: прислуга сказала, что онъ молится Богу; насъ проводили на особую половину, гдѣ подали намъ чай и ужинъ, и мы такъ и не видѣли дѣда въ этотъ вечеръ.

На другой день намъ подали чай тоже на нашей половинѣ, и дѣдъ не показывался, а сидѣлъ запершись въ кабинетѣ. Мы недоумѣвали, что это значитъ, и въ то же время страшно голодали, ходили по всѣмъ комнатамъ, разсматривали картины, но голода заморить этимъ не могли. Настали сумерки; тогда начали подъѣзжать сани и кибитки, и наѣхали разные господа (это были чиновные люди близъ лежащаго уѣзднаго города Тетюшъ). Въ числѣ пріѣхавшихъ прибылъ и священникъ съ причтомъ. Вслѣдъ за его

пріѣздомъ отворились двери изъ гостиной въ прилегающую къ ней комнату, которой мы еще не видали. Стѣна въ этой комнатѣ, противоположная двери въ гостиную, была вся деревянная, филенчатая и представляла какъ бы широкія ворота, покрытыя аркой. Спустя нѣсколько минутъ, эта стѣна исчезла отъ невидимой руки, т. е. раздвинулась въ обѣ стороны, и нашимъ глазамъ представился иконостасъ, залитый свѣтомъ отъ свѣчей.

Такъ какъ мы устройства этого не знали и ничего подобнаго не ожидали, то, весьма естественно, мы, дѣти, пришли въ неописанный восторгъ.

Вслѣдъ за этимъ пришелъ дѣдъ, котораго мы и увидали въ первый разъ. На насъ, дѣтей, онъ произвелъ весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ отлично одѣтъ, раздушенъ и ничѣмъ не походилъ по внѣшнему виду, такъ же, какъ и нашъ отецъ, на деревенскаго жителя. Въ то время дѣду было лѣтъ 75; несмотря на это, онъ былъ очень бодръ, прямъ, строенъ, тонокъ и имѣлъ живую походку. Усовъ и бакенбардъ не носилъ и былъ выбритъ щегольски.

Когда насъ представляли ему, то мы, конечно, по тогдашнему обычаю, стали подходить къ рукѣ, но онъ руки не давалъ, а цѣловалъ насъ. Поздоровавшись затѣмъ быстро съ наѣхавшимъ людомъ, онъ приказалъ служить всенощную, которая длилась чуть-ли не три часа, такъ что я не могъ выстоять.

Въ это время въ залѣ накрывали большой столъ для обѣда.

Всенощная кончилась часовъ въ 9; послѣ этого сѣли за столъ. Обѣдъ былъ постный, блюдъ было безконечное число, и притомъ такихъ, какихъ я уже съ тѣхъ поръ не встрѣчалъ. Помню только, что многія кушанья подавались въ горшкахъ, обернутыхъ салфеткой. Но чтò всего болѣе поразило насъ, это то, что послѣ каждого блюда шелъ человѣкъ съ подносомъ рюмокъ, а другой—съ особымъ всякій разъ виномъ. Всѣ рюмки были одного фасона и отличались только размѣромъ. Когда и намъ, дѣтямъ, стали подавать вино за виномъ, то матушка встревожилась и не приказала человѣку подавать намъ вина. Дѣдъ, который сидѣлъ подлѣ матушки, отмѣнилъ это приказаніе и, улыбаясь, сказалъ матушкѣ, чтобы она позволила ему угощать своихъ гостей, т. е. чтобы человѣкъ отнюдь не обносилъ насъ виномъ. Само собою разумѣется, что мы, во исполненіе

голи матушки и по собственному соображенію, едва прикасались губами къ рюккамъ, но намъ было ужасно пріятно, что насъ не обходили; намъ забавно было, въ особенности, выстраивать наши рюмки около своихъ приборовъ по ранжиру. Когда дѣло дошло уже до девятой или десятой рюмки, то, выпивая хотя бы по нѣскольку капель изъ каждой, я, вѣроятно, опьянѣлъ, заснулъ за столомъ, и меня увели спать. Такимъ образомъ, я не помню конца этого сочельническаго обѣда послѣ звѣзды, и на другой день чуть не плакалъ отъ стыда, что не досидѣлъ, какъ большіе, до конца, да и братья, конечно, меня за это поддразнивали.

На другой день утромъ намъ подали чай опять на нашей половинѣ, и дѣдъ не показывался. Часу въ 11-мъ вытянули въ залъ длинный столъ, и мы подумали, что готовятъ завтракъ или ранній обѣдъ. Между тѣмъ столъ скатертью не покрывался. Вскорѣ стали появляться, одинъ за другимъ, люди, всѣ одинаково одѣтые, съ музыкальными инструментами, нотами и пюпитрами. До этихъ поръ я никогда не слыхалъ оркестра и никогда не видѣлъ другихъ музыкальных инструментовъ, кромѣ фортепіано, скрипки и виолончели, и потому любопытство мое страшно возбудилось при видѣ волторнъ, трубъ, фаготовъ, кларнетовъ, флейтъ, чекановъ, литавръ, турецкаго барабана, тарелокъ и контрабасовъ. Весь оркестръ состоялъ изъ 40 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ явился капельмейстеръ; это былъ обрусѣвшій нѣмецъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Мюллеръ. Впослѣдствіи мы узнали, что онъ былъ отличный музыкантъ и очень хорошій артистъ на скрипкѣ. Послѣ смерти дѣда, онъ создалъ не одинъ въ тамошнемъ краю оркестръ, въ томъ числѣ и оркестръ Толстаго, славившійся въ свое время въ Казани.

По прибытіи капельмейстера, музыканты заняли свои мѣста, и началась настройка. Нетерпѣніе мое росло дотога, что у меня захватывало духъ въ ожиданіи, когда начнется игра. Между тѣмъ, послѣ настройки инструментовъ, ихъ положили опять на столъ, и игра все-таки не начиналась.

Не помню, сколько времени, но болѣе часа всѣ ожидали чего-то, не расходясь; прислуга, въ числѣ не менѣе 15 человѣкъ, стояла въ передней, не сядя на лари.

Дѣдъ находился въ своемъ кабинетѣ, и никто ему не докладывалъ, потому что безъ зова никто не смѣлъ къ нему входить. Наконецъ, двери изъ кабинета въ переднюю растворились, прислуга махнула музыкантамъ, и оркестръ грянулъ маршъ. При звукѣ марша дѣдъ прошелъ залу и направился въ гостиную, куда и мы послѣдовали за нимъ. Поздоровавшись со всѣми нами, онъ возвратился въ залу, далъ знакъ прекратить игру, и затѣмъ сталъ пускать по столу, горсть за горстью, цѣлковые, вынимая ихъ изъ кармановъ панталонъ и сюртука. Послѣ того подошелъ къ капельмейстеру, далъ ему кучку золотыхъ, и еще, особо, одинъ золотой мальчику лѣтъ 17, игравшему первую скрипку.

Потомъ мы узнали, что это былъ его любимецъ. Послѣ смерти дѣда этотъ мальчикъ, по имени Митя, сдѣлался извѣстенъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ и долгое время содержалъ самъ оркестръ въ Казани.

Затѣмъ дѣдъ приказалъ сыграть нѣсколько небольшихъ пьесъ и скоро отпустилъ музыкантовъ. Въ это время подали въ гостиной завтракъ. Дѣдъ былъ, какъ и наканунѣ, шегольски одѣтъ и раздушенъ. Онъ былъ очень веселъ и рассказывалъ про свое житье-бытье въ Петербургѣ. Въ гостиной, надъ диваномъ, гдѣ онъ сидѣлъ, висѣлъ извѣстный портретъ Державина: въ бархатномъ халатѣ и бѣломъ колпакѣ. Портретъ этотъ былъ подлиннымъ, т. е. былъ списанъ съ самого Державина, а не съ другаго портрета, и былъ подаренъ Державинымъ своему племяннику Страхову ¹⁾. Сходство между племянникомъ и дядей бросалось въ глаза, съ тою разницею, что дѣдъ казался менѣе обрюзглымъ, чѣмъ Державинъ на портретѣ, и вмѣсто бѣлаго колпака на дѣдѣ была надѣта синяя бархатная шапочка, которую онъ носилъ, какъ говорилъ, отъ боли въ головѣ, но, всего вѣроятнѣе, для прикрытія очень рѣдкихъ волосъ.

Во время закуски дѣдъ захопалъ въ ладоши и крикнулъ «Демка!» Явился человекъ большаго роста и очень полный. Это былъ дворецкій. «Вели запрягать лошадей и ѣхать за тетюш-

¹⁾ Этотъ портретъ достался, по раздѣлу, моему отцу, и теперь находится у старшаго моего брата.

скою сволочью», сказалъ дѣдъ. Конечно, вслѣдъ затѣмъ раздался общій хохотъ; сначала я не взялъ въ толкъ этихъ словъ, но послѣдующій разговоръ объяснилъ, въ чемъ дѣло; означенная характеристика пришлась всѣмъ намъ по нутру, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали поѣзда изъ Тетюшъ.

Часа черезъ два стали подъѣзжать сани и кибитки, привозившія изъ Тетюшъ чиновный людъ. Приѣхали: уѣздный судья, исправникъ, земскіе засѣдатели, докторъ, казначей, почтмейстеръ, смотритель училища и богоугодныхъ заведеній, секретари, писмоводители и нѣсколько мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ городѣ. Словомъ сказать, все, что носило сюртукъ или фракъ, было вывезено изъ города и доставлено къ обѣденному столу дѣда, за исключеніемъ опальныхъ, ибо нѣкоторые лица попадали иногда въ это положеніе. Приѣхавшихъ было несравненно болѣе, чѣмъ наканунѣ.

Въ этотъ день за обѣдъ сѣли, разумѣется, въ обыкновенное время, т. е. часу въ четвертомъ. Во время стола въ передней грѣмѣла музыка. Обѣдъ былъ, конечно, скромный, и число кушаній было менѣе вчерашняго; все же остальное шло своимъ чередомъ, и за каждымъ блюдомъ подавались особые вина и рюмки, но не вчерашнія, а такого невиданнаго фасона, который поражалъ своею вычурностью. Очевидно, дѣда забавляло поражать своихъ гостей богатствомъ своего разнохарактернаго хрустала.

На этотъ разъ я выдержалъ и досидѣлъ до конца. Обѣдъ длился очень долго. Послѣ обѣда, когда убрали посуду, явились музыканты и окружили столъ по-вчерашнему.

Сначала мы сидѣли въ гостиной и слушали музыку оттуда, но потомъ дѣдъ захотѣлъ похвастаться игрою своего любимчика, и всѣ перешли въ залу. Весь же второстепенный людъ изъ гостей увезенъ былъ тотчасъ послѣ обѣда; остались одни избранные, какъ напримѣръ докторъ, исправникъ, судья и нѣкоторые помѣщики.

Тутъ, сидя въ залѣ, дѣдъ самъ назначалъ, что играть и гдѣ могло бы выказаться искусство любимчика, а равно и живая, одушевленная игра капельмейстера, которымъ онъ также хвастался.

Какъ извѣстно, первыя впечатлѣнія бываютъ самыя сильныя, и у меня съ того вечера остались въ памяти названія оперъ, ко-

торыя игрались въ этотъ вечеръ, и даже нѣкоторые мотивы. Эти оперы были: «Семирамида», «Танкредъ», «Робертъ», «Вильгельмъ Тель», «Севильскій цирюльникъ» и прежняя «Русалка». Вообще говоря, дѣдъ выписывалъ все, что появлялось серьезнаго въ музыкальной области. Мы не могли, конечно, судить о томъ, хорошо или дурно исполнялъ свое дѣло оркестръ, но дѣйствіе оркестра было на насъ магическое: мы приходили въ великій восторгъ. Въ это время рѣшено было немедленно начать учить на скрипкѣ моего старшаго брата, и у капельмейстера Мюллера была куплена отцомъ прекрасная маленькая скрипка, которая и посейчасъ цѣла у брата, и на которой началъ свое ученіе и его сынъ, посвященный единственно музыкальному искусству и, несмотря на 16-лѣтній возрастъ, могущій считаться уже артистомъ въ отношеніи совершенства техническаго выполненія игры.

Въ этотъ пріѣздъ мы пробыли у дѣда дня четыре. Остальные дни походили на предыдущіе, за исключеніемъ того, что изъ города привозилось не болѣе 3 или 4 человѣкъ. Музыка играла каждый вечеръ, а по утру выводились напоказъ неистовые жеребцы, стоявшіе на конюшняхъ, но ни въ какую ѣзду, какъ мы узнали послѣ, не употреблявшіеся.

Въ день отъѣзда мы собрались ѣхать съ утра, но, какъ водится, безъ обѣда отпущены не были. По этому случаю обѣдъ былъ назначенъ ранѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣда, дѣдъ, вопреки обыкновенію, ушелъ тотчасъ же въ свой кабинетъ, куда, чрезъ нѣсколько минутъ, и позвалъ насъ, дѣтей. При прощаніи, онъ далъ намъ каждому по 5 золотыхъ, блестящихъ, какъ солнце. Можно себя представить нашъ восторгъ! Мы выросли въ собственныхъ глазахъ, считая себя уже совершенно большими людьми. По тогдашнему времени, пять имперіаловъ должны были казаться для дѣтей источникомъ неисчерпаемымъ.

Замѣчу здѣсь, что первымъ расходомъ изъ этихъ денегъ, по возвращеніи нашемъ домой, была покупка нами всѣми книгъ у разѣзжавшаго по деревнямъ разнощика, возившаго съ собою разные продукты, а также и книги. Помню, что старшій братъ купилъ романъ «Гусситы», второй — повѣсть «Граубинденъ», изъ исторіи борьбы Швейцаріи за независимость, третій — истори-

ческую повѣсть «Битва при Наваринѣ», я же купилъ какую-то повѣсть изъ временъ борьбы Малороссіи съ Польшей, но названія ея не помню.

Въ числѣ многихъ странностей дѣда была еще одна очень рельефная: онъ не терпѣлъ, если не сказать ненавидѣлъ, женщинъ простаго званія, т. е. дворовыхъ и крестьянокъ. Эта нетерпимость была такъ сильна, что не только не было у него въ домѣ ни одной женщины, но имъ, женщинамъ, воспрещалось, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, проходить по двору въ то время, когда онъ сидѣлъ утромъ въ кабинетѣ, окна котораго выходили на дворъ, занимавшій болѣе 5 или 6 десятинъ и на которомъ находились людскія и прочія строенія. Домашняя хроника повѣствовала, что ненависть къ женщинамъ поименованной среды явилась у дѣда съ давняго времени, вслѣдствіе испытаннаго имъ обмана той, къ которой онъ питалъ слабость. Я помню, что, при дѣлежѣ масляныхъ картинъ, была принесена одна, найденная на чердакѣ, въ сверткѣ, изображавшая спящую Венеру въ натуральную величину. Говорили, что это былъ портретъ поименованной женщины, и что, послѣ ея проступка, дѣдъ приказалъ вынуть картину изъ рамки и сжечь, но дворецкій спряталъ ее на чердакѣ.

Нетерпимость дѣда къ простымъ женщинамъ отражалась весьма чувствительно на участи молодыхъ парней. Въ то время люди, записанные дворовыми, должны были испрашивать у помѣщика разрѣшенія на женитьбу. Кромѣ того, и крестьяне испрашивали на то разрѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда избранная невѣста находилась не въ той деревнѣ, гдѣ жилъ женихъ. Парни, пріѣзжавшіе изъ дальнихъ деревень, оставались въ ожиданіи разрѣшенія, при дворѣ, въ конюхахъ или другихъ должностяхъ, по нѣскольку лѣтъ, а иные навсегда. По смерти дѣда оказалось во дворѣ около 150 лицъ мужскаго пола, холостыхъ, ихъ коихъ болѣе сотни были немедленно отосланы обратно въ свои деревни. Иные, во избѣжаніе быть задержанными на нѣсколько лѣтъ, обращались къ дѣду съ письмами, въ которыя вкладывались деньги, по пяти или по десяти рублей ассигнаціями, чтобы быть увѣренными, что письмо дойдетъ по назначенію и что оно будетъ распечатано и прочитано. Но, въ послѣднемъ, расчеты эти оказывались невѣрными. Я самъ былъ сви-

дѣтелемъ того, что во время раздѣла, при разборѣ бумагъ дѣда, которыя были запечатаны послѣ его смерти, нашлось нѣсколько сотъ денежныхъ пакетовъ нераспечатанныхъ. Эти письма касались не однѣхъ просьбъ о разрѣшеніи женитьбы, но многія изъ нихъ требовали отвѣта по хозяйству. Большею частію, какъ я упоминалъ, они заключали или 5-ти или 10-ти рублевыхъ бумажекъ. Однѣхъ бумажекъ старой формы, существовавшей до 1812 г., и потому негодныхъ уже въ 1839 г., и вынутыхъ изъ нераспечатанныхъ конвертовъ, насчитано было до 1.500 р. ассигн.

День дѣда, во время его жизни въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы, былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

Вставалъ онъ не рано и, помолившись Богу, изъ спальни проходилъ черезъ нѣсколько заднихъ комнатъ въ свой кабинетъ. Подлѣ его спальни была молельня съ иконостасомъ сверху донизу, какъ въ церкви. Въ самой спальнѣ былъ большой полукруглый альковъ, въ которомъ полъ былъ на двѣ ступени выше остальнаго. Альковъ этотъ отдѣлялся балюстрадой. Въ потолокъ его было вдѣлано круглое зеркало, отъ краевъ котораго спускались до полу кисейныя занавѣси, закидывавшіяся за мягкій диванъ, устроенный вокругъ всего алькова; внутренность алькова изображала собою палатку съ диваномъ кругомъ. Диванъ былъ устроенъ такъ, что на ночь свободное пространство задвигалось и покрывалось особымъ матрасомъ, отъ чего образовывалась постель въ видѣ полукруга во весь альковъ.

Перейдя въ кабинетъ, дѣдъ пилъ чай и оставался тамъ почти до обѣда. Въ это время онъ принималъ докладъ главнаго управляющаго и дворецкаго, отдавалъ имъ приказанія и принималъ просителей. Рѣдко было такъ, чтобы у него не гостилъ кто-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ; за отсутствіемъ же гостей дальнихъ, у него всегда обѣдалъ кто-нибудь изъ городскихъ: или докторъ, или исправникъ, или судья.

Почти каждый день, послѣ обѣда, играла музыка. Затѣмъ, послѣ вечерняго чая, дѣдъ отправлялся въ кабинетъ и запиралъ за собою дверь на ключъ. Тутъ онъ оставался до поздней ночи, иногда часовъ до двухъ, и неизвѣстно чѣмъ онъ занимался въ это время. Уже послѣ его смерти кто-то говорилъ, что дѣдъ занимался

въ это время чисткою щеточкой золотыхъ. Если принять во вниманіе, что исходившіе изъ его рукъ золотые блестяли, какъ солнце, что они хранились у него въ ящикахъ его бюро въ столбикахъ, наполнявшихъ ящики до самаго верха, и что капиталъ до 100.000, найденный послѣ его смерти въ домѣ, состоялъ весь изъ золотыхъ, то невольно приходится довѣрять разсказу о чисткѣ по ночамъ золотыхъ, хотя всѣ остальные черты характера дѣда не обнаруживали въ немъ ничего подобнаго: онъ не только не былъ скаредомъ или скупцомъ, но, напротивъ, былъ человѣкомъ тароватымъ и широкимъ въ жизни.

Нерѣдко обычный порядокъ деревенской его жизни парушался прїѣздомъ разносчиковъ. Разносчики вообще задерживались имъ на нѣсколько дней; но одинъ изъ нихъ, по прозванію Лисицынъ, который посѣщалъ и насъ, оставался иногда болѣе недѣли. Этотъ разносчикъ возилъ всякаго рода товаръ на 7 или 8 подводахъ. Во время его пребыванія, осматривались всѣ товары и продукты, и безъ всякой нужды покупались дѣдомъ. Я помню, что при раздѣлѣ было множество громадныхъ сундуковъ, наполненныхъ одни — вермишелью, другіе — макаронами, третьи — рисомъ и т. п. Этого добра было нѣсколько десятковъ пудовъ.

Другаго сорта былъ братъ дѣда Александра Васильевича, Иванъ Васильевичъ Страховъ, котораго, однако, я никогда не видалъ, но о которомъ сохранились у меня въ памяти нѣкоторые разсказы.

Иванъ Васильевичъ былъ тоже старый холостякъ и отличался такимъ скаредствомъ, что портретъ Плюшкина, когда появились «Мертвыя души», показался намъ, слыхавшимъ о скаредности Ив. Вас. Страхова, снимкомъ съ него.

За долго до появленія «Мертвыхъ душъ», отецъ разсказывалъ о томъ, что Иванъ Васильевичъ самъ пряталъ остатки кушаній въ кладовую, самъ собиралъ остатки варенья и складывалъ обратно въ банки, и о другихъ проявленіяхъ его скаредства. Онъ жилъ верстахъ въ 30 отъ своего брата, на луговой сторонѣ Волги, въ дер. Танкѣевкѣ ¹⁾.

¹⁾ Эта деревня досталась моему двоюродному брату Ив. Ив. Панаеву, писателю и бывшему издателю и редактору «Современника». Деревня эта была имъ продана для того чтобы на вырученныя за продажу ея деньги основать «Современникъ».

Разсказывали, что во время пожара дома, въ которомъ жилъ Иванъ Васильевичъ, онъ не рѣшался указать вынести поскорѣе тотъ шкафъ, гдѣ хранилась у него большая масса денегъ, и не рѣшался, конечно, изъ опасенія дать намекъ людямъ о своемъ хранилищѣ; такимъ образомъ шкафъ этотъ сгорѣлъ. Послѣ пожара выстроены былъ новый небольшой домъ, гдѣ Иванъ Васильевичъ прожилъ еще многіе годы. Разсказывали, что онъ сталъ прятать потомъ деньги подъ обойку мебели и въ перины. Когда онъ умеръ, то брать его, наслѣдникъ Александръ Васильевичъ Страховъ, котораго я описалъ выше и который былъ съ братомъ не въ ладахъ, пріѣхалъ въ домъ, опечатавъ въ немъ все, что нужно, не вывозя оттуда ничего и во всю свою жизнь не былъ болѣе въ этомъ домѣ. Домъ этотъ, никѣмъ не обитаемый, тоже сгорѣлъ, но уже послѣ смерти Александра Васильевича, во время междоусобицы, т. е. до раздѣла. Послѣ пожара, управляющій заявилъ о найденныхъ имъ въ пепелищѣ слиткахъ монетъ мѣдныхъ и серебряныхъ: первыхъ оказалось болѣе 15 пудовъ, а вторыхъ два или три фунта. Одинъ изъ наслѣдниковъ и въ то же время попечитель, получившій извѣстіе о случившемся пожарѣ и о найденныхъ слиткахъ, поѣхалъ въ эту деревню для разслѣдованія пепелища, въ надеждѣ отыскать слитки золотой монеты, но такихъ, конечно, не нашелъ. Было сильное подозрѣніе, что изъ дома было вывезено все, что было цѣнно, и что затѣмъ отъ былъ подожженъ нарочно во время случившагося пожара въ деревнѣ. Я былъ свидѣтелемъ дѣлежа поименованныхъ слитковъ. Само собою разумѣется, что многія монеты, слѣпившіяся между собою, сохраняли однако свой видъ, и мнѣ помнится, что величина ихъ была, если не ошибаюсь, гораздо болѣе вершка въ діаметрѣ.

Въ памяти моей остался еще одинъ оригинальный эпизодъ, переданный намъ отцомъ. Когда отецъ мой и брать его Иванъ (отецъ литератора Ив. Ив.) были произведены въ офицеры и оба пріѣхали изъ Петербурга въ отпускъ, то поѣхали, конечно, навѣстить дядю Ив. Вас., который подарилъ имъ 5.000 руб. ассигнаціями. Такое неожиданное проявленіе щедрости поразило ихъ до такой степени, что они подумали, что дядя ихъ рехнулся. Въ минуту полученія ими этихъ денегъ, ни отецъ, ни брать его не знали, что подаренныя ассигнаціи были стараго образца, и что срокъ на ихъ обмѣнъ

былъ уже пропущенъ; они узнали объ этомъ лишь по прїѣздѣ изъ деревни въ Казань. Между тѣмъ, они попробовали похлопотать объ обмѣнѣ, и, по знакомству и связямъ, деньги эти были приняты отъ нихъ въ казну, вѣроятно потому, что пропущенный срокъ не былъ еще очень великъ. Когда Ив. Вас. узналъ объ этомъ, то, сдѣлавъ видъ, что онъ давалъ деньги только для обмѣна, потребовалъ ихъ назадъ, что, конечно, и было исполнено. Отецъ говорилъ тоже, что лица, сдѣлавшія снисхожденіе имъ, молодымъ людямъ, очень досадовали, что деньгами воспользовался старый скаредъ, для котораго они, конечно, никогда не сдѣлали бы снисхожденія.

Возвращаюсь теперь къ разсказу о времени пребыванія нашего въ Нармонкѣ, на раздѣлѣ, лѣтомъ 1839 года.

Я сказалъ уже выше, что въ Нармонку должны были съѣхаться наслѣдники или ихъ повѣренныя для раздѣла движимаго и недвижимаго имущества покойнаго А. В. Страхова. Я упомянулъ тоже, что всего было 8 наслѣдниковъ: три изъ рода Синельниковыхъ и пять—изъ рода Панаевыхъ. Наслѣдники Синельниковы и Панаевы были дѣти и внуки отъ двухъ сестеръ Страхова, бывшихъ замужемъ, одна—за Синельниковымъ, екатеринославскимъ генераль-губернаторомъ при Екатеринѣ, а другая—за моимъ прямымъ дѣдомъ, Иваномъ Ивановичемъ Панаевымъ, который былъ извѣстенъ какъ основатель и командоръ масонской ложи въ Перми. Аббатъ Охотскій, —который, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, былъ сосланъ при Екатеринѣ въ Сибирь, въ Туринскъ, и потомъ возвращенъ,—въ своихъ обширныхъ мемуарахъ удѣлилъ нѣсколько теплыхъ страницъ воспоминанію о прадѣдѣ моемъ, Иванѣ Андреевичѣ Панаевѣ, и дѣдѣ моемъ, Иванѣ Ивановичѣ, съ семействомъ. Иванъ Андреевичъ Панаевъ былъ туринскимъ воеводой и основателемъ первой писчебумажной фабрики въ сибирскихъ дебряхъ. Онъ отнесся самымъ задушевымъ образомъ къ Охотскому, и послѣдній былъ приглашенъ учить дѣтей Ивана Ивановича, въ числѣ коихъ былъ и мой отецъ, французскому и англійскому языкамъ. И это было въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ глуши Сибири. Старшая сестра моего отца—Татьяна, успѣла выучиться не только французскому языку, но отлично знала и англійскій—что не мало

удивляло всѣхъ и возбуждало къ ней зависть. Она была необыкновенно развита, и умерла, въ цвѣтъ лѣтъ, дѣвушкой.

Синельниковъ имѣлъ трехъ сыновей: Николая, Василю и Виктора Ивановичей. Въ это время Николая Ивановича не было уже въ живыхъ, но наслѣдникомъ являлся сынъ его, Евдокимъ Николаевичъ, который былъ женатъ и имѣлъ уже 10-ти-лѣтняго сына. Со стороны Синельниковыхъ, лично прибыли къ раздѣлу, изъ Воронежской губерніи, Викторъ Ивановичъ и Евдокимъ Николаевичъ съ женою и сыномъ. Василій же Ивановичъ, обладатель обширныхъ имѣній, по обоимъ берегамъ Днѣпра, начиная отъ Екатеринославля до Нениссетинскихъ пороговъ включительно, проживалъ тамъ и прислалъ повѣреннаго, какого-то мелкопомѣстнаго помѣщика, крючка-повытчика.

У дѣда Ивана Ивановича Панаева было пять сыновей: Николай, Иванъ, Александръ ¹⁾, Владиміръ и Петръ. Одного изъ нихъ, Ивана, не было уже въ живыхъ, но наслѣдникомъ былъ сынъ его, Иванъ Ивановичъ, извѣстный беллетристъ и бывшій редакторъ и издатель «Современника». Къ раздѣлу, лично, пріѣхалъ только Петръ Ивановичъ съ семействомъ, остальные наслѣдники Панаевы дѣйствовали чрезъ повѣренныхъ: отъ Николая Ивановича — тетюшскій докторъ Крамеръ; отъ отца моего — матушка, имѣвшая тоже довѣренность и отъ Ивана Ивановича Панаева; отъ Владиміра Ивановича, который былъ на службѣ въ Петербургѣ, — отставной тетюшскій судья Дрееръ.

Въ срединѣ лѣта пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ съ молодою 17-ти-лѣтнею женою, и Николай Ивановичъ, а къ концу раздѣла пріѣхалъ на нѣсколько дней и мой отецъ.

¹⁾ Николай, Иванъ и Александръ были товарищами по университету Сергѣю Тимофеевичу Аксакову. Объ Иванѣ и въ особенности объ Александрѣ, моемъ отцѣ, какъ университетскомъ другѣ Аксакова, много говорится въ его семейной хроникѣ.

II.

Характеристика нѣкоторыхъ лицъ, присутствовавшихъ при раздѣлѣ имѣнія А. В. Страхова.

Сдѣлаю очеркъ нѣкоторыхъ личностей, присутствовавшихъ при раздѣлѣ.

Самый оригинальный и возбуждавшій не только общее неудовольствіе, но, буквально, общее отвращеніе, былъ Викторъ Ивановичъ Синельниковъ.

Викторъ Ивановичъ былъ старый холостякъ, лѣтъ 70-ти. Всю свою жизнь онъ прожилъ въ деревнѣ, никогда нигдѣ не служилъ, и только въ 12-мъ году былъ зачисленъ въ милицію, почему, съ тѣхъ поръ, и носилъ постоянно милиціонный форменный сюртукъ. Этотъ сюртукъ, вслѣдствіе скаредства старика, шился не изъ сукна, а изъ шерстяной матеріи травянаго цвѣта, называвшейся тогда камлотомъ. Воротникъ сюртука и выпушки были желтаго цвѣта.

Скаредство Виктора Ивановича могло быть сравнено лишь со скаредствомъ дяди его — Ивана Васильевича Страхова, о которомъ я уже упоминалъ. Между тѣмъ, Викторъ Ивановичъ Синельниковъ былъ вдвое богаче Ивана Васильевича; онъ былъ обладателемъ болѣе 2.500 душъ въ Воронежской губерніи, сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ. Большое его имѣніе «Волоконовка» довольно извѣстна въ Бирюченскомъ уѣздѣ. Жилъ онъ въ своей деревнѣ, какъ турецкій султанъ, имѣя громадный гаремъ, занимавшій особое помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я видѣлъ его на раздѣлѣ въ 1839 году, имѣніе Виктора Ивановича Синельникова, за безобразные поступки вопіюще-безнравственнаго характера, было взято, по инициативѣ мѣстныхъ властей, въ опеку, и самъ онъ былъ удаленъ изъ имѣнія. Вслѣдствіе этого онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ вскорѣ очень оригинально, въ банѣ, при чемъ найденъ былъ кожаный мѣшокъ, въ родѣ пояса, вѣроятно имъ на себѣ носимаго, наполненный золотою монетою.

По пріѣздѣ на раздѣлъ, онъ поселился въ г. Тетюшахъ, въ бывшемъ тамъ домѣ А. А. Страхова, и ежедневно пріѣзжалъ въ Нармонку для присутствія при раздѣлѣ движимаго имущества. Не го-

вора о томъ, что характеръ Синельникова отвращалъ отъ него всѣхъ, но и самая наружность его была отталкивающаго свойства: у него были маленькіе и слезящіеся глаза, никогда ни на чемъ не останавливавшіеся, цвѣтъ лица былъ грязный, борода очень часто была не выбрита, длинные сѣдые усы имѣли цвѣтъ желто-коричневый отъ куренія сигаръ; онъ не выпускалъ сигару изо рта, буквально, цѣлый день: кончалась одна, онъ немедленно закуривалъ другую. Курилъ же онъ такія сигары, о существованіи которыхъ, конечно, многіе не имѣютъ никакого понятія. Это были такъ называемыя сарептскія сигары, привозимыя изъ Саратовской губерніи и продававшіяся тогда по 3 рубля ассигнаціями за тысячу. Не было возможности оставаться долго въ той комнатѣ, гдѣ онъ курилъ. Къ счастью, онъ сидѣлъ всегда въ залѣ, гдѣ производилась раскладка движимости, такъ что въ гостиной можно было дышать.

Изъ числа различныхъ оригинальностей Виктора Ивановича Синельникова у меня рѣзко остались въ памяти часы, формы луковичы, въ діаметръ не менѣе двухъ съ половиною вершковъ, которые онъ носилъ въ боковомъ карманѣ форменнаго сюртука. Часы эти каждую четверть часа играли гамму и отбивали четверти, подобно тому, какъ дѣлаютъ часы на нѣкоторыхъ колокольняхъ или башняхъ. Викторъ Ивановичъ очень забавлялся тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производила неожиданная музыка, неизвѣстно откуда издающаяся, на тѣхъ, которые не знали секрета. Но онъ обыкновенно не довольствовался созерцаніемъ удивленія новаго слушателя, а чтобы окончательно поразить его, проводилъ рукою по сюртуку, нажавъ въ это время сквозь него репетиторъ часовъ, и они вновь принимались играть и звонить.

Общая антипатія къ В. И. Синельникову, предварительно установившаяся, усиливалась еще между всѣми потому, что онъ былъ главною причиною замедленія раздѣла движимаго имущества и такихъ при этомъ явленій, которыя для не видавшихъ ихъ во-очію могутъ показаться баснею; между тѣмъ, есть еще живыя лица, которыя, какъ очевидцы, могутъ засвидѣтельствовать, вмѣстѣ со мною, дѣйствительность этихъ явленій.

Обыкновенно, приступая къ раздѣлу какого-либо рода предметовъ, приносили въ залу сундуки, заключавшіе эти предметы.

Осмотрѣвши цѣлость печатей на сундукахъ, ихъ по очереди вскрывали, выбирали изъ нихъ вещи, осматривали ихъ и переписывали. Эта процедура не всегда могла быть окончена въ одинъ день, и случалось, что она длилась дня три. Когда все было рассмотрѣно и переписано, тогда принимались за раскладываніе предметовъ на двѣ половины. Замѣчу здѣсь, что главное затрудненіе было въ раздѣлѣ на двѣ половины. Что же касается до раздѣла между наследниками Панаевыми, то это совершалось очень быстро. При раздѣлѣ же движимаго имущества между Синельниковыми я не присутствовалъ, такъ какъ это дѣлалось на особой половинѣ. Надо сказать здѣсь, что я постоянно присутствовалъ при раздѣлѣ потому, что матушка не любила бывать при этой операціи, и заявила разъ на всегда, что она уполномочиваетъ меня изъяслять согласіе за нее.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что мнѣ было только пятнадцать лѣтъ, я являлся официальнымъ представителемъ наследства, что не могло не льстить моему самолюбію, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные наследники не могли уже относиться ко мнѣ, какъ къ ребенку.

Въ то время, когда вещи раскладывались на двѣ половины, Викторъ Ивановичъ курилъ свою сигару и не произносилъ ни слова. На вопросы, обращаемые къ нему во время этой раскладки, онъ отвѣчалъ всегда: «какъ знаете, воля ваша». Когда, наконецъ, одного и того же рода предметы были разложены окончательно, тогда спрашивали его: «находить ли онъ обѣ половины уравнительными, и согласенъ ли онъ приступить къ жребію?» Я не помню ни одного раза, чтобы онъ отвѣчалъ своимъ согласіемъ. Обыкновенно, послѣ сдѣланнаго ему вопроса о согласіи, онъ вынималъ изъ рта сигару, затѣмъ концами пальцевъ другой руки проводилъ попеременно по обоимъ усамъ и торжественно объявлялъ: «не согласенъ!» Начинаясь вновь перекладка, при чемъ онъ упорно отказывался давать свои указанія. Не рѣдко случалось, что разложенныя вещи оставались до другаго дня, такъ что вся процедура раздѣла одного только рода предметовъ длилась иногда 4 или 5 дней. Бывало также, что наследники, выведенные изъ терпѣнія, просили Виктора Ивановича распорядиться самому раскладкою вещей, тогда онъ молча вставалъ и уѣзжалъ домой въ городъ.

Подобнымъ образомъ онъ мучилъ всѣхъ около двухъ мѣсяцевъ, и въ это время не раздѣлили и $\frac{1}{4}$ доли всего имущества. Вслѣдствіе этого, раздраженіе большей части наслѣдниковъ дошло дотого, что, для ускоренія раздѣла, рѣшились рѣзать, рвать и разбивать пополамъ все, чтѣ только могло подлежать такому дѣлежу. Не говоря уже о томъ, что рѣзали пополамъ каждый кусокъ полотна, такъ какъ Викторъ Ивановичъ подозрѣвалъ возможность обмана въ томъ, что одно полотно нѣсколько потолще, другое потоньше, одно пошире, другое поуже; рѣзали пополамъ всѣ матеріи, безъ исключенія.

Между тѣмъ, надо сказать, что у дѣда А. В. Страхова, въ слѣдствіе упомянутой выше его слабости покупать для развлеченія ненужные предметы, оказалось громадное количество разныхъ матеріи и очень дорогихъ, какъ-то: разноцвѣтныя китайскія канчи, штофы, бархаты и другія мебельныя матеріи, предназначавшіяся для будующихъ домовъ.

Увлеченіе рѣзкою дошло до того, что рвали пополамъ по спинкѣ Екатерининскихъ временъ кафтаны и жилеты, шитые серебромъ и золотомъ, и этого добра было не менѣе 5 или 6 сундуковъ.

Всего интереснѣе, однако, былъ дѣлежъ домашняго серебра. На бѣду оказался одинъ серебряный подносъ, имѣвшій длины около двухъ аршинъ. Если положить его на одну половину, по вѣсу, то на другой половинѣ приходилось убавить много ложекъ. Пробовали и такъ и этакъ, все было тщетно. Викторъ Ивановичъ повторялъ свое слово: «не согласенъ». Тогда кто-то изъ наслѣдниковъ, въ досадѣ и въ шутку, предложилъ распилить подносъ. Всѣ были такъ утомлены, что въ одинъ голосъ подхватили: «распилить!» Но такъ какъ надлежащей для этого пилы не оказалось, то подносъ былъ разрубленъ топоромъ, чему я былъ свидѣтелемъ.

Но апопееозю рѣзки надо считать разрѣзку пополамъ турецкой шали.

Дѣйствительно, была одна непомѣрной длины турецкая шаль, очень высокаго, какъ тогда говорили, качества. Она была такъ длинна, что половина ея въ самомъ дѣлѣ могла употребляться въ носку, скрывая, конечно, отрѣзанную сторону, лишнюю кайму. Справедливость требуетъ сказать, что разрѣзка этой шали обусло-

вилась не однимъ Викторомъ Ивановичемъ, но и одною дамою, о которой будетъ сказано ниже.

Я упомянулъ уже выше, что со стороны Синельниковыхъ однимъ изъ наслѣдниковъ былъ внукъ Страхова, Евдокимъ Николаевичъ, прибывшій на раздѣлъ съ женою и 9-ти-лѣтнимъ сыномъ. Самъ Евдокимъ Николаевичъ не представлялъ ничего оригинальнаго. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ 40, послужившій весьма короткое время въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, чтобы получить второй офицерскій чинъ, выйти штабсъ-ротмистромъ въ отставку и, затѣмъ, женившись, поселиться въ деревнѣ. Онъ имѣлъ хорошее состояніе, жилъ открыто и былъ, можно сказать, помѣщикъ-джентльменъ. Но жена его была женщина довольно оригинальная, представлявшая изъ себя помѣсъ разныхъ контрастовъ. Клеопатра Григорьевна, какъ ее звали, несмотря на весьма скромное свое состояніе, получила отличное, по тогдашнему времени, свѣтское образованіе въ одномъ изъ харьковскихъ пансіоновъ. Она говорила отлично на двухъ иностранныхъ языкахъ и была очень бойкой піанисткой, въ доказательство чего покрывала иногда клавиши носовымъ платкомъ и разыгрывала по нимъ, безъ фальши, разные трудныя пьесы. Вышедши замужъ за богатаго человѣка, она стала разыгрывать роль *grande* дамы, что никакъ не могло совмѣщаться съ ея необыкновенно рѣзкимъ малороссійскимъ жаргономъ, съ ея скупостью и мелочностью, которыя постоянно оскорбляли ея мужа, находившагося, впрочемъ, какъ говорится, подъ ея башмакомъ.

Я помню ее еще тогда, когда она лѣтъ 6 или 7 предъ этимъ пріѣзжала съ своимъ мужемъ изъ Воронежской губерніи въ Казанскую, главнымъ образомъ, къ дѣду Страхову, а затѣмъ и познакомиться съ родственниками Панаевыми. Старикъ Страховъ плѣнился ею и чуть ли не задержалъ ихъ у себя около полугода. Когда Евдокимъ Николаевичъ съ женою гостили въ то время у насъ, то мы, дѣти, очень полюбили его и плѣнялись его молоденькою женою, которая была смолоду очень мила и восхищала насъ пѣніемъ разныхъ малороссійскихъ пѣсенокъ. Изъ числа многихъ оригинальностей этой особы мнѣ помнится, напримѣръ, что она, стригши ногти, собирала ихъ въ коробочку, объясняя это тѣмъ, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть въ гору и что всѣ остриженные и сохранен-

ные ногти сrostутся и дадутъ возможность дѣпляться и влѣзть на эту гору, гдѣ будетъ спасеніе. Помню также, что во время раздѣла она каждый вечеръ занималась разрѣзкою лоскутковъ и образчиковъ разныхъ матерій пополамъ. Эти лоскутки и образчики были находимы при разборѣ сундуковъ съ матеріями и платьями. Сколько разъ ни говорили ей, что если ее интересуютъ эти образчики матерій, то она можетъ взять ихъ безъ дѣлежа пополамъ; но она, улыбаясь, отвѣчала всегда, что не имѣетъ никакого на то права, и продолжала каждый вечеръ свою работу дѣлежа лоскутковъ пополамъ.

Надо сказать, что Клеопатра Григорьевна, во время дѣлежа, была еще молодою дамою и была беременна. Не знаю, почему, вѣроятно вслѣдствіе впечатлѣнія, сдѣланнаго ею на меня въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, но мнѣ пріятно было видѣть ее и проводить время около нея. Подмѣтила ли она это или нѣтъ — утверждать не могу, но она обратила меня въ своего адъютанта, и это мнѣ нравилось. Всякій разъ какъ она шла гулять, — а это совершалось два раза въ день, — она звала меня сопровождать ее. Она любила тоже удить рыбу, для чего мы отправлялись на большой прудъ, около котораго были лавочки. Мы садились на одну изъ нихъ; она читала въ это время какой-нибудь французскій романъ, а я наблюдалъ за поплавками удочекъ и давалъ ей знать, когда начиналось клеваніе. Ловили мы рыбу на шарики хлѣба, потому что я отъ насаживанія червяковъ отказался, за чтѣ и Клеопатра Григорьевна не замедлила выразить мнѣ свое сочувствіе. Наловленную рыбу мы обыкновенно собирали въ ведро, но передъ уходомъ домой пускали опять въ прудъ. Иногда роли мѣнялись, т. е. я долженъ былъ читать ей, а она наблюдала за поплавками. Не отдавая себѣ отчета, но, вообще говоря, мнѣ хотѣлось дѣлать Клеопатрѣ Григорьевнѣ пріятное и хотѣлось нравиться ей. Я упоминалъ уже, что у дѣда былъ большой конскій заводъ. При этомъ былъ очень большой манежъ со всѣми принадлежностями, не исключая и турецкихъ головъ для рубки ихъ саблею. Берейторъ былъ знающій свое дѣло человекъ, и я, пользуясь этимъ, сталъ учиться правильной ѣздѣ. Когда я подучился настолько, что могъ заставлять лошадь дѣлать все то, чтѣ отъ нея требуется при ѣздѣ, напимѣръ: пліе, траверсы, вольты,

галошъ и брать барьеры, тогда я, первымъ дѣломъ, пригласилъ Клеопатру Григорьевну въ манежъ. Но предъ этимъ, за нѣсколько дней, я упросилъ берейтора дать мнѣ самаго красиваго жеребца «Макбета», слывшаго за неукротимаго звѣря. Дѣйствительно, на немъ можно было ѣздить только въ манежѣ, а на чистомъ воздухѣ онъ дѣлался по истинѣ звѣремъ.

Само собою разумѣется, что я заслужилъ отъ своей дамы названіе молодца и былъ очень доволенъ.

Однажды Клеопатра Григорьевна поѣхала въ Тетюши, за семь верстъ, на татарскій праздникъ — «сабанъ», на которомъ обыкновенно производятся скачки на лошадяхъ. Я поѣхалъ сопровождать свою даму верхомъ, но не на «Макбетѣ», а на другой лошади. Все время, какъ водится, я ѣхалъ рядомъ съ коляскою. Приѣхавши на «сабанъ», я захотѣлъ принять участіе въ скачкахъ, къ которымъ допускаются всѣ желающіе. Мнѣ поставили, однако, условіемъ скакать безъ сѣдла, какъ обыкновенно скачутъ всѣ татары. Хотя я никогда не ѣздилъ еще безъ сѣдла, но струсить въ присутствіи Клеопатры Григорьевны мнѣ показалось невозможнымъ, и я приказалъ снять сѣдло. Лошадь моя, конечно, обскакала бы далеко всѣхъ татаръ, но такъ какъ я заботился лишь о томъ, чтобы не свалиться, то пришелъ вторымъ, съѣхавъ подъ конецъ на холку лошади, обхвативъ ногами ея шею, такъ что едва усидѣлъ на ней. Коляска, въ которой сидѣла Клеопатра Григорьевна, стояла у конца скачки, и потому она могла видѣть мою неудалую, жалкую фигуру на лошади. Это меня очень огорчило, и я, чтобы поправиться въ ея глазахъ, воспользовался черезъ нѣсколько дней случаемъ, когда она поѣхала кататься въ коляскѣ: я пустился сопровождать ее опять верхомъ, выпросивъ для этого у берейтора неукротимаго звѣря. Долго берейторъ не соглашался дать мнѣ эту лошадь; однако, попробовавъ проѣхать на ней въ полѣ самъ, согласился, но съ тѣмъ, чтобы ему ѣхать вмѣстѣ со мною. Покуда мы ѣхали, удаляясь отъ дома, все шло благополучно; но когда повернули назадъ, лошадь моя начала горячиться, я сталъ ее сдерживать, и отъ этого она принялась сбивать меня съ себя. Видя неминуемую для меня бѣду, берейторъ крикнулъ мнѣ опустить поводья. Я ослабилъ ихъ сполна, и лошадь помчала меня такъ, какъ никогда уже другой разъ я не мчался; объ

управленіи лошадью я и не думалъ; она мчала меня пять верстъ и примчала прямо къ дверямъ конюшни, чего, конечно, Клеопатра Григорьевна не видѣла; слѣдовательно, повидимому, я вышелъ изъ этой прогулки безъ стыда, но далъ себѣ слово впредь подобнаго молодечества передъ моею дамою не разыгрывать.

III.

Пріѣздъ И. И. Панаева. Его женитьба.—А. Θ. Р—скій и его странная болѣзнь.

Вскорѣ случилось однако, что я сложилъ съ себя обязанности адъютанта Клеопатры Григорьевны. Въ Нармонку пріѣхалъ изъ Петербурга Иванъ Ивановичъ Панаевъ ¹⁾, только-что женившійся на прелестной молодой дѣвушкѣ 17½ лѣтъ, дочери знаменитаго актера артиста Брянскаго.

Надо замѣтить здѣсь, что женитьба Ивана Ивановича совершилась съ большими препятствіями. Необходимо, хотя вкратцѣ, рассказать условія, при которыхъ онъ женился, иначе нѣкоторые обстоятельства, о которыхъ будетъ говорить ниже, покажутся непонятными.

Въ 1836 году Иванъ Ивановичъ, начавшій уже появляться въ литературѣ, перевелъ трагедію Шекспира «Отелло» и предложилъ эту пьесу въ бенефисъ знаменитому В. А. Каратыгину. В. А. Каратыгинъ, будучи не только истинно талантливый, но истинно гениальный актеръ ²⁾, имѣлъ поэтому не мало недоброжелателей и преимущественно въ литературномъ мірѣ. Нѣкоторые изъ этого міра уговорили Ивана Ивановича дать свою пьесу не Каратыгину, а передать ее на бенефисъ Брянскому.

¹⁾ Писатель и впоследствии издатель и редакторъ „Современника“.

²⁾ Назвавъ В. А. Каратыгина истинно гениальнымъ актеромъ, я этимъ налагаю на себя обязанность поговорить о немъ въ своемъ мѣстѣ, удѣливъ для этого нѣсколько страницъ, что и исполню съ великимъ удовольствіемъ и какъ долгъ мой передъ этимъ великимъ артистомъ.

Въ это время старшая дочь Брянскаго, очень красивая собою, готовилась начать сценическое поприще, и Брянскій очень обрадовался предоставить своей дочери, въ первый ея дебютъ, роль Дездемоны. Въ то же время Иванъ Ивановичъ познакомился и съ А. А. Краевскимъ, начавшимъ уже свое издательское и редакторское поприще литературными прибавленіями къ «Русскому Инвалиду». Иванъ Ивановичъ и А. А. Краевскій стали посѣщать Брянскаго по поводу постановки «Отелло». А. А. Краевскій заинтересовался будущей прелестной Дездемоной, а Иванъ Ивановичъ влюбился во вторую дочь Брянскаго. Красота этой дѣвушки была очень оригинальна. При весьма красивыхъ чертахъ лица, она отличалась чрезвычайно оригинальнымъ цвѣтомъ, рѣдко встрѣчающимся: смуглость, побѣждаемая нѣжнымъ въ мѣру румянцемъ, но не лоснящимся, какъ это обыкновенно бываетъ у южныхъ жителей и что не особенно красиво, но румянцемъ матовымъ. Я остановился на этомъ характеристичномъ цвѣтѣ лица потому, что онъ, при взглядѣ на него, первый бросался въ глаза и точно такого мнѣ не случалось уже встрѣтить другой разъ.

Мать Ивана Ивановича не хотѣла и слышать о женитьбѣ сына на дочери актера. Два съ половиною года Ив. Ив. разными путями и всевозможными способами добывалъ согласіе матери, но безуспѣшно; наконецъ, онъ рѣшился обвиняться тихонько, безъ согласія матери, и, обвинчавшись, прямо изъ церкви, сѣлъ въ экипажъ, покатилъ съ молодою женой въ Казань и прибылъ въ Нармонку въ половинѣ лѣта. Мать, узнавши, разумѣется, въ тотъ же день о случившемся, послала Ивану Ивановичу въ Казань письмо съ проклятіемъ.

Всѣ родственники Ивана Ивановича, за исключеніемъ одного нашего семейства, не жаловали его по весьма простой причинѣ: онъ былъ молодъ, отлично образованъ и жилъ въ свѣтѣ въ Петербургѣ.

Вслѣдствіе этого, всѣ, за исключеніемъ нашего семейства, взглянули на женитьбу Ивана Ивановича съ злорадствомъ, которое и обрушивалось при всякомъ удобномъ случаѣ, въ отсутствіе Ивана Ивановича, на его молодую жену.

Мать моя встрѣтила Ивана Ивановича и жену его съ искренно

распростертыми объятіями, и я былъ въ полномъ восторгѣ отъ ихъ пріѣзда. Молодая жена Ивана Ивановича, встрѣтивъ теплое, привѣтливое отношеніе со стороны моей матери, полюбила ее, какъ можно любить только родную мать, и мы всѣ сдѣлались въ короткое время друзьями. Весьма естественно, что я, вслѣдствіе малой разницы лѣтъ, сдружился всего ближе съ молодою женою Ивана Ивановича, которая хотя и была на $2\frac{1}{2}$ года старше меня, но въ полномъ смыслѣ слова была по возрѣніямъ своимъ дитя моложе меня. Кромѣ того, что она никогда не была въ деревнѣ, но вообще она и въ Петербургѣ жила, какъ говорится, въ заперти, подъ самымъ строгимъ режимомъ ¹⁾. А потому, вырвавшись на волю, она похожа была на птичку, выпущенную изъ клѣтки, и рѣзвилась, какъ рѣзвятся маленькія дѣти. Такимъ образомъ, съ пріѣздомъ Ивана Ивановича я бросилъ свое прежнее адъютантствованіе и привязался къ новой молодой и прелестной кузинѣ-ребенку, за чтѣмъ не разъ получалъ сначала саркастическія замѣчанія отъ Клеопатры Григорьевны, въ родѣ того, что она не смѣетъ уже приглашать меня гулять съ нею потому, что гдѣ же ей, провинціалкѣ, тягаться съ петербургскими гостями.

Съ новой кузиной мнѣ было и весело, и легко; мы играли, рѣзвились и бѣгали, какъ дѣти, и едва-ли дѣло не доходило до лошадокъ. Чаше всего мы отправлялись въ садъ, гдѣ была упомянутая уже мною громадная оранжерея. Въ оранжереѣ росли персики, абрикосы и сливы. Я никогда не позволялъ себѣ пользоваться ими по той причинѣ, что они принадлежали всѣмъ наслѣдникамъ, а не намъ. Но когда пріѣхала молодая кузина и когда мы бѣгали съ нею по саду, то я нарушалъ свой принципъ и чуть-ли не всякій разъ приносилъ ей фрукты.

Съ пріѣздомъ въ Нармонку Ивана Ивановича, тамошняя жизнь, начинавшая дѣлаться монотонной и тоскливой, внезапно оживилась. Оживило ее не только появленіе двухъ новыхъ молодыхъ лицъ, и притомъ изъ Петербурга, но и то, что всѣмъ не хотѣлось ударить себя лицомъ въ грязь передъ Иваномъ Ивановичемъ, возникающимъ

¹⁾ О дѣтствѣ ея, болѣе или менѣе, можно судить по повѣсти „Семейство Тальниковыхъ“ подписанной—Станицкимъ. (Псевдонимъ Авд. Як. Панаевой, жены Ивана Ивановича).

талантливымъ литераторомъ и человѣкомъ, живущимъ въ свѣтѣ. Поэтому всѣ стали повзыскательнѣе къ своимъ костюмамъ и внимательнѣе къ образу жизни вообще. Всѣмъ чувствовалось присутствіе гостя, отъ котораго не ускользнетъ смѣшная или дурная сторона жизни, и всѣ, какъ говорится, подтянулись, насколько это было возможно ¹⁾).

Иванъ Ивановичъ привезъ съ собою много принадлежавшихъ разнымъ авторамъ рукописныхъ стиховъ, которые не были еще напечатаны. Въ числѣ ихъ у меня остались въ памяти стихи на смерть Пушкина и разныя переводныя стихотворенія Павловой. Стихи эти Ив. Ив. не разъ намъ перечитывалъ. Замѣчу здѣсь, что онъ былъ хорошій чтець и декламаторъ. Разскажамъ его о петербургской жизни, о литераторахъ, о театрѣ и проч. не было конца, и такимъ образомъ прежняя односторонняя жизнь въ Нармонкѣ исчезла въ особенности для меня.

Къ концу раздѣла пріѣхали мой отецъ и дядя Николай Ивановичъ съ племянникомъ, двоюроднымъ моимъ братомъ, Р—скимъ, молодымъ человѣкомъ, только-что кончившимъ курсъ въ университетѣ, но заболѣвшимъ необъяснимою странною болѣзнію.

Здѣсь я прерву, на время, нить моего повѣствованія, чтобы разсказать исторію жизни двоюроднаго моего брата, Александра Федоровича Р—скаго.

А. Ф. Р—скій былъ сынъ сестры моего отца. Семейство ихъ состояло изъ отца, матери, двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій сынъ Александръ, о которомъ идетъ рѣчь, воспитывался въ Казанскомъ университетѣ въ одно время съ моимъ старшимъ братомъ Ліодоромъ. Братъ мой Ліодоръ жилъ у профессора, имѣвшаго приготовительный пансіонъ, въ которомъ я и учился. Однимъ изъ моихъ товарищей по этому пансіону былъ бывшій профессоръ химіи Петербургскаго университета Б у т л е р о в ъ.

¹⁾ Не менѣе того, присутствіе Ив. Ив. на раздѣлѣ не прошло безслѣдно. Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, онъ написалъ повѣсть подъ названіемъ „Раздѣлъ пѣвнѣй“. Въ ней онъ обрисовалъ нѣкоторые видѣнные имъ типы, пощадивъ, однако, остальныхъ, и ввелъ лишь одно вымышленное лицо, существеннаго значенія не имѣющее.

Отецъ мой былъ въ ссорѣ съ семействомъ Р—скихъ, и такъ какъ онъ жилъ въ деревнѣ, а Р—скіе въ Казани, гдѣ имѣли два каменныхъ дома, то мы, дѣти, пока не жили въ Казани, совсѣмъ не знали семейства Р—скихъ.

Но молодой Александръ Р—скій такъ сдружился съ братомъ Ліодоромъ, что намъ дозволено было бывать въ ихъ домѣ. Въ скоромъ времени отецъ мой согласился, чтобы молодой Р—скій пріѣхалъ лѣтомъ погостить у насъ въ деревнѣ; отецъ мой и въ особенности мать моя очень полюбили молодаго человѣка, и между нами, т. е. между двоюродными братьями, установилась дружба. Лѣтомъ Р—скіе жили въ деревнѣ, верстахъ въ 30 отъ насъ, называющейся Емельяновкой, гдѣ и мы имѣли собственность. Все время каникулъ мы почти не разставались. Пріѣдетъ бывало Р—скій погостить къ намъ, а потомъ мы поѣдемъ провожать его и погостить у него, а онъ обратно поѣдетъ провожать и погостить у насъ, и такъ далѣе.

У Р—скаго всегда проводилъ лѣто кто-нибудь изъ товарищей, которые и пріѣзжали вмѣстѣ съ нимъ къ намъ; между прочими, помню Даненберга, о которомъ будетъ упомянуто ниже, Евл. Кир. Огородникова, явившагося впоследствии специалистомъ по якутскому языку, и нынѣ состоящаго членомъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

Переѣзды наши другъ къ другу составляли одно изъ самыхъ пріятныхъ препровожденій времени. По дорогѣ, мы должны были переѣзжать черезъ Каму, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей, напротивъ Шурана, имѣющаго нѣкоторую, хотя и не совсѣмъ вѣрную, историческую извѣстность.

Шуранъ былъ мѣстомъ жительства разбойника-помѣщика, гдѣ по сіе время сохранились руины его замка, стоящаго на высокой, неприступной горѣ между двумя оврагами. Подвалы этого замка служили тюрьмами; еще мнѣ удалось видѣть въ нихъ крюки въ стѣнахъ съ обрывками цѣпей. Хроника гласитъ, что помѣщикъ этотъ, откупаясь отъ мѣстныхъ властей, разбойничалъ долго; но наконецъ былъ арестованъ, судимъ, и будто бы Екатерина II положила резолюцію: «привязать его къ бревну и спустить по Камѣ». Разумеется, бревно должно было вскорѣ перевернуться и разбойникъ погибнуть. Впоследствии, на Волгѣ и Камѣ, вѣроятно въ концѣ прошедшаго

столѣтія, была учреждена флотилія, состоявшая изъ многихъ гардкаутовъ. На каждомъ гардкаутѣ были: офицеръ, военная команда и двѣ пушки. Эта флотилія была учреждена въ предупрежденіе разбоевъ на означенныхъ рѣкахъ; она состояла въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія и уничтожена, кажется, въ пятидесятихъ годахъ.

Кому случалось, въ прежнее время, переправляться чрезъ большія рѣки, на большомъ почтовомъ трактѣ, тотъ долженъ знать, что эти переправы сопровождались часто интересными эпизодами. Въ большей части случаевъ, берегъ передъ переправой представлялъ огромный лагерь: телѣги, кибитки, экипажи, многія сотни людей и лошадей, временные шалаши, импровизованныя изъ чего попало палатки, повсюду костры, зачастую цыганскій таборъ и пр., представляли оригинальную, живую картину. Обозамъ приходилось, по тѣмъ или другимъ причинамъ, а часто и безъ причины, ожидать переправы 3, 4 дня и даже цѣлую недѣлю. То мѣшаетъ вѣтеръ, то дощеники залило водою, то иные изъ нихъ сѣли на мель, то разбѣжались перевозчики, словомъ сказать, кто заупрямится и не захочетъ платить двойной или тройной таксы, живи хоть мѣсяцъ. Дорогой, во время нашихъ путешествій, мы часто останавливались, чтобы погулять въ той или другой рощѣ, посидѣть тамъ, попѣть пѣсни, порвать ягодъ или орѣховъ, а въ одномъ мѣстѣ обязательно пѣли всегда пѣсню: «Среди долины ровныя». Дѣйствительно, мѣстность представляла обширнѣйшую долину, покрытую хлѣбами, окаймленную съ одной стороны вдали лѣсомъ, и среди этой долины, на главной покатости, стоялъ одинъ-единехонекъ, среди волнующагося пространства хлѣбовъ, громадной величины вѣтвистый дубъ. Онъ и посейчасъ цѣль и украшаетъ эту долину.

Прошу у читателей извиненія за эти отступленія, весьма простительныя, когда пишутся воспоминанія.

И такъ, суть въ томъ, что мы были очень дружны съ Ал. Р—скимъ. У него, какъ уже сказано было выше, былъ младшій братъ лѣтъ 12, по имени Владиміръ. Мальчикъ этотъ возбуждалъ во всѣхъ какую-то антипатію какъ своей наружностью, такъ и вообще своими манерами. Причины, отталкивавшія отъ его наружности, заключались не въ чертахъ лица, которыя были очень бла-

гообразны, но въ глазахъ и въ цвѣтѣ лица. Глаза были большіе, на выкатѣ, карезеленоватаго цвѣта и постоянно быстро плавали изъ угла въ уголъ, ни на чемъ ни на секунду не останавливаясь. Память у этого мальчика была необычайная. Онъ читалъ исключительно историческія книги, удерживалъ въ памяти самыя мельчайшія подробности и могъ служить буквально вмѣсто справочной исторической книги.

Я уже сказалъ, что мальчикъ этотъ былъ почти всѣмъ непріятенъ, за исключеніемъ матери и старой, общей всѣмъ дѣтямъ, няни, которая играла въ домѣ великую роль, не по причинѣ оказанныхъ услугъ или какихъ-либо побочныхъ отношеній, но значеніе ея въ домѣ было нѣсколько таинственно.

Ал. Р—скій не жаловалъ тоже своего брата, т. е. не терпѣлъ его присутствія, такъ что, когда тотъ появлялся, то онъ всегда просилъ его уходить и въ крайнемъ случаѣ, просто-напросто, выгонялъ его изъ комнаты.

Въ концѣ 1838 г., мальчикъ Владиміръ заболѣлъ, кажется, скарлатиною, и умеръ. Александръ, бывши до того очень веселаго характера, сталъ грустенъ и задумчивъ. Бывало, когда мы или другіе его товарищи придутъ къ нему, то заставляли его сидящимъ у окна, задумчивымъ дотога, что какъ будто онъ не замѣчалъ прихода посторонняго лица. «Сама, что съ тобою?» — скажутъ ему бывало, тогда онъ очнется, отвѣтитъ: «Ничего, такъ», начнетъ принужденно смѣяться и въ концѣ концовъ разговорится, какъ и прежде. Въ это время я и братъ мой уѣхали изъ Казани и оставили его въ сказанномъ сейчасъ положеніи.

Весною 1839 г., Р—скій долженъ былъ держать выпускной экзаменъ. Учился онъ отлично. Почти всегда переходилъ изъ курса на курсъ первымъ. Товарищи, любившіе его, видя его апатію передъ экзаменомъ, стали расшевеливать его и принуждать заниматься съ ними, и онъ выдержалъ экзаменъ, получивъ степень кандидата и золотую медаль.

По окончаніи курса, онъ отправился въ деревню Емельяновку къ жившему тамъ дядѣ Николаю Ивановичу. Тамъ развилась въ немъ болѣзнь, которая выражалась отсутствіемъ воли. Онъ пересталъ мыться, раздѣваться, слѣдовательно, и мѣнять бѣлье. Кромѣ

того, онъ собиралъ со стола, за обѣдомъ, куски хлѣба, остатки говядины и проч. и клалъ себѣ въ карманы. Пересталъ почти разговаривать, сидѣлъ молча, старался удаляться, и тогда съ нимъ случалось то, что случается съ самыми маленькими дѣтьми.

Въ этомъ-то видѣ привезъ его дядя Николай Ивановичъ въ Нармонку. Такое состояніе Р—скаго было для всѣхъ сюрпризомъ, но всего ужаснѣе было то, что отъ него распространялся такой запахъ, который не было силъ выносить. Первые дни какъ-то церемонились, но наконецъ всѣ возмутились, и тогда перестали приводить его къ обѣду, а затѣмъ и увезли къ теткѣ, верстъ за 30 отъ Нармонки, въ деревню Полянки.

Не приступая еще къ продолженію прерваннаго мною разсказа, я долженъ досказать самую главную часть исторіи Р—скаго.

Р—скій жилъ у тетки въ деревнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, куда пріѣхала и его мать, потерявшая въ это время своего мужа, отца молодого Р—скаго.

Въ деревнѣ къ теткѣ пріѣхалъ гостить и братъ ея, дядя мой и Р—скаго, Петръ Ивановичъ Панаевъ. Тетка, женщина разумная и энергичная, въ совокупности съ Петромъ Ивановичемъ, рѣшилась прекратить поблажку Р—скому, тѣмъ болѣе, что его присутствіе заражало весь воздухъ въ домѣ. Обманомъ, Р—скаго затянули въ баню, гдѣ люди силою раздѣли его и вымыли. Но когда операція эта была кончена, Р—скій отказался одѣваться. Раздѣть силою было можно, а одѣть не было никакой возможности. Объ этомъ дали знать дядѣ Петру Ивановичу. Тотъ отправился въ баню, захвативъ собою, на всякій случай, нагайку. Мать, услышавъ, что братъ ея отправился съ нагайкою, прибѣжала въ баню, закричала на брата, называя его извергомъ, злодѣемъ и объявила, что она не допуститъ никого распоряжаться съ сыномъ. Тотчасъ же, по требованію Р—скаго, приказано было запречь возокъ, чтобы уѣхать немедленно отъ тетки. Р—скаго, обернувъ безъ бѣлья въ шубы, положили въ возокъ, и мать повезла его къ себѣ въ деревню Емельяновку, до которой считалось отъ деревни Полянокъ около 120 верстъ, на каковое путешествіе потребовалось около двухъ сутокъ.

Дорогою, Р—скій изъ возка не выходилъ. По пріѣздѣ въ

Емельяновку, Р—скій выскочилъ изъ возка, какъ мать родила, и вбѣжалъ въ первую попавшуюся ему крестьянскую клѣтъ ¹⁾).

За кого сочтеть меня читатель, если я скажу, что Р—скій простоялъ въ этой клѣтѣ, голый, согнувшись, не прикасаясь руками до полу, 20 лѣтъ, приказавъ выставить оконныя рамы, снять съ петель двери, и завѣсить тѣ и другія овчинными шкурами; а между тѣмъ это фактъ, котораго не уничтожить никакими сомнѣніями и которому есть еще сотни живыхъ очевидцевъ.

По этому случаю невольно приходятъ на умъ слова Гамлета: «Есть много въ мірѣ, другъ Гораціо, чего и не снилось нашимъ мудрецамъ».

Разскажу здѣсь то, что мнѣ достоверно извѣстно, какъ самому очевидцу, такъ и отъ другихъ очевидцевъ.

Весною, въ 1842 году, я былъ произведенъ въ офицеры и поѣхалъ затѣмъ въ отпускъ въ Казань. Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, т. е. около трехъ лѣтъ послѣ того, какъ я видѣлъ Р—скаго въ болѣзненномъ состояніи, въ Нармонкѣ и въ Полянкахъ, я нашелъ его въ Емельяновкѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Онъ стоялъ въ упомянутой клѣтѣ голый, согнувшись такъ, какъ бы четвероногое животное, руки, однако, висѣли и въ полъ не упирались. Волосы изображали кусокъ длиннаго чернаго войлока, висѣвшаго черезъ лобъ, ноги отъ колѣнъ до ступней потеряли уже обыкновенную человѣческую форму и походили на бревна. Глаза были зажмурены, рта онъ не раскрывалъ и говорилъ съ закрытымъ ртомъ, что походило на мычаніе. Около него находились постоянно два дежурныхъ крестьянскихъ мальчика, смѣнявшіеся по нѣскольку разъ въ сутки. Эти мальчишки пріучились понимать слова, которыя Р—скій говорилъ съ закрытымъ ртомъ, и служили переводчиками. Этихъ же мальчиковъ онъ заставлялъ дергать волосы изъ своей бороды, и потому у него вмѣсто бороды были какіе-то клочья. Два отверстія оконъ безъ рамъ и отверстіе двери изъ сѣней въ клѣтъ были завѣшаны овчинами. Когда ему сказали, что я пріѣхалъ и желаю съ нимъ поговорить, то онъ выразилъ удовольствіе, но просилъ, чтобы я въ самую клѣтъ не входилъ и разговаривалъ съ нимъ

¹⁾ Клѣткою называется задняя холодная изба.

въ дверь. Пришедши, я усѣлся на стулѣ около двери, при чемъ овчина была приподнята, и я могъ видѣть его все время нашего разговора.

Сначала, разумѣется, я не подымалъ вопроса объ его положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ немедленно сталъ разспрашивать меня, черезъ своихъ переводчиковъ, о Петербургѣ и преимущественно объ Иванѣ Ивановичѣ Панаевѣ и о Бѣлинскомъ. Надо сказать, что мать и сестра, поочередно, по нѣскольку часовъ въ день, сидѣли у его дверей и читали ему «Отечественныя Записки», одну изъ газетъ и другія книги. Критическія статьи Бѣлинскаго перечитывали ему по нѣскольку разъ. Чтеніе не прекращалось и въ зимнее время. Мать и сестра одѣвались въ шубы, закутывали ноги въ мѣховыя одѣяла и сидѣли также по нѣскольку часовъ въ сѣняхъ у его дверей. Словомъ сказать, Р—скій былъ постоянно въ курсѣ всего, чтѣ дѣлается на свѣтѣ, и обо всемъ разсуждалъ, какъ вполне здоровый умственно и образованный человѣкъ. Все это можетъ казаться невѣроятнымъ, но это неотразимый фактъ.

Я посѣтилъ его не одинъ разъ и наконецъ задалъ ему вопросъ, отчего бы ему не ѣхать въ Петербургъ и не начать иную жизнь? Тогда онъ болѣзненно замычалъ и передалъ черезъ переводчиковъ своихъ, что это не его воля и что онъ своей воли не имѣетъ.

Теперь перейду къ тому, что я знаю отъ другихъ очевидцевъ.

Ѣлъ Р—скій только разъ въ недѣлю. Для ѣды ему приготовляли разные кисели, иногда до 20 сортовъ. Эти кисели накладывали въ плошки, которыя употребляются для иллюминаціи, и разставляли ихъ рядомъ на дворѣ. Когда все было готово, тогда, по его приказанію, на колокольнѣ должны были звонить въ колокола все время, пока онъ ѣлъ. Для ѣды онъ выходилъ, зимой и лѣтомъ, голый на дворъ и лакалъ изъ плошекъ прямо ртомъ, при чемъ немедленно разбивалъ опорожненную имъ плошку, такъ что всякій разъ должны были употреблять новыя плошки.

Часто слышали, что онъ говорилъ или мычалъ: «Володя! Володя! да скоро ли ты отпустишь меня?»

Никто не видалъ, чтобы онъ ложился отдыхать. Но одинъ разъ въ сутки къ нему приходила нянька, о которой я упоминалъ выше,

и тогда всѣ должны были удаляться не только изъ клѣти, но и изъ сѣней. Нянька оставалась у него по нѣскольکو часовъ, и есть предположеніе, что Р—скій въ это время ложился отдыхать. За абсолютною секретностію пребыванія няньки у Р—скаго строго слѣдила сама нянька.

По пропествіи, не помню, 5 или 6 лѣтъ стоянія, нянька предоставила Р—скому женщину. Конечно, женщину этой отпущена была извѣстная сумма. Но странно, что женщина эта привязалась къ Р—скому и умерла у его ногъ, придя сама въ ужасное физическое и нравственное состояніе.

Послѣ 12 или болѣе лѣтъ стоянія Р—скаго, нянька умерла, и вслѣдъ затѣмъ онъ открылъ ротъ и глаза, и сталъ говорить обыкновеннымъ образомъ, но оставался въ клѣти въ томъ же положеніи... Въ это время его свели съ другой женщиной, съ которою онъ прижилъ дѣтей.

Послѣ смерти матери, Р—скій вышелъ изъ клѣти, явился въ домъ, одѣлся, принялъ пріѣхавшія власти и исполнилъ всѣ формальности законнаго наслѣдника. Затѣмъ, онъ опять удалился, но пробылъ уже короткое время въ клѣти. Послѣ того онъ обвинчался съ означенной женщиной, а теперь живетъ въ домѣ, одѣвается и даже иногда выѣзжаетъ къ роднымъ, живущимъ въ той же деревнѣ¹⁾. Ходить онъ не можетъ, его возятъ на креслахъ, лицо его имѣетъ видъ мертвенный, но не лишено извѣстной пріятности: смолоду онъ былъ очень недуренъ собою. Въ означенномъ благообразномъ положеніи я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1883 г. Въ этомъ году я гостилъ у брата въ Казанской губерніи и, пользуясь этимъ случаемъ, поѣхалъ за 30 верстъ спеціально для того, чтобы посмотреть Р—скаго, котораго видѣлъ въ 1842 году въ ужасающемъ положеніи, т. е. за 41 годъ предъ тѣмъ. Дочь моя поинтересовалась тоже видѣть эту загадочную личность и поѣхала со мною. Пріѣхавъ въ его деревню, мы послали предупредить Р—скаго о желаніи нашемъ посѣтить его. Когда мы пришли къ нему, его вывезли изъ сосѣдней комнаты на креслахъ. Со мною онъ встрѣтился, какъ бы

¹⁾ Когда писался мною эти воспоминанія, Р—скій и его жена были еще живы. Но нынѣ они оба умерли: сперва умерла жена, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ самъ.

мы видѣлись съ нимъ вчера, когда онъ былъ студентомъ еще въ здоровомъ состояніи. Онъ вспоминалъ лицъ того времени, зналъ объ участи многихъ своихъ товарищей и тогдашнихъ знакомыхъ, интересовался тѣми, которыхъ я могъ встрѣчать въ промежутокъ 44 лѣтъ времени, т. е. со времени его болѣзни, о которой, однако, не заикнулся ни словомъ; спрашивалъ меня о многочисленныхъ моихъ петербургскихъ родныхъ, которыхъ онъ самъ никогда не видалъ, но о которыхъ почти все зналъ, и даже поздравилъ меня съ тѣмъ, что одинъ изъ нихъ произведенъ въ тайные совѣтники (о чемъ я самъ не зналъ). На вопросъ мой: «откуда ты это знаешь?» онъ отвѣтилъ: «я пристально читаю газеты». Но всего болѣе онъ поразилъ мою дочь. Видимо польщенный ея визитомъ и зная, что она извѣстна своимъ пѣніемъ, онъ явился самымъ любезнымъ кавалеромъ, т. е. счелъ нужнымъ свести разговоръ на музыку, спрашивалъ ея мнѣнія и выражалъ свои взгляды на разные роды музыки, на разные оперы и т. д. Оказалось, что, послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ клѣти и сталъ жить въ домѣ, онъ по зимамъ ѣздилъ въ Казань и посѣщалъ тамъ театры, куда, разумѣется, могли вносить его только въ ложи. Коротко говоря, онъ дивилъ насъ и памятью, и разумомъ, и своею неотсталостью, какъ-будто бы онъ никогда не стоялъ 20 лѣтъ въ клѣти, скорченный, голый, по зимамъ, на морозѣ.

Я упустилъ сказать, что однажды, года черезъ три или четыре послѣ стоянія въ клѣти, уговорили мать употребить силу и свезти сына ея въ Казань, въ университетскую клинику. Къ худу или къ добру Р—скаго, онъ успѣлъ убѣжать оттуда и пришелъ одинъ въ деревню за 60 верстъ отъ Казани и всталъ на стояніе опять въ ту же клѣть.

Входить здѣсь въ изложеніе разныхъ догадокъ относительно причины болѣзни я считаю лишнимъ. Очевидно, однако, одно, что, кромѣ условій физическихъ, главную роль играла какая-то нравственная причина, покрытая тайной, убившая волю въ Р—скомъ. Но этотъ фактъ возбуждаетъ въ высшей степени интересный научный вопросъ въ области фізіологіи или патологіи. Какимъ образомъ голый человѣкъ могъ выносить морозъ? Какимъ образомъ онъ могъ простоять на ногахъ, въ согнутомъ положеніи, 20 лѣтъ? Если и допустить, что, во время посѣщенія Р—скаго няней, онъ и

ложился отдыхать, то ея пребываніе не длилось болѣе двухъ или трехъ часовъ. Стало быть, во всякомъ случаѣ Р—скій стоялъ на ногахъ, въ согнутомъ положеніи, не упираясь руками, не менѣе 20 часовъ въ сутки. Наконецъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ проводить недѣлю безъ ѣды и питья?

Нельзя не пожалѣть, что медицинскій факультетъ Казанскаго университета не обратилъ въ свое время должнаго вниманія на совершавшійся такъ продолжительно подлѣ него въ высшей степени интересный фактъ. Такіе факты не являются быть можетъ и въ 1.000 лѣтъ разъ. Р—скій 20 лѣтъ имѣлъ видъ звѣря, не имѣлъ воли, но разума не терялъ и хотѣлъ знать все, что дѣлается на свѣтѣ.

Валеріанъ Александровичъ Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА.

IV ¹⁾.

Рождественскіе праздники.

Праздники Рождества для насъ, дѣтей, были самыми веселыми, самыми пріятными, оставившими неизгладимыя впечатлѣнія на всю жизнь. Веселье это обуславливалось тѣмъ, что на эти праздники, дней на 5-ть, на 6-ть, пріѣзжала къ намъ одна помѣщица, Анна Александровна Наумова, съ 6-ю музыкантами, съ своими воспитанницами и не менѣе какъ съ 6-ю или 8-ю сѣнными дѣвушками. Эти дѣвушки привозились для танцевъ и для маскированныхъ забавъ.

Прежде нежели опишу, какъ проводились рождественскіе праздники во время пребыванія у насъ А. А. Наумовой, не безынтересно разсказать — что былъ за субъектъ эта особа.

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, А. А. Наумова была пожилой дѣвой, лѣтъ 50-ти. Она была глухая и кривая. Быть можетъ, въ молодости она и была недурна, но въ означенное время судить объ этомъ было трудно.

А. А. Наумова была чрезвычайно добрая, умная, живая и веселая особа, и была богата. Если она, въ означенные годы, являлась необыкновенно живой и восторженной, то какова же она должна была быть, когда была молода? Въ молодости она до страсти любила верховую ѣзду. Однажды, когда она мчалась вихремъ на конѣ, ея лошадь, испугавшись чего-то, бросилась неожиданно въ сторону, и Анна Александровна свалилась и такъ ушиблась, что съ тѣхъ поръ потеряла одинъ глазъ и слухъ. Это ли обстоятельство

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1893., т. LXXIX, августъ.

помѣшало ей выйти замужъ, или она сама желала остаться дѣвицей, этого я не знаю.

Оставшись дѣвицей и будучи богата, она посвятила всю свою жизнь весьма доброму дѣлу. Она брала на воспитаніе бѣдныхъ дѣвочекъ, сиротъ, преимущественно изъ дворянскаго званія; давъ имъ извѣстное образованіе, выдавала замужъ и снабжала приданымъ. Въ концѣ-концовъ, она истратила на это все свое состояніе и умерла въ крайности.

Но главною ея страстью была музыка. Она писала много стиховъ, сотрудничала въ журналѣ — «Благонамѣренный», издававшемся Измайловымъ, въ которомъ принимали тоже участіе мои дяди — Ив. Ив. Панаевъ (отецъ извѣстнаго литератора Ив. Ив. Панаева), Владиміръ Ивановичъ (идиллистъ), мои тетки, сестры моего отца, и, отчасти, мой отецъ.

Впослѣдствіи А. А. Наумова издала чрезвычайно толстую книгу стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Закамская музыка».

Жила она въ селѣ «Зюзинѣ», верстахъ въ восьми отъ села «Емельяновки», гдѣ жила моя бабка, Панаева (племянница Державина) съ дѣтьми, изъ которыхъ нѣкоторыя и поименованы предъ симъ.

Вообще, въ этомъ закамскомъ уголкѣ любовь къ литературѣ была въ большомъ ходу. Мои дяди и мой отецъ, во время ихъ студенчества, издавали рукописный журналъ съ картинками, въ которомъ принималъ участіе и товарищъ ихъ, Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Картинки въ этомъ журналѣ рисовалъ по преимуществу мой отецъ.

Страсть къ стихотворству у А. А. Наумовой была такъ сильна, что когда отецъ пріѣзжалъ въ отпускъ и когда, потомъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ 1819 году въ деревнѣ, она затѣяла съ нимъ переписку въ стихахъ. Чтобы вызвать отца на отвѣты, она стала задирать его шуточными, насмѣшливыми посланіями насчетъ воиновъ 12-го года, насчетъ кавалеристовъ, гусаръ и проч. Отецъ же мой дѣлалъ кампанію 12-го года въ лейбъ-уланахъ и потомъ въ гусарахъ. Надо замѣтить здѣсь, что Анна Александровна въ молодости была не равнодушна къ моему отцу. Отецъ мой поднималъ брошенную ему перчатку и принялся отвѣчать Аннѣ Александровнѣ

тоже шуточными посланіями, очень объемистыми, которыя написаны весьма гладкими стихами и не лишены остроумія для данныхъ обстоятельствъ. Ради характеристики извѣстнаго кружка людей того времени, я полагаю не безынтереснымъ помѣстить стихи моего отца въ моихъ воспоминаніяхъ; при чемъ не надо упускать изъ виду, что они были писаны въ 1817 и 1818 годахъ.

Теперь же, здѣсь, по обширности ихъ, я приведу лишь нѣсколько строкъ изъ одного длиннаго посланія въ защиту коня «Амура», обиженнаго А. А. Наумовой въ стихотворномъ ея посланіи къ моему отцу, и именно того коня, на которомъ онъ дѣлалъ кампанію 12-го года. Послѣ длиннаго описанія достоинствъ, заслугъ, подвиговъ и гибели коня въ бою, слѣдуетъ клятва, которую я и помѣщаю здѣсь.

Глава 4.

Мнѣ окончить не пора ли
 Похвалы „Амуру“ плестъ?
 А то скажешь мнѣ: „наврали“
 И напутали все лестъ.
 Нѣтъ! не думай, мила муза,
 Что неправду говорилъ,
 Пусть поплячусь отъ француза,
 Не таковъ онъ если былъ.
 Пусть прольется съ пуншемъ чаша
 И исчезнетъ вовсе ромъ,
 Пересохнетъ глотка наша,
 Усь не вьется колесомъ.
 Пусть и трубка не дымится,
 Я за чаркой подавлюсь,
 Сабля остра притупится
 И шампанскимъ поперхнусь.
 Пусть и шпоры не вертятся
 И ужъ больше не бренчатъ,
 Пусть совсѣмъ и съ ногъ свалятся,
 Шагомъ ѣздить мнѣ велятъ.
 Пистолетъ пусть осѣчется,
 Я въ туза не попаду,
 Рука дрогнетъ, затрясется
 И съ коня я упаду.
 Пускай убьютъ въ моемъ носѣ
 Или въ ухахъ мнѣ учинять ¹⁾,

¹⁾ Намекъ на то, что Анна Александровна оглохла отъ паденія съ лошади и стала немного гнусить.

Пусть мою пятерку въ штосѣ
 Съ оника угомонять.
 Въ одну талію мой банчикъ
 Пусть сорветъ какой-нибудь
 Неотесанный болгарчикъ,
 Неумѣющій и гнуть.
 Въ бапмакахъ пускай прикажутъ
 Мнѣ мазурку танцевать,
 Въ первой парѣ пусть укажутъ
 Подлѣ франта начинать:
 Экосезъ или грось-фатеръ,
 Попурри иль котильонъ.
 Пусть я буду пьяный патеръ,
 Иль бульварный фанфаронъ.
 Пусть я буду застѣдатель,
 Иль безсовѣстный судья,
 Криводушникъ, взяточбратель,
 Куроцапъ пусть буду я.
 Пусть я буду арендаторъ,
 Разоряющій крестьянъ,
 Плохой буду пусть ораторъ
 Или уличный буянъ.
 Пусть я буду тратить время
 И въ журналы посылать
 Прозы и стиховъ беремя
 Годныхъ печи растоплять.
 Пусть я буду у кокетки
 Самый жалкій селядонъ
 И, сидя у ней, какъ въ клеткѣ,
 Испускать лишь буду стонъ.
 Пусть я буду генераломъ
 Безъ заслугъ и безъ ума,
 Или жиденъкимъ каурадомъ,
 Гнетъ котораго сума.
 Въ часъ рѣшительный пусть струшу,
 Улизну передъ врагомъ,
 Чести пусть уставъ нарушу
 И не встрѣчу ядра лбомъ, —
 Если я коню прибавилъ
 Незаслуженныхъ похвалъ,
 Я бъ его еще прославилъ,
 Уважать весь міръ заставилъ,
 Да признаваться вамъ усталъ,
 Отъ того и пересталъ.

А. А. Наумова была, вообще, восторженная патріотка и свой патріотизмъ распространяла и на обитаемый ею край. У нея въ дѣвичей сидѣло до 30 дѣвушекъ, которыя плели великолѣпныя кружева, производили разнаго рода вышиванія, ткали ковры и вообще

занимались изящными рукодѣліями. Однажды она вздумала воспользоваться крапивою, которая росла въ то время въ Казанской губерніи въ страшномъ изобиліи потому, что тогда поземомъ не дорожили и разбрасывали его куда ни попало. Крапива достигала болѣе 2 арш. высоты, и изъ нея Анна Александровна приказала выдѣлывать волокна, какъ изъ пеньки; затѣмъ пряли, ткали полотна и даже платки, не уступающіе, по тонкости своей, батисту. Эти-то издѣлія, а равно изящныя рукодѣлія своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ Анна Александровна поднесла государю Николаю Павловичу во время пріѣзда его въ Казань, а потомъ и государю-наслѣднику Александру Николаевичу въ 1837 г., во время его путешествія по Россіи.

Въ то время, когда мы, дѣти, знали Анну Александровну, у нея было двѣ молоденькія воспитанницы, сестры, Аня и Маша Есиповы. Онѣ были очень хорошенькія. Кромѣ нихъ, были и другія, взрослыя, которыхъ она не успѣла еще выдать замужъ. Аня и Машу Анна Александровна любила до страсти, и, по слухамъ, онѣ, ни прежде, ни послѣ, никого изъ своихъ воспитанницъ не любила такъ, какъ этихъ дѣвочекъ. Вѣроятно, эта исключительная любовь происходила отъ того, что они были хороши собой и взяты изъ хорошаго семейства.

Казанскіе танцмейстеры обучили этихъ дѣвочекъ русской пляскѣ въ совершенствѣ, и онѣ исполняли этотъ танецъ, со всевозможными варіаціями, необыкновенно граціозно. Слава о танцахъ этихъ дѣвочекъ гремѣла по Казани, и онѣ, въ великолѣпныхъ русскихъ костюмахъ, исполняли русскій танецъ на балу дворянскаго собранія, при государѣ Николаѣ Павловичѣ и государѣ-наслѣдникѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Вотъ, съ этими-то дѣвочками и пріѣзжала къ намъ Анна Александровна на рождественскіе праздники.

Мы, четыре брата, понятно, были влюблены въ этихъ дѣвочекъ пятый братъ былъ еще малъ. Анна Александровна, конечно, подмѣтила это и играла съ нами на эту удочку. Утромъ, къ чаю, дѣвочки выходили въ простенькихъ платьяхъ; послѣ чая ихъ переодевали въ другія, а къ обѣду въ третьи. Послѣ обѣда вновь переодевали ихъ два раза.

Съ прїѣздомъ Анны Александровны все въ домѣ приходило въ необычайное движеніе. Съ утра до ночи она ни объ чемъ другомъ не думала, какъ о томъ, чтобы веселить всѣхъ, и дѣтей, и большихъ. Придумывала всякаго рода игры, сочиняла сюрпризы, сама во всемъ принимала участіе и играла съ нами, какъ молоденькая дѣвочка. Каждый день, еще до обѣда, наряжалась сама, наряжала своихъ воспитанницъ, насъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, и всякому такому появленію придавала смыслъ, по большей части — юмористическій, соотвѣтствующій данной минутѣ. Разнымъ гаданіямъ не было конца.

Обыкновенно, послѣ обѣда, она уходила отдохнуть на отведенную ей половину и погружалась въ пуховики, въ три яруса, лежащія на кровати. Эти баснословной величины пуховики она привозила съ собою. Во время этого отдыха она призывала насъ къ себѣ и, лежа въ пуховикахъ, раздавала намъ разныя сласти, которыя привозила тоже съ собою въ большихъ мѣшкахъ. Ей подавали мѣшокъ за мѣшкомъ, и она, не приподымаясь, запускала въ нихъ свою руку и щедро раздавала намъ содержимое въ нихъ.

Утреннія переряжанья, которыя импровизовались ею преимущественно для смѣха, не исключали костюмировокъ вечеромъ. Мы, конечно, за нѣсколько недѣль приготавливали себѣ разные костюмы. Сочиненіе костюмовъ облегчалось тѣмъ, что у насъ хранилось не мало одѣяній екатерининскихъ временъ, а у отца были цѣлы одежды и амуниціи двухъ полковъ — уланскаго и гусарскаго. Приготавливались тоже, заранѣе, разнаго вида парики изъ льна, которые умѣла соорудать одна изъ нашей прислуги. Однажды, общими силами, мы сами сработали изъ картона полное рыцарское одѣяніе, выкрасили его сажей на клею и отполировали, какъ желѣзо. На щитѣ и на забралѣ шлема было написано бѣлыми буквами: «*memento mori*»; въ этомъ костюмѣ щеголялъ старшій нашъ братъ, и мы, за сооруженіе этого костюма, заслужили отъ Анны Александровны чрезвычайное одобреніе.

Но каждый вечеръ оканчивался непременно танцами подъ оркестръ изъ 6 музыкантовъ, привозимыхъ Анной Александровной. На эти танцы одни оставались въ своихъ костюмахъ, другіе же переодевались. Кромѣ обыкновенныхъ танцевъ, — кадрили, вальса и мазурки, — танцевали экосезъ, грось-фатеръ, покурри, котильонъ и

еще два танца, которыхъ съ тѣхъ поръ мнѣ никогда не случилось видѣть, а именно: манемаскъ и русскій экосезъ. Кромѣ насъ, четырехъ братьевъ, кавалеровъ, бывали всегда два или три постороннихъ мальчика. Но Анна Александровна втягивала въ танцы и большихъ, изъ числа пріѣзжавшихъ къ намъ сосѣдей.

Къ вечеру, Анна Александровна выводила своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, которыя были отлично обучены всѣмъ танцамъ. Всѣ онѣ были одѣваемы одинаково: въ бѣлыхъ коленкоровыхъ или кисейныхъ платьяхъ съ красными кушаками. Передъ началомъ танцевъ, Анна Александровна подходила ко всѣмъ, къ большому и малому, и говорила: «брось гордость, брось дворянскую спѣсь, танцуй съ крестьянкой»; затѣмъ выбирала дѣвушку и подводила ее къ кавалеру. Такимъ образомъ, для танцевъ образовывалось до 12 паръ и болѣе, если пріѣзжали какіе-нибудь ближайшіе сосѣди.

Въ одинъ изъ промежутковъ между танцами, каждый день дѣвочки нашего сердца исчезали и вскорѣ появлялись въ сарафанахъ и восхитительно исполняли русскій танецъ, а иногда появлялись маркизами и танцевали минуэтъ. Этихъ появленій и мы и большіе ожидали всегда съ великимъ нетерпѣніемъ.

Однажды кто-то сообщилъ Аннѣ Александровнѣ, что я умѣю плясать въ присядку и выкидывать колѣнца въ русской пляскѣ. Я никогда не учился русской пляскѣ, а насмотрѣлся въ деревнѣ на пляшущихъ парней и дѣйствительно исполнялъ пляску въ присядку довольно живо. Анна Александровна подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «ступай, пляши русскую съ Машей!» Я сталъ кричать ей во все горло, въ ухо, что не умѣю. Она ничего не хотѣла знать и настойчиво требовала, чтобы я плясалъ; я же упорно отказывался, хотя, въ сущности, хотѣлось поплясать съ Машей. Я боялся осрамиться. Маша была ученая танцовщица, извѣстна этимъ всей Казани и танцевала передъ царемъ, и вдругъ я, не ученый, пушусь плясать съ нею; дѣтское самолюбіе противилось этому.

Но Анна Александровна не унималась, пошла къ отцу и потребовала, чтобы онъ приказалъ мнѣ плясать. Хотя мы всегда исполняли слово отца, но на этотъ разъ я отказался. «Не хочешь плясать» — сказалъ отецъ — «такъ ступай въ дѣтскую и не выходи оттуда». Большаго огорченія, конечно, не могло быть для меня. Я

заплакалъ и сказалъ: «буду плясать». Меня тотчасъ же увели, надѣли на меня красную рубашку, и я, еще сквозь слезы съ отчаянія, пустился кружиться въ присядку около Маши, выступающей павой. Посыпались неумолкаемые аплодисменты, и я ободрился. Я почувствовалъ самъ, что дѣло идетъ хорошо, и не понималъ одного—откуда что взялось, ибо прежде я ничего такого не выдѣлывалъ.

Забавы, костюмировки, игры, танцы, гаданья и проч., конечно, ужасно веселили насъ, но главнымъ центромъ веселья были Анюта и Маша. Когда онѣ уѣзжали, то нѣсколько дней чувствовалась ужасная тоска. Старшій мой братъ, Ліодоръ, не на шутку врѣзался въ Анюту. Она была хорошаго роста, стройная, тоненькая, воздушная. Однажды, послѣ ея отъѣзда, Ліодоръ былъ очень скученъ; мы понимали причину и жалѣли его. Между тѣмъ, разъ утромъ, при вставаньи, мы замѣтили, что онъ возится съ своей рукой, стараясь скрыть что-то отъ насъ. Но мы успѣли поднять рукавъ его рубашки и увидѣли на рукѣ имя «Анюта». Вытравилъ ли онъ эти буквы крѣпкой водкой и купоросомъ или чѣмъ другимъ, мы не знали; но я помню, что края каждой буквы были еще красны отъ воспалительнаго состоянія кожи. Эта надпись оставалась у него на рукѣ болѣе года.

Описанные мною рождественскіе праздники глубоко врѣзались въ память у меня и у всѣхъ моихъ братьевъ. Конечно, во всю остальную жизнь не случилось уже веселиться въ эти дни такъ восторженно, такъ искренно.

Если я остановился нѣсколько долго на описаніи означенныхъ праздниковъ, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы очертить типъ А. А. Наумовой. Всю жизнь она совершала, воспитаніемъ бѣдныхъ сиротъ, добро, не заботясь о своей будущности, и умерла, какъ я уже сказалъ выше, въ крайности. Помянуть эту женщину я счелъ своею обязанностью.

V.

Отъѣздъ нашъ изъ Нармонки и поѣздка моя въ Петербургъ вмѣстѣ съ Ив. Ив. Панаевымъ.—Остановка въ Москвѣ.—Бѣлинскій и С. Т. Аксаковъ.

Возвращусь теперь къ нити прерваннаго мною выше повѣствованія.

Вскорѣ по приѣздѣ отца въ Нармонку, произведенъ былъ раздѣлъ недвижимаго имущества, который совершенъ былъ очень быстро потому, что оставалось нѣсколько дней до истеченія законнаго срока для добровольнаго раздѣла.

Послѣ этого мы, вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Панаевымъ и его женою, отправились въ нашу деревню Городокъ. На обратномъ пути мы заѣхали, дня на два, въ дер. Полянки къ теткѣ, гдѣ и увидѣли опять Р—скаго, пришедшаго еще въ болѣе отвратительное состояніе, чѣмъ онъ былъ въ Нармонкѣ.

Такъ какъ Иванъ Ивановичъ намѣревался ѣхать скоро обратно въ Петербургъ, то рѣшено было, чтобы я ѣхалъ съ нимъ, ибо я долженъ былъ держать весной экзаменъ въ институтъ путей сообщенія, куда я былъ уже, за три года передъ тѣмъ, записанъ кандидатомъ. О томъ, почему я былъ записанъ туда, я буду говорить ниже въ своемъ мѣстѣ. Въ Полянкахъ было рѣшено тоже, что вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ поѣдетъ и сынъ тетки, только-что поступившій въ морской кадетскій корпусъ, двоюродный мой братъ, Иванъ Ѳедоровичъ Лихачевъ, находившійся на лѣто въ отпуску, бывшій впослѣдствіи командиромъ броненоснаго флота и затѣмъ агентомъ морскаго вѣдомства въ Лондонѣ и Парижѣ.

Не помню, сколько именно времени мы пробыли въ Городкѣ до отъѣзда въ Петербургъ, но время это оставило во мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Во-первыхъ, послѣ напряженной, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, жизни въ Нармонкѣ, среди постороннихъ людей, дома стало легко и, во-вторыхъ, намъ было очень весело съ нашими молодыми гостями.

Ежедневно, за вечернимъ чаемъ, завязывался между отцомъ и Иваномъ Ивановичемъ оживленный споръ о достоинствахъ прежнихъ и новыхъ литераторовъ. Въ это время имя Гоголя уже на-

чинало гремѣть, хотя «Мертвыя души» еще не появились. Лермонтовъ тоже возникалъ, а между тѣмъ, въ провинціи еще не всѣ примирились съ Пушкинымъ и продолжали восторгаться повѣстями Марлинскаго, хотя мой отецъ и не былъ изъ числа послѣднихъ. Въ то время Иванъ Ивановичъ признавалъ еще за Кукольниковъ большіе таланты; отецъ же мой ужасно возставалъ противъ него. Но, съ другой стороны, онъ, цѣня высокій талантъ Пушкина, не ставилъ его на ряду съ Державинымъ и не признавалъ высокихъ достоинствъ за «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина. Это-то разномысліе относительно «Бориса Годунова» и было поводомъ самыхъ жаркихъ споровъ.

Вслѣдствіе этого, чтеніе этого произведенія, послѣ вечерняго чая, продолжалось если не цѣлую недѣлю, то по крайней мѣрѣ 4 или 5 дней.

Наконецъ пришло время, и надо было отправляться въ Петербургъ.

По предварительной перепискѣ съ однимъ профессоромъ математики въ институтъ путей сообщенія, полковникомъ Ал. Вик. Полонскимъ, о которомъ я сочту своимъ долгомъ поговорить въ своемъ мѣстѣ, я долженъ былъ поступить сначала къ нему. Отецъ далъ мнѣ письмо къ дядѣ Владиміру Ивановичу, бывшему тогда директоромъ канцеляріи министерства двора, который и долженъ былъ водворить меня у означеннаго профессора. Всѣ деньги за приготовленіе меня 1.400 руб. ассигнаціями вручены были мнѣ въ особой сумочкѣ, которую зашили и надѣли мнѣ на шею подъ одежду. Эти деньги я долженъ былъ передать дядѣ вмѣстѣ съ письмомъ. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно обусловило, безъ моей воли, весьма горькія для меня послѣдствія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Кромѣ того, я долженъ упомянуть здѣсь и о томъ, что я, по приѣздѣ въ Петербургъ, долженъ былъ остановиться, до поступленія къ профессору, у другаго дяди, Ивана Матвѣевича Лалаева, брата моей матери.

Изъ Казани мы поѣхали въ двухъ экипажахъ, въ одномъ Иванъ Ивановичъ съ женою, а въ другомъ я съ Лихачевымъ. Погода, во все время переѣзда до Москвы, была отличная, и вообще дорогою намъ было очень весело. У меня остался въ памяти одинъ комич-

ный эпизодъ съ поваромъ, который, исполняя дорогою должность нашей прислуги, ѣхалъ съ нами въ Петербургъ къ дядѣ Владиміру Ивановичу.

Экипажъ, въ которомъ мы ѣхали съ Лихачевымъ, былъ очень маленькая коляска, имѣвшая такіе узкіе козлы, что нашъ лакей, выпивши, частенько рисковалъ упасть съ козелъ подъ колеса. Какъ мы ни усовѣщивали его, все было тщетно, и онъ былъ постоянно пьянъ. Чтобы предупредить катастрофу, оказалось возможнымъ посадить его на передокъ коляски, причемъ ноги должны были быть спущены между этимъ передкомъ и козлами, которые, въ прежнихъ экипажахъ, ставились отдѣльно отъ кузова. Съ этого мѣста онъ не могъ свалиться внезапно, и потому прекратилъ всякую предосторожность, спалъ въ пьяномъ видѣ непробуднымъ сномъ и потерялъ фуражку. На первой затѣмъ станціи мы не нашли купить фуражки, а могли достать лишь зимнюю, высокую, набитую перьями мужицкую шапку, имѣвшую видъ большаго опрокинутаго кувшина. Дѣлать было нечего, мы купили ему эту шапку. Будучи маленькаго роста и надѣвши на себя этотъ киверъ, нашъ лакей былъ дотого смѣшонъ, что мы помирали со смѣху всю слѣдующую станцію, упирая постоянно на то, что онъ вкушаетъ плоды своего пьянства. По видимому, онъ самъ почувствовалъ комичность своей фигуры и не зналъ, что ему дѣлать; когда мы пріѣхали на станцію, онъ сталъ просить насъ купить ему фуражку, но мы задумали помучить его и проѣхали такимъ образомъ нѣсколько станцій. Лакей нашъ, всякій разъ, передъ пріѣздомъ на станцію, приходилъ въ совершенное отчаяніе. Дѣйствительно, трудно было представить себѣ комичность его фигуры; маленькій, сидящій сзади козелъ на передкѣ коляски, съ ужаснѣйшей величины киверомъ на головѣ, который былъ къ тому же такъ тяжелъ и великъ, что шаталъ его голову, поглощенный заботою, чтобы не возбудить собою смѣха на станціяхъ, нашъ личарда протрезвился и, наконецъ, во время нашихъ остротъ надъ тѣмъ, какъ на него взираютъ на станціяхъ, онъ схватилъ съ себя свой киверъ и растерзалъ на части, такъ что перья полетѣли по воздуху. Мы наконецъ сжалились и купили ему подходящую фуражку. Съ этого момента онъ до Москвы не напивался болѣе. Впоследствии я много разъ видѣлъ этого человѣка, и онъ не могъ, даже

года черезъ два или три послѣ разсказаннаго эпизода, слышать о немъ равнодушно и приходилъ въ сильное раздраженіе, когда бывало спросишь его: «а что, Григорій, помнишь ли наше путешествіе?»

Я разсказалъ объ этомъ пустомъ эпизодѣ въ виду того, что онъ служить подтвержденіемъ той истины, что возбужденіе страха быть смѣшнымъ есть сильнѣйшее орудіе, которымъ можно дѣйствовать съ успѣхомъ даже на простолюдиновъ безъ всякаго образованія.

Въ Москвѣ мы остановились на Тверской площади въ гостиницѣ «Дрезденъ», которая и по сейчасъ существуетъ. Иванъ Ивановичъ предполагалъ пробыть въ Москвѣ не долго, но вышло иначе.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Ивановичъ, принявшій живое участіе въ начавшемъ издаваться въ этомъ году журналѣ: «Отечественныя Записки», сталъ убѣждать Краевскаго пригласить въ сотрудники Бѣлинскаго, съ которымъ Иванъ Ивановичъ былъ уже въ перепискѣ. По пріѣздѣ своемъ въ Москву, еще до поѣздки въ Казань, онъ успѣлъ уже устроить соглашеніе Краевского съ Бѣлинскимъ, и, передъ отъѣздомъ въ Казань, условился съ послѣднимъ ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ, по возвращеніи изъ Казани. Бѣлинскому почему-то нельзя было немедленно выѣхать изъ Москвы; но главною причиною замедленія выѣзда Ивана Ивановича изъ Москвы было то, что ему было тамъ очень весело. Его и его молодую жену баловали и носили въ то время въ Москвѣ, можно сказать, на рукахъ. Еще ѣхавши въ Казань, Иванъ Ивановичъ сошелся съ семействомъ Аксаковыхъ, чему способствовало то обстоятельство, что Сергій Тимоеевичъ былъ товарищъ по Казанскому университету отцу Ивана Ивановича и другъ въ юности моего отца.

Сближеніе съ Аксаковыми и съ Бѣлинскимъ сблизило Ивана Ивановича со всею тогдашнею московскою интеллигенціею, что не могло, конечно, не интересоваться живо Ивана Ивановича. Черезъ Аксаковыхъ Иванъ Ивановичъ познакомился съ Щепкинымъ и съ Загоскинымъ, извѣстнымъ романистомъ и въ то время директоромъ московскихъ театровъ. Тотчасъ по пріѣздѣ Ивана Ивановича въ Москву, Загоскинъ приказалъ поставить «Отелло», чтобы показать въ этой роли игру Мочалова, такъ какъ во время представленія этой трагедіи, даннаго до отъѣзда Ивана Ивановича въ

Казань, Мочаловъ былъ не въ ударѣ. На этомъ второмъ представленіи присутствовалъ и я. О впечатлѣніи, произведенномъ на меня игрою Мочалова, я выскажусь тогда, когда буду говорить о Каратыгинѣ. Помню, однако, что всѣ говорили, что на этотъ разъ Мочаловъ не выказалъ вполне своего таланта.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ, раза два Иванъ Ивановичъ возилъ меня обѣдать къ Аксаковымъ. Сергій Тимоѣевичъ очень меня обласкалъ, много вспоминалъ о моемъ отцѣ и разспрашивалъ о немъ. Изъ дѣтей Сергѣя Тимоѣевича у меня остался въ памяти только Константинъ Сергѣевичъ, другія дѣти въ то время, должно быть, были въ отсутствіи. Въ числѣ постороннихъ лицъ, обѣдавшихъ у Аксакова, были тогда—Бѣлинскій, Щепкинъ и Загоскинъ. Впрочемъ, Бѣлинскаго я уже не считалъ постороннимъ человѣкомъ, потому что онъ каждый день бывалъ у Ивана Ивановича.

Надо сказать, что Иванъ Ивановичъ имѣлъ несомнѣнную способность обрисовывать людей и знакомить съ ними заочно. Еще въ Казани, до пріѣзда въ Москву, Иванъ Ивановичъ столько говорилъ о Бѣлинскомъ, что я приготовленъ былъ видѣть въ этомъ человѣкѣ нѣчто необыкновенное. Первое наружное впечатлѣніе, при встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ, было не совсѣмъ въ его пользу. Бѣлинскій былъ скорѣе дурень, чѣмъ хорошъ собою; но въ самое короткое время не только не замѣчалась его некрасота, но добрые привѣтливые его глаза дѣлали лицо его привлекательнымъ.

Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что Иванъ Ивановичъ заживетъ въ Москвѣ довольно долго, а между тѣмъ мнѣ и Лихачеву надо было ѣхать въ Петербургъ. Тогда рѣшено было, что мы поѣдемъ въ дилижансѣ одни. Въ это время Иванъ Ивановичъ получилъ отъ своей матери письмо, въ которомъ она выражала желаніе примириться съ сыномъ и приглашала его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, возвратиться къ ней въ домъ съ молодою женою и, зная по письмамъ изъ Казани, что я ѣду съ нимъ, упоминала о томъ, чтобы и я непременно остановился у ней.

Само собою разумѣется, что Иванъ Ивановичъ былъ очень радъ примиренію и по этому случаю настоятельно просилъ меня не останавливаться въ Петербургѣ у другихъ родныхъ, а ѣхать прямо къ

его матери. Съ своей стороны, я былъ тоже радъ этому предложению, потому что, во-первыхъ, мы, въ бытность нашу въ 1836 году въ Петербургѣ, жили уже у матери Ивана Ивановича; во-вторыхъ, братъ мой Ипполитъ жилъ у ней передъ этимъ два года, и въ третьихъ, она любила жить весело, а слѣдовательно и мнѣ могло быть у нея веселѣе, чѣмъ у другихъ родныхъ.

Кромѣ того, мнѣ представлялось неловкимъ отказать Ивану Ивановичу въ его настоятельной просьбѣ, такъ какъ мнѣ показалось, что онъ желалъ, чтобы я успѣлъ расположить его мать къ молодой его женѣ, которую мы всѣ очень полюбили.

Такимъ образомъ, я рѣшился отступить отъ назначенія, даннаго мнѣ изъ дому — остановиться у дяди Ивана Матвѣевича Лалаева, и далъ слово Ивану Ивановичу, что поѣду прямо къ его матери.

Переѣздъ мой съ Лихачевымъ въ дилижансѣ отъ Москвы до Петербурга сопровождался нѣсколькими комическими эпизодами, обусловившимися, конечно, нашей молодостью и неопытностью, но о нихъ упоминать не стоитъ.

Между прочимъ, помню, что въ дилижансѣ, въ переднемъ открытомъ его помѣщеніи, ѣхалъ молодой армянскій дьячекъ. Этотъ господинъ былъ крайне веселаго нрава и очень забавлялъ насъ на станціяхъ. Одну ночь сдѣлалось такъ холодно, что онъ попросилъ взять его въ карету. Хотя наше отдѣленіе было двухмѣстное, но мы рѣшились пріютить этого господина, предложивъ ему сѣсть въ ноги. Въ благодарность за это, онъ пустилъ въ ходъ всю силу своего остроумія и потѣшалъ насъ всю ночь какъ разказами, такъ и пѣснями, повторяя то же самое и въ слѣдующія ночи. Тогда еще насъ поразила сила голоса этого господина, а впоследствии оказалось, что онъ, по имени Сукіасовъ, обладалъ необычайной силы теноромъ, отчего и сдѣлался извѣстенъ Рубини и потомъ выдавалъ себя за пріятеля Тамберлика. Увлечшись отзывами о своемъ голосѣ, онъ оставилъ духовное званіе и одно время приглашался въ разные дома въ Петербургѣ для пѣнія, гдѣ я и встрѣчалъ его. Дѣйствительно, онъ бралъ грудью самыя высокія ноты съ такою силою, что, какъ говорится, окна дрожали, и пѣлъ очень вѣрно, причемъ старался подражать Тамберлику; но гнусливый тембръ его

голоса уничтожалъ всякое удовольствіе, которое можно бы было испытывать отъ его пѣнія. Затѣмъ, онъ завѣдывалъ какимъ-то хормъ-пѣвчихъ, кажется, на яхтѣ Юсупова, путешествовалъ на этой яхтѣ по бѣлу-свѣту, а въ концѣ-концовъ вернулся въ перво-бытное состояніе, т. е. состоитъ опять дьячкомъ при армянской церкви.

Помню, что мы пріѣхали въ Петербургъ часовъ въ 12 ночи, и я отправился прямо къ Марьѣ Екимовнѣ, матери Ивана Ивановича, которая была уже предупреждена письмомъ, что я остановлюсь у ней. Она жила тогда на Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ, занимая отдѣльный домъ Дичерта.

Нечего говорить о томъ, что я былъ принять чрезвычайно радушно какъ Марьей Екимовной, такъ и дѣвицею, у нея проживавшею. Эта-то дѣвица и послужила Ивану Ивановичу мотивомъ къ изображенію въ своихъ повѣстяхъ типа, пущеннаго имъ въ ходъ подъ кличкою — приживалка, каковая кличка и получила право гражданства, подобно другимъ кличкамъ, пущеннымъ имъ же своими повѣстями въ ходъ, какъ, напримѣръ, хлыщъ и др.

На другой день утромъ пришелъ въ отпускъ мой братъ, Ипполитъ, который былъ уже въ институтѣ путей сообщенія.

VI.

Пріѣздъ мой въ Петербургъ. — Сожительство съ Бѣлинскимъ. — Бѣлинскій выручаетъ меня изъ бѣды.

Мы не видались съ братомъ слишкомъ три года, и радость встрѣчи была великая, тѣмъ болѣе, что мы были съ нимъ ближе всего по возрасту. Вообще говоря, любовь между всѣми нами, братьями, была всегда очень сильна и остается и по сей часъ.

Когда пришелъ братъ, я не былъ еще одѣтъ и за тѣмъ, начавъ одѣваться, затруднился, куда дѣвать находившуюся на мнѣ сумочку съ деньгами. Еслибы оставить ее на себѣ, хотя бы и подъ бѣльемъ, то на груди являлось нѣчто въ родѣ горба. Братъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ я въ этотъ день не пойду еще къ дядѣ

Владимиру Ивановичу, которому надлежало передать деньги, то всего лучше отдать спрятать сумочку теткѣ. Я, конечно, послушалъ его, но, когда отдавалъ сумочку теткѣ до завтрашняго дня, у меня ёкнуло что-то въ сердцѣ. Мнѣ казалось, что я поступаю неправильно, что я отступилъ уже отъ одного распоряженія, сдѣланнаго моими родителями, т. е. остановился не тамъ, гдѣ было сказано, и затѣмъ передаю деньги не непосредственно дядѣ, а другому лицу, хотя бы и для того только, чтобы спрятать ихъ. И дѣйствительно неопредѣленное мое сомнѣніе не замедлило оправдаться.

На другой день тетка сказала мнѣ, что ей очень нужно сейчасъ же рублей 300 или 400, чтобы я позволилъ ей взять изъ тѣхъ денегъ, которыя я далъ ей на храненіе, что завтра она пополнить ихъ, и что нѣтъ никакой особенной надобности идти мнѣ къ дядѣ Владимиру Ивановичу сегодня.

Хотя я тотчасъ же почувствовалъ, что дѣло мое плохо, но не было никакой возможности быть настолько неделикатнымъ и грубымъ съ моей стороны, т. е. со стороны молоденькаго мальчика, который пользуется гостепріимствомъ тетки. Я, конечно, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе. Тотчасъ же, тетушка, вмѣстѣ со своею приживалкою, поѣхали со двора и, вернувшись къ обѣду, привезли цѣлую груду покупокъ, относящихся преимущественно до туалета, такъ что я, какъ ни мало былъ знакомъ съ цѣнами привезенныхъ ими предметовъ, но сообразилъ, что тутъ находится ихъ не на 300 и 400 р. ассиг., а на всѣ привезенныя мною деньги.

На слѣдующій день тетка извинилась, что управляющій ея имѣніемъ, находившимся подъ Петербургомъ, по Невѣ, не привезъ еще ее денегъ и чтобы я подождалъ идти къ дядѣ Владимиру Ивановичу. Такъ прошло нѣсколько дней, и я ни къ кому изъ другихъ родныхъ не шелъ. Наконецъ, я рѣшился идти сперва къ Ив. М. Лалаеву, т. е., къ тому дядѣ, у котораго я долженъ былъ остановиться, чтобы подѣлиться съ нимъ моимъ горемъ.

Хотя этотъ дядя очень любилъ меня, но весьма натурально, что онъ крѣпко пожурилъ меня за то, что я не пріѣхалъ къ нему, какъ то было назначено и ему о томъ писано.

Прошла цѣлая томительная недѣля; денегъ я не получилъ и къ Влад. Ив. идти не могъ. Въ воскресенье пришелъ братъ, и мы

вмѣстѣ рѣшились напомнить теткѣ. Она стала, конечно, извиняться, жаловаться на своего управляющаго и обѣщала достать непремѣнно деньги на-дняхъ. Но ожиданія мои были тщетны, и я отправился съ повинною головою къ Владиміру Ивановичу, который не могъ не знать, чрезъ Лихачева, что я уже пріѣхалъ въ Петербургъ. Само собою разумѣется, что я получилъ строгій выговоръ за то, что не пере аль прямо денегъ ему, а потому, — сказалъ дядя—«пеняй самъ на себя».

Положеніе мое было по истинѣ мучительно. Во-первыхъ, дядя могъ думать, что я самъ издержалъ деньги и, во-вторыхъ, для меня дорогъ былъ каждый день.

Мнѣ оставалось для приготовленія въ институтъ всего 6 мѣсяцевъ, а между тѣмъ я долженъ былъ держать экзаменъ въ такомъ объемѣ, какой требовался для поступленія въ университетъ, ибо я хотѣлъ поступить въ тотъ классъ, въ который долженъ былъ перейти къ веснѣ братъ мой Ипполитъ. Я далъ въ этомъ отцу слово и долженъ былъ сдержать его, тѣмъ болѣе, что мы воспитывались на свой счетъ.

Просить дядей вывести меня скорѣе изъ затруднительнаго положенія я не имѣлъ духа, такъ какъ считалъ себя передъ ними виноватымъ; писать домой въ деревню было не мыслимо, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ, по тогдашнимъ сообщеніямъ, могъ придти не ранѣе 6 недѣль; а между тѣмъ я ждалъ возвращенія мнѣ денегъ со дня на день. Оставалась надежда на Ивана Ивановича, который долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Москвы. Наконецъ, онъ прибылъ, но у него не оказалось достаточно денегъ для того, чтобы возвратить мнѣ деньги, взятые его матерью. Такимъ образомъ мнѣ пришлось ждать около трехъ мѣсяцевъ, и это время я прожилъ у Ивана Ивановича въ одной комнатѣ съ Бѣлинскимъ.

Разскажу теперь то, что касается до Бѣлинскаго, въ данное время.

Когда Иванъ Ивановичъ Панаевъ пригласилъ еще въ Москвѣ Бѣлинскаго остановиться у него въ домѣ, онъ рассчитывалъ, что можетъ дать Бѣлинскому не менѣе двухъ комнатъ внизу. Между тѣмъ, въ его отсутствіе, мать распорядилась нижними комнатами занимаемаго ею дома, помѣстивъ тамъ въ двухъ комнатахъ одну

изъ своихъ любимыхъ приживалокъ (другая помѣщалась вверху), и отвела еще двѣ комнаты для домашняго доктора, пріѣзжавшаго два раза въ недѣлю изъ Павловска въ Петербургъ. Затѣмъ, оставалась одна свободная комната, въ которую помѣстили меня. Иванъ Ивановичъ Панаевъ ужасно разсердился, и въ первый же часъ пріѣзда вышла домашняя сцена; но дѣлать было нечего—Бѣлинскаго помѣстили въ той комнатѣ, въ которой помѣщался и я.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, Бѣлинскій принялся за работу, и комната его наполнилась журналами, книгами, лежавшими и на стульяхъ, и на столахъ, и на диванѣ, и на полу. Днемъ я старался не ходить часто въ эту комнату, чтобы не мѣшать Бѣлинскому; но когда приходило время спать, а равно и утромъ, онъ много со мною разговаривалъ и очень полюбилъ меня. Въ это время онъ подарилъ мнѣ свою грамматику, сдѣлавъ на ней надпись ¹⁾).

Хотя Бѣлинскій занимался и днемъ, но видимо работы его подвигались главнымъ образомъ по ночамъ. Днемъ Бѣлинскій часто засиживался на верху у Ивана Ивановича Панаева, котораго очень многіе посѣщали, и кромѣ того Бѣлинскій въ это-то время любилъ поболтать съ молодою женою Ивана Ивановича и поддразнивать ее, какъ ребенка, потѣшаясь проявленіями ея наивности.

Въ этотъ періодъ времени Иванъ Ивановичъ велъ болѣе домашнюю жизнь. По вечерамъ приходили къ нему близкіе знакомые, и Бѣлинскій, большею частью, присутствовалъ тутъ и сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе, не только потому, что на него смотрѣли въ этомъ кружкѣ съ особеннымъ уваженіемъ, но по манерѣ своей говорить. Бѣлинскій всегда говорилъ съ искреннимъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, безъ уклоненій и увертокъ; срединныхъ мнѣній онъ не терпѣлъ, рубилъ съ плеча, и чѣмъ дальше подвигался съ изложеніемъ своего мнѣнія, тѣмъ болѣе разгорячался; видимо. онъ

¹⁾ Эта книга хранилась у меня до 1878 г.; но одинъ изъ бывшихъ петербургскихъ редакторовъ, г. П—чъ, выпросилъ ее у меня на нѣсколько дней, чтобы просмотрѣть эту библиографическую рѣдкость. Вскорѣ послѣ этого сей господинъ очутился за границей. Я обращался къ нему письмами за границу, умоляя возвратить мнѣ дорогое для меня воспоминаніе и обѣщая простить ему денежный его мнѣ долгъ въ нѣсколько сотъ рублей, но письма мои остались безъ отвѣта. По неволѣ приходится подозрѣвать, что моя книга продана бывшимъ редакторомъ какому-нибудь библіофилу.

принималъ все къ сердцу; говорилъ не для того, чтобы поговорить или блеснуть своимъ мнѣніемъ, нѣтъ, онъ говорилъ потому, что завязался разговоръ, потому что что-нибудь задѣло его за живое. Предметомъ его рѣчи преимущественно были или безпощадная казнь, или восторженное искреннее восхваленіе какого-либо литературнаго произведенія, общественнаго факта, литератора, или общественнаго дѣателя.

Было чего послушаться мнѣ, юношѣ въ 15 лѣтъ, пріѣхавшему изъ провинціи. Это время имѣло огромное вліяніе на всю мою жизнь. Но я по совѣсти скажу, что, будучи развитъ далеко не по лѣтамъ, вслѣдствіе условій жизни, изложенныхъ въ воспоминаніяхъ моего дѣтства, я никогда, и даже въ описываемое мною время, не относился ни къ чьимъ мнѣніямъ равнодушно, и какъ ни ограниченъ былъ въ то время мой личный критеріумъ, я однако пропускалъ чужія мнѣнія чрезъ собственную критику.

Изъ числа литераторовъ, я помню, что видѣлъ разъ Полеваго, Сахарова, Воейкова и много разъ Кольцова, стихами котораго я наслаждался тогда больше, нежели какими-либо другими, и личность самого Кольцова производила тоже чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Бывалъ также у Ивана Ивановича довольно часто Даль, человѣкъ очень умный, весьма натуральный, на ходули не становившійся и пріятный, живой собесѣдникъ, обладавшій не малой дозой желчи. Помню также, посѣщавшаго тоже Ивана Ивановича, Владиславлева, жандармскаго штабъ-офицера, занимавшагося литературой и издававшаго ежегодно изящные альбомы съ прекрасными картинками и портретами.

Я имѣлъ, конечно, столько такта, чтобы не вмѣшиваться въ разговоры людей взрослыхъ, пользующихся или начинавшихъ пользоваться извѣстностью, но постоянно присутствовалъ на этихъ вечерахъ и съ великимъ удовольствіемъ слушалъ толки и споры. Эти толки и споры подымали во мнѣ мысли, побуждали меня обдумывать многое самому и, въ особенности, читать. Никогда, кажется, я не читалъ такъ много, какъ въ это время, тѣмъ болѣе, что не было никакого другаго дѣла.

Когда, по вечерамъ, никого не было, тогда Иванъ Ивановичъ

читалъ громко молодой своей женѣ преимущественно романы Вальтеръ-Скотта и Купера, и я, конечно, упивался ими.

Всего болѣе врѣзались въ мою память ночи. Бѣлинскій, какъ я уже упомянулъ, работалъ много по ночамъ, часовъ до 4, а иногда и долѣе. Я бывало долго лежалъ и смотрѣлъ на Бѣлинскаго во время его писанія. Меня интересовало наблюдать за нимъ потому, что занятіе его казалось для меня, нѣкоторымъ образомъ, какимъ-то священнодѣйствіемъ. Видимо было, что онъ жилъ въ эти минуты, то радовался, то страдалъ. Его писаніе было плодомъ искренно прочувствованнымъ; оттого-то оно и оставило по себѣ глубокіе неизгладимые слѣды. Часто случалось, что онъ съ видимымъ негодованіемъ и съ какою-то душевною болью отбрасывалъ отъ себя ту или другую книгу. Вѣроятно это было тогда, когда ему приходилось писать библіографію. Занятія его прерывались, время отъ времени, куреніемъ. Тогда онъ накладывалъ себѣ трубку и курилъ ходя, видимо обдумывая что-то.

Такъ какъ въ это время ему приходилось подходить близко къ дивану, на которомъ я спалъ, то я, конечно, закрывалъ глаза и притворялся спящимъ.

Въ теченіе ночи, мнѣ приходилось просыпаться не одинъ разъ и все видѣть Бѣлинскаго работающимъ, который часто кашлялъ такимъ особымъ звукомъ, который указывалъ на забирающуюся уже въ его грудь змѣю.

Тогда еще у меня сжималось сердце отъ мысли, какимъ тяжелымъ трудомъ добываетъ себѣ этотъ человѣкъ, котораго я уже сильно полюбилъ, кусокъ хлѣба. Тогда еще, несмотря на мою юность и неопытный взглядъ на жизнь, мнѣ казалось ничтожнымъ назначенное ему издателемъ «Отечественныхъ Записокъ» вознагражденіе. Я говорю объ этомъ здѣсь, потому что именно, во время сказаннаго мною бодрствованія въ постели, эти мысли приходили мнѣ въ голову всякій разъ, какъ Бѣлинскій закашляется.

Какъ ни интересно было мнѣ тогда наблюдать за Бѣлинскимъ и удовлетворяться этимъ наблюденіемъ, но конечно это побужденіе неминуемо должно бы было скоро притупиться и не поддерживать долѣе моей безсонницы; но въ этомъ играло еще роль мое личное положеніе. Незбѣжно мнѣ приходили въ голову тревожныя мысли о томъ—

когда же разрѣшится мой вопросъ, когда же поступлю я къ профессору, когда же я начну готовиться въ институтъ; что родители мои ничего не знаютъ о моемъ положеніи, они думаютъ, что я давно принялся за приготовленіе, и я не могу оправдывать себя ни передъ собой, ни передъ другими за свою оплошность. Всѣ эти мысли волновали меня въ такой мѣрѣ, что я чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утрачивалъ сонъ. Да, ночи эти мнѣ памяты, онѣ стоятъ передъ мною, какъ будто бы это дѣло было вчера.

Изъ этого-то ужаснаго положенія вывелъ меня Бѣлинскій и спасъ меня.

Проживъ въ домѣ три мѣсяца, Бѣлинскій, конечно, понялъ домашнія отношенія и узналъ благородный, честный, но слабый характеръ Ивана Ивановича. Нѣсколько разъ Бѣлинскій спрашивалъ меня, отчего я не учусь и не поступаю въ заведеніе? Я уклонялся отъ отвѣта, такъ какъ дѣло касалось неблаговиднаго поступка моей тетки, считавшейся хозяйкой дома, въ которомъ мы оба жили. Но наконецъ онъ настоятельно пожелалъ знать причину, и я рассказалъ ему все откровенно.

— Почему же вы не обратились къ Ивану Ивановичу? сказалъ онъ.

— Я уже не разъ говорилъ ему и не разъ онъ говорилъ матери, и по этому случаю были уже домашнія сцены; но я все-таки денегъ не получаю, отвѣтилъ я.

— Такъ Иванъ Ивановичъ знаетъ все?

— Да, знаетъ.

Бѣлинскій вспыхнулъ и сказалъ: «пойдемте со мною на верхъ».

Когда Бѣлинскій бывалъ чѣмъ-нибудь взволнованъ, то ходилъ изъ угла въ уголъ.

Придя къ Ивану Ивановичу вмѣстѣ со мною, онъ сталъ быстро ходить по комнатѣ въ продолженіе минуты или болѣе. Затѣмъ остановился и, обратясь къ Ивану Ивановичу, сказалъ рѣзко, указывая на меня:

— Что вы дѣлаете съ нимъ?

Иванъ Ивановичъ догадался, конечно, въ чемъ дѣло, и, сконфузившись, отвѣтилъ:

— Я уже нѣсколько разъ говорилъ матери, она общала от-

дать деньги скоро, но говорить, что не могла до сихъ поръ справиться. Еслибы у меня были деньги, я, конечно, сейчасъ далъ бы ихъ.

— Ваша мать не только обобрала его, но она крадетъ его будущность. Какъ вамъ не стыдно, что ваша слабость доходитъ до такихъ предѣловъ. Вы обязаны сейчасъ же достать деньги, займите гдѣ хотите, за какіе бы то ни было проценты, но отдайте ему скорѣе неотложно.

Бѣлинскій говорилъ такъ авторитетно и такъ горячо, что слова эти сильно подѣйствовали на Ивана Ивановича, и онъ тутъ же написалъ записку съ приказомъ управляющему его дачей, близъ стекляннаго завода, немедленно явиться къ нему.

Управляющій дачей былъ прежде крѣпостнымъ, но въ это время былъ уже отпущенъ на волю. Онъ былъ очень красивъ, молодъ и одѣвался щегольски; я всегда видалъ его въ кафтанчикѣ изъ настоящаго бархата съ большой золотой цѣпочкой и въ лакированныхъ сапогахъ. Звали его Василиемъ; онъ былъ въ большомъ почетѣ, имѣлъ для разъѣздовъ свою лошадь съ прекрасной упряжкой и былъ большой плутъ, зажирѣвшій отъ барскаго добра. Такъ какъ этотъ Василій уже нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: «подождите, подождите, баринъ, немножко, скоро будутъ деньги» — то я не долженъ бы былъ надѣяться на хорошій результатъ; но на этотъ разъ мнѣ чувствовалось, что теперь настала рѣшительная минута, и потому я ждалъ Василю съ большимъ нетерпѣніемъ и частенько посматривалъ въ окошко. Наконецъ, часу въ седьмомъ, подкатилъ Василій на своей щегольской лошади.

Иваномъ Ивановичемъ было отдано приказаніе камердинеру, чтобы, по пріѣздѣ Василю, его въ ту же минуту, не допуская никуда, провели прямо на его, Ивана Ивановича, половину. Когда Василій прошелъ въ кабинетъ, я остался въ сосѣдней комнатѣ. Иванъ Ивановичъ былъ очень добраго сердца, но былъ горячъ. Въ кабинетѣ разразилась такая буря, что, какъ говорится, стекла дрожали отъ крика Ивана Ивановича и ничего нельзя было разобрать. Наконецъ, я услышалъ: «ты обманщикъ, врунь, воръ, не чрезъ недѣлю, не чрезъ день, а чтобы сегодня, сейчасъ были деньги, иначе я тебя отправлю къ чорту!» Затѣмъ отворилась дверь, и Ва-

силій, красный, какъ ракъ, вылетѣлъ оттуда, вытолкнутый въ зашей.

Подбѣжавъ ко мнѣ, Василій сказалъ: «поѣдемте, баринъ, сейчасъ со мною». Вѣроятно, онъ побоялся пріѣхать съ деньгами обратно въ домъ, чтобы ихъ не перехватили отъ него на другой половинѣ.

Я обрадовался, и мы покатали съ Васильемъ на его лошади въ Никольскій рынокъ. Тамъ мы вошли въ большую мясную лавку. Оказалось, что хозяинъ былъ арендаторомъ какихъ-то угодій на дачѣ. Василій потребовалъ уплаты денегъ; купецъ сталъ мяться и говорить, что отдастъ послѣ праздниковъ, но Василій,—подобно тому, какъ Иванъ Ивановичъ былъ возбужденъ твердымъ и сильнымъ словомъ Бѣлинскаго, былъ возбужденъ только-что бывшей съ нимъ передрагой,—настоятельно потребовалъ деньги сейчасъ же. Дѣлать было нечего, купецъ открылъ ящикъ и сталъ выкладывать цѣлковые. Когда отсчитали 400 цѣлковыхъ и положили ихъ въ мѣшокъ, Василій передалъ его мнѣ. Я не поѣхалъ домой, и хотя было уже девять часовъ, попросилъ Василя свезти меня прямо къ профессору Полонскому, къ которому я долженъ былъ поступить для приготовленія въ институтъ путей сообщенія.

Пріѣхавъ къ Полонскому, я отдалъ ему деньги, объяснивъ причину, почему я не явился къ нему раньше, и сказалъ, что завтра переѣду къ нему. Но дѣло было передъ праздникомъ Рождества, и потому Полонскій велѣлъ явиться къ нему не ранѣе 7-го января.

Такъ-то я вышелъ изъ мучительнаго, отчаяннаго положенія, благодаря благородной энергіи Бѣлинскаго и тому могучему вліянію, которое онъ имѣлъ на окружающихъ людей. Не спаси меня Бѣлинскій въ самый крайній моментъ, вся моя будущность могла бы быть очень плачевна. Всю жизнь я не забывалъ этого и теперь вспоминаю о томъ съ великою благодарностью, любовью и уваженіемъ къ этому человеку.

VII.

Приготовленіе мое въ институтъ путей сообщенія у инженеръ-полковника Александра Викентьевича Полонскаго ¹⁾.—Характеристика этой личности и частныхъ приготовительныхъ заведеній того времени.

Такимъ образомъ, я поступилъ къ профессору, полковнику Полонскому, только въ началѣ января 1840 г. для приготовленія въ институтъ путей сообщенія. До экзамена оставалось всего 3½ мѣсяца, а надо было держать такой экзаменъ, какой требовался для поступленія въ университетъ, за исключеніемъ латыни и съ тою разницею, что экзаменъ изъ математики былъ особенно строгъ.

Въ то время институтъ былъ закрытымъ заведеніемъ, имѣя четыре класса, а затѣмъ два офицерскихъ класса. Братъ мой, Ипполитъ, находился уже въ институтѣ и весною долженъ былъ перейти въ предпоследній классъ, а я къ тому времени долженъ былъ выдержать экзаменъ въ тотъ же классъ, чтобы идти одновременно съ нимъ. Отецъ мой условился объ этомъ перепиской съ Полонскимъ, и послѣдній согласился на это, рассчитывая, конечно, что я поступлю къ нему въ началѣ учебнаго сезона. Въ этихъ-то соображеніяхъ меня и отправили въ Петербургъ, и такъ какъ я долженъ былъ поступить на свой счетъ, то, не попади я въ назначенный классъ, отцу пришлось бы платить за лишній годъ, а это было для него чувствительно.

Въ Казани я подготовлялся изъ математики у молодого адъюнкты-профессора А. Попова, который, впослѣдствіи, сдѣлался весьма извѣстнымъ профессоромъ. Онъ находилъ, что я вполне готовъ для требуемаго экзамена, считалъ меня лучшимъ своимъ ученикомъ изъ 40 человѣкъ пансіона, а потому я и самъ получилъ въ томъ увѣренность и полагалъ, что мнѣ предстоитъ лишь освѣжать все пройденное съ Поповымъ.

Какъ ошибался Поповъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я, это обнаружилось съ перваго же шага поступленія моего къ Полонскому. Между способами преподаванія математики въ гимназіяхъ и въ институтѣ путей сообщенія лежала цѣлая пропасть. На повѣрку оказалось, что я что-то такое заучилъ, какъ попугай, а существа дѣла не зналъ.

¹⁾ Отецъ извѣстнаго литератора Леонида Александровича Полонскаго.

Когда я явился къ Полонскому, то между мною и имъ возбужденъ слѣдующій разговоръ, который твердо помню до сихъ поръ.

— Милый мой, — сказалъ Полонскій, — я обѣщалъ вашему отцу приготовить васъ въ 4-й классъ (предпоследній передъ выпускомъ въ офицеры), если только вы будете заниматься такъ же хорошо, какъ занимался у меня вашъ братъ; но вы явились такъ поздно, что объ этомъ и думать нельзя. Я буду васъ готовить въ 5-й классъ и увѣдомлю о томъ вашего отца.

Сердце мое сжалось, и я сказалъ ему:

— Я приготовилъ все, что нужно для поступленія въ 4-й классъ; мнѣ остается только освѣжить пройденное.

— Это говорятъ мнѣ всѣ, которые поступаютъ ко мнѣ, но у насъ другія требованія. — У кого вы готовились?

— У адъюнктъ-профессора Попова въ Казани.

— Ариметику вы проходили съ доказательствами?

Я молчалъ, потому что впервые услыхалъ слово: «арифметика съ доказательствами».

Полонскій повторилъ свой вопросъ, и я, въ недоумѣніи, продолжалъ молчать.

— Покажите мнѣ то руководство, которое было у васъ для арифметики.

Я показалъ ему ту арифметику, которая была принята во всѣхъ гимназіяхъ. Увидѣвъ ее, Полонскій улыбнулся и затѣмъ сказалъ:

— У насъ принята въ руководство арифметика Бурдона на буквахъ, съ доказательствами.

Я опять вытаращилъ глаза, услыхавъ, что арифметика преподается на буквахъ.

— Теперь, — продолжалъ Полонскій — я вижу, что не могу приготовить васъ и въ 5-й классъ, и развѣ, съ трудомъ, приготовлю въ 6-й.

Выходило, что я поступилъ бы на два класса ниже того, на который рассчитывали я и отецъ мой; я обомлѣлъ, слезы ручьемъ полились изъ глазъ, но я не шевелился и стоялъ передъ Полонскимъ, какъ бы преступникъ, приговоренный къ смерти.

Когда онъ увидалъ безмолвно текущія слезы, то потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Успокойтесь, успокойтесь, мой милый, если сильно поработаете, то, быть может, я и приготовлю васъ въ 5-й классъ.

Но вотъ что сдѣлалъ для меня этотъ благороднѣйшій, наисердечный человѣкъ и замѣчательный педагогъ.

Надо сказать, что въ пансіонѣ у Полонскаго готовилось всего 10 человѣкъ. Для этихъ 10 человѣкъ было три лектора для математики. Одинъ, Быковъ (довольно извѣстный впослѣдствіи практический инженеръ) готовилъ въ 6-й классъ. Другой, Липинъ (извѣстный своей памятной книгой и таблицами, имъ самимъ составленными по математикѣ, физикѣ и проч. и впослѣдствіи директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ) готовилъ въ 5-й классъ, и, наконецъ, самъ Полонскій готовилъ въ 4-й классъ. Это показываетъ, какъ добросовѣстно и серьезно относились тогда частные преподаватели къ своему долгу. По всѣмъ прочимъ предметамъ были вообще прекрасные преподаватели и былъ даже гувернеръ, Старчевскій, впослѣдствіи издатель «Сына Отечества».

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего поступленія, Полонскій сказалъ мнѣ:

— Вы, вѣрно, мечтаете о четвертомъ классѣ?

— Мечтаю, но что же дѣлать, если это невозможно.

— Я подумалъ объ этомъ; ничего вамъ не обещаю, но могу устроить такъ, чтобы дать вамъ къ тому возможность; остальное будетъ зависѣть отъ васъ самихъ. Я распредѣлю уроки такъ, чтобы они не совпадали и вы будете имѣть возможность посѣщать Быкова и Липина, а затѣмъ, послѣ обѣда, будете слушать меня. Вамъ придется выслушивать въ день три лекціи изъ математики. Если осилите, то вамъ и книги въ руки; но повторяю, что вы не должны думать, что я берусь приготовить васъ въ 4-й классъ. Изъ того, что я могъ уже замѣтить и по отзыву Липина, вы можете рассчитывать на 5-й классъ.

Я обрадовался вдвойнѣ; во-первыхъ тому, что представилась возможность приготовиться въ четвертый классъ, и, во-вторыхъ, тому, что я созналъ, что нахожусь въ рукахъ сердечнаго человѣка, который для одного юноши измѣняетъ часы уроковъ, конечно, безъ всякаго ущерба для кого бы ни было.

Можно ли встрѣтить что-либо подобное въ настоящее время?

При этомъ замѣчу, что, несмотря на сердечность этого человѣка, весь режимъ его пансіона былъ особенно строгъ и всѣ сильно боялись его. Но это, послѣ сдѣланнаго имъ для меня блага, не мѣшало мнѣ возлюбить Александра Викентьевича Полонскаго, какъ отца.

Такимъ образомъ, я посѣщалъ въ день 3 лекціи только изъ одной математики. Дѣло пошло на ладъ; у Быкова и Липина я почти постоянно получалъ полные баллы; но Полонскій меня не спрашивалъ: онъ какъ бы игнорировалъ меня на своихъ лекціяхъ, и такъ продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Это ужасно огорчало меня; но, вѣроятно, онъ не хотѣлъ питать меня надеждой, въ которой я могъ обмануться, и, въ то же время, какъ это выяснилось для меня впоследствии, у него былъ педагогическій расчетъ. Будучи ежедневно въ ожиданіи, что онъ спроситъ меня, и понимая, что отъ моего отвѣта будетъ зависѣть его рѣшеніе и моя участь, я былъ всегда наготовѣ изъ всего пройденнаго, — что вынуждало и приучило меня къ сосредоточенію, и это отразилось впоследствии благотѣтельно для меня при слушаніи курса высшей математики. Наконецъ, за мѣсяць или менѣе до экзамена, когда одинъ изъ учениковъ горюдилъ по какому-то вопросу околесицу, Полонскій вызвалъ меня и сказалъ: «не можете ли вы отвѣтить мнѣ?» Я отвѣтилъ ему отлично и замѣтилъ, что лицо его просіяло. На другой день онъ объявилъ мнѣ, что, кромѣ общихъ уроковъ, будетъ заниматься еще со мною однимъ. Онъ такъ хорошо подготовилъ меня, что я выдержалъ экзаменъ въ 4-й классъ первымъ изъ 60 человѣкъ, выдержавшихъ экзаменъ въ этотъ классъ.

Экзамены въ то время производились вообще съ особенно строгою обстановкою и торжественностью. Экзаменаторовъ по каждому главному предмету было не менѣе трехъ человѣкъ, кромѣ членовъ экзаменной комиссіи, состоящей изъ многихъ компетентныхъ лицъ, которыя тоже не рѣдко задавали вопросы. Экзаменаторами были непременно профессора высшихъ классовъ, къ которымъ должны были поступать экзаменующіеся юноши; слѣдовательно, первые были заинтересованы, чтобы эти юноши были хорошо подготовлены для слушанія въ будущемъ ихъ лекцій. Экзамены производились открыто, въ большихъ залахъ, въ присутствіи всѣхъ прочихъ экзамене-

нующихся, и баллы объявлялись тотчасъ же, какъ экзаменующійся отойдетъ отъ доски или стола. При такомъ порядкѣ не мыслимы были самолюбившія фаворитства или, обратно, незаслуженныя обиды.

Я остановился немного долго на предметѣ, повидимому, мало интересномъ, т. е. на моемъ приготовленіи въ институтъ; но я считалъ долгомъ характеризовать тѣ небольшія частныя заведенія того времени, которыя были оклеветаны, на которыя напали съ какою-то яростью и которыя были уничтожены, тогда такъ они были, въ большей части случаевъ, благодѣтельны для родителей. Юноша въ маленькомъ закрытомъ заведеніи можетъ быть приготовленъ и лучше, и скорѣе; за нимъ есть надзоръ во всѣхъ отношеніяхъ и его готовятъ къ той дисциплинѣ, которой онъ долженъ неуклонно подчиняться въ казенномъ заведеніи, и между тѣмъ юноша чувствуетъ, что онъ еще окруженъ пока попеченіемъ, имѣющимъ нѣкоторое подобіе попеченія родительскаго.

На эти частныя небольшія заведенія напали въ предположеніи, что содержатели ихъ, имѣя связь съ тѣми казенными заведеніями, въ которыя готовятъ юношей, по фаворитству съ другими учителями, могутъ помѣщать туда такихъ своихъ воспитанниковъ, которые не заслуживаютъ того.

Съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ утверждаю, что ничего подобнаго не существовало въ то время въ институтѣ путей сообщенія. Были ли подобныя злоупотребленія по другимъ заведеніямъ, этого я не знаю. Надо обратить вниманіе на самый характеръ заведенія, гдѣ преимущественно требовались математическія познанія. Оцѣнка другихъ отраслей знанія, гдѣ требуется лишь память, конечно, представляетъ большую эластичность. Всегда есть такіе вопросы, которые не могутъ не удерживаться въ памяти, и, наоборотъ, есть такіе, которые вообще трудно сохраняются въ головѣ. Стоитъ лишь задать тотъ или другой вопросъ, чтобы быть почти увѣреннымъ, что послѣдуетъ хорошій отвѣтъ, или—наоборотъ. При оцѣнкѣ же математическихъ познаній подобная эластичность далеко не такъ удобна. Математика требуетъ не памяти, а соображеній и логичности. Какой бы вопросъ ни задать, юноша долженъ оправдать и то и другое. Изъ математики можно срѣзать

но фаворизировать гласно, въ присутствіи сотни людей, невозможно.

По поводу моего приготовленія въ институтъ, я вспомнилъ одно курьезное обстоятельство, не мало способствовавшее моему успѣшному ученію у Полонскаго.

У насъ, воспитанниковъ, не было обыкновенныхъ кроватей, а были деревянные шкафы, изъ которыхъ выкидывалась кровать на ночь, а днемъ убиралась въ шкафъ. Въ этихъ шкафахъ кишѣли мѣрыяды клоповъ. Никакими мѣрами не было возможности истребить ихъ. Первую ночь я провелъ на-пролетъ безъ сна; товарищи же должно быть попривыкли и спали какъ нельзя лучше. Не только одно кусанье клоповъ, но эти гады дѣйствуютъ на меня нравственно. Я не имѣлъ духу лечь на другой день въ постель и придумалъ слѣдующее: я поставилъ три табурета къ столу, положилъ на столъ подушку и расположился спать въ халатѣ на этихъ табуретахъ; но на такой мягкой постели долго не проспавъ, и въ 5 часовъ или ранѣе я проснулся и по неволѣ сталъ заниматься. Такимъ образомъ, я рѣшился продолжать эту систему, и въ теченіе всего времени моего пребыванія у Полонскаго, т. е. въ теченіе 3¹/₂ мѣсяцевъ, я спалъ на табуретахъ, просыпаясь не позже 5 часовъ, и моментально принимался за занятіе. Къ тому времени, когда товарищи вставали, я былъ уже готовъ къ тремъ предстоящимъ каждый день урокамъ изъ математики. Нельзя отрицать, что рассказанное сейчасъ курьезное обстоятельство не мало способствовало моимъ успѣшнымъ занятіямъ у Полонскаго.

VIII.

Семейство Казиныхъ.

Въ самомъ началѣ мая 1840 г. я кончилъ экзаменъ, а явиться въ институтъ долженъ былъ только въ началѣ сентября. Не безъ интересенъ эпизодъ, касающійся этого промежутка времени.

Въ тотъ день, когда экзаменовавшихся собрали, чтобы объявить о приѣмѣ выдержавшихъ экзаменъ, и когда я находился еще

въ залѣ института, мнѣ подали письмо, сказавъ, что человѣкъ ожидаетъ отвѣта. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Многоуважаемый

Валеріанъ Александровичъ!

«Я очень друженъ съ вашимъ дядюшкой, Владиміромъ Ивановичемъ. Отъ сына моего, Оеди, который готовился съ вами, я узналъ, что вы блестящимъ образомъ выдержали экзаменъ, и мнѣ было бы пріятно познакомиться съ вами. Не сдѣлаете ли мнѣ честь пожаловать ко мнѣ сегодня откушать къ 4 часамъ? Экипажъ къ вашимъ услугамъ и будетъ ждать у подъѣзда вашего распоряженія».

«Съ уваженіемъ и проч.

Дмитрій Казинъ».

Мальчику, которому не было еще 16 лѣтъ, и получить такое письмо отъ неизвѣстнаго и почтеннаго человѣка, не могло не быть лестно; тѣмъ не менѣе, я былъ въ нерѣшительности, что отвѣчать. Сынъ Казина, не выдержавшій экзамена, былъ тутъ же въ залѣ. Я показалъ ему письмо. Тогда онъ сказалъ, что отецъ предупредилъ его, что напишетъ мнѣ письмо, и чтобы онъ, съ своей стороны, какъ товарищъ, пригласилъ меня пріѣхать къ нему. Къ четыремъ часамъ мы пріѣхали къ его отцу. Есть, вѣроятно, еще не мало въ живыхъ людей, которые знали Дмитрія Ниловича Казина, бывшаго тогда директоромъ бумажной фабрики дворцоваго вѣдомства, въ Петергофѣ, управлявшаго этою фабрикою на коммерческихъ основаніяхъ. Это былъ, безспорно, чрезвычайно умный и чрезвычайно способный человѣкъ.

До принятія Казинымъ бумажной фабрики въ свое завѣдываніе, она приносила убытокъ. Казинъ взялся за дѣло съ тѣмъ, чтобы въ его пользу отсчитывалось 10% изъ чистой прибыли. Если я не ошибаюсь, то иные годы эти 10% достигали 30.000 р. или 100.000 ассигнаціями. Въ то время было очень мало бумажныхъ фабрикъ, и цѣль казенной фабрики заключалась въ томъ, чтобы способствовать развитію этой отрасли промышленности. Когда число частныхъ фабрикъ увеличилось, тогда Казинъ представилъ проектъ о закрытіи казенной бумажной фабрики въ Петергофѣ и объ обращеніи ея въ гранильную, что и было сдѣлано.

Казинъ имѣлъ на Сергіевской улицѣ небольшой собственный домъ, а жилъ въ Петергофѣ. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и относился ко мнѣ, какъ къ взрослому человѣку. Впервые въ жизни я былъ въ незнакомомъ домѣ, но, несмотря на это, мнѣ казалось, что я давно знакомъ съ хозяиномъ.

За обѣдомъ Казинъ завелъ слѣдующій разговоръ:

— Гдѣ вы думаете провести лѣто?

— У меня здѣсь много родныхъ—частью у однихъ, частью у другихъ.

— А что—кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ не будетъ ли проводить лѣто въ Петергофѣ?

— Нѣтъ.

— А вы знаете Петергофъ?

— Я не былъ еще нигдѣ въ окрестностяхъ Петербурга.

— Петергофъ, любезнѣйшій Валеріанъ Александровичъ, рай земной: пріѣзжайте на лѣто жить къ намъ.

Такое неожиданное предложеніе смутило меня и показалось сначала шуткой. Помолчавъ немного, я сказалъ, что не могу рѣшить этого вопроса, и мнѣ надо переговорить прежде того съ родными.

— Не беспокойтесь,—сказалъ Казинъ—я переговорилъ уже съ вашимъ дядюшкой; спросите его, и онъ васъ благословить.

— У меня есть другіе родные.

— Есть-то есть, я знаю, да Петергофа-то они вамъ дать не могутъ.

Я молчалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Казинъ возобновилъ разговоръ на ту же тему, обрисовывая фонтаны, паркъ море—словомъ, всячески соблазнялъ меня. Затѣмъ сказалъ:

— Да вотъ что: черезъ 5 дней я праздную съ своей старухой серебряную свадьбу. Пріѣзжайте къ намъ; понравится — ладно, не понравится — что же дѣлать? Тогда и дадите вашъ отвѣтъ. Въ день праздника я пришлю вамъ въ 9 час. утра коляску.

Въ назначенный день коляска явилась, и я отправился въ Петергофъ.

По пріѣздѣ къ дому, проходя прилегающимъ къ дому садомъ,

я встрѣтилъ красавицу, дѣвушку лѣтъ 17, въ бѣломъ воздушномъ платьѣ и съ роскошными волосами. Дѣвушка эта остановилась, оглядѣла меня и затѣмъ сказала:

— Это вы, Валерушка?

— Я—и я конечно покраснѣлъ до ушей.

— А я Сашенька: мы васъ ждали, папа говорилъ, что вы молодецъ. Пойдемте, я покажу вамъ комнату; вѣдь вы будете жить у насъ—не правда ли?

Комната была близко, въ нижнемъ этажѣ, окнами въ садъ.

— Хорошо ли вамъ будетъ тутъ?

— Отлично—отвѣтилъ я.

Эта прелестная дѣвушка поцѣловала меня въ лобъ и улетѣла; она была вторая дочь Д. Н. Казина.

Я былъ обвороженъ, пораженъ; все мнѣ показалось чѣмъ-то волшебнымъ, сказочнымъ, я сразу плѣнился, сразу врѣзался и моментально предрѣшилъ уже мысленно—отнюдь не отказываться провести лѣто у Казиныхъ, если только послѣдуетъ вторичное приглашеніе.

Праздникъ у Казина былъ на славу. Въ саду была устроена огромная палатка, въ которой былъ накрытъ столъ на 250 чело-вѣкъ. Въ два приѣма пароходъ придворнаго вѣдомства привезъ изъ Петербурга массу гостей. Въ то время ходили два частныхъ парохода Берда, допотопнаго устройства, кажется, съ однимъ колесомъ по срединѣ судна, совершавшіе переезды между Петербургомъ и Петергофомъ въ 5 часовъ, и были такъ грязны, что страшно было взойти на нихъ.

Передъ концомъ обѣда выступилъ хоръ, состоявшій изъ всѣхъ членовъ семейства и другихъ родныхъ и интимныхъ знакомыхъ, и спѣлъ гимнъ, специально сочиненный для этого случая однимъ тогдашнимъ литераторомъ Борисомъ Ѳеодоровымъ и положенный на музыку Иваномъ Петровичемъ Бунинымъ, который былъ извѣстенъ тогда почти всему Петербургу, какъ музыкальный чело-вѣкъ. Это отецъ той Бунинъ, которая славилась нѣкогда въ петербургскомъ обществѣ своимъ прекраснымъ пѣніемъ.

У меня до сихъ поръ осталось въ памяти первое четырехсти-шіе означеннаго гимна:

„За день желанный, день отрадный,
 Прославимъ милости небесъ,
 Онъ вѣстникъ счастья благодатный
 Веселье сердцу онъ принесть,
 Веселье сердцу онъ принесть“ и т. д.

Послѣ обѣда, въ той же палаткѣ, была устроена сцена и представлена пьеса, тоже спеціально написанная Ѳедоровымъ, въ которой играли только всѣ члены семьи Казина, состоящей изъ матери и 12 человѣкъ дѣтей, при чемъ одинъ сынъ былъ еще грудной и введенъ въ пьесу. Помню тоже первое четырехстишіе куплетовъ, пѣтыхъ въ заключеніе пьесы; музыка была тоже Бунина:

„Двадцать пять лѣтъ совершилось
 Счастьемъ супружескихъ дней,
 Снова оно обновилось
 Въ счастья дѣтей,
 Въ счастья дѣтей“ и т. д.

И въ это время мать, нѣсколько приподымая грудного ребенка на рукахъ, покачивала его; она была очень хороша собою и, не смотря на то, что имѣла 18 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ 12 живыхъ, казалась сестрой своей старшей дочери.

Послѣ спектакля открылся блестящій балъ, подобнаго которому мнѣ не случалось еще видѣть. Затѣмъ ужинъ и опять танцы до 8 ч. утра, и тогда только начали отъѣзжать гости въ Петербургъ на томъ же пароходѣ.

Утомленный и очарованный всѣмъ видѣннымъ мною въ Петергофѣ, я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я всталъ, Казинъ позвалъ меня въ кабинетъ.

— Ну что, понравилось вамъ у насъ?

— Конечно, понравилось — сказалъ я.

— Ну такъ съ Богомъ, по рукамъ.

— Я не могу, — отвѣтилъ я, — у меня есть родной братъ, съ которымъ я желаю непременно провести все лѣто.

— Такъ что же, тѣмъ лучше: вмѣстѣ, вмѣстѣ пожалуйста къ намъ; я слышалъ тоже о вашемъ братѣотъ Владиміра Ивановича; вѣдь вашъ братъ товарищъ Нилушкѣ (другой сынъ Казина). Отлично, отлично, поѣзжайте за вашимъ братомъ и скорѣе къ намъ; видите, какой у насъ просторъ, не будетъ никому тѣсно.

Черезъ нѣсколько дней мы прѣехали съ братомъ къ Казинымъ и провели у нихъ все лѣто. Это время составляетъ одно изъ весьма пріятныхъ воспоминаній моей юности.

Лѣто было жаркое, а въ такое лѣто Петергофъ восхитителенъ съ своими фонтанами. Содержался онъ въ то время наилучшимъ образомъ, потому что государь Николай Павловичъ жилъ тамъ все лѣто, а извѣстно, какъ онъ любилъ это загородное мѣсто.

Домъ Казиныхъ былъ постоянно открытымъ домомъ. Каждый день накрывалось на столъ приборовъ 10 лишнихъ. Всѣ знакомые холостые являлись къ обѣду, къ чаю безъ зова, въ особенности офицеры Конно-Гренадерскаго полка, квартировавшаго и по сіе время квартирующаго въ Петергофѣ.

Каждый день придумывались разные развлечения: катанья, *rag-tie-de-plaisir* съ провизіей и самоваромъ, прогулки пѣшкомъ то въ Сергіевскую пустынь, то въ Стрѣльну, то въ Ораніенбаумъ и проч. Но для меня главнымъ attraction была все-таки Сашенька. Я скучалъ, если ея не было, я ревновалъ, когда она болтала съ молодежью: большими кадетами, двоюродными или троюродными братьями и проч., во множествѣ посѣщавшими домъ. При моихъ годахъ, не полныхъ 16 лѣтъ, моя привязанность къ Сашенькѣ была, какъ говорится, самаго платоническаго характера: было весело на душѣ, когда я ее видѣлъ, было отрадно, когда она болтала со мною. Въ это время какой-то художникъ рисовалъ съ нея портретъ въ настоящую величину. Художникъ былъ должно быть не изъ важныхъ: рисованіе этого портрета продолжалось мѣсяца два, и художникъ держалъ Сашеньку часа по два въ бальномъ платьѣ съ цвѣтами и проч. Несмотря на всѣ его старанія, портретъ вышелъ плоховать. Часто, во время этого рисованія, Сашенька звала меня сидѣть съ нею для болтовни или для чтенія; это было верхомъ удовольствія для меня, тѣмъ болѣе, что она была всегда весела и отъ природы очень остроумна.

Въ скоромъ времени послѣ нашего прѣзда въ Петергофъ, братъ мой и я сдѣлались друзьями Сашеньки. Она интересовалась въ то время однимъ молодымъ офицеромъ Конно-Гренадерскаго полка, г. Ю—ъ, и тотъ тоже интересовался ею, но предложенія еще не дѣлалъ. Мы, т. е. я и братъ мой, были ея конфидентами и въ тотъ день,

когда его не было или онъ опаздывалъ придти, мы, исполняя ея желаніе, бѣгали, подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ этому офицеру и сообщали Сашенькѣ о томъ, что онъ дѣлаетъ. Ревности у меня къ г. Ю — у не было, напротивъ, я очень сочувствовалъ тому, чтобы онъ сдѣлался женихомъ Сашеньки, потому что за нею сильно ухаживалъ полковой командиръ того же полка, генераль-маіоръ баронъ К — ъ, человѣкъ слишкомъ 50-ти лѣтъ, который дѣлалъ уже предложеніе, но которому отвѣтили деликатно, что надо-де выждать. Мнѣ казалось ужаснымъ, если Сашенька выйдетъ за этого генерала. Къ концу лѣта Ю — ъ посватался, Сашенька была объявлена невѣстой, вскорѣ вышла замужъ и была очень счастлива.

Наступилъ сентябрь, и мнѣ нужно было явиться въ институтъ путей сообщенія.

Невольно возбуждается вопросъ: что могло побуждать Казина отнестись такъ внимательно, можно сказать сердечно, къ намъ, т. е. двумъ юношамъ, никогда прежде его не знавшимъ? Хотя онъ ни разу не обнаруживалъ своей задней мысли, но, въ концѣ концовъ, мы поняли, что онъ желалъ, чтобы его два сына, порядочные лѣнтяи, провели лѣто съ товарищами, которые могли бы, нѣкоторымъ образомъ, повліять на его сыновей.

Съ отъѣздомъ нашимъ изъ Петергофа, знакомство наше съ семействомъ Казиныхъ хотя и не прекратилось, но мы могли бывать у нихъ лишь разъ или два въ годъ, когда они пріѣзжали на нѣскольکو дней изъ Петергофа въ Петербургъ. Но когда мы вышли на дѣйствительную службу, на постройку Николаевской желѣзной дороги. то случилось, что мѣстожителство наше находилось въ 3-хъ верстахъ отъ имѣнія Казиныхъ, куда они въ это время пріѣзжали проводить лѣто, а потому мы очень сблизились съ этимъ семействомъ и сдѣлались какъ бы своими въ ихъ домѣ.

Я останавлиюсь еще нѣсколько на описаніи этого семейства, такъ какъ оно представляло рельефный и рѣдкій уже въ то время типъ патріархальнаго режима, и тѣмъ болѣе рѣдкій, что семейство это жило въ свѣтѣ и въ центрѣ нашей цивилизаціи.

Казинъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, патріархъ-деспотъ, но деспотъ необыкновенно тонкій: насилія не было замѣтно, или оно не тяготило членовъ семейства. Все до мельчайшихъ деталей шло

по установленному имъ тону и по его волѣ. Всѣ трепетали его — начиная съ жены, и всѣ искренно любили его, что обнаруживалось не только желаніемъ всѣхъ членовъ семьи не доставлять какихъ-либо непріятностей ея главѣ, но и стремленіемъ предупреждать возможность непріятностей отъ другихъ лицъ, за которыя они, разумѣется, не могли нести никакой отвѣтственности. По этому поводу были весьма комическія сцены. Казинъ имѣлъ много предразсудковъ и не любилъ извѣстныхъ разговоровъ. Часто случалось, что кто-нибудь изъ мало знакомыхъ въ домѣ заведетъ подобный разговоръ и вдругъ чувствуетъ, что его дернули за полу скюртука, или ткнули пальцемъ, или кто-нибудь изъ членовъ семьи дѣлаетъ ему гримасу или внезапно прерветъ рѣчь говорящаго и задастъ такой вопросъ, что этотъ господинъ приходитъ въ полное недоумѣніе, иногда до-нельзя комичное, въ особенности для тѣхъ, которые знали, въ чемъ дѣло. Бывало и такъ, что Казинъ, замѣтивъ причину этого недоумѣнія и, чтобы вывести человека изъ затрудненія, самъ подшутитъ надъ виновнымъ членомъ семьи; но такъ или иначе цѣль достигалась, и разговоръ прекращался.

Казинъ женился на дѣвушкѣ, когда ей было 13 лѣтъ, и потому могъ воспитать ее по своему желанію, а затѣмъ, конечно, и всѣхъ дѣтей. Все въ домѣ совершалось по манію его магическаго жезла. Онъ большею частью намѣчалъ жениховъ дочерямъ и невѣстъ сыновьямъ, и всѣ единодушно стремились къ намѣченной цѣли. Дочь серьезно влюбилась въ намѣченнаго жениха, а сынъ въ намѣченную невѣсту, и разъ дѣло было направлено по намѣренію патріарха, онъ уже ни во что не мѣшался, бросалъ таинственныя возжи и предоставлялъ всѣмъ такую полную свободу, которая, можно сказать, поражала своею неподдѣльною наивностью. И надо отдать справедливость, что онъ, заботясь объ истинномъ счастья дѣтей, подбиралъ пары удачно, другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ подходящія.

По образцу прежнихъ отдаленныхъ правовъ, при семействѣ Казиныхъ состояли всегда шуты: ихъ было много, одинъ смѣнялъ другаго. Въ Петергофѣ были одного сорта, а въ деревнѣ другаго, изъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, такъ что я никогда не помню, чтобы домъ Казиныхъ оставался безъ шута. Но надо замѣтить,

что эти шуты бывали и низкой и высокой пробы. Къ числу послѣднихъ можно было относить тѣхъ, которые, не отличаясь ничѣмъ по внѣшности отъ людей общества, служили мишенью для остротъ на ихъ счетъ, и служили этою мишенью именно потому, что они своею находчивостью на отвѣты и своимъ остроуміемъ забавляли всѣхъ.

Какъ одну изъ чертъ патріархальности этого семейства, я вспоминаю одинъ эпизодъ.

Однажды Казинъ очень сильно распекалъ и пушилъ одного чиновника за какое-то важное упущеніе, но не злоупотребленіе, и заключилъ тѣмъ, что чиновникъ убрался вонъ со службы. Мнѣ и брату случилось быть свидѣтелями этой сцены, и намъ стало ужасно жаль этого чиновника. Каково же было наше удивленіе, когда мы увидѣли въ тотъ же день означеннаго чиновника сидящимъ за семейнымъ чайнымъ столомъ! Казина не было дома. Чиновникъ пришелъ проститься съ женою Казина; она посадила его за чай и вмѣстѣ съ дочерьми горевала объ его участи; дѣло доходило почти до слезъ. Всѣ утѣшали его, говоря, что «утро вечера мудренѣе и гнѣвъ быть можетъ смѣнится на милость», и т. п. На Казина никто изъ семьи не могъ и не имѣлъ никакого вліянія, но онъ очень любилъ свою Сашеньку; вѣроятно, она со слезами на глазахъ, сказала словечко отцу, и чиновникъ остался на своемъ мѣстѣ.

Многое можно было рассказать о своеобразной и доброй семьѣ Казиныхъ, но я высказалъ уже достаточно по поводу оригинальнаго моего знакомства съ нею, начавшагося съ моего экзамена въ институтъ.

IX.

Встрѣча съ Некрасовымъ.

Ко времени моего экзамена для поступленія въ институтъ путей сообщенія относятся также первая моя встрѣча съ Некрасовымъ. Къ экзамену надо было представить какой-нибудь рисунокъ, для соблюденія лишь одной формальности. Въ искусствѣ рисованія я

не былъ силенъ и потому обратился къ одному знакомому, нѣко-
ему Даненбергу, котораго я зналъ уже 3 года въ то время, когда
онъ былъ студентомъ въ Казани. Это былъ человѣкъ по истинѣ съ
артистической натурой: онъ игралъ отлично на скрипкѣ, на клар-
нетѣ, на гитарѣ, пѣлъ и превосходно рисовалъ. Въ Казани онъ жилъ
вмѣстѣ съ Р—скимъ, когда они оба были студентами. О Р—скомъ
и о непостижимой его болѣзни было уже мною рассказано выше.
Когда Р—скій былъ еще здоровъ, то Даненбергъ, живя съ нимъ, со-
бралъ изъ товарищей оркестръ и дирижировалъ имъ. Весною, по
вечерамъ, этотъ оркестръ собирался, между прочимъ, на дворѣ у
Р—скихъ. Дворъ ихъ дома подходилъ къ самому городскому публич-
ному саду, называвшемуся «Черное Озеро», и находился на горѣ.
Музыка со двора Р—скихъ очень хорошо могла разноситься по саду,
а такъ какъ въ саду никакой музыки не бывало, то означенный
студенческій оркестръ привлекалъ въ садъ массу публики. Вообще
Даненберга всѣ любили, и это былъ веселый, добрый и задушевный
человѣкъ.

Въ то время, къ которому относится настоящій мой рассказъ,
Даненбергъ былъ въ Петербургѣ и готовился держать экзаменъ въ
академіи художествъ на права архитектора.

Когда мнѣ понадобился рисунокъ къ моему экзамену, я и от-
правился къ Даненбергу. Передъ этимъ, за недостаткомъ времени,
я не былъ у него нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ жилъ на Васильевскомъ
островѣ въ 4 линіи, занимая одну комнату во второмъ этажѣ, ок-
нами на улицу. Тотчасъ по моемъ приходѣ, Даненбергъ взялъ боль-
шой листъ рябой бумаги и началъ рисовать голову толстѣйшимъ,
мягкимъ карандашомъ. Въ комнатѣ стояли ширмы, и я слышалъ,
что за ширмами есть живое существо.

Менѣ чѣмъ въ часъ рисунокъ подходилъ уже къ концу, и я
безпрерывно просилъ, чтобы Даненбергъ дѣлалъ его похуже, дабы
могло быть вѣроятіе, что я самъ исполнилъ рисунокъ; но, несмо-
тря на это, онъ вышелъ замѣчательно хорошъ, такъ что когда я
подалъ его потомъ профессору рисованія, то онъ расхохотался и
сказалъ:—этотъ рисунокъ сдѣланъ не вами, а какимъ-нибудь «ху-
дожникомъ». Я, конечно, смолчалъ, но формальность представленія
рисунка была исполнена.

Во время рисованія Даненберга, вышелъ изъ-за ширмы чело-
вѣкъ въ татарскомъ засаленномъ халатѣ, волоча ноги и хлопая
туфлями, подошелъ медленно къ окошку и, уткнувъ палецъ въ при-
толку окна, сказалъ—«три часа, пора поѣсть».

Когда этотъ незнакомецъ скрылся опять за ширмами, я тихонько
спросилъ Даненберга о томъ, что значило указаніе пальцемъ на
притолку окна? Даненбергъ засмѣялся и сказалъ: «это наши часы;
на притолкѣ отмѣчены чертами тѣни отъ переплета окна для сол-
нечныхъ часовъ».

Не окончивъ еще рисунка, Даненбергъ вышелъ въ сѣни, и вслѣдъ
затѣмъ принесены были щи; онѣ оказались очень хороши, и мы съ
аппетитомъ поѣли ихъ втроемъ.—«Извините»—сказалъ Данен-
бергъ—«у насъ втораго блюда нѣтъ».

Поѣвши щей, незнакомецъ сказалъ Даненбергу, что ему надо
сходить со двора. Даненбергъ тотчасъ же ушелъ за ширму, и я за-
мѣтилъ, что онъ вышелъ оттуда въ туфляхъ. Затѣмъ вышелъ незна-
комецъ, уже одѣтый, и спросилъ Даненберга: «что, сегодня свѣжо?»
«Да, свѣжо»—отвѣтилъ Даненбергъ. «Такъ я надѣну плащикъ»—
сказалъ незнакомецъ.—«Пожалуйста»—отвѣтилъ Даненбергъ.

На все это я обратилъ вниманіе, и когда, по уходѣ незнакомца,
мы остались вдвоемъ съ Даненбергомъ, то на мои вопросы онъ
разсказалъ мнѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ, случайно,
познакомился съ этимъ молодымъ человѣкомъ по фамиліи Некрасо-
вымъ, находившимся въ крайнемъ положеніи, и пригласилъ его къ
себѣ.

По поводу означенной моей встрѣчи у Даненберга съ Некрасо-
вымъ, совершенно безъизвѣстнымъ тогда молодымъ человѣкомъ, я
забѣгу впередъ и разскажу другой эпизодъ, послужившій сближе-
нію моему съ Некрасовымъ и случившійся 7^{1/2} лѣтъ спустя. Ни фа-
миліи, ни наружности встрѣченнаго мною одинъ разъ у Даненберга
незнакомца я, конечно, въ памяти не удержалъ, такъ что когда,
въ 1846 г., я сталъ встрѣчать Некрасова у Ив. Ив. Панаева, еще
до основанія «Современника», то мнѣ и въ голову не приходило,
что Некрасовъ есть тотъ самый молодой человѣкъ, котораго я ви-
дѣлъ у Даненберга только разъ, потому что послѣдній послѣ того
скоро покинулъ Петербургъ на всегда.

Въ концѣ 1847 года, Некрасовъ жилъ уже вмѣстѣ съ Ив. Ив. Панаевымъ, и они начали въ этомъ году издавать «Современникъ». Я жилъ тогда въ трехстахъ верстахъ отъ Петербурга на Николаевской желѣзной дорогѣ, находившейся еще въ постройкѣ. Къ зимѣ, я пріѣхалъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ въ тотъ же день отправился къ Ив. Ив., и въ тотъ же вечеръ собралась тамъ компанія ѣхать ужинать въ ресторанъ Дюссо и затѣмъ кататься на тройкахъ.

Надо сказать, что до половины сороковыхъ годовъ дамы изъ общества никогда, въ Петербургѣ, не ѣздили въ рестораны, но около этого времени былъ данъ толчокъ изъ самыхъ высшихъ сферъ общества, и посѣщеніе ресторановъ вошло въ моду. Современники той эпохи, вѣроятно, помнятъ случившійся въ высшемъ кругу громкій и забавный по этому поводу эпизодъ, который сдѣлался тогда извѣстенъ всему городу.

Въ собравшейся нашей компаніи приняли участіе 4 дамы и 7 мужчинъ: жена Ив. Ив. (нынѣ Головачева), жена поэта Огарева, жена профессора Кронеберга съ сестрой Ковалевской, Некрасовъ, живописецъ Воробьевъ съ братомъ, я съ двумя братьями и седьмого не помню.

Въ моихъ воспоминаніяхъ находится разсказъ объ одномъ эпизодѣ изъ жизни прелестной, чистой дѣвушки Ковалевской, умершей въ цвѣтѣ лѣтъ. Эпизодъ этотъ, совершившійся передъ нашими глазами, очень крупенъ, серьезенъ и представляетъ большой общій и не индивидуальный интересъ. Но печатать его въ настоящее время еще невозможно.

Когда названная компанія поужинала, то всѣ попросили Некрасова разсказать про свое житье-бытье по пріѣздѣ его юношей изъ Ярославля въ Петербургъ и о претерпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ.

Разсказывая вкратцѣ эту свою исторію, Некрасовъ, между прочимъ, передалъ намъ слѣдующій эпизодъ:

— Когда,—говорилъ онъ,—я истратилъ всѣ деньги и профессоръ, у котораго я жилъ и готовился въ университетъ, пригласилъ меня удалиться отъ него, я попалъ въ критическое положеніе и сталъ пописывать забавные стишки для гостиннодворцевъ. Нѣкоторое время я кое-какъ персбивался, но наконецъ пришлось продать

все скудное мое имущество, даже кровать, тюфякъ и шинель, и остались у меня только двѣ вещи: коврикъ и кожаная подушка. Жилъ я тогда на Васильевскомъ острову, въ полуподвальной комнатѣ, съ окномъ на улицу. Писалъ я лежа на полу; проходящіе по тротуару часто останавливались передъ окномъ и глядѣли на меня. Это меня сердило, и я сталъ притворять внутреннія ставни, такъ однако, чтобы оставался свѣтъ для писанія. Однажды прошло уже три дня, какъ я питался однимъ чернымъ хлѣбомъ. Хозяйка объявила мнѣ, что потерпитъ еще два дня, а затѣмъ выгонитъ вонъ. Лежу я на полу, въ пріятномъ расположеніи духа послѣ приговора хозяйки, и пописываю. Вдругъ появляется на порогѣ человекъ, большого роста, очень видный, въ свѣтло-сѣромъ плащѣ, и спросилъ меня:— Здѣсь ли живетъ г. N? Я отвѣтилъ ему раздраженнымъ тономъ, что никакого N тутъ нѣтъ, отвернулся и продолжалъ писать. Вижу, однако, что господинъ въ плащѣ не уходитъ. Подождавъ немного, я ему сказалъ:

— Что вамъ нужно?—небось любуетесь на мою обстановку.

— Признаюсь, отвѣтилъ опъ,—ваша обстановка озадачила меня; хотя я тоже не въ завидномъ положеніи, но у меня есть въ карманѣ 20 руб. и довольно хорошая квартира; не пожелаете ли поселиться у меня? пожалуйста хоть сейчасъ, я живу очень близко отсюда.

— Мнѣ нужно заплатить хозяйкѣ 5 руб., сказалъ я.

— Вотъ вамъ 5 руб., заплатите и идите со мною.

Я тотчасъ же разстался съ хозяйкой, взялъ подмышку коврикъ и подушку, и мы отправились вмѣстѣ съ господиномъ въ плащѣ. Фамилія этого человека была Даненбергъ; мы прожили съ нимъ не малое время; выходили мы со двора поочередно, такъ какъ сапоги мои были негодны, и у меня не было шинели, а у него былъ плащъ. (Этотъ плащъ, довольно оригинальный, я видалъ на Даненбергѣ еще въ Казани).

Тогда я вспомнилъ нашу встрѣчу съ Некрасовымъ у Даненберга, вспомнили мы съ нимъ и оригинальные солнечные часы, и вкусныя щи, и послѣ того много, много Некрасовъ разсказалъ еще добраго о Даненбергѣ.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, по просьбѣ компаніи, я про-

челъ наизусть стихи Некрасова, отъ которыхъ я былъ въ восторгѣ и которые не были напечатаны; ихъ я списалъ у Ивана Ивановича Панаева. Это стихотвореніе называлось: «Родина» и появилось въ печати лишь черезъ 9 лѣтъ подъ заглавіемъ: «Старыя хоромы», съ посвященіемъ ихъ, въ первомъ изданіи 1856 г., мнѣ. Почему послѣдующіе издатели выкинули это посвященіе, этого я не знаю. Упомянутый вечеръ и былъ первымъ моимъ настоящимъ знакомствомъ съ Некрасовымъ, и съ этого же вечера, послѣ декламации мною его стиховъ, и установились у насъ дружескія отношенія, не прекращавшіяся до послѣдняго дня его жизни.

Валеріанъ Александровичъ Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА.

X¹).

Поступленіе мое въ институтъ путей сообщенія.—Характеристика хозяйственнаго и фронтоваго начальства.

Теперь перейду къ моему пребыванію въ институтъ путей сообщенія, въ теченіе года и восьми мѣсяцевъ, со времени вступленія по день выпуска въ офицеры.

Начну съ того, что сдѣлаю очеркъ характеристики этого заведенія.

Институтъ путей сообщенія заключалъ всего 6-тъ классовъ: четыре класса составляли строго-закрытое заведеніе, такъ что никогда никто и ни подъ какимъ предлогомъ не могъ проводить ночь внѣ заведенія. Затѣмъ слѣдовали два класса офицерскихъ. Офицеры, понятно, жили на вольныхъ квартирахъ, слушали два года академическій курсъ, переходили изъ класса въ классъ по экзамену, съ производствомъ въ слѣдующій чинъ, и, наконецъ, по экзамену же, выпускались уже поручиками на дѣйствительную службу. Не выдержавшіе экзамена не получали званія инженера и отчислялись въ такъ называвшійся строительный отрядъ.

Хотя, въ мое время, институтъ имѣлъ внѣшній обликъ военно-учебнаго заведенія, а именно: воспитанники имѣли кадетскую форму, обучались фронту и ходили въ разводы и парады, но внутренній, данный первоначально французскими инженерами и профессорами, характеръ заведенія, совершенно подобный уставу Парижской политехнической школы, сохранялся еще вполне.

¹) См. «Русскую Старину» изд. 1893 г., т. LXXIX, июль, августъ и сентябрь.

Въ заведеніе принимались юноши не моложе 16-ти лѣтъ, безъ ограниченія наибольшаго предѣла лѣтъ, такъ что поступали кандидаты университетовъ, кончившіе тамъ курсъ съ золотыми медалями, учителя математики изъ гимназій, служившіе уже два, три года чиновники и т. п. Несмотря на это, для нихъ не дѣлалось никакого исключенія, и они должны были подчиняться вполнѣ режиму строго закрытаго заведенія.

По уставу, значившемуся тогда въ сводѣ законовъ, всѣ воспитанники института были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, т. е. пользовались исключительнымъ правомъ предъ прочими учебными заведеніями. Это-то преимущество и было единственной причиной моего поступленія въ институтъ.

Когда, въ 1836 году, матушка привезла троихъ сыновей въ Петербургъ, въ томъ числѣ и меня, она достала уставы и программы рѣшительно всѣхъ учебныхъ заведеній, и военныхъ, и гражданскихъ. Нынѣ я не вижу чего-либо подобнаго по своей детальности и подробности. Помню, что въ этихъ программахъ были обозначены, по каждому предмету, для каждого класса, всѣ вопросы, могущіе быть заданными на экзаменахъ, категорически сформулированные подъ нумерами. Конечно, составленіе такихъ программъ, особенно при отсутствіи нынѣ обще-принятыхъ руководствъ, представляетъ большой трудъ; но вѣдь это не резонъ для открытія полнаго простора произволу. Для поступленія въ заведеніе категоричность требованія необходима; другое дѣло для воспитанниковъ, находящихся уже въ заведеніи; этихъ нужно пытаться на всѣ лады, такъ какъ они имѣли уже возможность освоиться съ характеромъ предъявляемыхъ къ нимъ требованій.

Хотя мнѣ было тогда всего 11½ лѣтъ, но матушка предоставила мнѣ прочесть всѣ уставы и программы и высказать свое желаніе. Когда я, перечитывая уставы, встрѣтилъ только въ одномъ уставѣ для института путей сообщенія, что воспитанники не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію, я, не сказавъ никому ни слова, объявилъ матушкѣ, что ни въ какое другое заведеніе не пойду, какъ только въ институтъ путей сообщенія. Надо сказать, что при воспитаніи у насъ въ домѣ,—что представляло въ то время необычайную рѣдкость,—тѣлесное наказаніе абсолютно не практи-

ковалось, чѣмъ мы гордились предъ нашими сверстниками. Слышавъ безпрестанно рассказы, какъ вообще въ учебныхъ заведеніяхъ были въ широкомъ ходу тѣлесныя наказанія, отъ которыхъ нельзя было увернуться при всевозможномъ стараніи — и вести себя и учиться хорошо — и что можно попасть подъ это наказаніе по случайности или по капризу начальства, я, гордый сознаниемъ, что мы дома не знали тѣлеснаго наказанія, гордый сознаниемъ своего дѣтскаго достоинства, чувствовалъ, что еслибы случилась со мною въ заведеніи означенная бѣда, то я не могъ бы отвѣчать ни за себя, ни за виновниковъ этой бѣды, и это чувство глубоко коренилось въ моей отроческой душѣ. Вслѣдствіе моего категорически-выраженного намѣренія поступить въ институтъ путей сообщенія, меня записали туда кандидатомъ и увезли домой въ Казанскую губернію для подготовленія, а чрезъ четыре года я и поступилъ въ институтъ.

Начальство въ институтѣ раздѣлялось тогда на двѣ независимыя отрасли: часть учебная и часть фронтовая въ совокупности съ хозяйственной. Хотя и былъ одинъ директоръ, инженеръ генераль-лейтенантъ Г о т м а н ѣ (перваго выпуска, первый воспитанникъ института), который долженъ бы былъ сосредоточивать управленіе, но онъ не жилъ въ заведеніи, игралъ роль лишь наблюдателя, самъ ни во что не входилъ и пріѣзжалъ въ институтъ разъ въ недѣлю. Онъ имѣлъ двухъ помощниковъ: по учебной части — инженеръ генераль-маіора С е в а с т ь я н о в а, а по фронтовой и хозяйственной — генераль-маіора Л е р — в а. Это были два враждебные лагеря, — что не мало облегчало нашу участь.

Въ одномъ начальствѣ, въ учебномъ, мы встрѣчали полиѣйшую справедливость, усерднѣйшее стараніе дать намъ наилучшее образованіе и радушнѣйшее поощреніе всему хорошему, при неумолимой строгости въ оцѣнкѣ познаній. Это начальство мы глубоко уважали и очень любили. Не будь этого сильнаго стимула, институтъ былъ бы свидѣтелемъ многихъ непріятныхъ исторій.

Другое начальство смотрѣло на всѣхъ воспитанниковъ съ какою-то предвзятою злобою. Эта злоба проявлялась на каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ. Въ теченіе дня мы попадались подъ власть этого начальства утромъ отъ 7-ми до 8-ми, среди дня отъ 2-хъ до 5-ти и вечеромъ отъ 8-ми до 9-ти часовъ. Это начальство словно радо-

валось тому, что получало въ это время власть сдѣлать кому-нибудь какую-либо непріятность; его очень злило то, что, по принятому съ самаго основанія заведенія правилу, надо было говорить воспитанникамъ на «вы», а не на «ты».

Насъ кормили отвратительно и голодно: гнилой картофель, горькое, вонючее масло, говядина вся въ жилахъ, и т. д., и это несмотря на то, что сумма довольства, отпускавшаяся на каждаго воспитанника, была выше той, какая отпускалась въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Одѣвали насъ внутри заведенія тоже скверно. Все это совершалось отъ того, что директоръ Готманъ не входилъ вовсе въ хозяйственную часть; главноуправляющій, графъ Толъ, былъ боленъ и пересталъ бывать въ институтъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, которому мы не были подчинены, вовсе не посѣщалъ насъ, а государь не былъ многіе годы; но когда случилось, что онъ посѣтилъ институтъ въ мою тамъ бытность, предъ самымъ нашимъ выпускомъ, то сдѣлалъ внушительное замѣчаніе о дурной одеждѣ, и тогда намъ тотчасъ же сшили, по мѣркамъ для каждаго, новое одѣяніе.

Чтобы характеризовать нашу обмундировку внутри заведенія, я расскажу фактъ, бывшій со мною. Всего болѣе обдѣляли, конечно, новичковъ, которые, само собою разумѣется, не могли еще имѣть смѣлости заявлять протесты. Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія въ институтъ, насъ, новичковъ, позвали въ цейхгаузъ, отобрали собственные наши сапоги и приказали надѣть казенные, которые надо было выбирать изъ старыхъ сапогъ, лежавшихъ въ грудѣ, аршина полтора вышиною, не попарно, а въ одиночку. Трудно описать, на что походили эти сапоги; рѣдкій сапогъ былъ безъ заплатокъ, прошитыхъ толстѣйшей дратвой; подошвы были въ родѣ досокъ, толщиною около полудюйма, съ безконечнымъ числомъ подметокъ, прошитыхъ насквозь дратвой въ родѣ бичевки, которая очень спльно ощущалась ногою; форма подошвы изображала поверхность сильно вогнутую внутрь, при выпрямленіи которой происходилъ трескъ. Долго я возился, чтобы подобрать сапоги по ногамъ, но могъ подобрать лишь на одну ногу, а на другую не могъ; длиною и шириною сапогъ былъ сносенъ, но, вслѣдствіе неоднो-

кратныхъ починокъ и ушиванія краевъ сапога, недоставало мѣста въ вышину для большого пальца.

— Долго ли вы будете еще возиться? закричало начальство.

— Не могу подобрать сапога на одну ногу, отвѣтилъ я.

— Чего вамъ? Надѣли и ладно.

— Нестерпимо жметъ большой палецъ.

— Вотъ еще какія нѣжности, разносите, идите на мѣсто.

Дѣлать было нечего, я пошелъ. Походивъ два дня, я увидать, что разносить сапоги не было возможности потому, что кожа была заскорузлая, въ родѣ лубка; я пошелъ сказать ротному командиру, чтобы онъ велѣлъ переѣмнить мнѣ сапоги.

Ротный командиръ былъ финляндецъ, плохо говорившій и плохо понимавшій по-русски.

— Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ съ такими пустяками? идите къ каптенармусу! закричалъ онъ.

Я пошелъ къ каптенармусу и получилъ грубый, насмѣшливый отказъ подъ предлогомъ, что у него нѣтъ болѣе сапогъ. Въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что помощью полтинника можно было все устроить. Такъ я и остался съ своимъ ужаснымъ сапогомъ, и у меня сейчасъ же сдѣлалась ноготьда, а между тѣмъ на этой недѣлѣ пріѣхала матушка изъ Казани, за 1.600 верстъ, всего на двѣ недѣли. Съ ноготьдой на пальцѣ ноги надо было ходить каждый день на маршировку въ три приѣма и проч. Еслибы я, по причинѣ невыносимой боли, отказался отъ фронтובהго ученія хотя одинъ разъ, то лишился бы права отпуска въ первое же воскресенье. Точно также лишались права отпуска и тѣ, которые въ теченіе недѣли обращались за чѣмъ-нибудь въ лазаретъ. Какія муки я вытерпѣвалъ, ходя на фронтובהмъ ученіи, чтобы не быть лишеннымъ права отпуска, того описать нельзя. Чѣмъ дальше, тѣмъ боль становилась невыносимѣе, и достигла своего предѣла такъ, что я, маршируя въ три приѣма, рѣшилъ шлепнуть ногой только еще одинъ разъ—«три» и затѣмъ объявить, что я не могу долѣе маршировать. Но случилось, что, хлопнувши этотъ разъ съ отчаяніемъ во всю силу—«три», я вдругъ почувствовалъ прекращеніе боли и теплоту во всей ступнѣ. Придя съ ученія и снявъ сапогъ, я увидать въ немъ цѣлую лужу крови. Я позвалъ каптенармуса, показалъ ему сапогъ

и на этотъ разъ, наученный товарищами, далъ ему полтинникъ, получилъ прекрасные сапоги и могъ въ воскресенье идти въ отпускъ, — что и составляло мою неотложную цѣль. Приведенный мною фактъ достаточно обрисовываетъ характеръ нашего обмундирования внутри заведенія.

Новичковъ занимали фронтомъ ежедневно 2 $\frac{1}{2}$ часа. Необходимо было обучить ихъ вполнѣ въ теченіе 7 мѣсяцевъ, т. е. къ майскому параду, который бывалъ ежегодно, почти всегда, 1-го мая. На этотъ парадъ выводили до 150 воспитанниковъ института. Въ то время обученіе фронту было гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. Требовалось пройти всю школу трехъ учебныхъ шаговъ, затѣмъ — тихій, обыкновенный и бѣглый шаги.

Тихимъ и бѣглымъ шагами нерѣдко заставляли проходить на парадахъ и еженедѣльныхъ разводахъ, съ строжайшимъ равненіемъ въ струнку. Ружье носилось въ лѣвой рукѣ подъ прикладъ, причемъ требовалось, чтобы оно отнюдь не опиралось на плечо, а незначительно отклонялось впередъ. Приемовъ ружейныхъ было безконечное множество; одно заряжаніе на 12 темповъ представляло большую трудность, ибо требовалось, чтобы каждое движеніе совершалось всѣми въ одинъ и тотъ же моментъ.

При означенномъ выше ношеніи ружья, выступать въ полной амуниціи, въ тяжеломъ киверѣ, учебными шагами, безъ всякаго шевеленія корпусомъ, — было для многихъ неодолимо. Это была не гимнастика, а въ полномъ смыслѣ слова эквилибристика, требующая и силы и ловкости. На многихъ юношей эта эквилибристика, при требованіи быстрого обученія, отразилась на всю жизнь увѣчиемъ. Солдаты-рекруты попадали въ то время окончательно во фронтъ не ранѣе трехъ лѣтъ, а мы должны были быть готовы въ 7 мѣсяцевъ.

Мнѣ, впрочемъ, по фронтистикѣ скоро посчастливилось. Новый ротный командиръ, назначенный въ ту роту, гдѣ я находился, тотчасъ же зачислилъ меня въ число ординарцевъ, долженствовавшихъ подходить къ государю на разводахъ и парадахъ. Фронтное начальство, обыкновенно, баловало нѣсколько ординарцевъ потому, что каждый изъ насъ могъ, еслибы пожелалъ, нагадить своему начальству, не подвергаясь иной отвѣтственности, какъ только

исключенію изъ числа ординарцевъ, ибо всякая ошибка или не-исправность могла быть случайностью и не могла быть отнесена къ умыслу.

Однажды я долженъ былъ подходить къ государю, въ Пасху, на Дворцовой площади, гдѣ онъ бывалъ пѣшкомъ, а потому могъ ближе видѣть ординарцевъ. Меня и запаснаго ординарца одѣли въ мундиръ очень рано. Перекрестные ремни, шириною 4 $\frac{1}{2}$ д., весьма толстые, намазанные мѣловымъ клеемъ и отшлифованные, какъ зеркало, были, по обыкновенію, тверже лубка, и ихъ было два яруса, для тесака съ сумкой и для ранца. Ремни эти были худо пригнаны и страшно давили мнѣ плечи и шею. Киверъ былъ тоже совѣмъ новый и давилъ мнѣ виски. Хотя я былъ выносливъ и слабостью нервовъ не страдалъ, но, простоявъ часа полтора при этихъ условіяхъ въ караульной комнатѣ, такъ какъ въ означенной аммуниціи не было возможности садиться, не сдѣлавъ трещинъ на отшлифованныхъ ремняхъ, — у меня позеленѣло въ глазахъ, голова закружилась и меня стошнило. Надо было видѣть переполохъ Лер — ова и ротнаго командира. Они принялись дѣлать репетицію съ запаснымъ ординарцемъ, но онъ, утомленный такъ же, какъ и я, оказался такъ плохъ, что выпустить его было немыслимо. Я попросилъ снять съ меня аммуницію, дать отдохнуть, выпить воды и надѣть вновь аммуницію минутъ лишь за 10-ть, и что тогда я надѣюсь подойти. Все было немедленно исполнено и кромѣ воды дали еще рюмку вина. Я оправился и подошелъ благополучно. Я могъ, отнюдь не притворяясь, отказаться подойти, и тогда начальство получило бы здоровую нахлобучку или за отсутствіе ординарца или за плохо подошедшаго запаснаго ординарца.

На второй годъ, новички, сходявшіе на майскій парадъ и попавшіе въ очередной караулъ для хожденія въ разводы, выводились на фронтовое ученіе лишь разъ въ недѣлю на короткое время, за исключеніемъ очередной недѣли передъ разводомъ, что бывало разъ въ мѣсяцъ; но и въ эту недѣлю выводили караулы раза три и то на полчаса. Такимъ образомъ, 2 $\frac{1}{2}$ часа въ день, поглощавшіеся въ первый годъ фронтовыми ученіями, могли въ слѣдующій годъ быть посвящаемы наукамъ.

XI.

Характеристика института путей сообщенія и система преподаванія въ этомъ заведеніи въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Оставивъ въ сторонѣ невзгоды, вытекавшія отъ хозяйственнаго и фронтоваго начальства, которыя обуславливались не принципами, а характеромъ личностей, справедливость требуетъ сказать, что, въ общемъ, режимъ заведенія былъ образцовымъ. Закрытое заведеніе, до извѣстныхъ лѣтъ, имѣетъ, вообще, огромное преимущество передъ открытымъ. Въ закрытомъ заведеніи юноша занятъ цѣлый день, онъ не теряетъ время на хожденіе въ заведеніе и обратно; онъ не имѣетъ тѣхъ развлеченій и отвлеченій, которыхъ нѣтъ никакой возможности отстранить при открытомъ заведеніи; онъ окруженъ товарищами, которые неминуемо помогаютъ другъ другу въ ученіи, и лучшіе ученики незамѣтнымъ образомъ вліяютъ на худшихъ. При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, обученіе въ закрытомъ заведеніи можетъ, безъ всякаго преувеличенія, идти вдвое скорѣе и съ болѣе прочными и болѣе серьезными результатами ¹⁾.

¹⁾ Чтобы такой взглядъ не показался голословнымъ, я перечислю всѣ предметы, которые самымъ основательнымъ образомъ пришлось мнѣ пройти въ теченіе 4-хъ лѣтъ и по которымъ многіе получали на экзаменахъ и репетиціяхъ почти всегда полныя баллы, — что доказываетъ, что мы серьезно знакомились съ предметамъ.

Собственно говоря, мое настоящее ученіе началось у Полонскаго и началось съ ариѳметики.

Вотъ всѣ предметы, пройденные въ 4 года:

Ариѳметика, элементарная алгебра, геометрія, тригонометрія, высшая алгебра, аналитика, дифференціальное и интегральное исчисленія, статика, аналитическая механика, практическая механика, гидравлика, начертательная геометрія со всѣми ея отраслями: теоріями перспективы, тѣней, свѣтящихся точекъ, разрѣзкою камней, проекціею картъ и проч., геодезія, физика, химія, астрономія, громадный курсъ строительнаго искусства, включающій строительную механику, построеніе желѣзныхъ дорогъ, шоссе, мостовъ, водяныя сообщенія, гидротехническія сооруженія и проч., архитектура, геогнозія, минералогія, гидрографія, тактика, артиллерія, фортификація и стратегія. Къ этому надо добавить предметы общаго образованія, которые и не могли не отнимать извѣстнаго времени: Законъ Божій, географія, исторія, русская и французская словесности, статистика и законовѣдѣніе. При всемъ этомъ множество времени употреблялось на составленіе проектовъ по предметамъ инженернаго искусства и архитектуры и на чертежи для фортификаціи, ситуационныхъ плановъ и эпюръ начертательной геометріи.

Въ довершеніе всего, закрытое заведеніе облагораживаетъ юношу духомъ товарищества и создаетъ самыхъ прочныхъ друзей на всю жизнь.

Институтъ путей сообщенія, будучи закрытымъ заведеніемъ до академическаго курса, т. е., извлекая всю пользу изъ этого режима, имѣлъ еще нѣкоторыя немаловажныя особенности.

1) Никто, никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не могъ ночевать внѣ заведенія.

2) Воспитанники закономъ были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, — что сильно возвышало въ нихъ духъ человѣческаго достоинства и тѣмъ неминуемо способствовало развитію серьезности въ характерѣ.

3) Обязательное обращеніе къ воспитанникамъ на «вы», а не на «ты».

4) Преобладаніе начальства учебнаго, а не полицейскаго, что обуславливалось не только характеромъ заведенія, но выражалось и формальнымъ образомъ. Старшіе дежурные по институту, т. е., главные непосредственные начальники и наблюдатели надъ всѣмъ назначались всегда профессора изъ инженерныхъ офицеровъ болѣе высшихъ чиновъ, которыхъ воспитанники глубоко уважали, а потому и былъ строгій порядокъ.

5) Чрезвычайно разумное въ педагогическомъ смыслѣ распредѣленіе занятій, строгая послѣдовательность въ программѣ и самое строгое педагогическое побужденіе къ неотложности занятій.

Время распредѣлялось слѣдующимъ порядкомъ:

Въ 7 ч. мы вставали, а въ 8 ч. уходили изъ дортуаровъ ¹⁾ пить

При современныхъ порядкахъ, для подобнаго, обширнаго образованія, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, т. е. если учащійся не будетъ ни разсидѣть по два года въ классѣ, надо употребить не менѣе 15 лѣтъ, и все-таки не будетъ выполнена вся программа. Такъ, напримѣръ, нынѣ въ институтѣ путей сообщенія не читаются военныя науки, астрономія, геогнозія и нѣкоторые другіе предметы.

¹⁾ По поводу дортуаровъ, считаю обязанностью сказать нѣсколько словъ вообще о зданіи института, замѣчательно хорошо устроеннаго и приспособленнаго къ гигиеническимъ требованіямъ. Дортуары были довольно обширны и цѣлый день были свободны, т. е., никто не могъ тамъ находиться; классныя залы очень велики и при этомъ освѣжались во время нашего пребыванія на лекціяхъ въ аудиторіяхъ; отопленіе было амосовское, но не то

сбитень. Сбитень былъ отвратителенъ, приготовлялся изъ патоки и зачастую отзывается дегтемъ или кожей; многіе не могли привыкнутьъ къ этому отвратительному напитку; къ сбитню давали полторы булки и кусокъ чернаго хлѣба, и затѣмъ до 2 ч., т. е., до обѣда, ничего не давали.

Послѣ сбитня, мы шли въ классныя залы, и съ этой минуты поступали подѣ вѣдѣніе учебнаго начальства. Классныя залы были очень большія; каждый воспитанникъ имѣлъ особый большой столъ съ огромнымъ ящикомъ для книгъ, тетрадей и проч., подѣ столомъ было приспособленіе для храненія нѣсколькихъ чертежныхъ досокъ. Я упоминаю объ этихъ, повидимому, мелочахъ для того, чтобы показать, что учебное начальство давало всѣ средства къ удобству занятій для каждаго, даже вечеромъ ставилась на столъ каждому особая свѣча.

Въ 8¹/₂ часовъ начиналась первая лекція. Для всѣхъ лекцій назначалось полтора часа, и онѣ читались въ особыхъ аудиторіяхъ, устроенныхъ лѣстницаей, такъ какъ классы заключали до 100 человекъ и болѣе, дабы каждый могъ видѣть то, что пишетъ или чертитъ профессоръ. Время съ 10 до 11¹/₂ предназначалось ежедневно для черченія проектовъ, плановъ, эюръ и проч., и это дѣлалось въ классныхъ залахъ. Съ 11¹/₂ до 12¹/₂ ч. была рекреація, а съ 12¹/₂ до 2 ч. вторая лекція. Въ 2 часа шли къ обѣду, а потомъ на фронтонное ученіе до 5 ч., коимъ, какъ сказано выше, занимали новичковъ, а остальные могли заниматься науками въ классахъ. Время отъ 5 до 8 ч. было занято или лекціями изъ второстепенныхъ предметовъ, или, по преимуществу, репетиціями. Въ 8 часовъ ужинъ, а въ 9 ложились спать.

Обращу вниманіе на разумное распредѣленіе занятій. Никогда

изуродованное, какое встрѣчается кое-гдѣ въ петербургскихъ домахъ. Зданіе института было первое, гдѣ изобрѣтатель самъ устроилъ свою систему и самъ слѣдилъ за правильностью операціи отопленія. Никакой сухости воздуха мы не ощущали; управлять температурой можно было съ математическою точностью; вентиляція, необыкновенно сильная, дѣйствовала непрерывно и днемъ и ночью. Доказательствомъ отличныхъ гигиеническихъ условій института можетъ быть тотъ фактъ, что въ теченіе почти двухъ лѣтъ моего тамъ пребыванія не было не только ни одного смертнаго случая, но и никакой серьезной съ кѣмъ-нибудь болѣзни, въ родѣ тифозной горячки или чего-либо подобнаго, изъ числа безъ малаго 300 человекъ.

не было, чтобы лекціи чередовались безъ значительнаго промежутка. Серьезныхъ лекцій, которыя читались обыкновенно до обѣда, было всего двѣ въ день, съ промежуткомъ въ 2½ часа. Такимъ образомъ воспитанникъ, выслушавшій первую лекцію, имѣлъ возможность немедленно обдумать, при свѣжей памяти, только-что выслушанную лекцію, пересмотрѣть свою запись, сличить ее съ записью товарищей, пополнить пропущенное и сдѣлать свои отмѣтки. На повѣрку выходило, что воспитанникъ, серьезно занимавшійся, могъ, въ большей части случаевъ, отвѣчать вечеромъ по вопросу, выслушанному имъ утромъ того же дня.

Строгое педагогическое побужденіе къ неотложнымъ занятіямъ обуславливалось, главнымъ образомъ, системою репетицій. Вслѣдствіе большаго числа воспитанниковъ въ классахъ, по каждому главному предмету, было по 4 или 5 репетиторовъ или помощниковъ профессоровъ. Каждый репетиторъ имѣлъ партію до 20 человѣкъ и приходилъ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю для проэкзаменовки воспитанниковъ своей партіи, назначая къ отвѣту тѣхъ, которыхъ ему вздумается. Дабы тотъ или другой воспитанникъ не думалъ, что, отвѣтивъ, положимъ, сегодня, онъ не будетъ назначенъ къ отвѣту въ слѣдующій разъ, — репетиторы часто назначали того или другаго воспитанника къ отвѣту нѣскольку разъ сряду; словомъ сказать, не было никакой возможности ориентироваться относительно дня, въ который придется отвѣчать, и потому серьезно занимающіеся воспитанники должны были быть всегда готовы къ отвѣту.

Каждый воспитанникъ подвергался, такимъ образомъ, частнымъ экзаменамъ не менѣе 10 или 12 разъ въ сезонъ, а если добавить случайные вызовы къ отвѣту самими профессорами, то эта цифра достигала не рѣдко 15 разъ. Къ этому надо добавить, что на репетиціяхъ могли присутствовать всѣ другіе воспитанники, и, такимъ образомъ, слушая отвѣты, научиться безъ особаго труда. Затѣмъ, каждый, хорошо занимающійся воспитанникъ былъ, абсолютно, нравственно обязанъ, по просьбѣ товарищей, дѣлать разъясненія, т.-е., лучше сказать, читать имъ лекціи, — и это дѣлалось тоже публично и было полезно не только слушателямъ, но и самому лектору, приучая его къ умѣнью передавать свое знаніе ясно.

За отвѣты на репетиціяхъ выставялись баллы. Передъ праздникомъ Рождества производился общій полугодовой экзамень и, наконецъ, по окончаніи сезона, переводный или выпускной экзамень. Каждый изъ экзаменаторовъ задавалъ особые вопросы, но всѣ выставяли баллы по всѣмъ вопросамъ независимо одинъ отъ другаго; изъ этихъ отбѣтокъ выводилась средняя цифра.

Была принята слѣдующая система оцѣнки: высшимъ балломъ считалась цифра 10; средняя цифра годовыхъ балловъ, получаемыхъ на репетиціяхъ, множилась на 4, средній баллъ полугодоваго экзамена множился на 2, а средній баллъ годоваго экзамена—на 4 и затѣмъ сумма дѣлилась на 10. Крайнимъ удовлетворительнымъ балломъ изъ главныхъ предметовъ считалась цифра 6,66, то-есть $6\frac{2}{3}$.

Объяснять здѣсь всѣ соображенія, послужившія основою для такой системы, было бы неумѣстно; но скажу, что она чрезвычайно рациональна, строго обдуманна и вполне справедлива. При этой системѣ, случайная неудача на годовомъ или полугодовомъ экзаменѣ—отъ конфузливости, или отъ другихъ причинъ, возможныхъ, въ особенности, при той торжественной обстановкѣ, съ какою производились у насъ экзамены, въ присутствіи трехъ экзаменаторовъ, лицъ экзаменаціонной коммиссіи и массы товарищей—не губили юношу и въ то же время исключали произволъ въ оцѣнкѣ. Самая цифра 10, принятая высшимъ балломъ, представляется несравненно болѣе практичною, чѣмъ 5 или 12, въ особенности при вышеупомянутой формулѣ. Неудовлетворительность 5-балльной системы не могутъ не сознавать сами профессиональные педагоги, почему-то, однако, защищающіе ее. Еслибы она была удовлетворительна, то зачѣмъ же выставять ту же самую цифру въ трехъ видахъ: безъ знака, со знакомъ плюсъ, или со знакомъ минусъ. На повѣрку выходитъ, что эта система не 5-ти-балльная, а 15-ти-балльная, не представляющая однако опредѣленности. 12-ти-балльная система составляетъ лишній баластъ. Иные говорятъ, что—«не все ли равно, какую цифру принять за высшій баллъ?» Если бы это было безразлично, то почему не взять 20 или 40? Очевидно, слѣдовательно, что, во всякомъ дѣлѣ, должна быть мѣра. Въ данномъ случаѣ цифра 5 мала, а цифра 12 нѣсколько велика, цифра же 10 оказывалась на практикѣ наиболѣе удобной.

Оставя въ сторонѣ этотъ вопросъ, скажу, что принятый въ то время у насъ способъ оцѣнки не возбудилъ, въ теченіе всего моего пребыванія въ институтѣ, ни разу въ комъ-либо неудовольствія на несправедливость оцѣнки, могущей вытекать отъ личнаго произвола или отъ самой системы.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ о господствовавшей у насъ строгой послѣдовательности программы. Эмпиризмъ, какъ недостойный пріемъ для высокой, абсолютной науки математики съ ея развѣтвленіями и приложеніями, былъ совершенно исключенъ.

Какъ бы просто ни было рѣшеніе вопроса, его не касались преждевременно, пока это рѣшеніе или извѣстное понятіе не могло быть строго доказано изъ предшествующаго знанія. И это соблюдалось какъ по каждому предмету въ отдѣльности, такъ и въ общемъ ходѣ наукъ. Программа эта была плодомъ труда великихъ ученыхъ и профессоровъ математики Парижской политехнической школы и перенесена на нашу почву основателями института, европейскими знаменитыми профессорами той же школы ¹⁾, и впослѣдствіи получила санкцію нашихъ европейскихъ знаменитостей: Остроградскаго, Буняковского и другихъ.

Приведу одинъ образчикъ строгой послѣдовательности программы. Напримѣръ, у насъ преподаваніе физики начиналось только въ первомъ офицерскомъ классѣ, послѣ того, какъ мы прослушали уже курсъ дифференціального и интегрального исчисленій. Понятна должна быть для свѣдущаго человѣка причина такого поздняго, повидимому, преподаванія физики. Вступая въ область этой науки, первымъ вопросомъ, на который мы наталкиваемся, есть законъ тяготѣнія, какъ основа всей науки. Можно ли доказать формулу, хотя и очень простую, выражающую этотъ законъ, т. е. явленіе тяготѣнія, безъ помощи дифференціального и интегрального исчисленій? Этотъ одинъ примѣръ доказываетъ, до какой стро-

¹⁾ Этими профессорами были: Потье, Ламе, Базенъ, Бетанкуръ, Клапейронъ, Фабръ, Дестремъ и другія, менѣе громкія, имена. Самое преподаваніе наукъ долгое время производилось на французскомъ языкѣ. Еще я засталъ, въ 1843 году, преподаваніе на этомъ языкѣ „физики“ академикомъ ЛуиFEROMъ. Впрочемъ, были тоже вначалѣ и русскіе профессора, въ числѣ ихъ: Висковатовъ и извѣстный академикъ Гурьевъ.

гости доходила у насъ послѣдовательность въ программѣ преподаванія предметовъ.

Такой послѣдовательности теперь не существуетъ. Не говоря уже о программахъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, эмпиризмъ вторгнулся, кажется, и въ университетское преподаваніе. На примѣръ, лѣтъ 10 тому назадъ, мнѣ случилось видѣть литографированный курсъ «Введенія въ анализъ». Предметъ этотъ читается въ университетѣ ранѣе «Вышей алгебры» и дифференціального исчисления. Я замѣтилъ въ означенномъ курсѣ преобладаніе эмпирическихъ приѣмовъ.

Означенный предметъ по существу своему не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія, а можетъ быть разсматриваемъ лишь какъ экзерсисъ для выкладокъ, — и мы, пожалуй, ничего не имѣли бы сказать противъ этихъ экзерсисовъ, если бы они, отправляясь отъ эмпиризма, не подрывали тѣмъ довѣрія начинающаго учиться серьезно математикѣ въ абсолютную строгость этой науки, и не охлаждали потому учащагося съ самаго начала.

Здѣсь, кстати, не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу современныхъ руководствъ къ элементарной математикѣ. Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, когда всѣ, отъ «мала до велика», заразились болѣзью охуждать и ломать безъ разбора все прежнее, эта болѣзнь охватила и сферу преподавателей. «Элементарная математика-де устарѣла, надо-де ее перестроить». И вотъ пошли разныя новыя руководства; что ни заведеніе, то и особое руководство, составленное самимъ преподавателемъ или проводимое имъ по собственнымъ соображеніямъ... И расплодилось ихъ многое множество. Тѣ лица, которыя должны бы были остановить эту горячку, сами были заражены тою же болѣзью и не только не противились означенному вредному стремленію, но, напротивъ, покровительствовали ему, полагая, по причинѣ своей некомпетентности въ вопросѣ, что это стремленіе обнаруживаетъ движеніе мысли, сдерживавшейся, будто бы, до тѣхъ поръ во всемъ прежнемъ режимомъ. Составители же новыхъ руководствъ, хотя отчасти и двигались самолюбіемъ и желаніемъ отличиться, но не малую роль играла охота наживы, путемъ исходайствованія начальственнаго постановленія о принятіи въ руко-

водство, по большому числу заведеній, ихъ компиляціи на новый манеръ. Эти составители руководствъ по элементарной математикѣ, не будучи собственно математиками, а просто учителями математики, упустили изъ виду, что прежнія руководства были составлены великими геометрами и мыслителями, которые строго обдумали порядокъ изложенія и доказательствъ, и, несмотря на то, что занимались высшими вопросами математики и законовъ природы, снизошли до составленія элементарныхъ курсовъ, зная, какъ важно дать твердую основу для высшаго анализа.

Плаваая лишь въ низшихъ слояхъ математической науки, эти составители новыхъ руководствъ не поняли даже и того, что элементарная математика не можетъ подлежать измѣненіямъ, какъ не должны подлежать измѣненіямъ формы буквъ азбуки. Чтобы отличить чѣмъ-нибудь свое руководство отъ другаго, эти новаторы стали перескакивать чрезъ преграды и потому необходимо должны были прибѣгать къ эмпирическимъ приѣмамъ. Не мѣшало бы вновь обратиться къ прежнимъ столпамъ элементарной математики, поставленнымъ великими двигателями науки, и придерживаться ихъ. Въдъ нынѣшній методъ, направляемый будто бы для развитія соображеній, не многимъ отличается отъ загадокъ и афоризмовъ «Пруткова».

XII.

Учебный персоналъ института путей сообщенія въ началѣ сороковыхъ годовъ. — Знаменитый геометръ Остроградскій.

Обращусь теперь къ учебному персоналу. Севастьяновъ, какъ было упомянуто выше, былъ главнымъ непосредственнымъ начальникомъ учебной части. Онъ отлично велъ свою часть. Самъ онъ былъ ученый и весьма талантливый человѣкъ, пропагандировавшій первый въ нашемъ отечествѣ науку начертательную геометрію со всевозможными ея отраслями, какъ-то: теорією перспективы, теорією тѣней и свѣтящихся точекъ, разрѣзкою камней, проекцію картъ и проч. Но главной его заслугой было — совокупить въ инсти-

тутъ самыя наилучшія учебныя силы, и, по счастью, изъ математики, наилучшія силы въ Европѣ. Профессорами изъ предметовъ высшей математики были академики: гениальный Остроградскій и талантливѣйшій, съ безпримѣрною эрудиціею, знаменитый Буняковскій; затѣмъ шли: академики — Купфѣрь, Гессъ и Чижевъ, а изъ инженеровъ: Мельниковъ, Кербедзъ, Янушевскій, Волковъ, Добронравовъ, Полонскій, Соболевскій, Языковъ, Глуховъ, Собко, Евреиновъ, Ястржебскій, Липинъ, Зуевъ, Пероттъ, Комаровъ, Баландинъ, Красовскій и другіе, которые оставили неизгладимыя слѣды своей научной профессорской дѣятельности.

Окруженные такой плеядой, среди которой блистали такія два солнца, какъ Остроградскій и Буняковскій, можно ли было не питать самаго глубокаго уваженія къ тогдашнему нашему учебному персоналу и не относиться серьезно къ своему ученію? Не было и тѣни шалостей и школьничества, какія совершались на каждомъ шагу въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на то, что у насъ все-таки огромное большинство воспитанниковъ состояло изъ юношей отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ. Всякій воспитанникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ счастья и достиженія великой чести — слушать лекціи Остроградскаго.

Остроградскій читалъ въ первомъ офицерскомъ классѣ и экзаменовалъ всегда выпускной классъ, долженствующій въ слѣдующій сезонъ слушать его. Когда, въ дни носѣшенія имъ института, кто-нибудь крикнетъ бывало — «Остроградскій идетъ», то воспитанники другихъ классовъ бросались въ корридоръ взглянуть на этого человѣка; хотя появленіе въ корридорахъ строго воспрещалось, но дежурные офицеры въ этотъ моментъ смолкали. Вся внѣшность Остроградскаго выражала могущество, невольно поражавшее всякаго. Глядя на его благородное, возвышенное чело, на его лицо, пріятное и выражающее глубокій умъ и твердость, чувствовалось, что вы видите предъ собою могучаго мыслителя, невольно дѣйствующаго на зрителя импонирующимъ образомъ.

Остроградскій читалъ у насъ аналитическую механику, то-есть любимую имъ науку, которая обязана ему рѣшеніемъ главной ея задачи — общаго движенія, надъ которымъ трудились всѣ великіе

геометры прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій, но не успѣшно. Ему первому принадлежитъ честь и слава обнять общій вопросъ движенія, рѣшить его и короновать тѣмъ зданіе этой міровой науки; дальше идти некуда.

Любилъ онъ, конечно, эту науку и потому, что она, въ совокупности съ основными законами физики, трактуетъ объ основныхъ началахъ мірозданія. Безъ глубокаго уразумѣнія этихъ наукъ, вслѣкія философіи являются пустословіемъ. Только эти науки могутъ дать нить для сознанія безконечно-разумнаго и всемогущественнаго, а слѣдовательно и нить къ уразумѣнію отношенія этого безконечно-разумнаго и всемогущественнаго къ человѣку, какъ частицѣ безконечно-разумнаго.

Всѣ серьезно занимавшіеся молодые люди ждали всегда лекціи Остроградскаго съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ манны небесной. Слушать его лекціи было истиннымъ наслажденіемъ, точно читался намъ высоко-поэтическія произведенія. Онъ былъ не только великій математикъ, но, если можно такъ выразиться, и философъ-геометръ, умѣвшій поднимать духъ слушателя. Ясность и краткость его изложеній были поразительны; онъ не мучилъ выкладками, а постоянно держалъ мысль слушателя въ напряженномъ состояніи относительно сущности вопроса. Всѣми мѣрами онъ старался, чтобы слушатели слѣдили за нимъ и могли понимать его; для этого, когда какой-нибудь вопросъ обнималъ нѣсколько лекцій, онъ начиналъ всегда съ резюме всего уже высказаннаго о вопросѣ въ прежнихъ лекціяхъ, и затѣмъ уже шель далѣе: поэтому нерѣдко случалось, что для дальнѣйшаго изложенія вопроса оставалось менѣе получаса времени.

Читалъ онъ съ большою горячностью: писалъ огромными буквами и потому быстро наполнялъ доску, и затѣмъ бросался къ большому столу, покрытому черной клеенкой, продолжалъ писать на ней и, поднявъ ее, показывалъ написанное слушателямъ. При его горячемъ чтеніи, онъ скоро уставалъ, садился на нѣсколько минутъ отдохнуть и много пилъ воды.

Въ тотъ годъ, когда мнѣ пришлось слушать его, онъ читалъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ, вѣроятно потому, что въ нашемъ классѣ, состоявшемъ изъ 100 человѣкъ, было по крайней мѣрѣ человѣкъ 15,

которые не только могли вполне понимать его, но и оценить то богатство, которым он делился с нами. Впоследствии, когда институтъ былъ преобразованъ и стали принимать туда мальчиковъ 11-ти и 12-ти лѣтъ, слѣдовательно безъ всякаго соображенія о степени способности ребенка къ математическимъ наукамъ, и когда водворилась мысль объ ограниченіи широкаго математическаго образованія, и на оценку успѣховъ воспитанниковъ, дѣлаемую Остроградскимъ, не стали обращать вниманія, онъ, весьма натурально, охлаждалъ къ институту, сжалъ свой курсъ и сталъ относиться къ слушателямъ, какъ къ дѣтямъ, а потому слушавшіе его въ послѣдніе годы не получили никакого понятія о настоящемъ Остроградскомъ.

Остроградскій любилъ возбуждать въ учащихся соревнованіе и тѣмъ напрягать ихъ мысль, и умѣлъ иногда поощрять ихъ однимъ словомъ, которымъ, конечно, страшно дорожили, — что служило сильнымъ подстрекательствомъ для занятій.

Разскажу эпизодъ, случившійся со мною.

Я уже сказалъ, что Остроградскій, по обыкновенію, всегда экзаменовалъ выпускной классъ, который долженъ былъ поступить на его курсъ. Эти его экзамены висѣли цѣлый годъ, какъ Домокловъ мечъ, надъ головами выпускныхъ. Характеръ его экзаменовъ наводилъ паническій страхъ потому, что онъ пыталъ главнымъ образомъ способность и сообразительность ученика и не придавалъ большаго значенія тѣмъ вопросамъ, гдѣ могли играть большую роль память, т. е. тому, что можно было задолбить. Самъ онъ, обыкновенно, задавалъ рѣшать каждому, болѣе или менѣе, курьезные интегралы и поэтому судилъ о степени сообразительности экзаменующагося, а ассистенты его задавали теоретическіе вопросы.

Въ тотъ годъ, когда мнѣ пришлось экзаменоваться у Остроградскаго, нашъ выпускной классъ имѣлъ 110 человѣкъ, и я стоялъ первымъ по списку. Замѣчу здѣсь кстати, что во все время пребыванія въ институтѣ, я и братъ мой Ипполитъ, постоянно, при переходѣ изъ класса въ классъ, чередовались первыми мѣстами. Остроградскій же имѣлъ обыкновеніе особенно сильно пытаться учениковъ, высоко стоящихъ по списку.

Когда я подошелъ для экзамена къ Остроградскому, онъ ска-

заль: — «посмотримъ, посмотримъ,—первый!» Надо сказать, что въ рѣчи Остроградскаго рѣзко слышался малороссійскій выговоръ, на-примѣръ, вмѣсто *и* отчасти звукъ *и*, букву *е* онъ произносилъ твердо, какъ *э* обратное, въ звукѣ *я* отзывалось *а*, а въ звукѣ *ю* слышалось *у*.

Остроградскій задать мнѣ рѣшить не очень курьезный интеграль. Задавалъ онъ обыкновенно на грифельной доскѣ, указывалъ сѣсть гдѣ-нибудь отдѣльно и давалъ время для обдумыванія. Такъ какъ заданный мнѣ интеграль былъ не особенно труденъ, то я очень скоро рѣшилъ его и подаль грифельную доску Остроградскому. Задаваемые имъ интегралы значились у него на длинномъ спискѣ съ окончательными выводами. Онъ сличилъ мой выводъ съ своимъ спискомъ и сказалъ:

— Не то!

Я отошелъ, пересмотрѣлъ рѣшеніе и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Я рѣшилъ вѣрно.

— Вотъ окончательный выводъ, сказалъ Остроградскій и показалъ мнѣ свой списокъ.

Дѣло было въ томъ, что я, рѣшивъ интеграль и подставивъ предѣлы, не сдѣлалъ сокращенія, т. е. чисто механической операція, не относящейся собственно къ интегральному численію.

— Я рѣшилъ интеграль, профессоръ, сказалъ я; — это суть дѣла, операція же сокращенія есть пустякъ, а я занимался не пустяками.

— А чѣмъ вы занимались?

— Вамъ извѣстна въ нашемъ курсѣ задача, рѣшаемая помощью двойнаго интегрированія, а я рѣшилъ ее однимъ интегрированіемъ, сказалъ я.

— Вотъ какъ? — покажите!

Въ теченіе учебнаго сезона, послѣ долгаго ломанія головы, мнѣ посчастливилось найти пріемъ замѣнить въ упомянутой задачѣ двойное интегрированіе однимъ, о чемъ я сообщалъ моему товарищу Кусакову, съ которымъ постоянно занимался, и записать это рѣшеніе въ его тетради; такимъ образомъ Кусаковъ отлично зналъ это рѣшеніе.

Опасаясь, чтобы Остроградскій, если я покажу ему одно голое

рѣшеніе, не подумаль, что я вычиталь гдѣ-нибудь это рѣшеніе, я вздумаль объяснить ему, какимъ путемъ я достигъ мысли о рѣшеніи двойнаго интегрированія однимъ интегрированіемъ, т. е. я вздумаль разсказать всю исторію моего головоломанія, пока я не достигъ рѣшенія. Такъ какъ постепенное изложеніе этого моего головоломанія требовало не мало времени, то Остроградскому надоѣло это слушать, и онъ, не выдавши еще моего оригинальнаго рѣшенія, поставилъ мнѣ только 7 балловъ (эта цифра для перваго ученика была убійственна) и сказалъ: «Пустяки, идите къ доскѣ». Отвѣтамъ изъ теоретическихъ вопросовъ, какъ я упомянулъ выше, онъ не придаваль значенія. Хотя ассистенты поставили мнѣ полныя баллы, какъ и Остроградскій, изъ теоретическихъ вопросовъ, но у него фигурировала семерка за рѣшеніе интеграла, и моя пѣсенка, какъ перваго ученика, была спѣта, т. е. я, не получивъ полныхъ балловъ, терялъ свое мѣсто. Но главнымъ образомъ меня мучило то обстоятельство, что Остроградскій получилъ невыгодное впечатлѣніе о моихъ познаніяхъ, и что мнѣ не удалось доказать ему противнаго. Но въ то время, когда я отвѣчалъ теоретическіе вопросы у доски, мой товарищ Кусаковъ стоялъ подлѣ Остроградскаго, ожидая своей очереди экзамена. Онъ имѣлъ уже болѣе 21-го года и обладалъ смѣлымъ и благороднымъ характеромъ. Увидавъ, что Остроградскій выставилъ мнѣ семерку, онъ вспыхнулъ и сказалъ ему:

— Профессоръ, вы обидѣли Панаева, я знаю рѣшеніе того интеграла, о которомъ онъ началъ вамъ говорить; не угодно ли, — я вамъ покажу.

Не пройдя чрезъ ту головоломку, чрезъ которую я прошелъ, и зная лишь голое рѣшеніе задачи, онъ быстро показаль ее Остроградскому. Когда я отошелъ отъ доски, Остроградскій подозваль меня и сказалъ:

— Я поставлю вамъ теперь вмѣсто семерки девять.

Но все-таки мнѣ было обидно, ибо пять воспитанниковъ, менѣе меня знакомыхъ съ предметомъ, получили полныя 10 балловъ. Дѣлать было нечего, надо было мириться съ обстоятельствомъ, которое, однако, грызло меня.

Въ послѣдній день экзамена Остроградскій былъ въ веселомъ расположеніи духа, шутилъ съ окружавшими его воспитанниками и сказалъ:

— Я доволенъ, классъ хорошъ, но все-таки никто изъ васъ не рѣшитъ одного интеграла,—развѣ Лебедевъ?

Это былъ мой конкурентъ, обладавшій баснословною памятью, что и обнаружилось впоследствии, именно во время курса Остроградскаго, когда въ особенности надо было брать соображеніемъ, а не памятью.

Многіе записали объявленный имъ интегралъ, а именно:

$$\int_0^{\infty} \frac{\sin x dx}{x}$$

Дѣло было въ послѣдній день передъ страстной недѣлей; въ эту недѣлю никакихъ занятій, конечно, не было, и мы ходили въ церковь по три раза въ день. Съ той минуты, какъ Остроградскій объявилъ упомянутый интегралъ, я ни о чемъ другомъ не мыслить, какъ о томъ, чтобы найти способъ его рѣшенія. Думалъ объ этомъ сидя въ классѣ и перебирая сотни различныхъ приѣмовъ, думалъ объ этомъ ложась спать, думалъ стоя въ церкви, думалъ, думалъ, но все было неудачно. Наконецъ, какъ теперь помню, во время чтенія 12-ти евангелій, вдругъ нарисовался въ моей мысли крайне оригинальный приемъ для рѣшенія задачи. Совершивъ въ умѣ всю операцію, мнѣ показалось, что дѣло рѣшено, но я не совсѣмъ еще довѣрялъ себѣ, такъ какъ нужна была извѣстная выкладка. Изъ церкви я побѣжалъ въ классъ, сейчасъ же попробовалъ изложить рѣшеніе на бумагѣ и убѣдился, что задача рѣшена ¹⁾. Я не помню

$$\begin{aligned} & 1) \int_0^{\infty} \frac{\sin x}{x} dx. \text{ Мнѣ пришла мысль замѣнить } \sin x \text{ минимымъ его выра-} \\ & \quad \text{женіемъ.} \\ & \int_0^{\infty} \frac{\sin x}{x} dx = \int_0^{\infty} e^{\frac{x\sqrt{-1} - x\sqrt{-1}}{x^2\sqrt{-1}}} dx = \int_0^{\infty} \frac{e^{ax} - e^{-ax}}{2ax} dx, \text{ гдѣ } a = \sqrt{-1}. \end{aligned}$$

Можно себѣ представить, что подлинте- — $\ln x$
гральная величина произошла отъ инте- $\frac{e}{x}$
грированія извѣстной функціи b , дав-
шаго результатъ: между предѣлами отъ $\frac{1}{2}a$ до $-a$.

во всей моей жизни момента, когда бы я былъ въ большемъ восторгѣ.

Мнѣ было тогда $17\frac{1}{2}$ лѣтъ. Я привожу въ выносѣ мое рѣшеніе этого интеграла. Специалистъ-математикъ сдумаетъ взвѣсить, что для рѣшенія даннаго интеграла и рѣшенія его изложеннымъ здѣсь путемъ нужно было, кромѣ сообразительности, имѣть не малую дозу знанія. Такимъ образомъ, приведенный здѣсь фактъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, какъ быстро и серьезно велось, въ оныя времена, образованіе въ институтѣ. Нынѣ юноша въ $17\frac{1}{2}$ лѣтъ едва достигаетъ только половины элементарной алгебры и возится еще съ уравненіемъ 2-й степени, т. е. находится, въ отношеніи курса математики, въ томъ дѣтскомъ возрастѣ, когда дитя едва начинаетъ ползать.

Остроградскій долженъ былъ придти въ четвергъ на Пасхѣ, чтобы дать нѣкоторымъ переэкзаменовку. Надо было ждать шесть дней, и я сгоралъ отъ нетерпѣнія. Когда Остроградскій пришелъ и я подалъ ему мое рѣшеніе, онъ обратился къ окружающимъ и спросилъ:—«не рѣшилъ ли еще кто-нибудь?»—послѣдовало молчаніе. Тогда онъ подошелъ къ столу, взялъ экзаменныя списки и, вмѣсто стоявшихъ тамъ 9-ти, поставилъ мнѣ 10-ть въ квадратѣ. Этотъ

$$\frac{1}{2a} \int_0^{\infty} dx \left(\frac{e^{-bx}}{x} \right)_{+a}^{-a}$$

Дифференцируя и интегрируя по b , получимъ:

$$\begin{aligned} \frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} \int_0^{\infty} -dx \left(e^{-bx} \right) db &= \frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} db \int_0^{\infty} e^{-bx} \cdot -dx = \\ &= \frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} db \left(\frac{e^{-bx}}{b} \right)_0^{\infty} = -\frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} \frac{db}{b} = \frac{1}{2a} \int_{-a}^{+a} \frac{db}{b} = \\ &= \frac{1}{2a} \left(\log b \right)_{-a}^{+a} = \frac{\log(-1)}{2\sqrt{-1}} = \frac{\pi}{2}. \end{aligned}$$

Слѣдовательно: $\int_0^{\infty} \frac{\sin x}{x} dx = \frac{\pi}{2}.$

квадратъ собственно никакого значенія имѣть не могъ; но Остроградскій, конечно, хотѣлъ выразить этимъ свое удовольствіе.

Съ этой минуты Остроградскій запомнилъ меня, и въ слѣдующій сезонъ, когда я, офицеромъ, слушалъ его курсъ, онъ относился ко мнѣ оригинальнымъ образомъ. Послѣ одной изъ своихъ лекцій, онъ впервые вызвалъ меня для отвѣта; я подошелъ къ доскѣ и едва началъ говорить и писать, какъ Остроградскій сказалъ:

— Садитесь!

Я рѣшительно пришелъ въ недоумѣніе, — что это значить? и сказалъ:

— Позвольте же мнѣ, профессоръ, отвѣтить.

— Не надо, сказалъ онъ, — помню интеграль и ставлю вамъ теперь полный баллъ.

Это слово было сказано въ присутствіи 100 товарищей, сидѣвшихъ въ аудиторіи, и онъ повторилъ со мною то же самое не менѣе пяти разъ въ сезонъ, и всякій разъ говорилъ: — «помню интеграль». Изъ этого можно заключить, какъ умѣлъ онъ возбуждать сильное рвеніе въ своихъ слушателяхъ.

По окончаніи сезона Остроградскій назначилъ меня на публичный экзаменъ. Эти экзамены не имѣли для учащихся никакого значенія, ибо дѣлались послѣ настоящихъ экзаменовъ, когда было уже объявлено о результатахъ ихъ. На публичный экзаменъ назначались лучшіе ученики; это была честь для нихъ. На эти экзамены приглашался весь ученый міръ Петербурга, и многіе являлись съ дамами. Сѣзжалось человѣкъ до 300 и болѣе. Эти экзамены приучали людей къ находчивости, къ умѣнью хорошо говорить и къ тому, чтобы не конфузиться.

Передъ означеннымъ экзаменомъ Остроградскій пришелъ осведомиться — хорошо ли я приготовился къ вопросамъ, которые значились въ билетахъ? Придя, онъ подаль мнѣ кучу билетовъ и сказалъ: «берите!»

— Незачѣмъ, отвѣтилъ я, — какой бы билетъ ни попался, я буду отвѣчать одно и то же.

— Какъ такъ? и, посмотрѣвъ на меня съ неудовольствіемъ, продолжалъ: — значить, вы не готовы на всѣ билеты?

— Нѣтъ, готовъ вполне, но на публичномъ экзаменѣ мучить

слушателей длинными выкладками, которыхъ, за исключеніемъ самаго малаго числа лицъ, никто не понимаетъ, будетъ скучно для остальныхъ. Вашъ курсъ такъ систематиченъ, что я, прежде отвѣта по какому-нибудь частному вопросу, всегда могу приступить къ изложенію общаго вопроса о движеніи, что для публики будетъ интереснѣе; это изложеніе можно сдѣлать нѣсколько понятнымъ для большинства и говорить о немъ хотя цѣлый часъ, а насъ болѣе четверти часа не держать.

Остроградскій захохоталъ и сказалъ: «ну, будь по-вашему» и — ушелъ, увѣрившись изъ моихъ словъ, что дѣло пройдетъ гладко — и оно такъ и прошло.

По мѣрѣ возможности, я далъ краткій очеркъ о значеніи Остроградскаго; но, вѣдь, онъ, въ сущности, необъятная величина въ области математики; а между тѣмъ, я встрѣчалъ не мало студентовъ математическаго факультета, которые игнорировали не только то, что онъ свершилъ въ математикѣ, но и громкое имя Остроградскаго, составляющее гордость Россіи и самой науки.

Вѣдь Остроградскій явился творцомъ не въ одной наукѣ о движеніи, онъ былъ великимъ созидателемъ и въ области чистаго анализа. Какъ геометръ-философъ, онъ не выносилъ частныхъ рѣшеній вопросовъ: его гений влекъ его къ рѣшеніямъ общимъ, абсолютнымъ. Публичныя лекціи, читанныя имъ въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, открыли необъятный, новый горизонтъ и безконечное поле для математическаго анализа. Лекціи эти были составлены и изданы весьма извѣстными учеными — Бурачкомъ и Зеленымъ. Вотъ что говорятъ, между прочимъ, въ своемъ предисловіи эти весьма извѣстные и вполнѣ компетентные ученые люди: «Многіе являются неумолимыми, всегда, впрочемъ, неправыми судьями, представляющими высшій анализъ или бесполезнымъ, или ужаснымъ, доступнымъ только для избраннѣйшихъ, требующимъ головы, но крайней мѣрѣ — не человѣческой. Ничего не бывало! Ни одна наука такъ не нужна, такъ не проста, такъ не обща, какъ анализъ, потому что въ немъ неразрывная цѣль чистыхъ истинъ, нѣтъ мѣста произволу, гипотезамъ, больше или меньше наводняющимъ и затемняющимъ всѣ другія науки, — только бы мастеръ взялся выстроить аналити-

ческую лѣстницу. Самая высшая ступенька ея отличается отъ самой нижней только тѣмъ, что до нея, какъ на всякой лѣстницѣ, надо перейти сперва промежуточные ступеньки. Бесѣды Остроградскаго и есть точно такая лѣстница. Такой недоставало, нѣтъ еще ни на одномъ языкѣ, тѣмъ болѣе у насъ. Какъ не пожелать, чтобы она была кончена, какъ начата, въ Россіи».

Грустно, однако, прочесть теперь все предисловіе означенныхъ ученыхъ къ изданіямъ лекцій Остроградскаго. Эти ученые, соболѣзнуя о слабомъ развитіи у насъ математическаго образованія и перечисливъ всѣ главные причины такого факта, выражали полную надежду, что въ скоромъ будущемъ это образованіе должно распространиться, въ особенности послѣ изложенія анализа, упрощеннаго и яснаго, Остроградскимъ, анализа, имъ самимъ созданнаго, который, по ихъ мнѣнію, не только вообще можетъ, но — «долженъ войти въ сферу общаго образованія, какъ основной, послѣ религии, элементъ воспитанія, какъ зодчій, долженствующій быть неотлучнымъ спутникомъ, руководителемъ и совѣтникомъ каждаго и довести мысль до той вышины, гдѣ вѣчный свѣтъ и нѣтъ тумановъ».

Не сбылись, друзья, пророчества,
Вашей юности—мечты;
Идалокъ жребій его творчества:
Мракъ царить отъ слѣпоты.

Большаго упадка математическаго образованія, какъ теперь, нельзя себѣ и представить. Много горькихъ послѣдствій мы уже испытываемъ и будемъ впредь испытывать отъ этого паденія, если будемъ продолжать идти въ образованіи юношей настоящимъ путемъ. Пора намъ опомниться, пора понять, что въ такъ именуемомъ классическомъ образованіи главную роль должна играть наука всѣхъ наукъ—математика; пора перестать преклоняться предъ лжемудрствованіемъ человека ¹⁾, безспорно обусловившаго припятую нынѣ систему образованія, двигаясь, въ сущности, однимъ непомѣрнымъ, личнымъ самолюбіемъ и неодолимымъ желаніемъ, во что бы то ни стало, вліять, вслѣдствіе разныхъ благоприятныхъ для него обстоятельствъ, на всѣ вопросы государственной жизни, и принося тѣмъ неисчислимый вредъ цѣлому поколѣнію, способствуя, всею силою

¹⁾ Авторъ разумѣетъ здѣсь Каткова.

огромнаго своего вліянія, размноженію безполезныхъ паріевъ. Вѣдь означенное лжемудрствованіе привело къ результату прямо противоположному тому, какого намѣревались достигнуть системою нынѣшняго образованія; а именно, оно привело не къ дисциплинѣ разума, а къ анархіи его; ибо лучшей дисциплины для разума юноши не можетъ быть, какъ образованіе математическое.

Не говоря о томъ, что всѣ науки, примѣненіе которыхъ нужно на каждомъ шагѣ въ жизни общества и каждого отдѣльнаго лица, т. е. всѣ существенныя науки не могутъ обойтись безъ математики и безъ непосредственнаго пользованія ею, но математическое образованіе нужно и внѣ этой потребности: оно обладаетъ свойствомъ вооружать людей строгостью мышленія, послѣдовательностью въ сужденіяхъ, возможностью понимать сложные, запутанные вопросы и умѣніемъ выражать свои мысли, по возможности, кратко и ясно. Между тѣмъ, при нынѣшней системѣ образованія, математика не только находится «*de facto*» въ полной опалѣ, но допускается даже предавать ее официально глумленію. Напримѣръ, одинъ изъ профессоровъ не математическаго факультета, въ премудрости своей, ради издѣвательства надъ математикой, провозгласилъ однажды съ каеэдръ:— «Господа! можете вполне убѣдиться, что математика есть наука самая точная; это слѣдуетъ ясно изъ того, что она трактуеть о точкѣ». За это свое изреченіе онъ заслужилъ отъ слушателей громъ неистовыхъ рукоплесканій. Какова серьезность образователя юношества? Что же касается до слушателей, то ихъ винить нельзя. Конечно, имъ было пріятно услыхать съ каеэдръ издѣвательство надъ тою наукою, которой они не учатся и которая имъ не далась потому, что требовала труда серьезнаго; другими словами, имъ было пріятно услыхать официальное одобреніе своему невѣжеству по части математики.

При подобномъ отношеніи вообще къ математикѣ, водворившаяся нынѣ система образованія, въ результатѣ, тупитъ умъ юношей, убиваетъ ихъ способности и даже темнитъ ихъ здравый смыслъ. Поэтому нынѣ нерѣдко приходится встрѣчать молодыхъ людей, которые не въ состояніи обнимать предметовъ въ цѣломъ, связывать вопросы между собою, размѣщать ихъ на подлежащія мѣста, отличать послѣдовательность отъ непослѣдовательности и

понимать иногда самыя простыя вещи, между тѣмъ. людей отъ природы не глупыхъ и имѣющихъ всѣ признаки вѣшняго образованія. И все это происходитъ отъ того, что въ отроческіе и юношескіе годы, когда долженъ развиваться умъ, человѣкъ приучается только къ долбленію, а не къ строгому, постѣдовательному мышленію. При такихъ условіяхъ и при отсутствіи какихъ-либо положительныхъ знаній, съ одними воспоминаніями о когда-то читанныхъ, при помощи учителя, рѣчахъ Цицерона и проч., если такіе люди и находятся при дѣлѣ, то могутъ не дѣло дѣлать, а лишь состоять при дѣлѣ или путать его; а между тѣмъ ихъ наплодилось уже не мало, и большинство изъ нихъ составляетъ хорошій контингентъ для всякихъ лжеученій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА ¹⁾.

XIII.

Первый годъ ученія въ IV классѣ института.— Профессора этого класса.

Роснувшись Остроградскаго, я, чтобы не прерывать нити разсказа о немъ, забѣжалъ впередъ; но теперь долженъ возвратиться назадъ ко времени поступленія моего въ институтъ.

Я поступилъ, какъ уже было упомянуто, въ 4-й классъ, т. е. въ предпоследній передъ выпускомъ. Въ этомъ классѣ изъ математики читались: тригонометрія, высшая алгебра и аналитика. Профессоромъ этихъ предметовъ былъ академикъ Чи ж о в ъ, которому было уже подъ 70 лѣтъ. Это былъ человѣкъ очень талантливый; онъ получилъ математическое образованіе въ Парижѣ, читалъ чрезвычайно ясно и отчетливо, соблюдая строгую послѣдовательность въ изложеніи предметовъ. Читая долгое время, онъ такъ систематично распредѣлялъ свои лекціи, что кончалъ каждую лекцію именно на томъ мѣстѣ, гдѣ кончалъ ее въ предшествующіе годы. Конечно, это былъ своего рода педантизмъ, но такой, который никому не вредилъ, а, напротивъ, былъ отчасти полезенъ, ибо вытекалъ изъ того, что Чи ж о в ъ твердо держался извѣстной системы своего курса, чтобы не путать понятій ежегодно мѣняющихся своихъ слушателей. Когда же являлась надобность ознакомить съ чѣмъ-нибудь новымъ, то это составляло уже предметъ особой статьи. Онъ читалъ вообще очень покойно, но когда приходилось ему излагать теорему Ш т у р м а, то старикъ необыкновенно раз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г. октябрь.

горячался и излагалъ ее восторженно, съ одушевленіемъ. Въ результатѣ это былъ такой профессоръ, какихъ дай Богъ имѣть всегда.

Въ означенномъ классѣ, кромѣ чистой математики, напирали въ особенности сильно на начертательную геометрію, геодезію, гидрографію и военныя науки. Главнымъ профессоромъ начертательной геометріи, которая обнимала съ приложеніями всѣ послѣдующіе классы, былъ самъ начальникъ учебной части, Севастьяновъ; но онъ имѣлъ много репетиторовъ, которые по преимуществу замѣняли его. Начертательная геометрія не преподавалась вовсе въ нашемъ отечествѣ до основанія института путей сообщенія. Севастьяновъ, будучи однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ института и учившійся у знаменитыхъ французскихъ ученыхъ и профессоровъ, обратилъ вниманіе именно на означенную науку и составилъ самъ ея курсъ. Затѣмъ перевелъ весь обширный курсъ, со всѣми отраслями начертательной геометріи знаменитаго ученаго Потье, и такимъ образомъ былъ главнымъ пропагандистомъ науки, которая такъ неизбежно необходима для инженеровъ, механиковъ, архитекторовъ, кораблестроителей и сельскихъ хозяевъ, и въ то же время сильно развиваетъ сообразительность и ясность представленій въ умѣ.

Севастьяновъ очень любилъ изящную литературу и въ особенности поэзію, и самъ пописывалъ нѣкогда стихи. Случалось не рѣдко, что, обходя наши большія классныя залы, гдѣ помѣщалось около 100 человекъ и болѣе, онъ остановится бывало передъ какимъ-нибудь воспитанникомъ, упретъ въ него глаза, постоятъ молча съ полминуты и вдругъ продекламируетъ нѣсколько стиховъ изъ какого-нибудь произведенія Державина, Пушкина, Крылова или другаго писателя и затѣмъ быстро уйдетъ. Эти его выходы имѣли смыслъ: надо было только догадаться — было ли то какое-нибудь замѣчаніе, или добрая шутка, или выраженіе удовольствія?

Чтеніе въ классахъ литературныхъ произведеній воспрещалось, но, конечно, случалось, что Севастьяновъ застанетъ кого-либо за этимъ чтеніемъ. Если онъ найдетъ, что авторъ книги извѣстный писатель, то скажетъ тихонько: «спрячьте, а то дежурный можетъ отнять ее»; если же найдетъ книгу пустяковинной, то самъ отберетъ ее и устыдитъ чтеца.

Севастьяновъ любилъ тоже пугать воспитанниковъ, умѣя дѣлать для того свою фizioномію необыкновенно свирѣпой. Иногда останавливался передъ кѣмъ-нибудь и устремить свой свирѣпый взоръ; воспитанникъ, не зная, чѣмъ могъ онъ возбудить гнѣвъ, стоитъ передъ нимъ, какъ вкопанный, въ недоумѣніи. — «Что, перепугались», скажетъ онъ, потомъ засмѣется и уйдетъ. Однажды я, будучи занятъ, не замѣтилъ, что Севастьяновъ обходитъ классъ, и потому, когда всѣ стояли, сидѣлъ и увидѣлъ его уже въ шагахъ трехъ отъ себя и тогда только всталъ съ табурета. Севастьяновъ остановился, сдѣлалъ ужасно свирѣпый видъ и сказалъ: «гордецъ! казанскій царевичъ!» и ушелъ. Въ то время я еще не зналъ о подобныхъ его выходкахъ, подумалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ разсердился за мое, повидимому, невѣжество, и огорчился этимъ обстоятельствомъ; но въ тотъ же день Севастьяновъ опять остановился противъ меня и, улыбаясь, повторилъ «казанскій царевичъ!» и съ такимъ прозвищемъ онъ продолжалъ обращаться ко мнѣ и впослѣдствіи, даже тогда, когда я былъ въ офицерскихъ классахъ.

Севастьяновъ зналъ, что наша фамилія традиціонно соприкасается съ литературной средой и что мы состоимъ въ родствѣ съ Державинымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подмѣтилъ моего брата Ипполита расположеніе и даръ къ поэзіи (братъ мой, однако, никогда не печаталъ своихъ стиховъ) и потому любилъ поболтать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Нерѣдко Севастьяновъ декламировалъ предсмертные стихи Державина, написанные имъ на грифельной доскѣ, которая, кажется, хранится въ Публичной библіотекѣ. Вообще, онъ очень любилъ моего брата, приглашалъ его иногда къ себѣ по вечерамъ пить чай, и не разъ, со слезами на глазахъ, выражалъ сокрушеніе о томъ, что его сынъ Яша плохо учится и зачѣмъ мой братъ не его, Севастьянова, сынъ.

Севастьяновъ былъ исключительно добрый человекъ, но, не менѣе того, былъ строгъ при оцѣнкѣ воспитанниковъ, — что не мѣшало имъ, однако, сильно любить его. Онъ 30 лѣтъ пробилъ при институтѣ, занимаясь ученою и учебною дѣятельностью, сначала какъ репетиторъ, потомъ, какъ профессоръ, и, затѣмъ, какъ главный начальникъ учебной части; такимъ образомъ, мимо него прошло 30 выпусковъ, т. е., почти всѣ получившіе въ то время обра-

зованіе въ институтѣ и находившіеся на службѣ. Однажды главноуправляющій, графъ Клейнмихель, послалъ его ревизовать округа. Возвратившись, Севастьяновъ заключилъ свой докладъ графу Клейнмихелю слѣдующими словами, сдѣлавшимися извѣстными многимъ: «Я встрѣтилъ повсюду мою родную семью и вынесъ о ней самое утѣшительное и самое отрадное впечатлѣніе». Такой отзывъ чистѣйшаго, прямого, твердаго и смѣлаго по характеру человѣка, отнюдь не угодника, былъ особенно дорогъ для всѣхъ, ибо былъ въ то время истинной правдой.

Здѣсь, по поводу Севастьянова, упомяну объ одномъ изъ его помощниковъ по профессорству его изъ начертательной геометріи, а именно, о подполковникѣ Докушевскомъ. Докушевскій былъ очень талантливый человѣкъ и отличный лекторъ; онъ имѣлъ непреодолимую страсть къ своему предмету, заражалъ этою страстью многихъ своихъ слушателей и любилъ придумывать разные частные случаи и задачи, рѣшенія которыхъ являлись очень оригинальными. Эта страсть была, конечно, подмѣчена воспитанниками, и иногда случалось, что кто-нибудь изъ нихъ, встрѣтивъ Докушевскаго на улицѣ, подойдетъ къ нему и скажетъ, что онъ тоже придумалъ частный случай, но не можетъ рѣшить его. Тогда Докушевскій подходилъ къ стѣгѣ дома и, чертя по ней пальцемъ, показывалъ рѣшеніе задачи,—и намъ не разъ случалось видѣть подобныя сцены и споры на улицѣ.

По геодезіи былъ прекрасный профессоръ, инженеръ-капитанъ Евреиновъ, который, за свое время, образовалъ массу отличныхъ практическихъ геодезистовъ. О немъ придется сказать нѣсколько словъ далѣе.

Профессоромъ гидрографіи былъ инженеръ-полковникъ Трофимовичъ, который умѣлъ дать сухому предмету такой живой интересъ, что на его лекціи шли, какъ на развлеченіе. Но когда онъ доходилъ до описанія вышне-волоцкой системы водянаго сообщенія, то это описаніе принимало у него характеръ поэмы. Появлялся на сцену Петръ Великій, его геній, указавшій основы водянаго сообщенія; всѣ созидатели ея, ознаменовавшіе себя разными по этому предмету изобрѣтеніями; описаніе торжественныхъ операцій спуска судовъ черезъ пороги и проч., и проч. Дѣйстви-

тельно, устройство означеннаго водянаго сообщенія представляет такія оригинальности, нигдѣ не существующія, которыя возбуждали большой интересъ въ инженерномъ мірѣ, въ такой мѣрѣ, что пріѣзжали специально изъ Америки, чтобы во-очію ознакомиться съ системою.

Зачастую Трофимовичъ прерывалъ лекцію разговоромъ, вовсе къ предмету не относящимся. Помню, однажды онъ остановился, сѣлъ, долго молчалъ и вздыхалъ,—мы думали, что ему нездоровится,—наконецъ онъ заговорилъ:— «Господа, совѣтую вамъ, въ случаѣ войны, прикомандировываться къ арміи. Только тогда можно получить георгіевскій крестикъ; а какой это прелестный маленький крестикъ.—Вотъ нѣкоторые мои товарищи имѣютъ этотъ крестикъ, а я не имѣю», и, вздохнувши глубоко, продолжалъ долго на эту тему.

Преподаваніе военныхъ наукъ начиналось въ означенномъ классѣ съ тактики, и затѣмъ оно продолжалось еще въ трехъ классахъ, гдѣ читались: полевая и долговременная фортификація, артиллерія и стратегія съ краткою военною исторіею послѣднихъ временъ.

Профессоромъ военныхъ наукъ былъ инженеръ путей сообщенія, полковникъ П. А. Языковъ, читавшій, въ то же время, военныя науки въ военной академіи. Пунктуальность его доходила почти до комизма. Когда ученикъ, рассказывая какое-нибудь сраженіе, скажетъ, напримѣръ, что такой-то А. разбилъ В., то онъ моментально останавливалъ рѣчь:— «Позвольте! разбить можно стаканъ, а не человѣка. Употребляется слово разбить армію, и это логично потому, что при пораженіи непріятеля армія разстроивается, т. е. разбивается на части».

По экзамену, изъ 100 слишкомъ экзаменовавшихся, для перевода изъ 4-го класса въ 3-й портупей-прапорщичій, меня поставили первымъ по списку,—что было необычно для новичка, т. е. первогодника,—и назначили отвѣчать на публичномъ экзаменѣ. Понятно, какой толчекъ дало мнѣ это обстоятельство.

Воспитанники четвертаго класса, выдержавшіе экзаменъ въ третій классъ, не распускались на лѣто, а были отправляемы на геодезическую практику. Институтъ имѣлъ для этого 5 большихъ ялботовъ, снабженныхъ двумя мачтами съ парусами. Мы отправились

на съемку Невы, начиная съ ея верховья. Насъ помѣстили не далеко отъ Шлиссельбурга, въ деревнѣ Анненской, въ двухъ избахъ. Начальникомъ практики былъ упомянутый выше Евреиновъ. Въ его распоряженіе назначено было 10 офицеровъ, знакомыхъ уже съ геодезическими работами, а воспитанниковъ было болѣе 40 человѣкъ. Въ избахъ помѣщались офицеры, а мы спали на чердакѣ и на сѣновалѣ.

Весь персоналъ былъ раздѣленъ на 5 партій, по числу ялботовъ, при двухъ офицерахъ, въ томъ числѣ и партія Евреинова, которая занималась тригонометрическими, а прочіе топографическими съемкой и нивелировкой. Все дѣлалось съ педантическою точностью, въ особенности триангуляція; инструменты были замѣчательно хороши, со всевозможными приспособленіями для ихъ провѣрокъ и уничтоженія погрѣшностей. Если въ архивѣ института сохранились планы Невы, то это несомнѣнно самые точные планы и самая точная нивелировка, произведенная двумя способами: тригонометрическимъ и топографическимъ, которые сошлись замѣчательнымъ образомъ, несмотря на то, что производились разными партіями. Словомъ сказать, Евреиновъ придавалъ практикѣ характеръ вполнѣ серьезнаго дѣла и занялъ насъ въ послѣдующую зиму тригонометрическими вычисленіями съемки и нивелировки. Такимъ образомъ онъ приготавливалъ настоящимъ образомъ дѣйствительныхъ работниковъ, — что и отразилось, при нашей уже опытности, съ большою пользою для дѣла и для насъ самихъ при первомъ же вступленіи въ дѣйствительную службу, слѣдовательно, и при дальнѣйшихъ трудахъ по изысканіямъ, гдѣ геодезическія работы являются необходимымъ элементомъ.

Евреиновъ былъ страстный охотникъ до катанья на парусахъ и имѣлъ съ собою собственный, прекрасный катеръ о четырехъ парусахъ. Онъ выбралъ къ себѣ въ партію тѣхъ воспитанниковъ, которые хорошо плавали, и я попалъ въ его партію.

Какъ только появлялся свѣжій вѣтеръ, Евреиновъ непремѣнно катался на своемъ катерѣ и приучилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей партіи управлять парусами по командѣ.

Въ праздники, для развлеченія насъ, онъ устраивалъ общія катанья на всѣхъ ялботахъ, дѣлая нѣчто въ родѣ маневровъ. Для

этого составлены были рисунки сигналовъ и нашито было множество разныхъ сигнальных флаговъ. Въ непродолжительное время, Евреиновъ приучилъ меня управлять вообще паруснымъ катеромъ и отдавать сидящимъ у парусовъ, въ-время, нужную команду. По Невѣ бѣгаютъ непрерывно палубныя соймы, очень быстроходкія, отлично лавируюція и очень круто ходяція къ вѣтру. Евреиновъ не могъ видѣть этихъ соймъ, чтобы не обгонять ихъ. Обрѣзать сойму можно было только идя круче ихъ къ вѣтру. Надо было видѣть бѣснованіе Евреинова, когда кто-нибудь изъ насъ, держащихъ тотъ или другой парусъ, — или отпустить, или натягеть, или не выстрѣлить, или вздумаетъ переносить парусъ не во-время, отъ чего поворотъ замедлится, и сойма въ это время проскочитъ мимо насъ. Онъ серьезно сердился и объявлялъ, что впредь такого преступника брать къ себѣ на катеръ не будетъ.

Страстью Евреинова къ катанью на парусахъ я заразился въ такой мѣрѣ, что всю свою жизнь, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы въ 15 верстахъ разстоянія отъ озера или большой рѣки, я всегда держалъ тамъ парусную лодку. Эта страсть не оставила меня и по сіе время, несмотря на то, что лѣтъ 9 тому назадъ, катаясь одинъ въ открытомъ морѣ, верстахъ въ трехъ отъ берега, былъ захвачъ волной; лодка, имѣя баласть, пошла ко дну, и я остался въ волнахъ одинъ. Какъ я спасся?—это уже милость Бога, и я, прерывая послѣдовательность изложенія моихъ воспоминаній, расскажу здѣсь, кстати, означенный эпизодъ.

XIV.

Спасеніе мое отъ гибели въ Гапсалѣ.

Дѣло случилось въ Гапсалѣ. Гапсаль стоитъ въ большомъ заливѣ, имѣющемъ верстъ 8 длины и версты 4 ширины при соединеніи съ открытымъ моремъ. Въ Гапсалѣ, на променадѣ у берега, стоитъ постоянно нѣсколько десятковъ катеровъ для катанія на парусахъ. Я катался почти каждый день, и иногда одинъ, безъ ло-

дочника, но тогда приказывалъ вынимать баластъ, дабы, въ случаѣ залитія лодки водою, она не могла идти ко дну.

Въ тотъ день, когда случилась со мною катастрофа въ Гапсаль, я вернулся изъ Петербурга, бывъ въ отлучкѣ недѣли двѣ. День сначала былъ совершенно безвѣтренный, но съ пяти часовъ задулъ свѣжій, ровный вѣтеръ; не катаясь давно, я захотѣлъ непременно прокатиться въ тотъ же день. Въ этотъ вечеръ, часовъ въ семь, должна была быть у насъ очень почтенная и интересная дама, бывшая ближайшая фрейлина великой княгини Маріи Николаевны, А. А. В.....а, которой надо было непременно составить партію въ винтъ.

Когда я собрался идти на катанье, домашніе напомнили мнѣ объ этомъ; но такъ какъ оставалось еще два часа времени, то я не измѣнилъ своего намѣренія. Придя къ лодкамъ, я, подъ впечатлѣніемъ торопливости, забылъ велѣть вынуть изъ лодки баластъ, состоящій изъ круглыхъ булыжныхъ камней, и не осмотрѣлъ степень исправности парусныхъ принадлежностей. Вѣтеръ дулъ съ берега и сильнаго волненія не было замѣтно. Я шелъ по заливу параллельно берегу, который вдается версты на двѣ, мысомъ, въ открытое море. Я легъ быстро, въ разсѣянности проѣхалъ мысъ и вдругъ встрѣтилъ огромное волненіе. Я тотчасъ же далъ поворотъ противъ вѣтра, лодка послушалась, но волна отбила поворотъ. Надо было дать снова ходъ впередъ, но опять волна помѣшала повороту, и я, повторивъ то же самое разъ пять, очутился уже далеко въ открытомъ морѣ, не достигнувъ сдѣлать поворота. Тогда я рѣшилъ ѣхать прямымъ вѣтромъ къ берегу, противоположному Гапсалью, и сдѣлать уже поворотъ тамъ. Проѣхавъ въ означенномъ направленіи съ версту, я вспомнилъ, что, удалясь отъ Гапсали верстъ на семь, я запоздаю пріѣхать домой во-время и при томъ придется возвращаться уже въ темное время. Въ виду всего этого, я рѣшился рискнуть сдѣлать поворотъ по вѣтру, подобравъ паруса; но какъ только я двинулъ руль, то замѣтилъ, что нѣтъ бичевки для подобранія главнаго паруса; паруса захлопали, ходъ лодки пріостановился; громадная волна, разбившись о лодку, хлынула въ нее, и лодка пошла ко дну потому, что несла баластъ.

Я не потерялъ присутствія духа въ этотъ моментъ потому, что

увидѣлъ сзади себя, саженьяхъ въ тридцати, небольшой катеръ. Погрузившись въ воду, я успѣлъ сбросить съ себя макферланъ, выхватить изъ него нужную бумагу, сунуть ее въ карманъ жакетки, которая была уже въ водѣ, и затѣмъ поплылъ навстрѣчу къ катеру. Но каково было мое удивленіе, когда катеръ прошелъ отъ меня саженьяхъ въ пяти и никакой помощи мнѣ не подалъ. Въ катерѣ сидѣлъ одинъ господинъ, прекрасно одѣтый. Тогда я повернулъ назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ потонула моя лодка, въ расчетѣ, что изъ воды должна была торчать мачта, такъ какъ я зналъ, что глубина моря въ этомъ мѣстѣ не могла быть болѣе двухъ саженей. И дѣйствительно, я увидѣлъ конецъ дерева, торчащаго изъ воды. Когда я плылъ къ катеру, то удалился отъ этого мѣста саженьей на пятнадцать, причѣмъ уже сильно усталъ, плывя по волнамъ въ одеждѣ. Когда же я повернулъ назадъ и мнѣ удалось добраться до этого мѣста, я уже окончательно обезсилѣлъ и схватился съ радостью за торчащій конецъ дерева, рассчитывая, что я, уцѣпившись за мачту, буду держаться до тѣхъ поръ, пока не явится какая-нибудь помощь. Но тутъ опять сюрпризъ! Конецъ торчащаго дерева оказался не отъ мачты, а отъ парусоваго выстрѣла, который не могъ представлять опоры, и я моментально погрузился въ глубь. Это былъ тотъ моментъ, когда я мысленно распростился съ жизнью; но въ тотъ же самый моментъ я почувствовалъ, что что-то ударило меня подъ грудь; я схватился за этотъ предметъ, и оказалось весло, которое всплывало изъ лодки, конечно, отъ того именно въ этотъ моментъ, что оно было запутавшись въ парусѣ, и когда я съ выстрѣломъ погружался въ воду, оно освободилось. Все это происходило подъ водой; схватившись обѣими руками за весло и не допуская его, хотя бы однимъ концомъ, высунуться изъ воды, я получилъ достаточно силы, чтобы вынырнуть, и въ тотъ же моментъ увидалъ вдали парусъ, который былъ отъ меня, однако, въ разстояніи болѣе версты. Не менѣе того, возродилась надежда на спасеніе, если только лодка идетъ по направленію ко мнѣ; ибо съ помощью весла, которое я держалъ подъ водой въ горизонтальномъ положеніи, я могъ продержаться еще нѣсколько минутъ на водѣ. Прошло еще минутъ пять, и лодка, видимо, приближалась ко мнѣ; но вдругъ, не доходя саженьей двадцать пять до меня, начала дѣ-

*

латъ поворотъ; въ лодкѣ было три человѣка. Въ этотъ моментъ я подумалъ, что или меня съ лодки не видятъ, ибо голова моя, едва торчавшая изъ воды, непрерывно скрывалась между волнъ и пѣны, или эти господа тоже не намѣрены подать мнѣ помощи. Голоса моего они не могли слышать, потому что я находился противъ вѣтра, да и голосъ-то уже пропалъ у меня. Оказалось, что они перемѣняли галсъ для того, чтобы имѣть возможность идти прямо на меня. Наконецъ, я услыхалъ крикъ: «держись! держись!» Силы мои поднялись; затѣмъ, когда лодка была уже близко, слышу крикъ: «хватайся!» Въ лодкѣ не оказалось веревки, и мнѣ давали знать, чтобы я схватился за бортъ, когда лодка будетъ летѣть мимо меня. Бортъ, обращенный ко мнѣ, т. е. противоположный сторонѣ парусовъ, высился надъ водою слишкомъ на полсажени; если мнѣ уцѣпиться за бортъ руками, я долженъ былъ выпустить изъ рукъ весло, которое, кое-какъ, помогало мнѣ держаться на водѣ. Ну, а если я не уцѣплюсь, лодка проскочитъ мимо и, пока она будетъ въ состояніи вновь подойти ко мнѣ, пройдетъ нѣсколько минутъ, а я уже нахватался достаточно воды и безъ спасительнаго весла не продержался бы на водѣ и полминуты. Однако, какъ только носъ лодки подлетѣлъ ко мнѣ, я бросилъ весло, сдѣлавъ усиліе, чтобы схватиться за бортъ, помню, что уцѣпился однимъ крайнимъ суставомъ одного пальца, затѣмъ потерялъ сознание и очнулся уже тогда, когда сидѣлъ въ лодкѣ.

Домой я пришелъ черезъ задній ходъ, переодѣлся, явился къ гостямъ, и сѣлъ играть въ карты, никому не сказавъ о случившемся, а объявилъ, что, выходя изъ лодки, на пристань, оступился и попалъ въ воду. Но часа черезъ три пришелъ лодочникъ и принесъ мой бинокль, оказавшійся въ потонувшей лодкѣ, которую успѣли уже вытащить, и рассказалъ все прислугѣ. Такимъ образомъ, узнали о катастрофѣ въ тотъ же вечеръ домашніе и всѣ присутствовавшіе въ домѣ гости.

Между тѣмъ, происшествіе это разнеслось по всему Гапсалу,—явился ко мнѣ чиновникъ изъ ратуши, и я изложилъ все случившееся со мною на бумагѣ. Того господина, который проѣхалъ мимо меня въ пяти саженьяхъ и не подалъ помощи, розыскали и вызвали въ ратушу. Это оказался новгородскій помѣщикъ,

молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, нѣкто — Рейхель, который имѣлъ собственный катеръ, отлично смонтированный для парусной ѣзды. Онъ показаль, что побоялся подойти ко мнѣ, дабы я, схватившись за лодку, какъ-нибудь не опрокинулъ ее. Всего забавнѣе то, что господинъ Рейхель, котораго я вовсе не зналъ, и не зналъ даже того, что его розыскали и опрашивали уже въ ратушѣ, пришелъ ко мнѣ.

Я сидѣлъ на балконѣ, является господинъ и заявляетъ, что онъ имѣетъ нѣсколько словъ сказать мнѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ я.

— Я Рейхель.

— Не родственникъ ли вамъ генераль-лейтенантъ Рейхель, котораго я знавалъ лѣтъ тридцать тому назадъ?

— Я съ нимъ въ родствѣ.

— Вы имѣете до меня дѣло?

— Я пришелъ извиниться передъ вами, что я проѣхаль мимо васъ, когда ваша лодка потонула; но согласитесь сами, что вы, схватившись за мой катеръ, могли опрокинуть его. Я показаль это въ ратушѣ. Теперь пойдетъ, вѣроятно, молва по всему городу, что я могъ помочь вамъ и не помогъ, не имѣя на то достаточно храбрости. Какая же можетъ быть рѣчь о храбрости, когда я самъ могъ навѣрное погибнуть?

— Не понимаю, въ чемъ вы извиняетесь передо мною, сказалъ я. — Вы проявили такую феноменальную храбрость, какая встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Повѣрьте мнѣ, что нужно имѣть несравненно болѣе храбрости, болѣе силы духа пройти мимо человека, утопающаго въ открытомъ морѣ, чѣмъ рискнуть помочь ему.

Этотъ господинъ, повидимому, не понялъ моихъ словъ, потому что удалился съ выраженіемъ полного самодовольства.

Тотъ же человекъ, который спасъ меня, оказался ревельскій гражданинъ Ситронъ и показаль при допросѣ слѣдующее:

Возвращаясь съ катанья домой, въ Гапсаль, съ двумя лодочниками, онъ увидѣлъ человека, ѣдущаго по направленію къ морю, одного, въ небольшой лодкѣ, съ двумя парусами, при весьма свѣжемъ вѣтрѣ. Онъ подумаль, что этотъ человекъ такой мастеръ въ управленіи парусами, что должно быть знаетъ это дѣло лучше

его (послѣ оказалось, что Ситронъ тоже былъ страшный охотникъ до катанья на парусахъ и отлично зналъ это дѣло). Заинтересовавшись этимъ, онъ сталъ слѣдить глазами за этимъ господиномъ, хотя и продолжалъ ѣхать къ Гапсалу. Когда же онъ увидѣлъ, что этотъ господинъ не можетъ справиться съ поворотами и удалялся все далѣе и далѣе въ море, онъ повернулъ и поѣхалъ по направленію къ нему. Затѣмъ, когда увидѣлъ, что сей господинъ (т. е. я) бросилъ пытаться сдѣлать поворотъ и пошелъ прямымъ вѣтромъ, къ противоположному берегу, онъ успокоился, убѣдившись, что сей господинъ догадался, чѣмъ именно надо дѣлать, и онъ, Ситронъ, повернулъ опять къ Гапсалу. Между тѣмъ, показалъ еще, что хотя онъ ѣхалъ, такимъ образомъ, спиной къ направленію хода этого господина (т. е. меня), но что-то побуждало его непрерывно оглядываться на его парусъ, и когда, вдругъ, парусъ пропалъ, онъ повернулъ опять туда, гдѣ скрылся парусъ, и нашелъ утопающаго человѣка.

Мѣстное начальство, окончивъ слѣдствіе, отослало его къ ревельскому губернатору, а тотъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ ходатайствомъ о награжденіи Ситрона и двухъ лодочниковъ медалями за спасеніе погибающаго, и всѣ трое были удостоены этой царской награды.

Я разсказалъ это происшествіе подробно, чтобы читатель могъ убѣдиться, что я былъ спасенъ милостью Бога. Если я не погибъ, то потому, что ни на минуту не терялъ присутствія духа, а это присутствіе духа поддерживалось явленіями, не отъ меня вытекавшими, которыя я резюмирую читателю:

Въ первый моментъ, когда моя лодка пошла ко дну, я вижу въ тридцати саженьяхъ другую — является полная надежда на спасеніе.

Когда эта лодка проѣхала мимо меня, я вспомнилъ о могущей торчать изъ воды мачтѣ — надежда на спасеніе не исчезаетъ.

Когда я схватился, вмѣсто мачты, за выстрѣлъ и погрузился въ воду, простясь мысленно съ жизнью, въ тотъ же моментъ меня ударяетъ весло, которое помогаетъ мнѣ вынырнуть и даетъ возможность нѣкоторое время продержаться на водѣ.

Какъ только я вынырнулъ изъ воды, тотчасъ же увидалъ парусъ, и вновь проявляется надежда, — которая и оправдалась.

Затѣмъ, надо же было, чтобы, ѣхавши еще къ морю, я встрѣтилъ знатока дѣла, который сталъ слѣдить за мною; надо же было, наконецъ, чтобы что-то побуждало его непрерывно осматриваться назадъ, когда онъ окончательно ѣхалъ уже въ Гапсаль.

Если читатель, вообще, внимнетъ въ высказанные мною здѣсь факты, то не можетъ отвергнуть во всемъ волю Бога, а для тѣхъ, кому приходилось испытывать что-либо подобное, для тѣхъ колебанія не возможны.

XV.

Второй годъ пребыванія моего въ институтѣ.—Знаменитый математикъ, академикъ Буняковскій.

Возвращусь къ прерванному выше разсказу. Окончивъ практическія занятія, мы возвращались въ институтъ для продолженія курса въ третьемъ выпускномъ классѣ портупей-прапорщиковъ.

Главными предметами въ этомъ классѣ были: дифференціальное и интегральное исчисленія, статика, строительное искусство, архитектура, разрѣзка камней и фортификація.

Статику читалъ инженеръ-подполковникъ Янушевскій, человекъ очень ученый и замѣчательно талантливый лекторъ. Онъ, какъ говорится, разжевывалъ все и въ ротъ клалъ. Онъ же, въ послѣдствіи, въ классѣ подпоручиковъ, читалъ намъ астрономію.

Но главный интересъ сосредоточивался на дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіяхъ, тѣмъ болѣе, что эти предметы читалъ знаменитѣйшій математикъ и ученый, академикъ Викторъ Яковлевичъ Буняковскій.

Буняковскій былъ наиблестящимъ лекторомъ со всѣхъ сторонъ, даже по внѣшности, имѣя привлекательную, но строгую наружность, обличающую мыслителя. Онъ читалъ съ поразительною ясностью и отчетливостью, читалъ ровно, такъ что увлеченія и вдохновенія не замѣчалось. Онъ не производилъ того ошеломляющаго впечатлѣнія, какое вообще производилъ Остроградскій; но каждому, не менѣе того, чувствовалось, что передъ нимъ находится огромная величина

и сильный вождь. Буняковскій былъ вполне на высотѣ своей задачи, т. е. открывать впервые слушателямъ тайнства высшаго анализа. Въдѣ этотъ анализъ знакомить разумъ съ понятіями вообще о безконечномъ; а здравыя объ этомъ понятія могутъ давать человѣку возможность къ пониманію тайны творчества, выражающейся сосредоточіемъ безконечнаго въ конечную величину.

Необычайная эрудиція Буняковского извѣстна всему ученому міру. Стоить лишь заглянуть въ его лексиконъ, и тогда невольно возрождается вопросъ: какимъ образомъ одинъ человѣкъ, и человѣкъ еще молодой во время изданія лексикона, могъ обладать такими обширными познаніями по всѣмъ отраслямъ математики, механики, физики и прочимъ наукамъ, имѣющимъ какую-либо связь съ математикой? Послѣ составленія этого лексикона, В. Я. Буняковскій прожилъ еще 53 года.

Подъ скромнымъ названіемъ лексикона. Буняковскій излагалъ математическіе трактаты, и трактаты весьма обширные, по всѣмъ вопросамъ науки, давая по нѣкоторымъ полныя теоріи ихъ. Къ великой потерѣ для ученаго міра, въ печати появился лишь одинъ томъ, тогда какъ все изданіе должно было состоять изъ трехъ томовъ, которые были уже изготовлены. И такой-то великій и знаменательный трудъ, который, съ появленіемъ его въ свѣтъ вполне, составилъ бы большую гордость Россіи,—остался подъ спудомъ единственно оттого, что не могъ окупить капитала, потребнаго на его изданіе.

Этотъ фактъ наводитъ на весьма грустныя мысли, и характеризуетъ возрѣніе тѣхъ сферъ, которыя должны бы были не допускать такихъ плачевныхъ результатовъ. Въ виду появленія перваго громаднѣйшаго тома, въ виду обнаруженной уже Буняковскимъ могучей силы для предпринятаго имъ труда, казалось бы, что не только ради великаго интереса науки, или народной гордости, но и ради огромной практической пользы для облегченія образованія людей—слѣдовало бы, ничего не жалѣя, дать Буняковскому возмозжныя средства для окончанія его гигантскаго труда, дать ему средства не только на изданіе, но и еще матеріальныя же средства для сгруппированія около себя нѣсколькихъ сотрудниковъ, которые работали бы по его указаніямъ; ибо, кромѣ умственнаго труда, быть можетъ, девять десятыхъ времени должно было поглощаться чисто

механической работой. Готовилось быть воздвигнутымъ великолѣпное, громадное зданіе: фундаментъ и первый этажъ были возведены, и для возведенія остальной части зданія всѣ матеріалы были уже готовы; но зданіе не воздвигнулось отъ того, что зодчій былъ обреченъ таскать самъ камни.

Фактъ этотъ единичный—скажутъ намъ; но развѣ мы не встречаемъ у насъ, на каждомъ шагу, подобныхъ отношеній подлежащихъ сферъ къ трудамъ и людямъ, хотя и менѣе крупнымъ, но заслуживающимъ вниманія, а не пренебреженія. Надо только имѣть достаточно компетентности, чтобы отличать зерна отъ плевелъ; а между тѣмъ плевелы, по легкости своей, прежде всего летятъ въ глаза и залѣпляютъ ихъ. При такихъ-то отношеніяхъ къ истиннымъ трудамъ и талантамъ, гибнущимъ отъ отсутствія оцѣнки и средствъ до своего полнаго развитія, немудрено, что всюду слышится стереотипная фраза, и по преимуществу среди тѣхъ сферъ, которыя, по своей виновности, не имѣли бы права повторять ее, а именно,—что мы еще ни въ чемъ не дозрѣли и потому должны пользоваться чужимъ умомъ.

Здѣсь, кстати, обращаю вниманіе и на слѣдующій фактъ. Остроградскій, въ виду матеріальныхъ нуждъ, долженъ былъ заниматься преподаваніемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ преподавалъ въ институтъ путей сообщенія, морскомъ корпусѣ, артиллерійскомъ училищѣ, инженерномъ училищѣ и въ педагогическомъ институтѣ. Поглощенный этими преподаваніями, онъ не имѣлъ времени не только написать самъ своего анализа, но даже просматривать всегда труды составителей его публичныхъ лекцій. Какими богатствами надѣлилъ бы онъ науку и человѣческую мысль, если бы имѣлъ время постоянно работать въ той сферѣ, въ которой виталъ его геній, а не быть поденщикомъ, зарабатывающимъ себѣ средства къ жизни.

Иногда, впрочемъ, онъ улучалъ время, чтобы написать что-нибудь по математическимъ наукамъ, и помѣщалъ эти, въ высшей степени важныя, статьи въ мемуарахъ Императорской академіи наукъ, на французскомъ языкѣ. Любя институтъ путей сообщенія болѣе другихъ заведеній, онъ написалъ спеціально для него «Аналитическую механику» на французскомъ языкѣ, которая и была литографирована институтомъ. Объ этомъ литографированномъ

трудъ Остроградскаго упоминаетъ Буняковский въ своемъ лексиконѣ, говоря, что всѣ «математики съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого классическаго сочиненія». Но это сочиненіе, — которымъ Остроградскій обезсмертилъ себя, разрѣшивъ основной вопросъ самой высшей міровой науки о движеніи, не разрѣшенный до того ни однимъ изъ прежнихъ великихъ геометровъ, чѣмъ и короновалъ эту науку окончательно, — и такой-то классическій трудъ, въ цѣльномъ видѣ, отдѣльнымъ сочиненіемъ, котораго ждалъ ученый міръ съ нетерпѣніемъ, — въ печати не появился. Отчего же не появилось это сочиненіе? Все по той же причинѣ: у Остроградскаго не было матеріальныхъ средствъ. Новый, непростительный грѣхъ, лежащій на тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣло не допустить такого плачевнаго явленія. Имѣется ли означенное сочиненіе въ литографированномъ видѣ въ Публичной библіотекѣ или въ библіотекѣ института, мнѣ неизвѣстно. Но у меня, этотъ брильянтъ, невиданнаго блеска и необычайной воды, сохраняется въ цѣлости. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я показалъ это сочиненіе одному кандидату математическихъ наукъ; онъ былъ изумленъ могуществомъ, прелестью, ясностью и краткостью изложеній; но всего болѣе былъ пораженъ тѣмъ, что онъ, до этого времени, не вѣдалъ даже о существованіи означеннаго сочиненія міроваго значенія.

Итакъ у насъ на Руси были — Остроградскій и Буняковский, — два рудника съ неисчислимыми богатствами, изъ которыхъ мы не умѣли извлечь и сотой доли этихъ богатствъ; а между тѣмъ рудники эти завалились навсегда — безвозвратно!

Ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что Викторъ Яковлевичъ Буняковский былъ одаренъ великими и быстрыми способностями, необычайнымъ талантомъ, и по своимъ трудамъ можетъ быть причисленъ къ гигантамъ науки. Несмотря на это, человѣкъ этотъ былъ баснословно скромнень. Напримѣръ, когда мы, по выслушаніи его курса, экзаменовались у Остроградскаго, то нерѣдко случалось, что иной воспитанникъ, получивъ дурной баллъ, обращался съ жалобою къ Буняковскому, утверждая, что онъ отвѣчалъ такъ, какъ было имъ, Буняковскимъ, читано, а между тѣмъ получилъ у Остроградскаго дурной баллъ. Будучи самъ огромной величиной въ наукѣ, Буняковский, не менѣе того, никогда не отказывался идти по этому

случаю объясниться съ Остроградскимъ, и эти объясненія происходили въ нашемъ присутствіи. Искренно признавая за Остроградскимъ гениальность, Буняковский, большею частью, начинать объясненіе слѣдующимъ образомъ:

— Профессоръ, я преподавалъ моимъ слушателямъ тотъ или другой вопросъ такъ, какъ онъ теперь стоитъ въ наукѣ, по, быть можетъ, вы двинули вопросъ впередъ, и мнѣ это еще неизвѣстно. Вотъ г. N сказалъ мнѣ, что онъ отвѣчалъ вамъ такъ, какъ было мною изложено, а между тѣмъ получилъ дурной баллъ.

Обыкновенно было въ этомъ случаѣ, что Остроградскій захочетъ и скажетъ:

— Помилуйте, профессоръ, онъ вамъ навралъ, я знаю вашу курсъ; г. N городилъ, ничего не понимая, чушь, а потому и получилъ дурной баллъ; провѣрьте сами!

Занимая много лѣтъ высшее положеніе въ ученомъ мірѣ, т. е., будучи вице-президентомъ академіи наукъ, Викторъ Яковлевичъ оставался тѣмъ отзывчивымъ и внимательнымъ человѣкомъ, какимъ былъ и въ болѣе молодыхъ годахъ. Приведу здѣсь образчикъ его въ высшей степени внимательности.

Въ 1889 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Буняковского, я послалъ ему изданную мною брошюру «Биномъ Ньютона», изданіе которой я полагалъ не совсѣмъ бесполезнымъ для учащихся математикѣ юношей. Я послалъ эту брошюру Буняковскому, какъ послалъ ее и другимъ лицамъ, сдѣлавъ лишь слѣдующую надпись на посланномъ ему экземплярѣ: «Знаменитому математику, составляющему гордость Россіи, и необыкновенно талантливому лектору, отъ бывшего его ученика». Надо сказать, что съ 1842 года, когда я окончилъ слушаніе его лекцій, я не былъ знакомъ съ Викторомъ Яковлевичемъ и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

По поводу посылки этой брошюры я получилъ собственноручное письмо отъ Вик. Як. Буняковского слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Подлинное, собственноручное письмо Вик. Як. Буняковского, было предъявлено г. Панаевымъ въ Редакцію.

21 іюня 1889 года.

«Милостивый государь

Валеріанъ Александровичъ!

На дняхъ я имѣлъ удовольствіе получить вашъ трудъ: Биномъ Ньютона. Ваше вполнѣ отчетливое изложеніе доказательствъ биномиальной формулы несомнѣнно принесетъ немалую пользу молодымъ людямъ, готовящимся къ поступленію въ одно изъ среднихъ или высшихъ училищъ. Приношу вашему превосходительству живѣйшую мою благодарность за любезное вниманіе ко мнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за лестные отзывы ваши объ личномъ моемъ значеніи, какъ математика и преподавателя этой науки. Прибавлю къ этому, что въ самомъ преувеличеніи вами моихъ научныхъ заслугъ я вижу доказательство особенно дорогаго вашего мнѣ теплаго доброжелательства.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Буняковскій».

Это письмо я, конечно, храню у себя, какъ самую дорогую мнѣ награду, которое и передамъ моимъ внукамъ. Не служить ли это письмо доказательствомъ не только необыкновенной внимательности и отзывчивости Виктора Яковлевича, но и величайшей скромности этого гиганта науки!

Окончивъ выпускной экзаменъ, одинъ изъ эпизодовъ котораго я уже рассказалъ выше по поводу Остроградскаго, я былъ назначенъ Буняковскимъ на публичный экзаменъ. Послѣ того мы были произведены въ офицеры, и я съ братомъ поѣхали въ отпускъ къ родителямъ въ Казанскую губернію. Затѣмъ намъ оставалось прослушать еще академическій курсъ въ двухъ офицерскихъ классахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА ¹⁾.

XVI.

Препровожденіе праздниковъ во время моего ученія у Полонскаго и въ институтѣ.

Во время пребыванія моего у Полонскаго, я ходилъ въ отпускъ по преимуществу къ Ив. Ив. Панаеву, и, по-прежнему, помѣщался въ одной комнатѣ съ Бѣлинскимъ. Въ это время я видѣлъ разъ, мелькомъ, Бакунина, поразившаго меня своею внушительною и выразительною наружностью. Лѣтомъ Иванъ Ивановичъ разѣхался съ своею матерью и помѣстился на отдѣльной квартирѣ; одновременно съ этимъ и Бѣлинскій нанялъ себѣ отдѣльную квартиру.

Когда я поступилъ въ институтъ, то мы съ братомъ тоже всегда, по воскресеньямъ и праздникамъ, бывали у Ивана Ивановича и постоянно видали тамъ Бѣлинскаго. Я не помню, чтобы въ зиму 1840—1841 г. мнѣ случалось видѣть часто у Ивана Ивановича петербургскихъ литераторовъ. Тогда еще не появились на горизонтѣ: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій и Некрасовъ. Но мнѣ случалось встрѣчать у Ивана Ивановича московскихъ литераторовъ; въ томъ числѣ много разъ я видѣлъ Каткова, который болѣе мѣсяца проживалъ у Ивана Ивановича. Въ это время публика очень интересовалась романами американскаго писателя Купера. И, конечно, этотъ авторъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. По моимъ понятіямъ, произведенія Купера можно признать образцовыми въ воспитательномъ значеніи для юношества. Никто такъ не способствуетъ поднятію и благо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., ноябрь.

раживанію духа начинающаго знакомиться съ изящной литературой, причемъ онъ не проводитъ никакихъ предвзятыхъ тенденцій. Ив. Ив. Панаевъ имѣлъ, бесспорно, большое чутье ко всему изящному, и тотчасъ по появленіи въ Петербургѣ романа Купера «Озеро-Море» или «Патфиндеръ» (имя героя),—этого, можно сказать, перла всѣхъ романовъ Купера, гдѣ его герой, дѣйствующій въ цѣлой серіи романовъ, является во всемъ блескѣ величія духа,—принялся за переводъ означеннаго романа. Случилось такъ, что въ это время, Катковъ, кончившій уже курсъ въ Московскомъ университетѣ, намѣревался отправиться за границу и, проѣздомъ черезъ Петербургъ, остановился у Ив. Ив. Панаева. Ив. Ив. Панаевъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, предложилъ Каткову помочь ему, Панаеву, ускорить переводъ романа,—что, впрочемъ, совершенно совпадало съ матеріальными интересами Каткова ради поѣздки за границу. Катковъ очень охотно принялъ это предложеніе и потому прожилъ у Ивана Ивановича болѣе мѣсяца. Въ это-то время я и видалъ у него Каткова.

Катковъ носилъ тогда волосы длиною до плечъ, былъ худовать, блѣдновать и съ неопредѣленнымъ, свѣтлымъ, чтобы не сказать водянистымъ, цвѣтомъ глазъ. Длинные волосы страшно мѣшали ему работать, и онъ, занимаясь переводомъ, непрерывно откидывалъ ихъ назадъ рукою. Но такова была тогда мода среди молодыхъ людей, желавшихъ выразить длиною волосъ свой либерализмъ; къ тому же Катковъ собирался ѣхать за границу, а въ это время, всѣ, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, возвращались оттуда съ волосами по плечи. Конечно, подобныя шевелюры, по рѣдкости, бросались всѣмъ въ глаза и безобразили мужчину. Къ тому же, при тогдашнемъ обычаѣ и необходимости, съ такою шевелюрою, употреблять помаду, длинные волосы, падающіе черезъ воротникъ на плечи, не представляли безукоризненной опрятности.

Современники должны помнить исторію съ Яковлевымъ, молодымъ богачемъ, гремѣвшимъ въ то время въ Петербургѣ. Онъ довелъ свою шевелюру до безобразія, и когда, однажды, императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ на Невскомъ Яковлева, летящаго на рысакѣ, то далъ знакъ остановиться и приказалъ ему ѣхать въ Зимній дворецъ, гдѣ и показалъ его императрицѣ, какъ дико-

винку. Объ этомъ эпизодѣ было много версій, но всѣ, однако, сходились въ характерѣ комизма роли, выпавшей на долю Яковлева.

Приходя въ отпускъ въ 9-ть часовъ утра, мы всегда заставляли Каткова уже одѣтымъ и сидящимъ за работою у письменнаго стола Ивана Ивановича. По видимой холодности и несообщительности Каткова, а равно, принимая въ соображеніе мою юность, я ни въ какіе разговоры съ Катковымъ не вступалъ, хотя приходилось иногда просидѣть три часа въ одной комнатѣ, пока не появится Иванъ Ивановичъ и его жена. Затѣмъ садились пить чай и кофе, и къ этому времени, большою частью, появлялся Бѣлинскій. Тогда все какъ бы оживало, и онъ оставался почти всегда на цѣлый день. Въ эти же дни постоянно приходилъ къ Ивану Ивановичу учитель словесности, ильскій Кречетовъ, человѣкъ очень милый, но съ большою претензіею на пониманіе изящнаго и на судью въ литературномъ дѣлѣ, чѣмъ нерѣдко подавалъ поводъ къ остроумамъ на свой счетъ. День проходилъ въ чтеніи какого-либо литературнаго произведенія, въ разсказахъ Ивана Ивановича прочитаннаго имъ на французскомъ языкѣ какого-либо сочиненія, съ которымъ онъ желалъ ознакомить Бѣлинскаго, не читавшаго еще въ это время свободно на этомъ языкѣ; затѣмъ очень часто возбуждались интересные споры съ случайными посѣтителями о литературѣ, о наукѣ, объ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей или авторовъ, о театрѣ, или какомъ-либо общественномъ фактѣ, такъ что день обыкновенно проходилъ быстро и оживленно, и бывало очень досадно уходить въ заведеніе въ самый разгаръ какой-нибудь горячей рѣчи Бѣлинскаго.

XVII.

Встрѣча съ феей.

Вообще, въ моихъ «воспоминаніяхъ», я старался давать разсказы преимущественно о томъ, что могло связываться съ интересами объективными или характеризовать черты, нравы и обычаи извѣстной эпохи. Но въ этой главѣ, я позволю себѣ дать разсказъ

о субъективномъ предметѣ, касающемся одного психическаго момента моей жизни, по просту сказать, перваго, серьезно вспыхнувшего чувства любви къ восхитительной дѣвушкѣ.

По производствѣ въ офицеры, мы отправились съ братомъ въ отпускъ къ родителямъ, въ Казанскую губернію. Изъ Петербурга до Москвы мы поѣхали въ дилижансѣ, а далѣе надо было ѣхать на перекладныхъ. Въ то время не было еще за Москвой ни единого шоссированнаго тракта, а по тракту отъ Москвы до Владиміра не мыслимо было пускаться на почтовыхъ лошадяхъ, не рискуя сидѣть на станціяхъ, за недостаткомъ лошадей, по суткамъ и болѣе. Спасителями для этого тракта являлись вольные ямщики, которые, обходя гостиницы, предлагали доставлять во Владиміръ въ извѣстный срокъ въ своихъ рыдванахъ, за двойную цѣну противъ прогоновъ. Такъ поступили и мы. Но далѣе отъ Владиміра надо было ѣхать на перекладныхъ. Мы пробыли въ дорогѣ шесть сутокъ, ѣхавши безостановочно днемъ и ночью, чтобы скорѣе попасть домой. Каждый часъ отдохновенія казался какимъ-то преступленіемъ, ибо нашъ отпускъ былъ весьма краткосроченъ. Помню, что послѣ такой черезъ мѣру напряженной ѣзды, отъ бессонницы, отъ усталости, отъ тряски и отъ безконечнаго бряцанія колокольчиковъ, я, въ теченіе трехъ дней, былъ почти глухъ и мнѣ казалось, что всѣ и я самъ говорили шепотомъ, и это очень встревожило мою матушку. Я упоминаю объ этомъ фактѣ потому, что подобнаго страннаго состоянія не случалось уже мнѣ испытывать другой разъ въ жизни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего приѣзда мы были приглашены на праздникъ верстъ за 18 къ одной сосѣдкѣ за рѣку Каму, въ деревню Чирпы. Эта сосѣдка была Надежда Львовна Завашина, урожденная Толстая. По зимамъ она жила въ Москвѣ и принадлежала къ высшему московскому кругу, а на лѣто приѣзжала въ деревню. Она не имѣла родныхъ дѣтей, а вышла замужъ за вдовца, котораго въ описываемое время не было уже въ живыхъ и у котораго было два сына и одна дочь. Оба сына были извѣстные декабристы и въ данное время находились въ Сибири. Старуха жила съ падчерицей и имѣла еще воспитанницу, по фамиліи — Стахѣева. Кромѣ того, у нея проживали трое племянниковъ, одногодки

съ нами, дѣти брата ея, Павла Львовича Толстаго. Они проживали у тетки въ Москвѣ потому, что мать ихъ, урожденная Бутурлина, жившая тоже въ Москвѣ для воспитанія дѣтей, умерла.

Надежда Львовна Завалишина была по тогдашнему времени одна изъ самыхъ образованныхъ и передовыхъ женщинъ, равно какъ и ея падчерица, Катерина Иринарховна, уже пожилая дѣвушка. Несмотря на то, что Завалишина была лѣтъ на 25 старше моей матери, она относилась къ ней какъ къ душевному другу.

Въ домѣ Завалишиной, намъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, всегда было какъ-то легко и пріятно. Не бывавъ у нея, вслѣдствіе нашего отсутствія въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ, мнѣ и брату моему было очень весело поѣхать къ Завалишиной.

По пріѣздѣ туда, мы встрѣтили слѣдующихъ лицъ:

Племянника Завалишиной, Льва Павловича Толстаго, очень молодого и очень образованнаго человѣка, еще холостаго, который женился впослѣдствіи на моей двоюродной сестрѣ. Одна изъ ихъ дочерей есть извѣстная здѣсь въ Петербургѣ дама, М. Л. К—ъ; другаго племянника, уже зрѣлаго, Григорія Михайловича Толстаго. Это былъ типъ тогдашнихъ героевъ высшаго круга. Онъ былъ не только хорошъ собою и прекраснаго роста, но особенно интересенъ, и былъ, въ полномъ смыслѣ, джентльменъ, доказывая не разъ это свое качество на дѣлѣ. Былъ богатъ, большую часть времени проводилъ за границей и пріѣзжалъ изрѣдка въ деревню съ пріятелями, преимущественно для охоты. Въ окрестностяхъ его имѣнія «Ново-Спасское» было такое безпримѣрно богатое мѣсто для охоты на дупелей, что охотники очень часто брали въ одинъ день по 150 дупелей и болѣе. Женатъ Григорій Михайловичъ не былъ и впослѣдствіи никогда не связывалъ себя узами брака; но любилъ поволочиться слегка за особами замужними, заслуживающими вниманія. Словомъ сказать, это былъ типъ, изображенный Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Есть еще теперь живые люди, которые знали Григорія Михайловича и которые, конечно, согласятся со мною, что сравненіе мое вѣрно, тѣмъ болѣе, что онъ не рисовался, и былъ естественно, по характеру и обстоятельствамъ жизни, роднымъ братомъ Онѣгину. Г-жа Головачева, въ своихъ воспоминаніяхъ, коснулась этой личности по поводу того, что Ив.

Ив. Панаевъ и Некрасовъ гостили одно лѣто въ «Ново-Спасскомъ» у Григорія Михайловича Толстаго.

Затѣмъ, мы встрѣтили сосѣдей Завалишиной, мужа и жену, по фамилии Хрущевы, которые принадлежали тоже къ высшему московскому кругу и незадолго передъ тѣмъ купили имѣніе, называвшееся «Державино», принадлежавшее нѣкогда родителямъ знаменитаго поэта, гдѣ и похоронены ихъ тѣла.

Кромѣ того, былъ какой-то офицеръ и нѣсколько лицъ изъ сосѣдняго города Лаишева.

Изъ женскаго пола мы увидѣли даму И... у, принадлежавшую къ симбирской аристократіи, которая гостила въ это время у Завалишиной. Она была не первой молодости, носила обстриженные по плечи волосы, красотой не отличалась, но была извѣстна какъ особа весьма интеллигентная и образованная, которою и интересовался въ это время Григорій Михайловичъ.

Въ тѣ времена, нестѣсненность въ манерахъ обращенія и извѣстная вальяжность были рѣдкостью и представляли въ нѣкоторомъ родѣ шикъ. Мы застали Григ. Мих. въ гостиной сидящимъ на полу, на вышитой подушкѣ, положившимъ голову, съ длинными волосами по заграничной модѣ, на низкій турецкій диванъ близъ колѣнъ той дамы, о которой я упомянулъ сейчасъ. Поздоровавшись съ нами, онъ не измѣнилъ своего положенія и продолжалъ живую бесѣду со своей дамой.

Вскорѣ появилась воспитанница Завалишиной, Стахѣва. Я видѣлъ ее передъ тѣмъ года за четыре, когда ей было лѣтъ 14. Теперь предстала дѣвушка вполнѣ расцвѣтшая, очень красивая, пышавшая здоровьемъ и, какъ говорится, маковъ цвѣтъ. Мы съ братомъ очень обрадовались встрѣтиться съ нею, тѣмъ болѣе, что и въ дѣтствѣ намъ было весело играть съ нею потому, что она была очень живаго характера.

Сейчасъ же, конечно, завязалась болтовня, воспоминанія о дѣтствѣ и проч. и проч., а потому пребываніе у Завалишиной обѣщало быть не безынтереснымъ для меня.

Но вдругъ впорхнула въ гостиную какая-то фея, быстро обѣжала и расцѣловала родныхъ, поздоровалась съ однимъ, съ другимъ, съ третьимъ, всякому что-нибудь сказала и наконецъ оста-

повилась передъ нами, незнакомыми ей лицами. Завалишина тотчасъ же представила ей насъ, — «а это» — сказала она — «моя внучка, Сашенька Мельгунова».

Съ перваго момента появленія феи, съ перваго на нее взгляда, она ослѣпила меня, какъ солнце, и все остальное затмилось. За секунду передъ тѣмъ, Стахѣва казалась и красавицей, и интересной, и вдругъ она поблекла въ моихъ глазахъ въ такой степени, что признакъ какого-либо сравненія показался бы мнѣ дикимъ. И такое внезапное впечатлѣніе, если еще не большее, какъ оказалось впоследствии, фея произвела и на моего брата.

Подобное неожиданное, ошеломляющее впечатлѣніе можетъ происходить не отъ той или другой особенности, а только отъ полной гармоніи всего. Описать красоту феи трудно. Послѣ ошеломляющаго впечатлѣнія, я увидѣлъ, что не было ни одной черты, ни въ лицѣ, ни въ фигурѣ, которая не казалась бы совершенствомъ, ни одного движенія, которое не было бы усладительной, естественной граціей; но наиболѣе выдающейся красотой были, конечно, глаза, голубосѣрые, необычайной величины, съ выраженіемъ бездонной глубины, ласкающей привѣтливости, живости и интеллигенціи, которые широко и открыто смотрѣли на васъ, блестя, какъ бы беззавѣтною искренностью. Затѣмъ, бросалась въ глаза громадная, темнокаштановая коса, оттягивающая чрезвычайно естественно и граціозно голову назадъ, приподымая лицо и придавая тѣмъ ему нѣсколько горделивый видъ. Но окончательное и непобѣдимое очарованіе обхватило насъ тогда, когда мы разговорились съ этой волшебницей. Я говорю — «мы» — потому, что совершенно однородныя впечатлѣнія и чувства зародились одновременно во мнѣ и въ моемъ братѣ.

День былъ жаркій, двери изъ гостиной на балконъ были растворены. Тотчасъ по представленіи ей и ея намъ, фея, сказавъ два-три слова, порхнула на балконъ, куда и мы послѣдовали за нею. Въ такіе моменты, конечно, разговоръ между незнакомыми еще лицами не можетъ клеиться, и фея, инстинктивно находчивая, чрезъ нѣсколько минутъ предложила цѣлой компаніи идти въ садъ. Садъ былъ большой, и пока мы обходили его и пришли назадъ, то казалось, что я вѣкъ былъ знакомъ съ феей.

По возвращеніи нашемъ изъ сада, сѣли за обѣдъ, а послѣ того всѣ вышли на обширный лугъ, разстилавшійся передъ домомъ. Затѣялись разныя игры и между прочимъ «горѣлки», въ которыхъ приняли участіе и деревенскія дѣвушки. Когда мнѣ досталось «горѣть» и когда должна была бѣжать фея, то я, во что бы то ни стало, хотѣлъ поймать ее. На фею было блѣдно-палевое, кисейное или изъ какой-то другой матеріи самое воздушное платье, съ греческими открытыми рукавами, перехваченное толстымъ шнуркомъ. Она бѣжала какъ изъ лука стрѣла, и всякій разъ, какъ я достигалъ ее, она успѣвала увернуться. Наконецъ, я могъ схватить ее за плечи, но не рѣшился на это и схватился за юбку платья; фея рванулась и платье значительно разорвалось, такъ что конецъ его палъ на землю. Я обомлѣлъ и ожидалъ презрительнаго замѣчанія за мою неловкость. Ни чуть не бывало, фея засмѣялась, быстро заткнула конецъ платья за поясной шнурокъ, признала себя пойманной и продолжала играть, какъ ни въ чемъ не бывало.

Послѣ игръ вернулись пить чай, и затѣмъ тетка фею приказала ей сѣсть за фортепьяно и спѣть. Она выбрала прелестную пѣснь Офеліи Варламова. Такого исполненія, такого выраженія, какое она придавала этой пѣснѣ, я не слыхалъ послѣ никогда. Мы были охвачены новымъ очарованіемъ, и о впечатлѣніи, произведенномъ пѣніемъ феи, мнѣ придется сказать дальше нѣсколько словъ.

Къ вечеру затѣялись танцы. Опять очарованіе отъ натуральной граціи и легкости въ танцахъ. Въ вальсѣ казалось, что вы танцуете не съ дамою, а съ воздушнымъ облакомъ. Въ кадрили, она заводила серьезный разговоръ, и я рѣшительно недоумѣвалъ—говорю ли я съ дѣвушкой 18-ти лѣтъ, менѣе года тому назадъ вышедшей изъ Московскаго Екатерининскаго института, или съ дѣвпцей, пожившей уже въ свѣтѣ?

Во время танцевъ, тетка нѣсколько разъ отзывала фею въ сторону и, видимо, дѣлала ей какія-то замѣчанія. — «Какъ это скучно слушать» — сказала мнѣ фея послѣ одного замѣчанія — «но это скоро кончится, когда я поступлю въ монастырь».

— Что-за шутки, — сказалъ я — вы поступите въ монастырь, да съ чѣмъ же это сообразно?

— Я говорю вамъ не въ шутку, а правду. Я сирота, должна гостить то у однихъ родныхъ, то у другихъ и считать себя одолженной; хотя меня и любятъ, но получать непрерывно выговоры и слушать замѣчанія: то не такъ, другое не такъ, мнѣ надоѣло: я хочу независимости и эту независимость я найду въ монастырѣ. И фея смотрѣла такими открытыми глазами, говорила такимъ тономъ, что можно было подумать, что она говоритъ вполнѣ искренно, и весьма вѣроятно, что въ этотъ моментъ она дѣйствительно говорила искренно.

Въ одиннадцать часовъ вечера, фея спросила позволенія у тетки и пригласила всю молодежь идти прогуляться по саду. Всѣ пошли, кромѣ Григорія Михайловича, и меня тогда очень удивляло, какъ онъ не плѣнень феей и относится къ ней съ какой-то усмѣшкой.

Садъ, какъ я уже сказалъ, былъ большой и тѣнистый въ такой мѣрѣ, что вѣтви огромныхъ деревьевъ: дубовъ, вязовъ, липъ, кленовъ и березъ сходились вверху, образуя зеленый сводъ. Вечеръ былъ теплый, тихій, и луна была во всемъ блескѣ.

Сначала всѣ шли гуртомъ и весело болтали. Вдругъ фея выскочила, крикнула: «кто догонитъ меня?» — и полетѣла впередъ. Пока всѣ остальные опомнились, она успѣла убѣжать довольно далеко. Мнѣ удалось броситься за нею первымъ; аллея была не прямая, а съ поворотами, такъ что я и она естественно скрылись изъ взора остальныхъ. Въ тотъ моментъ, когда я былъ уже близко къ феѣ, она мелькнула вонъ изъ аллеи, въ сторону; я за нею, и мы очутились у пруда, около котораго находилась дерновая скамья, окруженная большими деревьями, которыя скрывали ее отъ аллеи. Запыхавшись, фея сѣла на скамью и сказала: — «отдохните немного». Едва мы сѣли, какъ услышали топотъ бѣгущихъ по аллеѣ въ догонку за нами, не подозрѣвавшихъ, что мы свернули въ сторону, гдѣ не было никакой аллеи. Когда топотъ удалился, фея вышла и сказала: — «пойдемте тихонько, они будутъ бѣгать и искать меня, а мы раньше ихъ придемъ домой и посмѣемся надъ ними». — Я былъ такъ молодъ и не опытенъ, что мнѣ и въ голову не пришло попросить у феи позволенія поцѣловать ея ручку.

Здѣсь, кстати замѣчу, что черезъ 40 лѣтъ, находясь въ тѣхъ краяхъ и проѣзжая мимо Чирповъ вмѣстѣ съ моею дочерью, я не

выдержалъ, и мы заѣхали туда, гдѣ я и показалъ ей ту аллею, по которой мы бѣжали, и прудъ, и развалившуюся уже совсѣмъ скамью.

На слѣдующій день, гостей было очень мало, разговоръ съ феей случался чаще, и очарованіе росло, если только оно могло еще расти. Къ вечеру надо было уѣзжать, тѣмъ болѣе, что мы были не одни, а съ матушкой. Какъ я молилъ Бога, чтобы сдѣлалась буря, пошелъ дождь или случилось что-нибудь, могущее помѣшать отъѣзду, но ничего такого не случилось. Казалось, что съ отъѣздомъ вырывается кусокъ изъ сердца, слезы душили, впереди представлялся мракъ, все, въ отсутствіи феи, должно было быть безличнымъ, никакого интереса представлять не могущимъ.

Въ непродолжительномъ времени, мы, съ матушкой, поѣхали въ Емельяновку, къ роднымъ Р—аго, о которомъ я уже далъ разсказъ въ главѣ III-ей. Дорога въ Емельяновку протекаетъ въ двухъ верстахъ отъ Чирповъ, и на обратномъ пути мы заѣхали къ Зава-лишиной на нѣсколько часовъ. Другихъ гостей не было, потому можно было побольше поговорить съ феей, а главное, она, на этотъ разъ, много пѣла, и очарованіе дошло до того предѣла, когда отъ напора чувствъ сердце хочетъ какъ бы разорваться на части.

Такимъ образомъ, несмотря на короткій срокъ двухъ встрѣчъ съ феей, мною овладѣло чувство крайне серьезное; но я старался скрывать это отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что увидалъ, что едва-ли еще не болѣе сильное чувство овладѣло моимъ братомъ, который не былъ въ силахъ скрыть его. Опостылѣла для насъ радость пребыванія дома въ отпуску, ко всему мы стали равнодушны; братъ сдѣлался видимо мраченъ, удалялся отъ людей, лежалъ больше въ своей комнатѣ, и потому чуткое сердце нашей матери угадало причину, и братъ мой подѣлился съ нею своимъ чувствомъ.

Я старался всѣми мѣрами бравировать, но частенько, цѣлыми часами, сидѣлъ у окна, глядя въ ту сторону, гдѣ находилась фея. Передъ окнами виднѣлись, верстахъ въ четырехъ, огромныя горы Камскаго берега; тамъ, за Камой, фея; слезы невольно навертывались при мысли, что надо давить возникшее чувство по двумъ причинамъ: во-первыхъ, надо было ѣхать въ Петербургъ и еще два года слушать курсъ наукъ; во-вторыхъ, —мы встали на одну дорогу съ братомъ. Такъ или иначе, ничего утѣшительнаго и реальнаго не могло быть.

Впрочемъ, ни о чемъ реальномъ не приходило и въ голову. Сознавать присутствіе феи, видѣть ее, поговорить съ нею—казалось, по внутреннему чувству, было бы совершенно достаточнымъ, чтобы наполнить и удовлетворить душевное состояніе данной минуты. Но какъ удовлетворить ему?—Посѣщать тотъ домъ, гдѣ была фея,—да для этого нуженъ былъ предлогъ; затѣмъ—еслибы и ѣздить туда, то одному дѣлать это было невозможно, — надо бы было ѣздить съ братомъ, который находился въ особенно тяжеломъ настроеніи духа. И къ чему могло повести это? Можно было только казаться смѣшнымъ, въ глазахъ моего отца, Завалишиной и самой феи, такъ какъ намъ предстояло еще два года ученія. Понятно, что надо было тушить пожаръ, а ѣздить въ домъ, гдѣ находилась фея для того только, чтобы доставить себѣ минутное удовольствіе и развлечь себя, казалось недостойнымъ того сильнаго чувства, которое охватило какъ меня, такъ и брата, хотя мы и не сообщали ничего другъ другу.

Чтобы имѣть однако возможность отдаваться вполне точившей меня грусти, я сталъ, подъ предлогомъ охоты, бравши ружье, уходить еще до восхода солнца и направляться къ тому блаженному мѣсту, гдѣ находилась фея. Дойду, бывало, до Камы, и стопъ. Не будь этой Камы, переправа черезъ которую требовала часа два и столько же обратно—я могъ бы успѣвать доходить, въ качествѣ охотника, до Чирповъ и ворочаться къ обѣду. Но проклятая Кама мѣшала, и я посижу бывало на берегу, дамъ волю душившимся меня слезамъ и, облегчившись этимъ и тѣмъ, что я находился не въ 18, а всего въ 7 или 8 верстахъ отъ феи, возвращался домой къ утреннему чаю, какъ ни въ чемъ не бывало.

Объ этихъ моихъ утреннихъ прогулкахъ провѣдали наши ближайшіе сосѣди, З—ы. Тамъ была дѣвушка, лѣтъ 18-ти, которая жила у насъ во время ея и нашего дѣтства, и училась вмѣстѣ съ нами у находившейся у насъ учительницы. Дѣвушка эта была очень видная и красивая собой; но я смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на красивую чашку, вазу и тому подобное. Эта дѣвушка очень часто посѣщала насъ и множество разъ разспрашивала меня:—куда я гуляю по утрамъ? зачѣмъ я хожу съ ружьемъ, а, между тѣмъ, никакой дичи домой не приношу? Я не подозрѣвалъ, что она принимала мои прогулки на свой счетъ, и узналъ объ этомъ лишь

въ моментъ моего отъѣзда въ Петербургъ. Въ ту самую минуту, когда мы сѣли въ экипажъ, человѣкъ, прискакавшій верхомъ, подалъ мнѣ письмо. Не подозрѣвая содержанія его и полагая, что тамъ предлагается исполнить какое-нибудь порученіе въ Казани или въ Петербургѣ, я положилъ конвертъ въ карманъ и распечаталъ его уже дорогой. Это было самое горячее признаніе въ любви, и въ концѣ было сказано, что посланному было приказано подать это письмо въ самый моментъ отъѣзда. Мнѣ стало жаль этой дѣвушки; знай я сколько-нибудь о ея чувствѣ, я, хотя бы изъ деликатности, былъ бы съ нею полюбезнѣе, тѣмъ болѣе, что она принадлежала къ небогатому, но прекрасному и благороднѣйшему во всѣхъ отношеніяхъ семейству.

Проѣздомъ изъ нашей деревни въ Казань, мы должны были встрѣтиться еще разъ съ феей, и поэтому я задумалъ выразить ей какъ-нибудь вспыхнувшее во мнѣ чувство, хотя бы въ самую послѣднюю минуту. Дня за два передъ нашимъ отъѣздомъ, мы получили «Отечественныя Записки», гдѣ было напечатано стихотвореніе Н. Огарева, которое точно нарочно подходило къ данному моменту, т. е. къ новой встрѣчѣ съ феей. Я ужасно обрадовался этому и переписалъ означенное стихотвореніе, измѣнивъ лишь два или три слова.

Я до сихъ поръ помню наизусть эти стихи, и если не ошибаюсь въ чемъ-нибудь, то вотъ они:

Опять предъ тобою стою очарованъ,
На русыя кудри гляжу,
Опять я тоской непонятной взволнованъ
И жадныхъ очей не свожу.

* *
*

И думаю, ангель—какою цѣною
Куплю дорогую любовь?
Отдамъ ли я жизньъ свою съ жалкой борьбой,
Съ томленьемъ печальныхъ годовъ?

* *
*

Но вѣтъ, какъ святыню признавъ твою волю,
Я бѣ смѣлъ объ одномъ лишь молить,
Ты жизньъ мою, жизньъ мою, горькую долю
Заставь меня вновь полюбить.

Дорога отъ нашей деревни до Казани пролегла въ верстахъ въ трехъ отъ Чирповъ. Мы заѣхали туда переночевать и на этотъ разъ видѣли фею мелькомъ. На слѣдующій день, то же по дорогѣ въ Казань, мы должны были провести праздникъ въ деревнѣ Державинѣ, у Хрущевыхъ, о которыхъ я упоминалъ уже выше. Завалишина съ своей семьей и феей должна была ѣхать туда же.

Въ этотъ день фея была очень весела, танцевала, какъ говорится, до упаду и нѣла безъ конца. Видимо, до нея дошелъ слухъ о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое она произвела на моего брата, и она была особенно любезна съ нимъ. Между тѣмъ, братъ мой не любилъ танцевать, и какъ она ни старалась увлечь его въ танцы, онъ не поддался. Вечеромъ я видѣлъ, что она пошла съ нимъ въ садъ, не пригласивъ никого. Хотя я ревновать не могъ, ибо видѣлъ, что душевное состояніе брата, въ виду нашего отъѣзда, было, въ полномъ смыслѣ слова, ужасающее,—не менѣе того, въ тотъ моментъ, когда фея пошла съ нимъ въ садъ — что-то заскребло въ сердцѣ. Черезъ нѣсколько уже лѣтъ, я узналъ, что братъ мой, при этой прогулкѣ, не рѣшился тоже поцѣловать ручку у феи, тогда какъ его tête-à-tête не былъ случайнымъ, какъ это было со мною въ Чирпахъ, а былъ вызванъ по ея инициативѣ.

Вскорѣ она вернулась и пустилась опять въ танцы. Во время танцевъ, фея сказала мнѣ, что ей не придется болѣе танцевать со мною, такъ какъ я, когда окончу курсъ, могу увидѣть ее только монахиней,—о чемъ она уже сообщала мнѣ.

Послѣ танцевъ разыгрывали лотерею изъ бездѣлушекъ и работъ въ пользу какихъ-то бѣдныхъ людей. Мнѣ посчастливилось выиграть закладку въ книгу, работы феи, сдѣланную изъ картонной канвы, съ вышивкой бисеромъ слова: «souvenir». Это обстоятельство дало мнѣ поводъ поддразнивать фею. Наконецъ, когда, послѣ ужина, всѣ стали расходиться, я сказалъ фее:— «Ахъ, я забылъ передать вамъ стихи, которые я прочелъ въ журналѣ и переписалъ для васъ». — Подавъ эти стихи, я простился, ушелъ и уже ни разу въ жизни не видалъ ее болѣе.

На другой день, чтобы попасть въ Казань во-время, мы должны были выѣхать съ восходомъ солнца. Домъ у Хрущевыхъ не былъ такъ обширенъ, чтобы помѣстить всѣхъ гостей и дать всѣмъ по-

стели. Я пошелъ спать въ нашу карету, стоявшую во дворѣ. До сихъ поръ живо помню эту ночь. Я не сомкнулъ глазъ до свѣта, захлебываясь, благо былъ одинъ, отъ слезъ, какъ ребенокъ, при мысли, что не увижу болѣе феи и что, покоряясь неизбежному року, надо было ѣхать въ Петербургъ продолжать свое ученіе.

Матушка была съ нами и провожала насъ до Казани. Съ нею была горничная, которая вѣдала уже о стрѣлѣ, пронзившей насъ. Оказалось впослѣдствіи, что братъ мой и я поручили этой горничной, независимо другъ отъ друга, слѣдить и сообщать намъ, при случаѣ (она была неграмотная) все, что узнаетъ о фее. Я упоминаю объ этомъ потому, что иначе, одинъ курьезный фактъ, о которомъ я скажу далѣе, былъ бы непонятенъ.

Приѣхавъ въ Казань, намъ надо было пуститься оттуда опять на перекладныхъ. Такая перспектива, при томъ состояніи духа, въ которомъ мы находились съ братомъ, представлялась ужасной. Къ счастью, я узналъ, что въ это время, а именно, во время Нижегородской ярмарки, стали ходить дилижансы—тарантасы, на три внутреннихъ мѣста каждый и съ однимъ наружнымъ на козлахъ, отъ Казани до Москвы. Я бросился въ контору и взялъ весь тарантасъ, хотя средства на путешествіе были отпущены отцомъ въ обрѣзъ. Тарантасъ былъ громадный, вещей было у насъ, конечно, мало, и потому я приказалъ челоуѣку, ѣхавшему съ нами, устроить лежанье, покрывъ его ковромъ. Мы залегли съ братомъ въ этотъ тарантасъ: онъ въ одномъ углу, я въ другомъ; тарантасъ былъ такъ широкъ, что между нами могли бы помѣститься еще два челоуѣка. И, въ такомъ положеніи, мы доѣхали до Москвы, не сказавъ другъ другу ни слова, кромѣ двухъ-трехъ необходимыхъ словъ во время ѣды или питья чая. Каждый изъ насъ былъ страшно удрученъ. Отъ Москвы, уже безъ лишнихъ тратъ, мы могли ѣхать въ двухмѣстныхъ отдѣленіяхъ дилижанса и ѣхали тоже молча.

Читатель можетъ подумать, что, дѣлая очеркъ феи, я, подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія въ молодости, черезъ мѣру усилилъ краски; но есть еще мои современники, которые знали ее. Напримѣръ, могу указать на племянника Завалишиной, Сергѣя Павловича Толстаго, проживающаго нынѣ въ своемъ имѣніи Мурзихѣ, на Камѣ, не далеко отъ упомянутой деревни—Чирпы. Я не сомнѣ-

ваюсь, что онъ подтвердилъ бы мой взглядъ, что фея въ самомъ дѣлѣ была феей, обладавшей могучею силой производить необычайно-обаятельное впечатлѣніе на людей.

Не безынтересенъ разсказъ объ исходѣ болѣзни, насъ охватившей.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, начавшіяся немедленно серьезныя занятія, конечно, стали отвлекать меня отъ сосредоточенія на мысли о фее; въ особенности я сталъ увлекаться лекціями Остроградскаго и относился къ занятіямъ съ любовью. Но это далеко не дѣйствовало такъ благотѣльно на брата. Онъ шелъ отлично, занимался пристально, но дѣлалъ это не съ любовью, а по долгу и по обязанности, тѣмъ болѣе, что стоялъ въ этомъ году первымъ по списку. Но въ свободное время отъ занятій, онъ только и дѣлалъ, что постоянно рисовалъ фею, съ большимъ сходствомъ, и на тетрадяхъ, и на книгахъ, и на первомъ попавшемся ему лоскуткѣ бумаги. При разговорѣ товарищей о красотѣ какой-либо женщины, онъ относился къ нимъ иронически или удалялся, чтобы не слышать профанаціи, т. е. что существуютъ на свѣтѣ женщины, достойныя вниманія, кромѣ феи. Ближайшіе товарищи узнали о такомъ настроеніи брата и старались не затрогивать при немъ подобныхъ вопросовъ.

У меня былъ товарищъ, большой мнѣ другъ, веселый, благородный малый, года на четыре старше меня, человѣкъ уже опытный, и онъ-то и побудилъ меня посѣщать театръ; вскорѣ я сталъ находить, что на свѣтѣ есть женщины, хотя и не такія, какъ фея, а все-таки не лишеныя интереса. Что же касается до брата, то онъ не только въ театръ, но никуда не ходилъ.

Однажды, я пошелъ на представленіе «Гамлета», котораго игралъ великій, знаменитый трагикъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ. Въ это время Офелію играла Надежда Васильевна Самоилова, которая превосходно пѣла и изображала сцену сумасшествія. Вообще, она была музыкальный человѣкъ и хорошая пѣвица, обладая бархатнымъ голосомъ, почти контральтоваго тембра и исполняла пѣснь Офеліи почти такъ же выразительно, какъ и фея. Въ то время «Гамлета» давали очень часто, и я никогда не пропускалъ этого представленія. Какъ я ни старался увлечь, хотя бы

на одинъ разъ, брата посмотри́тъ Каратыгина и послушать Офелію, но не могъ. По его настроенію духа, идти слушать пѣснь Офеліи значило измѣнить своему идеалу. Только на слѣдующую зиму, съ 1843-го па 1844-й годъ, когда появилась въ Петербургѣ впервые итальянская опера, съ Рубини, Віардо и Тамбурини, братъ рѣшился посѣщать оперу, и эта рѣшимость была началомъ исхода болѣзненнаго состоянія его духа. Но, въ сущности, это состояніе продолжалось почти два года; и даже тогда, когда онъ узналъ, что фея вышла замужъ, онъ не излѣчился еще вполне, и только года черезъ четыре, когда онъ заинтересовался одной женщиной, можно было счесть его выздоровѣвшимъ окончательно.

Моему же, сравнительно, довольно быстрому излѣченію, сверхъ высказаннаго выше, способствовало слѣдующее, весьма курьезное обстоятельство.

Въ концѣ зимы, послѣ нашей встрѣчи съ феей, прибылъ къ намъ изъ деревни обозъ, т. е. возъ на парѣ лошадей, съ разной деревенской провизіей, какъ-то: мороженые гуси, куры, индѣйки, утки, полотки, ветчина, масло, разные варенья, пастилы, цукаты, пряники, сушеные фрукты и ягоды и проч. Можно ли представить себѣ въ настоящее время, что былъ расчетъ везти за 1.700 верстъ подобную провизію. А расчетъ дѣйствительно былъ: лошади свои, трудъ кучера, кромѣ пропитанія его, ничего не стоилъ, и вся провизія на мѣстѣ не имѣла сбыта.

Братъ мой рѣшительно хозяйствомъ не занимался, и потому мнѣ, конечно, пришлось принимать все и вскрывать ящики. Когда я вскрылъ одинъ ящикъ, то увидѣлъ въ немъ ядра орѣховъ (вкусъ казанскихъ орѣховъ имѣетъ репутацію). Высыпавъ эти ядра, я увидѣлъ неожиданно дно ящика, только на половинѣ его глубины, и на этомъ днѣ находился незапечатанный конвертъ съ надписью на мое имя. Въ этомъ конвертѣ я нашелъ стихотвореніе, писанное рукой феи, какъ бы въ отвѣтъ на переданное ей мною стихотвореніе при отъѣздѣ, съ нѣсколькими словами, но безъ подписи. Признаюсь, что въ этотъ моментъ, видя состояніе духа брата, я былъ бы болѣе радъ, еслибы конвертъ былъ адресованъ на его имя. Затѣмъ, когда я вскрылъ противоположную доску ящика, я увидѣлъ тоже орѣховыя зерна и, высыпавъ ихъ, нашелъ такой же незапеча-

танный конвертъ на имя брата, съ надписью той же руки, и я несказанно обрадовался.

Я понялъ, что эти конверты были отданы феей горничной матушки, которая и придумала способъ переслать ихъ намъ курьернымъ образомъ, дабы я могъ догадаться, отъ кого они идутъ. Эта горничная хорошо знала, что конверты попадутся прежде всего въ руки мнѣ, а не брату. Выходило: «объимъ сестрамъ по серьгамъ».

Очевиднымъ сдѣлалось для меня, что фея совершила ребяческую шалость, но, не менѣе того, было ясно, что у нея не запало въ сердце никакого серьезнаго чувства ни къ брату, ни ко мнѣ, а между тѣмъ братъ мечталъ, что она будетъ ждать окончанія его курса, по крайней мѣрѣ былъ съ ея стороны намекъ на это. Понятно, что рассказанный фактъ сильно поспособствовалъ скорѣйшему моему исцѣленію.

Передавая конвертъ брату съ увѣренностью, что этотъ фактъ подѣйствуетъ на него благотворно, я, конечно, ни слова не сказалъ ему о полученномъ тоже мною конвертѣ. Нельзя было и помыслить внезапно разбить его мечты, разбить его идеаль. Это было бы и жестоко и опасно. Только года черезъ четыре, когда онъ сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ воспоминаніямъ о фее, я повѣдалъ ему, что я одновременно получилъ тоже посланьице отъ нея, которое и сохранилъ у себя.

Теперь о дальнѣйшей судьбѣ феи.

Спустя годъ, или нѣсколько болѣе, послѣ нашей встрѣчи, фея вышла замужъ за молодого, съ хорошимъ состояніемъ помѣщика Симбирской губерніи, г. Б—ъ. Затѣмъ, мы узнали, что, года черезъ два или три, она разсталась съ мужемъ и проживаетъ въ Симбирскѣ.

Въ 1860-мъ году, т. е. черезъ 18 лѣтъ, я ѣхалъ на пароходѣ по Волгѣ и на пространствѣ между Казанью и Симбирскомъ встрѣтилъ на пароходѣ бывшаго моего товарища Бутлерова, который былъ въ то время профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ. Съ нимъ ѣхалъ одинъ его знакомый, помѣщикъ Симбирской губерніи. Такъ какъ Бутлеровъ былъ тоже помѣщикъ Симбирской губерніи, то я любопытствовалъ спросить его, не знакомъ ли онъ съ г-жею Б—ъ, проживающею въ Симбирскѣ?

— А развѣ вы знаете ее? спросилъ Бутлеровъ.

— Я встрѣтилъ ее однажды, лѣтъ 18 тому назадъ, когда она была молоденькой дѣвушкой.

— А вы не знаете настоящаго ея положенія?

— Я знаю только, что она разсталась съ мужемъ.

— И больше ничего?

— Ничего!

— Но вотъ мой знакомый, который, какъ житель Симбирска, расскажетъ вамъ о госпожѣ Б—ъ.

И я услышалъ такую потрясающую повѣсть, изложить которую не поворачивается перо.

Невольно, послѣ того, я сталъ внутренно анализировать участь феи. Припоминая всѣ подробности нашей встрѣчи, безпримѣрную живость ея характера и то страшно сильное и глубокое впечатлѣніе, которое она произвела на насъ, я долженъ былъ заключить, что дѣйствительно натура ея была до крайности исключительная, для которой не могло быть ничего срединнаго. Ей должно было предстоять или безграничное счастье, или ей должна была предстоять страшная гибель. И въ самомъ дѣлѣ, принимая въ соображеніе ея положеніе, ея происхожденіе, ея воспитаніе, ея образованіе и ту высокую среду, въ которой она выросла и вращалась,—при такихъ прецедентахъ степень гибели ея представляетъ едва-ли не единственный неслыханный фактъ.

Года черезъ три, я опять ѣхалъ по Волгѣ и, во время продолжительной остановки парохода въ Симбирскѣ, я вздумалъ было поѣхать съ однимъ моимъ пріятелемъ, М. В. Силинымъ, повидать прежнюю фею, не обнаруживая сначала себя, съ цѣлью принести, быть можетъ, ей какое-либо, хотя бы самое малое, утѣшеніе. Но пока я подымался на безконечную и крутую гору Симбирска, рѣшимость моя и моего пріятеля ослабѣла, и мы вернулись, не доѣхавъ до цѣли. Черезъ годъ послѣ этого, госпожа Б—ъ умерла.

Отвергнутая, презираемая до-нельзя всѣми, которые и не знали этой женщины прежде,—въ такомъ положеніи рука, протянутая человѣкомъ, видѣвшимъ ее во всѣмъ блескѣ, могла бы подѣйствовать сколько-нибудь спасительно, а потому я сильно раскаиваюсь въ томъ, что не исполнилъ тогда своего намѣренія.

XVIII.

Первый офицерскій классъ прапорщиковъ, производство въ подпоручики; поѣздка на изысканія Николаевской желѣзной дороги; оригинальная и интересная личность Самойлова, родного брата павѣстнаго артиста В. В. Самойлова.

Въ двухъ офицерскихъ классахъ было болѣе, чѣмъ по 100 человекъ въ каждомъ. Для слушанія лекцій, составленія проектовъ и для репетицій, мы собирались два раза въ день отъ 9-ти до 2-хъ утромъ и отъ 5-ти до 8-ми вечеромъ. Посѣщеніе офицерами института въ означенные часы было обязательно, и такимъ образомъ о какихъ-либо развлеченияхъ нельзя было и помышлять. Не пришедшій на лекціи и не представившій уважительной тому причины подвергался аресту. Когда кто-либо желалъ идти въ театръ, то, по приходѣ въ 5 часовъ, долженъ былъ предупредить о томъ старшаго дежурнаго, который, обыкновенно, разрѣшалъ уйти послѣ первой послѣобѣденной лекціи или репетиціи въ 6¹/₂ часовъ. Въ правилахъ, этихъ досрочныхъ отлучекъ не значилось, а потому дежурный могъ и не разрѣшать ихъ.

Въ этомъ году, главный интересъ сосредоточивался на слушаніи лекцій Остроградскаго, о которомъ я далъ уже, по возможности, нѣкоторую характеристику въ предшествующихъ главахъ.

Другими профессорами, болѣе выдающимися, были: академикъ Купферъ, читавшій физику на французскомъ языкѣ; инженеръ Глуховъ, читавшій ту же науку на русскомъ языкѣ; инженеръ Добронравовъ, читавшій отдѣлъ физики объ электричествѣ; инженеръ Ястржембскій, читавшій построеніе дорогъ и мостовъ и строительную механику, и инженеръ Языковъ, читавшій стратегію.

Въ этомъ году, по отношенію къ институту, никакихъ исключительныхъ эпизодовъ я не припомню. По выдержаніи экзамена, произведенныхъ въ подпоручики командировали обыкновенно на практическія занятія, а отпусковъ не давали, за исключеніемъ особенныхъ случайностей. На этотъ разъ, всѣхъ, высокостоящихъ по списку, по просьбѣ инженеръ-полковника Мельникова, который былъ назначенъ на изысканія и постройку Николаевской

желѣзной дороги, командировали къ нему, не какъ практикантовъ, а какъ отвѣтственныхъ лицъ для самостоятельныхъ порученій на лѣтнее время.

Характеристику замѣчательной личности Мельникова я сдѣлалъ при описаніи постройки Николаевской желѣзной дороги.

Когда я съ братомъ явились къ Мельникову, онъ сказалъ, что назначаетъ насъ на изысканія и предоставляет намъ, какъ стоящимъ первыми по списку, избрать районъ ближайшій къ Петербургу. Мы отвѣтили ему, что нельзя ли послать насъ подальше отъ Петербурга.

— Странно, — сказалъ онъ, — но я этому очень радъ потому, что многіе просились поближе къ Петербургу. Въ такомъ случаѣ, я назначу васъ въ самый отдаленный край моей дирекціи. И онъ назначилъ насъ на пространство, которое находится нынѣ между Окуловкой и Бологое.

Ѣхать туда надо было по шоссе до Валдая, а оттуда верстъ 40 въ сторону, въ деревню Кузнецово, гдѣ проживалъ начальникъ участка, инженеръ Семичевъ. Проѣзжая прежде по шоссе мимо большихъ ямовъ и деревень съ прекрасными постройками и видя тамъ лавки и самовары по окнамъ домовъ, намъ рисовались такими же и тѣ деревни, куда мы должны были ѣхать, и потому мы не взяли съ собою ни самовара, ни кухонной и никакой посуды.

Деревня Кузнецово была центромъ участка, гдѣ, какъ я уже упомянулъ, долженъ былъ находиться начальникъ участка Семичевъ, — впоследствии довольно извѣстный практическій инженеръ. Прежде всего, мы, конечно, должны были явиться къ нему для полученія дальнѣйшихъ распоряженій.

Приѣхали мы въ Кузнецово часовъ въ 10 вечера, промокли отъ дождя до костей. Увидавъ свѣтъ въ одной избѣ и узнавъ, что тамъ живетъ офицеръ, мы остановились передъ ней и вошли въ избу, полагая, что мы попали къ Семичеву.

Когда мы вошли, то увидали человѣка въ одномъ бѣльѣ, ходящаго изъ угла въ уголъ; изба освѣщалась фитилемъ, горѣвшимъ въ какой то плошкѣ. Услыша, кто мы такіе и что мы присланы въ его распоряженіе Мельниковымъ, — человѣкъ этотъ сказалъ:

— Ошибаетесь! я не Семичевъ, а есмь Сергѣй Васильевъ Са-

мойловъ, горный инженеръ, занимающійся здѣсь сверленіемъ земнаго шара, чуть не до центра. Вы, конечно, промокли, прозябли и хотите выпить чайку.

— Да! очень хочется.

— Только, прикажите,—сказалъ Самойловъ — достать вашъ самоваръ; у меня вмѣсто самовара имѣется посудина, которая, со штанами, служить для кофе, а безъ штановъ—для чая, до котораго я не охотникъ. И онъ указалъ на громадную, чуть не въ полведра, стоящую на столѣ посудину изъ красной мѣди, безъ крана, съ рыльцемъ, какъ у кофейниковъ.

— Мы не захватили съ собою самовара, — сказалъ я:—полагая, что въ здѣшнихъ краяхъ можно достать самоваръ въ каждой деревнѣ.

Самойловъ захохоталъ, отворилъ дверь въ сѣни и крикнулъ:—вассаль!

Взошелъ человѣкъ. — Возьми сію посудину, вскипяти воду, но не забудь вынуть штаны, да смотри, чтобы угли не попали въ воду.

Мы поинтересовались посмотреть посудину. Въ серединѣ была труба, не возвышающаяся выше краевъ посуды, крышки не было и внутри находился холщевый мѣшокъ для варенія кофе.

— А вотъ что, братцы, — сказалъ Самойловъ:—нѣтъ ли у васъ свѣчей?

Мы привезли съ собою нѣсколько фунтовъ стеариновыхъ свѣчей и приказали достать ихъ. Самойловъ очень обрадовался.

— Вотъ уже нѣсколько дней я пребываю съ симъ священнымъ свѣтильникомъ, который вы видите; надоѣлъ онъ мнѣ сильно.

Затѣмъ, Самойловъ взялъ изъ-ноды образовъ два полуштофика, вставилъ въ нихъ свѣчи и прибавилъ:—а какъ вамъ нравится мои канделябры?

Изба озарилась и стала веселѣй.

Черезъ полчаса, казалось, что мы вѣкъ были знакомы съ Самойловымъ; онъ продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ и морилъ насъ со смѣха. Принесенъ былъ кофейникъ безъ штановъ, засѣли пить чай и проболтали до 4-хъ часовъ утра. Человѣкъ принесъ соломѣ и устроилъ намъ двоимъ постель на полу; Самойловъ улегся на лавкѣ подъ образами, но и когда мы улеглись, Самойловъ вска-

киваль очень часто, декламировать разныя разности и ужасно смѣшить насъ.

Само собою разумѣется, что мы очень обрадовались встрѣтить такого человѣка и почувствовали, что намъ, въ захолустѣ, куда мы попали, не будетъ скучно. Я остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ Самойлова.

Самойловъ оказался роднымъ братомъ извѣстнаго артиста Василія Васильевича Самойлова. Сергѣй Васильевичъ служилъ на уральскихъ заводахъ, привезъ въ Петербургъ транспортъ золота, какъ разъ въ то время, когда начались изысканія для Николаевской желѣзной дороги, и былъ командированъ для буренія предполагавшихся выемокъ, доходящихъ до 9-ти саж. глубины, дабы составить геологическіе разрѣзы и опредѣлить качества грунтовъ, а равно и для зондированія болотъ, т. е., для опредѣленія ихъ глубины. Такія данныя были необходимы для составленія предварительной смѣты на земляныя работы.

Мы попали въ центръ Валдайскихъ горъ; въ этой мѣстности потребовалось дѣлать много глубокихъ буровыхъ скважинъ, и потому Самойловъ проживалъ тутъ болѣе полугода.

Когда, на другой день утромъ, я проснулся и лежалъ еще на полу, то увидаль Самойлова ходящимъ, какъ и вчера, изъ угла въ уголъ въ одномъ бѣльѣ. Онъ былъ молчаливъ, нѣсколько мраченъ и непрерывно заглядывалъ въ окно. Вдругъ онъ захопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Борька! Борька! иди скорѣй, куда ты провалился?

Вопелъ въ избѣ маленький мужичекъ, лѣтъ 70-ти, съ боченкомъ на спинѣ. Это былъ хозяинъ дома, котораго Самойловъ рекомендовалъ намъ, какъ своего друга и пріятеля.

Самойловъ схватилъ боченокъ, положилъ его на лавку, досталъ изъ печурокъ нѣсколько полустофвъ и сталъ цѣдить изъ боченка желтовато-зеленоватую жидкость. По мѣрѣ того, какъ онъ наполнялъ полустофики, онъ ставилъ ихъ сначала въ кіотъ подъ образа, и я подумалъ, что это было деревянное масло для свѣшника; затѣмъ, другіе полустофы онъ сталъ размѣщать въ печурки. Тогда я спросилъ его: «что это такое?» Самойловъ подтвердилъ мое предположеніе, сказавъ:

— Се священный елей для лампадокъ.

Окончивъ операцію разливки, Самойловъ опять принялся ходить изъ угла въ уголъ; но вскорѣ взялъ рюмку, налилъ священнаго еля изъ-подъ образовъ и моментально проглотилъ его. Я встопилъ съ полу и закричалъ: «что вы дѣлаете?»

— Мнѣ нездоровится, это вмѣсто касторки, сказалъ Самойловъ.

Я все еще недоумѣвалъ, но когда, минутъ черезъ пять, онъ, подойдя къ печуркѣ, повторилъ то же самое, я усумнился; а когда онъ сталъ прикладываться къ елею то изъ-подъ образовъ, то изъ печурокъ, причемъ разводилъ разныя прибаутки, суть дѣла обнаружилась. Въ штофикахъ красовалось не деревянное масло, а была тамъ сивуха, цвѣтъ которой совершенно схожъ съ масломъ.

Пропустивъ полдюжины мѣрныхъ рюмокъ, Самойловъ повеселѣлъ, сталъ болтать безъ умолку и смѣшить насъ. Къ полудню пріѣхали еще два инженера. Вскорѣ Самойловъ предложилъ идти купаться въ рѣкѣ Валдайкѣ. Всѣ, конечно, приняли его предложеніе. Предъ уходомъ, Самойловъ, не одѣваясь, накинулъ на себя громадной ширины и длины плащъ и захватилъ съ собою полуштофъ и рюмку. Предполагая, что Самойлову должно быть нѣсколько совѣстно передъ нами, я предложилъ ему нести штофикъ, а другой взялъ у него рюмку. До купанья было болѣе версты расстоянія. Дорогой, Самойловъ остановился, что-то продекламировалъ намъ и возгласилъ:

— Дорога предстоитъ намъ дальняя, надо подкрѣпить свои силы; позвольте, братцы, выпить рюмочку.

Придя къ мѣсту купанья, Самойловъ сдѣлалъ изъ песку горку и водрузилъ наверху свой штофикъ. Купаясь, онъ каждыя десять минутъ выходилъ изъ воды, прикладывался къ рюмочкѣ, говоря, что иначе можно простудиться, и совѣтовалъ намъ тоже приложиться. Чтобы не конфузить его, всѣ понемногу приложились. Мы давно откупались и ожидали Самойлова, но онъ не прекратилъ купанья до тѣхъ поръ, пока не осушилъ штофика.

Насъ сильно удивило, что, несмотря на порядочную дозу выпитой имъ сивухи, онъ не былъ, повидимому, пьянъ, а только особенно веселъ. Мы привезли съ собою человѣка, который могъ кое-

что стряпать, и онъ соорудилъ намъ обѣдъ изъ куръ. Послѣ обѣда Самойловъ отправился спать въ непомѣрной величины свой тарантасъ съ фордекомъ, который стоялъ на улицѣ подлѣ избы.

Къ вечеру пріѣхалъ Семичевъ; у него имѣлся большущій самоваръ. Во время вечерняго чая, на воздухѣ, пришелъ Самойловъ въ своемъ плащѣ и съ гитарой, и тутъ-то онъ явился во всемъ блескѣ своего рѣдкаго артистическаго таланта. Выспавшись послѣ обѣда, онъ потомъ не прикасался уже болѣе къ рюмочкѣ и держался, какъ обнаружилось, постоянно такого режима.

Самойловъ сталъ изображать намъ артистовъ, артистокъ и пѣвцовъ, трагиковъ, Каратыгина и Брянскаго, Сосницкаго. Максимова, свою сестру Надежду и проч. Отойдетъ въ сторону и затѣмъ явится новымъ лицомъ, то вырастетъ, то понизится, то говорить густымъ баритономъ, то нѣжнымъ голосомъ. Затѣмъ, онъ принялся пѣть съ акомпаниментомъ гитары: репертуаръ его былъ неисчерпаемъ: романсы, русскія и цыганскія пѣсни, аріи изъ итальянскихъ и русскихъ оперъ и даже куплеты изъ французскихъ водевилей. Онъ имѣлъ пріятный теноръ съ баритональнымъ оттѣнкомъ, пѣлъ безукоризненно вѣрно и съ большимъ выраженіемъ. Словомъ сказать, очаровалъ всѣхъ насъ и очаровывалъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Утромъ мы отправлялись на работы изысканій, но всѣ только и думали, какъ бы пораньше вернуться къ вечернему чаю, дабы не пропустить ничего изъ ожидаемаго нами разнообразнаго представленія. Самойловъ, въ Сибири, постоянно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ, господствовавшихъ на горныхъ заводахъ, разъѣзжая для того, вслѣдствіе неотступныхъ приглашеній, за 500 верстъ и болѣе, и потому зналъ массу ролей. Понятно, что при его талантѣ, онъ долженъ былъ быть *enfant gaté* всего обширнаго сибирскаго округа.

Одинъ день мы слышали сцены изъ «Гамлета», другой — изъ «Отелло», третій — изъ «Макбета» и т. д., изъ — «Разбойниковъ» Шиллера, «Дмитрія Донскаго», «Уголино», «Людвика XI-го» и проч., или вдругъ Самойловъ появлялся Хлестаковымъ, городничимъ, Чацкимъ, Фамусовымъ и проч.

Извѣстно, что артистъ Василій Васильевичъ обладалъ особен-

ною, исключительною способностью къ подражаніямъ внѣшней стороны изображаемыхъ имъ лицъ, и, въ сущности, долгое время, онъ былъ въ силахъ создавать типы. Сергѣй же Васильевичъ обладалъ даромъ подражанія несравненно въ большей степени и въ болѣе обширныхъ отрасляхъ и, сверхъ того, въ немъ горѣлъ неподдѣльный огонь, и голосъ его былъ и сильный и звучный, чего не было у Василья Васильевича, который въ сильной трагической или драматической роли былъ бы жалокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Сергѣй Васильевичъ отдался артистической карьерѣ, то оставилъ бы по себѣ память, какъ одинъ изъ великихъ артистовъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ болѣе широкое образованіе, чѣмъ его братъ.

Изысканія на нашей мѣстности начались отъ центра, т. е. отъ деревни Кузнецово въ обѣ стороны. Прошло недѣли четыре, но мы не подвинулись далеко отъ центра, единственно потому, что никому не хотѣлось удалиться отъ Самойлова. Начальникъ нашъ Семичевъ, очарованный тоже Самойловымъ, понималъ причину нашей медленности и потому послалъ всѣхъ производить изысканія отъ концовъ его участка съ тѣмъ, чтобы оттуда мы двигались къ центру.

Мнѣ достался самый отдаленный и глухой край. Всѣ передвиженія, за отсутствіемъ дорогъ вдоль проводимой линіи желѣзной дороги, совершались по образу пѣшаго хожденія. О какихъ-либо запасахъ, кромѣ чая и сахара и нѣсколькихъ свѣчей, нельзя было и думать. Ни самовара и никакой другой посуды у меня не было; я отправился на волю Божию и попалъ въ поселокъ, Борки, состоявшій изъ двухъ избъ. Объ этомъ поселкѣ мнѣ придется упомянуть при разказахъ о постройкѣ Николаевской желѣзной дороги.

Верстахъ въ четырехъ оказалась какая-то старуха, помѣщица, владѣтельница трехъ душъ. Я послалъ къ ней попросить, за плату, на поддержаніе самоваръ и посуду. У нея былъ лишь одинъ самоваръ, котораго она мнѣ не могла уступить, а изъ посуды прислала чашку съ отбитымъ краемъ, стаканъ и чугуничикъ, тоже съ отбитымъ краемъ. Несмотря на такую скудную посуду, по пословицѣ— «голь на выдумки хитра» — я устроился пить чай, безъ котораго существовать не могъ. Въ чугуничикъ кипятилъ воду, въ полуразбитой чашкѣ заваривалъ чай, а изъ стакана пилъ его, размѣшивая сахаръ лучиночкой потому, что забылъ захватить съ собою чайную

ложку. Утромъ, до восхода солнца, я отправлялся на работы, захвативъ съ собой яицъ и хлѣба, и возвращался послѣ заката солнца, оставаясь въ полѣ часовъ 17. Кромѣ яицъ, я питался иногда грибами, называемыми сыроѣжками, которые поджаривалъ прямо на угольяхъ разведеннаго костра, конечно, безъ масла. При такихъ условіяхъ, я прожилъ 3 недѣли и въ это время сдѣлалъ вдвое болѣе, чѣмъ въ первыя четыре недѣли въ окрестностяхъ Кузнецова.

Во время писанія этихъ строкъ, мнѣ невольно пришли на память нѣсколько словъ изъ рѣчей Чацкого:

Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій...

Въ то время намъ отпускали по 1 руб. 40 к. въ день вмѣстѣ съ расходами на разъѣзды. Конечно, намъ некуда было расходовать этихъ денегъ, хотя бы и хотѣли этого; а потому, мы, во время изысканій, богатѣли по крайней мѣрѣ на рубль въ день.

Проходить съ небольшимъ 25 лѣтъ, и я былъ свидѣтелемъ, что изыскателей сопровождали обозы съ провизіей, поварами, палатками, кроватями и проч. Этимъ обозамъ назначались ежедневно впереди пункты, гдѣ они, разбивъ палатки, должны были ожидать хозяевъ для обѣдовъ и ночлеговъ. Я привожу эти факты отнюдь не для осужденія, такъ какъ они являются практичными и способствующими ускоренію хода дѣла, а лишь для сравненія двухъ эпохъ въ разстояніи только четверти вѣка.

Хотя я произвелъ всего изысканій болѣе, чѣмъ на протяженіи 2.500 верстъ, но это было еще при первобытныхъ условіяхъ, и разъѣзжать съ обозами мнѣ не случалось.

Энергію въ быстротѣ работы въ данное время, о которомъ я рассказываю, поддерживала мысль — возвратиться скорѣе въ компанію Самойлова. Этою мыслью двигались и другіе, и мы, окончивъ полевые работы, вскорѣ собрались опять всѣ въ Кузнецовѣ, гдѣ и стали заниматься приведеніемъ въ порядокъ изысканій и кабинетными работами по составленію проекта земляныхъ работъ.

Снова начались по вечерамъ представленія Самойлова. Никто, конечно, не выражалъ ему прямо своихъ впечатлѣній, имъ на насъ производимыхъ; но онъ сознавалъ общее къ нему влеченіе и въ

благодарность не щадилъ себя для вечернихъ представленій и серенадъ. Это время осталось въ моей памяти, какъ одно изъ самыхъ пріятныхъ въ жизни.

Я вспоминаю одинъ забавный и курьезный по послѣдствіямъ фактъ, относящійся ко времени изысканій. Въ числѣ рабочихъ людей, которыхъ надо было имѣть для изысканій, нашелся только одинъ полуграмотный мальчикъ 16-ти лѣтъ. Еслибы рабочіе были грамотные, то дѣло шло бы вдвое скорѣе, а потому мы обрадовались и одному, и разрывали этого мальчика на части, установивъ между собою очередь — къ кому онъ долженъ былъ идти въ тотъ или другой день на изысканія. Этотъ мальчикъ, по имени Кузька, каждый вечеръ являлся за приказаніями. Однажды, Самойловъ, шутя, сказалъ ему: — «какой ты грамотей, ты не сможешь даже сложить слова по складамъ безъ азбукъ», — и задалъ ему нѣсколько складовъ неприличнаго слова. Мальчикъ нашелся: не желая произнести заданнаго ему по складамъ слова, отвѣтилъ, усмѣхаясь: — «капуста» — что имѣло созвучіе съ заданными ему слогами. Эта находчивость и деликатность мальчика очень понравились всѣмъ; онъ сдѣлался общимъ любимчикомъ и съ тѣхъ поръ его иначе не называли, какъ — «капуста». Въ скоромъ времени его поставили за десятника при рабочихъ съ жалованьемъ 15 р. въ мѣсяцъ, а потомъ онъ получалъ уже по 30 р., и къ концу работъ Николаевской желѣзной дороги, длившихся 8 лѣтъ, могъ скопить около 1.500 руб. Затѣмъ онъ взялъ какую-то поставку, на которой заработалъ еще нѣсколько деньжонокъ, и тогда купилъ на Валдайской станціи мѣсто, выстроилъ тамъ очень хорошій домъ, открылъ гостиницу, сдѣлался агентомъ какого-то транспортнаго общества и вытянулъ за собою своихъ братьевъ. Оригинально то, что, въ память рассказаннаго эпизода и даннаго ему нами названія, онъ взялъ фамилію «Капустина». Братья его послѣдовали его примѣру и взяли ту же фамилію; всѣ сдѣлались довольно богатыми людьми и составляютъ уже давно аристократію жителей Валдайской станціи.

Подходило 17-е сентября. У Самойлова было три сестры: Вѣра, Надежда и Любовь, а ихъ мать звали Софьей. Чтобы чѣмъ-нибудь ночествовать Самойлова, мы сложились и послали въ Валдай за

полдюжиной шампанскаго. Въ то время не только въ Валдаѣ, но и въ болѣе глухихъ городкахъ продавалось настоящее шампанское, фирмы «Veuve Clicot». Самойловъ, повѣствуя намъ не разъ о житьѣ-бытьѣ въ Сибири на заводахъ, сказывалъ, что тамъ постоянно разливанное море этого вина, т. е. именно фирмы «Veuve Clicot», которое онъ любитъ, но котораго уже съ годъ не видалъ. Это-то вино и появилось за столомъ, неожиданно для Самойлова, и онъ растрогался этою нашею маловажною любезностью чуть недо слезъ. Каждую бутылку предназначено было выпить за здравіе членовъ его семьи, т. е. матери, трехъ сестеръ, его самого и въ память ихъ отца, бывшаго знаменитаго артиста, потонувшаго въ морѣ. Самойловъ, какъ опытный виночерпій, сталъ самъ откупоривать бутылки и при томъ импровизировать рѣчи и стихи. До сихъ поръ у меня остались въ памяти нѣкоторыя изъ этихъ юмористическихъ импровизаций, необыкновенно подходящія къ даннымъ обстоятельствамъ и преисполненныя остроуміемъ. Какъ онѣ ни забавны, но я приводить ихъ не буду.

И упомянулъ передъ симъ, что въ оныя времена можно было имѣть настоящее шампанское, фирмы «Veuve Clicot», въ каждомъ городкѣ, гдѣ когда-либо являлось требованіе на шампанское. Вотъ чѣмъ объясняется этотъ фактъ.

Послѣ освобожденія императоромъ Александромъ I Европы, разгрома Наполеона I и взятія Парижа, мы получили въ награду то, чтобы ни одна бутылка означенной фирмы, которая всѣмъ свѣтомъ была признана наилучшей, и дѣйствительно была таковою,—не могла быть продана и вывезена куда-либо кромѣ Россіи, и контроль этого былъ очень строгій. Контрактъ въ означенномъ смыслѣ былъ заключенъ на 50 лѣтъ, и потому, до начала шестидесятыхъ годовъ, «Veuve Clicot» продавалось въ Парижѣ и Лондонѣ дороже, чѣмъ у насъ. Французы рѣшительно избѣгали пить это шампанское, а англичане, охотники до шампанскаго и начинающіе съ пего обѣдъ, страшно злились въ то время на то, что имъ приходилось платить очень дорого за вино означенной фирмы.

Надо отдать справедливость вдовѣ Clicot, что пока она была жива, то до тѣхъ поръ и шампанское было превосходно, и она самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняла контрактъ. Мнѣ гово-

риль одинъ, близко знакомый съ нею французъ, лѣтъ 15-ть жившій въ Россіи ¹⁾ и который такъ привыкъ къ шампанскому «*Veuve Clicot*», что другаго шампанскаго не пилъ. Поселившись, по возвращеніи изъ Россіи, въ Брюссель, онъ, время отъ времени, покупалъ шампанское на заводѣ «*Clicot*» цѣлыми ящиками. Старуха имѣла право продавать вино на мѣстѣ, ящиками, но не иначе, какъ по особому разрѣшенію, внося по 5 фр. пошрины за бутылку. Поэтому, охотники до ея вина пользовались этимъ, дабы не платить, при выпискѣ вина изъ Россіи, расходы по двойному транспорту. Ложившіеся въ такомъ случаѣ на вино. Но во Франціи мало было охотниковъ платить по 14 фр. за бутылку, когда можно было имѣть другое шампанское втрое дешевле, и потому «*Veuve Clicot*» въ оное время было большою рѣдкостью въ Парижѣ и достать его можно было лишь въ фашіонабельныхъ ресторанахъ. На господина, спросившаго «*Veuve Clicot*», «гарсоны» тотчасъ же начинали взирать съ особеннымъ умиленіемъ, дѣлая, конечно, внутренне посылку: «если *le prince* пьетъ «*Veuve Clicot*», то онъ, вѣроятно, дастъ *rouge-boire* не по два су, а, быть можетъ, по два франка».

Самойловъ былъ не только талантливый, но и умный, и острый человекъ, съ теплымъ сердцемъ и деликатнѣйшей натурой. При прощаніи, онъ взялъ съ насъ слово познакомиться, по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, съ его матерью и сестрами, о чемъ онъ будутъ предупреждены. Мы, конечно, исполнили это наше слово съ особеннымъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что Надежда Васильевна была уже знаменитостью и любимицей публики; а Вѣра Васильевна только-что начала свою артистическую карьеру серьезно-драматическаго амплуа, подъ руководствомъ знаменитаго Василія Андреевича Каратыгина. Она была необыкновенно хороша собою и имѣла восхитительную, античную фигуру.

Насъ приняли въ домѣ Самойловыхъ, какъ людей давно знакомыхъ, и мы стали посѣщать это семейство. Зимой пріѣхалъ въ Петербургъ Сергѣй Васильевичъ, и мы видѣлись очень часто; но ни разу мнѣ не случилось встрѣтить въ домѣ Василія Васильевича.

¹⁾ Объ этой личности мнѣ придется не мало сказать въ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ.

Кажется, послѣдній особенно друженъ съ своими родными не былъ и какъ будто бы они нѣсколько чуждались его.

Черезъ годъ мы опять встрѣтились съ Самойловымъ; онъ нарочно, передъ окончательнымъ отъѣздомъ на Уралъ, заѣхалъ въ Кузнецово и провелъ тамъ недѣли двѣ или три. Спустя нѣсколько лѣтъ, я встрѣтилъ одного горнаго инженера и полюбопытствовалъ узнать о Самойловѣ. Онъ сказалъ, что Сергѣй Васильевичъ, въ недавнее время, внезапно, пересталъ абсолютно употреблять крѣпкіе напитки и отъ того скорѣ заболѣлъ и умеръ.

Когда мы вернулись въ Петербургъ для продолженія курса наукъ въ послѣднемъ классѣ подпоручиковъ и явились откланяться Мельникову, онъ, выразивъ намъ свое удовольствіе за исполненныя нами порученія, сказалъ, что если мы хотимъ, то онъ, по окончаніи нами въ будущемъ году курса, потребуетъ насъ къ себѣ. Мы отвѣтили, конечно, нашимъ согласіемъ, и въ слѣдующемъ году мы и поступили на службу постройки Николаевской желѣзной дороги, на сѣверную дирекцію, подъ начальство Мельникова, наилучшаго инженера, человека ученаго, умнѣйшаго и благороднѣйшаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева ¹⁾.

XIX.

Преподаватели института путей сообщенія: академикъ Гессъ, инженеры Янушевскій, Волковъ, Соболевскій и Кербедзъ.—Назначеніе графа Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія. — Катастрофа въ классѣ портупей-прапорщиковъ.—Новый директоръ генералъ Энгельгардтъ.—Инспекторъ Языковъ.—Прошлое института путей сообщенія.—Начало его паденія.—Производство и выпускъ.

Въ послѣднемъ, подпоручичьемъ классѣ, выдающимися профессорами были:

Академикъ Гессъ, извѣстный химикъ, сочиненія котораго, по тогдашнему состоянію науки, считались наилучшими. Къ сожалѣнію, въ этотъ годъ ему нездоровилось, и потому онъ читалъ кратко, небрежно и не успѣлъ даже прочесть органическую химию.

Инженеръ Янушевскій, читавшій астрономію. Это былъ одинъ изъ самыхъ талантливейшихъ профессоровъ, имѣвшій исключительную способность передавать всякій читаемый имъ предметъ необыкновенно ясно и отчетливо. Я имѣлъ уже случай упомянуть о немъ, какъ о человѣкѣ, обладавшемъ чрезвычайно обширнымъ математическимъ образованіемъ.

Инженеръ Волковъ читалъ водяныя сообщенія и гидротехническія сооруженія. Онъ былъ человѣкъ, вообще, очень образованный и съ большими теоретическими свѣдѣніями по инженерной спеціальности.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., декабрь.

Составивъ общій курсъ строительнаго искусства, онъ представилъ его бывшему главномууправляющему, графу Толю, съ просьбою о напечатаніи его сочиненія на казенный счетъ въ типографіи вѣдомства. Вскорѣ послѣ того графъ Толь умеръ, и его мѣсто занялъ графъ Клейнмихель. Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ съ предвзятою мыслью перестроить его и урегулировать все по-своему и не успѣвъ еще ознакомиться съ вопросами вѣдомства путей сообщенія, графу Клейнмихелю представилось, что курсъ строительнаго искусства можетъ быть изданъ, какъ строительный уставъ, долженствовавшій служить законнымъ руководствомъ для всѣхъ инженеровъ,—и въ этомъ смыслѣ было предложено Волкову измѣнить свое сочиненіе для напечатанія его на казенный счетъ. Тогда Волковъ взялъ свое сочиненіе обратно и, разладивъ по этому случаю съ Клейнмихелемъ, вышелъ въ отставку. Волковъ былъ человѣкъ болѣзненный и, уѣхавъ за границу, наткнулся тамъ на лѣченіе животнымъ магнетизмомъ, отъ котораго почувствовалъ облегченіе, и принялся разрабатывать этотъ вопросъ. Между прочимъ, онъ печаталъ, по этому предмету, статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» половины сороковыхъ годовъ. Впослѣдствіи онъ окончательно поселился въ Парижѣ и, сойдясь съ экономистомъ Joseph Garnier, издававшимъ экономическій журналъ, сталъ писать по вопросамъ политической экономіи, и сочиненія его появлялись тоже отдѣльными книгами. Я сошелся съ Волковымъ уже въ Парижѣ, когда я самъ началъ писать тоже по экономическимъ вопросамъ. Хотя мы стояли на противоположныхъ точкахъ зрѣнія, но это не помѣшало намъ сблизиться и горячо спорить другъ съ другомъ.

Инженеръ Соболевскій читалъ у насъ геогнозію и минералогію. Хотя онъ былъ инженеръ путей сообщенія, но, занимаясь предметами горной специальности, сдѣлалъ себѣ весьма извѣстное имя по этой отрасли науки. Впослѣдствіи былъ долгое время директоромъ института, чрезвычайно уважаемымъ и всѣми любимымъ.

Практическую механику и гидравлику читалъ у насъ извѣстный, знаменитый инженеръ Кербедзъ. До него означенный предметъ читалъ Мельниковъ, который издалъ въ свое время превосходную гидравлику. Принявъ на себя постройку Николаевской желѣзной дороги и не проживая постоянно въ Петербургѣ, онъ не могъ уже быть долѣе профессоромъ въ институтѣ. Хотя и Кербедзъ, въ это время, былъ назначенъ строителемъ Николаевскаго моста черезъ Неву, но онъ, живя въ Петербургѣ, могъ оставаться, нѣкоторое время, профессоромъ. Понятно, что онъ былъ страшно отвлеченъ постройкой необыкновенно знаменитаго сооруженія: Николаевскій мостъ есть вполне дѣтище Кербедза, по мысли, по проекту и по исполненію.

Постройка этого моста составляла особенно трудную задачу, не имѣв-

шую еще тогда ни одного примѣра ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, вслѣдствіе той глубины и быстроты теченія, которыя представляетъ Нева.

Въ то время не имѣли еще никакого понятія о кессонахъ, которые разрѣшили и упростили устройство основаній подѣ быки на большихъ глубинахъ и, опускаемые, по мѣрѣ надобности, въ грунтъ на 7—8 саженой и болѣе—отстраняють рискъ паденія быковъ отъ подмывовъ.

Кербедзу пришлось первому устраивать основаніе на сваяхъ, на безпримѣрной до того глубинѣ, съ заливкою ихъ бетономъ и съ огражденіями быковъ отъ подмывовъ. Тогда не было еще и скафандровъ, а всѣ подводныя работы производились при помощи воздушнаго колокола. Одна забивка свай на такой глубинѣ, какую имѣетъ Нева, представляла огромныя затрудненія, требовавшія особенныхъ пріемовъ и приспособленій. Кербедзъ преодолѣлъ всѣ препятствія, не имѣя возможности пользоваться какими-либо посторонними совѣтами, такъ какъ не было еще ни одного инженера въ Европѣ и Америкѣ, который производилъ бы сооруженіе на подобной глубинѣ.

Послѣ этого, я не могу не обратить опять вниманіе читателей на слѣдующій вопросъ: какова же должна была быть въ то время подготовка въ институтѣ путей сообщенія, дававшемъ, безъ опыта, такихъ самостоятельныхъ инженеровъ? Да! постройкой Николаевского моста Кербедзъ создалъ, конечно, себѣ вѣчный памятникъ.

Во время пребыванія моего въ классѣ подпоручиковъ, по отношенію къ институту случилось нѣсколько эпизодовъ, о которыхъ я не долженъ умолчать.

Я говорилъ уже прежде, что институтъ путей сообщенія, основанный императоромъ Александромъ I-мъ, по образцу политехнической школы въ Парижѣ, представлялъ исключеніе между военно-учебными заведеніями, къ разряду которыхъ онъ былъ причисленъ. Александръ I особенно любилъ это заведеніе и одно время подчинилъ его непосредственно себѣ, помимо главноуправляющаго путями сообщенія.

Единственно потому, что заведеніе это пользовалось особыми правами, и что въ немъ обращалось главное вниманіе на ученіе, а не на фронтową часть, оно, безъ всякаго на то повода, разсматривалось, какъ заведеніе, могущее способствовать, будто бы, развитію политическихъ, либеральныхъ идей. Опроверженіемъ этому заблужденію могъ бы служить тотъ фактъ, что изъ числа тысячи военныхъ и гражданскихъ людей, компрометтированныхъ возмущенію 14-го декабря, оказался лишь одинъ, получившій образованіе въ институтѣ путей сообщенія, и тотъ былъ подвергнутъ не каторгѣ, а заключенію въ крѣпость.

Но такъ или иначе, мысль объ обращеніи института въ обыкновенное учебное заведеніе таилась въ извѣстной правительственной сферѣ. При герцогѣ Виртембергскомъ и при графѣ Толѣ нельзя было думать о подобномъ преобразованіи, ибо они ни за что не согласились бы поднять руку на то заведеніе, о развитіи научнаго образованія въ которомъ они такъ сильно заботились.

Но вотъ, гр. Толъ умираетъ, и главноуправляющимъ назначается графъ Клейнмихель. Полтора года онъ не трогалъ института, но затѣмъ, придравшись къ одному ничтожному обстоятельству, наложилъ руку на заведеніе. Расскажу это обстоятельство.

Я говорилъ уже въ предшествующихъ главахъ, что въ институтѣ было два начальства: учебное и фронтовое въ совокупности съ хозяйственнымъ, и что первое пользовалось любовью и уваженіемъ воспитанниковъ, а второе—обратно.

Однажды, въ томъ году, къ которому относится рассказъ, а именно въ учебный сезонъ 1843—1844 г., въ выпускномъ классѣ портупей-прапорщиковъ случилась слѣдующая, небольшая исторія.

По правиламъ, послѣ обѣда, съ 2-хъ до 5-ти часовъ дежурными были офицеры фронтоваго начальства, а съ 5-ти часовъ вступали въ дежурство по классу портупей-прапорщиковъ инженерные офицеры изъ репетиторовъ. Такимъ образомъ, каждый воспитанникъ зналъ, что съ 5-ти часовъ онъ подчиненъ учебному начальству, и по обыкновенію офицеры фронтоваго начальства не входили уже послѣ означеннаго часа въ классъ портупей-прапорщиковъ. Случилось, что инженерный офицеръ опоздалъ $\frac{1}{4}$ часа на дежурство, о чемъ классъ, состоящій изъ 100 человѣкъ, могъ и не знать. Въ это время, дежурный по фронтовой части, штабъ-капитанъ Кострица, котораго вообще не жаловали, вошелъ въ классъ и сдѣлалъ грубымъ образомъ какое-то замѣчаніе одному изъ воспитанниковъ. Воспитанникъ этотъ отвѣтилъ ему, что это до него не касается, что онъ не имѣетъ даже права входить въ это время въ классъ и дѣлать какія-либо распоряженія, такъ какъ классъ имѣетъ своего дежурнаго. Многіе товарищи подхватили и стали кричать: «уходите изъ класса, уходите вонъ!». Кострица пожаловался начальству, указавъ 5 человѣкъ, какъ бы зачинщиковъ, которыхъ и посадили подъ арестъ.

Въ нашемъ подпоручичьемъ классѣ ничего не знали объ этой исторіи, тѣмъ болѣе, что офицерскіе классы помѣщались въ нижнемъ этажѣ, совершенно отдѣльно отъ воспитанниковъ, помѣщавшихся вверху.

Въ одинъ день, при уходѣ домой послѣ лекцій въ 2 часа, намъ объявили, что сегодня послѣ обѣда лекцій и репетицій не будетъ и потому намъ незачѣмъ приходить. Нѣкоторые, не слыхавъ этого распоряженія, пришли въ 5-ть часовъ въ институтъ; но ихъ въ классы не

пустили, и они увидѣли въ вестибюлѣ роту солдатъ въ полной аммуниці съ ружьями. Мы съ братомъ жили недалеко отъ института; двое изъ этихъ господъ зашли къ намъ и сообщили объ этой странности. Мы всѣ подумали, что въ институтѣ разразился бунтъ.

На другой день мы узнали слѣдующій фактъ:

Пятерыхъ арестованныхъ портупей-прапорщиковъ привели, подъ карауломъ солдатъ, въ большую залу, гдѣ были выстроены всѣ воспитанники института. Во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ, вплоть до выхода, были размѣщены солдаты. Когда привели этихъ несчастныхъ пять человѣкъ, имъ объявили, что они разжалованы въ солдаты, и такъ какъ они уже не воспитанники института, которые, по закону, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію, а нижніе чины, то они будутъ наказаны розгами. Изъ этихъ пяти человѣкъ выбрали троихъ и наказали, какъ рассказывали очевидцы, очень жестоко, такъ, что нѣкоторые воспитанники, изъ присутствующихъ при этой экзекуціи и никогда не видѣвшіе подобныхъ операцій, падали въ обморокъ.

Означенный фактъ произвелъ самое подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ, и на него смотрѣли, какъ на оскорбленіе всего корпуса инженеровъ. Сѣдовласые люди, даже при встрѣчѣ на улицѣ, сообщая другъ-другу о случившемся фактѣ, проливали,—говоря это безъ фразы,—горькія слезы о гибели института.

Хотя подобныя операціи совершались въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ чуть не ежедневно, но рассказанный эпизодъ, случившійся въ нашемъ институтѣ, вопреки существовавшаго закона, быстро разнесся по всему Петербургу и въ особенности въ высшемъ обществѣ, которое вообще не жаловало Клейнмихеля и возмутилось въ такой мѣрѣ, что когда Клейнмихель появился вскорѣ въ итальянской оперѣ, то немедленно поднялся въ театрѣ крикъ: «Живодеръ, тиранъ! вонъ отсюда, живодеръ!», и многіе указывали руками на ложу, гдѣ появился Клейнмихель. Конечно, онъ немедленно скрылся. Въ этомъ порывѣ негодованія приняли участіе всѣ и преимущественно дамы, поэтому комендантское и полицейское начальства оставили этотъ шумъ безъ разслѣдованія объ инициаторахъ его; да ихъ и не было, а случилось это единодушно, внезапно. Вѣроятно, найдутся еще въ живыхъ люди, бывшіе этотъ разъ въ театрѣ.

Въ половинѣ сезона 1843—1844 гг. весь персоналъ прежняго начальства института былъ замѣненъ новымъ еще до измѣненія устава заведенія.

Директоромъ института, вмѣсто почтеннаго и извѣстнаго инженера генераль-лейтенанта Готмана, былъ назначенъ бывшій командиръ какого-то полка, генераль-маіоръ Энгельгардтъ. Онъ оставилъ по себѣ память человѣка, легендарно ограниченнаго, породивъ безчислен-

ное множество до крайности комическихъ эпизодовъ. Для характеристики этой личности, приведу нѣсколько этихъ эпизодовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Получивъ повелѣніе подтягивать институтъ, будто бы распушенный, тогда какъ въ немъ царилъ строгій порядокъ, Энгельгардтъ, касаясь собственно лишь полицейской стороны дѣла, приказалъ дежурнымъ записывать тѣхъ офицеровъ, которые будутъ приходить хотя бы на пять минутъ позже назначеннаго часа. Спустя недѣлю, онъ вызвалъ всѣхъ записанныхъ и сталъ дѣлать имъ, по очереди, замѣчанія. Одинъ отвѣтилъ ему:

— Я опоздалъ, ваше превосходительство, менѣе пяти минутъ и пришелъ до начала лекціи.

— А-а-а!—сказалъ Энгельгардтъ,—вы пять минутъ, другой пять минутъ, третій пять минутъ, такъ наберется болѣе часа.

Конечно, воѣ невольно разсмѣялись.

Надо замѣтить, что Энгельгардтъ всегда начиналъ со слова *а*, которое долго протягивалъ, и имѣлъ слабость ораторствовать, будучи однако абсолютно лишентъ не только дара краснорѣчія, но и простаго умѣнья говорить сколько-нибудь складно.

Спустя нѣкоторое время послѣ его назначенія директоромъ института былъ назначенъ и новый инспекторъ, инженеръ-полковникъ Языковъ, нашъ профессоръ, котораго мы слушали уже три года.

Явившись съ Языковымъ въ классъ, Энгельгардтъ приготовилъ длинную рѣчь, чтобы представить намъ новаго инспектора. Понятно, что содержаніе его рѣчи должно было быть комично, потому что онъ вздумалъ рекомендовать намъ человѣка, котораго мы давно знали; онъ же никогда его не зналъ и никакого понятія о его прежней дѣятельности не имѣлъ и имѣть не могъ. Энгельгардтъ мямлил свою рѣчь, напередъ заученную, очень долго; мы едва удерживались отъ хохота, а Языковъ, лукаво посматривая на насъ, видимо употреблялъ всѣ усилія, чтобы тоже не разсмѣяться. Наконецъ, директоръ одолѣлъ свою рѣчь и пошелъ въ другой классъ, раздѣленный отъ нашего корридормъ. Тамъ знали, что онъ держитъ рѣчь, но никто, конечно, не могъ слышать содержанія ея. Энгельгардтъ вошелъ въ этотъ классъ и началъ:—«Господа... а-а»—замаялся, повторилъ опять: «Господа, а»—опять замаялся, говорить рѣчи не сталъ, а, брякнувъ:—«Господа-а-а... то же самое»—и не сказавъ ничего, кромѣ этихъ словъ, быстро удалился. Неудержимый хохотъ разразился по всему классу.

Энгельгардтъ очень не взлюбилъ одного офицера, Валицкаго, и безпрерывно придирался къ нему. Однажды онъ проходилъ по швейцарской, въ то время, когда офицеры расходились по домамъ. Валицкій

надѣлъ уже трехъугольную шляпу и стоялъ спиной къ проходившему Энгельгардту.

— Господинъ подпоручикъ Валицкій,—закричалъ Энгельгардтъ,—отчего вы не отдаете честь начальству?

— Я стоялъ задомъ къ вашему превосходительству и не видалъ васъ,—отвѣтилъ Валицкій.

— Это не отговорка; въ службѣ надо имѣть глаза и спереди, и сзади.

Обыкновенно, въ классахъ офицеры были въ разстегнутыхъ сюртукахъ, иначе нельзя было заниматься черченіемъ проектовъ и проч. Энгельгардтъ отдалъ приказъ имѣть сюртуки застегнутыми на всѣ пуговицы и воротники на всѣ крючки. Тогда носили воротники высокіе и жесткіе. Мы немедленно заявили учебному начальству, что при такихъ условіяхъ мы не въ состояніи ни чертить проектовъ, ни записывать лекціи, съ подпертыми головами чуть не желѣзной крѣпости воротниками, которые не были тогда скошены. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ новый приказъ: имѣть три нижнія пуговицы сюртука и воротники разстегнутыми. Обходя на другой день классы, Энгельгардтъ увидалъ нѣсколькихъ офицеровъ съ сюртуками, застегнутыми на всѣ пуговицы. Подходить къ одному и говорить:

— Вы одѣты не по формѣ!

Офицеръ этотъ, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, осмотрѣлъ себя и отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, я одѣтъ, кажется, по формѣ.

— А-а-а, у васъ нижнія пуговицы не разстегнуты.

— Мнѣ въ настоящую минуту это не мѣшаетъ заниматься,—замѣтилъ офицеръ.

— А-а-а, ваше учебное начальство сказало мнѣ, что мѣшаетъ. Прошу разстегивать три пуговицы для однообразія въ формѣ.

Но забавнѣ всего была исторія съ волосами.

Въ то время всѣ молодые офицеры щеголяли прическами. Большею частью завивались; одни носили два пробора съ завитымъ кокомъ въ серединѣ и съ завитыми висками; другіе—съ однимъ проборомъ и съ кокомъ на боку, третьи завивались въ барашекъ и т. д. На одномъ придворномъ балѣ государь обратилъ на это вниманіе, и великій князь Михаилъ Павловичъ отдалъ приказъ носить волосы длиною въ 1 вершокъ, безъ пробора, и для этого обязали подпиской всѣхъ парикмахеровъ. Немедленно и по нашему корпусу былъ отданъ такой же приказъ, и всѣ заботы Энгельгардта поглотились волосами. Ежедневно, обходя классы, онъ останавливался передъ каждымъ офицеромъ, а ихъ въ обоихъ классахъ было болѣе 200 человѣкъ, всматривался и давалъ себѣ отчетъ о длинѣ волосъ. Однажды, глядя на мои волосы, онъ сказалъ:

— А-а-а... у васъ волосы длинны.

— Я только вчера былъ у парикмахера, а они знаютъ уже размѣръ длины волосъ,—сказалъ я.

— А-а-а, это такъ, для обыкновеннаго офицера не длинны, а для старшаго длинны; пожалуйста, остригитесь.

Отъ такой логики я и окружающіе меня товарищи чуть не фыркнули со смѣха прямо въ лицо Энгельгардту.

Дѣлать, однако, было нечего, и я укоротилъ еще длину волосъ.

Обходя классы на другой день, онъ остановился передо мною и сказалъ:

— А-а-а, вотъ теперь хорошо; вы, какъ старшій, должны показывать примѣръ и носить волосы короче нормы.

Надо пояснить, какой смыслъ имѣло слово «старшій».

Въ это время отмѣнены были дежурные по классамъ, назначавшіеся, по очереди, изъ тѣхъ же классовъ, а установлены были постоянные старшіе, долженствовавшіе наблюдать за порядкомъ. Классъ подпоручиковъ занималъ двѣ комнаты: для одной половины класса старшимъ былъ назначенъ я, а для другой—братъ мой, какъ стоявшіе первыми по списку.

Въ непродолжительномъ времени былъ опять придворный балъ, на который всѣ офицеры явились безъ проборовъ, коротко остриженными, а иные—подъ гребенку. Для непривычнаго глаза такіа куафюры произвели непріятное впечатлѣніе, преимущественно на дамъ. Хотя отданный прежде приказъ о куафюрѣ безъ пробора не былъ отмѣненъ, но изъ-подъ руки было приказано возвратиться къ прическѣ съ проборомъ при умѣренной длинѣ волосъ.

Надо было видѣть хлопоты Энгельгардта, чтобы достигнуть выполненія этого неофициальнаго распоряженія. Промежутокъ времени между строжайшимъ наблюденіемъ за прической безъ пробора и новымъ распоряженіемъ длился не болѣе мѣсяца. У Энгельгардта не хватило храбрости открыто пригласить всѣхъ отступить отъ прежняго его строжайшаго наблюденія за нашей прической, и вотъ онъ ежедневно, при обходѣ классовъ, останавливался то передъ однимъ офицеромъ, то передъ другимъ.

— Молодой человѣкъ,—скажетъ онъ,—вы совсѣмъ не занимаетесь собою, для вашихъ лѣтъ это не простительно. Вотъ посмотрите на меня—и онъ начнетъ разглаживать руками свои волосы въ обѣ стороны отъ мѣста пробора.

Наконецъ, всѣ догадались, въ чемъ дѣло, и, давъ отрути нѣсколько волосамъ, стали чесаться съ проборами. Послѣ того вопросъ о волосахъ замолкъ.

Теперь пусть читатель задастъ себѣ вопросъ: каково должно было

быть впечатлѣніе для насъ и для всего инженернаго корпуса видѣть директоромъ института такого субъекта, какимъ былъ Энгельгардтъ, и это послѣ европейскихъ знаменитостей по учености и практической дѣятельности, какими были Бетанкуръ, Базенъ, Готманъ и замѣститель его, Севастьяновъ? Могъ ли устоять институтъ, если во главѣ его всталъ человѣкъ, который могъ быть лишь посмѣшищемъ не только для насъ, офицеровъ, но и для всѣхъ воспитанниковъ института. Грустно и тяжело подумать, какъ бессмысленно было разрушено то, что составляло гордость нашей страны.

Здѣсь, кстати, скажу нѣсколько словъ о возникновеніи института путей сообщенія.

Отсутствіе спеціальнаго заведенія для образованія инженеровъ было проблемъ, который, конечно, сознавалъ императоръ Александръ I-й; но, по всѣмъ версіямъ, рѣшительная мысль объ основаніи спеціальнаго для того заведенія утвердилось у императора во время тильзитскаго свиданія съ Наполеономъ I-мъ, который, относясь тогда къ русскому императору самымъ искреннимъ образомъ, обѣщалъ прислать ему лучшихъ своихъ ученыхъ и инженеровъ.

Императоръ Александръ I-й, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего вѣка, зналъ, конечно, значеніе политехнической парижской школы, давшей уже въ то время множество знаменитыхъ именъ по всѣмъ отраслямъ науки и практической дѣятельности. Съ этого времени и замѣчаются усиленныя заботы императора Александра I урегулировать вѣдомство путей сообщенія.

Вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, во главу вѣдомства путей сообщенія ставится образованнѣйшій молодой принцъ Георгій Ольденбургскій, отецъ слишкомъ извѣстнаго у насъ своими высокими добродѣтелями, покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ пригласилъ въ русскую службу Августа де-Бетанкура, пользовавшагося въ Европѣ громкою извѣстностью по своей учености и практической дѣятельности, давъ ему чинъ генералъ-лейтенанта. Этому-то человѣку и было поручено создать институтъ путей сообщенія.

Кромѣ разныхъ дарованій, Бетанкуръ обладалъ и огромною энергіей; создавъ институтъ, онъ быстро поставилъ его въ блестящее положеніе, и заведеніе наполнилось воспитанниками изъ самаго высшаго круга, желавшими получить наилучшее образованіе въ Россіи.

Бетанкуръ пользовался такимъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовью императора, что,—послѣ преждевременной смерти принца Георгія

¹⁾ Памятникъ его, слишкомъ имъ заслуженный, красуется на Литейной улицѣ, въ Петербургѣ.

Ольденбургскаго, котораго всѣ оплакивали,—Александръ І-й подчинилъ институтъ непосредственно себѣ, помимо главноуправляющаго Деволанда и, по вопросамъ, до института относящимся, Бетанкуръ дѣлалъ доклады прямо государю.

Принимая во вниманіе обѣщаніе Наполеона І-го, данное имъ Александру І-му при тильзитскомъ свиданіи, Бетанкуръ обратился къ французскому правительству съ просьбою о присылкѣ въ Россію инженеровъ. Надо отдать справедливость Наполеону, что онъ дѣйствительно прислалъ, какъ обѣщалъ, цвѣтъ людей ученыхъ и практическихъ, а именно: Потье, Базена, Фабри и Дестрема,—всѣ, составившіе себѣ громкія имена.

Впослѣдствіи Бетанкуръ былъ главноуправляющимъ всего вѣдомства, и въ это время пригласилъ изъ Франціи еще двухъ ученыхъ инженеровъ: Ламе и Клапейрона, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность въ Европѣ; директоромъ же института явился Базенъ, который значительно расширилъ еще курсъ наукъ въ заведеніи. Затѣмъ, за его болѣзнию, былъ назначенъ директоромъ Института извѣстный инженеръ генераль-лейтенантъ Готманъ, первый воспитанникъ перваго выпуска изъ института; а инспекторомъ былъ генераль-маіоръ Севастьяновъ, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о человѣкѣ, сумѣвшемъ совокупить въ институтѣ наилучшія силы, стоявшія во главѣ науки не только въ нашемъ отечествѣ, но и во всей Европѣ.

При такихъ-то замѣчательныхъ личностяхъ возникъ и процвѣталъ институтъ до 1844 года, когда было приступлено къ разрушенію этого зданія.

И сколько громкихъ именъ далъ прежній разсадникъ и не только по инженерной, но и по другимъ отраслямъ дѣятельности.

Перечислять ихъ было бы долго. Я упомяну лишь о тѣхъ, имена которыхъ были извѣстны или въ публикѣ, или въ спеціальной литературѣ.

Начну съ самаго старѣйшаго.

Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, ознаменовавшій себя не только какъ въ высшей степени образованный государственный мужъ, но главнымъ образомъ во время своего попечительства Московскаго университета, выпустивъ оттуда такихъ замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ, которые составили гордость Россіи. И этотъ знаменательный фактъ не былъ случайностью. Надо было умѣть созидать нужныя для того условія, надо было умѣть оцѣнивать людей въ ихъ зародышѣ и способствовать ихъ росту. Почему же, послѣ ухода Строганова, перестали появляться изъ Московскаго университета подобныя звѣзды и могучія личности, какія вышли при немъ изъ этого питомника? При дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воспоминаній, я расскажу, при какихъ

условіяхъ я имѣлъ честь и счастье познакомиться съ графомъ и узнать этого истиннаго государственнаго мужа.

Ламздорфъ, бывшій при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, и баронъ Мейендорфъ, состоявшій въ свитѣ императора Александра I-го, въ свое время были весьма извѣстны всему обществу, какъ образованнѣйшіе люди.

Мельниковъ—первый строитель и учитель постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Впослѣдствіи министръ.

Кербедзь. О немъ я уже сказалъ нѣсколько словъ выше.

Волковъ, о которомъ я уже упомянулъ.

Журавскій, первый, при содѣйствіи инженера Хржановскаго, далъ теорію американскихъ мостовъ системы Гау и построилъ знаменитый Веребинскій мостъ, который, по своей смѣлости и грандіозности, не имѣлъ себѣ подобнаго ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. До тѣхъ поръ, хотя и строились въ Америкѣ мосты той же системы, но они строились безсознательно и, при отсутствіи теоріи, съ большими несообразностями. Впослѣдствіи, Журавскій былъ приглашенъ соорудить шпиль на Петропавловскомъ соборѣ, когда обнаружилось, что инженеры другаго вѣдомства не могли сладить съ этой постройкой. Кромѣ обширнаго сочиненія Журавскаго о мостахъ системы Гау, онъ немало печаталъ статей и по другимъ вопросамъ инженернаго искусства.

Баронъ Дельвигъ издалъ большое сочиненіе по части снабженія городовъ водою и построилъ первый въ Россіи серьезный водопроводъ въ Москвѣ. Впослѣдствіи былъ главнымъ инспекторомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и товарищемъ министра.

Вишнякову принадлежитъ изобрѣтеніе «брикетовъ», которыми пользуются теперь всѣ страны, гдѣ употребляется для топлива каменный уголь. Эти брикеты обусловили уже до сихъ поръ милліардныя сбереженія во всемъ мірѣ. Между тѣмъ, пока не истекъ 15-ти-лѣтній срокъ его привилегіи, брикеты не вводились въ употребленіе, а Вишняковъ долженъ былъ платить за привилегіи въ разныхъ государствахъ; поэтому задолжалъ и умеръ, кажется, здѣсь въ долговомъ отдѣленіи. Независимо отъ милліардныхъ сбереженій, съ введеніемъ въ употребленіе брикетовъ, исчезли громадныя горы угольнаго мусора, вѣками накопившагося около мѣстъ добычи каменнаго угля, которыя занимали обширныя пространства, бесплодно пропадающія. Вишнякову принадлежитъ тоже идея о децимальныхъ вѣсахъ, которые представляютъ уже давно неизбѣжную необходимость.

Изъ числа тѣхъ, которые сдѣлали себѣ извѣстность по спеціальной литературѣ, назову:

Севастьянова, какъ пропагандиста начертательной геометріи со всѣми ея отраслями.

Глухова и Собко, составивших замѣчательную памятную книгу для инженеровъ высшаго образованія.

Добронравова и Ястржебскаго, издавшихъ, каждый, механику собственного сочиненія.

Липина, составившаго самостоятельно безпримѣрно обширныя таблицы. По выходѣ этой книги, многіе говорили, въ шутку, что у Липина недостаетъ въ его таблицахъ одного анализа птичьяго молока.

Красовскаго, издавшаго архитектуру, которая долгое время была главнымъ руководствомъ для архитекторовъ.

Кипріанова, который, наткнувшись при работахъ шоссе на извѣстныя породы камней, принялся за изслѣдованіе этой породы и, въ концѣ концовъ, сдѣлавъ себѣ своими сочиненіями довольно извѣстное имя, какъ палеонтологъ.

Соболевскаго, сдѣлавшаго себѣ извѣстность сочиненіями по горной части.

Языкова, издавшаго нѣсколько сочиненій по военнымъ наукамъ.

Не могу умолчать и о моемъ братѣ, который уже много лѣтъ усердно работаетъ и пишетъ по вопросамъ, до общей философіи относящимся.

Изъ числа же тѣхъ бывшихъ инженеровъ, окончившихъ курсъ въ институтѣ, которые перешли на военное, боевое поприще, вспоминаю Пассека, Тергукасова и Жолобова, не говоря уже о многихъ, отличившихся въ отечественную войну 12-го, 13-го и 14-го годовъ.

Пассекъ окончилъ курсъ наукъ въ институтѣ въ 1832 году поручикомъ, вторымъ по списку. Затѣмъ перешелъ въ генеральный штабъ, и вскорѣ имя его загремѣло на Кавказѣ, какъ человѣка необыкновенно талантливаго и особенно храбраго, и въ 1845 году, уже въ чинѣ генераль-маіора, былъ убитъ въ Даргинской экспедиціи.

Тергукасовъ окончилъ курсъ наукъ въ 1839 году и, перейдя въ генеральный штабъ, составилъ себѣ довольно громкое имя на Кавказѣ.

Жолобовъ, тоже по окончаніи курса наукъ въ институтѣ, въ 1847 году, вторымъ по списку, перешелъ въ генеральный штабъ. Во время Крымской кампаніи главнокомандующій Меншиковъ сразу замѣтилъ его и приблизилъ къ себѣ. Но онъ былъ смертельно раненъ ядромъ подъ Альмой, въ двухъ шагахъ отъ главнокомандующаго, который только-что отдалъ приказаніе Жолобову направить въ атаку два эскадрона гусаръ. Умирая, Жолобовъ заботился не о себѣ, а о томъ, чтобы не случилось того же самаго съ княземъ Меншиковымъ, распоряжавшимся подъ непріятельскими выстрѣлами, и о томъ, чтобы кто-нибудь другой исполнилъ данное ему порученіе. Жолобовъ былъ особенно любимымъ моимъ товарищемъ во время моего приготовленія въ институтъ у Полонскаго.

Я упомянулъ мелькомъ нѣсколько лицъ, которыхъ, за исключеніемъ

двоихъ, лично и хорошо зналъ; а сколько было замѣчательныхъ дѣятелей изъ дореформеннаго института, о которыхъ я не упоминаю потому, что они извѣстны только исключительно инженерному міру, но которые исполнили множество изъ ряда вонъ выходящихъ и замѣчательныхъ по своей концепціи сооружений. Кому, напримѣръ, подымающемуся по шоссе на Кіевскую гору въ крѣпость, придетъ въ голову, что онъ ѣдетъ по сооруженію, безпримѣрному по своему искусству. Императоръ Николай I-й приказалъ, по стратегическимъ или другимъ соображеніямъ, устроить непременно вѣздъ отъ Днѣпровскаго моста прямо въ крѣпость. Гора была ползучая, пропитанная ключами. Эта задача, казавшаяся неразрѣшимой, была, однако, разрѣшена извѣстными инженерами, Четвериковымъ и Кербедзомъ 2-мъ, братомъ строителя Николаевского моста. Проѣзжающій по извилистому подъему, конечно, не подозреваетъ, что онъ ѣдетъ на этомъ протяженіи вдоль водостоковъ, устроенныхъ, на глубинѣ 12 и 15 сажень, искуснѣйшимъ образомъ, съ величайшими затрудненіями, которые перестѣкли всѣ ключи, и гора перестала ползти.

А знаменитая и своеобразно устроенная Вышневолоцкая система водянаго сообщенія, о которой я упомянулъ уже прежде, какъ о диковинкѣ, на которую пріѣзжали полюбоваться американскіе инженеры. На этомъ пути находится узкая, извилистая, маловодная и быстрая рѣка Мста съ порогами. По временамъ въ рѣку пускаютъ воду изъ естественныхъ и искусственно образованныхъ озеръ, лежащихъ верстъ за 100, въ которыхъ скопляютъ воду, запирая ихъ бейшлотами. Маловодная рѣка обращается тогда въ быстрый потокъ. Барки должны лѣтѣть по порогамъ со скоростью болѣе 30 верстъ въ часъ и, конечно, безпрестанно ударяться о берега то съ одной, то съ другой стороны. Поэтому казалось, что серьезнаго судоходства по этой системѣ развиться не могло. Но вотъ, одинъ инженеръ, Корицкій, придумываетъ устройство такъ называемыхъ заплывей, которыя не только предупреждаютъ разбивку барки о берегъ, но и способствуютъ, автоматически, возвращенію ея на фарватеръ. Послѣ устройства этихъ заплывей, главное движеніе грузовъ съ Волги въ Петербургъ направилось на Вышневолоцкую систему, по которой сообщеніе и быстрѣе, и дешевле. Было время, когда, до устройства Николаевской и Рыбинской дорогъ, проходило по этой системѣ до 40 милліоновъ пудовъ въ годъ одного хлѣбнаго груза; и потому—сколько милліоновъ сберегалось ежегодно въ общей экономіи страны? Если теперь по означенному пути двигается очень небольшое количество хлѣбныхъ грузовъ, то только потому, что желѣзныя дороги измѣнили условія торговли.

Да! прежній разсадникъ далъ много замѣчательныхъ людей. И это были не мастеровые, а пионеры и созидатели инженернаго искусства.

Съ развитіемъ этого искусства, оно, конечно, переходитъ потомъ въ мастерство; отъ того-то и могли возникнуть такіе дѣятели, пристыгнувшіеся къ строительной сферѣ, какъ Поляковъ съ плеядою своихъ собратій, явившихся рѣшителями судебъ инженеровъ.

Я невольно увлекся тяжелыми воспоминаніями и соболѣзнованіемъ о началѣ паденія института и теперь долженъ возвратиться ко времени окончанія мною полного курса, т. е. къ экзамену изъ подпоручиковъ въ поручики.

Обыкновенно, при выпускѣ въ поручики, требовалось держать экзаменъ изъ всей высшей математики, изъ всего строительнаго искусства и изъ предметовъ, читавшихся въ послѣднемъ классѣ. Всѣ знали этотъ порядокъ и въ теченіе года освѣжали постепенно въ своей памяти означенные предметы по тѣмъ статьямъ, которыя читались въ предшествующихъ классахъ.

Передъ экзаменомъ давалась недѣля времени для подготовленія. Каждое лицо кончало экзаменъ въ два дня. Одинъ день назначался для главныхъ предметовъ, а, черезъ недѣлю, другой день для всѣхъ побочныхъ предметовъ.

На этотъ разъ вышло иначе. За три дня до экзамена намъ объявили, что, для выпуска въ поручики, мы должны держать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, начиная буквально съ азбуки, т. е. даже изъ всего, такъ называемаго, гимназическаго курса, включая и грамматику, и священную исторію, и географію по Арсеньеву, которая, главнымъ образомъ, требовала задалбливанія департаментовъ, графствъ, штатовъ, городовъ и городишекъ съ ихъ достопримѣчательностями, какъ-то: числомъ салотопенныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ и тому подобныхъ заводовъ и проч. Перечислены были всѣ предметы, въ числѣ 40, и назначенъ былъ ежедневный экзаменъ въ теченіе 40 дней.

Цѣль такой, внезапно объявленной, тиранніи немедленно обнаружилась. Графъ Клейнмихель задумалъ уже совершить преобразование института въ обыкновенный кадетскій корпусъ и хотѣлъ показать, что до этого времени институтъ былъ распущенъ и что въ немъ учились дурно.

Большинство подпоручиковъ, полагая, что все это будетъ дѣлаться для проформы, готовились лишь изъ тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ прежде обыкновенно держали экзаменъ на поручика, не заботясь объ остальныхъ. Но тѣ, которые стояли высоко по списку, тѣмъ—и изъ самолюбія, и изъ того, чтобы, при своемъ офицерскомъ званіи, не стоять пнемъ передъ экзаменаторами, и изъ уваженія къ чести заведенія, — нельзя было отнестись къ вопросу такъ небрежно, и потому означенные сорокъ дней остались въ ихъ памяти на всю жизнь, какъ неслыханная и небывалая тираннія.

Окончивъ экзаменъ изъ одного предмета, надо было бѣжать домой, чтобы подготовиться на-завтра. Сорокъ ночей мы провели безъ сна, собираясь, по-очереди, другъ у друга, по нѣскольку человѣкъ; чтобы разгонять сонъ, мы пили безмѣрное количество чернаго, крѣпкаго кофе безъ сахару, съ лимономъ. Не менѣе того, случалось заснуть, сидя, мертвымъ сномъ или свалиться на полъ и, когда товарищъ растолкаетъ, то не вдругъ придешь въ сознаніе: гдѣ находишься и что кругомъ дѣлается. Самые тяжелые часы были отъ 3-хъ до 6-ти утра; а послѣ какъ будто становилось вообще легче и голова дѣлалась свѣжѣе.

Въ классѣ подпоручиковъ было около 110 человѣкъ. Результатомъ означеннаго экзамена было то, что его выдержало только восемь человѣкъ. Слѣдовательно, цѣль, которая имѣлась въ виду у Клейнмихеля, была достигнута, и уже въ видѣ милости выпустили въ поручики слѣдующихъ 12 человѣкъ, т. е. всего 20 человѣкъ.

Я, почти изъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ священной исторіи, получилъ полные баллы. Священникъ у насъ былъ молодой, чрезвычайно видный собою человѣкъ, окончившій курсъ въ духовной академіи, у котораго не успѣли еще отрости волосы до должной длины. Онъ былъ уменъ, образованъ, успѣлъ быстро втереться въ домъ графа Клейнмихеля, сдѣлался тамъ домашнимъ человѣкомъ и, конечно, угодникомъ всѣхъ его намѣреній.

Въ скоромъ времени послѣ преобразованія института, послѣдовавшаго по нашемъ производствѣ въ поручики, священникъ сталъ давать тамъ тонъ всему и ворочалъ институтомъ, какъ хотѣлъ, такъ что его голосъ, при безличности директоровъ и трусости остальныхъ лицъ, являлся рѣшающимъ во всѣхъ вопросахъ въ виду того, что онъ почти ежедневно посѣщалъ Клейнмихеля, какъ свой человѣкъ, и потому всѣ боялись этого священника. И, такимъ-то образомъ, вмѣсто прежняго судьи степени образованія инженеровъ, знаменитаго европейскаго геометра, Остроградскаго, явился попъ.

У насъ въ классѣ было около половины католиковъ, и ксендзъ, безъ всякаго экзамена, поставилъ всѣмъ своимъ изъ Закона Божія полные баллы. Нашъ же священникъ, ради показанія своей силы, отнесся къ экзамену самымъ строгимъ образомъ. И вотъ я, при его экзаменѣ, ошибся на пѣлый вѣкъ въ хронологіи Маккавеевъ, и онъ поставилъ мнѣ за это 7 балловъ.

Одному изъ моихъ товарищей, шедшему постоянно не выше 15-го или 10-го нумера по списку, посчастливилось получить одинаковые со мною баллы изъ всѣхъ предметовъ и, какъ католикъ, онъ имѣлъ полные баллы и изъ Закона Божія.

Не говоря уже о новомъ директорѣ института, о которомъ я далъ уже понятіе, но и лица учебнаго начальства, мѣсяца за три до нашего

выпуска, были обновлены. Между тѣмъ, они составляли главный составъ конференціи, рѣшавшей начу участь.

Всѣ эти лица, отъ страха относительно Клейнмихеля, не осмѣлились отступать отъ указаннаго имъ правила—руководствоваться послѣдними баллами экзамена и не принимать въ соображеніе годовыхъ балловъ и прецедентовъ прежнихъ лѣтъ. И потому, они, не взирая на годовые баллы мои и моего брата и на то, что мы четыре года сряду, изъ числа болѣе ста человѣкъ, чередовались первымъ и вторымъ мѣстами, и что человѣкъ, никогда не возвышавшійся далѣе десятаго номера по списку, явился случайной выскочкой вслѣдствіе лишь того, что ксендзъ выставилъ ему полные баллы изъ Закона Божія, — опредѣлили его первымъ, меня вторымъ, а брата третьимъ.

Очень натурально, что я, въ ожиданіи рѣшенія конференціи, былъ въ нѣкоторомъ волненіи и ходилъ по корридору, слыша громкіе споры въ кофференцъ-залѣ, не зная, конечно, къ чему они относятся. Вдругъ вышелъ оттуда, въ сильно раздраженномъ состояніи, прежній нашъ инспекторъ, генераль-маіоръ Севастьяновъ, который оставался еще пока членомъ конференціи. Увидавъ меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, буквально со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Не могъ отстоять васъ; эти господа не внемлютъ даже словамъ Остроградскаго; институтъ погибаетъ. А вы не огорчайтесь.

Въ этотъ моментъ подошелъ одинъ изъ членовъ экзаменаціонной комиссіи, извѣстный инженеръ, генераль Дестремъ (французъ), который былъ въ это время директоромъ департамента проектовъ и смѣтъ, и потому не имѣлъ уже близкихъ отношеній къ институту и меня вовсе не зная.

Я уже прежде далъ нѣкоторую характеристику Севастьянова, какъ человѣка благороднѣйшаго и, несмотря на свои годы, въ высшей степени восторженнаго.

— Знаете ли вы,—сказалъ Севастьяновъ, обращаясь къ Дестрему и указывая на меня,—кто это и гдѣ ему мѣсто?

Дестремъ, разумѣется, выразилъ взглядомъ свое недоумѣніе.

— Вотъ кто онъ, и вотъ, гдѣ ему надо быть, хотя онъ и молодъ. Я четыре года слѣдилъ за нимъ, Остроградскій близко узналъ его, и мы съ нимъ горячо стояли за него, а его не ставятъ первымъ. Я ушелъ изъ конференціи и не пойду туда болѣе.

Отзывъ Севастьянова Дестрему о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на меня, и мѣсто, которое онъ указывалъ мнѣ, былъ, при его восторженности, слишкомъ лестенъ для меня, и я не нахожу удобнымъ привести здѣсь его слова; но сознаюсь, что они на вѣкъ врѣзались въ мою память и поддерживали многіе годы мой духъ, ибо ихъ высказалъ человѣкъ, на 30 лѣтъ старше меня и имѣвшій уже опытность во многомъ.

Я могъ бы умолчать объ этомъ фактѣ, но я привелъ его единственно для того, чтобы характеризовать рельефнѣе бывшее передъ тѣмъ наше учебное начальство въ институтѣ. Севастьяновъ не былъ уже инспекторомъ; не менѣе того, онъ горячо защищаетъ интересъ чуждаго уже ему воспитанника; не успѣвъ въ этомъ, онъ взволновывается въ такой мѣрѣ, что уходитъ изъ конференціи и, пользуясь случайностью, сообщаетъ свое негодованіе и мнѣ, и почтенному лицу, старѣйшему по годамъ и по служебному положенію во всемъ корпусѣ. Для чего онъ дѣлаетъ это? Для того, чтобы дать утѣшеніе бывшему его воспитаннику и подчиненному. Воспитываться у такихъ людей и подчиняться имъ было большимъ счастьемъ. Этому начальству подчинялись не въ силу устава, не отъ страха, а во имя духа и нравственнаго его со всѣхъ сторонъ авторитета, — что только и можетъ давать начальству дѣйствительную и твердую силу.

Въ то время, при многочисленномъ составѣ выпускныхъ классовъ, было установлено правиломъ выставлять на золотую доску трехъ первыхъ по списку, вслѣдствіе того, что часто недоумѣвали, кому отдать преимущество. Были годы, когда затруднялись отдать преимущество тремъ изъ пяти первыхъ; но отъ установленнаго правила, относительно числа трехъ лицъ, не отступали. Такимъ образомъ, мы съ братомъ попали на золотую доску.

Эти доски были изъ пергаментъ, на которомъ печатались имена золотыми буквами. Вдругъ, черезъ 45 лѣтъ послѣ основанія института, послѣдовало распоряженіе замѣнить эти доски мраморными досками. Приходилось вырѣзать на этихъ доскахъ до 135 именъ. Одинъ изъ директоровъ института, подобный Энгельгардту, или онъ самъ, — хорошенько не знаю, — въ видахъ экономіи, распорядился, съ разрѣшенія Клейнмихеля, помѣстить на мраморныхъ доскахъ лишь по одному имени.

И вотъ, имена, стоявшія въ теченіе 45 лѣтъ съ основанія института, на золотыхъ доскахъ, были вычеркнуты. Такимъ образомъ, слетѣли съ этихъ досокъ такіа имена, какъ знаменитый Кербедзъ, а также: Севастьяновъ, Крафтъ, Добронравовъ, Глуховъ и множество именъ весьма извѣстныхъ по корпусу инженеровъ. Затѣмъ, слетѣли съ этой доски: Пассекъ и Жолобовъ; но имена этихъ двухъ лицъ сохраняются, по крайней мѣрѣ, на доскѣ убитыхъ въ бою.

По мнѣнію однихъ, такой фактъ составляетъ пустякъ, а другіе полагаютъ, что это не пустякъ, въ особенности, для дѣтей этихъ лицъ и для ихъ потомства. Для многихъ эта честь или эта награда гораздо многознаменательнѣе чиновъ и разныхъ декорацій. Наконецъ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ, — сорвать имена, стоявшія многіе годы на доскахъ чести, есть своего рода преступный произволъ.

Вскорѣ, по окончаніи нами курса, институтъ былъ обращенъ

въ обыкновенное военно-учебное заведеніе; въ него стали принимать дѣтей 11 и 12 лѣтъ, слѣдовательно, безъ всякаго убѣжденія о способностяхъ мальчика къ математическимъ и положительнымъ наукамъ, требующимъ и сообразительности, и расположенія къ сосредоточенности. Хотя Остроградскій и оставался нѣкоторое время, но онъ до-нельзя обрѣзалъ свой курсъ, смотрѣлъ на слушателей, какъ на ребятъ, пересталъ быть главнымъ нервомъ института—и институтъ палъ.

По окончаніи курса и по производствѣ въ поручики, мы, будучи назначены, по требованію Мельникова, на Николаевскую желѣзную дорогу, въ его дирекцію, отправились на дѣйствительную службу въ тѣ же края, гдѣ за годъ передъ тѣмъ производили изысканія, въ распоряженіи инженера Семичева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XX¹⁾.

Постройка Николаевской желѣзной дороги.—Инженеръ-полковникъ Мельниковъ.—Обѣзды графомъ Клейнмихелемъ для осмотра работъ.—Подрядчики.—Кузьминъ и помѣщикъ Шарабаповъ.—Направленіе линіи Николаевской дороги.—Положеніе землекоповъ.—Ускореніе работъ.—Прѣздъ императора Николая изъ Петербурга въ Москву.—Открытіе пуги.—Столеновеніе поѣздовъ.—Неустроенность дороги.—Назначеніе В. А. Панаева начальникомъ изысканій для линіи желѣзной дороги по Донецкому бассейну.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что, по окончаніи академическаго курса въ Институтѣ путей сообщенія, мы съ братомъ отправились на постройку Николаевской желѣзной дороги.

Дорога дѣлилась на двѣ дирекціи: Сѣверную и Южную; каждая дирекція дѣлилась на нѣсколько участковъ, а участокъ на нѣсколько дистанцій.

Начальникомъ Сѣверной дирекціи былъ инженеръ-полковникъ Мельниковъ, а Южной—инженеръ-полковникъ Крафтъ.

Сѣверная дирекція была раздѣлена на 6-ть участковъ и слишкомъ на 30 дистанцій, длиною отъ 12 до 16 верстъ. Центральное управленіе Сѣверной дирекціи Мельникова помѣщалось въ Чудовѣ на Московскомъ шоссе, гдѣ близко проходила линія желѣзной дороги. Личный составъ этого центрального управленія былъ у Мельникова до крайности ограниченъ, по собственному его желанію.

Кромѣ инженернаго начальства, было учреждено полицейское

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

управленіе. На всю желѣзную дорогу было откомандировано два дивизіона конныхъ жандармовъ; начальникомъ этого управленія былъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій.

Пріѣхавши въ деревню Кузнецово, въ которой мы проживали за годъ предъ тѣмъ, во время изысканій, мы помѣстились съ начальникомъ участка Семичевымъ (впослѣдствіи строитель Московско-Курской желѣзной дороги) въ одной избѣ, разгороженной пополамъ. Когда же развилась работа составленія проектовъ, то, по тѣснотѣ мѣста, я перешелъ къ товарищу Поземковскому, жившему въ другой избѣ въ той же деревнѣ.

Мнѣ и брату поручено было составленіе проектовъ и постройка мостовъ на всемъ 6-мъ участкѣ.

Мельниковъ посѣщалъ работы довольно часто, непременно разъ въ мѣсяцъ, а то и болѣе. Во время его пріѣздовъ, онъ останавливался съ нами въ одной избѣ. Простота его обращенія, его рассказы о путешествіяхъ, его широкіе человѣчные взгляды, его образованность, чистота и возвышенность его отношенія къ дѣлу приводили насъ въ восторгъ, подымали нашъ духъ и поддерживали въ насъ энергію въ глуши, гдѣ мы были отрѣзаны отъ бѣла-свѣта. Имѣть начальника съ такими качествами и свойствами, да при томъ перваго у насъ инженера по образованію, таланту и знаніямъ, было великое счастье. Мы положительно влюбились въ него.

Гр. Клейнмихель, обыкновенно, объѣзжалъ работы въ теченіе лѣта и передъ закрытіемъ работъ, позднею осенью, когда бывала всегда распутица, и при этомъ онъ мирился со всѣми обстоятельствами такого путешествія. Ъхалъ, пока было можно, въ своей коляскѣ; если же приходилось бросать коляску, то пересаживался въ чей-либо легонькій тарантасъ, а когда выпадалъ въ это время снѣгъ, то графа везли на саяхъ, приспособленныхъ, въ одну ночь, изъ дровней, придѣлывая къ нимъ спянку и бочкіи, обитые рогожей.

Однажды такое обстоятельство случилось во время ночлега графа у меня. День былъ холодный. Ъхавъ по моей дистанціи и видя, что работы отстали, онъ нѣсколько разъ подзывалъ къ себѣ подрядчика Кузьмина и бранилъ его. Пріѣхавъ на границу нашего VI участка, гдѣ надо было мѣнять лошадей, графъ вышелъ изъ савей и вошелъ въ контору Кузьмина, чтобы обогрѣться и выпить чаю.

Выйдя изъ конторы, графъ жестоко накинулся на Кузьмина.

— Что ты думаешь—закричалъ онъ,—такъ продолжать дѣло?—ты обманщикъ, мошенникъ, забралъ казенныя деньги и не хочешь отработать ихъ. Да ты знай, что если я доложу государю, такъ тебя въ 24 часа отправятъ въ Сибирь.

Словомъ сказать, графъ ругалъ Кузьмина такъ, что хуже ругать было невозможно.

Все это происходило въ присутствіи насъ, сопровождавшихъ графа до этого пункта, инженеровъ и другихъ выѣхавшихъ встрѣтить его, а также въ присутствіи всей свиты, ѣхавшей съ нимъ, и разнаго конторскаго люда. Затѣмъ, графъ сѣлъ въ сани и укатилъ. Мы, не имѣвшіе обязанности сопровождать графа далѣе, вошли тоже въ контору обогрѣться и выпить чаю. Вслѣдъ за нами входитъ Кузьминъ. Мы удивились, такъ какъ ему слѣдовало сопровождать графа до Чудова.

— Что же вы не поѣхали?—спросилъ кто-то Кузьмина.

— Я дальше не поѣду. Не хочу больше такихъ ругательствъ слушать.

Кузьминъ имѣлъ замѣчательно выразительную наружность. При томъ, онъ былъ высокаго роста съ длинною бородою, совсѣмъ почти посеребрившеюся.

Пока мы пили чай, Кузьминъ сидѣлъ, насупавшись, молча, и вдругъ сказалъ, не обращаясь ни къ кому.

— Ну, ваше сіятельство, обидѣлъ ты меня горько, посрамилъ при людяхъ, такъ знай, что за каждое твое ругательное слово ты заплатишь мнѣ по 100.000 рублей, а въ Сибирь меня не упрячешь.

Видя сильное раздраженіе Кузьмина, намъ долѣе оставаться было не удобно, и мы тотчасъ же уѣхали. И представьте себѣ, что Кузьминъ сдержалъ вырвавшееся у него въ обидѣ слово. Онъ дождался окончанія работъ, и тогда предъявилъ претензію на нѣсколько милліоновъ рублей, что составляло несравненно болѣе той суммы, которая считалась за нимъ вслѣдствіе неотработанныхъ имъ передовыхъ денегъ, ежегодно выдававшихся ему передъ наймомъ рабочихъ.

Вотъ тогда-то онъ открылъ карты, основавъ свои претензіи на той редакціи, которая заключалась въ контрактѣ, а именно,—что онъ взялъ работы по урочному положенію, а не по смѣтѣ, т. е. не по цѣнѣ, введенной въ смѣтѣ на каждую кубическую сажень, и что смѣта составлена съ нарушеніемъ урочнаго положенія, т. е. будто бы не законно.

Когда мы окончили и представили проекты мостовъ, департаментъ желѣзныхъ дорогъ сталъ пріискивать подрядчика для постройки ихъ на нашемъ, 6-мъ участкѣ. Подрядчики, вообще, боялись гр. Клейнмихеля и избѣгали брать дѣла по вѣдомству путей сообщенія. Графъ зналъ это, знало объ этомъ, отчасти, и общество, и зналъ даже государь. Поэтому гр. Клейнмихель очень былъ доволенъ, когда появлялся на постройки капитальный подрядчикъ; во-первыхъ, потому, что такая личность представляла болѣе обезпеченія, во-вторыхъ, потому, что это какъ бы парализовало и опровергало неблагопріятное для него мнѣніе, распространенное въ обществѣ.

По этимъ соображеніямъ, постарались привлечь богатаго московскаго купца Торлецакаго, занимавшагося подрядами. Графъ былъ этимъ очень доволенъ и приказалъ заключить съ Торлецкимъ контрактъ; всѣ условія подряда, простиравшагося на сумму 1.200.000 руб., были согласены, дѣло казалось устроеннымъ, оставалось только подписать контрактъ. Но вдругъ, передъ самымъ подписаніемъ его, по неизвѣстной причинѣ, Торлецкій отказался взять на себя подрядъ. Графъ жестоко разсвирѣпѣлъ на Торлецакаго и на департаментъ, и приказалъ послѣднему, во что бы то ни стало, немедленно сыскать подрядчика, такъ какъ открылась уже весна.

Въ это самое время пріѣхалъ средняго состоянія помѣщикъ Вышневолоцкаго уѣзда, нѣкій Шарабановъ, взять небольшой подрядъ на поставку гравія на желѣзную дорогу, для чего и имѣлъ немного залоговъ. Когда онъ явился торговаться на поставку гравія, департаментъ, въ виду строжайшаго приказанія графа отыскать немедленно подрядчика, уцѣпилъ за Шарабанова, тѣмъ болѣе, что онъ былъ отставной инженеръ путей сообщенія.

Шарабановъ, конечно, сталъ отказываться, потому, что дѣло очень большое, а у него имѣется залоговъ не болѣе, какъ на $\frac{1}{10}$ того дѣла, которое ему предлагаютъ.

— Это можно уладить, — отвѣчали ему, — мы пустимъ на торги только одинъ мостъ, на который вашихъ залоговъ хватить, а вы, затѣмъ, доставьте залоговъ для другихъ мостовъ, тогда и заключимъ контрактъ на всю работу, по примѣру сданнаго вамъ перваго моста.

Такъ и было сдѣлано, и гр. Клейнмихель успокоился.

Шарабановъ досталъ залоговъ и, такимъ образомъ, внезапно и неожиданно явился большимъ подрядчикомъ на дѣло въ 1.200.000 руб. Онъ былъ человѣкъ толковый и, въ виду, неожиданно и негаданно, свалившейся на него благодати, принялся за дѣло очень энергично. Къ концу года, пришлось ему получить квитанцій на 100.000 руб., и онъ поѣхалъ въ Петербургъ за полученіемъ денегъ.

Нѣсколько времени спустя, въ одинъ вечеръ, пришелъ къ намъ прикащикъ изъ конторы Шарабанова. Мы жили уже тогда съ братомъ въ казенномъ домикѣ, находившимся вблизи конторы Шарабанова.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ я.

— Третьяго дня, въ ночь, пріѣхалъ нашъ баринъ, легъ сейчасъ же спать, да вотъ вторые сутки и не просыпается; будили, будили, толкали, толкали — все спитъ.

Мы немедленно пошли въ контору. Видимъ, человѣкъ живъ, но спитъ. Стали толкать, все то же.

Въ это время доктора на желѣзной дороги не случилось; бывшій былъ уволенъ, а вновь назначенный изъ Петербурга еще не пріѣхалъ,

но ожидался со дня на день. Мы распорядились немедленно послать тройку въ уѣздный городъ Боровичи. Но едва уѣхала посланная тройка, какъ мы услышали колокольчикъ, и затѣмъ подъѣхала кибитка. Оказалось, что это былъ докторъ, присланный изъ Петербурга. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ Медицинской академіи. Только-что онъ снялъ шубу, его повели къ больному. Освидѣтельствовавъ и прослушавъ больного, онъ потребовалъ ножницы и бритву, чтобы остричь и обрить голову больного. Когда больного приподняли, чтобы держать его въ сидячемъ положеніи для обритія головы, лежавшая подъ нимъ подушка скатилась, а подъ ней оказался большой пакетъ, завернутый въ бумагу.

Развернули пакетъ, и тамъ оказалась груда сторублевыхъ бумажекъ; всего 100.000 руб.

Понятно, что деньги эти опечатали и сдали прикащику Шарабанова. Все это произошло, пока стригли и брили Шарабанова. Когда эта операція кончилась, докторъ приготовилъ мушку и наложилъ сплошь на всю голову. Черезъ нѣсколько часовъ больной очнулся. Докторъ нашелъ у него сильнѣйшее воспаленіе мозга. Приѣзжай онъ нѣсколькими часами позже, вѣроятно, Шарабановъ отправился бы на тотъ свѣтъ. Фамилія этого энергическаго молодого еще тогда доктора: Торопогрицкій.

Произошла болѣзнь его отъ того обстоятельства, что онъ неожиданно увидѣлъ себя обогащающимся и получилъ въ руки кушъ въ 100.000 руб. Онъ выздоровѣлъ, но въ немъ произошла какая-то перемѣна. Изъ человѣка дѣловаго и расчетливаго онъ сдѣлался легкомысленнымъ, вѣтреннымъ, пересталъ пристально заниматься дѣломъ, поручилъ его роднымъ, а самъ жилъ преимущественно въ Петербургѣ и все свое время проводилъ въ цыганскомъ таборѣ, во времена дирижера Соколова. Вскорѣ онъ влюбился въ одну цыганку и всѣ свои заработки по подряду кидаль въ таборъ безтолковымъ образомъ. Возьметъ, напримѣръ, 5—6 ложъ въ первомъ ярусѣ итальянской оперы и разсадить тамъ однѣхъ цыганокъ. Между тѣмъ, цыганка не сдавалась, или, лучше сказать, таборъ не выпускалъ ее. Но когда таборъ увидѣлъ, что вытянулъ изъ Шарабанова все и тянуть изъ него больше нечего, то, надо отдать ему справедливость, онъ выпустилъ цыганку, которая и поѣхала къ Шарабанову въ деревню. Съ тѣмъ началъ Шарабановъ дѣло, съ тѣмъ и остался, т. е. съ небольшимъ имѣніемъ около Волочка, Афимино.

Не лишнимъ считаю теперь упомянуть о направленіи линіи Николаевской желѣзной дороги.

Начну съ того, чтобы объяснить нелѣпость легенды о томъ, что будто-бы императоръ Николай I, положивъ линейку на поданную ему карту и проведя прямую линію карандашемъ, приказалъ вести желѣзную дорогу по этой прямой линіи. Легенда эта повторялась безконечное

число разъ стоустою молвою, признавалась за неоспоримый фактъ въ образованныхъ кружкахъ и даже въ высшихъ сферахъ, и неоднократно подтверждалась серьезными органами печати. Въ распространѣніи этой легенды играла не малую роль и умышленная тенденціозность, силившаяся представить черту характера императора Николая, конечно, съ невыгодной стороны, желая какъ бы набросить тѣнь на великій, бесспорно, умъ императора.

Вопросъ о направленіи желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы долгое время обсуждался въ особомъ комитетѣ, называвшемся тогда комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ засѣдали министры и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Огромное большинство означеннаго учрежденія полагало, что надо вести дорогу на Новгородъ. Между тѣмъ, государь не раздѣлялъ этого мнѣнія. Утомленный безконечными спорами по этому предмету, онъ призвалъ къ себѣ инженеръ-полковника Мельникова (впослѣдствіи министр), который, вмѣстѣ съ другимъ инженеръ-полковникомъ Крафтомъ, былъ назначенъ для производства изысканій и постройки дороги. Мельниковъ считался особенно талантливымъ и блестяще-образованнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, человекомъ, чтò и было извѣстно государю.

Государь спросилъ Мельникова: какого онъ мнѣнія о направленіи дороги?

Мельниковъ, коротко и ясно, высказался такъ:

— Дорога должна соединять двѣ весьма населенныя столицы; все движеніе, какъ грузовое, такъ и пассажирское, будетъ сквозное. Въ непродолжительномъ времени должны примкнуть къ Москвѣ другія дороги со всѣхъ концовъ Россіи; такимъ образомъ, сквозное движеніе между Петербургомъ и Москвой разовьется въ нѣсколько десятковъ разъ противъ настоящаго. Было бы большою ошибкою и неисчислимою потерю въ общей государственной экономіи, если обречь дальнѣйшія поколѣнія на уплату 80-ти слишкомъ верстъ, въ продолженіе цѣлаго вѣка или болѣе, пока прямой расчетъ не вынудилъ бы строить другую, болѣе кратчайшую дорогу отъ Петербурга до Москвы.

— Радъ, сказалъ государь, что ты одного со мной мнѣнія; веди дорогу прямо!

Слова «веди дорогу прямо» не означали вести по прямой линіи, а относились къ тому, чтобы не держаться направленія на Новгородъ.

Только исключительное невѣжество, по отношенію къ извѣстнымъ предметамъ, могло поддерживать означенную легенду. Множество разъ мнѣ случалось слышать повтореніе ея людьми образованными. Обыкновенно, въ подобномъ случаѣ, я спрашивалъ такого господина:

— Проѣзжалъ ли онъ по Николаевской дорогѣ.

— Какъ же, много разъ.

— Развѣ же вы не обратили вниманія на то, что во многихъ мѣстахъ поѣздъ идетъ по кривой, что для каждого пассажира должно быть очевидно?

Тогда такой господинъ попадалъ въ положеніе Гоголевскаго почтмейстера; только воздерживался отъ удара себя въ лобъ ладонью и извѣстнаго возгласа.

Я началъ свою дѣятельность съ самаго возникновенія устройства Николаевской желѣзной дороги. Въ то время не было сколько-нибудь сносныхъ картъ на пространства между Петербургомъ и Москвой, годныхъ для того, чтобы руководиться ими для начертанія наивыгоднѣйшей линіи въ техническомъ отношеніи.

Вслѣдствіе такого обстоятельства, было рѣшено пробить сперва прямую линію отъ Петербурга до Москвы. Для этого, на основаніи астрономическихъ данныхъ о долготѣ и широтѣ означенныхъ пунктовъ, были рассчитаны углы прямой линіи съ меридіанами, и подъ этими углами приступили, одновременно, къ пробиванію линіи отъ Петербурга и отъ Москвы. Обѣ партіи встрѣтились около небольшой деревни Бологое (нынѣ населеніе этого мѣста превышаетъ, кажется, 10.000 жителей). Замѣчательно то, что линіи, пробитыя на основаніи вышесказаннаго расчета, разошлись около Бологое около полуверсты ¹⁾. Понятно, что такой результатъ можно было признать блестящимъ и, въ то же время, показавшимъ, съ какою аккуратностью и точностью велась пробивка обѣихъ линій.

Эти-то линіи, вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ картъ, и послужили основаніемъ для производства подробныхъ изысканій.

Тверь и Клинъ попали почти на прямую линію отъ Москвы до Волочка; а на прямой отъ Петербурга до Волочка сдѣлано лишь незначительное отклоненіе къ Чудову, вслѣдствіе удобства мѣстности.

Затѣмъ, дальнѣйшія изысканія состояли въ томъ, чтобы, придерживаясь общихъ прямыхъ направленій между означенными пунктами, обходить особенно выдающіяся препятствія, какъ напримѣръ: озера, глубокія болота, конечно, подвергавшіяся предварительно зондировкѣ, неудобные переходы черезъ рѣки, слишкомъ выдающіяся возвышенности и проч.

При отсутствіи сколько-нибудь годныхъ картъ и при мѣстности, на $\frac{9}{10}$ покрытой сплошными лѣсами, не было никакой возможности, даже въ частностяхъ, ориентироваться обзоромъ мѣстности, хотя бы съ отдаленныхъ возвышенныхъ пунктовъ. При подобныхъ условіяхъ, ко-

¹⁾ Небезынтересно упомянуть здѣсь, что, при пробивкѣ линіи отъ Петербурга падали на Петровскую просѣку, которою пользовались, отчасти, мѣстные жители по зимамъ.

нечно, не могли не быть промахи въ разныхъ частяхъ установленной наконецъ линіи. Напримѣръ, переходъ черезъ оврагъ и небольшую рѣчку Веребью обусловилъ вѣдучъ въ 25 саж. вышины и 275 саж. длины, громаднаго объема выемку, достигавшую, мѣстами, болѣе $7\frac{1}{2}$ саж. глубины на протяженіи 15 верстъ и непрерывный по оной подъемъ съ уклономъ въ 0,008. На всѣ эти работы понадобилась громадная сумма. Будь карты, будь опредѣлены на ней высоты, хотя изрѣдка, промахъ, относительно перехода черезъ Веребью, былъ бы немислимъ, и въ немъ никого и ни въ чемъ обвинить нельзя. Этотъ промахъ не есть слѣдствіе незнація, невнимательности, лѣности, нерадѣнія или чего-либо подбнаго, тѣмъ болѣе, что всѣ, отъ мала до велика, работали въ то время восторженно, сознавая, что они пионеры въ великомъ дѣлѣ устройства первой желѣзной дороги въ своемъ отечествѣ, безъ всякаго иностраннаго элемента; что они должны быть учителями будущихъ дѣятелей, и сильно гордились выпавшимъ на ихъ долю положеніемъ. Оправдали ли себя эти пионеры? путь судить потомство.

И такъ, по совѣсти, никого нельзя укорять въ указанномъ крупномъ промахѣ. Можно было бы указать и другіе, менѣе крупные, въ которыхъ тоже никто не виноватъ, но это будетъ лишнимъ. Вина въ томъ, что не было картъ!

Понятно, что промахи относительно проведенія линіи обнаруживались уже во время самой постройки, по мѣрѣ развитія работъ. Тогда-то я и пришелъ къ твердому убѣжденію, что возможное сокращеніе милліоновъ зависитъ исключительно отъ наивыгоднѣйшаго начертанія линій. Всѣ же прочія обстоятельства не играютъ очень существенной роли въ дѣлѣ сокращенія расходовъ. Вслѣдствіе этого, у меня, еще съ того времени, затаилась мысль идти, по окончаніи постройки дороги, не на работы постройки, а на обширныя изысканія, если таковыя представятся.

Я упомянулъ уже выше, что полицейское управленіе, состоявшее изъ конныхъ жандармовъ, было ввѣрено генералъ-адъютанту, князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому; но онъ вскорѣ умеръ, и оно раздѣлилось на двѣ половины. На Сѣверную дирекцію назначенъ былъ жандармскій полковникъ Виландъ, а на Южную—полковникъ Тизенгаузенъ, и конная команда была спѣшена. Начальникомъ полицейскихъ порядковъ, на нашемъ 6-мъ участкѣ, былъ сначала жандармскій офицеръ изъ числа нѣскольکو порядочныхъ, котораго вскорѣ смѣнилъ другой, тоже изъ числа сносныхъ; но затѣмъ появился бурбонъ, т. е. произведенный въ офицеры изъ солдатъ.

Не безынтересно разсказать объ отношеніяхъ полицейскаго, непосредственнаго начальства къ рабочему люду, т. е. исключительно къ землекопамъ, составлявшимъ громадную массу.

Но прежде этого я сдѣлаю очеркъ организаціи подрядческаго упра-

вленія земляными работами, для которыхъ скопилось ежегодно болѣе 40.000 человекъ. Всѣ земляныя работы на Николаевской дорогѣ попали въ руки одного подрядчика Кузьмина, такъ какъ его товарищъ, Шавринъ, имя котораго и было главной гарантіей для правительства, внезапно умеръ.

Я буду говорить объ означенной организаціи на нашемъ 6-мъ участкѣ, которая была совершенно одинакова и на прочихъ участкахъ.

Въ центрѣ участка, бывшемъ въ то время пустыремъ, а нынѣ Валдайская станція, находилась центральная контора, которой, на протяженіи 60 верстъ, подчинялись еще пять конторъ. Въ каждой конторѣ былъ прикащикъ и его помощникъ, бухгалтеръ и куча писарей, независимо, конечно, отъ десятниковъ и табельщиковъ, которые должны были присутствовать при работахъ. Одного конторскаго люда, на всемъ 60 верстномъ участкѣ, было, приблизительно, до 50 человекъ. При конторахъ содержалось большое количество лошадей, назначенныхъ для развозки по линіи провіанта, печенаго хлѣба, досокъ, тачекъ и проч.; но главнымъ употребленіемъ этихъ лошадей была развозка и катаніе служащихъ въ конторахъ, при чемъ однимъ изъ предлоговъ къ содержанію лошадей была наложенная на подрядчика обязанность держать по линіи почту для разъѣзда офицеровъ за установленные прогоны, что случалось, быть можетъ, не болѣе двухъ трехъ разъ въ недѣлю, такъ какъ большинство офицеровъ держало собственныхъ лошадей. При центральной конторѣ имѣлось, напримѣръ, не менѣе 40 лошадей, и можно было видѣть, что въ праздники выѣзжало оттуда по 4 или по 5 троекъ въ церковь или въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ: Валдай или Боровичи.

При главной конторѣ имѣлся, въ буквальный смыслъ, винный погребокъ, и въ запасѣ было, конечно, всегда не менѣе ящика шампанскаго К्लико или Редереръ, и не малое количество прочихъ винъ. Словомъ сказать, въ подрядческомъ управленіи господствовало разливное море. Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, когда я буду очерчивать постройку мною Курско-Кіевской желѣзной дороги, читатель увидитъ, что я имѣлъ личный составъ по всѣмъ отраслямъ работъ, на протяженіи 230 верстъ, въ 3 или 4 раза менѣе, чѣмъ личный составъ одной Валдайской центральной конторы, завѣдывавшей, всего на 60 верстъ, однимъ земляными работами.

Теперь обращусь къ рабочему люду, т. е. къ землекопамъ. Въ то время, землекопы, преимущественно, нанимались въ Витебской и Виленской губерніяхъ изъ литовцевъ. Это былъ самый несчастный народъ на всей русской землѣ, который походилъ скорѣе не на людей, а на рабочій скотъ, отъ котораго требовали въ работѣ нечеловѣческихъ силъ, безъ всякаго, можно сказать, вознагражденія. Забитость и какъ бы идіотство этихъ людей, трудно описуемое, усугублялось еще почти не-

знаніемъ русскаго языка. Когда я увидалъ этихъ людей первый разъ на работахъ, то былъ пораженъ слѣдующимъ фактомъ: каждый человѣкъ, прежде нежели пройти мимо меня, сгибался такъ, что туловище приходило въ горизонтальное положеніе; затѣмъ мелкимъ шажкомъ онъ подбѣгалъ ко мнѣ, схватывалъ конецъ полы сюртука, цѣловалъ его при словахъ: «цѣлую, пане полковнику», и удалялся въ томъ же согнутомъ положеніи. Понятно, что впредь я вездѣ воспрещалъ подобныя сцены.

Подрядчики нанимали землекоповъ, заключая контракты съ волостными правленіями или съ помѣщиками. Но иногда помѣщики брались работать за задѣльную плату, т. е. являлись поставщиками, приводя на работы собственныхъ своихъ крѣпостныхъ людей или крѣпостныхъ отъ своихъ сосѣдей. Помню, что однажды явились у насъ такими поставщиками два помѣщика, которые сами жили при работахъ. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, Клодтъ,—кажется съ титуломъ барона,—пригналъ артель въ 1.200 человѣкъ, а другой—Буйницкій,—въ 1.500 человѣкъ. Первый былъ довольно порядочный человѣкъ, а второй, хотя и вполнѣ свѣтски образованный богатый помѣщикъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова эксплуататоръ негровъ.

Кузьминъ забралъ впередъ деньги и все время работъ оставался большимъ должникомъ казны, а потому осенью расчеты съ рабочими дѣлались подъ правительственнымъ надзоромъ. Кузьминъ съинтриговалъ такъ, чтобы наблюденіе за этими расчетами было поручено полицейскому управленію, а не намъ, инженерамъ. Вслѣдствіе этого, расчеты,—за которыми наблюдали бурбоны, готовые за даровые харчи и вино угождать подрядчику и допускать вопіющее зло—производились возмутительнымъ образомъ, а не такъ, какъ мы произвели расчетъ людямъ въ первый годъ. Кромѣ того, бурбоны, о которомъ я упомянулъ, но фамиліи котораго не помню, появившійся во главѣ жандармской команды нашего 6-го участка, ежедневно занимался поркою людей по просьбамъ и жалобамъ прикащиковъ и десятниковъ. Эти экзекуціи совершались такъ, что я не могъ видѣть ихъ, живя въ верстѣ отъ конторы за возведенною уже высокою насыпью; но я зналъ, что подобныя экзекуціи совершались часто. Поэтому, рабочіе считали главнымъ своимъ начальствомъ полицію; но прикащики и прочій подрядческій людъ, зная, что участь ихъ зависитъ отъ насъ, можно сказать, трепетали передъ нами. Однажды я, возвращаясь съ работъ, долженъ былъ проѣхать мимо конторы и попалъ на экзекуцію. Два или три человѣка лежали подъ ударами розогъ; ихъ визги и крики взорвали мою душу. Я приподнялся въ тарантасѣ и громкимъ голосомъ заревѣлъ: — «Стой. . . . ребята, вставайте!» Разумѣется, все стихло, никто не осмѣлился пикнуть; я дождался, пока

не убрали атрибуты экзекуціи, и бурбонъ, присутствовавшій тутъ, не ушелъ въ подрядческую контору, и тогда я уѣхалъ.

Сей бурбонъ подалъ по начальству рапортъ о моемъ поступкѣ, и, конечно, я былъ бы отданъ подъ судъ; но Виландъ, главный начальникъ полицейскаго управленія, будучи человѣкомъ образованнымъ, воспитанникомъ Института путей сообщенія, не далъ хода этому рапорту. Для характеристики означеннаго бурбона, я упомяну, что онъ былъ женатъ на помѣщицѣ, имѣвшей одну душу, а потому у нихъ была собственная крѣпостная прислуга, молодая дѣвушка. Мученія, которымъ ее подвергали, кромѣ безпрестанной порки, выше всякаго описанія: ее сажали на горячую плиту, запирали дня на два въ хлѣвъ, накормивъ предварительно селедкой, и не давали пить. Несчастная не смѣла никому пожаловаться; но кто-то сообщилъ намъ объ этихъ фактахъ, и мы позволили эту несчастную, разспросилъ ее и въ первый пріѣздъ Виланда сообщили ему обо всемъ. Бурбонъ былъ удаленъ, а что сдѣлалось съ несчастною дѣвушкой, я не знаю.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ начала постройки Николаевской дороги, она не была еще окончена, чему воспрепятствовали политическія событія 1848 и 1849 годовъ, когда суммы, ассигнованныя на желѣзную дорогу, должны были быть употреблены на другія надобности. Но въ означенномъ 1850 году, во время пріѣзда государя въ Москву на коронаціонный день, 22-го августа, императоръ спросилъ Клейнмихеля за обѣденнымъ столомъ:

— Когда же ты провезешь меня въ Москву по желѣзной дорогѣ?

Клейнмихель отвѣтилъ моментально:

— На будущій годъ на коронацію, ваше величество!

За столомъ былъ директоръ работъ Мельниковъ; но Клейнмихель не спросилъ у него, въ этотъ моментъ, ничего, а послѣ обѣда позвалъ его въ кабинетъ и сказалъ:

— Вы слышали мой отвѣтъ государю?

— Слышалъ,—отвѣчалъ Мельниковъ,—но это невозможно.

— Вы слышали, п это должно быть и будетъ!

Не зная еще ничего объ означенномъ эпизодѣ, бывшемъ въ Москвѣ, мы получаемъ въ половинѣ сентября предписаніе, гласящее, что дорога къ 1-му августа будущаго 1851 года должна быть приведена въ такой видъ, чтобы войска гвардейскаго корпуса могли быть доставлены въ Москву начиная съ 15-го августа, и чтобы императоръ могъ проѣхать въ Москву къ 22-му августа, и затѣмъ требовались немедленно соображенія о необходимыхъ средствахъ для достиженія этой цѣли.

По позднему времени никакія распоряженія, могущія подвинуть работы въ теченіе настоящаго рабочаго сезона, были невозможны. Въ концѣ сентября нельзя нанимать рабочихъ, и если бы они и были на-

няты, то пришли бы на работы въ половинѣ октября, и могли бы проработать съ трудомъ не болѣе двухъ недѣль. Оставалось подумать о работѣ зимой. Въ песчаныхъ грунтахъ это еще дѣло возможное, но въ глинистыхъ земляная работа, въ сущности, почти невозможна.

Обыкновенно, на земляныхъ работахъ стараются прежде всего возводить насыпи, такъ какъ онѣ требуютъ осадки, а выемки оставляются до послѣдняго времени. На моей дистанціи были, по преимуществу, длинныя выемки, и потому эта дистанція была отставши отъ другихъ. Однако, на общемъ совѣтѣ, — между Мельниковымъ, начальникомъ участка, Семичевымъ, и мною, какъ начальникомъ дистанціи, — рѣшено было производить работы зимою, несмотря на то, что выемки состояли изъ крѣпко-глинистаго грунта, который, при морозѣ, обращался въ камень. Работы эти могли быть производимы только посредствомъ пороховыхъ взрывовъ. Оказалось, что взрывать порохомъ каменные породы гораздо удобнѣе, чѣмъ взрывать замерзшую глину, которая не дѣлится на пласты.

За зиму успѣхъ былъ мало значительный, а между тѣмъ подошла весна. Гр. Клейнмихель, съ нетерпѣніемъ слѣдившій въ это время за ходомъ работъ вообще на Николаевской дорогѣ, пустился самой ранней весной самъ осматривать работы, по невообразимой распутицѣ. Обыкновенно, при проѣздѣ его по нашему 6-му участку, ночлегъ, или обѣдъ назначался въ домѣ, занимаемомъ мною, который былъ помѣстительнѣе другихъ. Пріѣхавъ этотъ разъ на ночлегъ, онъ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и заставилъ объяснить ему: надѣюсь ли я окончить работы къ сроку, и какія мнѣ нужны средства? Какъ опытный администраторъ, онъ понималъ, что въ данномъ случаѣ все будетъ зависѣть отъ дистанціонныхъ офицеровъ, производителей работъ.

Я объяснилъ ему, что наличныя рабочія силы совершенно недостаточны, что досокъ, тачекъ, польскихъ лопатъ и разнаго другаго инструмента слишкомъ мало, что можетъ пройти мѣсяцъ или болѣе прежде, нежели подрядчикъ укомплектуетъ все до нужнаго размѣра, и что остается единственное средство обязать подрядчика обратиться къ мѣстнымъ жителямъ, хотя и не землекопамъ, но которые, вмѣсто лопатъ, могутъ вооружиться, для рытья земли, сошниками, надѣтыми на толстыя палки, а вырытую землю выносить въ рогожахъ, мѣшкахъ и въ чемъ ни попало. Клейнмихель, выслушавъ меня, позвалъ Мельникова и Семичева и сказалъ имъ:

— Прошу васъ исполнять всѣ требованія производителя работъ, а тебѣ приказываю донести мнѣ немедленно, если твои требованія не будутъ исполняться!

На другой день, выѣзжая рано утромъ и сядя въ экипажъ, онъ повторилъ то же при всей свитѣ, добавивъ, обращаясь ко мнѣ:

— Если ты не донесешь мнѣ въ-время, въ случаѣ надобности, то жестоко отвѣтишь мнѣ!

Конечно, подобныя же приказанія Клейнмихель, вѣроятно, отдавалъ всѣмъ дистанціоннымъ офицерамъ, у которыхъ окончаніе въ-время работы было подъ большимъ сомнѣніемъ.

Дѣйствительно, мы такъ и распорядились. Едва крестьяне засѣяли яровое поле, мы кликнули, какъ говорится, кличъ, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, и къ намъ явились тысячи народа съ бабами. Мужики рыли землю сошниками, а бабы таскали ее,—кто въ мѣшкахъ, кто въ рогожахъ, кто въ фартукахъ и даже, просто, въ подолахъ. Въ одинъ мѣсяцъ выемки были пробиты на ширину одного пути безъ откосовъ, такъ какъ пробивки ихъ дѣлались въ крѣпкомъ глинистомъ грунтѣ,—и дѣло возможности открытія движенія въ-время было обезпечено. Въ этомъ фактѣ рисуется и энергія, и большой здравый смыслъ Клейнмихеля, какъ министра, понимавшаго, что когда нужно дѣло, то бюрократическій порядокъ непременно сгубить его.

Такимъ образомъ, съ 15-го августа, началось движеніе войскъ изъ Петербурга въ Москву; 20-го мы провезли государя, а государыня осталась въ Петербургѣ. Послѣ того, ежедневно, съ конвертомъ къ императрицѣ посылался поѣздъ изъ Москвы, состоящій изъ пассажирскаго и багажнаго вагона, при чемъ обратный поѣздъ, для пущей предосторожности, не долженъ былъ выѣзжать изъ Петербурга ранѣе прибытія поѣзда изъ Москвы, потому, что былъ уложенъ лишь одинъ путь, что на многихъ станціяхъ не было разъѣздовъ, и телеграфъ не былъ еще тоже устроенъ.

Случилось, что одинъ изъ поѣздовъ, долженствовавшій придти въ Москву, не прибылъ въ-время. Государь встревожился, и Клейнмихель послалъ немедленно пакетъ, назначенный для государыни въ Петербургъ такъ, чтобы онъ доставлялся дистанціонными офицерами, отъ одного къ другому, на дрезинахъ. Отправленный изъ Москвы утромъ, этотъ пакетъ дошелъ до меня, въ 350 верстахъ отъ Москвы, часовъ въ семь вечера. Доѣхавъ до сосѣда, я не засталъ его дома и поѣхалъ до слѣдующаго офицера, но и того не засталъ дома. Тогда я, въ виду наступившей ночи, рѣшился ѣхать прямо до Петербурга на дрезинѣ, мѣняя людей. Между тѣмъ, я каждую минуту могъ встрѣтить поѣздъ, который не могъ ожидать встрѣтить ѣдущую дрезину на пути. Надо было ежесекундно глядѣть впередъ, а сонъ неудержимо клонилъ меня, такъ какъ продолжительная ѣзда на дрезинѣ необыкновенно сильно располагаетъ ко сну. Чувствуя, что, задремавши, я могу кувырнуться впередъ подъ дрезину, я приказалъ людямъ привязать меня къ спинкѣ дрезины, и прибылъ въ Петербургъ къ 7 часамъ утра, находясь въ ѣздѣ 11 часовъ и проѣхавъ 250 верстъ. Передавъ конвертъ надлежащему лицу, я вско-

чилъ на паровозъ и поѣхалъ обратно, такъ какъ домашніе не могли знать, что я покатишь на дрезинѣ въ Петербургъ. На Угловской станціи я сошелъ съ паровоза, не думая, конечно, какая ужасная участь предстояла этому паровозу.

Въ Москвѣ прошло уже болѣе полутора сутокъ, что не было изъ Петербурга поѣзда и никакого еще извѣстія о причинѣ его задержки. Клейнмихель не вытерпѣлъ и приказалъ послать поѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мельниковъ, понимая всю опасность такого распоряженія, рѣшился самъ ѣхать съ московскимъ поѣздомъ, и вотъ этотъ-то поѣздъ и столкнулся съ тѣмъ, съ котораго я сошелъ на Угловкѣ. Поѣзда встрѣтились около Клина на кривой въ выемкѣ такъ, что машинисты могли увидать передовые фонари только тогда, когда не было уже спасенія, но они успѣли открыть свистки. Вотъ что рассказывалъ Мельниковъ, какъ очевидецъ, объ этой катастрофѣ:

— Я сидѣлъ въ вагонѣ, какъ вдругъ послѣдовалъ такой сильный толчекъ, что я слетѣлъ съ сидѣнья и растянулся на полу; вагонъ не раздробило потому, что онъ былъ одинъ. Выйдя изъ него, первое, что я увидѣлъ,—это кондуктора, перерѣзаннаго тормозовымъ кругомъ; оба паровоза поднялись на дыбы, уперлись другъ въ друга передними колесами и ревѣли въ открытые свистки, какъ борящіеся львы. Машинистъ одного паровоза былъ убитъ, а кочегаръ выброшенъ, но остался живъ; но на другомъ паровозѣ тендеръ вскочилъ на паровозъ и придавилъ машиниста и кочегара на котлѣ паровоза. Не было никакой возможности высвободить ихъ оттуда, и они жарились въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ неслыханныхъ страданіяхъ и въ виду всѣхъ, на котлѣ паровоза.

Поэтому, невольно, рождается сравненіе между воинномъ, идущимъ на приступъ, или стоящимъ подъ ядрами и пулями, ожидая смерти, п машинистомъ паровоза, могущимъ ожидать ежесекундно смерти и ежесекундно напрягать свое вниманіе, чтобы не сгубить тысячи людей, жизнь которыхъ находится въ зависимости отъ него.

По отѣздѣ государя изъ Москвы, движеніе по дорогѣ было прекращено, и только изрѣдка посылались поѣзда временнымъ управленіемъ, которое, за отсутствіемъ телеграфа, предвѣряло о томъ письменно за полсутки.

Въ непродолжительномъ времени послѣдовало предписаніе графа Клейнмихеля о приведеніи дороги къ 1-му октября въ такое положеніе, чтобы съ этого срока можно было открыть регулярное движеніе въ размѣрѣ одного почтоваго и двухъ или трехъ товарныхъ поѣздовъ съ каждаго конца.

Къ 1-му октября дорога была въ слѣдующемъ положеніи:

На нѣкоторыхъ большихъ станціяхъ паровозныя зданія не были готовы, и потому паровозы должны были стоять на открытомъ воздухѣ.

Зданій для водоснабженій, на многихъ промежуточныхъ станціяхъ и отчасти на большихъ, вовсе еще не было, а для этого настроены были на высокихъ сваяхъ деревянные баки, въ которыхъ вода могла мерзнуть.

Пассажирскія станціи не были тоже готовы. Напримѣръ, на Окуловской станціи не было въ окнахъ рамъ, отверстія ихъ были забиты досками, сдѣланъ былъ лишь одинъ черный полъ и то не по всему зданію; печей, конечно, тоже не было, а отапливалась лишь желѣзной печуркой, небольшая, съ временными рамами, комната, гдѣ помѣщена была касса.

Изъ большихъ станцій, приблизительно, окончены были: Любаньская, Бологовская, Спировская и Тверская. Другія же большія станціи находились, однако, въ болѣе сноскомъ положеніи, чѣмъ Окуловская.

Несмотря, однако, на такія условія, 1-го октября 1851 года движеніе было открыто. Къ несчастью, наканунѣ и въ ночь на 1-е октября, выпалъ глубокій снѣгъ, до 5 вершковъ толщины, и надо замѣтить, пролежалъ всю зиму безъ значительныхъ оттепелей.

При сказанныхъ условіяхъ, бѣдствія начались съ первыхъ же дней движенія. Нечего и говорить, что поѣзда не приходили въ-время; отъ господствовавшихъ въ это необычное время метелей и заносовъ поѣзда останавливались, не дойдя до той или другой станціи, и замерзали на полдорогѣ, оставаясь на мѣстѣ часовъ по 12 и болѣе. При отсутствіи телеграфа наѣзжалъ слѣдующій поѣздъ, который долженъ былъ тоже стоять или возвратиться на предшествующую станцію. Представьте себѣ положеніе пассажировъ: стоять многіе часы на морозѣ, въ неотоплявшихся еще тогда вагонахъ и безъ пищи. Случалось, что многіе уходили въ окрестныя деревни. Но и на нѣкоторыхъ станціяхъ немногимъ было лучше. Напримѣръ, случалось, что въ Окуловкѣ задерживали поѣздъ потому, что путь впереди былъ загражденъ. И вотъ многія сотни пассажировъ должны были оставаться иногда сутки въ холодномъ зданіи и обогрѣваться, поочередно, лишь въ одной небольшой комнатѣ. О буфетѣ, конечно, не могло быть и поминъ: вся наличность съѣдобнаго быстро пропадала, такъ какъ тогда въ Окуловкѣ не было почти жителей, и надо было посылать за хлѣбомъ въ деревни, которыя были за нѣсколько верстъ.

Когда поѣздъ останавливался на дорогѣ, то приходилось посылать на станцію сторожа ищкомъ съ требованіемъ помощи. Хорошо, если станція, гдѣ находились паровозы, была близка, а если нѣтъ, то сторожъ сообщалъ лишь ближайшей станціи, откуда надо было еще ѣхать съ извѣстіемъ на дрезинѣ, такъ какъ телеграфа не существовало, а между тѣмъ станціи, гдѣ были паровозы, отстояли другъ отъ друга на 70 верстъ. Потомъ, случалось, конечно, что дежурный и другой подготовленный паровозъ уже посланы на линію; стало-быть, надо растапливать паро-

возъ, а на это требовалось около трехъ часовъ, да и случалось, что подвезти паровозъ къ водоемному баку нечѣмъ, и приходилось подвигать его людьми. Коротко говоря, при счастливыхъ условіяхъ, помощь стоящему на пути, среди станцій, поѣзду могла быть подана никакъ не ранѣе 6-ти или 7-ми часовъ, а иногда и цѣлыхъ 12-ти. Затѣмъ, съ каждымъ днемъ уменьшалось количество годныхъ въ ѣзду паровозовъ, вслѣдствіе сгорания трубокъ отъ грязной воды и дурной конструкціи паровозовъ, при которой не принимались въ соображеніе означенныя обстоятельства.

Многіе начальники станцій, присланные на мѣста, не только не имѣли никакого понятія о движеніи, но иные никогда и не видали желѣзной дороги: ихъ собрали, можно сказать, на толкучемъ рынкѣ (по поводу этого ниже будетъ приведенъ одинъ эпизодъ); машинисты, въ свою очередь, рѣшительно, выбивались изъ силъ, и, наконецъ, пассажиры стали, весьма натурально, возмущаться. Такимъ образомъ, въ первое время открытаго движенія явился такой сумбуръ, что невозможно его себѣ представить и описать.

Движеніемъ завѣдывалъ не Мельниковъ, а особое начальство, и мы, какъ производители работъ постройки дороги, не принимали въ этомъ движеніи участія. Вдругъ, внезапно, послѣдовало распоряженіе графа Клейнмихеля, которымъ приказывалось дистанціоннымъ офицерамъ сопровождать всѣ почтовые поѣзда по своей дистанціи.

Исполнить эти распоряженія не было возможности, во всякомъ случаѣ, для дистанцій, въ серединѣ дороги лежащихъ. Напримѣръ, на моей дистанціи петербургскій поѣздъ, по росписанію, проходилъ въ 11 часовъ вечера, а московскій—въ 2 часа ночи. Можно было сопроводить только одинъ изъ двухъ поѣздовъ. Поэтому, мы, между собою, порѣшили сопровождать ежедневно поѣздъ московскій, отъ Бологое до Петербурга, съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ туда сейчасъ же ѣхать обратно съ поѣздомъ, ѣдущимъ въ Москву, и такимъ образомъ приходилось находиться въ пути цѣлыя сутки. Но наше сопровожденіе поѣздовъ не могло измѣнить отчаянныхъ условій движенія. Мы могли только проявлять болѣе или менѣе находчивости въ данныхъ затрудненіяхъ и принимать должныя мѣры, чтобы не заморозить пассажировъ отъ холода и не уморить ихъ отъ голода.

Въ первый же мой обратный путь изъ Петербурга, для сопровожденія почтового поѣзда, я узналъ въ Окуловкѣ, что на пути стоитъ замерзшій поѣздъ и дальше ѣхать нельзя. Распорядившись такъ, чтобы нѣсколько обезпечить пассажировъ отъ голода и холода, я взялъ паровозъ и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы помочь замерзшему поѣзду, пихая его сзади. Доѣхавъ туда, мы, общими усиліями двухъ паровозовъ, несмотря на метель, сдвинули поѣздъ и пошли впередъ. Вдругъ у моего паровоза

лопнулъ болтъ, соединяющій тендеръ съ паровозомъ, и потому послѣдній не могъ быть снабжаемъ водою. Я рѣшился оставить тендеръ, который, въ случаѣ остановки при движеніи, могъ причинить бѣду, наскочивъ на паровозъ. Забравъ, по возможности, больше дровъ на паровозъ, мы тронулись безъ тендера. Когда воды уменьшилось до предѣла возможности, а до предстоящей станціи мы еще не доѣхали, тогда я остановилъ поѣздъ, приказалъ отвинтить рычагъ съ предохранительнымъ клапаномъ и валить на это мѣсто кучи снѣга. Снѣгъ, разумѣется, таялъ съ такою быстротою, что едва успѣвали его подносить. Поднявъ, такимъ образомъ, уровень воды въ котлѣ, я могъ ѣхать далѣе и остановился лишь разъ для того, чтобы перетащить нѣсколько дровъ съ тендера передняго паровоза. Такимъ образомъ, я довелъ поѣздъ до первой станціи, поставилъ его на объѣздной путь и очистилъ дорогу для слѣдующаго поѣзда.

Изъ вышензложеннаго читатель можетъ уже представить себѣ, отчасти, всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ было открыто движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ, и къ какимъ средствамъ приходилось прибѣгать, чтобы кое-какъ поддерживать движеніе и избѣгать основательнаго неудовольствія со стороны пассажировъ. Въ то время появилась, между прочимъ, карикатура, изображающая поѣздъ, стоящій въ сугробахъ снѣга, и пассажировъ, высунувшихся изъ оконъ вагона, съ открытыми ртами, кричащихъ, конечно, о помощи отъ холодной и голодной смерти, и рядомъ лихая тройка, летящая по шоссе.

По поводу временно порученнаго намъ, начальникамъ дистанцій, наблюденія за движеніемъ, я нахожу нужнымъ пояснить слѣдующій фактъ. Въ то время, когда у насъ не было желѣзныхъ дорогъ, то въ Институтѣ путей сообщенія была прочитана, буквально, лишь одна лекція о конструкціи паровозовъ въ общихъ чертахъ. Такимъ образомъ не было въ то время ни одного инженера въ корпусѣ, который былъ бы знакомъ съ этою отраслью знаній, за исключеніемъ лишь общей теоріи сопротивленія движенію по рельсамъ.

Чувствуя такой пробѣлъ въ существенномъ вопросѣ, до желѣзной дороги относящемся, въ чемъ никто не былъ виноватъ, такъ какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ этотъ вопросъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не былъ еще разработанъ, я тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ превосходнаго сочиненія: «*Guide du mécanicien constructeur et conducteur de machines locomotives*», составленнаго четырьмя знаменитыми французскими инженерами, принялся за изученіе означеннаго вопроса.

Вслѣдствіе этого ко времени открытія движенія по Николаевской желѣзной дорогѣ, я ознакомился съ теоретической стороною вопроса, а съ открытіемъ движенія сталъ знакомиться и съ практической стороною дѣла. Для этого я почти ежедневно ѣздилъ съ поѣздами на паровозѣ. Сначала, конечно, высматривалъ, а потомъ самъ сталъ водить поѣзда.

Здѣсь кстати упомяну объ одномъ курьезномъ эпизодѣ: однажды, при отходѣ поѣзда съ Окуловской станціи, я, по обыкновенію, всталъ на паровозъ. Надо сказать, что контрагентъ Уайненсъ, о которомъ будетъ мною сказано въ одной изъ послѣдующихъ главъ,—при заключеніи контракта съ правительствомъ, поставилъ въ условіе, чтобы никто, кромѣ машиниста, или его, Уайненса, агента, не имѣлъ права входить на паровозъ. Такой порядокъ былъ понятенъ, но, конечно, это правило не могло относиться до инженера, завѣдывающаго дистанціей и наблюдающаго за движеніемъ. Но въ интересы контрагента, и интересы слишкомъ существенные, входило то соображеніе, чтобы всѣми мѣрами не допустить инженеровъ до ознакомленія ихъ съ его дѣломъ, и онъ лихорадочно слѣдилъ за этимъ, зная, что они не подготовлены къ данному вопросу. Между тѣмъ, до него не могли не дойти слухи, что на линіи находится инженеръ, который, изучивъ вопросы теоретически, чуть не ежедневно ѣздитъ на паровозахъ и знакомится съ практической стороной дѣла. Вотъ одинъ изъ его агентовъ, находившійся въ Окуловкѣ, обратился къ начальнику станціи съ требованіемъ, чтобы онъ, на основаніи инструкціи, удалилъ меня, какъ посторонняго человѣка, съ паровоза. И вотъ, когда я всталъ на паровозъ, ко мнѣ подошелъ начальникъ станціи и сказалъ:

— Прошу васъ сойти съ паровоза.

Надо замѣтить, что начальникъ станціи былъ подвыпивши.

— Вы, кажется, рехнулись!—отвѣтилъ я,—развѣ вы не знаете, что я начальникъ дистанціи и наблюдаю за движеніемъ. Да развѣ вы въ первый разъ видите меня на паровозѣ?

— Инструкція этого не допускаетъ,—прошу васъ сойти.

— Я не сойду.

— Въ такомъ случаѣ, я позову жандарма,—и онъ привелъ его.

— Удали этого господина съ паровоза,—сказалъ начальникъ станціи

Тогда я сошелъ съ паровоза и внушительнымъ голосомъ сказалъ:

— Если вы осмѣлитесь повторить еще это слово, то не вы меня, а я васъ сейчасъ арестую.

Жандармъ зналъ, конечно, что я начальствующее лицо и въ чинѣ капитана, а начальникъ станціи неизвѣстная личность, только-что откуда-то присланная, а потому, безъ сомнѣнія, исполнилъ бы мое приказаніе. Понятно, что если бы дѣло дошло до этого, то я долженъ бы былъ вступить немедленно въ обязанности начальника станціи; но послѣдній, озадаченный моими словами, удалился, и я поѣхалъ.

Юридически, право было на сторонѣ начальника станціи, такъ какъ инструкція не дѣлала исключеній и гласила: не допускать никого на паровозъ; но если бы я вошелъ на паровозъ, отъѣхавшій хотя бы на 10 саженой отъ станціи, право было на моей сторонѣ.

Этотъ начальникъ станціи въ тотъ же день донесъ рапортомъ по начальству о томъ, что я, вопреки его приказанію и существующей инструкции, поѣхалъ на паровозъ. Мѣстное начальство послало этотъ рапортъ въ Петербургъ, и бывший тогда начальникъ дороги, Крафтъ, который не зналъ меня потому, что онъ былъ до того начальникомъ Южной дирекціи и при томъ отчаянный бюрократъ,—хотѣлъ дать ходъ означенному рапорту; но помощникъ его, инженеръ-полковникъ Зуевъ, задержалъ рапортъ и вызвалъ меня въ Петербургъ. Когда я объяснилъ ему все дѣло, то Крафтъ оставилъ рапортъ безъ послѣдствій.

Вышло однако курьезное стеченіе обстоятельствъ. Вернувшись дня черезъ три изъ Петербурга, упомянутого начальника не было уже на станціи. Въ это время пріѣхала полиція и арестовала его. Оказалось, что сей господинъ, бывший гдѣ-то прежде, кажется, полицейскимъ чиновникомъ, скрывался отъ слѣдствія и суда по какому-то уголовному дѣлу о кражѣ. Поэтому читатель можетъ видѣть, что я имѣлъ право сказать выше, что, при началѣ движенія, начальниковъ станцій «набирали, можно сказать, на толкучемъ рынкѣ».

Прослуживъ года полтора на ремонтѣ, имѣя уже опытность въ постройкѣ и ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ механическою стороною подвижнаго состава, я не пожелалъ оставаться долѣе на ремонтѣ, который не могъ представлять никакого поприща для инженернаго дѣла. Поэтому, я обратился къ начальству съ просьбою о прикомандированіи меня къ Александровскому механическому заводу, рассчитывая образовать себя, такимъ образомъ, въ смыслѣ компетентнаго инженера для постройки паровозовъ и проч.

Между тѣмъ, Александровскій заводъ находился въ рукахъ контрагента Уайненса, который имѣлъ сильное вліяніе въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и, по его интригѣ, просьба моя была отклонена. Тогда я, рассчитывая, для дальнѣйшаго образованія, отправиться за границу, подалъ рапортъ объ отставкѣ. Но представленіе о моей отставкѣ задержалъ у себя, умышленно, начальникъ отдѣленія, пославъ его по начальству лишь въ началѣ января. Это прошеніе и было возвращено назадъ за позднимъ его представленіемъ, такъ какъ въ то время существовало правило—подавать въ отставку не позже 25-го декабря. Получивъ обратно рапортъ, не имѣвшій дальнѣйшаго хода, я сдалъ дистанцію брату и рапортовался больнымъ. По существовавшему тоже правилу, офицеръ, проболѣвшій 4 мѣсяца, увольнялся отъ службы; между тѣмъ меня, безъ всякаго временнаго вступленія на службу и безъ подачи новаго медицинскаго свидѣтельства, отъ службы не увольняли, и я, оставаясь въ такомъ положеніи почти цѣлый годъ, дождался новаго срока и подалъ вторично рапортъ объ отставкѣ, и рапортъ мой дошелъ до гр. Клейнмихеля.

Надо замѣтить, что служба на Николаевской дорогѣ была самою видною въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Бывшій тогда главноуправляющій, графъ Клейнмихель, всегда старался, всѣми мѣрами, не выпускать своихъ подчиненныхъ въ отставку безъ видимой причины, подозрѣвая, что уходящій изъ его вѣдомства чѣмъ-нибудь недоволенъ и намѣренъ перейти въ другое вѣдомство, гдѣ можетъ явиться малымъ или большимъ, враждебнымъ ему элементомъ. Кромѣ того, въ немъ была замѣтна черта самолюбія въ томъ, что онъ умѣетъ оцѣнивать людей лучше, чѣмъ другіе начальники.

Когда графу Клейнмихелю доложенъ былъ мой рапортъ объ отставкѣ, онъ призвалъ самое приближенное къ нему лицо, полковника Серебрякова, и сказалъ ему:

— Что онъ (т. е. я) затѣялъ, какое же онъ можетъ имѣть лучшее положеніе, чѣмъ то, которое онъ занимаетъ, и при томъ лично мнѣ извѣстенъ? Узнай, чего онъ хочетъ?

Когда Серебряковъ обратился ко мнѣ, то я сказалъ:

— Сообщите главноуправляющему, что я не имѣю другаго желанія, какъ примѣнить свою дѣятельность къ серьезному дѣлу, и что на ремонтъ устроенной уже дороги я не вижу поприща для инженера.

Послѣ того не прошло и недѣли, какъ послѣдовалъ приказъ главноуправляющаго слѣдующаго содержанія:

«Инженеръ капитанъ Панаевъ 2-й назначается начальникомъ изысканій особой вѣтви для желѣзной дороги, имѣющей цѣлью развитие каменноугольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ».

Ни начальный, ни окончательный пункты въ приказѣ не были обозначены. Понятно, что эта вѣть должна была примкнуть къ предполагавшейся Черноморской дорогѣ въ какомъ-либо пунктѣ. Я несказанно обрадовался такому порученію, которое открывало мнѣ широкое поле для изученія вопроса, о которомъ я мечталъ. Передо мною явилась территория слишкомъ въ 200 верстъ ширины и болѣе 500 верстъ длины.

Слѣдовательно, я и очутился въ особыхъ условіяхъ, которыя дали мнѣ возможность не только вообще выполнить съ успѣхомъ возложенное на меня порученіе, но и выяснить себѣ многія теоретическія основы для начертанія наивыгоднѣйшихъ линій съ технической стороны,—о чемъ будетъ говорено ниже.

Такимъ образомъ, я и удалился съ Николаевской желѣзной дороги и попалъ опять подъ начальство генерала Мельникова, столь много всѣми нами любимаго.

XXI.

Главные участники постройки Николаевской желѣзной дороги: графы Толь и Клейнмихель; генералы Мельниковъ и Крафтъ.

Теперь я долженъ посвятить нѣсколько страницъ главнымъ участникамъ постройки Николаевской желѣзной дороги.

Мысль объ ея постройкѣ зародилась, конечно, у императора Николая Павловича тогда, когда дана была концессія на устройство Царскосельской желѣзной дороги, въ видѣ опыта. Эту мысль и сталъ преслѣдовать бывший тогда главноуправляющій путями сообщенія графъ Толь.

Графъ Толь, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ героевъ 1812 года и взятія Варшавы въ 1831 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, но, несмотря на это, сознавая, что онъ не специалистъ въ инженерномъ дѣлѣ, избралъ себѣ товарищемъ одного изъ самыхъ талантливыхъ инженеровъ, подходящаго къ такому званію по чину, инженеръ-генераль-лейтенанта Девятина. Затѣмъ, онъ выбралъ двухъ лицъ, молодыхъ, и, убѣдившись въ ихъ познаніяхъ, талантѣ и рыцарской честности, Мельникова и Крафта, отправилъ ихъ за границу, въ Европу и Америку, для изученія желѣзныхъ дорогъ, дабы, по возвращеніи ихъ, поручить имъ устройство нынѣшней Николаевской дороги.

Я поступилъ въ Институтъ путей сообщенія при графѣ Толѣ и оставался тамъ еще при немъ до производства въ офицеры.

Графъ Толь обращалъ особое вниманіе на Институтъ путей сообщенія, т. е. на разсадникъ инженеровъ. Привлекая туда наилучшихъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ, Институтъ при немъ достигъ своего апогея и стоялъ не только не ниже Политехнической парижской школы, съ ея спеціальностями, давшей столько знаменитыхъ людей по всѣмъ отраслямъ, составляющихъ гордость Франціи, но даже—выше ея; ибо въ то время профессорами по математикѣ и соприкосновеннымъ съ нею наукамъ были: гениальный Остроградскій, Буняковский, Чижевъ, Гессъ и Купферъ, академики разныхъ академій, словомъ сказать, европейскія знаменитости. А изъ инженеровъ профессорами были, какъ я уже упоминалъ: Мельниковъ, Кербедзъ, Севастьяновъ и прочія лица, которыя были перечислены выше. Съ такими силами Институтъ, въ полномъ смыслѣ слова, процвѣталъ; лучшимъ доказательствомъ замѣчательной подготовки инженеровъ въ это незабвенное для Института время—служить постройка Николаевской желѣзной дороги. Кромѣ Мельникова и Крафта, видѣвшихъ желѣзныя дороги за границею, ни одинъ инженеръ, изъ находившихся при постройкѣ Николаевской дороги, не видалъ до тѣхъ поръ ничего, кромѣ игрушки—Царскосельской желѣзной дороги.

При графѣ Толѣ продолжалась постройка Московскаго шоссе, строилось Варшавское шоссе, построено много шлюзовъ, въ томъ числѣ извѣстные шлюзы на Ладожскомъ каналѣ.

Въ это же время былъ построенъ замѣчательный мостъ на Московскомъ шоссе у Бронницъ черезъ рѣку Мсту. Впервые въ Россіи была употреблена арочная система для неслыханнаго до того времени большаго отверстія въ 25 саж.

О преемникѣ графа Толя графъ Клейнмихель существовали разныя мнѣнія, въ томъ числѣ его считали чрезвычайно суровымъ, какимъ-то звѣремъ, уподобляющемся графу Аракчееву, изъ школы котораго онъ и вышелъ. Въ дѣйствительности, Клейнмихель былъ до крайности горячъ, нетерпѣливъ, необыкновенно энергиченъ, быстръ въ рѣшеніяхъ и обладалъ характеромъ твердымъ и, въ особенности, независимымъ. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго вышательства, кого бы то ни было, въ дѣла, до него относящіяся, и потому, вскорѣ по вступленіи въ званіе главноуправляющаго путями сообщенія, достигъ *de facto* закрытія дѣятельности образованнаго до него Комитета желѣзныхъ дорогъ.

Приведу одинъ фактъ нетерпимости Клейнмихеля относительно вышательства въ его дѣла. На третій годъ постройки дороги, въ концѣ сезона 1845 г., объѣхалъ работы герцогъ Лейхтенбергскій. Въ то время онъ стоялъ во главѣ корпуса горныхъ инженеровъ, а начальникомъ штаба былъ генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, который и сопровождалъ герцога. Герцогъ имѣлъ порученіе, послѣ объѣзда горныхъ сибирскихъ округовъ, объѣхать и работы Николаевской желѣзной дороги. Послѣ этого объѣзда былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, авторомъ котораго былъ, конечно, Чевкинъ. Послѣдствіемъ означеннаго доклада явилось: потеря Чевкинымъ мѣста начальника штаба и зачисленіе его въ званіе сенатора. Съ тѣхъ поръ и закатилась, на долгое время, звѣзда Чевкина.

Клейнмихель не былъ государственнымъ мужемъ въ широкомъ значеніи этого слова, но онъ былъ очень уменъ, талантливъ и обладалъ особенною опытностью въ вопросахъ административнаго свойства, и потому былъ всегда на мѣстѣ, что бы ни попадало въ кругъ его дѣятельности, а слѣдовательно, превосходнымъ министромъ врученной ему отрасли. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ его не жаловали. Но онъ пользовался такимъ исключительно-громаднымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, какого едва-ли достигалъ кто-либо изъ другихъ министровъ. А потому, онъ рѣшительно не обращалъ вниманія ни на кого, смѣло вступалъ въ борьбу со всѣми и твердо шелъ, помимо всѣхъ возможныхъ препятствій и постороннихъ интригъ, къ цѣли, которую назначилъ себѣ. Не менѣе того, несмотря на свое могущество, мнѣ вспоминается разсказъ моего брата Ліодора, который былъ адъютантомъ штаба и долженъ былъ разъ или два въ недѣлю дежурить у Клейнми-

хеля. Вотъ, что рассказывалъ братъ. Когда Клейнмихель собирался ѣхать къ государю съ докладомъ, онъ множество разъ говаривалъ брату:

— Вѣдь ты знаешь, какимъ довѣріемъ я пользуюсь у государя и какъ онъ меня любитъ, но вѣришь ли ты, что всякій разъ, когда ѣду съ докладомъ, меня бьетъ лихорадка.

Иные и понынѣ характеризуютъ Клейнмихеля названіемъ—писаря, желая этимъ, неприличнымъ для него, названіемъ характеризовать его какъ исключительнаго бюрократа; между тѣмъ, въ дѣйствительности, графъ Клейнмихель представлялъ изъ себя олицетвореннаго врага бюрократическаго порядка. Извѣстно, какъ императоръ Николай презиралъ бюрократическій порядокъ, и уже это одно показываетъ, что исключительный бюрократъ никогда не могъ быть облеченъ тою силою, какою облекъ императоръ Николай I графа Клейнмихеля.

По обыкновенію, каждое лицо, вступающее во главу какого-либо управленія, относится къ прежнему управленію недовѣрчиво и съ предубѣжденіемъ. Такъ и Клейнмихель вступилъ въ новую свою должность съ видимымъ намѣреніемъ подтянуть, какъ говорится, вѣдомство, будто бы распущенное. Между тѣмъ, въ вѣдомствѣ путей сообщенія господствовалъ строгій и весьма рациональный порядокъ по работамъ, постоянно контролируемый особыми инспекторами, назначенными изъ высшихъ инженеровъ, никакого соотношенія къ работамъ не могущихъ имѣть.

Графъ Клейнмихель по своему горячему характеру, тотчасъ же началъ громить направо и налево. Въ первый годъ стали появляться его приказы, занимавшіе десятки страницъ, которые такъ заинтересовали публику, что многіе подписывались на эти приказы. Но онъ скоро увидалъ, что не такъ черенъ чортъ, какъ его малюютъ и, будучи въ душѣ человѣкомъ справедливымъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы загладить слѣды обрушившагося грома на тѣхъ лицъ, которыя не заслуживали того. Въ самомъ непродолжительномъ времени, Клейнмихель полюбилъ вѣдомство путей сообщенія, значительно распространилъ сферу его дѣятельности и, оставаясь громовержцемъ во внутреннемъ управленіи вѣдомствомъ, явился самымъ энергическимъ защитникомъ его передъ другими, такимъ, какого не было ни прежде, ни послѣ. Клейнмихель каралъ, когда это было нужно, своихъ подчиненныхъ, и каралъ жестоко, но никого,—кто бы онъ ни былъ,—не допускалъ обижать или оскорблять ихъ; въ противномъ случаѣ обидчику, при могуществѣ Клейнмихеля, пришлось бы не по нутру.

Графъ Клейнмихель отличался умѣньемъ ставить людей на мѣста, сообразно ихъ способностямъ и знаніямъ и, въ особенности, любилъ въ нихъ энергію. Онъ никогда не удалялъ людей отъ дѣла по личной антипатіи. Напримѣръ, графъ Клейнмихель не жаловалъ Мельникова,

директора работъ Николаевской дороги, по причинѣ сильной разнородности ихъ характеровъ: Клейнмихель былъ огонь и воплощенная энергія, Мельниковъ же былъ холоднаго и спокойнаго характера и не отличался энергіей. Во время постройки Николаевской дороги между ними были непрерывныя столкновенія, и, несмотря на всевозможныя интриги противъ Мельникова, Клейнмихель, уважая въ немъ его познанія, его рыцарскую честность и вообще его достоинства, никогда и не подумалъ замѣнить его другимъ лицомъ. Вообще говоря, Клейнмихель былъ рѣдкій администраторъ; онъ сдѣлалъ многое для урегулированія и поднятія значенія вѣдомства путей сообщенія. Онъ ввелъ новое урочное положеніе, которое, хотя по нѣкоторымъ работамъ, и установило уроки неисполнимые, не менѣе того, по своей обстоятельности, и до сихъ поръ служить основой для составленія смѣтъ на работы.

Кромѣ того, Клейнмихель раздѣлилъ всю Россію на округа, подчинивъ вѣдомству всѣ губернскія строительныя коммиссіи, а, слѣдовательно, почтовые тракты, не говоря, конечно, о шоссе, каналахъ и общественныхъ зданіяхъ, которые состояли уже въ вѣдомствѣ; онъ же издалъ и правила для частныхъ построекъ въ городахъ и проч. Словомъ сказать, все, что только могло относиться къ строительному дѣлу въ государствѣ, все сосредоточивалось въ вѣдомствѣ путей сообщенія. И что же мы видимъ теперь—по прошествіи полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ почтовые тракты и нѣкоторыя шоссе перешли въ вѣдѣніе земствъ? Мы видимъ, что въ теченіе такого огромнаго періода времени, долженствовавшаго ознаменоваться прогрессомъ въ жизни государства, произошло не улучшеніе означенныхъ путей, а ухудшеніе, доходящее до своего предѣла.

Подчинявъ себѣ строительныя коммиссіи, предсѣдателями которыхъ были губернаторы, онъ, тѣмъ самымъ, подчинялъ ихъ себѣ. Не могу умолчать, чтобы не рассказать то, что творилось во время объѣздовъ Клейнмихеля по Россіи. Такъ какъ телеграфовъ не было, то губернаторъ выѣзжалъ заранѣе на границу своей губерніи и ожидалъ проѣзда по два, по три дня, согнавъ, на всякій случай, неизвѣстно зачѣмъ, до 100 и болѣе обывательскихъ лошадей, которыя должны были ожидать проѣзда и развѣхаться затѣмъ по домамъ, не получивъ за это ни копѣйки вознагражденія. Я былъ не разъ свидѣтелемъ подобныхъ фактовъ, вытекавшихъ, конечно, не отъ распоряженій Клейнмихеля.

Клейнмихель объѣзжалъ работы Николаевской дороги два раза въ годъ, весной и осенью, большею частью въ самую распутицу. Объѣзжалъ не для того только, чтобы убѣдиться въ положеніи дѣла, но и для того, чтобы на мѣстѣ разрѣшать разные вопросы. Онъ дотога былъ мало взыскателенъ во время своихъ путешествій, что не разъ, въ распутицу,

когда съ колесной ѣзды надо было переходить на санную, приходилось возить его на дровняхъ, къ которымъ, за ночь, придѣлывали только отводы. Ночевалъ онъ по крестьянскимъ избамъ, пока не были построены казенные дома, у того офицера, гдѣ настигала его ночь. Къ прїѣзду Клейнмихеля часто готовились проекты сооружений и вообще доклады по разнымъ вопросамъ, требующимъ его утверждения. Тутъ же, во время его остановокъ на ночлегъ или обѣдъ, онъ подписывалъ ихъ, зная, что если дѣло пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ, то до утверждения пройдутъ многіе мѣсяцы, и подписывалъ ихъ не безсознательно, а требуя личнаго подробнаго объясненія. Надо замѣтить при этомъ, что Клейнмихель не былъ вполне чуждъ нѣкоторыхъ техническихъ вопросовъ: извѣстно, что онъ былъ главнымъ дѣтелемъ у Аракчеева по постройкамъ въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ, кромѣ гражданскихъ сооружений, устраивались шоссейныя дороги и небольшіе мосты. Не надо упускать тоже изъ виду, что Клейнмихель былъ главнымъ распорядителемъ по возобновленію Зимняго Дворца послѣ пожара, истребившаго его въ 1837 году. Дворецъ былъ возстановленъ въ теченіе менѣе одного года, т. е. въ такой срокъ, о которомъ никто не могъ бы и помыслить. Безъ энергіи Клейнмихеля это устройство никогда не было бы осуществлено въ означенный срокъ. Но такова была воля императора, и Клейнмихель привелъ эту волю въ исполненіе, за что и получилъ графское достоинство. Можно ли было повернуть такъ быстро дѣло при бюрократическомъ, писарскомъ порядкѣ?

Какъ опытный администраторъ, Клейнмихель зналъ, что въ описанномъ выше фактѣ ¹⁾ все будетъ зависѣть отъ дистанціонныхъ офицеровъ, производителей работъ, и потому самъ, помимо департамента, директора работъ и начальниковъ участка, разсуждалъ, при первомъ же, послѣ означеннаго эпизода, проѣздѣ по работамъ, непосредственно съ дистанціонными офицерами, требовалъ отъ нихъ указанія средствъ для достиженія цѣли, и, затѣмъ, при нихъ объявлялъ начальствующимъ лицамъ, чтобы они исполняли немедленно всѣ требованія производителя работъ; а ему, тутъ же, приказывалъ доносить прямо ему, Клейнмихелю, о томъ, если требованія его, производителя работъ, не будутъ исполнены. Спрашивается теперь: былъ ли это бюрократъ, обзываемый писаремъ, или это былъ человѣкъ существа дѣла? Заботясь безустанно объ ограниченіи возможныхъ злоупотребленій, Клейнмихель брался за корень. Онъ преслѣдовалъ въ этихъ случаяхъ не только Фауста, но обрушался всею силою свойственной ему энергіи и на Мефистофеля.

Я приведу здѣсь одинъ случай, который, впрочемъ, былъ уже разсказанъ мною подробно въ одной изъ моихъ статей, напечатанной въ

¹⁾ Ускоренія постройки дороги для проѣзда императора Николая.

№ 85 «С.-Петербургских Вѣдомостей» за 1883 годъ. Департаментъ желѣзныхъ дорогъ заключилъ контрактъ на поставку шпалъ и продольныхъ лежней на всю Николаевскую дорогу съ извѣстными европейскими торговцами лѣсомъ: Громовымъ и Скрябинымъ. По контракту, эти подрядчики обязывались сдать весь матеріалъ, до 2.000.000 штукъ, только въ 3-хъ пунктахъ на рѣкахъ Волгѣ, Мстѣ и Волховѣ. Клейнмихель былъ въ восторгѣ отъ приобрѣтенія въ подрядчики такихъ капитальныхъ тузовъ лѣсной торговли, какими были Громовъ и Скрябинъ. Контрактъ съ ними былъ заключенъ по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, со внесеніемъ подрядчиками законныхъ залоговъ и т. д. Затѣмъ, контрактъ этотъ былъ разосланъ, чрезъ Мельникова и начальниковъ отдѣленій, дистанціоннымъ офицерамъ съ предписаніемъ составить смѣты, по урочному положенію, на развозку по линіи дороги матеріаловъ изъ упомянутыхъ пунктовъ, выбирая ближайшій къ мѣсту работъ.

Оказалось, что въ отдаленныхъ мѣстахъ работъ шпалы обходились бы отъ 4 до 5 руб. за штуку, тогда какъ дѣйствительная стоимость шпалы не превышала, въ то время, 30 коп.

Мельниковъ не замедлилъ донести Клейнмихелю о безобразномъ контрактѣ, заключенномъ департаментомъ. Клейнмихель, уразумѣвъ, конечно, подкладку дѣла, не задумался ни минуты; онъ призвалъ къ себѣ подрядчиковъ и предложилъ три условія: или прогуляться по владимірскѣ, или отказаться отъ контракта, или поставить всѣ шпалы и доски по всей линіи, а не въ 3-хъ пунктахъ, съ надбавкою нѣсколькихъ процентовъ къ той цѣнѣ, которая значится въ контрактѣ.

Графъ Клейнмихель шутить не любилъ и былъ человѣкъ энергическій, который не преклонялся, вообще, передъ принципомъ «свершившагося факта» потому только, что тотъ или другой фактъ совершался съ соблюденіемъ установленныхъ формъ и правилъ. Характеръ и воззрѣнія графа были всѣмъ не безызвѣстны, а потому подрядчики, конечно, въ виду приличнаго внушенія, имъ сдѣланнаго, предпочли послѣднее предложеніе, съ надбавкою, кажется 40 проц. или 50, т. е. обязались на означенныхъ условіяхъ ставить поперечины по всей линіи, а не въ трехъ пунктахъ. Такимъ образомъ, цѣна на поперечины была установлена болѣе умѣренная въ предѣлахъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к., или 1 р. 50 к.,—точныхъ цифръ не помню. Переходъ отъ перспективы въ 5 р. къ 1 р. 50 к. былъ, конечно, громадною побѣдою. Какъ же, въ дѣйствительности, совершилась операція поставки поперечинъ? Громовъ и Скрябинъ, не шевелясь и не расходуя ни одной копѣйки, роздали поставку поперечинъ по линіи разнымъ другимъ подрядчикамъ. На самомъ невыгодномъ для нихъ участкѣ они сдали поставку поперечинъ одному подрядчику по 70 к. за штуку. Этотъ подрядчикъ роз-

далъ поставку мелкимъ поставщикамъ по 25 и 27 к. Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и цѣна поставки въ тѣхъ мѣстахъ не превышаетъ, кажется еще и теперь, 70 к. за штуку.

Что бы сказали современные юристы и юрисконсульты о поступкѣ Клейнмихеля? Насиліе! незаконіе! произволъ! закричали бы они. Между тѣмъ, подрядчики не только не пострадали, а имѣли и при новыхъ условіяхъ огромный барышъ. Устроителямъ контракта, администраторамъ, конечно, дѣло это не прошло совершенно безнаказанно, но юридически всѣ были правы, и администраторы, и подрядчики. Клейнмихель былъ бичъ и наводилъ ужасъ на всякаго, кто стремился къ злоупотребленіямъ, и билъ его, какъ я уже сказалъ, въ корень.

Клейнмихеля упрекали въ грубой манерѣ обращенія съ людьми; между тѣмъ, онъ обладалъ особеннымъ тактомъ въ этомъ отношеніи, что случалось мнѣ наблюдать много разъ, такъ какъ во время его объѣздовъ Николаевской дороги ему всего чаще приходилось ночевать или обѣдать у меня. Съ одними онъ былъ дѣйствительно грубоватъ, съ другими же былъ вполнѣ джентльменомъ; но на всѣхъ постоянно производилъ впечатлѣніе могущества, и это приносило большую пользу для всего, имъ управляемаго.

Клейнмихель, сознавая особенную горячность своего характера, нерѣдко допускалъ, чтобы доклады читалъ ему одинъ мелкій чиновникъ его канцеляріи, очень талантливый, но вышедшій, кажется, изъ писарей. Докладчикъ же, т. е. директоръ департамента или начальникъ отдѣленія, ожидалъ въ это время взгляда Клейнмихеля на представленный докладъ. Если Клейнмихель былъ недоволенъ докладомъ, то или рвалъ его тутъ же на клочки, или срывалъ свое сердце на чтецѣ доклада.

Въ послѣднія времена, разныя газеты, находясь въ полномъ невѣдѣніи, при всякомъ удобномъ случаѣ, глумятся надъ памятью Клейнмихеля. Опроверженія на разный, печатаемый ими вздоръ, которыя я дѣлалъ, газеты не помѣщаютъ на томъ основаніи, что законъ не ограждаетъ памяти умершихъ, и я являюсь въ этомъ случаѣ совершенно постороннимъ человѣкомъ.

Еще недавно, одна газета, для очерненія характера Клейнмихеля, привела фактъ, представляющій вопіющій вздоръ, который она выдала за истину. Я написалъ опроверженіе, котораго, конечно, газета не помѣстила, а цензурный комитетъ, а равно и главное управленіе по дѣламъ печати, не имѣя на подобные случаи твердаго закона, не сочли себя въ правѣ обязать газету къ напечатанію означеннаго опроверженія.

Мое опроверженіе заключалось въ слѣдующемъ, которое считаю не лишнимъ, вообще, привести здѣсь.

Въ одной газетѣ напечатана была статья, подъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго», г. Александровымъ. Статья эта представляетъ такую вопіющую неправду, что каждый порядочный человѣкъ, имѣющій возможность опровергнуть ее, обязанъ исполнить это. Я находился на Николаевской ж. д. въ продолженіе 12 лѣтъ, съ самаго начала ея постройки, и былъ товарищемъ Журавскаго. Поэтому я и принимаю эту обязанность на себя. Изложенные въ статьѣ факты полная выдумка, неизвѣстно откуда заимствованная.

Статья повѣствуетъ, что главноуправляющій графъ Клейнмихель, сопровождая императора Николая Павловича, ѣздившаго первый разъ по Николаевской ж. д., для осмотра ея работъ, не приказалъ назначить остановку поѣзда на Мстинскомъ мосту, строителемъ котораго былъ молодой инженеръ Журавскій, не пользовавшійся будто бы любовью Клейнмихеля за то, какъ намекаетъ г. Александровъ, что этотъ инженеръ обладалъ всестороннимъ образованіемъ, особеннымъ умомъ и энергіей, и что его-де держали въ вѣдомствѣ путей сообщенія по необходимости. Обиженный будто бы такимъ распоряженіемъ Клейнмихеля, Журавскій задумалъ насолить ему и рѣшился самопроизвольно и нагло остановить царскій поѣздъ на построенномъ имъ мосту.

Между тѣмъ, вотъ дѣйствительные факты:

1) Журавскій строилъ мостъ не черезъ Мсту, а черезъ Веребью.
2) Клейнмихель не только не недолюбливалъ Журавскаго, а гордился имъ, какъ гордился имъ и директоръ постройки инженеръ-генералъ Мельниковъ (впослѣдствіи министр), и они оба относились къ Журавскому съ особеннымъ почетомъ.

3) Никакой, однако, необходимости въ Журавскомъ не было. Мосты, подобные тому, который строилъ Журавскій, возводились и на другихъ пунктахъ Николаевской ж. д., напримѣръ: на Мстѣ и Сходнѣ, а также на Волховѣ, Волгѣ и Тверцѣ. Слѣдовательно, въ способныхъ и дѣльных инженерахъ-строителяхъ недостатка не было.

4) Самымъ выдающимся сооруженіемъ на Николаевской ж. д. былъ, конечно, мостъ черезъ Веребью, который имѣлъ 25 сажень высоты и 275 саж. длины, построенный по особой, новой американской системѣ. Подобнаго сооруженія не было тогда ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Этимъ сооруженіемъ желали блеснуть графъ Клейнмихель и Мельниковъ, и потому, на этомъ мосту, была назначена остановка, особенно продолжительная, въ сравненіи съ другими пунктами. Чтобы видѣть всю грандіозность сооруженія, надо было спуститься въ долину рѣчки Веребьи; для этого и было все приготовлено для государя. Государь спустился внизъ, прошелъ поперекъ всю долину и, такимъ образомъ, увидѣлъ картину моста во всемъ блескѣ.

5) Въ то время, когда государь шелъ по долинѣ, съ одного берега

на другой, поѣздъ долженъ былъ переѣхать мостъ на противоположную сторону. Мостъ, только-что оконченный, былъ, конечно, превосходно окрашенъ, и все блестяло; но не гармонировали съ этимъ блескомъ лишь ржавые рельсы, по которымъ не было еще ѣзды, шлифующей ихъ; главному десятнику, находившемуся при постройкѣ моста, показалось это некрасивымъ и, не будучи, конечно, знакомъ съ условіями движенія паровозовъ, онъ выкрасилъ рельсы, передъ самымъ проходомъ поѣзда, черной масляной краской. Само собою разумѣется, что какъ только поѣздъ вѣхалъ на мостъ, то колеса паровоза стали буксовать. Тогда немедленно бросились рабочіе стирать краску и посыпать рельсы пескомъ. Все это происходило тогда, когда государь переходилъ долину по низу. Такимъ образомъ, задержки въ остановкѣ противъ росписанія не было, и государь тутъ же поздравилъ Журавскаго съ чиномъ подполковника и крестомъ св. Владиміра.

Вотъ истина.

Между тѣмъ, газета приписала Клейнмихелю низкое, изъ какой-то злобы на молодого подчиненнаго, намѣреніе не показать государю самое важное на Николаевской ж. д. сооруженіе, и что, въ довершеніе всего, Клейнмихель посадилъ Журавскаго на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту, тогда какъ ничего подобнаго не было.

Еще при жизни Клейнмихеля кто-то пустилъ въ ходъ одинъ анекдотъ, который, послѣ его смерти, выдавался газетами за истину. Клейнмихель былъ необыкновенно аккуратенъ въ исполненіи назначаемыхъ имъ, для того или другаго, часовъ, и приказывалъ напоминать ему объ этомъ. Вотъ однажды, ночью, кажется, въ Вышнемъ-Волочкѣ, ему доложили, что пора ѣхать туда, куда было назначено.

— Еще рано, — сказалъ Клейнмихель, посмотрѣвъ на свои часы, поставленные по Петербургскому времени.

— Нѣтъ, не рано, ваше сіятельство; по здѣшнему меридіану уже столько-то часовъ.

— Что за глупости, чтобы каждый городишко имѣлъ свой меридіанъ, — отвѣтилъ Клейнмихель и приказалъ переводить свои часы, во время его путешествія, по мѣстнымъ меридіанамъ.

И вотъ недоброжелатели Клейнмихеля вздумали цитировать его отвѣтъ, какъ фактъ будто бы вопіющаго его невѣжества.

По поводу нѣсколькихъ, высказанныхъ мною эпизодовъ, я вспоминаю одинъ фактъ, имѣющій связь съ усами, которыхъ до Клейнмихеля инженеры не имѣли права носить.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, бывшій репетиторомъ при Институтѣ путей сообщенія изъ какого-то второстепеннаго предмета, сталъ появляться на репетиціи съ обвязанными платкомъ щеками, сильно не выбритыми.

Мы полагали, что у него болят щеки или зубы, и, наконецъ, долгое время, пересталъ показываться на репетиціи. Одинъ изъ посѣтившихъ этого офицера разсказалъ, что онъ засталъ его дома выбритымъ, но съ отросшими значительно усами, и что онъ объявленъ женихомъ молодой дѣвушки, баронессы Т..., дочери директрисы Патріотическаго института. Въ это время, случилось, что государь посѣтилъ Патріотическій институтъ, и молодая баронесса была представлена государю, какъ невѣста. Государь поздравилъ ее; но въ ту же минуту баронесса бросилась на колѣни, сказавъ, что она имѣетъ большую просьбу.

— Что такое?—спросилъ государь.

— Ваше величество, окажите милость, разрѣшите носить усы моему жениху.

Понятно, что государь разсмѣялся; но относительно его отвѣта версій было много, клонившихся не въ пользу молодой баронессы.

Однако, по прошествіи года, или нѣсколько болѣе, появился приказъ Клейнмихеля о разрѣшеніи инженерамъ носить усы.

И такъ, — уже изъ тѣхъ немногихъ приведенныхъ фактовъ сдѣланной мною правдивой характеристики графа Клейнмихеля, которую, конечно, подтверждать всѣ лица, служившія въ его время,—онъ былъ, какъ видно, въ высшей степени замѣчательный администраторъ.

Но графу Клейнмихелю можно сдѣлать одинъ весьма важный упрекъ: онъ реформировалъ Институтъ путей сообщенія и обусловилъ тѣмъ начало его паденія, въ чемъ помогало ему угодливое новое начальство Института, не нашедшее въ себѣ смѣлости и духа разъяснить Клейнмихелю прежнее высокое значеніе этого заведенія, которое, до того времени, пользовалось уставомъ, подобнымъ уставу Парижской политехнической школы, каковой уставъ послѣдней остается до сихъ поръ почти неприкосновеннымъ со временъ Наполеона I, а школа эта, конечно, можетъ считаться наилучшимъ образовательнымъ и воспитательнымъ заведеніемъ во всемъ мірѣ.

Обращаюсь теперь къ Мельникову. Блестящія способности, быстрота соображенія и вообще талантливость Мельникова были замѣчены еще тогда, когда онъ учился въ Институтѣ путей сообщенія. Тогдашній главноуправляющій, герцогъ Александръ Виртембергскій, посѣщавшій нерѣдко Институтъ, не разъ вызывалъ Мельникова послѣ окончанія лекцій и приказывалъ ему повторить сейчасъ же лекцію, только что оконченную профессоромъ, по предметамъ высшей математики или механики. Герцогъ вообще гордился Мельниковымъ, и репутація послѣдняго была такъ громка, что имъ гордилось все вѣдомство путей сообщенія. Его служебный путь былъ, можно сказать, триумфальнымъ шествіемъ. Мельниковъ былъ сначала репетиторомъ, вполнѣдствіи бле-

стящимъ профессоромъ прикладной механики, и въ то же время исполнять разныя порученія. Такъ, напимѣръ, когда былъ снесенъ бурей верхній куполъ Троицкаго собора, то ему поручено было построить новый куполъ, который онъ выстроилъ по своей, очень остроумной, системѣ, и который до сихъ поръ, болѣе полустолѣтія, стоитъ цѣль и невредимъ. Модель этого купола можно видѣть въ музеѣ Института путей сообщенія.

Когда въ Европѣ начали строить желѣзныя дороги, то Мельникова отправили за границу для изученія ихъ. По возвращеніи, онъ продолжалъ быть профессоромъ въ Институтѣ; но когда императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ уже строить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву, Мельникова вновь отправили за границу, поручивъ ему, по его же предложенію, ознакомиться преимущественно съ дорогами въ Соединенныхъ Штатахъ.

По возвращеніи въ этотъ разъ Мельникова изъ Америки, неотлагательно былъ рѣшенъ вопросъ о постройкѣ дороги между Петербургомъ и Москвою, и онъ назначенъ былъ начальникомъ Сѣверной дирекціи, отъ Петербурга до Бологова, а начальникомъ Южной дирекціи былъ назначенъ Крафтъ.

Во время производства работъ, Мельниковъ, хотя и не былъ единственнымъ начальникомъ всей дороги, но, не менѣе того, онъ положительно былъ душою всего дѣла и учителемъ всего и всѣхъ по техническимъ вопросамъ, и учителемъ великимъ. Въ то время, какъ я уже упоминалъ выше, на Николаевской дорогѣ не было ни одного инженера, не только знакомаго съ постройками желѣзныхъ дорогъ, но и выдавшаго ихъ кромѣ игрушки—Царкосельской дороги. А какъ построена Николаевская дорога,—извѣстно всему свѣту. Этотъ фактъ доказываетъ и силу учителя, а равно, какъ было уже сказано выше, основательное образованіе инженеровъ, дававшееся до того времени въ Институтѣ путей сообщенія.

Система управленія Мельниковымъ отличалась полнымъ отсутствіемъ формализма, бюрократизма и педантизма. Производители работъ были абсолютно избавлены отъ переписки, а потому могли вполне отдаваться своему дѣлу. Единственная письменная обязанность производителя работъ заключалась въ написаніи, разъ въ мѣсяцъ, одного неизбежнаго рапорта: «деньги на жалованье», или «разѣзды, присланныя при такомъ-то предписаніи, получены и на приходъ такую-то статью въ книгу записаны». Мельниковъ очень часто объѣзжалъ работы, входилъ самъ во все и на мѣстѣ давалъ разрѣшенія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ стѣснялъ инициативу производителей работъ; напротивъ, онъ всячески поощрялъ въ нихъ инициативу и радовался, когда они придумывали что-нибудь новенькое, или дѣлали въ проектахъ какое-либо

измѣненіе къ лучшему. Такимъ образомъ, онъ не только управлялъ работами, но и сознательно готовилъ людей къ самостоятельной дѣятельности.

Всѣ подчиненные не только любили и искренно уважали Мельникова, но, можно сказать, обожали его.—Долгое время инженеры жили по деревнямъ въ крестьянскихъ избахъ, въ глуши, нерѣдко, среди лѣсовъ и болотъ и безвыѣздно проводили тамъ годы. Мельниковъ сильно вліялъ на поддержаніе духа и на поднятіе нравственной стороны своихъ подчиненныхъ. Его посѣщенія работъ были, въ полномъ смыслѣ слова, праздниками для инженеровъ. Онъ проводилъ по нѣсколько дней вмѣстѣ со всѣми въ избѣ. Зачастую всѣ спали въ повалку на полу, на сѣнѣ или соломѣ,—покрытыхъ чѣмъ Богъ послалъ. Нетребовательность Мельникова въ отношеніи собственнаго комфорта была, можно сказать, легендарною; на примѣръ, несмотря на свои годы и высокое занимаемое имъ въ то время положеніе, онъ не имѣлъ своего экипажа и разѣзжалъ по работамъ на перекладныхъ тарантасикахъ. Будучи человѣкомъ высоко-образованнымъ, путешествовавшимъ за границей,—что въ то время была большая рѣдкость—и видѣвшимъ многое, онъ, во время своихъ посѣщеній, рассказывалъ такъ, что мы заслушивались. Его взгляды были возвышенны, глубоко нравственны и чисты. Вообще Мельниковъ дѣйствовалъ на своихъ подчиненныхъ обаятельно, и его принимали за образецъ, которому всякій хотѣлъ уподобиться.

По поводу системы управленія Мельниковымъ своею Сѣверною дирекціею, гдѣ онъ абсолютно изгналъ бюрократизмъ, я долженъ сказать, что на Южной дирекціи, которою управлялъ Крафтъ, характеръ управленія былъ діаметрально противоположный;—тамъ царилъ отчаянный бюрократизмъ, переходящій за предѣлы возможности.

Но прежде нежели характеризовать степень этого бюрократизма, я расскажу нѣчто объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Мельниковымъ и Крафтомъ.

Мельниковъ и Крафтъ оба были выдающимися инженерами, имѣвшими громкую репутацію, и среди высшаго начальства, и среди корпуса инженеровъ, какъ людей свѣдущихъ, умныхъ, честныхъ и благородныхъ; вотъ ихъ-то и намѣтилъ гр. Толь для предполагавшейся постройки Николаевской ж. д., а потому и послалъ ихъ вмѣстѣ въ Америку. Однако, почти всѣмъ казалось, что Мельниковъ стоитъ нѣсколько выше по веобыкновенно-блестящимъ своимъ способностямъ, ширинѣ взглядовъ и даже по образованію. Кромѣ того, онъ имѣлъ уже извѣстность практическаго строителя, пріобрѣтенную замѣчательной и имъ самимъ придуманной системою постройки Троицкаго купола, и затѣмъ былъ блестящимъ профессоромъ практической механики, о чемъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ.

Мельниковъ и Крафтъ были совершенно противоположныхъ характеровъ. Мельниковъ былъ человѣкъ общительный, откровенный. Крафтъ, наоборотъ, былъ человѣкъ не экспансивный, сдержанный, скрытный и самый строгій формалистъ въ сношеніяхъ съ людьми.

Одинъ былъ вѣрнымъ представителемъ русскаго, веселаго характера и исключительнаго таланта; другой былъ представителемъ усидчиваго, неподвижнаго нѣмецкаго педанта. Оба отправились въ путешествіе вмѣстѣ и работали сначала обоюдно, но, въ концѣ концовъ, разладили и разбѣхались.

При исключительныхъ способностяхъ, Мельниковъ быстро научился англійскому языку и потому могъ легко входить въ сношенія съ американскими инженерами и вообще съ тамошними людьми, которыхъ привязывалъ къ себѣ простотой своего обращенія. А Крафту языкъ давался туго, и, по сдержанности своей, онъ не могъ привязывать людей.

Когда Мельниковъ и Крафтъ вернулись въ Петербургъ, то отталкивающія отношенія были настолько сильны, что они рѣшительно не видѣлись другъ съ другомъ, за исключеніемъ официальныхъ встрѣчъ. Между тѣмъ постройку Николаевской ж. д. раздѣлили на двѣ половины и ввѣрили ихъ этимъ лицамъ.

Разладъ между ними былъ извѣстенъ гр. Толю при ихъ назначеніи, и, въ особенности, видѣлъ его гр. Клейнмихель. Когда онъ объѣзжалъ работы по Николаевскій ж. д., одинъ долженъ былъ откланиваться съ нимъ въ раздѣльномъ пунктѣ, въ Бологомъ, а другой встрѣчалъ его. При этихъ неизбѣжныхъ встрѣчахъ Мельникова и Крафта, они никогда не подавали другъ другу руки. Клейнмихель менажировалъ означенныя отношенія и никогда не сводилъ ихъ у себя вмѣстѣ, несмотря на общность интересовъ двухъ дирекцій.

Мельниковъ, какъ я уже упоминалъ, объѣзжалъ работы каждый мѣсяцъ, а не рѣдко и чаще, оставаясь иногда въ томъ или другомъ пунктѣ по нѣсколько дней. Вслѣдствіе этого, упрощались всѣ распоряженія по работамъ. Крафтъ же объѣзжалъ разъ въ годъ и то не всегда. Сообразно этому и начальники участковъ и дистанцій сносились исключительно на бумагахъ.

На пути между Петербургомъ и Москвой назначены были къ постройкѣ три станціи I-го класса: Вишерская, Бологовская и Тверская, а между ними назначены были станціи 2-го класса: Любаньская, Окуловская, Спировская и Клинская. Пассажирскія станціи, какъ 1-го, такъ и 2-го класса, были одинаковы повсюду. Разница состоитъ въ томъ, что станція 1-го класса гораздо длиннѣе станціи 2-го класса.

Передъ приступомъ къ постройкѣ зданія, начальникъ дистанціи въ Клину получилъ отъ начальника участка чертежъ для Клинской станціи

2-го класса. Между тѣмъ, канцелярія участка выслала ему чертежъ пассажирской станціи 1-го класса, а надпись на этомъ чертежѣ гласила: Клинская станція 2-го класса.

Начальникъ дистанціи приступилъ къ работамъ, возвелъ фундаментъ и часть перваго этажа зданія. Тогда только начальникъ участка, при объѣздѣ линіи, замѣтилъ огромную ошибку. Оставалось, конечно, сломать часть возведеннаго зданія, за каковую работу надо было заплатить подрядчику; но изъ какихъ суммъ? Пока размышляли, какъ помочь горю, вскорѣ наѣхалъ Клейнмихель, которому, въ виду не рѣшеннаго еще ничѣмъ вопроса, не доложили о случившемся обстоятельстве. Клейнмихель, осмотрѣвъ за нѣсколько часовъ работы по Тверской станціи 1-го класса, пріѣхалъ на Клинскую станцію и, обходя работы, вдругъ остановился и спросилъ: «Развѣ, здѣсь, въ Клину назначена станція 1-го класса?» — Послѣ того умалчивать о случившемся грѣхъ было уже не возможно. Клейнмихель не приказалъ ломать излишне построеннаго, а разрѣшилъ продолжать строить пассажирское зданіе 1-го класса. Но начальникъ участка былъ удаленъ съ желѣзной дороги и получилъ другое назначеніе на Кавказѣ.

При посѣщеніи насъ Мельниковымъ, мы, дистанціонные офицеры, были въ полномъ курсѣ всего, чтѣ относилось до постройки дороги. И потому, если бы подобный канцелярскій промахъ случился на Сѣверной дирекціи, то начальникъ дистанціи тотчасъ увидалъ бы ошибку въ присланномъ чертежѣ и, конечно, до разъясненія дѣла, не приступилъ бы къ работамъ. Тамъ же, на Южной дирекціи, гдѣ господствовало бюрократическое отношеніе къ дѣлу, начальникъ дистанціи не былъ ни сколько виноватъ: онъ исполнялъ полученное имъ предписаніе, въ полной увѣренности, что исполняетъ должное. Приведенный мною фактъ, кажется, довольно рельефно обрисовываетъ зло бюрократическихъ порядковъ.

Дорога была открыта въ концѣ 1851 года; она обошлась дорого, и невѣдающіе люди думали обвинять въ этомъ директоровъ работъ и вообще мѣстныхъ инженеровъ; между тѣмъ, тѣ и другіе были ни при чемъ: всѣ контракты заключались въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, т. е. въ учрежденіи бюрократическомъ и потому безответственномъ. Упрекали также директоровъ и инженеровъ въ медленности работъ; они и въ этой медленности ни при чемъ. Во-первыхъ, работы производились въ размѣрѣ, сообразномъ съ ассигнуемыми годовыми бюджетами, а въ теченіе 1848 и 1849 годовъ работы были почти совсѣмъ пріостановлены, ибо суммы, которыя были ассигнованы на желѣзную дорогу, были обращены на венгерскую кампанію и на другія военныя потребности; во-вторыхъ, неисправность многихъ подрядчиковъ,—что замедляло ходъ работъ,—нисколько не зависѣла ни отъ директоровъ работъ, ни во-

обще отъ мѣстныхъ инженеровъ, ибо хозяйственной системы работъ на Николаевской дорогѣ не было.

По окончаніи Николаевской дороги, Мельниковъ былъ назначенъ начальникомъ изысканій отъ Москвы въ Крымъ съ подлежащими развѣтвленіями. Затѣмъ, по назначеніи главноуправляющимъ Чевкина, преемникомъ котораго явился Мельниковъ лишь въ 1862 году, ему мало приходилось работать собственно по прямой служебной дѣятельности. Въ этотъ промежутокъ времени онъ обратилъ свое вниманіе на развитіе частнаго пароходства по Волгѣ и организовалъ Волго-Донское Общество, которое, подъ его главнымъ руководствомъ, построило дорогу между Волгой и Дономъ и положило начало пароходству по Дону. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался своими трудами содѣйствовать учрежденію Общества пароходства и торговли въ Черномъ морѣ для плаванія по немъ и за границу.

Въ 1862 году Мельниковъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія. Первою его заботою было достигнуть устройства желѣзныхъ дорогъ правительствомъ; съ большимъ трудомъ онъ достигъ этого и распорядился постройкою дороги отъ Москвы до Курска. Но сферы, симпатизирующія концессионерамъ и враждебныя постройкѣ дорогъ правительствомъ, взяли верхъ. Мельниковъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ и былъ вынужденъ соглашаться на концессіи лицамъ, не представлявшимъ никакой гарантіи для правительства—ни матеріальной, ни нравственной. Наплывъ въ то время разныхъ учредителей, выѣзжавшихъ изъ невѣдомыхъ щелей, можно считать не единицами, а многими десятками; сдѣлана была попытка къ ограниченію этихъ господъ, жаждавшихъ лакомага кусочка, но и это ограниченіе было обойдено подъ прикрытіемъ земствъ.

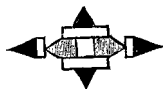
Я высказалъ большія достоинства и заслуги Мельникова, но справедливость требуетъ сказать, что онъ не былъ устойчиваго характера; онъ не жаловалъ борьбы и уступалъ большею частью натиску. Этой уступчивости и надо приписать раздачу желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, вопреки его взглядамъ; уничтоженіе извѣстныхъ правъ инженеровъ при ихъ выпускѣ и ограниченіе вообще сферы дѣятельности министерства путей сообщенія отдачею въ другія вѣдомства разныхъ отраслей вѣдѣнія сего министерства, которыя, къ сожалѣнію, по естественной причинѣ, и пришли нынѣ въ полный упадокъ.

Мнѣ хорошо извѣстны разсужденія Мельникова въ то время: «Да! ничего не подѣлаешь, надо уступать; но я утѣшаюсь тѣмъ, что неурядица скоро должна исчезнуть, ошибки можно впослѣдствіи исправить, и потери со временемъ тоже вознаградятся; но дороги нужны обширной

Россіи, она покроеся сѣтью, это главное, и каждая верста построенной желѣзной дороги есть благо».

Итакъ, Мельниковъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей, съ яснымъ и быстрымъ умомъ, былъ человѣкомъ, которымъ Россія можетъ гордиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

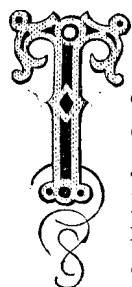

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXII ¹⁾.

Житье-бытье во время постройки Николаевской желѣзной дороги.— Сосѣдніе помѣщики.— Семейство Квашинныхъ-Самаринныхъ — Дѣвица-отшельница.— Ея братъ, пропавшій безъ вѣсти.— Моя женитьба на дѣвицѣ Мельгуновой, племянницѣ отшельницы.

Теперь расскажу о нашемъ житье-бытьѣ на 6-мъ участкѣ, внѣ служебныхъ обязанностей, во время постройки Николаевской дороги. Я уже сказалъ, что я съ братомъ поселились въ деревнѣ Кузнецовѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ участка Семичевымъ, и что въ той же деревнѣ жилъ товарищъ Поземковский ²⁾. Кромѣ нихъ были еще товарищи: баронъ Черкасовъ, Шанковъ, жившіе въ другихъ деревняхъ, и Миклуха-Маклай, который былъ гораздо старше насъ, уже женатъ и имѣлъ дѣтей. Въ это-то время и подрасталъ будущій извѣстный герой Гвиней. Миклуха жилъ верстахъ въ 25 отъ центра, т. е. отъ Кузнецова, и прѣзжалъ туда рѣдко. Всѣ же остальные офицеры нашего 6-го участка непрерывно видѣлись другъ съ другомъ, жили дружно и составляли какъ-бы одну семью.

Сначала, около трехъ лѣтъ, мы вообще жили по окрестнымъ деревнямъ; но впослѣдствіи, при развитіи работъ, правительство разрѣшило

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1901 годъ.

²⁾ Впослѣдствіи, въ чинѣ тайнаго совѣтника, членъ Совѣта Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

постройку домовъ для насъ, т. е. для производителей работъ. Стоимость этихъ домовъ, по даннымъ чертежамъ, была исчислена по 2.500 руб. Этотъ расходъ былъ признанъ большимъ, и потому правительство отпустило офицерамъ по 1.600 руб. съ разрѣшеніемъ строить дома по усмотрѣнію каждого, безъ опредѣленнаго плана. За эту цѣну, вслѣдствіе случайной дешевизны лѣса, мнѣ удалось построить довольно большой домикъ, а именно въ 6 саж. дл. и 6 саж. шир., съ мезониномъ, и онъ былъ больше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Я сошелся дружески съ Семичевымъ (впослѣдствіи строитель Московско-Курской ж. д.). Это былъ человѣкъ очень умный, серьезный и хотя не имѣлъ совсѣмъ свѣтскаго образованія, но былъ человѣкъ развитой, такъ что бесѣды съ нимъ не могли быть скучными, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ русскую литературу. Характера онъ былъ однако мрачнаго, очень твердаго и несообщительнаго, не менѣе того, во взглядахъ на жизнь и людей, мы во многомъ сходились.

Семичева нѣтъ уже на свѣтѣ, нѣтъ и другаго нашего товарища, барона Ивана Ивановича Черкасова. Это былъ одинъ изъ самыхъ милѣйшихъ, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни. Съ свѣтской точки зрѣнія, онъ былъ весьма образованъ, но былъ человѣкъ не вполне развитой вслѣдствіе особеннаго рода воспитанія. И потому, въ его характерѣ было необыкновенно много оригинальнаго, типичнаго, заслуживающаго, быть можетъ, описанія; но это завекло бы меня далеко. Всѣ, кто только зналъ Черкасова, были преисполнены уваженія къ этому человѣку, и я очень любилъ его. Впослѣдствіи онъ былъ бѣлевскимъ дворянскимъ предводителемъ, отказавшись отъ званія губернскаго преводаителя, потому, что желалъ жить въ своей деревнѣ, лежащей близко къ городу Бѣлеву.

Всѣ остальные наши товарищи еще живы, и о нихъ я долженъ умолчать; но если бы и пришлось что-либо сказать, то кромѣ самаго хорошаго я не могъ бы ничего сказать объ этихъ людяхъ.

Когда мы построили на отпущенныя намъ деньги дома, каждый на своей дистанціи, тогда, само собою разумѣется, наша совмѣстная жизнь прекратилась. Я построилъ себѣ домъ на самомъ берегу р. Шегринки, у окраины лѣса, въ удаленіи отъ всякаго жилья. Рѣчка Шегринка славилась необыкновенной величины форелями, достигавшими до 5 фут., отличалась быстрымъ теченіемъ и кристальной водой, съ температурой, никогда не превышающей 12° въ сильныя жары. Кромѣ того, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ ней находили не мало раковинъ, заключавшихъ въ себѣ жемчужины, но очень мелкія. Не мало такихъ жемчужинъ хранилось въ семействѣ Квашнина-Самарина, во владѣніи котораго находилась Шегринка почти на всемъ протяженіи ея теченія.

У моей тещи, урожденной Квашниной-Самариной, было даже ожерелье изъ этихъ жемчужинъ.

Когда я, въ 1847 году, переѣхалъ на житье въ свой домъ, я не былъ одинокъ во время лѣта, потому что тогда пріѣзжала ко мнѣ матушка съ своими племянницами; но по зимамъ я оставался одинъ-одинешенекъ. Первую зиму съ 1847 на 1848 годъ, я взялъ отпускъ и провелъ ее въ Петербургѣ. Въ это время, разразилась во Франціи революція, и я тотчасъ же подписался на газету «La Presse», издававшуюся знаменитымъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ Емилемъ Жирарденомъ, считавшимся человѣкомъ преданнымъ Россіи, и потому его журналъ былъ допущенъ у насъ.

Получая эту газету, я уже не испытывалъ одиночества въ зимнее время. Чтеніе ея не только съ излишкомъ наполняло свободное отъ занятій время, но доставляло неисчерпаемый источникъ наслажденія.

Чтобы повѣрить этому, надо вспомнить и перенестись въ ту эпоху, когда вся Европа подумала, что она перерождается къ иной жизни. И сколько политическаго и соціальнаго интереса представляла тогда одна Франція.

Провозглашеніе республики, майскіе дни, когда великій ораторъ усмиряетъ безъ выстрѣла двухсоттысячную толпу; іюньскіе дни и диктаторъ Кавеньякъ, уложившій до 25.000 людей и тѣмъ обратившій Сену, буквально, въ кровавый потокъ, затѣмъ разстрѣлявшій, безъ суда и слѣдствія, нѣсколько тысячъ людей, захваченныхъ на баррикадахъ и выведенныхъ на казнь какъ стадо барановъ, безъ знанія даже именъ этихъ людей. Затѣмъ дебаты въ Національномъ Собраніи, относящіяся до состоянія конституціи, при чемъ газета помѣщала полные стенографическіе отчеты всѣхъ рѣчей.

Въ то время выступали такіе ораторы, какъ Ламартинъ, Ледрю-Ролень, Одильонъ-Баро, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Тьеръ, Жюль-Фавръ, и проч. Нынѣ нѣтъ я помину о подобныхъ ораторахъ. Одно время, Жирарденъ, выпущенный изъ тюрьмы, открылъ войну противъ Кавеньяка за его подвиги въ іюньскіе дни. Гражданское побіеніе Кавеньяка и избраніе въ президенты Луи-Наполеона, который, исключительно, обязанъ побѣдой въ избирательной войнѣ Жирардену,—таковъ былъ громаднй интересъ чтенія, въ первый годъ послѣ февральской революціи, излагаемаго, сверхъ того, въ органѣ, дирижируемомъ такимъ публицистомъ, какъ Жирарденъ. Понятно, что такое чтеніе поглощало и время и умъ.

Послѣ того, Жирарденъ сталъ публиковать свои проекты относительно политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ реформъ, а равно указывалъ дорогу для иностранной политики. Всѣ вопросы онъ ставилъ

категорически, съ необыкновенною ясностью, безъ всякихъ колебаній и никакихъ компромиссовъ не терпѣлъ.

Органъ Жирандена былъ воспитательнымъ органомъ для политическихъ, экономическихъ и социальныхъ дѣятелей, т. е., короче сказать, былъ воспитательнымъ органомъ для государственныхъ людей.

Не было почти ни одного дня, чтобы Жиранденъ не помѣщалъ свои передовыя статьи, полныя самыхъ опредѣленныхъ, здравыхъ и практическихъ взглядовъ. Его статьи отличались и по самой формѣ относительно редакціи ихъ: никогда лишнѣхъ словъ, размазыванія, длинныхъ періодовъ и предложеній. Словомъ сказать, всегда излагалъ все коротко и ясно.

У меня твердо вѣзались въ памяти два капитальныхъ проекта Жирандена: о государственномъ налогѣ и объ организаціи государственной администраціи.

Относительно налога онъ предлагалъ заимствовать идею изъ процвѣтавшей нѣкогда Флорентійской республики, а именно изъ той эпохи, которая именуется въ исторіи Золотымъ вѣкомъ. Онъ свелъ все къ одному прямому налогу въ формѣ страхованія, налогу самому справедливому, уравнительному, самому легкому при оцѣнкѣ и охотно всѣмъ платимому, какъ платятъ всѣ страхующіе свои имущества. Кромѣ того, онъ видѣлъ въ такомъ налогѣ самую сильную узду, налагаемую на социальную болѣзнь вѣка, т. е. на непомѣрное развитіе роскоши, отвлекающей рабочій людъ отъ дѣйствительно-производительнаго труда. Независимо отъ этого, съ такимъ налогомъ онъ связывалъ превосходно паспортную систему.

Проектъ Жирандена о налогѣ можетъ показаться невыполнимымъ, но надо прочесть весь его трактатъ, могущій занять добрую книгу, въ которомъ онъ развилъ вопросъ детально и показалъ всю практичность своей идеи.

Я храню у себя полные экземпляры «La Presse» Жирандена не только затѣ времена, но и за послѣдующіе годы и всѣ органы, въ разное время имъ издававшіеся, а именно: «La Presse», «La Liberté» и «La France». Къ Жирандену я возвращусь еще далѣе, когда я познакомился съ нимъ впоследствии.

Чтеніе газеты, относящейся ко времени, послѣдовавшему за Февральской революціей, послужило мнѣ просвѣтлѣніемъ моихъ взглядовъ.

Въ то время множество людей представляли себѣ, что Французская республика поведетъ къ возрожденію общества и къ рѣшенію социальныхъ вопросовъ въ благотворномъ для людей смыслѣ.

Но вотъ появляются іюньскіе дни, разрѣшившіеся неслыханной катастрофой; затѣмъ дебаты въ Національномъ Собраніи рельефно обрисовали общественный строй и господствующія въ немъ идеи. Повязка

мало-по-малу свадывала съ глазъ, и иллюзія рушилась. Все живое, все истинное, все правдивое и возвышенное безпощадно давилось въ этомъ Собраніи.

Тогда я вздумалъ написать весьма объемистую статью для «Современника», въ которой старался очертить все зло, вытекающее изъ парламентскаго режима и изъ пресловутой политической теоріи большинства. Эта рукопись хранится у меня до сихъ поръ. Однако, статью эту цензура не пропустила; но впослѣдствіи я проводилъ сложившіяся еще тогда у меня идеи въ моихъ французскихъ и русскихъ брошюрахъ, печатавшихся за границей, а равно, позже того, и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ. Понятно, что, при означенныхъ условіяхъ, живя по зимамъ, одинъ-одиноконекъ, въ своемъ домикѣ, удаленномъ отъ всякаго жилья и заносимомъ сугробами снѣга, я одиночества не испытывалъ.

Итакъ, мы жили дружно, часто сѣзжались, время проводили между собой весело, но не за картами, о которыхъ у насъ и помину не было.

Изрѣдка мы гуртомъ ѣздили къ сосѣдямъ, которыхъ было немного, и они, по большей части, жили далеко.

Въ лѣтнее время проживало около насъ семейство Козиныхъ, въ превосходно устроенной усадьбѣ, Михайловскомъ, лежащемъ въ двухъ верстахъ отъ станціи Валдайки. Это имѣніе принадлежитъ теперь одному изъ моихъ братьевъ, Крониду. Семейству Козиныхъ я посвятилъ уже цѣлую главу. Понятно, что эти сосѣди представляли хорошее развлеченіе, особенно мнѣ и брату, какъ прежнимъ близкимъ имъ знакомымъ. Сашенька, вышедшая уже замужъ, пріѣзжала тоже на лѣто въ Михайловское и осталась такой же веселой, умной и острой, какой была и въ дѣвушкахъ.

У Семичева былъ товарищъ въ Институтѣ путей сообщенія, инженеръ Щербаковъ. Онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дочку одного года ¹⁾. Г-жа Щербакова была особенно хороша собою, съ римскимъ профилемъ, нѣсколько смугловата, но съ мягкимъ, живымъ румянцемъ.

Она была молода, весела, умна, привѣтлива и до крайности внимательная хозяйка; къ тому же—талантливая музыкантша, положительно виртуозка. Это былъ сильный магнитъ, тянувшій насъ въ семейство Щербаковыхъ.

¹⁾ Эта дочка выросла на нашихъ глазахъ, была прелестнымъ ребенкомъ, вышла замужъ за Эртеля, скоро овдовѣла и потомъ была начальницей Варшавскаго института, пріобрѣта известность, какъ особенно благоразумная и сердечная воспитательница юношества.

Такъ какъ Щербаковы жили въ Ямѣ Яжелбицѣ, слишкомъ за 60 верстъ отъ насъ, то мы не могли ѣздить туда часто, и ѣздили только по большимъ праздникамъ, на Рождество, масленицу, Пасху и на именины хозяина или хозяйки; но ѣздили съ тѣмъ, чтобы оставаться у нихъ по 3 или по 4 дня.

Соберемся, бывало, всѣ въ Кузнецовѣ и покатымъ на четырехъ тройкахъ, гуртомъ. Доѣдемъ до Зимогорья (почтовая станція на шоссе въ предмѣстьѣ Валдая) и остановимся на ночлегъ. Зимогорская почтовая станція славилась между путешествующими не какою-либо специальностью, какъ Померанія — вафлями, Яжелбица — форелью, Едрово — рябчиками, Торжокъ — пожарскими котлетами (мѣсто ихъ рожденія), а вообще возможностью отлично поѣсть, вслѣдствіе случайно пріобрѣтеннаго хозяиномъ гостиницы великолѣпнаго, тонкаго повара. Кто изъ путешественниковъ зналъ это, тотъ непременно останавливался часа на два или на три въ Зимогорьѣ и заказывалъ обѣдъ специально.

Пріѣхавши въ Зимогорье, мы, конечно, заказывали ужинъ, который послѣ нашей скудной пищи въ глуши, гдѣ ни у кого изъ насъ не было повара, являлся тѣмъ болѣе превосходнымъ. На другой день, мы отправлялись на своихъ тройкахъ въ Яжелбицу, и тутъ же по хорошей дорогѣ, по шоссе, начиналась перегонка. Поземковскій держалъ превосходныхъ лошадей, такъ какъ онъ имѣлъ большой конный заводъ на Битюгѣ. У Черкасова были тоже прекрасныя лошади со своего завода рысистой породы. У насъ съ братомъ была тройка небольшого роста лошадей — казанокъ, которую подарилъ намъ братъ Аркадій, извѣстный знатокъ лошадей, изучавшій ихъ всю жизнь. Кореннымъ въ нашей тройкѣ былъ настоящій иноходецъ, необыкновенной быстроты, никогда не сбывавшійся съ хода, но необходимо было, чтобы везли пристяжныя, а онъ только бѣжалъ. Обыкновенно наша тройка оставляла далеко за собой рысистыхъ рослыхъ лошадей. Впослѣдствіи знаменитый живописецъ лошадей, Сверчковъ, нарисовалъ эту тройку, и эта картина находится у меня.

Въ Яжелбицахъ Щербаковъ занималъ двѣ двухъэтажныя избы, принадлежащія священнику, соединилъ ихъ, передѣлалъ и окленилъ, конечно, обоями. Комнаты были маленькія, но тамъ было уютно и симпатично. Мы пріѣзжали обыкновенно къ первому праздничному дню.

Въ этотъ день пріѣзжали къ Щербаковымъ знакомые помѣщики съ семействами, въ числѣ барышенъ были двѣ, замѣчательно хорошенькія: одну звали Софьею, другую — Екатериною, и потому явились двѣ партіи, которыя г-жа Щербакова назвала Софистами¹⁾ и Катистами; эта кличка распространилась по всей окрестности.

¹⁾ Софья сдѣлазась впослѣдствіи моей женой.

Обыкновенно, послѣ обѣда, Щербакова усаждала гостей своей превосходной артистической игрой на отличномъ роялѣ, потомъ, несмотря на маленькую комнату, принимались за танцы, и вечеръ кончался *petit jeu* и ужиномъ. Словомъ сказать, всегда было очень весело.

На другой день, когда уѣзжала большая часть постороннихъ гостей, Щербаковъ, до страсти любившій играть въ карты, усаживалъ насъ за зеленые столы, и игра длилась съ утра до вечера, все время, пока мы оставались у него. Только послѣ обѣда, жена его восхищала насъ своей игрой, а передъ ужиномъ составлялся хоръ русскихъ и цыганскихъ пѣсней и романсовъ, при чемъ г-жа Щербакова аккомпанировала и сама подпѣвала.

По поводу карточной игры, не могу упомянуть здѣсь объ оригинальности характера Черкасова. Онъ сначала не принималъ въ ней участія, считая, по внушенному ему, при его воспитаніи, взгляду, такое времяпрепровожденіе—грѣхомъ. Но однако не выдержалъ и, послѣ перваго раза, она ему очень понравилась, какъ вообще особенно нравятся запрещенные плоды. Несмотря на то, что мы были у Щербаковыхъ, какъ свои люди, пріѣзжали туда, чтобы оставаться нѣсколько дней, чему хозяева были очень рады, Черкасовъ не могъ отдѣлаться отъ извѣстной церемоніальности. На другой день, послѣ праздничнаго дня, утромъ, подѣзжала къ крыльцу тройка, и Черкасовъ бралъ шапку, чтобы проститься съ хозяевами. Какъ они ни старались уговорить его, онъ не соглашался, отзывался необходимостью занятій, какихъ, въ сущности, вовсе не настояло, и проч. Во время этихъ разговариваній, обыкновенно, кто-нибудь распорядится развернуть скорѣе зеленый столъ и предложить Черкасову карту.

— Ну, пожалуй, одну пулюку сыграю,—скажетъ онъ и сядетъ за карты.

— Такъ приказать отпречь лошадей?

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я только одну пулюку.

За первой пулюкой слѣдуетъ вторая и третья. Всякій разъ его спросятъ, не отпречь ли лошадей, но онъ никакъ не позволялъ. Когда дѣло подойдетъ уже къ обѣду, кто-нибудь изъ насъ, жалѣя кучера и лошадей, распорядится отпречь лошадей, и вотъ Черкасовъ остается играть до ночи и ночуетъ. И такая процедура повторялась каждый день до тѣхъ поръ, пока и мы не соберемся уѣхать обратно гуртомъ.

Жена Щербакова была урожденная Лонгинова. Отецъ и мать съ семействомъ жили въ деревнѣ. Лонгиновъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баринъ. Его усадьба, Горничное, стояла на берегу огромнаго озера—Боровно; передъ большимъ каменнымъ двухэтажнымъ домомъ простирался большой паркъ съ тѣнистыми аллеями, протянутыми къ озеру. Домъ былъ отдѣланъ такъ, какъ только можно отдѣлывать богатые квар-

тиры въ столицѣ: съ бархатными обоями, всюду блестяло золото, и вообще превосходно меблированъ, въ такой мѣрѣ, что я не помню, чтобы встрѣчалъ подобную обстановку въ другихъ богатыхъ деревенскихъ усадьбахъ. Эта усадьба походила на самую роскошную дачу въ окрестностяхъ Петербурга. Самыя надворныя строенія, рѣшетки и проч., были окрашены, какъ игрушки.

Щербаковъ, конечно, повезъ насъ познакомить съ семействомъ своего тестя. Мы отправились, по обыкновенію, гуртомъ, съѣхались у Черкасова, отъ котораго Горничное лежало верстахъ въ 25-ти; но можно было попасть туда по озеру изъ деревни съ противоположной стороны, и тогда приходилось проѣхать лишь 10 верстъ. Когда мы пріѣхали въ эту деревню, намъ выслали большой баркасъ и шесть гребцовъ, одѣтыхъ, какъ матросы. Пріѣхавъ въ Горничное, мы немало были удивлены обстановкой, подобной которой, какъ я уже сказалъ, въ деревняхъ никогда не встрѣчали. За столомъ служили люди во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, и шампанское разливалось. Мы, конечно, остались ночевать, и каждому была отведена особая комната съ фарфоровыми рукомойниками и всѣми принадлежностями для умыванія, всѣмъ были положены новыя зубныя щеточки, новые порошки и новое мыло. Постели были покрыты штофными одѣялами; все бѣлье было голландское; приготовлены были даже халаты и туфли, очевидно, державшіеся спеціально для гостей. На другой день обѣдъ, и опять разливное море шампанскаго. Впослѣдствіи, мы пріѣзжали въ Горничное всегда, когда Щербаковы давали знать, что они ѣдутъ туда.

Употребивъ капиталы на отдѣлку усадьбы и на широкую, роскошную монтировку дома и роскошничая не по карману, Лонгиновъ не могъ долго держаться; ресурсы его истощились, тянулся, сколько могъ, и вскорѣ умеръ во-время, не испытавъ перемѣны образа жизни.

Послѣ его смерти, сосѣднее имѣніе Горы, на томъ же живописномъ озерѣ Боровно, досталось Щербаковой, гдѣ мы тоже проводили время весело. Щербаковъ вздумалъ устраивать имѣніе Горы и завести раціональное хозяйство. Онъ построилъ на свой счетъ каменные дома для крестьянъ, раздѣленные на два помѣщенія для двухъ семей, какъ въ оныя времена были устраиваемы Новгородскія военныя поселенія. Крестьяне должны были отправляться на работы по звонку, по звонку же отдыхать, ѣсть и проч. Подобныхъ условій русскій крестьянинъ не терпѣлъ.

Извѣстно, какъ трагически кончился огромный опытъ военныхъ поселеній; нѣчто подобное разыгрывалось и у Щербакова, съ тою разницею, что въ военныхъ поселеніяхъ игралъ роль барабанъ, а у Щербакова звонокъ. Владѣлецъ долго упорствовалъ измѣнить условія жизни крестьянъ, и, несмотря на свои добрыя намѣренія, они возненавидѣли его

въ такой мѣрѣ, что онъ не ѣздилъ уже въ деревню, опасаясь за безопасность своей жизни. Независимо отъ этого, Щербакѣвъ принялся за осушеніе и корчеваніе болотъ, которое обходилось ему рублей до 50-ти за десятину. Конечно, это было благотѣльно для будущаго, но тогда, когда можно было имѣть сѣно по 4 или 5 коп. за пудъ, его траты были не раціональны съ экономической стороны. Капиталь былъ истраченъ, имѣніе не приносило дохода и было продано г-жѣ Громовой, которая, пользуясь живописнымъ мѣстомъ, устроила цѣлую колонію, дворецъ для себя и шоссе отъ Горъ до станціи Окуловки.

По близости той деревни, гдѣ жилъ Черкасовъ, проживало семейство Козляниновыхъ въ своемъ имѣніи «Петровскомъ»; семейство состояло изъ мужа и жены, людей очень пожилыхъ, одного сына, гвардейскаго офицера, одного изъ храбрѣйшихъ кавказскихъ героевъ, перераненнаго и перестрѣленнаго, какъ рѣшето. Онъ жилъ у родителей въ отпуску, для поправленія здоровья, но службы не оставилъ и впослѣдствіи достигъ очень скоро самой высокой, на военной іерархической лѣстницѣ ступени. Затѣмъ была дочь, дѣвушка лѣтъ 18-ти, очень красивая, видная, представительная и прекрасно образованная.

Мы рѣдко бывали тамъ потому, что старикъ не былъ человѣкомъ общительнымъ; но Черкасовъ, заинтересовавшись дѣвушкой, посѣщалъ это семейство довольно часто. Когда, въ этомъ отношеніи, сердце зашевелится нѣсколько серьезно, то обыкновенно человѣкъ не бываетъ вполне откровененъ; не менѣе того, пошли слухи, что Черкасовъ намѣренъ сдѣлать предложеніе. Между тѣмъ, онъ колебался, да и не могъ рѣшиться на подобный шагъ, безъ одобренія матери; его же мать-старуха жила въ Петербургѣ, семейство Козляниновыхъ никогда не видала, а оно не ѣздило туда. Такъ прошло года два. Вдругъ неожиданно для Черкасова, дѣвушка была объявлена невѣстой инженера Поссе, моего сосѣда по мѣсту работъ. Эта новость сильно пѣкоробила Черкасова. Мы, его товарищи, конечно, замѣтили ему, что въ этихъ обстоятельствахъ долго раздумывать не годится.

Когда онъ нѣсколько поуспокоился, кто-то изъ насъ затѣялъ пошутить съ Черкасовымъ. Всѣ его товарищи собрались и поѣхали къ нему гуртомъ. Онъ подумалъ, что пріѣхали къ нему, чтобы ѣхать куда-нибудь въ гости.

— Куда вы выдумали тащить меня?—спросилъ онъ.

— Никуда, мы пріѣхали спеціально къ тебѣ; мы имѣемъ отъ г-жи NN достовѣрныя свѣдѣнія, что Елисавета Яковлевна (имя дѣвушки) дала слово Поссе по принужденію отца. А если это такъ, то дѣло поправить можно. Увези Елисавету Яковлевну. Поѣзжай туда, послѣ обѣда, подъ вечерокъ, предложи ей прогуляться въ паркѣ, объясни ей твое намѣреніе, она, вѣроятно, согласится; за паркомъ будетъ стоять

твоя тройка; садитесь и катите; мы же будемъ находиться съ нашими тройками въ овражкѣ, близъ дороги; пустимся за тобой прямо въ церковь, явимся свидѣтелями, окрутимъ, а изъ церкви ты съ молодой и мы всѣ покатымъ къ отцу съ повинными головами. Онъ старикъ добрый, страшно любить дочь; а мать будетъ за тебя. Конечно, старикъ простить, и все кончится наиблагополучнѣйшимъ образомъ.

Видя, что планъ этотъ серьезно улыбнулся Черкасову, и онъ сталъ какъ бы что-то обдумывать; мы, чтобы прекратить мистификацію, захотали, объявили, что наврали, никакихъ свѣдѣній г-жа NN намъ не передавала, что мы пошутили и пріѣхали къ нему просто для того, чтобы сыграть нѣсколько пулекъ. Черкасовъ обозвалъ насъ негодными школьниками и сѣлъ за пулюку.

Все это происходило между нами; но, вѣроятно, кто-нибудь изъ насъ разсказалъ гдѣ-нибудь нашу шутку, и пошли слухи, что Черкасовъ пытался увести Елисавету Яковлевну, но ему не удалось и что между нимъ и Поссе состоится дуэль. Такъ какъ все это было вздоръ, то распущенные слухи не имѣли и не могли имѣть никакихъ послѣдствій. Черкасовъ, по окончаніи постройки Николаевской желѣзной дороги, женился на княжнѣ Оболенской и поселился въ своемъ имѣніи Бѣлевскаго уѣзда.

Поссе, конечно, благополучно женился на Елисаветѣ Яковлевнѣ. Это былъ человѣкъ очень умный, способный и былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ Института путей сообщенія. Онъ давно уже умеръ, но оставилъ сына, нынѣ знаменитаго профессора математики, обучающаго юношество въ университетѣ и въ Институтѣ путей сообщенія, гдѣ обучался и его отецъ.

Мы имѣли еще одно знакомое семейство Гордѣевыхъ въ самомъ Валдаѣ. Семейство это состояло изъ мужа, жены и двухъ дѣтей юношескаго возраста. Гордѣевъ былъ довольно богатый помѣщикъ, служилъ прежде въ гвардіи, потомъ былъ предводителемъ дворянства и по зимамъ жилъ въ городѣ, въ собственномъ большомъ домѣ, и жилъ очень открыто. Въ Валдаѣ стояла артиллерійская бригада, и потому въ городѣ жило много офицеровъ, быть можетъ, человѣкъ болѣе 30-ти, которые, какъ артиллеристы, были людьми образованными. У Гордѣева въ домѣ, въ большой залѣ стоялъ всегда огромный столъ, съ котораго не сходила скатерть. Утромъ чай, за которымъ всегда можно было встрѣтить офицеровъ; а въ 2 часа обѣдъ, накрывавшійся персонъ на 25, къ которому являлись безъ зова, иногда придетъ человѣка 3—4, а иногда десятокъ и болѣе; вечеромъ ежедневно карточная игра на нѣсколькихъ столахъ. При первой возможности устраивались танцы; ничѣмъ не стѣснялись, и всѣ находили развлеченіе. О такихъ условіяхъ жизни, нѣтъ, кажется, теперь и помину. Хозяйка была чрезвычайно умная и очень добрая

женщина. Семейство Гордѣвыхъ случайно играло роль въ моей женитьбѣ, а потому объ немъ будетъ упомянуто нѣсколько словъ дальше.

Еще было одно семейство Фроловскихъ, проживавшихъ всего ближе къ мѣсту моего жительства, въ селѣ Новотроицкомъ. Оно состояло изъ мужа, жены и двухъ маленькихъ дѣтей. Это были люди богатые, но разсчетливые. Хозяинъ, прослуживши недолго въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, вышелъ въ отставку и женился на богатой дѣвушкѣ Квашниной-Самариной, имѣя, впрочемъ, и самъ хорошее состояніе.

Я останавлиюсь нѣсколько на фамиліи Квашниныхъ-Самариныхъ. Отецъ дѣвушки, вышедшей замужъ за Фроловскаго, былъ очень богатъ и женатъ на Чириковой, тоже очень богатой, такъ что они владѣли почти всѣми имѣніями, лежащими между Валдайскимъ озеромъ и городомъ Боровичи, и далѣе, т. е. ихъ владѣнія простирались сплошь болѣе, чѣмъ на 50 верстъ. Кромѣ того, они имѣли имѣнія и въ Петербургской губерніи. Нѣсколько имѣній Квашнина-Самарина, Боровичскаго уѣзда, лежали въ сосѣдствѣ съ владѣніями фельдмаршала Суворова, съ которыми Самаринъ былъ очень друженъ, служилъ съ нимъ, и они были на «ты». Одно очень маленькое имѣніе Квашнина-Самарина, изъ числа прилегавшихъ къ имѣнію Суворова, принадлежитъ и до сихъ поръ моей женѣ. У меня было много собственноручныхъ писемъ Суворова въ конвертахъ съ печатью свѣтлѣйшаго, адресованныхъ на имя Квашнина-Самарина, относящихся ко времени ссылки фельдмаршала въ боровичское имѣніе, которыя видѣли у меня многіе мои знакомые. Но, къ величайшему сожалѣнію, эти письма пропали вмѣстѣ съ украденной у меня шкатулкой.

Жена Квашнина-Самарина, урожденная Чирикова, была, судя по портретамъ, очень хороша собою и принадлежала къ самому высшему свѣтскому обществу.

У Александра Петровича Квашнина-Самарина было два сына и три дочери. Старшій Петръ, бывшій владѣтель извѣстнаго въ окрестностяхъ Петербурга имѣнія Тайцы, являлся нѣкогда въ высшемъ петербургскомъ обществѣ выдающимся джентльменомъ, потомъ женился и имѣлъ уже взрослую дочь, которую страстно любилъ, но она померла отъ холеры, а вскорѣ и онъ заболѣлъ какою-то странною болѣзнію и умеръ отъ помѣшательства. Второй сынъ, Александръ, имѣя уже около 10 лѣтъ, пропалъ безъ вѣсти. Старшая дочь, Анна, вышла за Мельгунова — и имѣла дочь, сдѣлавшуюся впоследствии моей женою, вторая, Наталья, вышла за Фроловскаго, а третья, Софья, осталась дѣвушкой. Будучи молода, очень хороша собою, талантлива, страстная музыкантша и, получивши высокое образованіе, въ одинъ прекрасный день она удалится изъ дому и поселилась въ избушкѣ въ лѣсу, гдѣ и прожила лѣтъ до 60-ти, сохранивъ, повидимому, полный разумъ.

Причина такого поступка и такого образа жизни остались тайной для всѣхъ; ибо, разъ удалившись, она не допускала къ себѣ родныхъ.

Воспитаніе въ домѣ Квашнина-Самарина производилось на французскій ладъ, начала нынѣшняго столѣтія. Все поручалось иностраннымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, такъ что тѣ лица, которыхъ я зналъ, писали исключительно на французскомъ языкѣ потому, что не только затруднялись писать по-русски, но и употреблять русскую рѣчь въ разговорахъ. Къ этому присоединялось требованіе строжайшаго до мелочей соблюденія свѣтскихъ приличій,—что придавало всѣмъ, до конца жизни, какую-то въ характерахъ натянутость и ненатуральность, имѣвшія видъ какъ бы неоткровенности, хотя таковой, быть можетъ, и не было въ дѣйствительности.

Такъ какъ отшельница, дѣвица Софья Квашнина-Самарина представляетъ рѣдкое психическое явленіе, то я полагаю небезынтереснымъ отвести ей особенно нѣсколько страницъ; для чего я помѣщу здѣсь рассказъ моей жены, племянницы отшельницы, которую жена моя знала въ дѣтствѣ и юности; рассказъ написанъ ею въ ея воспоминаніяхъ для нашихъ дѣтей.

Вотъ этотъ рассказъ:

Мы часто, особенно лѣтомъ, живали у бабушки, въ Новотроицкомъ. Отецъ уѣзжалъ, пріѣзжалъ, опять уѣзжалъ, а маменька, съ нами, дѣтьми, проводила цѣлые мѣсяца въ большомъ Новотроицкомъ домѣ, который я такъ любила. Привольно жилось мнѣ тамъ въ высокихъ комнатахъ, въ тѣнистыхъ садахъ, наполненныхъ цвѣтами и фруктами.

Съ бабушкой жили тогда двѣ, меньшія, незамужнія ея дочери: Наталья Александровна и Софья Александровна, а также воспитанница—Марья Антоновна и десятилѣтній мальчикъ Павушка, сынъ какого-то бѣднаго родственника. Кромѣ названныхъ мною лицъ, около бабушки толпилось всегда много разнаго люда, знакомыхъ, родныхъ, пріѣзжающихъ по дѣламъ, просящихъ помощи и благодѣянія.

Бывало, только-что няня одѣнетъ и умоетъ меня, какъ мы съ ней сейчасъ же спускаемся внизъ. Въ парадныхъ комнатахъ идетъ дѣятельная уборка: натираютъ полы, вытряхиваютъ ковры, стираютъ пыль, и весь этотъ занятой людъ встрѣчаетъ меня привѣтомъ и улыбками. Въ маленькой чайной, за круглымъ столомъ, Марья Антоновна разливаетъ чай; передъ ней, съ подносомъ въ рукахъ, стоитъ казачекъ Петя; я знаю, что онъ ждетъ чашку чаю, серебряный молочникъ съ кипячеными сливками и корзинку съ булочками, чтобы все это нести къ бабушкѣ, въ кабинетъ. Подлѣ Марьи Антоновны я почти всегда видѣла ея жену, доктора Сперанскаго. Не знаю, когда онъ лѣчилъ больныхъ своихъ, но въ Новотроицкомъ онъ жилъ почти постоянно. Марья Антоновна

всегда ловила меня, когда я пробѣгала мимо, цѣловала и звала пить чай съ собой, за круглый столъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я къ бабушкѣ пойду!—кричала я, барахтаясь въ объятіяхъ Марьи Антоновны и, ухватя крѣпко няню за руку, тащила ее далѣе.

Въ угловой мы останавливались, и няня, а за нею и я, клали поклоны передъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго, передъ которымъ всегда горѣла лампадка. Далѣе проходили мы черезъ темноватую бабушкину спальную, съ большимъ трюмо между двухъ оконъ. Въ огромномъ зеркалѣ я видѣла себя съ головы до ногъ: маленькую дѣвочку, съ открытыми руками и шеей и темною, коротко обстриженной головой. Вотъ бабушкина уборная, а вотъ и кабинетъ.

Бабушка сидитъ у письменнаго стола въ большомъ креслѣ. На ней чепчикъ съ широкою оборкой и шелковый капотъ, расходящійся спереди на вышитой юбкѣ.

— Здравствуй, Соня!

Она протягиваетъ мнѣ руки, я бросаюсь къ ней на шею. Потомъ мы вмѣстѣ пьемъ чай, весело разговаривая. Послѣ чаю я играю фарфоровымъ м о п с и к о м ѣ, служащимъ бабушкѣ прессъ-папье, а бабушка продолжаетъ заниматься дѣлами: читаетъ какія-то бумаги, пишетъ, считаетъ. Приходитъ прикащикъ, ключница, буфетчикъ, скотница, горничныя, лакеи и какіе-то дворовые, не рѣдко появляется Марья Антоновна, а потомъ начинаютъ сходиться и прочіе члены семьи.

Павушка придетъ, неловко раскланяется и объявитъ, что взялъ у батюшки урокъ, и покажетъ заслуженную имъ отмѣтку.

Придетъ тетя Наталія, небольшого роста, худенькая брюнетка, очень тѣпательно и всегда по модѣ одѣтая. Она тоже, какъ-то особенно тѣпательно, выговариваетъ свое французское привѣтствіе, цѣлуя руку матери. Бабушка цѣлуетъ ее, оглядываетъ и улыбается, спрашивая о ея здоровьи.

— А Сошенька что? (Сошенькой звали въ семьѣ Софью Александровну)—робко спрашиваетъ бабушка.

Тетя Натали отвѣтитъ, что дѣлаетъ Сошенька, и уйдетъ пить чай въ столовую.

Маменька появлялась въ кабинетъ всегда попозже, въ капотѣ и въ чепчикѣ. Она всегда долго цѣловала и обнимала бабушку, говорила, что она дурно спала, что Васенька всю ночь плакалъ, а Катенька, кажется, хуже, что отъ Мишеля нѣтъ извѣстій. Бабушка утѣшала ее, успокоивала и опять робко спрашивала:

— А Сошенька что?

И онѣ, вздыхая, начинали говорить о Сошенькѣ, которая, если она

въ духѣ, весело вбѣгала въ комнату и смѣясь начинала болтать о всякой всячинѣ.

Она тоже была небольшого роста, но полная, блѣлая, съ ярко розовыми щеками и широкою короной темныхъ волосъ. Она не такъ тщательно одѣвалась, какъ тетя Натали, но всегда была туго зашнурована, и все, на ней надѣтое, было красиво. Уйдя отъ бабушки, она запиралась въ большой гостиной и играла на роялѣ и пѣла. Тогда весь домъ ходилъ на ципочкахъ и говорилъ шопотомъ.

Въ свои хорошіе дни, тетя Сошенька была очень весела. Бывало она по цѣлымъ часамъ играла со мной; зазоветъ меня къ себѣ въ комнату, дверь запретъ на ключъ, надастъ мнѣ ягодъ, фруктовъ, конфектъ, которыя у нея не переводились, даетъ книгъ съ картинками, а сама, говоря со мной, ходить по комнатѣ, то выдвинетъ ящикъ комода, то присядетъ къ письменному столу, то заглянетъ въ книгу, то займется цвѣтами, заставлявшими ея окна и балконъ и красующимися во всевозможныхъ вазахъ, вездѣ, гдѣ только можно было ихъ поставить.

Маменька и папенька очень не любили, когда Софья Александровна такъ завладѣвала мною.

— Сошенька, Соня у тебя?—послышится за дверью голосъ маменьки.

— Да, у меня!

— Пуси ее, она мнѣ нужна.

— Она мнѣ самой нужна,—отвѣчаетъ тетя Сошенька.

— Сонѣ нездорово сидѣть въ комнатѣ,—ей надо гулять,—продолжаетъ маменька.

— У меня окна и балконъ открыты, и здѣсь воздуху довольно,—возражаетъ тетя, посмѣиваясь и подмигивая мнѣ.

— Mais c'est ma fille, Sophie, je veux qu'elle se promène! ¹⁾—возвышаетъ тонъ маменька, и въ ея голосѣ слышно раздраженіе.

— Je ne la laisserais pas ¹⁾,—посмѣивается тетя.

Я слышу, что за дверью маменька бранитъ няню, зачѣмъ она не увела меня гулять. Няня плачетъ, громко сморкаясь. Тогда я тоже начинаю плакать и кричать.

Тетя Сошенька зажимаетъ мнѣ ротъ, трясетъ меня, суетъ мнѣ конфекты, картинки, но это ничего не помогаетъ, и я кричу все больше и все громче; смятеніе за дверью увеличивается. Тогда тетя съ шумомъ растворяетъ дверь и сильнымъ толчкомъ выбрасываетъ меня изъ своей комнаты. Если бы не протягивались ко мнѣ нѣсколько рукъ, готовыхъ поддержать меня, то вѣрно, я бы всякій разъ больно расшибалась стѣ

¹⁾ Но это моя дочь, я желаю, чтобы она гуляла.

²⁾ Я не отпущу ее.

этого толчка. Тетя Сошенька тоже очень любила часто гостившихъ у насъ трехъ дѣвочекъ Базановыхъ. Она играла съ ними, говорила, надѣляла лакомствами. Отецъ этихъ дѣвочекъ былъ управителемъ у моего дѣдушки, Александра Петровича Квашнина-Самарина, и много разъ доказалъ свою преданность семьѣ. Онъ былъ, говорятъ, честенъ и уменъ, и всѣ, и старшіе и низшіе, его любили и уважали. Онъ умеръ уже долго спустя послѣ дѣдушки, а его жена съ многочисленной своей семьей жила въ небольшомъ своемъ имѣніи, подаренномъ имъ бабушкой.

— Дѣти,—часто говорила тетя Сошенька Базановымъ,—помните вашего отца, чтите его память, онъ былъ рѣдкій человекъ, такъ же, какъ и мой отецъ, о которомъ я до сихъ поръ плачу.

Тетѣ Сошенькѣ было около семи лѣтъ, когда она потеряла отца, слѣдовательно, не могла, когда ей было за двадцать лѣтъ, такъ о немъ сокрушаться; но было одно обстоятельство, которое заставляло ее такъ говорить, а именно: нѣсколько лѣтъ передъ этимъ бабушка чуть не вышла вторично замужъ за человека бѣднаго, не дворянина, хотя очень образованнаго. Этого-то Софьи Александровна никогда не могла простить матери.

Однѣй случай врѣзался мнѣ въ память со всѣми мельчайшими подробностями и такъ живо рисуется мнѣ, точно это было вчера.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, я играла на островкѣ. Островкомъ называлась одна часть сада, примыкавшая къ озеру, на которомъ была устроена пристань для лодокъ. Эта часть сада отдѣлялась съ трехъ сторонъ отъ его аллеи и роцъ прокопанной широкой, какъ маленькая рѣчка, канавой, а съ четвертой она примыкала къ озеру; такимъ образомъ, образовался небольшой островокъ. Онъ весь былъ усаженъ шиповникомъ и сиренью. Желтыя дорожки капризно извивались между клумбами цвѣтовъ; подъ плакучими березами стояли скамейки и столики. Это было мое любимое мѣсто. Прилегающій къ водѣ берегъ былъ отлогій, покрытый тонкимъ бѣлымъ пескомъ, камушками и ракушками; въ водѣ, около берега, играли стаи рыбокъ, и я съ восхищеніемъ засматривалась на ихъ рѣзвыя игры. Вотъ и теперь я стояла на берегу, бросая рыбкамъ крошки хлѣба, и рассказывала нянѣ, какъ онѣ бросаются и рыщутъ на солнцѣ, а няня сидѣла, работая, на ступенькахъ пристани. Няня моя была не крѣпостная; ее наняли для меня въ Петербургѣ; она была дочь дьякона и немного говорила по-нѣмецки; ее звали Анной Ивановной. Еще съ нами, въ этотъ день, на островкѣ былъ Павушка; онъ удилъ рыбу.

Вдругъ, видимъ мы, съ горы, по тѣнистой дорожкѣ, спускается къ намъ тетя Сошенька. Она, по своему обыкновенію, шла очень скоро, что-то напѣвая. Пришедъ на островокъ, она стала отвязывать одну изъ лодокъ. Тетя любила всякій спортъ. Она каталась верхомъ, на лодкѣ,

гуляла очень много и всегда одна, что было необычайнымъ явленіемъ въ то время, когда благородныхъ барышенъ ни на шагъ изъ дому не пускали однѣхъ.

— Соня, хочешь со мной кататься въ лодочкѣ? — спросила она меня.

— Хочу, хочу! — закричала я, протягивая къ тетѣ руки.

Не успѣла няня вскочить на ноги и подбѣжать ко мнѣ, какъ тетя подняла меня, посадила и отчалила отъ берега. А на пристани, вижу, поднялась суматоха: Павушка бросился бѣжать къ дому, няня неистово кричить и машетъ руками. Все это меня страшно перепугало, и я начала тоже вопить благимъ матомъ и биться въ лодкѣ.

— Пусти меня къ нянѣ, я къ нянѣ хочу! — кричала я.

Тетя Сошенька должна была одной рукой править весломъ, а другой держать меня; поэтому наша лодка начала кружиться на мѣстѣ и качаться, что еще болѣе пугало меня. Тетя посадила меня на дно лодки и начала грести обоями весламъ, но не къ пристани, а къ противоположному берегу. Однако, все это взяло довольно времени и когда наша лодка была уже близко отъ своей цѣли, насъ окружило нѣсколько лодокъ и кутекъ (кутьками называютъ у насъ челноки, выдолбленные въ цѣломъ деревѣ, наподобіе парогъ дикихъ). Онѣ намъ мѣшали пристать къ берегу и на вопросъ тети: — «Что вамъ нужно?» — сидящіе въ нихъ отвѣчали, что Михайло Васильевичъ требуетъ маленькую барышню. А между тѣмъ, отецъ, а за нимъ и толпа домашнихъ, прибѣжали на пристань. Отецъ сейчасъ же вскочилъ въ лодку, а мы, задержанные цѣлой флотиліей суденышекъ, стояли и ждали его. Черезъ нѣсколько минутъ я была на рукахъ отца, въ его лодкѣ, и мы всѣ направились къ островку. Когда мы вышли на берегъ, то насъ окружила толпа прибѣжавшихъ изъ дому. Тутъ была тетя Натали, Марья Антоновна со своимъ Сперанскимъ, горничныя, лакеи, садовники, жители погоста, которые, по первой тревогѣ, поднятой Павушкой, выѣхали остановить лодку тети Сошеньки. Дѣло въ томъ, что папенька строго-на-строго запретилъ мнѣ и дѣвочкамъ Базановымъ кататься въ лодкѣ съ тетей Сошенькой, боясь оставить съ нею на водѣ однихъ дѣтей, не подозревающихъ всей опасности плаванія. Людямъ тоже было приказано препятствовать катанію по озеру дѣтей. Я въ первый разъ испытывала это удовольствіе, а дѣвочекъ Базановыхъ тетя увозила съ собою часто, и одна изъ нихъ разъ упала изъ лодки въ воду, потому отецъ и счелъ нужнымъ принять строгія мѣры противъ этого.

Меня не сейчасъ повели домой и старались успокоить и привести въ порядокъ, чтобы мой разстроенный видъ не напугалъ маменьки и бабушки.

— Зачѣмъ вы, Мишель, устроили противъ меня такую облаву? —

приступила тоже возвращавшаяся на островок тетя Сошенька къ отцу.

— А затѣмъ, что я уже нѣсколько разъ просилъ васъ, Софья Александровна, не брать дѣтей въ лодку съ собой, для нихъ это опасно—отвѣчалъ отецъ.

— Какъ вы узнали, что Соня поѣхала со мной кататься въ лодкѣ?

— Спасибо Павушкѣ, онъ прибѣжалъ сказать это мнѣ и людямъ.

— А-а! И тетя Сошенька бросилась къ Павушкѣ и вцѣпилась въ его уши; кровь брызнула у бѣднаго мальчика изъ-подъ ея ногтей.

— Софья Александровна!—вскрикнулъ отецъ и, оттолкнувъ ее, освободилъ плачущаго, окровавленнаго Павушку.

Всѣ бросились къ нему, стали его утѣшать, обмывать окровавленные уши, а Софья Александровна тихо направилась къ дому.

— Ну, теперь она захандритъ, и мы ее долго не увидимъ,—замѣтила тетя Натали, приглаживая мои разстрепанные волосы.

Но тетя Сошенька не захандрила. У меня къ вечеру отъ волненія и промоченныхъ въ лодкѣ ногъ сдѣлался жаръ, и она, со всѣми другими, ухаживала за мной и, кажется, очень жалѣла, что я, по ея милости, прихворнула.

Все то, что я теперь говорила о тетѣ Сошенькѣ, происходило въ тѣ дни, когда она была въ духѣ; но когда нападала на нее хандра, то картина совсѣмъ перемѣнялась; ее нигдѣ не было видно, комната ея постоянно была заперта на ключъ.

Черезъ конюха узнавали, что она, осѣдлавъ сама лошадь, уѣхала куда-то. Или какая-нибудь дворовая женщина приносила извѣстіе, что барышню видѣли на дорогѣ къ Борисову, или въ Заозерномъ лѣсу, одну, пѣшкомъ, или въ лодкѣ около Терехова; ее стерегли, когда она вернется домой, и когда кому-нибудь удавалось подсмотрѣть, какъ она, крадучись, пробижалась въ свою комнату, то тотъ съ восторгомъ прибѣгалъ объявить это бабушкѣ, за что всегда получалъ нѣсколько денегъ.

И тогда подымались хлопоты.

— Сошенькѣ чаю, обѣдать, — командовала дрожащимъ голосомъ бабушка.

И на верхъ несли полные подносы всякихъ яствъ, лакомствъ и стучали въ дверь Софѣ Александровнѣ. Бабушка, маменька, тетя Натали, Марья Антоновна, всѣ по очереди подходили къ этой двери и умоляли затворницу впустить людей съ пищей, но отвѣта никакого не было ни на просьбы, ни на слезы, ни на увѣщанія.

— А вотъ я вашу дверь выломаю,—сказать разъ отецъ, котораго вся эта возня страшно злила.

— А я брошусь внизъ изъ окошка,—отвѣчала ему изъ-за двери тетя Сошенька.

— Не пугай ее, Мишель, она въ самомъ дѣлѣ бросится изъ окошка,—говорила, дрожа, бабушка, и отецъ, махнувъ рукой, уходилъ и рѣдко вмѣшивался въ хлопоты всѣхъ домашнихъ объ захандрившей Софьѣ Александровнѣ.

Только разъ, когда цѣлый день бабушка безпокоилась, что Сошенька умереть съ голоду, отецъ выслѣдилъ, что она ѣсть въ людской у стряпухи, на скотномъ дворѣ у молочницы и въ сосѣднихъ деревняхъ у крестьянъ, куда ѣздила кататься и ходила гулять.

Но была ли она въ духѣ или хандрила, она рѣдко сходила внизъ, когда были гости. Въ первомъ случаѣ, ей тогда носили пищу въ ея комнату.

Вотъ разъ отецъ, вернувшись въ Новотроицкое изъ долгой отлучки, привезъ съ собой своего товарища и друга Тандера и брата его жены, молодого, красиваго человѣка, Ивана Петровича Ф.

Ф. былъ довольно богатъ и представлялся выгоднымъ женихомъ. Онъ наслышался, что въ Новотроицкомъ есть двѣ барышни, а ему хотѣлось жениться на дѣвушкѣ съ состояніемъ и изъ хорошей семьи.

Съ тетей Натали онъ познакомился, конечно, сейчасъ же, послѣ своего приѣзда къ намъ; но ему очень хотѣлось увидать и тетю Сошеньку, а она, какъ нарочно, не выходила ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину.

— Я не терплю этихъ жениховъ,—говорила она и оставалась наверху, куда доступъ постороннимъ былъ не мыслимъ.

Иванъ Петровичъ былъ большой шутникъ, ему во что бы то ни стало, хотѣлось взглянуть на невидимку. И вотъ онъ началъ безпрестанно посѣщать конный дворъ, тамъ вошелъ въ дружескія отношенія съ главнымъ кучеромъ и всѣми конюхами.

Слѣдствіемъ этого было то, что ему всякій разъ давали знать, когда Софья Александровна велитъ осѣдлать себѣ лошадь. Одинъ разъ, когда конюхъ, запыхавшись, прибѣжалъ доложить, что, дескать, барышня ѣдетъ кататься верхомъ, Иванъ Петровичъ, посмѣиваясь въ свои красивые, длинные, черные усы, отправился на конюшню, переодѣлся конюхомъ и подвелъ осѣдланную лошадь къ подъѣзду, гдѣ въ амазонкѣ стояла тетя Сошенька. Онъ помогъ ей сѣсть въ сѣдло, вдѣлъ ей ногу въ стремя, поправилъ амазонку и подтянулъ подпругу. Тетя Сошенька только разъ взглянула на этого красиваго конюха, опустила глаза, закусилла губы и уѣхала. Возвратясь домой, она сдѣлала ужасную сцену матери и сестрамъ. Она узнала Ф. Вѣрно, она видѣла его изъ окошка съ верху, когда онъ гулялъ въ саду или проходилъ по двору. Послѣ этого, она надолго захандрила, и Иванъ Петровичъ уже болѣе никогда не видалъ ее.

Вскорѣ онъ посватался за тетю Натали и получилъ ея и бабушкино согласіе. Стали готовиться къ свадьбѣ; въ домѣ стояло необычное ожив-

леніе: совѣщались о приданомъ, писали письма въ Петербургъ, изъ Петербурга сыпались письма и посылки, поздравленія, подарки, заказанныя вещи. То и дѣло скакали посланные въ нашъ уѣздный городъ и обратно, пріѣзжали поздравлять родные, знакомые; всѣ были веселы и одушевлены, одна Софья Александровна упорно хандрила и не сходила внизъ.

— Но, Сошенька, что скажутъ всѣ, не видя тебя съ нами?—съ отчаяніемъ говорила бабушка.

— Скажите, что я нездорова,—отвѣчала непокорная дочь, и даже и на свадьбу не явилась она.

А я, маленькая дѣвочка, веселилась ужасно въ этой свадебной атмосферѣ. Большой залъ былъ заставленъ пѣльцами и столами, за которыми горничныя шили и вышивали приданое, напѣвая свадебныя пѣсни. Старая ключница имъ безпрестанно носила лакомства: то домашніе медовые пряники, то моченую бруснику съ яблоками, то каленые орѣхи; женыхъ всякій разъ, пріѣзжая, дарилъ имъ деньги, а неvěстѣ привозилъ подарки и всѣмъ другимъ барышнямъ конфекты и фрукты.

Поднялись тоже толки, что дать тетѣ Натали въ приданое? Два сына бабушки и моя мать были уже выдѣлены; выдѣлили и тетю Патали, давая ей превосходное имѣніе, Новотроицкое, съ окружающими его деревнями. Чтобы немного уравновѣсить дѣлежъ, потому, что мать моя получила въ приданое совсѣмъ неустроенную усадьбу, а Новотроицкое, въ полномъ смыслѣ, было полная чаша, то бабушка перевела на мое имя Новую деревню. Софью же Александровну боялись еще выдѣлить. Вотъ что по этому поводу писалъ бабушкѣ другъ ихъ дома Х...

«Счастливъ я буду, если вы выслушаете не совѣтъ мой, который слабъ, но гласъ истины, къ коему нѣкогда склоняли слухъ свой.

«Сколько я понимаю изъ письма вашего, то вы свое имѣніе, принадлежащее вамъ по праву благопріобрѣтенности, желаете упрочить или же и упрочили внуку вашей, минуя дочь вашу Софью Александровну. Не говорю о средствахъ, какія приняты вами, чтобы перевести имѣніе на деньги и черезъ то удовлетворить Софью А. По моимъ понятіямъ, я убѣжденъ, что имѣніе ваше вы упрочиваете вашей внуку. И по законамъ Божескимъ и по человѣческимъ правамъ, дочь должна занимать первое мѣсто у сердца матери; если же не такъ, то изысканы должны быть причины, почему те перь, а не гораздо прежде, она должна быть лишена правъ своихъ, наказана и поставлена ниже внуки, а тѣмъ отдаленнѣе отъ другихъ сестеръ своихъ!

«Я рѣшительно утверждаю, что слухи, до васъ дошедшіе отъ какой-то Марьи Ивановны, не имѣютъ основанія. Софья Александровна превыше тѣхъ понятій, коя свойственны людямъ, вовсе ей постороннимъ, и

конхъ голосъ и мнѣніе, по существу и цѣли дѣлаемаго вами ей предложенія, она должна считать для себя неумѣстными. Сравнивая вознагражденіе другихъ двухъ дочерей вашихъ—я говорю языкомъ истины—Софья А. не имѣетъ еще понывѣ ничего вѣрнаго, ничего для нея упроченнаго отъ сердца матери, кромѣ одного предположенія, и то, какъ видно, шаткаго, взвѣшиваемаго на голосахъ, на мнѣніяхъ, никакими событіями не подкрѣпленныхъ; представляя все это, я нахожу, что есть судьба, которая столько же прихотлива въ дарахъ своихъ, сколько постоянна, и вѣрно то, что рано или поздно, но наступитъ время, что мы должны будемъ сознаться въ несправедливости поступковъ нашихъ. Я страшусь, чтобы вы глубоко не раскаялись. Но чтобы вы вполне почувствовали сладость и успокоились въ сердцѣ вашемъ,—передайте имѣніе безъ всякихъ условій, ограниченностей и оборотовъ дочери вашей Софьѣ А. Нѣтъ вамъ нужды до того,—согласна ли она будетъ на сіе, или нѣтъ: это покажетъ время и убѣжденіе въ совѣсти вашей, что вы сдѣлали для нея все, что могли сдѣлать».

Эти выписки изъ дѣловаго письма показываютъ, что въ семьѣ происходила драма по поводу раздѣла.

Конечно, я, маленькая дѣвочка, не могла понять, что дѣлалось вокругъ меня, но видѣла волненіе родныхъ, слышала таинственныя рѣчи прислуги о чемъ-то касающихся моихъ родителей, бабушки и тетокъ. Какъ бы то ни было, но Софью Александровичу выдѣлили наравнѣ съ сестрами, и что недоставало землею въ ея долѣ, то дополнила бабушка капиталомъ, вложеннымъ на имя Софьи Александровны въ Петербургскій банкъ.

Итакъ, бабушка, какъ король Лиръ, роздала все своимъ дѣтямъ, оставивъ себѣ лишь небольшой капиталъ, намѣреваясь жить то у одной дочери, то у другой. Но и ей, какъ королю Лиру, этотъ раздѣлъ не далъ счастья. Между старшимъ сыномъ ея и двумя сестрами явился непримиримый разладъ вслѣдствіе того, что дочери получили свыше того, что опредѣляется закономъ. Второй мой дядя, Александръ Александровичъ, въ юныхъ годахъ подавалъ много надеждъ, учился превосходно и мечталъ сдѣлаться вторымъ Суворовымъ, но, поступивъ въ Артиллерійское училище, онъ совершенно опѣшилъ. Избалованный мальчикъ, выросшій на деревенскомъ просторѣ, онъ скучалъ и томился въ тѣсномъ школьномъ мірѣ до того, что убѣжалъ изъ училища; молодца скоро поймали и опять водворили въ школу, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ онъ кончилъ курсъ и вышелъ въ офицеры.

Какъ только его выдѣлили, такъ онъ сейчасъ же вышелъ въ отставку и началъ чудить. Ему досталась, между прочимъ, великолѣпная усадьба, въ которой всегда прежде жила его семья и все было устроено на славу. Домъ съ флигелями и службами, сады, оранжереи, паркъ, называемый,

въ честь бабушки, Екатериненвальдомъ,—все было роскошно. Домъ внутри былъ богато убранъ и полонъ дорогими вещами, собранными поколѣніями: картины, мозаика, мебель, фарфоръ.

Взойди во владѣніе, А. А. сейчасъ же продалъ это имѣніе, которое теперь цѣнится во сто тысячъ рублей серебромъ, за пятнадцать тысячъ ассигнаціями. Книги изъ богатѣйшей библіотеки онъ выбросилъ на дворъ, гдѣ дворовыя крестьянскія ребятишки растащили ихъ. Смѣясь, онъ рѣзалъ ножомъ картины, чтобы онѣ не достались Рыжкову (такъ была фамилія покупателя имѣнія). Фарфоръ разбивалъ, бросая съ балкона, и, наконецъ, совершивъ все это, онъ уѣхалъ за границу. Доѣхалъ онъ до Парижа съ комфортомъ; проживъ тамъ всѣ свои денежки, онъ пустился обратно, на родину, уже пѣшкомъ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, а сообщеніе въ делижансахъ было довольно дорого. Пройдя всю Германію съ котомкой на спинѣ, туристомъ, онъ на родинѣ поселился въ своемъ небольшомъ еще Крестецкомъ имѣніи.

Передъ свадьбой тети Натали, выдѣлили и тетю Сошеньку. Передали ей бумаги, и бабушка ѣздила съ ней въ передаваемую ей усадьбу Горки, чтобы ввести ее во владѣніе. Вскорѣ насталъ и день свадьбы тети Натали. Мы, кажется, за два мѣсяца до этого дня пріѣхали въ Новотроицкое. Къ этому дню набралось много гостей: нашихъ родныхъ и общихъ знакомыхъ, такъ что весь большой домъ былъ полонъ, какъ улей. Женихъ съ шаферами и съ другими молодыми людьми жилъ во флигелѣ. Можно себя вообразить, какое оживленіе стояло въ домѣ: бѣготня, смѣхъ, говоръ, танцы, пѣніе не смолкали до глубокой ночи. Только комнаты Софіи Александровны всегда были закрыты, и въ нихъ царила тишина. Она почти что не являлась между гостями. Въ день свадьбы, большое бабушкино трюмо перенесли въ гостиную; въ угловой комнатѣ, передъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго накрыли небольшой столъ съ хлѣбомъ и образомъ для благословенія невѣсты и жениха. На верху няня меня одѣвала въ бѣлое кисейное, вышитое платье, а я, сгорая нетерпѣніемъ бѣжать внизъ, все повторяла:—«Скорѣй, няня, скорѣй!»

Вдругъ въ комнату вошла тетя Сошенька, принарядившаяся и въ свѣтломъ платьѣ.

— Пойдемъ, Соня, внизъ,—сказала она и, взявшись за руки, мы спустились внизъ.

Въ большой гостиной передъ трюмо сидѣла невѣста, ее чесалъ домашній парикмахеръ, а кругомъ обступившія барышни подавали шпильки, цвѣты и фату. Между барышнями вертѣлись шафера невѣсты, пріѣхавшіе изъ Петербурга гвардейцы.

— А а, двѣ Софьи прішли!—закричала, увидя насъ, шаловливая княжна У.

— Сошенька! Ахъ, Сошенька! Хочешь подавать шпильки, Сошенька? Вотъ цвѣты возьми. Вотъ фата! — зашебетали барышни.

— *Ma belle cousine!* — подскочилъ къ тетѣ Сошенькѣ гвардеецъ.

Но она всѣмъ очень сухо отвѣчала и не взялась ни за какое дѣло. Подошедъ къ сестрѣ, она ее крѣпко поцѣловала и, ставъ напротивъ нея съ полными слезъ глазами, смотрѣла на одѣваніе невѣсты. Когда тетя Натали была готова, ее повели въ угловую, гдѣ князь У. и г-жа Е. ее благословили. Потомъ началось прощаніе. Тетя Сошенька нѣсколько разъ цѣловала сестру, приговаривая, крестя ее:

— Богъ съ тобой, душечка! будь счастлива, душечка!

Въ церковь тетя Сошенька не поѣхала и въ этотъ день уже не выходила изъ своей комнаты.

На другой день гости начали разъѣзжаться, а дня черезъ четыре уѣхали и молодые въ Тверское имѣніе Ивана Петровича, и все вошло въ обыкновенную колею въ опустѣвшемъ домѣ.

Мы всѣ остались въ Новотроицкомъ, чтобы бабушка не очень скучала и не была бы совершенно одна.

Вотъ въ одно пасмурное утро поздней осени, на всегдашній вопросъ бабушки:—А что Сошенька? ей отвѣчали, что Софья Александровна рано утромъ уѣхала верхомъ съ конюхомъ. Это было такое обычное явленіе, что никого не беспокоило.

— Видно, Сошенька дѣлается благоразумнѣе, — сказали себѣ домашніе и не тревожились.

Но наступила ночь, а Софья Александровна все не пріѣзжала. Разослали людей искать ее. Насилу уговорили бабушку лечь въ постель. Отецъ мой и мать, Марья Антоновна и Сперанскій всю ночь просидѣли въ угловой комнатѣ, подлѣ ея спальни. Къ утру привезли извѣстіе, что тетя Сошенька проѣхала въ свое имѣніе Горки. Тогда отецъ мой сейчасъ же собрался ѣхать туда и узнать, въ чемъ дѣло. Всѣ въ домѣ немного успокоились, только бабушка, вслѣдствіе тревоги, расхворалась. Черезъ сутки вернулся отецъ и привезъ вѣсть, что тетя Сошенька не намѣрена жить съ матерью и просить всѣ ея вещи, рояль, горничную, собакъ и лошадь переслать въ Горки, гдѣ она и останется. Нѣсколько недѣль шли переговоры. Бабушка и маменька ѣздили къ тетѣ Сошенькѣ, но все безуспѣшно.

Такъ Софья Александровна и осталась тамъ жить до конца своей жизни. Вещи ей переслали, но мать и сестры никогда не переставали увѣщевать ее возвратиться къ нимъ.

Въ первый разъ, вскорѣ послѣ отъѣзда тети Сошеньки, отецъ повезъ меня въ Горки изъ Новотроицкаго по первопутку. Я и теперь хорошо помню небольшой, сѣренькій домикъ Горокъ. Мы пріѣхали съ отцомъ и съ няней. Взошедъ въ небольшое свѣтлое зальце съ балко-

номъ, мы остановились, не зная, куда далѣе идти. Къ намъ, какъ пуля, вылетѣла Дуняша, горничная тетп Сошеньки, поклонилась низко отцу, бросилась цѣловать меня и няню, потомъ зашептала:

— Не примутъ онѣ васъ, батюшка, Михайло Васильевичъ, не примутъ. Иди, говоритъ, Дуняша,—скажи имъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, я никого видѣть не хочу.

— Ну, мы и уѣдемъ,—отвѣчалъ отецъ.—Пойду къ мужикамъ, авось не выгонятъ, а назадъ ѣхать сейчасъ же нельзя, и лошади устали, и ребенокъ прозябъ, и ѣсть хочется.

— Въ избу? Ахъ, нѣтъ, какъ можно! Я ставу уговаривать Софью Александровну. Какъ же можно барышню маленькую вести въ избу!

И Дуняша выбѣжала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени, намъ подали молока, яищъ, холодной дичи, принесли самоваръ, но сама хозяйка не показывалась. Я, играя, переходила изъ комнаты въ комнату; вдругъ одна изъ дверей отворилась, и вошла тетя Сошенька; она обняла и расцѣловала меня, усадила подлѣ себя и стала спрашивать про Новотроицкое, про Базановыхъ. Рука объ руку вернулись мы къ отцу. Тетя Сошенька остальное время дня провела съ нами и очень много и горячо о чемъ-то спорила съ отцомъ. Призывали прикащика, отецъ отдавалъ ему какія-то приказанія, и на другое утро, очень рано, мы пустились въ обратный путь. Потомъ рассказывали, что отецъ уговаривалъ тетку Сошеньку вернуться къ матери, но что она объ этомъ и слышать не хотѣла.

— Оставьте меня здѣсь въ покоѣ,—говорила она:—мнѣ здѣсь хорошо. Тамъ, я знаю, я ихъ мучу и сама мучаюсь. Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что опять не вернусь къ нимъ.

Такъ тетя Сошенька и осталась въ Горкахъ. Мы узнавали о ней черезъ донесеніе прикащика и черезъ ея горничную Дуняшу, отъ которыхъ получались подробныя письма о житѣ-бытѣ ихъ барышни. Изъ этихъ источниковъ мы узнали, что тетя Сошенька, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Горки, призвала прикащика и, собравъ мужиковъ, объявила имъ, что землею они могутъ владѣть, что ей они должны только платить оброкъ, сколько кто можетъ, что прикащикъ будетъ собирать для нея оброкъ; чтобы во всемъ нужномъ обращались къ прикащику, а чтобы ее оставили въ покоѣ. Затѣмъ зимой она поѣхала съ Дуняшей въ Петербургъ, гдѣ пробыла мѣсяца два.

Сейчасъ же въ Петербургъ полетѣли письма отъ бабушки, маменьки и тети Натали къ роднымъ и друзьямъ, съ просьбою повидать Сошеньку и уговорить ее вернуться къ болѣе нормальной жизни. Отъ нихъ пришли извѣстія, что Софья Александровна живетъ въ хорошей гостинницѣ, часто ѣздитъ въ театры, музеи и картинныя галлерей; много покупала себѣ вещей, книгъ и нотъ; но ни къ кому не ѣздила и ни-

кого къ себѣ не принимала. Одна какая-то родственница внезапно вошла къ ней и застала ее дома; увидя ее, Софья Александровна сейчасъ вскочила и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Потомъ пришла горничная и объявила, что барышня уѣхала. Послѣ этого, всѣ петербургскіе родные и знакомые махнули на нее рукой и не стали добиваться съ нею свиданія.

Слѣдующую весну до насъ дошли слухи, что Софья Александровна приказала себѣ строить домикъ въ лѣсу. Къ концу лѣта, этотъ домикъ въ двѣ комнаты, въ лѣсу, былъ готовъ, и тетя Сошенька перебралась туда съ своими собаками, книгами и роялемъ. Дуняша оставалась жить въ усадьбѣ. Утромъ она приходила къ своей барышнѣ, приносила хлѣбъ, молоко, ставила самоваръ, чистила платье, убирала комнаты и, получивъ приказаніе на день, уходила обратно. Конюхъ сѣдлалъ и приводилъ лошадь, когда она требовалась, Дуняша приносила обѣдъ, потомъ ужинъ, а ночью караульный наряжался изъ деревни, по распоряженію прикащика, къ барышнину дому. Такъ и жила тетя Сошенька до старости. Родные все продолжали писать и ѣздить къ ней, а она продолжала никого не принимать и возвращать назадъ нераспечатанныя письма. Наконецъ, когда къ ней ужъ очень приставали, она бросала изъ оконъ камнями въ тѣхъ, кто надоѣдалъ ей.

Я еще разъ, дѣвочкой, была въ Горкахъ съ отцомъ и матерью; мы ходили къ лѣсному домику, маменька подошла къ низкому окну и начала упрашивать тетю принять насъ. Тетя Сошенька на все это только повторяла:

— Оставьте меня въ покоѣ, я никого не хочу видѣть.

Еще одинъ разъ ѣздила я къ тетѣ Сошенькѣ, но уже большой дѣвушкой, только что вышедшей изъ института, когда и бабушки и дорогаго отца моего не было на свѣтѣ. Приѣхавъ домой, по выходѣ изъ института, я услышала, что тетя Сошенька все еще живетъ въ лѣсномъ домикѣ, все, даже еще больше, чуждаясь людей, по зимамъ продолжаетъ ѣздить мѣсяца на два въ Петербургъ. Маменьку, повидимому, этотъ образъ жизни тети Сошеньки сокрушалъ очень. Она со слезами говорила мнѣ о ней, и что она рѣшилась къ ней не писать и не ѣздить. Знакомые рассказали мнѣ, что года два тому назадъ, нѣсколько молодыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, подкутившихъ на охотѣ, ворвались къ ней днемъ, когда не было сторожа, и страшно напугали ее. А что недавно священникъ Горкинскаго прихода донесъ, что она не въ своемъ умѣ, никогда не бываетъ въ церкви, не говѣетъ, и потому ее надо взять въ опеку. Приѣхала коммиссія свидѣтельствовать умственные способности Софьи Александровны. На всѣ вопросы она отвѣчала покойно, толково и замѣчательно умно. Ее признали умственно совершенно нормальною и предоставили священнику вразумлять ее. Софья Александровна

ровна выслушала внимательно его длинную витіеватую рѣчь и потомъ отвѣчала тоже очень покойно:

— Я, батюшка, христіанка, и, увѣряю васъ, болѣе христіанка, чѣмъ вы сами. А въ церковь я не хожу потому, что равнодушно не могу видѣть, какая торговля идетъ въ храмѣ Божіемъ, тогда какъ въ Евангеліи сказано, что Спаситель выгналъ всѣхъ торгующихъ изъ храма и столы ихъ опрокинулъ, а у васъ въ церкви мѣняють деньги, продають свѣчи и за всякую потребу платятъ, какъ за товаръ.

Говорятъ, что священникъ не нашелся, что отвѣчать на это, и ретировался.

Въ первую же осень послѣ моего возвращенія изъ института, къ намъ пріѣхалъ нарочный изъ Горокъ, съ письмомъ отъ прикащика. Старикъ писалъ, что въ одну темную ненастную ночь четыре человѣка, съ завязанными платками лицами, напали на сторожа, связали его, разобрали кровлю лѣснаго домика и черезъ чердакъ спустились въ комнаты, гдѣ убивъ бросившуюся на нихъ собаку, унесли все, что можно было унести цѣннаго. По утру, пришедшіе люди, нашли связаннаго сторожа, разграбленный домъ и безчувственную Софью Александровну. Ее снесли въ усадьбу, послали за докторомъ и за нами. Мы сейчас же собрались и поѣхали. Пріѣхавъ въ Горки къ прикащику, мы узнали, что Софья Александровна лучше, что былъ докторъ и не нашелъ ничего опаснаго, что, къ счастью, билеты и большая часть серебра находились у прикащика.

— Только вотъ шкатулочку съ ихъ драгоценностями жаль, что не отдали мнѣ, а то всѣ жемчуга, да брилліанты унесли,—говорилъ съ горемъ честный, преданный старикъ.

Надо сказать, что всѣ родные и знакомые подвляли на ноги полицію, чтобы сыскать мошенниковъ, обокравшихъ Софью Александровну. И ихъ нашли—это были охотники и дворовые сосѣдьяго богатаго помѣщика. Ихъ засадили въ острогъ, но вещи не отыскались; отыскалась только, гдѣ-то въ полѣ, разрушенная шкатулка изъ-подъ нихъ. Послѣ нападенія на нее, тетя Сошенька задумала оставить Горки и поселиться гдѣ-нибудь не въ такой глуши. Около нашего города Боровичъ, ей очень понравилось небольшое имѣніе, пли, лучше сказать, дача, принадлежащая женѣ доктора Пр—ва, бой-бабѣ.

Софья Александровна повидалась съ г-жей Пр—ой, переговорила съ нею о покупкѣ дачи и условилась съ ней въ цѣнѣ.

— Ужь будьте покойны,—говорила докторша, я и купчую сама сдѣлаю, вамъ стоитъ только выдать деньги, а я вамъ всѣ бумаги привезу на домъ и въ руки отдамъ. Вы мнѣ деньги, а я вамъ купчую.

И въ самомъ дѣлѣ, докторша скоро пріѣхала съ бумагой, прочитала Софья Александровна, что она такая-то, Авиcья Млхайловна

Пр—ва, за такую-то цѣну продаетъ свою дачу дочери полнаго генерала А. П. К. С., дѣвицѣ Софѣ Александровнѣ.

— Ну-съ давайте денежки, а я вамъ дамъ купчую, изъ рукъ въ руки, какъ водится,—сказала, смѣясь тривіальнымъ смѣхомъ, докторша.

У Софьи Александровны деньги были приготовлены, она изъ сейчасъ же привезла, позвала прикащика и Дуняшу, сосчитала всю сумму при нихъ и при докторшѣ и передала ее Пр—вой.

Передавъ деньги, тетя Сошенька хотѣла взять бумагу изъ рукъ докторши, но та, скомкавъ ее бросила въ лицо Софѣ Александровнѣ, выбѣжала съ хохотомъ изъ дому, бросилась въ свой экипажъ и уехала съ деньгами прежде, чѣмъ ошеломленная тетя, Дуняша и старый прикащикъ могли понять, что происходитъ. Когда они опомнились, то прикащикъ сейчасъ же полетѣлъ въ городъ подать просьбу и заявить о случившемся.

Началось дѣло, но ни къ чему не привело. Такъ оно и кануло на дно, и тетя Сошенька заплатилась довольно кругленькой суммою за свое желаніе приблизиться къ людямъ. Она стала жить въ усадьбѣ, еще болѣе озлобленная и нелюдимая. Во всѣхъ своихъ непріятностяхъ она винила своихъ родныхъ.

— Они все это подсылаютъ ко мнѣ воровъ и обманщиковъ,—говорила она.

Крестьяне, зная пелюдимость своей барышни, не надоедали ей. Они сами отъ себя назначали караульныхъ по ночамъ охранять усадьбу своей барышни. Они любили ее. Она не обременяла ихъ ни оброкомъ, ни работами; а про ея образъ жизни они говорили такъ:

— Барышня спасается и замаливаетъ грѣхи близкихъ своихъ.

Они уважали эту жизнь въ глуши, вдали отъ людей.

Часто они приносили ей ягодъ, грибовъ, яицъ, масла, ставили свои подарки у дверей и уходили, не повидавшись съ ней.

Вскорѣ я вышла замужъ. Мужъ мой, узнавъ о тетѣ Сошенькѣ, хотѣлъ къ ней поѣхать—такъ она заинтересовала его. Но я, напуганная рассказами, что тетя стала бросать камнями и даже стрѣлять въ тѣхъ, кто къ ней подходилъ, отговорила мужа ѣхать въ Горки. Послѣ этого, я мало слыхала о тетѣ Сошенькѣ, не знаю, продолжала ли писать къ ней маменька, но знаю, что она съ нею не выдалась.

Долго прожила тетя Сошенька все такой же затворницей и умерла одиноко, такъ же, какъ жила, въ своихъ Горкахъ. И все состояніе ея досталось брату Александру Александровичу.

Послѣ разсказа жены небезынтересно будетъ разсказать мнѣ и объ Александрѣ Александровичѣ.

Человѣка этого нельзя было признать рехнувшимся, но онъ былъ

оригиналъ и во всякомъ случаѣ человѣкъ ненормальный. Нѣсколь-ко разъ онъ подвергался оффиціальному освидѣтельствуванію докторовъ и однажды нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ на испытаніи въ правительственномъ домѣ душевно-больныхъ; но доктора не признавали его помѣшаннымъ.

Возвратившись пѣшкомъ изъ Парижа въ Петербургъ, онъ явился безъ всякихъ средствъ къ жизни, и ему весьма вліятельные родные, занимавшіе высокое положеніе въ общественномъ строѣ, тотчасъ же нашли мѣсто на службѣ; но онъ не удержался и года. Затѣмъ тѣ же родные не одинъ разъ пристраивали его, но все оказывалось тщетнымъ.

Въ характерѣ Александра Самарина было много природнаго юмора. Онъ страстно любилъ литературу, пристально слѣдилъ за нею, перечиталъ все и былъ особенно знакомъ со всѣми отраслями и прежней и новѣйшей французской литературы. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ принялся за переводъ французскихъ романовъ, преимущественно, Польде-Кока, и перевелъ ихъ болѣе половины. Доходя не рѣдко до крайней нужды, онъ обращался тогда къ помощи родныхъ, прося одолжить ему бездѣлицу, и всегда не болѣе 3-хъ или 5-ти руб., отказываясь на отрѣзъ отъ большей ссуды. При этомъ, надо сказать, что онъ не терпѣлъ родныхъ и относился къ нимъ насмѣшливо, иронически; ко мнѣ же онъ относился иначе, хотя я былъ лишь случайнымъ родственникомъ по моей женѣ, его племянницѣ. Нося въ себѣ, какъ я сказалъ, много юмора, онъ постоянно писалъ памфлеты и комическія сцены на своихъ родственниковъ, рисовалъ ихъ въ каррикатурномъ видѣ и посылалъ эти свои рукописныя произведенія тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ онъ тамъ осмѣивалъ. Но это не мѣшало ему просить тѣхъ же лицъ, чтобы по временамъ они одолжали ему нѣсколько рублишекъ.

Не одни однако родственники изображались въ комическомъ видѣ въ его рукописныхъ сочиненіяхъ, а часто появлялись, вообще, разные эпизоды изъ общественной жизни, и съ этими сочиненіями Самаринъ являлся то къ тому, то къ другому министру въ пріемные дни. Вслѣдствіе этого, его не разъ подвергали освидѣтельствуванію докторами относительно умственныхъ его способностей. Наконецъ, онъ надоелъ, и его выслали изъ Петербурга, въ 1850 г., въ деревню къ его сестрѣ Фроловской, подѣ ея родственныи надзоръ. Въ это-то время я и узналъ А. Самарина. Проживъ тамъ мѣсяца 3—4, онъ отправился пѣшкомъ въ Петербургъ и, спустя нѣкоторое время, явился опять въ пріемную министра внутреннихъ дѣлъ, съ своимъ юмористическимъ произведеніемъ о безпорядкахъ, совершающихся въ домахъ терпимости, приложивъ это произведеніе къ форменному прошенію.

Тогда его послали въ Орелъ подѣ надзоръ полиціи. Тамъ онъ въ своихъ произведеніяхъ изобразилъ въ комическомъ видѣ губернатора;

за что и былъ удаленъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. Спустя нѣкоторое время, онъ отправился опять пѣшкомъ въ Петербургъ; прибывъ туда, онъ сочинилъ себѣ какой-то видъ, къ которому приложилъ накопченную печать конторы виннаго откупа, что нерѣдко практиковалось за отсутствіемъ сюргуча. Эта печать, накопченная лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ, могла съ перваго вида вводить въ заблужденіе при неясномъ оттискѣ, представляясь какъ бы изображеніемъ двухглаваго орла. Съ такимъ видомъ, Самаринъ прожилъ чуть не цѣлый годъ; но наконецъ дѣло обнаружилось. Послѣ того его сослали въ Архангельскъ. Но когда въ Бѣломъ морѣ, во время Крымской кампаніи, появился англійскій флотъ, Самарина препроводили въ Мезень, полагая, что онъ будто-бы можетъ быть вреденъ въ политическомъ отношеніи. Затѣмъ его возвратили въ Архангельскъ, откуда онъ опять, по образу пѣшаго хожденія, появился въ Вологдѣ, гдѣ и былъ задержанъ. Изъ Вологды онъ послалъ прошеніе въ 3-е отдѣленіе о дозволеніи ему возвратиться въ Петербургъ. Дозволеніе послѣдовало, но его тотчасъ же посадили на испытаніе, на нѣсколько мѣсяцевъ, въ домъ умалишенныхъ, находящійся на 11-й верстѣ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытанія, доктора не признали его помѣшаннымъ. Однако надо сказать, что въ это время уже обнаружился пунктъ нѣкотораго помѣшательства, который онъ тщательно скрывалъ передъ посторонними: это боязнь, что его постоянно преслѣдуютъ, отчего глаза его блуждали, и вообще замѣтно было на лицѣ выраженіе испуга. Самарина выпустили на свободу, и онъ сталъ пріискивать себѣ переводы; но, потерявъ связи съ издателями грошовыхъ книгъ, онъ не могъ найти себѣ достаточно работы. Между тѣмъ, все-таки перебивался такъ года четыре. Но вотъ умираетъ его сестра Софья, жившая отшельницей въ лѣсу. Ея имѣніе и небольшой капиталъ достаются въ наслѣдство ея брату А. Самарину.

Это имѣніе Самаринъ продалъ такъ же, какъ и великолѣпное Самаринское, за ничтожную сумму, которую спустилъ и опять явился оборванцомъ въ Петербургъ. При этомъ необходимо пояснить, что онъ никогда не роскошничалъ и никогда въ жизни, абсолютно, не пилъ ничего, кромѣ воды и чая, за что, какъ онъ сказывалъ, подвергался, въ бѣдность свою въ Парижѣ, насмѣшкамъ французскихъ гарсоновъ.

Разъ въ мѣсяцъ или рѣже, Самаринъ являлся ко мнѣ, и всегда съ какимъ-нибудь юмористическимъ произведеніемъ на русскомъ или французскомъ языкѣ. Я давалъ ему нѣсколько деньжонокъ, но онъ, какъ я уже замѣтилъ, ни за что не бралъ болѣе 3 или maximum 5 рублей. Не однажды, видя его въ ужасномъ одѣяніи, я отдавалъ ему старое платье. Между тѣмъ, въ слѣдующій разъ, онъ опять явится въ невозможномъ костюмѣ.

— Затѣмъ же вы опять такъ одѣты?

— Monsieur, — отвѣтитъ онъ, — *un habit comme il faut* ne me convient pas.

Такъ какъ Самаринъ сталъ въ послѣднее время часто являться къ родственникамъ, — что не могло быть имъ пріятно, — то я предложилъ положить Самарину онъ каждого лица извѣстное опредѣленное жалованье въ мѣсяцъ. Всѣ, конечно, охотно согласились и подписали общее соглашеніе, которое составляло сумму, достаточную на наемъ комнаты и на пропитаніе. И когда Самаринъ пришелъ ко мнѣ, то я передалъ ему это соглашеніе, по которому онъ могъ бы являться каждый мѣсяцъ за полученіемъ своего опредѣленнаго жалованья, а не за подаеніемъ. Несмотря на это, всѣ замѣтили, что когда онъ приходилъ за жалованьемъ, то представлялъ по-прежнему видъ оборванца. Тогда порѣшили помѣстить его въ пріютъ за извѣстную плату, чтобы онъ имѣлъ теплый, хорошій уголь и надлежащую пищу. Въ это время ему было около 70 лѣтъ. Пробывъ тамъ мѣсяца два или три, онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что вышелъ изъ пріюта. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ и онъ пропалъ безъ вѣсти.

Постоянные жители Петербурга могли безпрестанно встрѣчать его на Невскомъ. У него были густые, длинныя, курчавыя волосы съ просѣдью, покрытые всегда измятымъ цилиндромъ. Онъ ходилъ необыкновенно быстро, осматриваясь и оглядываясь во всѣ стороны, и, непрерывно зимой и лѣтомъ, съ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ и носилъ свои произведенія.

Аристократъ по рожденію и воспитанію, А. Самаринъ былъ крайній плебей, психическое состояніе котораго, какъ и его сестры Софьи, осталось все-таки загадкой, за исключеніемъ крайней непріязненности къ роднымъ по крови и отчужденія отъ нихъ.

Возвращусь теперь къ Фроловскимъ. Они жили въ большомъ, прекрасномъ домѣ съ отлично устроенной усадьбой, гдѣ жила прежде старикки Квашнины-Самарины, переѣзжавшіе изъ одного имѣнія въ другое. У Фроловскихъ мы бывали не часто, потому что ничто не влекло туда. Но съ 1847 года для меня картина перемѣнилась. Съ этого года у Фроловскихъ стала гостить, или почти жить ихъ племянница, Мельгунова, только что вышедшая изъ Екатерининскаго института, на которой я впоследствии и женился.

Надо сказать, что въ Екатерининскомъ институтѣ служила моя тетка. Это была пожилая дѣвушка, отлично образованная, начитанная, очень умная, необыкновенно острая, добрѣйшая и веселая. Многіе родители поручали ей воспитательный надзоръ за своими дѣтьми. Дѣти и всѣ въ институтѣ ее очень любили, — она какъ-то всѣхъ оживляла.

Однажды, въ теплый весенній день, я былъ у тетки въ институтѣ. Мы сидѣли у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Вдругъ посыпали

изъ института дѣвицы въ садъ. Увидавъ мою тетку у окна, большая кучка дѣвицъ подошла къ нему, чтобы переговорить что-то съ ней.

Я замѣтилъ одну дѣвушку необычной красоты, прекраснаго роста, съ изящной фігурой и зеленокаштановыми волосами. Когда дѣвицы отошли, я спросилъ тетку, — кто эта дѣвушка, стоявшая на такомъ-то мѣстѣ и говорившая съ ней.

— Это племянница начальницы Родзянко, по фамиліи Мельгунова, первая красавица предстоящаго выпуска. Ея мать живетъ въ вашихъ валдайскихъ краяхъ.

И вотъ, годъ спустя, эта дѣвушка появляется у Фроловскихъ. До тѣхъ поръ и не зная, что она ихъ племянница. Мать ея, вдова, жила верстахъ въ 4-хъ отъ Новотроицкаго, никого у себя не принимала, и потому дѣвушка стала почти постоянно гостить или жить у Фроловскихъ.

Понятно, что мнѣ захотѣлось бывать почаще у Фроловскихъ. Но для этого нужно было имѣть предлоги, такъ какъ я долженъ былъ посѣщать чужой домъ, а не домъ матери дѣвушки. Тогда я сталъ ѣздить въ Валдай безъ всякой нужды. Дорога отъ меня въ Валдай, верстъ 50 длинной, пролегла мимо Новотроицкаго, которое лежало на полдорогѣ; проѣхать мимо знакомаго семейства неловко. Заѣду покормить лошадей; ѣхать далѣе поздно; хозяева оставить ночевать, а на другой день, тары да бары, подойдетъ обѣдъ. На обратномъ пути изъ Валдая повторяется то же самое. Фроловскій скоро догадался, что мои поѣздки въ Валдай суть только предлоги, и, полюбивъ меня, всячески способствовалъ задержанію меня у себя.

Однако, дѣло сближенія отношеній между мною и дѣвушкой нисколько не подвигалось впередъ, вслѣдствіе того тона свѣтскихъ приличій, господствовавшихъ въ домѣ г-жи Фроловской, усвоенныхъ ею воспитаніемъ, о которомъ я упоминалъ выше. Оставаться дѣвушкѣ одной съ молодымъ мужчиной считалось неприличнымъ, а о томъ, чтобы прогуляться однимъ въ саду, не могло быть и помину. Не менѣе того, во всей окрестности ходили слухи, что между нами все уже кончено, хотя въ дѣйствительности ничего подобнаго еще не было.

По этому поводу не могу воздержаться, чтобы не рассказать одного курьезно-комическаго эпизода.

Въ одинъ прекрасный день, въ полную весеннюю распутицу, когда нельзя ѣхать ни на колесахъ, ни на саняхъ, и ѣзда по сельскимъ дорогамъ представлялась невыносимой, подѣхалъ ко мнѣ тарантасъ, и изъ него вылѣзъ начальникъ сосѣдняго участка, нѣкій А—ій. Ни я у него, ни онъ у меня никогда не были; я только встрѣчалъ его раза три или четыре у общихъ знакомыхъ. Онъ былъ въ чинѣ подполковника, лѣтъ на 12 или болѣе старше меня, слылъ за человѣка ограниченнаго, чтобы

не сказать глуповатаго, нѣсколько нахальнаго и имѣлъ манеры низкопробнаго фата, въ родѣ нѣкоторыхъ героевъ Марлинскаго. Черты лица его были не дурны, но выраженіе ограниченности и нахальнаго самодовольства сразу бросилось въ глаза.

Пріѣзду А—аго я крайне удивился.

— Куда это васъ Богъ несетъ въ такую распутицу? вѣроятно, въ Кузнецово къ Семичеву по экстренному дѣлу?

— Нѣтъ, я специально къ вамъ съ просьбою.

— Готовъ служить—что прикажете?

— Вы, кажется, хорошо знакомы съ Фроловскими?

— Да, знакомъ!

— Я хочу съ ними познакомиться; представьте меня.

— Съ удовольствіемъ, только тогда, когда дороги сдѣлаются лучше.

— Нѣтъ, я желалъ бы теперь.

— Нагрянуть въ такую распутицу будетъ не ловко. Отложите до другого раза.

— Помилуйте, я пріѣхалъ за 70 верстъ. Значитъ, вы не желаете представить меня.

Такъ какъ это былъ намекъ на то, что я опасаюсь и не желаю имѣть конкурента, то я отвѣчалъ:

— Хорошо, хотя это не ловко, поѣдьте, а теперь отдохните съ дороги.

— А завтра будетъ другой предлогъ. Скажите лучше на прямки, что вы опасаетесь конкурента, и А—ий разразился хохотомъ.

Я уже зналъ, что онъ и глуповатъ и нахаленъ, но такой рѣчи не ожидалъ.

— Извольте, поѣдьте сегодня; но вѣдь по настоящей распутицѣ мы пройдемъ часа четыре и попадемъ часамъ къ 9-ти вечера. Поэтому неловкость нашего несвоевременнаго пріѣзда примите на себя.

— Въ деревнѣ это дѣло обыкновенное.

— Да! но не тогда, когда я долженъ представить васъ въ первый разъ.

Дѣлать было нечего, я приказалъ запрягать лошадей и пошелъ одѣться. Выхожу и вижу А—го въ дорожномъ костюмѣ, невыбритаго, а борода была у него черная, какъ сапогъ.

— Что же, вы еще не одѣлись и не побрились? Надо слѣшнить.

— Я поѣду такъ и переодѣнусь и выбреюсь тамъ; хуже пріѣхать забрызганнымъ грязью. Когда пріѣдемъ, вы скажите, чтобы мнѣ отвели комнату.

Это уже было нахальство. Пріѣхавши, я побѣжалъ скорѣе къ хозяйку и предупредилъ его, что я привезъ гостя, который проситъ комнату.

Дѣйствительно, мы пріѣхали часовъ въ 9-ть. Хозяева отпили уже чай, и вѣрно было, разумѣется, подать свѣжій самоваръ. Ждали А—аго почти 1½ часа; наконецъ, является выбритый, въ блестящихъ густыхъ эполетахъ, потряхивая плечами. По образу визита, хозяинъ догадался уже, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не дальнимъ; но когда онъ явился, то съ первыхъ же словъ А—ій выдалъ себя головою.

Онъ тотчасъ же подсѣлъ къ барышнѣ и вздумалъ увеселять ее п всѣхъ анекдотами.

— Вотъ я расскажу вамъ, сударыня, какъ однажды одинъ гусарскій офицеръ пріѣхалъ въ гости къ помѣщику, привезъ съ собою сѣдло съ чепракомъ, чтобы кататься верхомъ съ дочкой, и повѣсилъ его въ передней. Только вдругъ онъ видитъ, что барышня накинула на себя чепракъ и разгуливаетъ, какъ пава, по залѣ, и говоритъ офицеру: «Это вы для меня или для кого другаго привезли такую красивую мантилью?»

Всѣ засмѣялись, и въ то же время удивились такому анекдоту, который А—ій полагалъ рассказать кстати. И вслѣдъ за тѣмъ, опять разсказалъ другой анекдотъ.

— А вотъ другой офицеръ пріѣхалъ тоже къ помѣщику въ Малороссіи и послѣ сытнаго обѣда прохаживается съ барышней по залѣ. Барышня ходитъ и все вздыхаетъ. «О чемъ вы вздыхаете, сударыня?» А она ему въ отвѣтъ: «Ахъ, отстаньте, отвяжитесь,—я просто наилась».

Тогда всѣ разразились гомерическимъ хохотомъ, и А—ій сталъ самодовольно потряхивать эполетами, воображая, что хохочутъ не надъ его глуповатостью, а надъ анекдотомъ, будто бы очень кстати, по случаю его пріѣзда, имъ разсказаннымъ. Словомъ сказать, черезъ ¼ часа по своемъ появленіи А—ій предсталъ въ настоящемъ своемъ видѣ. И въ это время было множество комичныхъ сценъ, но разсказывать ихъ долго; довольно и тѣхъ, которыя я разсказалъ.

На другой день я звалъ его ѣхать. Но не тутъ-то было. Какіе же хозяева отпустить по такой распутицѣ гостей?—сказалъ онъ. И оставался три дня. Я конечно уѣхалъ бы, но не могъ потому, что привезъ его на своихъ лошадяхъ. Видимо, онъ оставался такъ долго для того, чтобы высмотрѣть, не рѣшено ли у насъ съ дѣвушкой Мельгуновой. Убѣдившись, что дѣло между нами еще не рѣшено, онъ черезъ недѣлю пустился опять въ Новотроицкое.

Не доѣзжая верстѣ десяти до меня, А—ій приказалъ ямщику повернуть направо, прямо въ Новотроицкое.

— Далеко, баринъ, лошади пристали, поѣдемте на Шегринку, туда ближе, а оттуда возьмете другихъ лошадей.

— Говорятъ тебѣ ступай прямо,—на Шегринку я не поѣду.

Шегринка была мѣстомъ моего жительства.

— Да вы зачѣмъ, баринъ, въ Новотроицкое-то ѣдете?

- А тебѣ что за дѣло?
- Да вѣдь тамъ Шегринскій-то баринъ порѣшилъ!
- Ты почему знаешь?
- Какъ же не знать, вѣдь я изъ Шегринки, у насъ всѣ знаютъ.
- Вѣрно ли?
- Вѣрно, баринъ.
- Поворачивай налѣво и ступай въ Великуши, сказалъ А—ій.

Ямщикъ рассказывалъ это, мнѣ и не разъ моимъ товарищамъ.—Разскажи-ка, какъ ты обвинчалъ А—го,—спросятъ его, и онъ расскажетъ свой разговоръ съ А—имъ, случившійся на поворотѣ дороги.

Надо замѣтить, что А—ій, достигнувъ почти 40 лѣтъ, порѣшилъ какъ можно скорѣе жениться и былъ въ это время—à la recherche d'une promise, во что бы то ни стало. Въ деревнѣ Великуши жила вдова кн. У—ая съ дочкой, которая была пріятельницей съ дѣвушкой Мельгуновой.

Много, если А—ій, навѣстивъ раза два или три Великуши, сдѣлалъ предложеніе дочкѣ и женился на ней.

Фроловскіе, въ началѣ 1850 года, уѣхали, въ Петербургъ, а дѣвушка осталась съ матерью, которая никого у себя не принимала, а потому встрѣча съ ея дочерью могла быть только случайная. И вотъ, мы, всѣ инженеры нашего 6-го участка, получаемъ приглашеніе отъ нѣсколькихъ домовъ изъ Валдая на балы и празднества, имѣющіе быть на масленицѣ. Я рассчитывалъ, что, вѣроятно, встрѣчу тамъ дѣвушку Мельгунову. И дѣйствительно, по пріѣздѣ, я узналъ, что мать привезла дочь, оставила ее въ семействѣ Гордѣевыхъ, а сама возвратилась въ деревню. Первый балъ былъ у проживавшихъ зиму въ Валдаѣ Азаревыхъ, гдѣ были двѣ дѣвушки сестры, которыя, не будь онѣ очень мишіаторны, могли бы считаться выдающимися по красотѣ. На другой день предстоялъ балъ съ живыми картинами у жандармскаго полковника Виланда, имѣвшаго прелестную дочь, которую ужъ положительно можно было считать красавицей. Она вышла потомъ за Щербакова, о которомъ я тоже упоминалъ выше. Въ живыхъ картинахъ должны были участвовать дочь хозяина, Мельгунова и другія дѣвицы. Картины изображались въ широкихъ, драпированныхъ дверяхъ, выходящихъ въ большую залу. На противоположной стѣнѣ была такая же дверь, ведущая въ кабинетъ. Тамъ было очень много, и онѣ занимали почти всю залу; мужчины же смотрѣли на живыя картины изъ кабинета. Прошли уже двѣ картины, въ которыхъ принимала участіе дочь хозяина, а въ слѣдующей должна была появиться Мельгунова. Въ антракты, декорированная дверь, конечно, закрывалась и распахивалась тогда, когда постановка картины была готова. Картины ставилъ самъ хозяинъ, хорошо рисовавшій. Ждали слѣдующей картины; распахивается дверь, и мы

увидали дѣвушку въ бѣломъ одѣяніи, окруженную пламенемъ. Въ первый моментъ намъ представилось, что картина изображалась съ бенгальскимъ огнемъ; но вдругъ, дѣвушка, какъ будто кѣмъ-то толкнутая, вбѣгаетъ въ залу, вся пылающая огнемъ. Первымъ къ ней успѣлъ броситься мой братъ, Ипполитъ, обхватилъ руками плечи и моментально спустил свои руки вдоль всего стана къ полу. Пламя прекратилось, а осталось лишь нѣсколько огненныхъ языковъ отъ сорванного тюлевого одѣянія, и дѣвушка упала безъ чувствъ. Принесли сейчасъ холодной воды, sprysнули обгорѣвшую дѣвушку, и она очнулась.

Когда дѣвушка вбѣжала, горящая въ залу, всѣ дамы бросились для спасенія себя въ переднюю и затѣмъ въ сѣни. Въ залѣ находился только одинъ мужчина Ц—ъ, п, къ его стыду, надо сказать, что онъ, вмѣсто того, чтобы тушить загорѣвшуюся, такъ какъ онъ былъ всѣхъ ближе къ ней, выскочилъ въ сѣни вмѣстѣ съ дамами.

Случился пожаръ слѣдующимъ образомъ: картина должна была изображать даму, собирающуюся ѣхать на балъ и осматривающую себя въ трюмо; а потому на ней было воздушное тюлевое платье. За дверьми, передъ картиной, устроена была, конечно, рампа со свѣчами на полу. Виландъ сталъ устанавливать картину, Мельгунова неловко повернулась, и подолъ ея платья загорѣлся; хозяинъ хотѣлъ тушить, но не успѣлъ потому, что рядомъ стоящая его дочь тоже загорѣлась, тогда онъ распахнулъ двери и толкнулъ Мельгунову въ залу, чтобы ее спасали тамъ, а самъ бросился тушить дочь.

Всего больше обгорѣла Мельгунова, у нея вся внутренняя сторона руки была страшно обожжена, начиная отъ кисти и почти до подплечья. Дочь Виланда, хотя и обожглась, но не опасно; у самого же Виланда была сильно обожжена сплошь вся кисть одной руки.

Понятно, какой поднялся переполохъ; когда Мельгунова очнулась, всѣ старались облегчить ея страданія. Стали таскать ведрами снѣгъ, затѣмъ одинъ принесъ мыло, другой бутылку чернилъ и сталъ, не спрося никого, натирать руку тѣмъ и другимъ. Между тѣмъ, началъ натягиваться страшный пузырь, и натиравшіе руку прорвали его въ томъ мѣстѣ, гдѣ обжогъ былъ менѣе глубокъ, и потому произведенныя ими натиранія причинили такія страданія, что дѣвушка нѣсколько разъ теряла чувства, въ которыя ее приводили, поднося къ носу или напатырный спиртъ или одеколонъ; хотя на балу былъ докторъ, Торопогрицкій, но онъ, сильно интересуясь въ это время дочерью Виланда, находился при ней и отцѣ.

Видя сумбуръ, происходящій около Мельгуновой, и что нѣтъ головы для распоряженія, я принялъ на себя роль распорядителя, авторитетъ котораго всѣ невольно признали, полагая, конечно, что между мной и Мельгуновой вопросъ былъ уже рѣшенъ.

Я приказалъ принести много полотенцевъ и, намочивъ ихъ ледяною водою, обмоталъ ими руку въ нѣсколько разъ. Страданія облегчились, и часа черезъ два можно было перевезти въ возкѣ больную въ домъ Гордѣвыхъ, гдѣ она гостила. Я просилъ подругъ больную безпрерывно мочить компрессы ледяною водою, и тому, что я дѣлаю распоряженія, онѣ не удивлялись.

На другой день, пріѣхавъ къ Гордѣвымъ, я узналъ, что былъ уѣздный врачъ, который слылъ за коновала и былъ вѣчно пьянъ. Онъ наложилъ на руку какую-то мазь; я увидалъ его, когда пріѣхалъ къ вечеру сдѣлать перевязку, но онъ былъ такъ пьянъ, что языкъ его не вязался. Оказалось, что положенная имъ мазь прилипла къ образовавшейся во всю руку рапѣ. Отъ новой перевязки страданія больной возобновились донельзя. Я поѣхалъ къ Торопогрицкому просить его принять на себя лѣченіе. Торопогрицкій былъ поглощенъ ухаживаніемъ за Виландами и сказалъ, что можетъ пріѣхать только завтра. Пріѣхавъ на другой день, онъ констатировалъ, что началась гангрена и если она не ограничится и достигнетъ до предплечья, до котораго оставалось меньше трехъ пальцевъ ширины, спасенія не будетъ. Читатель можетъ судить о томъ, что произошло во мнѣ. Торопогрицкій сдѣлалъ перевязку изъ другой мази, приказалъ перемѣнить ее къ вечеру, а самъ уѣхалъ за 40 верстъ навѣстить свой лазаретъ, сказавъ, что будетъ завтра.

Подруга Мельгуновой стала дѣлать вечеромъ перевязку, но не смогла и послала за мной. Я сдѣлалъ это съ такой осторожностью, что не возбудилъ страданій. На другой день Торопогрицкій сказалъ, что гангрена не идетъ далѣе и что есть надежда на спасеніе. При такомъ серьезномъ положеніи, онъ сталъ пріѣзжать каждый день, и вскорѣ начали отваливаться куски, которые подверглись пораженію гангреной. Послѣ первой моей удачной перевязки, не возбуждавшей страданій и которая поправилась поэтому больной, она попросила своихъ подругъ призывать всегда меня. Вотъ я сталъ проводить по нѣсколько часовъ около больной. Тогда-то мы и порѣшили между собой дѣло женитьбы.

По этому поводу не могу не упомянуть хозяйку дома Анну Васильевну Гордѣву съ величайшею признательностью. Она знала, что, до этого времени, у насъ не было еще ничего порѣшено, что за мной не было никакихъ правъ на распоряженіе относительно больной; но прекрасное и чуткое сердце Гордѣвой признало за мной это право въ силу того неопредѣленного чувства, которое, по ея догадкамъ, я питалъ къ дѣвушкамъ. И потому она, деликатнѣйшимъ образомъ, допускала меня до распоряженій въ ея домѣ, какъ бы роднаго ей и самой больной.

Больная пролежала въ Валдаѣ, въ домѣ Гордѣвыхъ, болѣе мѣсяца, до тѣхъ поръ, пока могла переѣхать къ матери въ деревню; но пере-

вязка руки должна была продолжаться долго. Затѣмъ, когда все зажило, то рука представляла бугры и ямы вслѣдствіе бывшей гангрены, которые сглаживались десятки лѣтъ и по сихъ поръ еще не изгладились совершенно.

Въ концѣ іюля, устроивъ домъ для семейной жизни, мы обвѣнчались на Валдайкѣ въ военной походной церкви, прибывавшей ежегодно изъ разныхъ полковъ Гренадерскаго корпуса, стоявшихъ близъ Новгорода.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIII ¹⁾).

Литературный кружокъ сороковыхъ годовъ.—В. Г. Бѣлинскій и его значеніе.—Субботы у И. И. Панаева.—И. С. Тургеневъ.—А. И. Герценъ.—Г. М. Толстой.—Ф. М. Достоевскій и его „Бѣдные люди“.—Н. А. Некрасовъ; его прошлое и настоящее.—Д. В. Григоровичъ.—Ив. Ив. Панаевъ.—„Мертвыя души“ Гоголя и ихъ значеніе.—Некрасовъ, какъ издатель „Современника“.—Участіе въ немъ Н. Г. Чернышевскаго.—Славянофилы.—М. Н. Катковъ и его изданія.

Послѣ производства въ офицеры, въ 1842 году, я оставался еще, какъ было уже сказано выше, два года въ офицерскихъ академическихъ классахъ и потому могъ чаще посѣщать Ив. Ив. Панаева. Его домъ былъ тогда сосредоточіемъ передоваго литературнаго кружка того времени. Это средоточіе являлось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ притягательной силы, которой обладали Бѣлинскій, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и безкорыстно преданнаго литературѣ, а равно и привѣтливости его, какъ хозяина дома.

Изъ предшествующихъ моихъ разсказовъ уже видно, что Ив. Ив. и Бѣлинскій были искренними друзьями, при чемъ дружбу Ив. Ив. можно было сравнить съ восторженной любовью, подобной той, какую питають къ женщинамъ.

Но въ чемъ заключалась притягательная сила Бѣлинскаго,—это вопросъ весьма не безынтересный.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1901 г.

Бѣлинскій въ дѣйствительности не обладалъ ни особенными знаніями, ни начитанностью, не зналъ даже иностранныхъ языковъ; а между тѣмъ, онъ пріобрѣлъ небывалый ни прежде, ни послѣ него, авторитетъ, какъ среди созидавашагося тогда свѣжаго литературнаго круга, такъ и среди интеллигентной, читающей публики.

Не столько умъ и логика обусловили его силу, сколько совокупность ихъ съ нравственными его качествами. Это былъ рыцарь, сражающійся за правду и истину. Это былъ палачъ всего искусственнаго, дѣланнаго, фальшиваго, не искренняго, всякихъ компромиссовъ и всякой неправды, гдѣ бы таковая ни являлась. При этомъ, онъ обладалъ громаднымъ талантомъ, рѣдкимъ эстетическимъ чувствомъ, страшной энергіей, жгучимъ словомъ, горячею возвышенною душою, восторженностью и теплѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и отзывчивымъ сердцемъ во всемъ. Словомъ сказать, его можно назвать: могучій критикъ-поэтъ.

По моему глубокому убѣжденію, въ перечисленныхъ-то мною свойствахъ и заключалась притягательная сила Бѣлинскаго. Я зналъ Бѣлинскаго въ теченіе девяти лѣтъ, до дня его смерти, и во все это время я не подмѣтилъ въ немъ ни одной черточки, которая показывала бы, что онъ признаетъ за собою необыкновенную силу и вліяніе на другихъ. Онъ такъ былъ естественъ во всемъ, что можно съ увѣренностью сказать, что ему и въ голову не приходило анализировать главныя причины своего вліянія, которыми и не помышлялъ кичиться. Если бы онъ подмѣтилъ въ себѣ эту кичливость, то, конечно, казнилъ бы самъ себя.

Мы можемъ гордиться не малымъ числомъ, явившихся въ нашемъ отечествѣ, великихъ литературныхъ талантовъ, какъ Державинъ, фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ, и великихъ геніевъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; но мы имѣли одного великаго критика—Бѣлинскаго.

Значеніе Бѣлинскаго и вліяніе его на литературу громадно; но это вліяніе до сихъ поръ еще не оцѣнено должнымъ образомъ. Все, что подлежитъ развитію,—требуетъ питанія. Зерно, попавшее на дурную почву, хотя и дастъ ростокъ, но затѣмъ погибаетъ. Чтобы онъ развился, надо питать его, или пересадить на хорошую почву и уничтожить растущій около него бурьянъ, который, иначе, заглушитъ ростокъ. Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ и Ив. Ив. Панаевъ суть дѣти Бѣлинскаго, его вскормленники.

Когда нѣтъ авторитетной, искренней оцѣнки прекраснаго, художественнаго, возвышеннаго и истиннаго, и, въ то же время, могучаго меча надъ фальшью, безобразіемъ и глупостью; когда критика не способна подмѣчать истинные таланты въ зародышѣ и безсильна давить возрастающую бездарность, тогда воцаряется анархія, какъ въ лите-

ратурѣ, такъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, — каковая картина и стоитъ нынѣ передъ нашими глазами.

Въ 1842 году Ив. Ив. Панаевъ жилъ у Аничкина моста въ домѣ Лопатина. Въ томъ же домѣ жилъ и Бѣлинскій. По субботамъ, у Ив. Ив. собирались литераторы, а также прилѣпившіеся къ литературѣ и, вообще, знакомые. Изъ числа литераторовъ помню князя Одоевскаго, Соболевскаго, Башуцкаго, которые бывали рѣдко; графа Соллогуба, бывавшаго довольно часто; А. А. Комарова, воспитателя юношества и преподавателя русской словесности въ военно-учебныхъ и другихъ заведеніяхъ; Вас. Петр. Боткина, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ; Кетчера, переводчика Шекспира, пока онъ не возвратился въ Москву; Анненкова, впоследствии издателя сочиненій Пушкина; Бранта, писавшаго великосвѣтскіе повѣсти и романы, который, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ изображенъ карриатурой въ литературномъ сборникѣ, приложенномъ къ «Современнику» 1849 г., въ видѣ Наполеона I, потому что претендовалъ на нѣкоторое съ нимъ сходство.

Изъ знакомыхъ Ив. Ив. помню Ник. Петр. Боткина, брата В. П.; Маркевича, который не занимался еще тогда литературой; А. С. Комарова, инженеру, профессору въ Институтѣ путей сообщенія; офицера Московскаго полка Булгакова, извѣстнаго въ то время всѣмъ своимъ остроуміемъ и оригинальными шутками; молодыхъ красавцевъ: лейбъ-гусара Полторацкаго, царско-сельскаго кирасира Ольховскаго и морскаго флигель-адъютанта Колзакова и затѣмъ поклонниковъ литературы: Маслова, Кульицкаго, Тютчева и друга Ив. Ив.—М. А. Языкова; послѣдніе были постоянными посѣтителями субботъ.

Въ скоромъ времени, кто-то привезъ Ив. Ив. изъ Парижа краткую исторію революціи конца прошедшаго столѣтія, о которой русское общество, за исключеніемъ тѣхъ не многихъ лицъ, которымъ случалось бывать за границей, не имѣло никакого сколько-нибудь вѣрнаго представленія; даже литературный міръ пребывалъ, въ этомъ отношеніи, въ невѣдѣніи, такъ какъ, абсолютно, ни одно историческое сочиненіе, относящееся къ этой эпохѣ, не было допущено въ продажѣ въ Россіи.

Кромѣ означенной исторіи, Ив. Ив. доставлялась газета «Moniteur Universel» того времени, конечно, далеко не въ полномъ составѣ, но все-таки имѣлось множество нумеровъ, относящихся до болѣе важныхъ моментовъ революціи. Въ эти нумера были завернуты разные предметы, вывезенные изъ-за границы, и, такимъ образомъ, они и очутились въ Петербургѣ.

Когда Ив. Ив. имѣлъ уже въ рукахъ поименованные источники, у него тотчасъ же родилась мысль перевести, для Бѣлинскаго, исторію революціи, вставляя для полноты выборки изъ «Moniteur Universel». Онъ сообщилъ Бѣлинскому, что будетъ читать по субботамъ все, что

успѣтъ перевести и скомпилировать за недѣлю. Съ тѣхъ поръ, характеръ этихъ субботъ измѣнился; всѣ, интересующіеся вопросомъ, стали собираться раньше, чтобы успѣть прослушать чтеніе до прихода менѣе интимныхъ лицъ, которымъ, впрочемъ, такъ или сякъ, давали почувствовать, что посѣщеніе ихъ не совсѣмъ во-время, и, въ концѣ концовъ, посѣщеніе этихъ людей сдѣлалось гораздо рѣже.

Къ концу зимы переводъ Ив. Ив. подходилъ тоже къ концу, и вотъ, къ одному вечеру онъ приготовилъ переводъ знаменитой рѣчи Робеспьера: о «Существѣ высшемъ», дословно помѣщенный въ «*Moniteur Universel*». Замѣчу здѣсь, что впоследствии я не встрѣтилъ ни въ одномъ изъ обширныхъ сочиненій о революціи полного текста означенной рѣчи. Даже въ громадной специальной исторіи Робеспьера, сочиненія Hamel'a, обнимающей болѣе 2.000 стр., означенная рѣчь помѣщена отрывками, а не дословно, при чемъ выброшены нѣкоторые выраженія, не понравившіяся, повидимому, автору.

Упомянутая рѣчь Робеспьера произвела на Бѣлинскаго и на всѣхъ слушателей поражающее впечатлѣніе своимъ содержаніемъ, совершенно неожиданнымъ для насъ. Въ тотъ же вечеръ, я упросилъ Ив. Ив. дать мнѣ списать прочитанную имъ рѣчь. Ив. Ив. согласился съ тѣмъ, чтобы я завтра же до обѣда доставилъ ее обратно. Рѣчь была такъ велика, что пришлось переписывать ее, вслѣдствіе даннаго краткаго срока, втроемъ; принялись за это: я, мой братъ и товарищъ Кусаковъ. Я сохранилъ эти листки до сихъ поръ.

Передъ своею смертію Ив. Ив. отдалъ мнѣ на память всю составленную имъ для Бѣлинскаго компиляцію французской революціи, обнимающую 5 лѣтъ, съ 1789 г. по 1794 г., которая и хранится нынѣ у меня. Эта рукопись могла бы составить книгу до 20 печатныхъ листовъ. Кромѣ этого, Ив. Ив. передалъ мнѣ и разные другіе переводы, дѣлавшіеся имъ для Бѣлинскаго, изъ Леру, Жоржъ-Занда и другихъ писателей, которые тоже сохранились, отчасти, у меня.

Пусть же поставитъ себѣ читатель вопросъ: какова же была привязанность и любовь къ Бѣлинскому у людей, его знавшихъ, чтобы человѣкъ не праздный, а самъ для себя трудящійся, посвятилъ почти полгода безкорыстнаго труда для того только, чтобы дать возможность Бѣлинскому ознакомиться съ тѣмъ, что въ его роли писателя-критика ему нужно было знать.

Итакъ, извѣстный небольшой кружокъ здѣсь, въ Петербургѣ, ознакомился еще въ началѣ 1843 года дословно съ знаменитою рѣчью Робеспьера, тогда какъ я, впоследствии, встрѣчалъ множество французовъ, даже изъ міра писателей, которые хотя и слыхали о ней и объ ея содержаніи, но самой рѣчи не читали.

Вскорѣ, появился у Ив. Ив. Панаева Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

вевъ. Въ это время онъ только-что напечаталъ свою первую поэму: «Параша».

Хотя Тургеневъ написалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «Параша» появилась, впервые, въ 1849 году, но это или опечатка, или память измѣнила Ив. Сер. Какъ же согласить эту дату съ другимъ мѣстомъ тѣхъ же воспоминаній, гдѣ Тургеневъ говоритъ о статьѣ Бѣлинскаго, въ «Отечественныхъ Запискахъ», по поводу выхода «Параша». Бѣлинскій оставилъ «Отечественныя Записки» въ концѣ 1846 года и болѣе туда не возвращался. Ясно, что «Параша» была напечатана гораздо раньше 1849 г. Впрочемъ, о воспоминаніяхъ Тургенева мнѣ придется упомянуть въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

По внѣшности, Тургеневъ былъ очень представительный молодой человекъ, большаго роста, весьма пріятной наружности, съ особенно мягкими глазами, характеризовавшими его лицо. Онъ принадлежалъ къ родовитой, богатой семьѣ, получилъ блестящее образованіе, побывалъ уже за границей и посѣщалъ высшій кругъ. Помню, какъ теперь, что я увидалъ Тургенева у Ив. Ив. первый разъ пріѣхавшимъ послѣ свѣтскихъ визитовъ и одѣтымъ въ синій фракъ съ золотыми пуговицами, изображающими львиныя головы, въ свѣтлыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ, въ бѣломъ жилетѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. Такого рода была, въ то время, мода.

Вообще, въ Тургеневѣ замѣтна была еще тогда ходульность, а также замѣчалось желаніе рисоваться, отсутствіе искренняго жара и, тѣмъ болѣе, пыла. Во всемъ была сдержанность, во выступала одна черта — это — пренебреженіе ко всему, что отзывалось Россіей, условій жизни которой онъ, видимо, не понималъ, не зналъ и въ нихъ не вдумывался. Замѣтно было еще въ разговорахъ самое поверхностное отношеніе въ бесѣдахъ къ вопросамъ, ни на чемъ твердо не останавливающимся, нѣчто въ родѣ порханія или фланерства мыслей. Но я возвращусь къ Тургеневу болѣе подробно, когда я сталъ встрѣчать его, часто въ Парижѣ, а именно — когда я основалъ тамъ ежедневную газету: «L'Homme Libre».

Въ то время и Евгеній Онѣгнинъ Пушкина служилъ образцомъ для молодыхъ людей, находившихся въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находился Тургеневъ, и потому, весьма натурально, что онъ желалъ походить на героя Пушкинской поэмы. Многіе старались ломать изъ себя Онѣгниныхъ, но они являлись по преимуществу карикатурными, чего никакъ нельзя было приписать Тургеневу. Въ немъ было столько общаго по всемъ условіямъ съ Онѣгинымъ, что его можно было признать за роднаго брата Пушкинскаго героя, какъ и Григорія Михайловича Толстаго, о которомъ я упомянулъ въ одной изъ предшествующихъ

щихъ главъ, и они, можно сказать, выдержали болѣе или менѣе эту роль до конца жизни.

Здѣсь, кстати замѣчу, что впослѣдствіи наплодились какъ муравьи, Лермонтовскіе Печорины, но скоро пропали; а позже — Тургеневскіе Базаровы, которые исчезли еще скорѣе. Но, что касается до Пушкинскаго героя, то онъ болѣе живучъ и можетъ появляться еще долгое время.

Вслѣдствіе высказанныхъ мною особенностей характера, будетъ понятно, что Тургеневъ смотрѣлъ на всѣхъ свысока, и въ манерахъ его обращенія съ людьми было замѣтно вначалѣ нѣкоторое фатовство. Это, конечно, не могло нравиться тому кружку, гдѣ онъ появился, и Бѣлинскій, по природной своей прямоствѣ, не терпящій ничего дѣланнаго и искусственнаго, сталъ безъ церемоніи замѣчать Тургеневу при всякомъ подходящемъ случаѣ о томъ, что могло коробить присутствующихъ, конечно, если не было при этомъ не интимныхъ людей.

Вотъ, напримѣръ, эпизодъ, случившійся со мною. Но прежде изложенія этого эпизода, я долженъ сказать, что въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся у Ив. Ив., всѣ, за исключеніемъ Бѣлинскаго, смотрѣли на людей, носящихъ эполеты, съ явнымъ предубѣжденіемъ. Одинъ Лермонтовъ не могъ разрушить въ этомъ кружкѣ предвзятаго предубѣжденія. Коль скоро офицеръ,—значитъ, не развитой человѣкъ, не знакомъ съ философіей, т. е. съ наукой. Разговоры о философіи и наукѣ подымалъ преимущественно В. П. Боткинъ. Онъ читался Гегеля и еще кое-чего и въ виду того, что другіе были мало знакомы съ тѣмъ, чего читался Боткинъ, онъ придавалъ себѣ видъ мыслителя, и ему многіе въ то время вѣрили на слово.

— Наука, батюшка, наука,—повторялъ онъ на каждомъ шагу.— Безъ нея нельзя ступить ни шагу ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ.

Онъ былъ положительно смѣшонъ своею напыщенностью знанія будто бы философскихъ истинъ. Вообще, разговоры о наукѣ, возбуждаемые Боткинымъ, представляли, отчасти, комическую сторону кружка. О какой наукѣ разсуждали въ немъ, это остается «темной водой во облацѣхъ». Итакъ, офицеры разсматривались въ кружкѣ какъ люди, которымъ не могутъ быть доступны таинства науки, которую, однако, никто изъ кружка не могъ формулировать хотя бы малѣйшей черточкой.

По поводу взгляда на офицеровъ мнѣ припоминаются слова Герцена, въ гораздо позднѣйшее время, а именно, въ 1858 году, который я кстати приведу здѣсь. Ниче, въ своемъ мѣстѣ, я подробно опишу мое знакомство съ Герценомъ, а здѣсь скажу только нѣсколько словъ изъ разговора съ нимъ, при первой нашей встрѣчѣ въ Лондонѣ.

— Чѣмъ вы можете объяснить,—спросилъ онъ меня, — слѣдующій

фактъ. Надо вамъ сказать, что меня атакуютъ разные посѣтители изъ Россіи, принадлежащіе къ разнымъ сферамъ, включая и генераловъ; а на-дняхъ, явился какой-то господинъ изъ Архангельска, приплывшій сюда, за неимѣніемъ средствъ, въ качествѣ матроса. Можете ли себѣ представить, что, по моимъ убѣжденіямъ, я встрѣчаю несравненно болѣе развитыхъ и болѣе образованныхъ людей въ средѣ офицеровъ, чѣмъ въ средѣ учившихся въ университетахъ.

— Позвольте мнѣ пояснить вамъ ваше недоумѣніе, — отвѣчалъ я приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ.—По обстоятельствамъ, которыя мнѣ извѣстны, вы не могли ознакомиться со всѣми отраслями русской жизни до вашего отъѣзда за границу; а съ тѣхъ поръ, Россія совсѣмъ вамъ невѣдома, а потому у васъ могли сложиться вообще воззрѣнія невѣрныя. Вамъ неизвѣстно, что императоръ Николай Павловичъ всѣми мѣрами старался поднять образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; вслѣдствіе чего начальство привлекало къ этимъ заведеніямъ наилучшія силы. Вѣдь въ Дворянскомъ полку русскую словесность преподавалъ Гребенка. Въ юнкерской школѣ и въ другихъ заведеніяхъ русскую словесность читалъ Комаровъ, о которомъ вы должны имѣть понятіе, если не знали его лично. Затѣмъ, гениальный геометръ-философъ, академикъ Остроградскій, былъ дотога отвлеченъ лекціями въ разныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, что не имѣлъ времени читать въ университетѣ. Знаменитый математикъ, академикъ Буняковскій тоже читалъ въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ, на-примѣръ, профессоръ Казанскаго университета, весьма извѣстный въ математической литературѣ, Лобачевскій, въ собственномъ сочиненіи, трактуя одинъ вопросъ, призналъ, что онъ не знакомъ по этому вопросу съ трудами молодого Штурма. Намъ же въ заведеніи, еще до производства въ офицеры, ознакомили съ означенными трудами великаго математика, оставившаго по себѣ навсегда громкое имя.

Я упомянулъ о словахъ Герцена потому, что придаю имъ нѣкоторое значеніе, въ виду того, что Герценъ, въ прежнее время, принадлежалъ къ тому же кружку, о которомъ идетъ рѣчь, и раздѣлялъ его мнѣніе относительно людей, носившихъ эполеты, оттого-то онъ, конечно, и поставилъ мнѣ вопросъ, приводившій его въ недоумѣніе.

Послѣ изложеннаго мною замѣчанія, маленькій эпизодъ, который я разскажу теперь, явится уже понятнымъ.

Тургеневъ, посѣщая Ив. Ив., гдѣ не разъ встрѣчалъ меня, при чемъ никогда не только не здоровался, но и не кланялся мнѣ, несмотря на мои близкія отношенія къ хозяину дома. По всей вѣроятности, Бѣлинскій подмѣтилъ это. Я былъ въ то время очень молодымъ офицеромъ.

Однажды я находился у Ив. Ив., гдѣ былъ и Бѣлинскій. Во время

своихъ разговоровъ, онъ любилъ ходить по комнатѣ. Я сидѣлъ. Бѣлинскій остановился передо мною и что-то говорилъ. Въ это время пришелъ Тургеневъ, подошелъ къ Бѣлинскому, поздоровался съ нимъ, стоя глазъ на глазъ передо мною, но не поклонился мнѣ. Бѣлинскій тотчасъ же взялъ Тургенева подъ руку, прошелся съ нимъ раза два по комнатѣ и опять остановился передъ мной, продолжая держать Тургенева подъ руку.

— Знаете ли вы, Тургеневъ, кто это сидитъ?

Тургеневъ вставилъ монокль въ глаза, взглянулъ на меня съ высоты и выразилъ на своемъ лицѣ недоумѣніе.

— Знайте же, Иванъ Сергѣевичъ, это сидитъ Остапъ! да! Остапъ!

Затѣмъ Бѣлинскій повернулся и отошелъ. Въ то время Тарасъ Бульба чрезвычайно высоко цѣнился, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературномъ мірѣ, и будетъ, конечно, цѣниться еще долгое время. Изъ одной прежней главы читатель уже знаетъ, что Бѣлинскій меня любилъ. Болѣе деликатно, болѣе умно и болѣе находчиво нельзя было поступить, какъ поступилъ Бѣлинскій. Съ тѣхъ поръ Тургеневъ не только здоровался со мною, но сдѣлался весьма предупредительнымъ при встрѣчахъ и сталъ вступать въ разговоры.

Приблизительно къ тому же времени относится и увлеченіе Бѣлинскаго карточной игрой. Втянули его въ эту игру Капгеръ и Кульчицкій.

Бѣлинскій, какъ человѣкъ увлекающійся, увлекся этой игрой, и, по выходѣ, ежемѣсячно въ свѣтъ нумера «Отечественныхъ Записокъ», нѣсколько дней съ азартомъ придавался карточной игрѣ, которая являлась отдохновеніемъ мысли,—что совершенно вѣрно для людей постоянно трудящихся.

Когда я засталъ первый разъ Бѣлинскаго за зеленымъ столомъ, то ужасно удивился этому. Затѣмъ, по субботамъ, у Ив. Ив., Бѣлинскій всякій разъ игралъ въ преферансъ. Постоянными его партнерами были: Кульчицкій, Тютчевъ и Масловъ; иногда, по необходимости, замѣняли ихъ Ив. Ив. и Языковъ, которые тоже не имѣли никакого призванія къ игрѣ, какъ и Бѣлинскій, и всѣ они обучались еще игрѣ въ преферансъ.

По поводу карточной игры я приведу одинъ курьезный эпизодъ. Однажды Тургеневъ, заставши компанію за игрой, сказалъ:

— Что вамъ за охота играть въ скучный преферансъ; если хотите, я вамъ покажу пренитересную игру, к в и н т и ч ѣ, въ которой могутъ принять участіе, по желанію, всѣ здѣсь присутствующіе, только надо имѣть не менѣе четырехъ колодъ, и даже болѣе, смотря по числу играющихъ. Мы будемъ играть по маленькой и назначимъ кушъ въ 10 копѣекъ.

Въ предложенной Тургеневымъ игрѣ приняли участіе человѣкъ 10-ть, если не болѣе.

Послѣ перваго, пробнаго тура, безъ денегъ, для ознакомленія съ игрой, тотчасъ же назначили первоначальный кушъ въ 10 коп., при первой же раздачѣ по одной картѣ, такъ, что всякій, получившій эту карту, хотя бы, найдя ее неудобной для дальнѣйшей покупки, и бросилъ ее, былъ уже обязанъ заплатить 10 копѣекъ.

Но послѣ перваго тура настоящей игры, нѣкоторые проиграли уже десятки рублей. Игра приняла серьезный оборотъ, и въ скоромъ времени пошли куши въ 100 рублей и достигли 200 рублей. И, когда, въ одну изъ слѣдующихъ сдачъ, двумъ лицамъ пришелъ счетъ по 15-ти, и, дошедши до 200 рублей, одинъ изъ нихъ объявилъ 400 рублей, то всѣ опомнились, запротестовали, сказали, что дальше 200 рублей идти соперниковъ не допустить и пригласили ихъ вскрыть карты.

Играли долго, чуть не до утра, Бѣлинскій былъ въ проигрышѣ болѣе 100 рублей. Онъ игры не прекращалъ, а выигравшимъ бросить игру было, конечно, не ловко. Бѣлинскій проигралъ въ общей сложности слишкомъ 200 рублей. Онъ вскочилъ и, вынувъ сторублевую бумажку, сказалъ:

— Довольно, больше со мною денегъ нѣтъ, заплачу послѣ завтра.

Затѣмъ, схвативъ шапку, обратился къ Тургеневу:

— Ну, спасибо вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, за вечерокъ; какъ же вы, не зная характера игры, вздумали обучать ей; кто же могъ знать, что кушъ въ 10 копѣекъ обратился въ сотни рублей и могъ обратиться въ тысячи, если бы мы не спохватились во-время.

Съ этими словами Бѣлинскій ушелъ въ сильномъ волненіи.

Вечеръ этотъ произвелъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Всѣ знали, что проигрышъ Бѣлинскаго въ 200 рублей равнялся жалованью за мѣсяцъ, получаемому имъ отъ А. А. Краевского, и что другихъ источниковъ для жизни онъ не имѣлъ и былъ уже въ это время женатъ.

Тургеневъ былъ страшно сконфуженъ случившейся бѣдой по его инициативѣ. Всѣ стояли молча, никто не могъ еще собраться съ мыслями. Вдругъ, легендарный миротворецъ всего кружка, М. А. Языковъ сказалъ:

— Что, голубчики, не веселы, что вы головушки повѣсили?— все можно легко поправить, стоитъ лишь Бѣлинскому отыграться.

Слова эти, какъ молнія, пролетѣли въ ухахъ всѣхъ, и Тургеневъ, немедленно, пригласилъ всѣхъ присутствующихъ обѣдать къ нему на послѣ завтра, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда сыграть въ квинтичъ. Всѣ тотчасъ же сообразили, что такимъ образомъ, по характеру игры, всякій можетъ проиграть столько, сколько самъ былъ приблизительно въ выигрышѣ, и проиграть именно Бѣлинскому.

Понятно, что Тургеневъ, черезъ день пригласилъ къ обѣду Бѣлинскаго, которому, конечно, не было сообщено о предстоящей игрѣ.

Иванъ Сергѣевичъ жилъ тогда съ своимъ братомъ, слѣдовательно, у нихъ было домашнее хозяйство. Послѣ обѣда, мы сѣли играть въ квинтичъ, безъ Бѣлинскаго, который не хотѣлъ играть; но, наконецъ, его уговорили.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій могъ отыграть, приблизительно, весь свой проигрышъ, не получивъ ни малѣйшаго сознанія о томъ, что играющіе дѣйствовали умышленно. Этотъ заговоръ остался, конечно, тайной на всегда. Если я высказываю этотъ фактъ теперь, то я, кажется, не компрометирую этимъ ни памяти умершихъ, ни тѣхъ, которые, быть можетъ, еще живы изъ числа игравшихъ заговорщиковъ.

Въ ту же зиму, въ Петербургѣ, послѣ перерыва чуть-ли не въ 20 лѣтъ, впервые открылась вновь итальянская опера съ тремя величайшими артистами: Рубини, Віардо и Тамбурини. Тургеневъ сильно заинтересовался m-me Віардо и съ тѣхъ поръ остался ея поклонникомъ, и во всю жизнь слѣдовалъ за нею. Къ m-me Віардо я возвращусь по поводу впечатлѣнія, какое производила эта несравненная артистка на публику, и равно по поводу того, когда я жилъ около двухъ лѣтъ въ Парижѣ, специально для того, чтобы дать возможность моей дочери совершенствоваться въ пѣніи.

Весной 1844 года, субботы у Ив. Ив. прекратились, и онъ задумалъ ѣхать за границу. Мы же, т. е. я и братъ мой, окончили къ этому времени академическій курсъ и отправились на дѣйствительную службу, на постройку Николаевской желѣзной дороги.

Зиму 1845 года Ив. Ив. провелъ за границей и, вернувшись оттуда, поѣхалъ въ деревню, откуда прибылъ въ Петербургъ уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. Въ это время появились три новыя литературныя личности, а именно: Некрасовъ, Достоевскій и Григоровичъ. Среди знакомыхъ появилось новое для литературнаго кружка лицо: Григорій Михайловичъ Толстой, котораго я зналъ съ дѣтства и о которомъ я упомянулъ выше. Это былъ, какъ я уже сказалъ, образованнѣйшій человѣкъ и въ полномъ смыслѣ джентльменъ, какъ въ жизни, такъ и по характеру, и по манерамъ. Толстой проводилъ постоянно время за границей, гдѣ и познакомился съ нимъ Ив. Ив. Онъ только-что пріѣхалъ оттуда и жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, до отъѣзда въ свою деревню Новоспасское, Казанской губерніи, Лаишевскаго уѣзда, куда и пригласилъ на лѣто Ив. Ив. съ женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились въ неисчислимомъ количествѣ въ окрестностяхъ означенной деревни. Во время пребыванія въ этой деревнѣ,

Ив. Ив. рѣшалъ вопросъ объ изданіи «Современника» и заключилъ по этому дѣлу союзъ съ Некрасовымъ.

Въ это время Некрасовъ готовилъ уже изданіе «Петербургскаго Сборника», въ которомъ долженъ былъ быть помѣщенъ первый романъ Достоевскаго: «Бѣдные люди». Бѣлинскій, Некрасовъ и Григоровичъ знали уже этотъ романъ по рукописи, и Ив. Ив. устроилъ вечеръ, исключительно для прочтенія еще рукописи этого произведенія другимъ литераторамъ и знакомымъ.

Я присутствовалъ на этомъ чтеніи; читалъ самъ Достоевскій, тогда человекъ конфузливый; но его чтеніе произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

Я очень мало зналъ Достоевскаго. Быть можетъ, не болѣе десятка разъ встрѣтился я съ нимъ и никакого серьезнаго разговора вести съ нимъ не случилось. Онъ скоро пересталъ бывать у Ив. Ив.; вышелъ какой-то разладъ, въ которомъ послѣдній не былъ ни въ чемъ виноватъ. Причину разлада приписывали Тургеневу; и если я не ошибаюсь, то враждебность между этими двумя писателями продолжалась до конца ихъ жизни.

Итакъ, я не имѣю никакихъ данныхъ для того, чтобы вывести какое-либо заключеніе о Достоевскомъ изъ моихъ личныхъ къ нему отношеній. Одно только можно было замѣтить, даже въ то короткое время, когда онъ посѣщалъ Ив. Ив., что Достоевскій былъ очень раздражителенъ и шекотливъ.

Но, пользуясь случаемъ, я не могу воздержаться, чтобы не высказать въ краткихъ словахъ моего личнаго взгляда на Достоевскаго, какъ писателя.

Меня всегда нѣсколько корбило и коробить, когда даже поклонники Достоевскаго стремятся проводить параллель между нимъ и другими писателями: Тургеневымъ, Толстымъ и Гончаровымъ. Каждый предметъ долженъ, для сравненія съ другимъ, мѣряться соотвѣтствующей ему мѣрою. Линіи должны мѣряться линіей, площади—квадратной и объемъ—кубической единицами. Я привелъ эту метафору, чтобы лучше пояснить мою мысль, а именно, что къ одному писателю можно прилагать единицу мѣры линейную, къ другому нужно прилагать единицу мѣры квадратную, а къ третьему—единицу мѣры кубической, т. е. если одного достаточно мѣрить въ одну длину, то другаго надо мѣрить въ длину и ширину, а третьяго—въ длину, ширину и глубину.

Достоевскій былъ глубочайшій мыслитель, какъ Гоголь. Ихъ надо мѣрить не только въ длину и ширину, но и въ глубину, тогда какъ къ поименованнымъ предъ симъ тремъ писателямъ подходитъ мѣра квадратная. Вотъ почему я и сказалъ, что меня коробить, когда я слышу проведеніе параллелей между ними и Достоевскимъ. Я отнюдь не хочу

умалить этимъ достоинства означенныхъ писателей, но дѣло въ томъ, что они представляютъ предметы, по существу своему, не соизмѣримые съ двумя другими предметами, какъ Гоголь и Достоевскій.

Достоевскаго, до конца его жизни, признавали крайне раздражительнымъ и не общительнымъ, и нѣкоторые считали его даже не нормальнымъ. Конечно, вся предшествующая его жизнь могла перервать всѣ его нервы; но вѣдь прошло много лѣтъ, что онъ находился въ весьма благоприятныхъ условіяхъ: онъ пользовался большимъ почетомъ, особеннымъ уваженіемъ, сильною популярностью и не терпѣлъ уже нужды. И потому, можно предполагать, что его раздражительность поддерживало то обстоятельство, что къ его оцѣнкѣ прилагали мѣрку, къ нему не подходящую, и не измѣряли страшную глубину его мыслей, которыя онъ старался передать людямъ.

Конечно, мнѣ могутъ сказать, что Достоевскій не отличался художественностью въ своихъ произведеніяхъ. Но вѣдь художественность есть поверхностное условіе творчества. Дѣйствительно, не рѣдко, Достоевскій давалъ нѣкоторыхъ лицъ въ формѣ не отдѣланной, но зато онъ, мѣстами, достигалъ такой художественности и, въ то же время, глубины, какъ никто.

Перейду теперь къ Некрасову, который появился у Ив. Ив. Панаева, одновременно съ Достоевскимъ, въ концѣ 1845 г.

Я расскажу то, что передавалъ мнѣ самъ Некрасовъ о себѣ, до 1847 года, когда онъ явился уже соиздателемъ «Современника».

Отецъ Некрасова былъ ярославскій помѣщикъ средней руки, т. е. не богатый и не бѣдный. Онъ былъ человѣкъ мало образованный и грубоватый, подобный всѣмъ среднимъ помѣщикамъ того времени, съ достоинствами и недостатками, которые были присущи этой средѣ. Отецъ Некрасова, кромѣ сельскаго хозяйства, занимался содержаніемъ почтовой гоньбы и потому имѣлъ въ Ярославлѣ контору.

Когда подошло время обучать дѣтей, отецъ Некрасова отдалъ ихъ въ Ярославскую гимназію и помѣстилъ ихъ жить въ своей конторѣ подъ надзоромъ какого-то крѣпостнаго дядьки.

— Мы ученіемъ,—говорилъ Некрасовъ,—не занимались, а занимались больше кутежемъ, и я сильно приударялъ въ картежъ и въ прочія забавы.

Прикащику въ конторѣ приказано было денегъ барченкамъ не давать, но удовлетворять ихъ требованія. Когда отецъ наѣзжалъ въ Ярославль и повѣрялъ счета прикащика, то сталъ замѣчать, что расходы на хереса и проч. для барчатъ все росли и росли; затѣмъ, Некрасовъ сталъ брать п деньги у прикащика на картежъ. Послѣдній не осмѣлился отказывать будущему своему барину. Отецъ страпалъ то тѣмъ, то другимъ, но, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и чуть не побилъ сына.

— Тогда,—разсказывалъ Некрасовъ,—я объявилъ отцу, что не хочу учиться въ гимназіи, а хочу поступить въ университетъ. Отецъ согласился отправить меня въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ жила родственница, старуха Маркова. Далъ мнѣ 500 руб. ассигнаціонныхъ и письмо къ Марковой, чтобы она оказала покровительство его сыну и пристроила его для приготовленія въ университетъ. Надо тебѣ сказать,—повѣствовалъ Некрасовъ,—что хотя въ гимназіи я плохо учился, но страстишка къ писанію была у меня сильная, такъ, что я писалъ сочиненія почти для всѣхъ товарищей. Прибывъ въ Петербургъ, я отправился къ старухѣ Марковой; жила она въ своемъ деревянномъ домѣ ¹⁾, на Литейной, противъ Симеоновскаго переулка. Прихожу, вижу древнюю старуху, сидящую у окна и вяжущую чулокъ; подалъ я ей письмо отъ отца, она позвала приживалку прочесть.

— А, такъ ты изъ Ярославля?—спросила она.

— Изъ Ярославля, бабушка.

— Сюда въ Петербургъ пріѣхалъ?

— Сюда, бабушка.

— Учиться?

— Учиться, бабушка.

— Хорошо, учись, учись!

Сажу и жду—что будетъ дальше.

— Такъ отецъ твой живъ?—спросила она опять.

— Живъ, бабушка.

— Вѣдь ты изъ Ярославля?

— Изъ Ярославля, бабушка.

И затѣмъ пошли одни и тѣ же вопросы нѣсколько разъ. Вижу, что толку нѣтъ никакого, и ушелъ. Разочекъ еще сходилъ и опять то же.— Ты изъ Ярославля—и т. д. Плюнулъ и больше туда ни ногой.

Надо замѣтить, что я зналъ старуху Маркову и нѣсколько разъ бывалъ у нея въ домѣ. Ея сынъ былъ товарищемъ моего отца по Лейбъ-Уланскому полку, дѣлалъ съ нимъ походъ 1812-го года, и они были очень дружны, почему я и посѣщалъ этотъ домъ, приблизительно въ то время, когда Некрасовъ являлся къ старухѣ. Очень ясно помню ее, постоянно сидящую у окна съ чулкомъ. Сынъ ея былъ въ то время полковымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Высочества полка, который стоялъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ и потому бывалъ рѣдко въ Петербургѣ, поэтому Некрасовъ и не встрѣтилъ его у старухи; иначе, Марковъ, какъ человѣкъ задушевный, вѣроятно, не бросилъ бы Некрасова на произволъ судьбы.

-- Такъ я и сталъ проживать,—говорилъ Некрасовъ,—въ какой-то

¹⁾ На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь великолѣпный дворецъ Юсуповой-Шево.

грязной гостиницѣ, шлифоваль тротуары, да денежки спускалъ. Наконецъ, я пристроился у одного профессора, который взялся приготовить меня въ университетъ. Денегъ у меня почти уже не было, надо было писать отцу, а кто его знаетъ—прислалъ ли бы онъ или нѣтъ? Между тѣмъ, у профессора была женка смазливенькая, и я сталъ за нею при-волакиваться. Замѣтилъ это профессоръ, да и вытолкалъ меня вонъ. Куда голову преклонить—не знаю? Оставалось еще нѣсколько рублишекъ, я нанялъ себѣ уголъ за два рубля въ мѣсяцъ. Пить, ѣсть надо, я и задумалъ стишонки забавные писать. Напечаталъ ихъ на листочкахъ и сталъ гостинодворскимъ молодцамъ продавать. Разошлись. Маленько оперился и комнатку на Васильевскомъ островѣ нанялъ. Вотъ послѣ этого ты и встрѣтилъ меня у Даненберга. Ну, потомъ, я сталъ уже маленькія стихотворныя квижки издавать, мало-по-малу поправляться и достигъ я знакомства съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій сталъ мнѣ работу давать, и я тогда совсѣмъ уже оправился. А потомъ познакомился съ Ив. Ив. и на твоихъ глазахъ издалъ «Петербургскій Сборникъ», а теперь, какъ ты видишь, издаемъ съ Ив. Ив. «Современникъ».

Главнѣйшая клевета, взводившаяся и повторяемая иными и теперь, состоятъ въ томъ, что Некрасовъ вель, будто-бы, нечистую игру. Эта клевета до такой степени вопіюще-гнусна, что объ ней не можетъ быть и рѣчи. Подобное гнусное подозрѣніе явилось отъ того, что Некрасовъ выигрывалъ большія деньги, и эти выигрыши продолжались постоянно, долгое время. Не говоря объ его счастья, умѣньи и выдержкѣ характера, я разскажу то, что знаю объ его игрѣ.

Сначала, въ первые годы изданія «Современника», Некрасовъ не вель серьезной игры въ карты, но любилъ играть у себя дома въ одну изъ коммерческихъ игръ, которая кончалась 10—15 рублями не болѣе. Однако, и при этой игрѣ замѣтно было, что онъ большой мастеръ, пріобрѣвшій опытность.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, пріятели записали его въ англійскій клубъ, куда, вскорѣ, онъ и былъ выбранъ членомъ. Тогда Некрасовъ и сталъ похаживать въ клубъ.

Не помню, въ 1855 или въ 1856 году, у Некрасова обнаружилась горловая болѣзнь, которая постепенно развилась до того, что онъ сталъ терять голосъ, и извѣстные тогда доктора, Шинулинскій и Экъ, обрекли его на смерть. Хотя они прямо этого не говорили, но у Некрасова сложилась уже мысль, что ему не долго жить.

Вотъ однажды, въ это время, онъ отправился въ клубъ, захвативъ съ собою тысячу рублей, и выигралъ въ этотъ вечеръ, въ палки, около 5-ти тысячъ рублей. На другой день, онъ опять пошелъ въ клубъ, взявъ съ собою уже 2 тысячи рублей, и выигралъ еще болѣе. Тогда же Некрасовъ сказалъ мнѣ:

— Я, братецъ, повелѣ теперь игру покрупнѣе, надоѣло канитель тянуть; своихъ я вѣкогда много не проиграю; дальше того, что на лицо въ карманѣ, я не хожу. Если же повезетъ, то останавливаться не намѣренъ, а проигрывать чужія деньги, пока онѣ не въ карманѣ, не жалѣ; да мнѣ, братъ, не долго и жить.

Если я не ошибаюсь, то въ эту зиму, Некрасовъ, по его словамъ, выигралъ до 25 тысячъ.

Лѣтомъ, по совѣту докторовъ, Некрасовъ поѣхалъ за границу для лѣченія. Тамъ онъ пробылъ менѣе полугода и вернулся почти въ томъ же состояніи здоровья, въ какомъ поѣхалъ, и не переставалъ разсматривать себя, какъ не жильца на этомъ свѣтѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, Некрасовъ сильно поднялъ размѣръ своей игры.

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ. Одинъ разъ, рано утромъ, я получилъ записку отъ Некрасова, весьма лаконическаго содержания: «пріѣзжай скорѣе, мнѣ очень нужно тебя видѣть».

Обыкновенно Некрасовъ возвращался домой, послѣ карточной игры, часовъ въ 5 утра или позже, и вставалъ часу во второмъ. Я удивился его запискѣ и тотчасъ же поѣхалъ часовъ въ 10 утра. Я засталъ Некрасова одѣтымъ, ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и видимо не спавшимъ ночью.

— Я къ тебѣ съ большею просьбою, будь моимъ секундантомъ. Знаю, что по твоему видному положенію въ службѣ тебѣ это не къ лицу; но я думалъ, думалъ и ни на комъ остановиться не могъ; у меня теперь здѣсь никого изъ близкихъ нѣтъ.

— Да скажи мнѣ прежде, въ чемъ дѣло?

— Сильно сегодня ночью повздорилъ за картами съ барономъ Ф—т, и мы обмѣнялись съ нимъ карточками.

— Послушай, Николай Алексѣевичъ, я могу еще понять дуэль изъ-за женщины, изъ-за оскорбленія жены, сестры или матери, но дуэль изъ-за картъ,—это какъ-то гадко.

— Какъ ни толкуй, а дѣло сдѣлано, и я объявилъ, что сегодня пришло къ барону секунданта. Если ты мнѣ другъ, то не откажи.

— Хорошо, я иѣду, но предупреждаю тебя, что я употреблю всѣ мѣры, чтобы прекратить это дѣло. Согласись, что мнѣ должно быть противно быть секундантомъ въ дуэли изъ-за карточной игры. Но что же я долженъ сказать барону объ условіяхъ дуэли и о времени ея назначенія.

— Хоть сегодня, но не позже, какъ завтра, на пистолетахъ и черезъ платокъ.

— Да это не дуэль, а убійство!

— А мнѣ все равно, вѣдь мнѣ не долго жить. Говори барону, что

хочешь, но повторяю тебѣ мои условія, которыхъ ни за что не измѣню.

Дѣлать было нечего, я поѣхалъ. Баронъ жилъ въ своемъ домѣ у Пѣвческаго моста. Приѣхавши къ барону, я заявилъ, что присланъ отъ Некрасова, который поручилъ мнѣ передать его условія дуэли. Баронъ былъ уже весьма зрѣлыхъ лѣтъ, и онъ подивился безобразнымъ условіямъ Некрасова.

Послѣ того, я повелъ барону, приблизительно, такую рѣчь:

— Не знаю, баронъ, семейный вы человѣкъ или нѣтъ, но Некрасовъ бобыль, его смерть не принесетъ никому особеннаго горя. Если же вы человѣкъ семейный, то подумайте о вашемъ семействѣ, о положеніи, которое вы занимаете въ свѣтѣ, и вдругъ дуэль изъ-за карточной игры! Я не знаю, въ чемъ заключается обида съ той или другой стороны; Некрасовъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ, а просилъ меня тотчасъ же поѣхать къ вамъ. Неужели нѣтъ возможности объясниться? Посылали ли вы секунданта къ Некрасову?

— Я еще не успѣлъ.

— А кто вашъ секундантъ?

— Вѣроятно, будетъ N.

Баронъ называлъ человѣка, котораго я не зналъ и фамилію котораго не припомню.

— Хотя Некрасовъ поставилъ категорически главное условіе дуэли, но оно столь безобразно, что, быть можетъ, мы достигнемъ измѣненія его, а равно и срока, назначеннаго имъ для дуэли.

Подумавъ немного, баронъ сказалъ:

— Передайте Некрасову, что по вашему предложенію я согласенъ на объясненіе съ тѣмъ, чтобы онъ заявилъ свою готовность на обоюдныя съ нашихъ сторонъ извиненія.

Я вернулся къ Некрасову и передалъ ему слова барона. Послѣ того надо было установить мѣсто для объясненій. Раза два я еще ѣздилъ для того къ барону, и былъ выбранъ одинъ изъ свидѣтелей ссоры, куда должны были собраться вечеромъ и прочіе свидѣтели.

Я пробылъ у Некрасова до тѣхъ поръ, пока онъ не поѣхалъ въ это собраніе.

— Приѣзжай пожалуйста завтра пораньше. Не знаю, чѣмъ кончится!

Когда я приѣхалъ на другой день, Некрасовъ сказалъ:

— Обошлось все благополучно, и на мировую выпили всѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хотя я Некрасову и не отказалъ, но если бы дуэль должна была состояться, то въ такомъ случаѣ отказался бы отъ дальнѣйшаго секунданства, ибо мнѣ сильно претило явиться въ этой роли въ дуэли изъ-за карточной игры.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти И. И. Панаева, Некрасовъ, не довольствуясь уже игрой въ палки въ клубѣ, принялся за игру въ банкъ. Для этого собирались въ частныхъ домахъ, въ томъ числѣ и у Некрасова. Стали уже ворочаться сотни тысячъ рублей, и мнѣ извѣстно, что одинъ господинъ, назову его Х., проигралъ Некрасову нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Однажды я пришелъ къ Некрасову около полудня; онъ еще спалъ. Вскорѣ пріѣхалъ Х., и человѣкъ тотчасъ же пошелъ разбудить Некрасова. Некрасовъ не замедлилъ выйти въ халатѣ, не умытый. Пріѣхавшій, не разсуждая долго, предложилъ Некрасову сыграть теперь же.

— Да зачѣмъ?—опять проиграете,—сказалъ Некрасовъ.

— Это не ваше дѣло,—отвѣтилъ Х.

— Ну, подай столъ, Василій.

Поставилъ столъ, и я тотчасъ же уѣхалъ.

Я знаю, что Х., конечно, не въ этотъ разъ, а вообще, успѣлъ отыграть половину своего проигрыша, а другую уплатилъ; но и эта половина составляла не одну сотню тысячъ рублей.

Съ каждымъ годомъ Некрасовъ усиливалъ игру; расходы его лились широкой рѣкою, и жилъ онъ необыкновенно роскошно. На однѣ медвѣжьи охоты, устраиваемыя имъ, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, онъ тратилъ много тысячъ рублей и перебилъ множество медвѣдей.

Пока жила въ домѣ жена И. И. Панаева, она все-таки по возможности старалась умирать чрезмѣрную роскошь расходовъ. Когда же она уѣхала и вышла замужъ за Головачева, картина переменилась, и трепаніе денегъ Некрасовымъ дошло до безобразія.

Карточная игра велась на чистыя деньги и расширилась до такой степени, что Некрасовъ завелъ у себя специальный столъ, во всю длину огромной комнаты, для игры въ банкъ, съ полукруглымъ вырѣзомъ въ столѣ, для банкюмета.

Собственно у Некрасова собирались разъ или два въ недѣлю. Чтобы судить о трепаніи денегъ, то скажу, что ужины въ эти дни сервировались у Некрасова первостепенный ресторанъ, получавшій съ виномъ до 100 руб. съ персоны.

Въ эту зиму я рѣдко посѣщалъ Некрасова. Однажды получаю отъ него записку: «Давно тебя не видалъ, приходи обѣдать, будутъ еще такой-то и такой-то». Это обозначало, что карточный періодъ прекратился и что Некрасовъ собирается ѣхать въ деревню. Въ подобное время мрачность у Некрасова пропадала, и онъ являлся прежнимъ, веселымъ, остроумнымъ и наипрѣятнѣйшимъ собесѣдникомъ.

— Что ты давно у меня не былъ?—спросилъ меня Некрасовъ, когда я прішелъ.

— По утрамъ ты до 2—3 часовъ спишь, а по вечерамъ въ карты дуешь. Вонъ ты какой столъ выдвинулъ.

— Теперь, братецъ, забастовалъ.

— Ну что же, много ты выигралъ за это время?

— Такъ себѣ, не много и не мало.

— Скажи мнѣ пожалуйста, по совѣсти, какъ крупна твоя игра?

— Не мелкая, братецъ, вотъ, напримѣръ, на-дняхъ здѣсь, у меня, я имѣлъ на картѣ 25 тысячъ; я взялъ да и загнулъ на «пе»; думаю, какъ дадутъ, то забастую и дальше не пойду.

— Ну что же,—дали?

— Нѣтъ, лопнулъ.

И это Некрасовъ говорилъ съ такимъ равнодушіемъ, безъ малѣйшаго соболѣзнованія о томъ, что не забастовалъ на 25-ти тысячахъ, какъ будто дѣло шло о 25 рубляхъ. Во время нашего разговора легендарный человѣкъ Некрасова, Василій, накрывалъ столъ.

— Я-то лопнулъ, а вотъ онъ,—указывая на Василія,—такъ выигралъ тысячу рублей,—смѣясь, сказалъ Некрасовъ.

— Какъ, да развѣ и Василій сталъ играть въ банкъ?

— Нѣтъ братецъ, не то. Когда мы кончили игру и собирались ужинать, Василій пришелъ выметать карты на полу, да и поднялъ пачку въ 1.000 руб., въ бандеролѣ и сталъ спрашивать: кто обронилъ деньги? Одинъ говоритъ: не я, другой: не я, третій: не мои, всѣ и отказались. — Ну говорю, Василій, коли не чьи, такъ, значитъ, твои. Кто ихъ знаетъ, быть можетъ, и мои, на столѣ-то кучи пачекъ лежали.

Замѣчу здѣсь, что когда Василій отошелъ отъ Некрасова, то были слухи, что у него составилъ капиталъ больше 50-ти тысячъ рублей.

У Некрасова не осталось много денегъ. Въ послѣднее время онъ проигрывалъ и, затѣмъ, не могъ играть по болѣзни.

Послѣ изложенныхъ мною фактовъ относительно карточной игры Некрасова, для читателя должны, болѣе или менѣе, выясниться причины крупныхъ и постоянныхъ, долгое время, выигрышей Некрасова.

Его сила крылась въ твердомъ характерѣ и въ твердой волѣ въ отношеніи карточной игры. Некрасовъ считалъ выигрышемъ лишь то, что привезетъ домой. Положимъ, онъ выигралъ извѣстную сумму. На завтра онъ беретъ для проигрыша лишь десятую долю этой суммы и прекращаетъ тотчасъ игру, если онъ проигралъ ее. Никогда онъ не возвращался домой за деньгами, чтобы продолжать игру; въ этомъ отношеніи онъ былъ непоколебимъ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ резервѣ 10 дней, чтобы выждать счастливаго дня и счастливой серіи. По знимамъ, онъ игралъ каждый день, за исключеніемъ довольно частыхъ поѣздокъ на медвѣжьей охоты. Вотъ причины постоянныхъ въ результатѣ его выигрышей. Что же касается до размѣра выигрышаемыхъ имъ

кушей, то въ этомъ дѣлѣ играло большую роль его убѣжденіе, что онъ, не сегодня, такъ завтра, долженъ умереть, и потому игралъ необыкновенно рѣшительно, смѣло и не считалъ выигрышаемые имъ куши, во время игры, своими, пока не получить расчета.

Некрасова укоряютъ за то, что его слово не сходилось съ дѣломъ; что онъ рисовалъ мрачныя картины участи простолюдиновъ и бѣдняковъ, а самъ швырялъ тысячами, какъ рублями. На это скажу, что у Некрасова не было ничего дѣланнаго и напускнаго. То, что онъ писалъ, было у него прочувствовано, и искренность этого прочувствованнаго слишкомъ выразительно выливалась въ его, зачастую, вдохновенномъ словѣ.

Что же касается до безобразнаго трепанія денегъ, то этого я оправдывать не стану. Можно лишь сказать одно, что Некрасовъ испытывалъ баснословную нужду; тѣмъ, отчасти, и старался глушить въ себѣ голосъ совѣсти, подымавшійся при швыряніи деньгами.

На Некрасова, послѣ его смерти, стали клеветать, что онъ не только былъ кулакомъ въ отношеніи сотрудниковъ журнала, но будто бы не рассчитался и остался имъ долженъ. Болѣе худшей лжи, по отношенію къ Некрасову, нельзя и придумать.

Не Некрасовъ остался долженъ сотрудникамъ, а они остались должны ему не одинъ десятокъ тысячъ рублей.

Братъ мой, который завѣдывалъ бухгалтеріей и счетами по «Современнику», хранить до сихъ поръ денежныя книги и личные счета сотрудниковъ, изъ коихъ и видно—кто кому долженъ.

Кромѣ того, Некрасовъ часто выдавалъ сотрудникамъ деньги безъ счета, которыя и не попадали въ кассовую книгу. Множество разъ я былъ тому свидѣтелемъ. Бывало, придуть къ нему утромъ за деньгами и ждать, пока Некрасовъ не встанетъ.

— Вамъ, вѣрно, деньжонокъ нужно, господа?—спросить Некрасовъ.

— Да нужно бы, Николай Алексѣевичъ.

— Ну, пожалуйста!

Позоветъ тогда въ кабинетъ, отворить крышку стола, на которомъ лежать, кучками, груды сторублевыхъ, измятыхъ бумажекъ, повытасканныхъ изъ кармановъ, по возвращеніи изъ клуба наканунѣ, схватить оттуда столько, сколько можетъ схватить ладонь, дать тому, другому и росписки не возьметъ, да и самъ не знаетъ, сколько роздалъ. Конечно, это бывало тогда, когда, наканунѣ, онъ выпграетъ хорошенькій кушкъ. Рѣдко случалось, чтобы онъ отвѣгилъ: «подождите»—и уходилъ бы за тѣмъ въ заднія комнаты.

Некрасовъ—это громадный самородокъ, какъ и Кольцовъ. Оба они самые характерные выразители абсолютно русской народной поэзіи, совершенно самостоятельныя и другъ на друга не похожіе. Некрасовъ

писалъ много стихотвореній и не народнаго характера, и достигалъ иногда такой силы и такой звучности, какой не достигалъ никто. Укажу, напримѣръ, на «Старыя хоромы», гдѣ, впрочемъ, къ ущербу этого произведенія, нѣсколько строкъ при печати замѣнены другими. Съ другой стороны, въ стихотвореніяхъ народнаго характера Некрасову не удавалось выражать характеръ и пошибъ русскаго народа такими сильными и рельефными словами, какъ это удавалось, почти постоянно, Кольцову. Напримѣръ, мнѣ сейчасъ пришли на память заключительныя слова одного его стихотворенія:

„Въ ночь подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
„Безъ дороги въ путь отправился,—
„Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
„Съ злѣю долей перевѣдаться“.

Относительно третьяго, новаго литератора, Дмитрія Васильевича Григоровича, появившагося въ литературномъ кружкѣ въ концѣ 1845 года, одновременно съ Достоевскимъ, я не имѣю права говорить собственно о личности этого пріятнѣйшаго и полного жизни челоѣка, такъ какъ онъ еще живъ ¹⁾. Но, пользуясь случаемъ, считаю обязанностью обратить вниманіе на то несправедливое мнѣніе, которое почему-то распространилось въ обществѣ, а именно, что будто бы Тургеневу принадлежить честь инициатора въ ознакомленіи образованнаго общества съ крестьянами и простолюдинами, и что этимъ будто бы онъ, главнымъ образомъ, расположилъ общественное мнѣніе къ эмансипаціи крестьянъ. Это несправедливое мнѣніе такъ сильно пропагандировалось, что на обѣдѣ, данномъ въ честь Тургенева литераторами, художниками и артистами, одинъ изъ ораторовъ, нечисляя заслуги Тургенева, въ своемъ увлеченіи дошелъ до того, что честь эмансипаціи крестьянъ приписалъ Тургеневу, а не императору Александру II.

Приписываніе такихъ заслугъ коробило самого Тургенева. Ничего подобнаго онъ не видѣлъ за собою, и приписываніе ему великихъ заслугъ, въ вопросѣ объ эмансипаціи крестьянъ, было для него совершенною новостью. Между тѣмъ, такое мнѣніе распространилось въ извѣстныхъ сферахъ общества и какъ бы установилось.

Тургеневъ, въ «Запискахъ охотника», далъ только нѣсколько эпизодическихъ, граціозныхъ картинокъ, гдѣ попадались простолюдины, и только. Тогда такъ, раньше этого, первымъ явился Григоровичъ съ своими романами изъ народнаго быта и написалъ цѣлую серію такихъ романовъ. Онъ первый рѣшился показать образованному обществу, что въ простолюдинѣ живутъ такія же чувства, какъ и въ насъ грѣшныхъ; что между ними совершаются романы, какъ и между нами. Это былъ

¹⁾ Писано до смерти Григоровича.

шагъ необыкновенно смѣлый и въ высшей степени полезный, не въ смыслѣ литературномъ, а въ смыслѣ социальномъ; и за это ему должно быть вѣчное спасибо.

Романы Григоровича читалъ покой императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ графъ Сологубъ ¹⁾, который передавалъ, что это чтеніе не разъ вызывало у ней слезы. Такое отношеніе императрицы къ произведеніямъ Григоровича не могло не распространиться въ высшихъ сферахъ, и если чьи-либо литературныя произведенія могли predispose общество къ эмансипаціи крестьянъ, то, конечно, романы Григоровича. Тургеневъ тутъ ни при чемъ.

Теперь обращусь къ Ивану Ивановичу Панаеву. Конечно, читатели могутъ подумать, что мои сужденія пристрастны вслѣдствіе близкихъ родственныхъ отношеній. Но я постараюсь, по преимуществу, сгруппировать лишь одни факты, почти всѣмъ извѣстные, и такимъ образомъ отнесусь къ нему совершенно объективно.

По характеру, это былъ человѣкъ мягкаго и горячаго сердца, искренній, съ дѣтской душой, баснословною непрактичностью, абсолютнымъ безкорыстіемъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ самомнѣнія; напротивъ, онъ не придавалъ никакого значенія ни себѣ, ни своему таланту. Единственный упрекъ, который ему дѣлали, это тотъ, что онъ былъ баричъ. Дѣйствительно, онъ былъ избалованъ съ дѣтства и имѣлъ нѣкоторыя замашки, но онъ постоянно старался отдѣлываться отъ нихъ и, въ концѣ концовъ, отдѣлался.

Онъ обладалъ особенною наблюдательностью и природнымъ юморомъ. Онъ не выносилъ ничего дѣланнаго, ходульнаго, напускнаго и неестественнаго, и ловко подмѣчалъ самыя тонкія смѣшныя стороны въ человѣкѣ, которыхъ другіе и не замѣчали. Надо было быть очень внимательнымъ къ самому себѣ, чтобы не попасть на его зубокъ. Почти съ самаго начала своей литературной дѣятельности, Иванъ Ивановичъ сталъ выводить на посмѣяніе людей, заслуживающихъ того. Всего болѣе онъ разилъ то, что можно характеризовать: «мѣщанствомъ во дворянствѣ». Затѣмъ, онъ разилъ типъ чиновниковъ, доходя до той высоты ихъ служебнаго положенія, до котораго допускала цензура; не щадилъ онъ и литераторовъ, и всякихъ прыщей въ общественномъ строѣ. Въ тѣхъ сферахъ, которыя онъ выводилъ на посмѣяніе, Ивана Ивановича не только не терпѣли, но, можно сказать, ненавидѣли его. Не мѣнѣе того, во свое время, его произведенія читались въ обществѣ съ жадностью, и многіе стали тщательно скрывать тѣ черты, которыя были имъ осмѣяны.

¹⁾ О Сологубѣ я упомяну тогда, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ часто, во время пребыванія моего, долгое время, въ Парижѣ и въ Ниццѣ.

Вообще, въ прежнія времена, литература имѣла, положительно, воспитательное значеніе. Напримѣръ, по выходѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, года черезъ два, провинція сдѣлалась неузнаваема. Громадный авторитетъ, пріобрѣтенный «Мертвыми Душами», имѣлъ благотворное воспитательное значеніе для всей Россіи. Сверхъ того, болѣе или мѣнѣе, повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ императоръ далъ средства Гоголю для его работы, дабы онъ не былъ вынужденъ быть поденщикомъ изъ-за куска хлѣба. Слѣдовательно, общество знало, что произведеніе Гоголя было санкціонировано въ высшемъ словѣ общества.

Скромныя произведенія Ивана Ивановича дѣйствовали также воспитательно въ извѣстныхъ сферахъ.

Писалъ Иванъ Ивановичъ языкомъ простымъ, гладкимъ и вполне непогрѣшимымъ. Писанное имъ полстолѣтія тому назадъ читается какъ бы написанное вчера. Пусть читатель возьметъ на выдержку любое произведеніе Ивана Ивановича, и онъ убѣдится въ томъ. Мѣткость его наблюденій доказывается уже тѣмъ, что данныя имъ клички пріобрѣли на всегда всеобщее право гражданства, напримѣръ: «п р и ж и в а л к а», «х л ы щ ь».

Переставъ писать повѣсти и романы, Иванъ Ивановичъ появился въ «Современникѣ» съ Записками Новаго Поэта. И здѣсь онъ остался вѣренъ своему призванію, т. е. осмѣивать все фальшивое, напускное и безнравственное, конечно, въ болѣе легкомъ и бѣгломъ жанрѣ и въ иныхъ сферахъ. Эти его фельетоны не пропадали, въ оное время, безслѣдно. «Записки Новаго Поэта» можно назвать фельетонными *chef-d'œuvre*'ами. Его ядовитость была тонкая, не бьющая прямо въ лобъ, но способная проникать глубже. Въ этомъ отношеніи онъ не замѣненъ еще ни кѣмъ въ нашей литературѣ. Жаль, что нѣтъ подобнаго ему фельетониста; а сколько теперь, съ измѣненіемъ условій жизни, появилось новыхъ типовъ, подлежащихъ юмору? Ихъ безчисленное множество: адвокаты, концессионеры, разнаго сорта чиновники, фигурпрующіе нынѣ по частнымъ учрежденіямъ и правленіямъ, гласные, гешефть-махеры, непризванные ораторы и проч.

Иванъ Ивановичъ принесъ пользу русской литературѣ, а слѣдовательно, и публикѣ еще инымъ путемъ, болѣе существеннымъ.

Когда Краевскій основалъ «Отечественныя Записки», Иванъ Ивановичъ убѣдилъ его призвать къ дѣлу Бѣлинскаго. Ѣдетъ въ Москву, даетъ Бѣлинскому средства переселиться въ Петербургъ и содержитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ могъ уже опериться и проявить свой могучій талантъ. Это—заслуга, но, въ то же время, этотъ фактъ доказываетъ особенную способность, которая проявлялась у него и впослѣдствіи на каждомъ шагѣ. Онъ почувствовалъ въ Бѣлинскомъ большую силу, возлюбилъ его и привязался къ нему безкорыстно, всею душою.

Затѣмъ, когда Бѣлинскій, работая у Краевского и будучи уже семейнымъ человѣкомъ, таялъ въ своемъ здоровьи, Иванъ Ивановичъ реализуетъ все свое состояніе, и все, до послѣдней копѣйки, кладетъ на изданіе «Современника» съ большимъ рискомъ, такъ какъ «Отечественныя Записки» господствовали во всемъ обществѣ. При этомъ, самою сильнѣйшею пружиною для сказанной рѣшимости было намѣреніе, я это всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ извѣстно, вырвать Бѣлинскаго изъ его батраческаго положенія. Вѣдь такая рѣшимость могла вытекать только изъ принципа полезнаго служенія литературѣ и обществу и изъ восторженнаго, горячаго сердца. Этою рѣшимостью онъ открылъ тоже ворота и для развитія таланта Некрасова.

Вскорѣ, по основаніи «Современника», Бѣлинскому даны были широкія средства для поѣздки за границу, ради отдохновенія и поправленія здоровья. Къ несчастью, змѣя уже грызла знаменитаго критика, и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ уже сильно хворать и умеръ ранней весной 1848 года. Во время этой предсмертной его болѣзни я тоже былъ очень боленъ и три мѣсяца не могъ выходить изъ дому. Въ первый же день, когда меня выпустили, я поѣхалъ къ Бѣлинскому. Онъ жилъ тогда на Лиговкѣ, противъ Кузнечнаго переулка. Я засталъ его сидящимъ на постели, въ халатѣ, но съ спущенными ногами такъ, что когда я сталъ передавать ему мои впечатлѣнія по поводу статей Эмиля-де-Жирардена, появлявшихся, въ это время, послѣ февральской революціи, онъ моментально оживился и вскочилъ было на ноги. Худоба была поразительная, щеки ярко горѣли, руки были горячія; слѣдовательно, я попалъ къ нему въ сильный лихорадочный моментъ, а потому глаза его показались мнѣ настолько оживленными, что можно было подумать, что до конца еще далеко. Черезъ три дня Бѣлинскаго не стало.

Иванъ Ивановичъ обладалъ еще однимъ полезнымъ стремленіемъ. Это — постоянно и неутомимо пропагандировать дѣйствительные таланты, на что онъ имѣлъ возможность, посѣщая разныя сферы общества. Напримѣръ, когда Некрасовъ напишетъ, бывало, стихотвореніе, которое не пропускала въ то время цензура, — а такихъ было много, — Иванъ Ивановичъ знакомилъ съ ними общество въ рукописяхъ. Также Толстой появился черезъ 8 лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и кто же открылъ поле для Толстаго? Для писателя важенъ первый шагъ. Я помню, въ какой восторгъ пришелъ Иванъ Ивановичъ отъ перваго произведенія Толстаго. Помню, какъ онъ повсюду возглашалъ, что родился новый могучій талантъ.

Напомню здѣсь еще разъ о безкорыстныхъ большихъ трудахъ Ивана Ивановича, о которыхъ я упомянулъ уже выше, единственно, для ознакомленія Бѣлинскаго съ французской литературой. Впослѣдствіи по

этому дѣлу трудился и Тургеневъ, но его труды были отрывочны и дѣлались мелькомъ, такъ какъ Тургеневъ бывалъ въ Петербургѣ только наѣздами.

Не обязанъ ли также литературный кружокъ сороковыхъ и, отчасти, пятидесятихъ годовъ Ивану Ивановичу за то, что онъ широко отворялъ двери своего дома, гдѣ преимущественно и собирались литераторы.

Здѣсь не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельстве. Въ литературномъ кружкѣ пріятели Ивана Ивановича, за исключеніемъ его друга Бѣлинскаго, который иначе смотрѣлъ на него, обзывали Ивана Ивановича человѣкомъ легкомысленнымъ. Этотъ взглядъ пропагандировали, по преимуществу, во-первыхъ, одинъ изъ самыхъ пустѣйшихъ и легкомысленнѣйшихъ людей, Боткинъ, и во-вторыхъ, отчасти, Тургеневъ, который, будучи великимъ художникомъ, отнюдь не отличался тоже, ни въ то время, ни позже, глубокомысліемъ, что выражалъ не разъ Бѣлинскій и что будетъ пояснено далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Въ чемъ же обнаруживалось легкомысліе Ивана Ивановича? Развѣ привлеченіе къ дѣлу Бѣлинскаго и оказаніе ему помощи—есть фактъ легкомыслія, и отдать все свое состояніе на изданіе «Современника»—есть поступокъ легкомысленный? Почему же тѣ, которые были въ 15 или 20 разъ богаче Ивана Ивановича, не рѣшились основать журнала, а Тургеневъ сталъ брать большія деньги съ «Современника». Пожалуй, этотъ поступокъ Ивана Ивановича можно назвать легкомысленнымъ съ матеріальной точки зрѣнія,—противъ этого спорить нельзя. Развѣ привлеченіе къ изданію «Современника» такой литературной силы, какою былъ Некрасовъ,—есть дѣло легкомыслія?—Пускай будетъ побольше такихъ легкомысленныхъ людей!

Боткинъ и Тургеневъ относились къ Ивану Ивановичу какъ къ легкомысленному человѣку потому, что: могъ ли быть, въ ихъ глазахъ, человѣкъ нелегкомысленнымъ, если онъ не изучалъ Гегеля и проч. философовъ и не слушалъ лекцій въ заграничномъ университетѣ. Но, главнымъ образомъ, литературные пріятели обзывали Ивана Ивановича легкомысленнымъ потому, что онъ былъ легендарно безкорыстный человѣкъ, съ теплѣйшимъ сердцемъ, готовый помочь каждому, чѣмъ былъ въ силахъ, и относившійся къ сплетнямъ и къ отзывамъ своихъ пріятелей съ добродушнѣйшею индифферентностью, безъ злобы.

Замѣчу еще, что хотя Иванъ Ивановичъ не имѣлъ въ послѣднее время прямаго вліянія на «Современникъ», но это вліяніе, имъ самимъ не замѣчаемое и другими не сознаваемое, было вліяніе косвенное. Доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что послѣ его смерти журналъ зашатался, потерялъ довѣріе и вѣсъ въ правительствѣ, и потому былъ закрытъ.

Въ заключеніе скажу, что Ивану Ивановичу не отвели еще должнаго мѣста въ литературномъ мірѣ.

Въ пятидесятихъ годахъ появлялся у Ивана Ивановича изрѣдка Фетъ. Я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что онъ былъ тучный человѣкъ. А какъ онъ попалъ въ званіе замѣчательнаго поэта, это загадка, которую пускай разгадываетъ критика. Общій жанръ его твореній очень ловко пародировалъ Иванъ Ивановичъ въ своихъ «Запискахъ Новаго Поэта».

Впослѣдствіи появились у Ивана Ивановича Дружининъ и Дудышкинъ. Это были тоже люди умные, образованные и весьма пріятные.

Некрасовъ слылъ за весьма практическаго человѣка; отчасти онъ и былъ таковъ; но, не менѣе того, онъ не спасъ «Современника», носившаго названіе журнала литературнаго и политическаго. До 1856 года, конечно, кличка: политическаго была кличкой фиктивной, но съ 1856 года цензурныя условія измѣнились, правительство стало на иной путь и искренно искало содѣйствія въ обществѣ и въ литературѣ. Некрасовъ, сдѣлавшійся уже, въ это время, главнымъ издателемъ журнала, не понялъ данныхъ обстоятельствъ, не понялъ, что надвинулась серьезно новая эра, или, если и понималъ это отчасти, то понималъ слишкомъ смутно, относился къ искреннимъ взглядамъ правительства недовѣрчиво и поэтому не придавалъ серьезнаго значенія вопросамъ политическаго свойства.

Въ это время, я, можно сказать, прожужжалъ уши Некрасову и Ивану Ивановичу, взывая ихъ открыто выставить свое политическое, социальное и экономическое знамя, чтобы журналъ явился энергичнымъ помощникомъ правительству, просвѣтителемъ взглядовъ общества въ означенныхъ вопросахъ, и что, въ такомъ случаѣ, ихъ органъ, стоящій во главѣ другихъ, окажетъ великую благотворную для всѣхъ услугу. Если же они не встанутъ на этотъ путь, то Москва скоро перебьетъ ихъ. Увѣщанія мои остались тщетными. Редакторы выражали, во-первыхъ, сомнѣніе въ искренности правительства и, во-вторыхъ, ссылались на отсутствіе писателей, подготовленныхъ къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Мои слова скоро оправдались появленіемъ статьи профессора Казанскаго университета Бабста, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», которая была первой брешью, пробитой Катковымъ въ цензурѣ.

А затѣмъ, всѣмъ извѣстенъ быстрый ростъ «Русскаго Вѣстника» и, потомъ, «Московскихъ Вѣдомостей», издававшихся Катковымъ. И какъ же могъ быть неуспѣхъ его изданій? Катковъ обладалъ большимъ политическимъ умомъ, начитанностью, смѣлостью, твердымъ характеромъ, большою практичностью, опредѣленными взглядами и доктринерствомъ въ такой мѣрѣ, что, живи онъ въ прежнихъ столѣтіяхъ,

онъ непремѣнно былъ бы, по своему характеру, инквизиторомъ, сожигающимъ и пытающимъ людей, не поморщась, во имя доктрины.

Вскорѣ направленіемъ «Современника» овладѣлъ Чернышевскій, привлекая съ собою, впоследствии, Добролюбова для беллетристической критики. Иванъ Ивановичъ и Некрасовъ сложили оружіе, въ особенности по вопросамъ философскимъ, научнымъ, политическимъ и экономическимъ уже потому, что въ трехъ послѣднихъ они ровно ничего не понимали и, сверхъ того, не заключали въ себѣ ни малѣйшей политической жилки. Не менѣе того, со стороны Ивана Ивановича очень часто появляется протестъ. Бывало, Иванъ Ивановичъ приѣзжитъ на половину Некрасова и съ жаромъ возопіетъ:

— Да это невозможно, этого помѣщать нельзя, это невыносимо по самой формѣ.

Протесты эти оставались безъ результата.

Дѣйствительнымъ хозяиномъ «Современника» былъ Некрасовъ вслѣдствіе извѣстнаго закона общественной жизни: «у кого есть деньги, тотъ и хозяинъ».

Некрасовъ ворочалъ сотнями тысячъ, а Иванъ Ивановичъ, положивъ разъ все свое состояніе на основаніе «Современника», не имѣлъ лично ничего. До денежныхъ дѣлъ Иванъ Ивановичъ не касался и бралъ для своихъ карманныхъ расходовъ не болѣе 75 руб. въ мѣсяцъ. Некрасовъ же, имѣя всегда массу личныхъ денегъ, широко снабжалъ ими сотрудниковъ, и потому они вполне зависѣли отъ него. При чемъ онъ смотрѣлъ на Чернышевскаго и Добролюбова, какъ на самые необходимые элементы для журнала, тѣмъ болѣе, что, для оспариванія Чернышевскаго въ сферахъ его писаній, Некрасовъ былъ положительно некомпетентенъ и подчинялся вполне Чернышевскому. Мнѣ только однажды случилось испытать проявленіе нѣкоторой самостоятельности Некрасова.

Еще въ 1851 году, я по обстоятельствамъ сталъ изучать вопросъ о характерѣ пользованія крестьянами землею и столкнулся на практикѣ съ принципомъ общиннаго пользованія.

Проводя, по роду моихъ занятій, большую половину времени среди сельскихъ крестьянъ и рабочаго люда, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,—и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и въ центрѣ,—я вездѣ пристально наблюдалъ и изучалъ принципъ общиннаго землевладѣнія, и, ознакомившись съ нимъ въ достаточной мѣрѣ, сталъ убѣждать редакторовъ «Современника» поднять этотъ вопросъ въ литературѣ. Но мои убѣжденія остались тогда безъ послѣдствій.

Я же, поглощенный, можно сказать, по горло обязательными спеціальными занятіями по службѣ, и не проживая постоянно въ Петербургѣ,—не могъ взять на себя трудъ по этому вопросу, хотя и очень

близко мнѣ знакомому, ибо возбужденіе его должно было неминуемо вызвать горячую и продолжительную полемику.

Между тѣмъ, въ концѣ 1856 года, въ обществѣ сложилось уже убѣжденіе, что правительство, въ скоромъ времени, подыметъ вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ. Съ этимъ вопросомъ, конечно, долженъ былъ связаться вопросъ о характерѣ пользованія землею. Тогда я, съ бѣдшею настойчивостью, сталъ взывать къ редакторамъ поднять означенный вопросъ лишь съ точекъ зрѣнія: экономической, практической и сельско-хозяйственной, такъ какъ общинный бытъ съ точекъ зрѣнія: юридической, административной и государственной, въ историческомъ его развитіи, былъ блестящимъ образомъ уясненъ партією, такъ называвшихся, славянофиловъ, пробудившихъ русское общество къ самосознанію, а вслѣдъ за ними и нѣкоторыми добросовѣстными ихъ противниками. Поэтому, я убѣждалъ также редакторовъ «Современника» бросить, недостойное серьезнаго органа, слѣпое враждованіе противъ поименованной партіи, видимо вставшей уже,—по причинѣ глубокаго, особенно серьезнаго и искренняго отношенія своего къ историческимъ наукамъ и къ народнымъ вопросамъ,—на вѣрный путь, по сравненію съ своими противниками.

Увѣщанія мои, или, лучше сказать, мои постоянныя долбленія по означенному вопросу не остались на этотъ разъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ «Современникѣ», въ 1857 году, появилась статья главнаго сотрудника журнала, Чернышевскаго, затронувшая вопросъ общиннаго пользованія землею. Статья эта вызвала полемику между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ». Увидавъ, что авторъ статей «Современника» (ознакомившійся съ практической стороной общиннаго землевладѣнія, по преимуществу, изъ моихъ разсказовъ) не усвоилъ еще себѣ въполнѣ значенія этого принципа, не стоитъ поэтому на твердой почвѣ, черпаетъ аргументы не изъ жизни, подпалъ видимо подъ вліяніе теорій, на западѣ породившихся, и вдался, въ хозяйственномъ вопросѣ, на путь доказательствъ слишкомъ абстрактныхъ, основанныхъ на гадательныхъ расчетахъ,—я счелъ своею обязанностью, по мѣрѣ моихъ силъ, установить истинную точку зрѣнія и потому, урвавъ время, написалъ статью: Община.

Сдавъ эту статью въ редакцію, я уѣхалъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, по дѣламъ службы, изъ Петербурга. Вернувшись, я спросилъ Некрасова:

— Почему же не появилась моя статья?

— Я хотѣлъ печатать ее,—сказалъ Некрасовъ,—да Чернышевскій противится почему-то.

— А ты читалъ статью?

— Признаться тебѣ, я только мелькомъ просмотрѣлъ ее.

— Хочешь, я тебѣ прочту ее?—тогда и объясни, по какому резону статья не можетъ быть напечатана.

— Пожалуйста, прочти!

Когда я прочелъ ее Некрасову, онъ, нѣсколько раздраженный, сказалъ:

— Какъ себѣ хочетъ Чернышевскій, я сейчасъ пошлю твою статью въ наборъ. Я рѣшительно не понимаю, почему Чернышевскій противится.

Я же понялъ, что въ вопросъ замѣшалось, должно быть, авторское самолюбіе. Чернышевскій не могъ не сознать, что вопросъ изученъ мною практически со всѣхъ сторонъ, и что поэтому мои доводы въ защиту общиннаго землевладѣнія являлись болѣе вѣскими, чѣмъ его доводы теоретическаго и тенденціознаго свойства. Хотя моя статья, пролежавшая въ редакціи нѣсколько мѣсяцевъ, и появилась, по инициативѣ Некрасова, въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1858 г., послѣ заключительной статьи Чернышевскаго по тому же вопросу; но я очень хорошо понялъ, что мнѣ не можетъ быть дѣла въ «Современникѣ», пока Чернышевскій будетъ фактическимъ его редакторомъ.

Въ то время, когда Чернышевскій постепенно захватывалъ главенство въ «Современникѣ»,—въ Москвѣ выросъ Катковъ.

Эти два писателя рѣзали глубокій слѣдъ въ современной русской печати. Я останавлиюсь нѣсколько на характеристикѣ ихъ. По моему крайнему убѣжденію, каждый изъ нихъ принесть не пользу, а извѣстный вредъ нашему отечеству. Оба были отчаянные доктринеры, а доктринерство, помимо врожденнаго лицу того или другаго свойства, налагаетъ на человѣка, непремѣнно, печать неискренности; кромѣ того, доктринеръ необходимо проявляетъ тупость пониманія во всемъ, что выходитъ изъ круга его доктрины. Оба были люди холодные и скрытные, съ тою разницею, что Катковъ былъ умнѣе, хитрѣе, смѣлѣе и много практичнѣе Чернышевскаго.

Знаменемъ доктрины Чернышевскаго было: отрицаніе всего, а слѣдовательно и отрицаніе вѣры въ добро и въ абсолютность нравственнаго начала. Я не говорю здѣсь о доктринѣ философской или религіозной, а о доктринѣ политической. Затѣмъ, само собою, являлась другая доктрина: разрушеніе, а не созиданіе. О созиданіи не могло быть и рѣчи ¹⁾.

Означенныя доктрины сформировались въ нигилизмъ. Но считать Чернышевскаго прародителемъ нигилизма было бы не вѣрно.

Какъ бы то ни было, нигилизмъ развивался и, при томъ, не въ одной молодежи. Такъ называемая, интеллигентная масса, конечно, заклю-

¹⁾ По поводу этой доктрины мнѣ придется упомянуть объ одномъ фактѣ, гораздо далѣе, при моемъ знакомствѣ съ Герценомъ.

часть всегда болѣе людей невѣжественныхъ и ограниченныхъ; между тѣмъ, знаменемъ отрицанія и разрушенія можно было прикрывать и то и другое; потому-то и вербовалось множество людей подъ это знамя, которымъ и гордились: «Мы-де люди передовые, развитые, лишенные предразсудковъ и болѣе образованные; а вы-де, остальные,—недоумки и ретрограды».

Такому-то направленію и курилъ Чернышевскій, и прибрѣталъ тѣмъ извѣстную популярность. Самъ Чернышевскій былъ чловѣкъ честный и нравственный, но относился съ полнымъ равнодушіемъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ къ нравственнымъ качествамъ въ другихъ. Въ немъ не было и тѣни того огня, который загорался въ Бѣлинскомъ при всякой фальшивой или не нравственной мысли, обнаруживавшейся гдѣ бы то ни было и въ комъ бы то ни было.

Доктрина отрицанія и разрушенія относилась въ Чернышевскомъ, какъ я уже сказалъ, преимущественно къ вопросамъ политическаго и социальнаго свойства. И вотъ, послѣдователи этихъ доктринъ явились въ большомъ числѣ фактическими жертвами ихъ.

Это одно, если можно такъ сказать, частное зло. Но такія доктрины не могли не возбудить недовѣрія къ обществу въ самомъ правительствѣ, которое, естественно, охладилось въ своихъ благихъ стремленіяхъ, не могли не вызвать ретрограднаго движенія, извѣстныхъ общихъ репрессалій, отразившихся на всѣхъ, и тѣмъ не приостановить временно прогрессивнаго движенія впередъ. Это было уже зло не частное, а общее.

Но главнѣйшее зло, вытекающее изъ доктрины отрицанія и разрушенія, выразилось стремленіемъ къ разрушенію вообще нравственныхъ началъ. Въ данное время, доктрина эта не скрывалась и выступала съ полнымъ цинизмомъ: «хорошо лишь то, что выгодно мнѣ». Эгоизмъ открыто возводился на пьедесталъ, и христіанской истинѣ не было мѣста.

Чернышевскій не предвидѣлъ того, куда поведетъ излюбленная имъ доктрина. Отрицаніе господства нравственныхъ началъ довело массу людей до вопіющаго безобразія, какъ въ политическихъ, такъ и въ социальныхъ воззрѣніяхъ. Конечно, нравственные начала попирались и прежде, будутъ попирались и впредь, но я, во время моей жизни, не припомню такого открытаго циничнаго попиранія ихъ. Прежде люди все-таки старались скрывать ихъ, а въ ту эпоху, о которой я говорю, они, можно сказать, кичились этимъ попираніемъ, и глубокіе слѣды такого циничнаго настроенія остаются еще и теперь.

Обращусь теперь къ Каткову. Катковъ въ юности и въ молодости принадлежалъ къ кружку, гдѣ царилъ скептицизмъ и господствовало совершенно индифферентное отношеніе къ понятію о высшей, разумной силѣ и къ факту явленія Божественнаго Спасителя. Въ зрѣлости, такія воззрѣнія, повидимому, исчезли у Каткова изъ его міросозерцанія, но,

было ли это исчезновение искреннее, объ этомъ ни я и никто знать не можетъ.

Я уже сказалъ, что Катковъ былъ отчаяннымъ доктринеромъ. Онъ избралъ своей доктриной—патріотизмъ, *quand-même*, т. е. одну изъ самыхъ благородныхъ и благодарныхъ доктринъ.

Но патріотизмъ патріотизму рознь. Напримѣръ, патріотизмомъ воодушевлены были: Константинъ и Иванъ Сергѣевичи Аксаковы. Ихъ патріотизмъ былъ горячій, искренній, вытекавшій изъ глубокаго чувства беззавѣтной любви къ народу, къ его призванію, къ его характеру и къ его нравственнымъ идеаламъ. Патріотизмъ Каткова, по моему мнѣнію, былъ патріотизмъ холодный, дѣланый, ходульный и вытекалъ вовсе не изъ любви къ народу, котораго,—кстати сказать,—не вѣдалъ и не изучалъ, а изъ разсчета, украшеннаго соображеніями политическаго свойства.

Оставлю, однако, этотъ вопросъ въ сторонѣ и обращусь къ нѣкоторымъ фактамъ.

Вскорѣ, послѣ начатія изданія «Русскаго Вѣстника», Катковъ, однимъ весьма неожиданнымъ, смѣлымъ и ловкимъ, подходящимъ къ моменту, маневромъ, заручился сильною поддержкою въ обширной средѣ вліятельныхъ высшихъ сферъ. Совершившаяся эмансипація крестьянъ породила, конечно, массу недовольныхъ, и, въ извѣстныхъ кругахъ общества, сложилось, почему-то, убѣжденіе, что главная пружина, двигавшая вопросомъ эмансипаціи, заключалась въ одной изъ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ, и потому недовольные относились къ этой сферѣ недоброжелательно.

Вдругъ разражается польскій мятежъ. Катковъ, сильный уже несомнѣнной поддержкой въ высшихъ сферахъ, смѣлый по характеру, рѣшился воспользоваться сложившимися обстоятельствами и дерзнулъ рельефно намекать, что причина мятежа кроется въ той высокой сферѣ, которая двигала вопросъ эмансипаціи крестьянъ.

Съ перваго же момента такого смѣлаго шага, несказанно угодившаго массѣ недовольныхъ, страшно загремѣла популярность Каткова:

— Вотъ такъ истинно храбрый патріотъ; вотъ такъ гражданинъ, не боящійся кары, ради служенія родинѣ,—завопили повсюду и ринулись на «Московскія Вѣдомости».

Катковъ хорошо зналъ, что ни какой карѣ за свой смѣлый шагъ онъ не подвергнется, а, напротивъ, будетъ поддержанъ, и потому всталъ на почву твердой ногой, подкрѣпившись, сверхъ того, пріобрѣтенною означеннымъ путемъ огромною популярностью. Словомъ сказать, онъ сразу явился политической силой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIV ¹⁾).

Драматическая труппа прежнихъ годовъ: В. А. Каратыгинъ.—Брянскій.—Дюръ.—Сосницкій.—Каратыгинъ 2-й.—Максимовъ.—Самойловъ.—Григорьевъ 1-й.—Григорьевъ 2-й.—Марковецкій.—Бурдинъ.—Мартыновъ.—Асенкова.—Самойлова 1-я.—Дюръ.—Самойлова 2-я.—Московская труппа: Мочаловъ.—Щелкинъ.—Самаринъ.—Шумскій.—Садовскій.—Оперная труппа: Артемовскій.—Воробьева.—Петрова.—Леоновъ.—Степанова.—Французская труппа М-г и М-me Alan.—Alexandre Méer.—Breslan.—Verné.—Росси.—Причины упадка русскаго театра.

Было бы нѣкоторымъ упущеніемъ съ моей стороны, если бы я, въ своихъ «воспоминаніяхъ», не отвелъ нѣсколько страницъ въ память знаменитой, во всѣхъ отношеніяхъ, драматической труппы конца тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что прошло уже болѣе 30 лѣтъ, какъ она стала испаряться, а, между тѣмъ, такой совокупности, одновременно, столькохъ крупнѣйшихъ талантовъ едва ли мы дождемся. Эта совокупность не была однако слѣдствіемъ одной случайности, а имѣла, конечно, свою причину, о которой я упомяну лишь мелькомъ въ концѣ главы.

Прежде каждый родъ драматической литературы имѣлъ блестящихъ представителей среди артистовъ. Со смертью Каратыгина 1-го трагедія пала окончательно. О Шекспирѣ и даже о Шиллерѣ или о трагедіяхъ иныхъ авторовъ не можетъ быть уже давно и рѣчи. Безъ великихъ талантовъ трагедія является пародіей не только на драматическое искус-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

ство, но и на драматическую литературу; и потому нельзя не отдать справедливости нынѣшнимъ артистамъ въ томъ, что они не берутся за трагическія роли. А между тѣмъ отсутствіе трагедіи составляетъ отсутствіе главнаго звена въ цѣпи драматическаго искусства.

Прежде всего я постараюсь охарактеризовать всѣхъ наиболѣе талантливыхъ артистовъ.

Каратыгинъ 1-й (Василій Андреевичъ). Онъ исполнялъ исключительно роли трагическія и высоко-драматическія. Я съ полнымъ убѣжденіемъ ставлю его въ разрядъ самыхъ гениальныхъ артистовъ. Впервые я увидалъ Каратыгина въ 1836 году, и до нынѣ, въ теченіе полулѣтка, я не встрѣчалъ для трагедіи ни у насъ, ни между иностранными артистами хотя бы единого артиста, близко подходящаго къ Каратыгину 1-му. Этотъ человѣкъ точно родился трагикомъ. Усвоить себѣ до поразительной естественности движенія сильныхъ душъ изображаемыхъ имъ людей едва-ли возможно, не нося подобныхъ задатковъ въ своей натурѣ. Къ тому же, вѣншія условія Каратыгина были особенно благоприятны для артиста, изображающаго трагическія и драматическія роли. Онъ былъ большаго роста, имѣлъ чрезвычайно стройную фигуру, достойную для модели скульптора; движенія его, отъ выработки или по натурѣ, были изящно пластичны; голосъ его былъ особенно звучный баритонъ, достигавшій, въ нужные моменты, до потрясающаго могущества. Вѣрность интонаціи и размѣръ рѣчи, сообразно обстоятельствамъ, составляютъ, конечно, одно изъ главныхъ условій для артиста, въ особенности въ трагедіи или въ драмѣ. Иногда требуется особенная быстрота рѣчи, другой разъ наоборотъ, и Каратыгинъ, какъ въ интонаціи, такъ и въ размѣрахъ рѣчи, былъ не только не погрѣшительнъ, но достигалъ въ этихъ отношеніяхъ полнаго совершенства.

Но превыше всего въ этомъ артистѣ горѣлъ задушевный, неподдѣльный и истинный огонь. Каратыгинъ дѣйствовалъ на публику обязательно; съ появленіемъ его, бывало, просіяетъ, будто-бы, не только сцена, но и публика, которую онъ держалъ постоянно въ напряженномъ состояніи, потому, что она не желала пропустить ни единого звука, ни единого измѣненія его лица, или движенія его фигуры. Публика всегда была въ неистовомъ восторгѣ отъ игры Каратыгина; но онъ имѣлъ враговъ во вліятельномъ литературномъ кружкѣ; объ этомъ я упомяну ниже. Несмотря, однако, на этихъ и другихъ завистливыхъ враговъ, сценическое поприще Каратыгина было постояннымъ триумфальнымъ его шествіемъ до конца жизни.

Натуральность и естественность игры Каратыгина составляли, конечно, главное его достоинство. Извѣстно, что господствуютъ два противоположные взгляда на сценическую игру; одни полагаютъ, что артистъ, при игрѣ, отнюдь не долженъ чувствовать и увлекаться, а дол-

женъ изучить всѣ внѣшнія условія изображаемаго имъ лица такъ, чтобы зрителю казалось, что артистъ въ самомъ дѣлѣ все чувствуетъ. Я же того мнѣнія, что истинный цѣнитель сценическаго искусства всегда подмѣтитъ, въ данномъ случаѣ, въ артистѣ натянутости чувства, и подобная игра не удовлетворитъ зрителя, а скорѣе оскорбитъ его. Другіе полагаютъ, что изученіе есть дѣло лишнее, что достаточно играть, какъ они говорятъ, однимъ н у т р о м ъ. Этотъ послѣдній взглядъ составляетъ другую крайность. Конечно, можно предпочитать игру н у т р о м ъ игръ дѣланной, безъ истиннаго чувства и увлеченія, но одного этого недостаточно: изученіе должно быть необходимымъ условіемъ для артиста. Онъ долженъ обдумать и изучить все, одинъ на одинъ, самъ съ собою; но когда, на сценѣ, является извѣстный, подходящий моментъ, истинный артистъ не можетъ не увлечься, смотря по состоянію своего духа, — одинъ разъ такъ, другой — иначе; между тѣмъ, предварительное изученіе, незамѣтно, безотчетно послужитъ артисту непремѣнно въ пользу увеличенія силы впечатлѣнія на зрителя.

Каратыгинъ совмѣщалъ въ себѣ оба условія: и истинный жаръ, и всѣ внѣшніе атрибуты, необходимые для искусства игры, которые онъ пріобрѣталъ тщательнымъ изученіемъ, и доводилъ такимъ образомъ игру до полной иллюзіи и совершенства.

Племянникъ Василя Андреевича Каратыгина, Петръ Петровичъ, сынъ артиста Каратыгина 2-го, извѣстный отчасти въ литературѣ и котораго я хорошо зналъ, рассказывалъ мнѣ, что у его дяди была комната, обставленная кругомъ зеркалами, въ которую онъ всегда записался передъ представленіемъ, — хотя бы онъ игралъ уже въ предстоящей пьесѣ множество разъ, — и просилъ домашнихъ находиться въ это время въ болѣе удаленныхъ комнатахъ.

Въ одной изъ своихъ статей Бѣлинскій, отдавая полную справедливость великому таланту Каратыгина, не призналъ за нимъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія. Я позволю себѣ не согласиться въ этомъ отношеніи съ Бѣлинскимъ. Во-первыхъ, Бѣлинскій никогда не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него игрою Мочалова въ Гамлетѣ и Отелло, которую онъ называлъ вулканическимъ вдохновеніемъ. Во-вторыхъ, въ другой статьѣ встрѣчается какъ бы нѣкоторое противорѣчіе высказанному выше взгляду. Бѣлинскій, характеризуя игру Каратыгина въ «Заколдованномъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, и восхитившись этой игрою, замѣтилъ, что во всей пьесѣ было только два мѣста, гдѣ Каратыгинъ показался ему не Людовикомъ XI, а Каратыгинымъ. Надо знать, что недоброжелатели Каратыгина упрекали его за то, что онъ слишкомъ силенъ въ извѣстныхъ сценахъ, отдаваясь своему темпераменту, тогда какъ роль того не требуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Бѣлинскій упрекнулъ Каратыгина

за то, чѣмъ онъ восторгался въ Мочаловѣ, т. е. вулканическимъ вдохновеніемъ. Какъ бы то ни было, означенный упрекъ противорѣчить съ непризнаніемъ за Каратыгинымъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія.

Я утверждаю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что Каратыгинъ обладалъ и священнымъ огнемъ, и одушевленіемъ, и творческимъ талантомъ, необходимыми для истиннаго артиста-художника.

Я уже высказывалъ прежде то глубокое уваженіе, которое я питалъ къ Бѣлинскому; но это не можетъ помѣшать мнѣ сказать, что я не могу признать за Бѣлинскимъ его компетентности во взглядѣ на Каратыгина, и это по слѣдующей, весьма вѣской причинѣ. Бѣлинскій, послѣ переезда своего въ Петербургъ, въ 1839 году, и по день смерти, въ 1848 году, видѣлъ Каратыгина всего 4 или 5 разъ. Хотя это обстоятельство было хорошо мнѣ извѣстно, но лучшимъ подтвержденіемъ этого факта служатъ его рецензій. Вообще, Бѣлинскій имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ игры Каратыгина, заимствованное имъ отъ другихъ, которое онъ не могъ разбить окончательно по той причинѣ, что онъ слишкомъ рѣдко видалъ Каратыгина.

По отношенію къ Каратыгину, Бѣлинскій довѣрялся своимъ пріятелямъ, которые не симпатизировали Каратыгину.

Я очень хорошо помню, какъ эти господа, пойдя посмотрѣть, ради новинки, какую-нибудь пошлую драму Кукольника, заужжатъ Бѣлинскому, что Каратыгинъ невозможенъ, что противно идти смотрѣть его, что онъ только реветъ и больше ничего. Между тѣмъ Каратыгинъ, обязанный играть въ этихъ драмахъ, дѣлалъ съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы подобныя пьесы не проваливались сразу, такъ какъ онѣ находили поддержку въ извѣстныхъ слояхъ общества.

Итакъ, Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина два раза въ Москвѣ: въ «Гамлетѣ» и въ «Коварство и любовь». Затѣмъ, въ Петербургѣ, онъ видѣлъ: «Велизарія», «Парашу Сибирячку», «Гвельфы и Гибелины» и «Заколдованный домъ». Я свидѣтельствую, что, въ Петербургѣ, Бѣлинскій ни разу не видалъ Каратыгина ни въ «Гамлетѣ», ни въ «Отелло».

Приведу здѣсь подлинныя отрывки изъ рецензій Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ пьесахъ, которыя онъ, Бѣлинскій, самъ видѣлъ. Въ то же время, это будетъ доказательствомъ великой добросовѣстности незабвеннаго критика, такъ какъ я знаю, какъ сильно наускивали Бѣлинскаго на Каратыгина.

Въ «Гамлетѣ», — говоритъ Бѣлинскій, — Каратыгинъ игралъ «искусно».

О представленіи «Коварство и любовь» вотъ что сказалъ Бѣлинскій: «Въ искусствѣ изящная форма великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ вдохновеніе не прорывается бурными волнами. Г. Каратыгинъ загово-

риль... Въ его словахъ, въ его дикціи мы не слышали трепетнаго одушевленія, но, несмотря на то, чувствовали себя подъ вліяніемъ какого-то обаянія».

Послѣ представленія «Велизарія», Бѣлинскій написалъ довольно большую статью, гдѣ, признавая въ Каратыгинѣ высокаго художника, говорить, между прочимъ: «Пусть Каратыгинъ не перестаетъ показывать, что такое художественность формы, безъ которой и истинное искусство не достаточно и не полно. Каратыгинъ создалъ роль Велизарія. Онъ является на сценѣ Велизаріемъ и сходитъ съ нея Велизаріемъ, а Велизарій, котораго онъ игралъ, есть великій человѣкъ, герой, который является грозой готевъ и вандаловъ, руководителемъ христіанскаго міра противъ враговъ». Далѣе—«словомъ, въ продолженіе цѣлой роли, благородная простота, геройское величіе видны были въ каждомъ шагѣ, слышны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ Каратыгина передъ вами постоянно являлось несчастье въ величіи».

Увидавъ «Парашу Сибирячку», Полевого, Бѣлинскій такъ отозвался объ игрѣ Каратыгина: «Его игра была, по обыкновенію, торжествомъ сценическаго искусства со стороны художественнаго созданія характера, въ пьесѣ довольно неопредѣленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, увидѣвъ разъ Каратыгина въ этой роли, нельзя забыть этого высокаго человѣка съ густыми усами, съ мрачнымъ видомъ, съ порывистыми движеніями, обличающими огненныя страсти и желѣзную душу»... Далѣе: «Прекрасенъ былъ Каратыгинъ, въ сценѣ свиданія съ дочерью и въ этомъ безуміи, съ какимъ онъ узнаетъ отъ нея о прощеніи».

Случилось Бѣлинскому видѣть Каратыгина въ «Гвельфахъ и Гибелинахъ», и Бѣлинскій отнесся къ его игрѣ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Пьеса составлена для роли Каратыгина, который, по обыкновенію, сыгралъ ее осудманно, съ мыслью, умно и ловко воспользовался всѣми средствами, какія только могла она дать его таланту. О родѣ таланта г. Каратыгина каждый можетъ имѣть свое мнѣніе ¹⁾, но никто не можетъ, безъ нарушенія добросовѣстности, не согласиться, что онъ—артистъ въ душѣ, и что съ его удаленіемъ со сцены Александринскаго театра, удалится оттуда искусство, не оставивъ по себѣ и слѣда».

Что же касается до отзыва Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ «Заколдованномъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, то Бѣлинскій посвятилъ этому представленію очень обширную статью, восхваляющую Каратыгина. Я приведу изъ этой статьи только нѣсколько строкъ: «Таковъ Каратыгинъ въ этой роли! Въ каждомъ словѣ, въ

¹⁾ Очевидный намекъ на тѣхъ, которые называли Каратыгина балаганнымъ актеромъ.

каждомъ жестѣ вы видите характеръ историческаго Людовика XI. Посмотрите, какъ онъ согнулся, какъ часто кашляетъ, задыхается, какъ медленна и слаба его походка, какое коварство въ его будто-бы простодушномъ смѣхѣ, какъ онъ все видитъ, притворяясь, что ничего не видитъ, какъ онъ умѣетъ прикинуться обманутымъ, чтобы вдругъ и врасплохъ схватить свою жертву и заставить ее во всемъ сознаться, замѣтите, какъ ужъ черезчуръ обыкновененъ его языкъ, простонародны его манеры, грубы шутки, и какъ сквозь все это виденъ король, знающій, что онъ король, увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ силѣ своего ума и непреклонности воли! Вотъ вамъ игра Каратыгина, если это дастъ вамъ о ней хоть какое-нибудь понятіе!.. Игру его невозможно характеризовать словами, а надо видѣть, чтобы понять и оцѣнить верхъ драматическаго искусства и торжество его таланта, являющагося въ этой роли въ своемъ апогеозѣ».

Таковы отзывы Бѣлинскаго о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ Каратыгина. Изъ этихъ отзывовъ видно, что Бѣлинскій, вопреки всѣмъ наускиваніямъ, признавалъ въ Каратыгинѣ великій талантъ и великаго драматическаго артиста и художника, одареннаго творческимъ элементомъ.

Я остановился довольно долго на вопросѣ о взглядѣ Бѣлинскаго на игру Каратыгина потому, что я возымѣлъ смѣлость высказать, что я не согласенъ съ Бѣлинскимъ въ томъ, что Каратыгинъ будто-бы былъ лишенъ вдохновеннаго огня. Я счелъ своею обязанностью не только парализовать означенный взглядъ, но и доказать ошибочность его, и кажется, я доказалъ это фактами, т. е. тѣмъ, что Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина въ серьезныхъ роляхъ всего 4 или, быть можетъ, 5 разъ, а равно и тѣмъ, что артистъ, лишенный вдохновенія, не могъ бы произвести на Бѣлинскаго такого впечатлѣнія, какое произвелъ на него Каратыгинъ, судя по рецензіямъ самого Бѣлинскаго.

Теперь я сообщу вкратцѣ объ игрѣ Каратыгина въ другихъ наиболѣе сильныхъ роляхъ:

«Коварство и любовь», Шиллера. Я привелъ уже выше отзывъ Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ этой пьесѣ. Къ этому отзыву я могу добавить, что большинство публики, во время игры Каратыгинымъ Фердинанда, проливалъ потоки слезъ.

«Разбойники», Шиллера. Каратыгинъ игралъ Карла Мора, а Брянскій его брата, Франца. Роль Карла не естественна и до невозможности натянута. Роль Франца очень благодарна, и всякій умный актеръ, и безъ выдающагося таланта, можетъ сыграть ее очень хорошо и сосредоточить вниманіе публики на себѣ. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, Франца игралъ такой сильный артистъ, какъ Брянскій. Несмотря однако на это, Каратыгинъ сумѣлъ привлечь вниманіе публики на

Карла. Резонерства Карла выходили у него не противны, и необычайный тактъ для игры, которымъ обладалъ Каратыгинъ, подсказывалъ ему сглаживаніе того, что приторно и для зрителя скучно. Но въ пьесѣ есть высшій сценическій моментъ; это тотъ моментъ, когда Карлъ, велѣвъ взломать двери подвала, наталкивается на отца, выходящаго оттуда еще живымъ, тогда какъ Карлъ считалъ его давно умершимъ. Представьте же себѣ положеніе человѣка, передъ которымъ внезапно представило лицо, считавшееся давно умершимъ, но лицо живое. Страшное недоумѣніе и ужасъ должны охватить человѣка. Изобразить, въ подобномъ обстоятельствѣ, внезапный ужасъ и недоумѣніе въ томъ—стоитъ ли человѣкъ передъ живымъ лицомъ, или передъ призракомъ, должно представлять для артиста неодолимую трудность. Въ подобный моментъ, всякія слова, выражающія ужасъ и недоумѣніе, покажутся непремѣнно пошлыми и слабыми. Каратыгинъ, при своемъ громадномъ тактѣ для игры, чувствовалъ, что подобный моментъ надо изобразить не рутинно-пошлыми жестами или словами ужаса, а сообразно положенію духа человѣка, инымъ, болѣе натуральнымъ образомъ. Какъ же онъ поступалъ? Только-что Карлъ увидалъ призракъ—какой-то ураганъ отталкиваетъ его отъ отца и ураганъ такой силы, что роняетъ Карла на колѣна, назадъ, и продолжаетъ толкать его, уже въ этомъ положеніи, чрезъ всю сцену, какъ будто человѣкъ катится по рельсамъ. Каково же должно было быть изученіе и сколько надо было употребить времени для того, чтобы достигнуть подобнаго движенія. Но, кромѣ того, нужна была огромная сила мускуловъ и внутренняя сила духа для инициативы такого движенія. Такимъ образомъ, самый затруднительный моментъ изображался Каратыгинымъ блестящимъ образомъ. Потомъ, отецъ медленно идетъ къ Карлу; тогда только онъ убѣждается, что видитъ дѣйствительно не призракъ, а живаго человѣка, и только тогда начинается уже рѣчь. Послѣ Каратыгина я раза три видалъ Карла Мора на нѣмецкихъ сценахъ: въ Дрезденѣ, Вѣнѣ и еще гдѣ-то. Я видѣлъ тоже Карла Мора въ Москвѣ и въ провинціи, и повсюду онъ былъ болѣе нежели противень.

«Уголино», Полевого. Въ этой пьесѣ Каратыгинъ игралъ Ноно.—Читателямъ, болѣе или менѣе, должно быть извѣстно содержаніе пьесы. Я напому только самую сильную сцену трагедіи.

Два молодыхъ существа, Ноно и Вероника, любятъ другъ друга, но они принадлежатъ къ семействамъ, враждующимъ между собою и питающимъ мысль о мщеніи. Ноно убѣгаетъ съ Вероникой, и они скрываются въ горахъ, въ хижинѣ. Ежедневно Ноно ходитъ въ деревню за добываніемъ провизіи. Сцена представляетъ площадку въ горахъ; въ ущельи видна хижина, и Ноно съ Вероникой сидятъ на скамьѣ подъ деревомъ, передъ его уходомъ на часокъ въ деревню. Мо-

лодая пара наслаждается любовью, и Каратыгинъ особенно рельефно напиралъ на эту сцену, чтобы рельефнѣе вышла слѣдующая за тѣмъ ужасающая, трагическая сцена. Въ роли Вероники я видѣлъ сначала г-жу Дюръ, но она была полнадля этой роли; а потомъ я видѣлъ въ этой роли восхитительную Вѣру Самойлову, не задолго до того, поступившую на сцену. Иллюзія нѣжныхъ взаимныхъ ласкъ была полная. Для Каратыгина Вѣра Самойлова была дитятей, его ученицей. Веронику беспокоитъ какое-то тяжелое предчувствіе, а потому она старается какъ можно долѣе задерживать Ноно; любящая другъ друга парочка не подозреваетъ однако, что за нею уже слѣдятъ.

Спустя не много по уходѣ Ноно, является дядя Ноно, Уголино, который требуетъ, чтобы Вероника слѣдовала за нимъ. Вероника убѣгаетъ, но Уголино догоняетъ ее, въ ярости, закалываетъ и оставляетъ кинжалъ, принадлежащій его врагу Руджиро, дабы отстранить отъ себя подозрѣніе. Вскорѣ возвращается Ноно, удивляется, что Вероника не бѣжитъ къ нему, по обыкновенію, на встрѣчу, и полагаетъ, что она спряталась гдѣ-нибудь за деревьями; но никого не видно и не слышно. Тогда Ноно идетъ въ хижину. Публика ждетъ неистоваго крика и вопля отчаянія; ничуть не бывало; въ хижинѣ царитъ гробовая тишина и такая пауза длится нѣсколько минутъ. Наконецъ, появляется на порогѣ Ноно, молча, блѣдный, какъ смерть; его ноги дрожатъ, онъ прислоняется спиной къ стѣнѣ хижины, у самыхъ дверей, и молчаніе продолжается. Потомъ, Каратыгинъ нѣсколько нагибается и манитъ къ себѣ рукой старика-пастуха, тутъ находящагося. Старикъ подходитъ, Каратыгинъ схватываетъ его за воротъ у затылка, сильно нагибаетъ его голову и тычетъ ее въ низенькую дверь хижины. Тогда только Каратыгинъ раскрываетъ ротъ и спрашиваетъ шопотомъ, но такимъ шопотомъ, отъ котораго волосъ становится дыбомъ и который былъ слышенъ во всѣхъ концахъ залы: «Видалъ ли ты мертвыхъ?» и повторяетъ этотъ вопросъ раза три, при чемъ съ каждымъ разомъ усиливаются въ голосѣ звуки подготавлиемаго рыданія, и затѣмъ Каратыгинъ грохается во весь ростъ на землю безъ чувствъ. Послѣ того прибѣгаютъ люди, вмѣстѣ съ убійцей, и приводятъ Ноно въ чувство. Но когда онъ приходитъ въ себя, когда ему показываютъ кинжалъ, тогда только вступаетъ въ свои права могучій голосовой органъ Каратыгина; зритель слышитъ какъ бы рыканія льва въ пустынѣ; нѣтъ мѣры проклятіямъ, нѣтъ тѣхъ тиранній, которымъ не придумывалъ бы Ноно подвергнуть убійцу Вероники. Всю эту сцену Каратыгинъ ведетъ не подымаясь еще на ноги. Такъ изображалъ Каратыгинъ ужасающую трагическую сцену, которая у всѣхъ, видѣнныхъ мною послѣ Каратыгина актеровъ въ этой роли, выходила до невозможности слаба. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ для Ноно ужасенъ, и нуженъ могучій талантъ, нуженъ для артиста

большой умъ, чтобы дѣйствительно потрясти зрителя, и чтобы вся описанная сцена не представилась ему зрѣлищемъ балаганнымъ. Бѣлинскій не видалъ Каратыгина въ этой роли, но замѣтилъ, въ одной своей статьѣ, что въ этой роли Каратыгинъ долженъ быть превосходенъ и можетъ пожинать лавры вмѣстѣ съ Полевымъ. Эта иронія относилась къ Полевому, а не къ Каратыгину. Каратыгинъ долженъ былъ играть эту роль и игралъ ее болѣе, нежели превосходно. Но и иронія относительно Полеваго совершенно не заслужена, такъ какъ трагедія Полеваго комбинирована искусно и удачно.

«Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Пьеса эта, конечно, далека до Шекспировскаго пошиба, она не затрогиваетъ общечеловѣческихъ струнъ; но не менѣе того обнимаетъ развитую въ человѣчествѣ страсть къ игрѣ. И эту страсть пьеса исчерпываетъ до дна. Пьеса эта преисполнена трагическими моментами и предоставляла Каратыгину широкую арену для его могучаго таланта. Онъ всегда и вездѣ выдерживалъ свои роли съ начала до конца; но выдержка роли въ этой пьесѣ, гдѣ человѣкъ является въ разныхъ, ужасныхъ контрастахъ своей жизни, выше всякаго сравненія. Во всѣхъ сценахъ онъ былъ превосходенъ, но два момента и, при томъ, моменты безъ словъ, гдѣ играло одно выраженіе лица, неизгладимо рисуются въ моихъ глазахъ, какъ бы это было сейчасъ. Вотъ эти моменты: когда Каратыгинъ въ рубищѣ, голодный, пришелъ просить чего-нибудь, чтобы притащить женѣ хлѣба, онъ встрѣчаетъ въ Обержѣ путешественника, видимо богатаго, который приглашаетъ нищаго закусить съ нимъ и проситъ его проводить по неизвѣстной ему въ горахъ дорогѣ. Вся внутренняя борьба, начавшая совершаться въ душѣ игрока, читалась зрителемъ въ выраженіяхъ лица Каратыгина, моментально измѣнявшагося, смотря по пробѣгавшимъ въ его умѣ мыслямъ, и читалась какъ бы по книгѣ. Этотъ моментъ игры былъ самымъ выразительнымъ въ игрѣ Каратыгина. Другой моментъ: товарищъ по игрѣ, въ дѣйствительности, мошенникъ-шулеръ, Вагнеръ, сообщаетъ игроку, что, пробираясь къ нему, онъ наткнулся на свѣже разрытую землю, расшевеливъ которую, увидѣлъ трупъ убитаго челоуѣка, еще не остывшаго. За часъ до того игрокъ сдѣлался уже убійцей, и при словахъ Вагнера въ немъ должна была возбудиться не внутренняя борьба, подобная той, которая была передъ тѣмъ въ Обержѣ, а иное душевное движеніе страха отъ уличаемаго преступленія. Въ этотъ моментъ, тоже молча, Каратыгинъ наводитъ ужасъ на зрителя. Затѣмъ, игрокъ и Вагнеръ садятся играть въ карты. Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, что Каратыгинъ тасовалъ при этомъ карты, какъ можетъ дѣлать это только фокусникъ. Это показываетъ, до какой степени Каратыгинъ относился серьезно къ ролямъ, которыя онъ долженъ былъ изображать. Последняя сцена этой пьесы была преисполнена

вишняго эффекта. Игрокъ,—уличенный Вагнеромъ въ убійствѣ и подстрекаемый имъ на новое убійство заснувшего въ хижинѣ офицера, какъ на дѣло уже знакомое,—рѣшается на это преступленіе; но въ эту минуту молнія ударяетъ въ хижину, она загорается; прибѣгаетъ отсутствующая до того жена и объявляетъ, что спящій въ хижинѣ офицеръ—ихъ сынъ. Игрокъ, сознавая всю страшную пропасть своего нравственнаго паденія, схватываетъ упирающагося Вагнера какъ щенка и бросается вмѣстѣ съ нимъ въ огонь, при крикѣ: «намъ съ тобой только и есть мѣсто въ аду!» Эта сцена исполнялась Каратыгинымъ съ потрясающимъ ужасомъ, и въ подобныхъ сценахъ вишняго эффекта сами враги Каратыгина признавали его превыше всякаго сравненія. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ я долго жилъ въ Парижѣ. Знаменитый артистъ, Фредерикъ Леметръ былъ еще живъ, и хотя онъ оставилъ уже сцену, но изрѣдка появлялся на ней. Мнѣ случилось однако видѣть его два раза въ «Жизни игрока». Объ игрѣ его, въ этой роли, я слышалъ еще въ Петербургѣ отъ пріѣзжавшихъ изъ Парижа, когда случилось завести рѣчь о Каратыгинѣ. Дѣйствительно, я увидалъ великаго артиста, но о сравненіи впечатлѣнія, произведеннаго на меня имъ и производимаго на меня Каратыгинымъ, не могло быть и рѣчи: во всѣхъ отношеніяхъ Каратыгинъ былъ превосходнѣе.

Брянскій. Это былъ сильный драматическій и трагическій артистъ, съ талантомъ, можно сказать, первокласснаго пошиба. Его игра была умна, строго размѣрена и строго рассчитана. Огненной игры у него не было, онъ принадлежалъ къ классической школѣ, совершенно подобной школѣ парижскаго Théâtre Français. Лучшей характеристики игры Брянскаго я не могу сдѣлать, какъ назвать его роднымъ братомъ итальянскаго актера Росси, котораго еще недавно видѣли у насъ въ Россіи: отчетливая, превосходная декламация, съ отгѣнкомъ пѣвучести и съ размѣренно повторяющимися повышеніями и пониженіями тоновъ голоса. Но пѣвучесть и постоянныя повышенія и пониженія тоновъ далеко не доходили у Брянскаго до надоедливости, какъ у Росси; вообще, игра Брянскаго была естественнѣе, чѣмъ у Росси. Въ памяти моей остались сильныя впечатлѣнія отъ игры Брянскаго въ «Оттелло»—Яго, въ «Эсмеральдѣ»—Казимода, въ «Разбойникахъ»—Франца, въ «Жизни игрока»—Вагнера и др.

Но я долженъ сказать, что едва-ли я видѣлъ Брянскаго болѣе десяти разъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Брянскій оставилъ почему-то на долго сцену, именно въ то время, когда мнѣ всего чаще приходилось бывать въ театрѣ; хотя впослѣдствіи онъ и появился вновь на сценѣ, но не надолго.

Дюръ. Этого артиста я всего видѣлъ раза четыре потому, что онъ скоро умеръ. Но мнѣ помнится, что его игра меня восхитила. Несмо-

тря на свою молодость, Дюръ имѣлъ громадное имя, и его потеря была очень чувствительна какъ для сцены, такъ и для обширнаго числа поклонниковъ его таланта.

Сосницкій. Это былъ первостепенный артистъ для, такъ называемой, высокой комедіи, а равно и для драмы; артистъ умный и съ огромнымъ талантомъ. Разнообразіе его амплуа было поразительно. Иногда онъ появлялся не только въ драмѣ, но и въ трагедіи. И кого бы онъ ни игралъ, зритель былъ напередъ увѣренъ, что получать не только полное удовлетвореніе, но и огромное удовольствіе, и что онъ, зритель, увидитъ какъ бы настоящее лицо, которое желаетъ видѣть въ пьесѣ. Въ комедіяхъ Мольера Сосницкій былъ особенно хорошъ. Въ «Горе отъ ума», онъ, можно сказать, сотворилъ Репетилова. Многіе ходили на «Горе отъ ума» единственно для того, чтобы видѣть Репетилова-Сосницкаго. Городничій-Сосницкій въ «Ревизорѣ», по-моему, былъ почти такъ же хорошъ, какъ Щепкинъ. Послѣдняго я видѣлъ въ роли городничаго два раза, и, конечно, безспорно, что я видѣлъ того самаго городничаго, котораго сотворилъ Гоголь. Но мнѣ кажется, что въ отзывѣ Бѣлинскаго, мелькомъ сдѣланнаго, о томъ, что «Сосницкій въ городничемъ на столько плохъ, на сколько въ этой роли превосходенъ Щепкинъ» — слышится, отчасти, тонъ пристрастія къ Щепкину. Коротко говоря, съ уходомъ Сосницкаго со сцены, въ драматической труппѣ обнаружилась громадная брешь.

Каратыгинъ 2-й. Это былъ комикъ по природѣ. Артистъ умный, галантливый, острый и находчивый, съ неподдѣльнымъ юморомъ. На сценѣ онъ былъ всегда какъ дома. Но мнѣ было часто досадно, когда его заставляли играть третъестепенныя роли въ драмахъ и трагедіяхъ. Къ этимъ ролямъ, не подходящимъ къ нему ни съ какой стороны, онъ, видимо, относился съ пренебреженіемъ, и потому почти всегда былъ плоховать. Но въ амплуа, сродныхъ его таланту, Каратыгинъ неизмѣнно доставлялъ большое удовольствіе чрезвычайно живой и натуральной игрой.

Максимовъ. Этотъ артистъ занималъ роли *jeune-premier*. Онъ имѣлъ положительно талантъ. По-моему, *jeune-premier*, въ сущности, суть роли самыя неблагодарныя и трудныя потому, что, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ какого-либо характера, а являются во всемъ какъ общія мѣста. Между тѣмъ, у Максимова все выходило сносно и гладко. Наружность его гармонировала съ его амплуа: онъ былъ хорошаго роста, съ хорошей фигурой, съ хорошими манерами и многими признавался весьма красивымъ. По моимъ понятіямъ, онъ во многихъ роляхъ доказывалъ, что онъ артистъ умный и талантливый. Вообще, Максимовъ придавалъ своей игрѣ видъ «*nonchalant*», и въ такомъ родѣ игралъ Хлестакова, и былъ отличный Хлестаковъ; лучше

его былъ только развѣ московскій артистъ Шумскій. Но лучшаго Чацкаго я не видалъ. Онъ не придавалъ Чацкому тона серьезности и всѣ свои проповѣди и любовныя изліянія говорилъ какъ-бы шутя. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вся роль Чацкаго до крайности не естественна, не правдива и ходульна, и если играть ее въ серьезъ, то Чацкій выйдетъ и смѣшонъ, и глуповатъ, и вмѣсто «Горе отъ ума» явится «Горе отъ глупости».

Чацкій, по идеѣ самого автора, долженъ быть уменъ, образованъ и съ пониманіемъ уже людей. Съ самой ранней юности онъ проводитъ время внѣ Москвы, за границей и возвращается въ родной край, о которомъ осталось воспоминаніе, какъ о благоуханномъ садѣ. И вдругъ, вмѣсто сада, онъ попадаетъ въ гнилое болото. Онъ сразу видитъ это и начинаетъ, съ презрительно-шуточной манерой, язвить все населеніе болота, безъ пафоса глубоко оскорбленнаго человѣка, не выдавая открыто своего внутренняго чувства на общее посмѣяніе. Коротко говоря. Максимовъ, придавая игрѣ Чацкаго шуточно-желчный колоритъ, дѣлалъ все, что можно было сдѣлать изъ роли Чацкаго, чтобы онъ показался человѣкомъ умнымъ. Сознательно ли Максимовъ придавалъ означенный колоритъ Чацкому, или это было слѣдствіемъ его натуры,—это все равно. Но я повторяю: Чацкій-Максимовъ былъ превосходенъ, и лучшаго я не видалъ.

Самойловъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно талантливый, какъ была талантлива вся семья Самойловыхъ. Отецъ Самойлова былъ знаменитый оперный артистъ. Кромѣ сына его Василія, на Петербургской сценѣ играли двѣ его сестры: Надежда и Вѣра, артистическія звѣзды первой величины; въ провинціи два брата актеры имѣли выдающіеся успѣхи, а о талантливости третьяго брата, горнаго инженера, Сергѣя, я говорилъ уже въ одной изъ предшествующихъ главъ. Самойловъ Василій обладалъ особенною способностью внѣшняго изображенія кого бы то ни было. Онъ измѣнялъ фізіономію, манеры и голосъ такъ, что передъ зрителемъ являлись именно тѣ самые субъекты, которыхъ изображалъ Самойловъ. Напримѣръ, въ пьесахъ: «Студентъ, хористъ и офицеръ», или въ «Комедіи съ дядюшкой», гдѣ нужно было безпрестанно перегримировываться, переряжаться и изображать разнородныхъ лицъ—Самойловъ былъ выше всякаго сравненія. Или, напримѣръ, въ роли «Левъ Гурьичъ Синичкинъ», князя Шаликова, гдѣ онъ представлялъ растлѣннаго, полуразвалившагося папильончика, балетомана, онъ былъ баснословно натураленъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ Самойловъ игралъ Кречинскаго. Рѣчи его онъ придавалъ самый слабый польскій акцентъ, и все время не сбивался ни на единый моментъ съ этого акцента. Между тѣмъ, зритель слышалъ чистую русскую рѣчь, но сразу угадывалъ, что онъ слы-

шить человека польской національности. Я долженъ однако сказать, что Самойловъ не обладалъ элементомъ творчества. Роли обыкновенныхъ людей, гдѣ не нужна была спеціальная гримировка и внѣшнія особенности, а нужно было созданіе характеровъ, Самойлову не удавались. Напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ Молчалина въ «Горе отъ ума», и это былъ одинъ изъ самыхъ плохихъ Молчалиныхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Самойловъ игралъ Молчалина такъ, чтобы возбудить въ публикѣ самое рѣзкое отвращеніе къ этому лицу, даже съ внѣшней стороны; вслѣдствіе этого, всякая возможная иллюзія со стороны Софьи являлась невыносимой.

Свѣжа еще въ памяти Петербургской публики громкая слава, приобрѣтенная Самойловымъ подъ конецъ его артистическаго поприща. Слава, конечно, заслуженная, но, не въ обиду памяти Самойлова, я позволю себѣ сдѣлать ему упрекъ, какъ артисту. Увлечшись своей славой, Самойловъ вздумалъ играть въ трагедіяхъ Шекспира. Между тѣмъ, въ немъ не было и тѣни трагическаго или драматическаго таланта. Это тѣмъ болѣе не простительно, что онъ видѣлъ прежде самыхъ блестящихъ представителей Шекспировскихъ героевъ. Я не пошелъ, конечно, смотрѣть изображеніе этихъ героевъ Самойловымъ, чтобы не видѣть его въ жалкомъ положеніи. Но я пошелъ посмотрѣть его въ «Іоаннѣ Грозномъ», о которомъ кричала Петербургская публика. Я увидалъ отличную гримировку, походку, костюмъ и всѣ атрибуты Іоанна Грознаго; но духа его я не увидалъ и не ощутилъ.

Григорьевъ 1-й. Этотъ актеръ, по моему взгляду, не имѣлъ выдающагося таланта, но онъ нигдѣ не портилъ ролей, имъ играемыхъ. Въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ, напримѣръ, Фамусова, и былъ сноснымъ Фамусовымъ; а быть сноснымъ Фамусовымъ, на которомъ, преимущественно, сосредоточивается вся комедія, составляетъ уже нѣкоторымъ образомъ заслугу актера.

Григорьевъ 2-й игралъ, по преимуществу, типы купцовъ, го-стиннодворцевъ и проч., и въ этихъ амплуа былъ превосходенъ.

Марковецкій. Этотъ актеръ имѣлъ нѣкоторое дарованіе; но, замѣняя часто Мартынова, хотѣлъ подражать ему. Въ сущности, онъ олицетворялъ своей игрой фарсъ и всегда все шаржировалъ. Менѣ развитой публикѣ, которая не могла отличить фарса отъ истиннаго комизма, онъ очень нравился.

Бурдинъ появился гораздо позже и нерѣдко обнаруживалъ неподдѣльный талантъ. Въ особенности, публика обратила на него серьезное вниманіе тогда, когда онъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» какъ бы создалъ роль Расплюева, придавъ этой несчастной, грязноватой личности отѣнокъ драматизма.

Перейду, наконецъ, къ Мартынову, этому творческому гению въ

сценическомъ искусствѣ. Какъ ни признаю я гениальность Каратыгина, но гениальность творчества Мартынова я ставлю выше гениальности Каратыгина. Мартыновъ появился на сценѣ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ въ водевиляхъ и въ маленькихъ роляхъ. Между тѣмъ, кажется, въ 1842 году я увидалъ его однажды въ роли Гарпагона, Мольера, и онъ произвелъ на меня необыкновенно сильное впечатлѣніе. По интригамъ, или по какой-либо другой причинѣ, Мартыновъ, въ этой роли, болѣе не показывался, и въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ фигурировалъ, по преимуществу, только въ водевиляхъ. Но кого бы и въ чемъ бы ни игралъ, онъ поражалъ своимъ талантомъ и всегда творилъ типы, чего, конечно, не могли не оцѣнить истинные любители сценическаго искусства и опытные, развитые зрители. Что же касается до толпы, то и она всегда восхищалась Мартыновымъ. Въ сороковыхъ годахъ Мартынову давали иногда роль Осипа въ «Ревизорѣ», и это, положительно, былъ тотъ самый Осипъ, котораго нарисовалъ Гоголь. Появлялся Мартыновъ тоже въ «Горе отъ ума», попеременно съ Каратыгинымъ 2-мъ, въ роли Загорѣцкаго. И въ этой, маленькой роли, зритель видѣлъ не актера Мартынова, а того самаго свѣтскаго вруна Загорѣцкаго, который проживалъ нѣкогда, въ двадцатыхъ годахъ, въ Москвѣ. Отсутствие шаржа и ненатуральности было отличительною чертою игры Мартынова. Читатель знаетъ, конечно, комедію: «Левъ Гурьичъ Синичкинъ»; изъ этой забавной комедіи Мартыновъ создалъ комедію серьезную, такъ что зритель страдалъ страданіями Синичкина и радовался его радостями.

Таковы-то были амплуа Мартынова въ продолженіе, какъ я уже сказалъ, болѣе 15 лѣтъ. Но вотъ, въ послѣдней половинѣ пятидесятыхъ годовъ, появляется драма актера Чернышева: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Мартыновъ выступаетъ въ этой пьесѣ въ сильной драматической роли молодого ямщика. Тогда только прозрѣлъ литературный кружокъ, пришедшій въ недоумѣніе вмѣстѣ съ большинствомъ публики. Какъ же это такъ: мы смотрѣли болѣе 15 лѣтъ Мартынова какъ талантливаго веселаго забавника, а онъ оказывается—огромный драматическій артистъ. Въ непродолжительномъ времени появилась новая превосходная драма, того же Чернышева: «Бѣдность не порокъ». Сцена передъ уходомъ къ дочери, сцена у дочери и послѣ возвращенія его домой обнаружили въ Мартыновѣ громаднаго артиста, глубоко понимающаго тончайшія пружины человѣческой души и смѣло могущаго бы явиться въ самой сильной трагической роли, подобно Каратыгину, если бы только онъ обладалъ внѣшними условіями послѣдняго. Означенная драма упрочила уже окончательно за Мартыновымъ имя великаго драматическаго артиста: съ тѣхъ поръ начали его чествовать, а онъ началъ чахоточно кашлять. Литературный міръ и большинство общества

спохватились позднею. Лѣтомъ 1839 года я видѣлъ Мартынова въ Эмсѣ, надѣявшагося еще на поправленіе своего здоровья. По возвращеніи изъ-за границы, Мартыновъ продолжалъ играть, и я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1860 году. Затѣмъ, я уѣхалъ на долго изъ Петербурга, и не знаю хорошенько, когда Мартыновъ умеръ и гдѣ могила этого высоко-геніальнаго артиста.

Перейду теперь къ женскому персоналу.

Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ главѣ этого персонала стояла, безспорно, Каратыгина 1-ая, жена трагика Василія Андреевича. Въ это время, она стояла выше всѣхъ и по драматическому таланту, и по образованію, и по внѣшнимъ условіямъ: она была очень хороша собой. Извѣстно, что, бывши еще дѣвушкой, она жила за границей специально для того, чтобы ознакомиться съ знаменитыми парижскими артистами того времени, когда игралъ еще Пальма. Я видѣлъ Каратыгину, будучи еще очень молодымъ юношей, въ 1836 году. Потомъ, я три года не былъ въ Петербургѣ и увидалъ ее опять въ 1839 году. Въ это время, она занимала еще иногда роли молодыхъ, но скоро уже перестала появляться въ подобныхъ роляхъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, я видѣлъ ее нѣсколько разъ въ роли матери Гамлета; Гамлета же игралъ мужъ ея. Въ этой роли, Каратыгина была величественно-хороша. Появлялась она тоже въ роли Натальи Дмитріевны въ «Горе отъ ума», и здѣсь, несмотря на незначительность этой роли, можно было полюбоваться ея умной игрой. Вообще, характеръ игры Каратыгиной подходилъ къ характеру размѣренной игры артистовъ Парижскаго «Théâtre Français», съ добавкою нѣкотораго природнаго одушевленія. Словомъ сказать, это была артистка высокаго стиля.

Къ числу отличныхъ актрисъ принадлежали тоже Брянская и Соеницкая. Но я не припомню указать на какія-либо выдающіяся ихъ роли. Онѣ удалились со сцены, кажется, около начала пятидесятихъ годовъ. Я видѣлъ еще знаменитую Вальберхову, между прочимъ въ роли матери Гамлета, когда мнѣ случилось быть въ этой трагедіи первый разъ, и она была великолѣпна.

Асенкова. Она была огромной восходящей звѣздой, которая, къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей изящнаго искусства, безвременно потухла. Мнѣ удалось ее видѣть всего раза четыре или разъ пять, между прочимъ, въ роляхъ: Херубины въ «Свадьбѣ Фигаро», въ водевилѣ—«Гусарская стоянка» и въ «Эсмеральдѣ», и во мнѣ сохранилось впечатлѣніе полного восторга какъ отъ ея игры, такъ я отъ ея внѣшности.

Самойлова 1-ая, Надежда Васильевна. Это была замѣчательно талантливая, умная, веселая и живая артистка. Въ водевиляхъ ее, кажется, никто до сихъ поръ не могъ замѣнить. Въ особенности, она была

хороша въ Лизѣ, въ комедіи «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Впрочемъ, она была превосходна вездѣ и всегда, хотя бы ей приходилось играть роли и драматическаго характера. Но у нея было, сверхъ всего, одно великое достоинство, заключающееся въ томъ, что она обладала превосходнымъ, звучнымъ голосомъ контръ-альтоваго тембра и была чрезвычайно музыкальна. Съ удаленіемъ Каратыгина со сцены—нѣтъ болѣе Гамлета, а съ удаленіемъ Самойловой—нѣтъ болѣе Офеліи. Эту роль Самойлова играла восхитительно и исполняла пѣснь Офеліи такъ, какъ это могла бы исполнить только первоклассная оперная примадонна. И самая музыка этой пѣсни, сочиненной незабвеннымъ творцомъ сотенъ превосходнѣйшихъ романсовъ Варламовымъ, могла бы встать въ первый номеръ наилучшей итальянской оперы. На «Гамлета» можно было ходить не только ради игры Каратыгина, но и ради пѣсни Офеліи, исполняемой Самойловой. Въ 1840 г., Надежда Васильевна числилась Самойловой 2-й, вѣроятно потому, что прежде нея была на сценѣ, нѣкоторое время, старшая сестра, которую я собственно на сценѣ никогда не видалъ.

Г - ж а Д ю р ъ. Это была довольно талантливая, драматическая актриса съ очень красивою наружностью. Но въ то время, когда я сталъ ее видать въ драматическомъ амплуа, она была уже слишкомъ полна и для ролей молодыхъ не подходила.

С а м о й л о в а 2 - я, Вѣра Васильевна. Это была артистка той же школы, къ которой принадлежала и Каратыгина 1-я. Она играла умно, всегда съ достоинствомъ и величественно; но была артистка холодная. Въ игрѣ ея было много искусства, но заключался нѣкоторый недостатокъ увлеченія и вполнѣ истиннаго чувства. Въ пятидесятыхъ годахъ давали сцены изъ Онѣгина, и, кажется, по инициативѣ самой Вѣры Васильевны. Она изображала Татьяну. Въ изображеніи этой роли она была превыше всякихъ похвалъ: изящность, достоинство и даже искренность чувства блистали въ Татьянѣ яркимъ свѣтомъ. Вообще, жанръ игры Самойловой 2-й былъ совершенно схожъ съ жанромъ высокопробныхъ артистокъ Михайловскаго театра, какой была, напримѣръ, Плеса. Самойлова 2-я была прекраснаго роста, изящно сложна и хороша собой, хотя и не съ строго-правильными чертами.

Я не могу не упомянуть тоже о нѣкоторыхъ артистахъ Московской драматической труппы. Вѣдь эта труппа имѣла такихъ громкихъ представителей, которые, по мнѣнію многихъ, стояли даже выше петербургскихъ. Я упомяну, конечно, только тѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, а именно: Мочалова, Щепкина, Самарина, Шумскаго, Садовскаго и Живокини. Артистки женскаго персонала сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ въ памяти моей не сохранились.

Мочаловъ, какъ извѣстно, былъ трагикъ. Я видѣлъ его всего два раза въ 1839 году, въ роли Отелло. Онъ не произвелъ на меня тогда сколько-нибудь выдающагося впечатлѣнія. Присутствовавшіе на этихъ двухъ спектакляхъ, люди компетентные, какъ-то: Сергій Тимоѣевичъ и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковы, Загоскинъ и Иванъ Ивановичъ Панаевъ находили, что Мочаловъ не въ ударѣ, а, между тѣмъ, они думали увидать его во всемъ его блескѣ. Но о неподобной игрѣ Мочалова въ «Отелло» и, въ особенности, въ «Гамлетѣ», много было писано Бѣлинскимъ.

Щепкина я видѣлъ много разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. По истинѣ, это былъ артистъ вдохновенный и доставлялъ полное наслажденіе. Почти всѣ роли, которыя игралъ Щепкинъ, исполнялись въ Петербургѣ Сосницкимъ превосходнымъ образомъ. Конечно, Щепкина многіе ставили значительно выше Сосницкаго, но многіе тоже, въ извѣстныхъ роляхъ, отдавали преимущество послѣднему, потому что въ немъ не замѣчалось того однообразія, какое замѣчалось нѣсколько въ игрѣ Щепкина. Послѣ отзывовъ Бѣлинскаго объ игрѣ Щепкина, я, конечно, ничего прибавить не могу.

Самаринъ. Этого артиста я видѣлъ въ Москвѣ не болѣе трехъ разъ. Мнѣ онъ показался и весьма талантливымъ, и умнымъ, съ необыкновенно представительною наружностью. У меня осталось впечатлѣніе о немъ какъ о лучшемъ *jeune-premier* изъ тѣхъ, которыхъ я видалъ на русскихъ сценахъ, и, конечно, Максимовъ, въ этихъ роляхъ, долженъ былъ уступить Самарину, тѣмъ болѣе, что Самаринъ былъ въ то же время артистъ для серьезныхъ ролей.

Шумскій. Это былъ сильно выдающійся талантъ, который, со временемъ, дошелъ до величины первокласснаго артиста и сталъ появляться съ огромнымъ успѣхомъ въ роляхъ драматическаго характера. Его репертуаръ былъ очень обширенъ; мнѣ случалось видѣть его, напримѣръ, въ тѣхъ роляхъ, которыя играли на Петербургской сценѣ, въ болѣе раннее время, Максимовъ и Самойловъ. Въ роли Хлестакова, онъ былъ лучше всѣхъ Хлестаковыхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Кречинскому онъ придавалъ нѣсколько драматическій характеръ и, по моему, былъ лучше Самойлова, но не могъ придать своей рѣчи польскаго акцента, какой, какъ я упоминалъ выше, придавалъ Самойловъ.

Садовскій былъ превосходный артистъ, преимущественно для драматическихъ ролей, и имѣлъ громное имя, привлекавшее публику въ театръ. Напримѣръ: исключительно ради Садовскаго, публика жаждала посѣщать комедію: «Не въ свои сани не садись», въ которой онъ исполнялъ роль Любима Торцова, и производилъ своей игрой въ этой роли сущій фуроръ. Я видѣлъ Садовскаго всего два или три раза.

Живокини я видалъ также не много разъ. Безспорно, что этотъ

актеръ былъ съ большимъ дарованіемъ; но мнѣ показалось, что его юморъ былъ болѣе дѣланный, нежели натуральный. Во всякомъ случаѣ Москва восхищалась имъ.

Мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ о русской оперѣ начала сороковыхъ годовъ. Въ это время не было вовсе итальянской оперы, и мнѣ не случалось слышать какую-либо итальянскую оперу съ русскими пѣвцами, хотя такія оперы и давались. Изъ русскихъ же оперъ я слышалъ только «Жизнь за Царя», «Руслана и Людмилу» и «Аскольдову могилу».

Съ первыхъ же представленій «Руслана и Людмилы», опера эта произвела на меня сильное впечатлѣніе, благодаря, конечно, такимъ двумъ превосходнымъ артистамъ, какими были Петровъ и жена его Воробьева-Петрова. Петровъ былъ дѣйствительно богатырь Русланъ, какъ по голосу, такъ и по игрѣ. Въ то время Петровъ имѣлъ еще голосъ сильный, звучный, обладающій огромнымъ діапазономъ во всемъ его регистрѣ, отлично обработанный, чрезвычайно подвижной, и добавьте къ этому выдающееся искусство пѣнія. Не въ обиду будь сказано послѣдующимъ послѣ Петрова Русланамъ, что всѣ они казались мнѣ очень слабыми противъ Петрова. Арія Руслана: «О поле, поле...» являлась полнымъ торжествомъ и средствъ, и искусства Петрова, приводившимъ публику въ неистовый восторгъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ означенное время появился новый пѣвецъ—Артемовскій, который мѣнялся въ означенной роли съ Петровымъ. Артемовскій обладалъ тоже прекраснымъ, сильнымъ и свѣжимъ голосомъ, такъ что Руслана можно было слушать съ удовольствіемъ и при пѣніи Артемовскаго. Конечно, онъ не былъ Русланъ-Петровъ, но и Артемовскій, по-моему, былъ гораздо лучше всѣхъ послѣдующихъ Руслановъ.

Въ 1864 году, я встрѣтилъ въ Новочеркаскѣ одного донскаго казака, проживавшаго нѣкогда въ Харьковѣ и занимавшагося обученіемъ церковныхъ пѣвчихъ. Этотъ казакъ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ первымъ учителемъ Петрова. Старикъ еще пѣлъ прекрасно подъ гитару и, конечно, сильно гордился своимъ ученикомъ, достигшимъ большой извѣстности, и показывалъ письма къ нему отъ Петрова.

Воробьева-Петрова—жена поименованнаго пѣвца. Бывши еще не замужемъ, она пріобрѣла громкое имя. Ея голосъ, высокое контральто, былъ, въ полномъ смыслѣ, феноменальнымъ въ отношеніи красоты, чистоты, круглоты, полноты и бархатности звука. По этимъ индивидуальнымъ свойствамъ звука ея голоса, можно приравнять его къ подобнымъ индивидуальнымъ свойствамъ звука голоса Патти. Понятно, что у одной въ одномъ регистрѣ, а у другой—въ другомъ. Особен-

ность голосовъ этихъ пѣвицъ была такова, что едва зритель услышитъ два-три звука, вылетѣвшихъ изъ ихъ устъ, онъ уже обворожень круглотою, полнотою и бархатностью ласкающихъ ухо этихъ звуковъ, помимо еще всякаго искусства пѣнія.

Геніальный Глинка, въ созданной имъ музыкѣ для роли Ратмира, дошелъ, можно сказать, до апогеоза выраженія нѣги и сладострастія. Воробьева-Петрова творила въ этой роли чудо и своими необычайно сладкими звуками и своимъ искусствомъ. Являлась полная иллюзія, и зритель, подъ обаяніемъ слушаемыхъ имъ звуковъ, находился какъ бы не въ театрѣ, а въ роскошномъ Восточномъ гаремѣ, дышащемъ нѣгою. Коротко говоря, невозможно высказать того впечатлѣнія, какое производила Петрова этой аріей на слушателя. Публикѣ еще памятно пѣніе Лавровской въ Ратмирѣ. Ея голосъ тоже бархатный; она была тоже превосходный Ратмиръ, но Ратмиръ холодный, тогда какъ Ратмиръ-Петрова былъ Ратмиръ огненно-страстный, что выражалось преимущественно не въ игрѣ, а въ звукахъ голоса, искуснымъ образомъ управляемаго.

О прочихъ оперныхъ артистахъ я ничего не могу сказать особеннаго. Теноръ Леоновъ имѣлъ вѣрный, хорошій, но не очень сильный голосъ. Настоящая его фамилія Charpantier, хотя онъ и русскаго происхожденія; онъ воспитывался въ Парижѣ, гдѣ и получилъ прекрасное музыкальное образованіе. Послѣ того какъ Леоновъ оставилъ сцену, я встрѣтилъ его, во время постройки Донской желѣзной дороги, въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ содержалъ труппу. Замѣтивъ въ моей дочери особую страсть къ пѣнію, необыкновенно звучный и вѣрный голосъ, я пригласилъ Леонова давать ей уроки пѣнія. Эти уроки продолжались не долго, ибо я побоялся испортить голосъ дочери.

Степанова, сопрано. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, она была уже очень не молода, но сохраняла еще свой необыкновенно высокій голосъ и, въ то же время, особенно рѣзкій. Во время перваго появленія въ Петербургѣ Рубини, она пѣла съ нимъ въ «Лючію». Вообще, ея пѣніе не оставило во мнѣ пріятнаго впечатлѣнія.

Вспомню тоже о нѣкоторыхъ французскихъ артистахъ Михайловскаго театра. Вообще, въ сороковыхъ годахъ, любителямъ драматическаго искусства везло. На французской сценѣ были тоже артисты первой величины: М-ег и М-ше Алап имѣли громкую извѣстность и у насъ, и въ Парижѣ. Когда играли эти артисты, то зритель могъ быть увѣренъ, что онъ всегда вынесетъ изъ спектакля большое ходожественное удовольствіе. Мнѣ помнится одна большая пьеса: «Les memoires du diable». Отъ замѣчательно художественной игры въ этой пьесѣ

артиста Alan, которая давалась очень часто, публика ломилась въ театрѣ.

Alexandre-Méer. Это была восхитительная артистка, «ingenue», умная, талантливая и граціозная. Такой «ingenue», по крайней мѣрѣ мнѣ, не случилось видѣть послѣ и въ Парижѣ. Alexandre-Méer вышла, кажется, замужъ за графа Апраксина и удалилась съ тѣхъ поръ со сцены.

Bressan. Онъ игралъ jeune-premier. Болѣе представительнаго, болѣе ловкаго и болѣе умнаго артиста трудно себѣ представить. По отъѣздѣ изъ Петербурга онъ долго еще гремѣлъ въ Парижѣ, на сценѣ Comedie Française. Bressan былъ большаго роста, съ изящной фигурой и идеальной красоты. Петербургская публика была отъ него безъ ума. Бывшихъ уже послѣ jeune-premier, хотя и очень хорошихъ, какъ, напримѣръ, Berton и другихъ, нельзя и сравнивать съ Bressan.

Verné. Это былъ великій, естественный и натуральный комикъ, силу таланта котораго можно приравнять къ силѣ творчества Мартынова. Въ чемъ бы онъ ни игралъ, онъ доставлялъ истинно-художественное наслажденіе. Сценическій талантъ былъ, вѣроятно, врожденнымъ въ семьѣ. Весной 1844 года, пріѣхала въ Петербургъ на гастроли M-me Albert, родная сестра Verné. Въ высоко-драматическихъ роляхъ она увлекала Петербургъ.

Я упомянулъ только о крупныхъ артистахъ прежняго Михайловскаго театра, а о другихъ у меня не осталось въ памяти чего-либо особенно выдающагося. Но вообще, въ тѣ времена, ensemble французскаго театра былъ превосходенъ, для всѣхъ родовъ драматической литературы, за исключеніемъ, конечно, трагедіи, которая на Михайловскомъ театрѣ и не давалась.

Глубоко любя и уважая людей литературнаго кружка сороковыхъ годовъ, я не могу, однако, не высказать правды: они совершили великій грѣхъ въ отношеніи драматической петербургской труппы тѣхъ временъ. Они старались, всѣми силами, дискредитировать Александринскій театръ въ глазахъ образованной публики, отзываясь о немъ, какъ о театрѣ неприличномъ, некомильфотномъ, гдѣ могутъ находить удовольствіе не люди образованные и художественно развитые, а лишь гостиннодворцы. Между тѣмъ теперь пришли уже, болѣе или менѣе, къ сознанию, что намъ, быть можетъ, долго еще не дожидаться хотя бы близкаго подобія труппы сороковыхъ годовъ. Что же совершалось въ дѣйствительности? Всѣ, искренно любящіе наслаждаться великимъ драматическимъ искусствомъ, ѣздили въ Александринку (выраженіе того времени), но старались скрывать это отъ своихъ знакомыхъ. Выходило, однако, такъ, что знакомые между собою люди, скрывавшіе другъ отъ друга свои посѣщенія Александринки, вдругъ встрѣчались тамъ, и тогда сва-

ливали свое посѣщеніе на дѣтей или на какую-нибудь случайность, не упуская, при томъ, отзываться въ обществѣ объ Александринкѣ или съ ироніей, или съ пренебреженіемъ. Теперь, когда эта фальшь миновала, я нерѣдко встрѣчаю пожилыхъ людей, которые, при разговорѣ о прежней сценѣ, каются въ своемъ грѣхѣ и сознаются, что они, несмотря на наложенное литературнымъ кружкомъ, въ оныя времена, клеймо на Александринку, ѣздили туда, втихомолку, чтобы насладиться игрой Каратыгина.

Каратыгинъ умеръ прежде, нежели вліятельный литературный кружокъ прозрѣлъ и опомнился отъ невнимательности своей въ дѣлѣ оцѣнки искренности въ драматическомъ искусствѣ. Другой же великій артистъ дожилъ до этого прозрѣнія прежнихъ своихъ враговъ; но было уже поздно,—грѣхъ былъ совершенъ.

Мартыновъ, имѣвшій призваніе къ самымъ высокимъ драматическимъ ролямъ, чуть ли не восемнадцать лѣтъ расходовался по водевилямъ. Несмотря на это, Мартыновъ изъ каждой пустой роли создавалъ типъ, и если бы литературный кружокъ слѣдилъ за нимъ, то подмѣтилъ бы въ немъ великій талантъ во-время. Но кружокъ этотъ не обращалъ на Мартынова никакого вниманія и рассматривалъ его, какъ балаганнаго гаера. Восемнадцать лѣтъ нравственнаго придавливанія своихъ натуральныхъ стремленій и выдерживаніе тяжелыхъ оскорбленій своего громаднаго таланта,—быть можетъ, болѣе сильнаго, чѣмъ тотъ, которымъ обладалъ Каратыгинъ,—свое дѣло сдѣлали: Мартыновъ пріобрѣлъ себѣ въ награду—чахотку. Тогда извѣстный литературный кружокъ вздумалъ чествовать Мартынова обѣдомъ съ громкими рѣчами, но этимъ отъ чахотки Мартынова не избавилъ. Къ истиннымъ талантамъ нужно относиться со вниманіемъ, и относиться во-время, иначе можно совершить грѣхи непоправимые.

Восемнадцать лѣтъ Мартыновъ, въ глазахъ литературнаго кружка, былъ гаеръ, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, сдѣлался великимъ артистомъ. Развѣ такія метаморфозы совершаться могутъ? Суть въ томъ, что лица извѣстнаго литературнаго кружка или вовсе не ходили смотрѣть Мартынова, или смотрѣли на него сквозь кривыя очки, а когда очки эти кружокъ снялъ, или ихъ сняли съ него, то и увидѣлъ то, чтò могъ видѣть давно.

Если бы Каратыгинъ пожилъ подолѣе, то и онъ увидалъ бы тотъ же почетъ въ литературномъ кружкѣ, какого дождался, на краю гроба, Мартыновъ.

Всѣ эти замѣчанія клонятся къ тому, чтобы подтвердить мое убѣжденіе въ томъ, что взгляды литературнаго кружка сороковыхъ годовъ на Каратыгина была неправдой, и неправдой вопіющей. Въ дѣйствительности же, театръ всегда ломился, когда игралъ Каратыгинъ, и

ни одно представленіе не проходило безъ самыхъ сильныхъ выраженій восторга. Враждующій ему кружокъ старался относить его успѣхи къ грубому вкусу посѣтителей театра; на самомъ же дѣлѣ, Каратыгинъ производилъ обаяніе на всѣ слои общества однимъ своимъ появленіемъ на сцену и своей горячей и правдивой игрой увлекалъ неудержимо.

Въ сезонъ съ 1843 на 1844 годъ, находились въ Петербургѣ такіе великіе оперные артисты, какъ Рубини, Віардо и Тамбурины. Я, вмѣстѣ со всею петербургскою публикою, сходилъ отъ нихъ, какъ говорятъ, съ ума. Но признаюсь, что когда мнѣ почему-либо предстоялъ выборъ идти слушать ихъ, или смотрѣть Каратыгина, я не колебался ни минуты и избиралъ Каратыгина. Истинно-правдивое драматическое искусство доставляетъ такое глубокое наслажденіе, какого никакое другое искусство въ той же мѣрѣ доставить не можетъ. И этою-то правдивостію и отличался Каратыгинъ.

Я не могу сдѣлать сравненія Каратыгина съ Мочаловымъ потому, что видѣлъ послѣдняго только два раза въ моей юности и при томъ оба раза во дни для него неудачные, что, какъ извѣстно, случалось съ нимъ нерѣдко. Что же касается до Брянскаго, котораго я видѣлъ много разъ, то характеръ его игры былъ, по преимуществу, декламационный, уподобляющійся характеру игры Росси.

Помяну теперь тѣхъ иностранныхъ выдававшихся нѣкогда и выдающихся нынѣ артистовъ, которые приходятъ мнѣ въ настоящую минуту на память изъ числа мною видѣнныхъ.

Въ Рашели классическая школа воплощалась въ своей крайней формѣ,—въ формѣ отвлеченной, хотя и въ высшей степени изящной, но душою не оживленной и, если можно такъ выразиться, въ формѣ статуиной. Но артистка эта имѣла на столько ума, что она являлась преимущественно въ такихъ роляхъ, въ которыхъ и не нужно было имѣть искренняго внутренняго огня. Сцена служила ей лишь поводомъ для того, чтобы декламировать звучные эффектные стихи и рисоваться въ подлежащемъ костюмѣ. Ристори явилась болѣе или менѣе удачной копировкой Рашели. Росси, принадлежа къ той же классической школѣ, захотѣлъ внести ее въ Шекспира, т. е. совершилъ грубую фальшь. Героевъ Шекспира, людей живыхъ, нельзя втискивать въ неодушевленныхъ автоматовъ, хотя и превосходно, однообразно декламирующихъ и такъ же жестикулирующихъ, но все-таки остающихся куклами. Рашель поняла, что съ ея классической школой только и можно декламировать по преимуществу въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, а Росси вообразилъ, что съ тою же школой можно появляться въ произведеніяхъ Шекспира.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ однако выводить заключеніе, что я отношусь не съ полнымъ уваженіемъ къ школѣ, господ-

ствовавшей между артистами въ «Théâtre Français». Я долженъ сказать правду, что я никогда не выходилъ изъ этого театра неудовлетвореннымъ, но за то никогда не выходилъ тоже оттуда потрясеннымъ, за исключеніемъ одного раза, когда я увидѣлъ въ первый разъ Круазеть въ роли «Sphinx».

Эта артистка составляетъ, или составляла, исключеніе изъ всей группы «Théâtre Français». Не потому ли, быть можетъ, она, обладая громаднымъ, непосредственнымъ талантомъ, не успѣла достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ достигла бывшая ея асоссе, Сарра Бернаръ, хотя и обладающая тоже великимъ талантомъ внѣшней игры, но далеко уступающая Круазеть въ правдивости драматическаго искусства?

Въ «Sphinx» Круазеть играла съ Саррою Бернаръ. Для человѣка, любящаго въ искусствѣ неподдѣльную натуральность и правдивость, при видѣ игры этихъ двухъ артистокъ, показалась бы странною возможность сравненія ихъ между собою. Такъ, Круазеть, силою своего непосредственнаго таланта, подавляла Сарру Бернаръ, и таково было впечатлѣніе ихъ игры какъ на меня, такъ и на моихъ знакомыхъ, бывшихъ со мною въ театрѣ.

Между тѣмъ, въ то время, французская публика раздѣлялась на два враждебные лагеря: одни восхищались Круазеть, а другіе бранили ее и восхищались Саррою Бернаръ. Впрочемъ, восторги отъ Круазеть относились только къ чисто внѣшнему эффекту, а именно къ сценѣ ея смерти. Смерть отъ отравленія казалась публикѣ настолько реальной, что многіе не хотѣли вѣрить въ игру, а вѣрили распущенному слуху о томъ, что Круазеть принимала, будто-бы, какое-то зелье, а затѣмъ, когда занавѣсъ опускался, она принимала противоядіе, и этому обстоятельству приписывали уклоненіе ея отъ появленія на вызовы передъ публичкой послѣ окончанія спектакля.

Откровенно признаюсь, что я, съ своей стороны, пропустилъ и въ слѣдующіе разы пропускалъ безъ всякаго вниманія предсмертныя корчи артистки, такъ какъ большая или меньшая правдоподобность ихъ изображенія не могла придавать никакого значенія силѣ ея таланта. А, между тѣмъ, этотъ внѣшній эффектъ и придалъ большую извѣстность Круазеть. Досадно было видѣть въ то время, что французская публика не оцѣнила въ ней необыкновенную правдивость и естественность ея игры, и не отмѣчала своимъ вниманіемъ ту сцену, въ которой, главнымъ образомъ, выказывалось могущество таланта артистки. Но прежде, нежели указать эту сцену, надо замѣтить, что пьеса Октава Фелье написана такъ художественно, что нѣтъ ни одного обращенія въ сторону, или одиночнаго монолога. Всѣ мысли и движенія души изображаемаго лица артистъ долженъ дать понять зрителю своей игрой. Я говорю о той сценѣ, когда Бланшъ (Круазеть), приготовивъ для себя стаканъ

съ ядомъ, хотеть его выпить, и въ это время ея соперница (Сарра Бернаръ), не выдавшая приготовленія яда, просить воды, чтобы утолить жажду отъ сильной сцены. У Бланшъ зарождается мысль, не направить ли стакапъ съ ядомъ по адресу своей соперницы. Происходить внутренняя борьба, исходомъ которой является возвращеніе къ мысли самоотравленія. Тогда я смотрѣлъ «Sphinx» въ первый разъ, я не зналъ содержанія пьесы; не менѣе того, всѣ мысли, пробѣгавшія въ умѣ, и всѣ движенія сердца Круазетъ я читалъ, какъ по книгѣ, въ лицѣ артистки. Если публика не цѣнила въ ея игрѣ этого момента, то сама Круазетъ очень хорошо сознавала, что высшее напряженіе драматизма пьесы заключается въ этомъ моментѣ, и что именно тутъ она должна вложить весь свой талантъ, и, вѣроятно, потому она и сняла съ себя карточку въ этой сценѣ. Увидавши только одну эту карточку Круазетъ, можно уже получить нѣкоторое понятіе объ этой артисткѣ.

Обаяніе публики отъ Круазетъ ослабѣло, однако, довольно скоро. Это и понятно. Современная парижская публика не любитъ выносить изъ театра очень сильныхъ ощущеній и потрясеній. Ей нужно кратковременное развлеченіе послѣ обѣда. Поэтому, ни истинно драматическія пьесы, ни истинные драматическіе таланты долго держаться тамъ не могутъ. Парижская публика любитъ преимущественно не настоящія драмы, а мелодрамы, съ буржуазными добродѣтелями, такими же мелочными пороками и со всевозможными внѣшними эффектами. Напримѣръ, приторнѣйшая, хотя и ловко составленная, мелодрама, желавшая изобразить быть извѣстной части русскаго общества—«Les Danichefs», выдержала, безъ перерыва, до 700 представленій, и потомъ, послѣ промежутка въ нѣсколько мѣсяцевъ, была возобновлена, и вновь выдержала, безъ перерыва, кажется, еще до 300 представленій. Наибольшее удовольствіе парижская публика ощущала отъ роли кучера, изображавшаго изъ себя типъ, подобный герою пьесы «Le jeune homme pauvre». Вѣдь парижская публика не можетъ не сознавать, что въ Россіи, какъ и во Франціи, кучера не могутъ имѣть образъ джентльмена, но ей, тамошней публикѣ, нѣтъ до этого дѣла. Оскорбленіе художественной правды парижскую публику не мутитъ; были бы эффектныя фразы и легкое раздраженіе чувствъ, и этого довольно. Но, при этомъ, непремѣннымъ условіемъ должно быть благополучное окончаніе. Ни одна пьеса съ неблагополучнымъ окончаніемъ, по обыкновенію, долго не продерживается.

Объ Саррѣ Бернаръ какъ-то не хочется и говорить. Актриса, играющая два раза въ день, и сверхъ того, играющая въ одномъ и томъ же спектаклѣ три сцены пзъ разныхъ пьесъ, являясь въ совершенно разнообразныхъ роляхъ,—такая актриса серьезной подкладки не имѣетъ и серьезной критикѣ подлежать не можетъ, какимъ бы сильнымъ дарованіемъ къ актерскимъ метаморфозамъ она ни обладала. Въ талантѣ

такого сорта можетъ, почему знать, перешеголять Сарру Бернаръ и Илька Огай. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что такія лихорадочныя выходки Сарры Бернаръ могутъ быть оправданы страстью къ болѣе быстрой наживѣ. Я согласенъ, что страсть къ наживѣ можетъ совмѣщаться съ великимъ талантомъ. Но дѣло въ томъ, что истинно великій талантъ не найдетъ въ себѣ той силы, которая можетъ побудить человѣка позорить свое искусство. А если такая сила въ человѣкѣ находится, то это и значитъ, что въ немъ нѣтъ таланта глубокаго, а если и есть какой-нибудь талантъ, то весьма мелкій.

Написалъ я не мало, а не сказалъ еще ничего объ игрѣ Стрепетовой въ «Каширской старинѣ».

Я видѣлъ ее одинъ разъ и потому могу высказать вамъ только то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня первый спектакль. Трагическій талантъ Стрепетовой показался мнѣ на столько сильнымъ, что во мнѣ невольно пробудилось воспоминаніе о прежнихъ артистахъ.

Въ исполненіи роли Марьицы г-жею Стрепетовой на меня произвела особенно сильное впечатлѣніе сцена при обмѣнѣ колець. До минуты требованія Василиемъ обмѣняться кольцами мы видимъ обыкновенную дѣвушку, и трудно представить себѣ, какъ можетъ она явиться великимъ драматическимъ лицомъ. Нельзя не отдать справедливости автору: онъ необыкновенно удачно ввелъ въ пьесу, —сообразно міросозерцанію изображаемыхъ имъ лицъ въ данную эпоху, —такой моментъ, который дѣйствительно способенъ былъ затронуть въ сердцахъ чистой, простой дѣвушки самую чувствительную струну. И эта струна, въ данномъ случаѣ, должна была зазвучать съ всею силою того духа, который пожелалъ вложить авторъ въ свою героиню.

Стрепетова поняла, что эта сцена есть самая возвышенная точка всей драмы, и что въ эту сцену надо положить всю свою силу. Артистка, не сумѣющая выдержать должнымъ образомъ упомянутую сцену, неминуемо уронитъ значеніе всей драмы. Моментъ заклинанія вызываетъ въ простой дѣвушкѣ всю скрывавшуюся въ ней до этого времени могучую силу ея души, и эта сила духа является новостью какъ для нея самой, такъ и для Василія. И все это выходитъ весьма правдиво и натурально. Съ минуты заклинанія Василій раздавленъ. Безъ всякихъ словесныхъ разъясненій становится очевиднымъ для Василія, что онъ не пара Марьицѣ, а для нея, что она не пара Василію; кромѣ того, дѣлается очевиднымъ и то, что съ этой минуты истинная любовь, если она и успѣла зародиться у этихъ двухъ лицъ, въ сущности, рухнула безвозвратно съ обѣихъ сторонъ. Василій не могъ внутренне не почувствовать своего, по сравненію съ Марьицей, слабодушія, и, слѣдовательно, нѣкотораго оскорбленія; а Марьица не могла не убѣдиться въ этомъ слабодушіи Василія, не нашего въ своей любви столько

силы, чтобы послѣ заклинанія покончить дѣло тутъ же. Послѣ означеннаго момента могли гнѣздиться въ сердцахъ обоихъ лишь внѣшніе признаки любви, поджигаемые однимъ самолюбіемъ. Такъ дѣло и разыгралось въ послѣдующихъ актахъ драмы.

Смыслъ означенной превосходной сцены былъ изображенъ Стрепетовой въ такомъ совершенствѣ и съ такою могучестью и искренностью, что тутъ вспомнился мнѣ характеръ игры Каратыгина.

Не стану говорить о сценѣ укора и отказа слѣдовать за Василиемъ. Эта сцена была безукоризненна; но она на столько благодарна для артистки, что и не особенно сильный талантъ можетъ выполнить ее удачно.

Упомяну, въ заключеніе, о той послѣдней сценѣ, когда Марьяца вышла изъ-за стола и начала говорить. Въ это время она была похожа скорѣй на царицу, чѣмъ на простую дѣвушку. И это, въ игрѣ Стрепетовой, ни сколько не шокировало. Говорила не простая дѣвушка, а говорилъ ея устами глубоко настрадавшійся человѣческій духъ, достигшій, отъ разиѣра горя, до величія необъятнаго, а потому величавый тонъ и величавыя манеры Стрепетовой въ этой сценѣ являются совершенно естественными.

Всѣ эти сцены могутъ казаться смѣшными при талантѣ, недостаточно могучемъ, но вѣдь и сцены изъ «Отелло», «Гамлета», «Короля Лира» и проч. кажутся тоже смѣшными при слабыхъ талантахъ.

Иному читателю можетъ показаться, что я отвелъ слишкомъ много мѣста очерку нашей прежней драматической труппы; но я твердо убѣжденъ, что не заслужу этого упрека отъ тѣхъ еще живыхъ людей, которые видѣли плеяду прежнихъ артистовъ. Эта плеяда заслуживала бы не бѣлаго моего очерка, а цѣлой книги, ибо сослужила не малую службу для исторіи развитія драматическаго искусства въ нашемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, литературные источники, по этому предмету, слишкомъ бѣдны, да и написать подобную книгу возможно лишь чело-вѣку, передъ которымъ эта плеяда прошла воочію.

Если я остановился, преимущественно, на Каратыгинѣ и на Мартыновѣ, то потому, что это были слишкомъ выдающіяся, крупныя величины. Правда, что такой громаднѣйшій талантъ, какимъ обладалъ Мартыновъ, можетъ конечно, появиться не сегодня, такъ завтра; но прежде, нежели встрѣтитъ необыкновенное совмѣщеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыми обладалъ Каратыгинъ можетъ пройти и болѣе полвѣка. Такъ же, какъ великъ Шекспиръ, какъ драматургъ, такъ великъ и Каратыгинъ, какъ исполнитель или толкователь твореній этого генія. Повторю здѣсь, что, со смертію Каратыгина, на долгіе, многіе годы палъ на сценѣ и Шекспиръ, что и предсказывалъ Бѣлинскій, какъ это видно изъ одной его рецензіи. Поэтому, въ сущности, мой очеркъ Каратыгина скорѣе

слишкомъ кратко и блѣденъ, чѣмъ объемистъ и достаточно выразителенъ.

Тяжело сознать, что прошло уже два поколѣнія, которыя были лишены высочайшаго наслажденія, испытаннаго нами отъ Шекспира и отъ другихъ высокихъ драматическихъ твореній, являвшихся на сценѣ.

Я думаю, что никто не станетъ оспаривать, что мы бѣдны нынѣ драматическими силами и, въ то же время, бѣдны и литературными. Въ прежнее время, блестяли такія необъятныя величины, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, и около нихъ необыкновенно яркія звѣзды второй величины: Достоевскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ и другіе. Въ критической литературѣ мы имѣли громадную силу—Бѣлинскаго. Среди драматическихъ артистовъ—Каратыгина и Мартынова. Въ музыкальномъ мірѣ—Глинку. Въ живописи—Брюлова. Въ ваяніи—Клодта. Въ наукѣ—Остроградскаго, Буняковского. Въ хирургіи—Пирогова. И всѣ эти лица, почти современники, прошли мимо насъ, въ періодъ съ небольшимъ четверть вѣка. Но мы видимъ оскудѣніе крупныхъ талантовъ и по другимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности.

Такое обстоятельство, воочію передъ нами стоящее, невольно возбуждаетъ вопросъ: гдѣ же кроются причины настоящаго оскудѣнія? Всякій можетъ объяснять означенное явленіе по собственному соображенію. Конечно, есть тому причины частныя, временныя, хотя и весьма вѣскія; но я, по своему соображенію, обращаю вниманіе на одну изъ причинъ, болѣе общую.

Въ числѣ этихъ причинъ мнѣ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе вѣрной оцѣнки талантовъ и возведеніе на пьедесталы позрежденностей и, часто, посредственностей весьма жалкихъ. Такое явленіе вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ быстро нахлынувшей на общественную жизнь огромной массы неразвитыхъ элементовъ, и эта масса, не получившая должнаго образованія, бросилась обучаться всему изъ незамедлившихъ появиться популярныхъ книжонокъ.

Подобныя явленія, бывшія въ другихъ странахъ, представляютъ, конечно, нѣкоторыя особенности, но сравненіе ихъ повело бы слишкомъ далеко: я констатирую лишь извѣстный фактъ.

Во всякомъ случаѣ, означенныя явленія можно уподобить появленію бурьяна и сорныхъ травъ, заглушающихъ здравые злаки и хлѣба, юка культура послѣднихъ не истребитъ первыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXV¹⁾.

Италянская опера прежнихъ лѣтъ: Рубини и отношенія къ нему императора Николая.—Г-жа Віардо.—Прощальное представленіе Рубини и Віардо.—Теноры: Сильва.—Маріо.—Тамберликъ.—Кольцолари.—Баритоны: Дебосини.—Граціани.—Шѣвцы: Гризи.—Бозіо.—Фіоретти.—Нильсонъ и Патти.

Во главѣ итальянской оперы въ Петербургѣ долженъ встать по забытый и неизгладимый въ памяти сезонъ 1843—1844 годовъ, не только по первенству времени, но и по силѣ впечатлѣнія, произведеннаго имъ на петербургскую публику.

За долго до этого сезона, итальянская опера въ Петербургѣ была закрыта. Не безъинтересно разсказать поводъ къ ея возобновленію, о которомъ я лично слышалъ отъ графа А. В. Адлерберга, какъ свидѣтеля одного обстоятельства, касающагося даннаго вопроса. Во время великаго поста 1843 года, пріѣхалъ въ первый разъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ теноровъ, Рубини, «король теноровъ», какъ его называли, уже въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ далъ нѣсколько концертовъ въ залѣ Дворянскаго собранія, и, конечно, громкое имя Рубини привлекало массу публики, естественно приходившей въ великій восторгъ. Несмотря на просьбы и настоянія графини Адлербергъ, императоръ Николай Павловичъ не пожелалъ ѣхать слушать Рубини.

— Я не люблю слушать мужчинъ съ женскими голосами,—отвѣчалъ государь.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

Таковъ былъ его взглядъ на теноровъ. Однако, государь, по просьбѣ разныхъ лицъ, разрѣшилъ Рубини дать въ театрѣ, послѣ великаго поста, одно или два представленія съ русскими пѣвцами. Послѣ перваго представленія «Лючія», которое было на Пасхѣ, публика поразилась могучестью голоса и восхитительнымъ пѣніемъ Рубини. Тогда государя убѣдили поѣхать послушать великаго тенора въ театръ. Войдя въ ложу, государь сѣлъ спиною къ сценѣ; но, по мѣрѣ того, какъ Рубини сталъ потрясать театръ своими могучими нотами, государь поворачивался и, вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ въ ложѣ, захолопалъ.

Возвратившись изъ театра, императоръ прошелъ прямо на вечерній чай къ императрицѣ и, обращаясь къ графинѣ Адлербергъ, сказалъ:

— Ну, наконецъ-то, я слышалъ вашего идола Рубини, чтобъ его чортъ взялъ,—заставилъ меня плакать... Хорошо, хорошо, нечего сказать, я не ожидалъ ничего подобнаго.

Вслѣдъ за симъ, государь приказалъ дать неотлагательно нѣсколько представленій, разумѣется съ одними русскими пѣвцами, такъ какъ Рубини находился въ Петербургѣ одинъ. Въ теченіе одного съ небольшимъ мѣсяца, Рубини успѣлъ дать 15 представленій, поставивъ три оперы, а именно: «Лючію», «Пирата» и «Севильскаго цирюльника». Роль Лючіи, какъ извѣстно, была конькомъ Рубини. Въ этой роли онъ производилъ необычайно потрясающее впечатлѣніе, и государь, оцѣнившій гениальнаго пѣвца, приказалъ пригласить его на весь предстоящій сезонъ 1843—1844 годовъ съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ нѣсколькихъ другихъ артистовъ. Рубини указалъ незабвеннаго баритона Тамбурины и незабвенную *in-me Viardot-Garcia*, сестру знаменитой Малибранъ. За хлопоты, по подготовкѣ хоровъ и оркестра къ означеннымъ 15-ти представленіямъ, государь приказалъ вручить Рубини дирижерскую палочку съ огромнымъ рубиномъ, осыпанную брилліантами. Впослѣдствіи, желая вознаградить пѣвца за то эстетическое удовольствіе, которое онъ доставлялъ, императоръ Николай далъ ему мундиръ VIII класса. Тогда же было учреждено званіе солиста его величества, которое давало право носить мундиръ придворнаго вѣдомства, и Рубини была пожалована золотая медаль на Андреевской лентѣ, украшенная брилліантами стоимостью въ 10 тысячъ франковъ.

Такимъ образомъ, положено было начало возобновленію италіанской оперы въ Петербургѣ. Изъ италіанскихъ артистовъ были только: Рубини, Тамбурины и Віардо; лишь подъ конецъ сезона прибыла еще артистка Асандро, сопрано.

Въ продолженіе всего сезона давали только 5 оперъ: «Сомнамбулу», «Лючію», «Пуритане», «Севильскаго цирюльника» и «Ромео и Юлію», Беллини. Поэтому, нѣкоторыя оперы даны были болѣе чѣмъ по 10 разъ.

Понятно, что, при одномъ абонементѣ въ 60 представленій, публика абонировалась въ складчину. Мы съ братомъ имѣли, напримѣръ, 20 представленій, и имѣли кресло въ 10-мъ ряду у самого прохода за два рубля. Замѣчу, что тогда разстояніе между рядами креселъ было гораздо шире, чѣмъ теперь. Никто не мыслилъ претендовать, что многимъ пришлось слышать одну и ту же оперу по 5 разъ и болѣе. Напротивъ слышались сожалѣнія отъ тѣхъ, кому не пришлось слышать излюбленную имъ оперу большее число разъ. Я посѣтилъ оперу въ этотъ сезонъ болѣе 15 разъ потому, что имѣлъ возможность, кромѣ абонемента, бывать въ ложѣ у родныхъ и не упускалъ бенефисовъ, дававшихся сверхъ абонемента.

Въ «Лючіи» Рубини, какъ я уже сказалъ выше, производилъ такое особенно сильное впечатлѣніе, котораго нельзя забыть во вѣкъ. Никто изъ всѣхъ послѣдующихъ знаменитѣйшихъ теноровъ, которыхъ я всѣхъ перевидалъ въ своей жизни, не могъ и близко исполнить сцену послѣ подписанія Лючіей свадебнаго контракта.

Поверхностные люди осуждали Рубини вообще за то, что онъ былъ будто бы плохимъ актеромъ, хотя и восхитительнымъ пѣвцомъ. Я положительно отвергаю этотъ ошибочный взглядъ. Вѣрно то, что Рубини пренебрегалъ шаблонно-традиціонной манерой игры италіанскихъ актеровъ, съ ихъ ходульною походкой и неестественной жестикуляціей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ плохой актеръ. Я приведу сцену изъ «Лючіи». Вѣроятно, есть еще не мало людей, которые видали Рубини въ этой роли. Это та сцена, когда появляется Равенсвудъ въ моментъ подписанія Лючіей свадебнаго контракта. Рубини былъ такъ величественно страшенъ въ этотъ моментъ, что у всякаго зрителя, ожидающаго его появленія, пробѣгалъ, какъ говорится, морозъ по кожѣ. Показывается Рубини на заднемъ планѣ сцены, останавливается, сбрасываетъ съ себя лихорадочно плащъ, нѣсколько мгновеній не двигается, бросивъ взоръ на Лючію, и затѣмъ быстро подходитъ къ ней. До этой минуты не вылетало еще изъ него никакого звука; но его взглядъ, его движенія приводили зрителя въ содроганіе. Рубини былъ такъ благородно хорошъ въ этотъ моментъ, что нельзя забыть впечатлѣній отъ однихъ лишь его движеній. Если бы Рубини не носилъ въ себѣ высоко-артистическаго элемента, если бы въ немъ не было истинной искры художественности и неподдѣльнаго огня, то онъ не могъ бы производить такого сильнаго впечатлѣнія, которое по сей-часъ осталось у видѣвшихъ Рубини. Но что сказать о томъ, когда вырывалось у Рубини слово: «risponde a me» и затѣмъ взрывъ проклятій? Тогда Рубини сразу оглашалъ театръ такою могучею нотою, потрясающею отчаяніемъ душу слушателя, что ничего подобнаго мнѣ не случалось уже въ жизни болѣе слышать.

У Рубини былъ чистѣйшій теноровый тембръ, что, по большей части, встрѣчается не часто. Онъ не рѣдко переходилъ въ горловыя ноты, но такъ искусно, что этотъ переходъ не замѣчался. Но когда нужно было потрясти слушателя драматическимъ звукомъ, то онъ бралъ ту же ноту грудью, съ необыкновенной силой.

Послѣ Рубини я переслушалъ всѣхъ знаменитѣйшихъ теноровъ, но никто не могъ дать и тѣни того впечатлѣнія, какое производилъ Рубини въ означенной сценѣ: у всѣхъ онѣ проходили вяло, безцвѣтно, даже у Маріо и Кольцолари. Конечно, въ послѣднемъ дѣйствіи, они были почти такъ же хороши, какъ и Рубини, но полной красоты оперы далеко передать не могли. Не мудрено, что послѣ Рубини эту оперу публика перестала любить и называла ее скучной.

Другимъ конькомъ Рубини, въ этотъ сезонъ, была «Сомнамбула». Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о взглядѣ моемъ на эту оперу, взглядѣ, который, вообще, раздѣляли многіе любители итальянской музыки.

Мнѣ всегда казалось, что если человѣкъ, съ музыкальнымъ ухомъ, пришелъ бы слушать эту оперу, не зная ни ея содержанія, ни языка, закрылъ бы глаза прежде представленія, то онъ скоро почувствовалъ бы, что передъ нимъ поютъ не герои, ни графы или князья, не люди въ плащахъ, мечехъ, латахъ и проч., а непременно люди простые. Таковъ колоритъ музыки, а между тѣмъ она достигаетъ потрясающаго драматизма. Прослѣдя всю оперу, нельзя, по совѣсти, не признать, что невозможно создать музыки болѣе соответствующей всюду положенію людей, въ которыхъ они находятся. Вслушайтесь въ тихую грусть Алины, готовящейся удалиться изъ-подъ роднаго крова и отъ нѣжныхъ заботъ любящей матери, и, въ то же время, вы слышите ожиданіе еще новаго, неизвѣданнаго счастья,—эта арія перлъ граціи. Затѣмъ, дуэтъ съ женихомъ, гдѣ выливается пламень любви: невозможно лучше выразить музыкой нѣжную страсть, охватывающую оба существа. А хоръ простолюдиновъ?—не рисуется ли здѣсь музыка необыкновенно подходящее къ данному моменту настроеніе толпы. Слѣдующій затѣмъ дуэтъ Эльвина и Алины, гдѣ выражаются страшные упреки съ рыданіями жениха и отчаяніе невинной невесты, я отнесу къ апофеозу истинно-музыкальнаго генія автора, который, писавши этотъ дуэтъ, видимо страдалъ вмѣстѣ съ лицами, имъ музыкой изображаемыми. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы слышимъ нестерпимую боль души и раздирающую грусть жениха. Въ послѣднемъ дѣйствіи какова молитва, выраженная пѣніемъ еще не очнувшейся Алины, и въ то же время неудержимые звуки, вполголоса, жениха, входящаго въ дуэтъ? Наконецъ, неистовый восторгъ Алины, увидавшей жениха и обручальное кольцо

на своей рукѣ; этотъ восторгъ подобенъ стремительному клокотанію каскада, и все это выражено музыкой.

Однажды, я встрѣтилъ въ Ниццѣ, въ одномъ обществѣ, серьезнаго музыканта, хотя музыка не составляла его профессіи. До этой встрѣчи, я не былъ съ нимъ знакомъ. Завязался въ обществѣ разговоръ послѣ видѣнной нами въ тотъ вечеръ «Сомнамбулы» въ театрѣ, и у меня врьзался въ памяти отзывъ этого музыканта объ означенной оперѣ.

— «Сомнамбула»,—сказалъ онъ,—представляетъ такой неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ мотивовъ, подходящихъ къ движеніямъ человѣческой души, что современный композиторъ могъ бы начерпать изъ этого источника матеріала на 20 оперъ.

Я не помышляю навязывать никому ни моего мнѣнія, ни мнѣнія тѣхъ, которыя совпадаютъ съ моимъ; но такъ какъ всякому дана способность чувствовать музыку, если только у него правильное ухо, то я, не будучи музыкантомъ, позволю себѣ однако высказать, что я смотрю на музыку «Сомнамбулы», какъ на предѣлъ творческаго музыкальнаго вдохновенія. Можно, по моимъ понятіямъ, указать еще на двѣ оперы, гдѣ тоже является полное соотвѣтствіе музыки изображаемымъ ею положеніямъ и характерамъ. Я назвалъ бы «Аиду» — Верди и «Фауста» — Гуно. Въ «Аидѣ» композиторъ нашелъ такое сочетаніе звуковъ, что ухо слышитъ музыку не европейскую, а какъ бы въ самомъ дѣлѣ музыку древнихъ народовъ. Въ «Фаустѣ» композиторъ нашелъ, для Мефистофеля, рѣшительно музыку дьявольскую, а не человѣческую; въ третьемъ дѣйствіи лиризмъ музыки доходитъ до своего предѣла; въ четвертомъ дѣйствіи ухо положительно слышитъ душевныя угрызенія совѣсти Маргариты, и, наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи невозможно выразить лучше восторженную молитву уже помѣшанной или душевно-страдающей дѣвушки. Очевидно, композиторъ вложилъ въ свое произведеніе весь свой умъ и всю свою душу. Онъ создалъ музыкальную поэму совершенно равносильную, если еще не болѣе выразительную, чѣмъ сама поэма Гёте.

Двухъ такихъ произведеній композиторъ создать не можетъ. Если я остановился на «Фаустѣ», то потому, что я позволилъ себѣ характеризовать музыку «Сомнамбулы» — предѣломъ творческаго вдохновенія. Въ «Фаустѣ» я вижу и вдохновеніе, и могучій музыкальный умъ. Здѣсь обращу только вниманіе на слѣдующій вопросъ: почему Рубини, этотъ геній пѣнія, любилъ, по преимуществу, пѣть въ операхъ Беллини? Несомнѣнно, что если бы въ то время была уже создана опера «Фаустъ», то никто не могъ бы сравниться съ нимъ въ третьемъ дѣйствіи.

И такъ, Рубини, будучи неподражаемъ въ «Лючіи», былъ тоже восхитителенъ и въ «Сомнамбулѣ», въ особенности, въ дуэтѣ перваго дѣйствія; затѣмъ въ третьемъ дѣйствіи, выражая свою великую грусть,

а равно и въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ слышались его нѣжные звуки, какъ будто летящіе съ небесъ; но въ дуэтѣ упрековъ и рыданій Рубини достигалъ потрясающаго драматизма.

«Сомнамбула» была также исключительнымъ конькомъ для m-me Viardot. Ея сцена съ матерью, дуэтъ съ женихомъ въ первомъ дѣйствіи, отчаяніе въ дуэтѣ втораго дѣйствія, грусть и ея молитва — все это услаждало или разрывало душу слушателя. Но когда Алина увидала кольцо на своемъ пальцѣ и увидала жениха, m-me Viardot достигала тутъ такого поглощающаго восторга, что вырывающіеся у нея въ этой аріи звуки не могутъ быть забыты во-вѣки. Ни одна изъ послѣдующихъ знаменитостей и великихъ пѣвицъ не могли дать и подобія того восторга, который охватывалъ въ эти минуты m-me Viardot.

Правда, слышавшіе нѣкогда Малибранъ, сестру m-me Viardot, говорили, что Малибранъ была въ означенной аріи еще лучше Виардо. Позволительно однако въ томъ усомниться, потому что трудно представить себѣ что-либо лучше, тѣмъ болѣе, что надо, въ такомъ случаѣ, допустить, что Малибранъ, будучи очень высокимъ сопрано, имѣла грудныя контральтовые ноты еще болѣе звучныя и болѣе чистыя, чѣмъ у Виардо.

Виардо обладала неслыханнымъ діапазономъ: она пѣла и въ роляхъ для сопрано и въ роляхъ для контръ-альто. Въ послѣдней аріи восторга, въ «Сомнамбулѣ», она съ высокой ноты сопрано внезапно переходила въ весьма низкую ноту контръ-альто, ноту, которая являлась у ней и могуча, и необыкновенно звучна. Кто слыхалъ эту арію, исполнявшуюся Виардо, тому казалось, что подобное исполненіе выше человѣческихъ средствъ. M-me Viardot, будучи могучей драматической артисткой до глубины души и до послѣдняго волоска, имѣла въ высшей степени обработанный голосъ. Въ оныя времена, артистки не подготавливались, исключительно, или для драматическаго, или для колоратурнаго пѣнія. Оперы требовали и того и другаго условія. M-me Viardot исполняла съ равнымъ успѣхомъ партіи драматическія и фіоритурныя. Напримѣръ, она восхитительно пѣла Розину въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Въ этой оперѣ она пустила въ ходъ романсъ—«Соловей», который, черезъ 25 лѣтъ, пѣла Патти. Трудно сказать, которая изъ этихъ исполнительницъ придавала болѣе фіоритурнаго блеска этому романсу.

M-me Viardot оставалась у насъ въ Петербургѣ до 1848 года и все это время приводила публику въ восторгъ. Въ особенности, она была также хороша въ «Пророкѣ». Мнѣ придется еще возвратиться къ m-me Viardot, а именно къ тому времени, когда я специально поѣхалъ, года на полтора, въ Парижъ, для того, чтобы дать моей дочери возможность закончить свое музыкальное образованіе въ рукахъ великой артистки.

Теперь обращаюсь къ Тамбурини. По искусству, по тембру голоса, его выработкѣ, звучности и бархатности, я не встрѣчалъ уже послѣ равносильнаго Тамбурини баритона. Всѣ, между прочимъ, признавали за нимъ титулъ всеевропейскаго, неподражаемаго Фигаро. Въ упомянутый сезонъ, у Тамбурини былъ еще конекъ: «Пуритане», гдѣ онъ, положительно, сосредоточивалъ на себѣ вниманіе во второмъ дѣйствіи. Въ этотъ сезонъ, роль баса исполнялъ Петровъ, мѣняясь съ Артемовскимъ, и они самостоятельно пожинали лавры въ извѣстномъ дуэтѣ съ Тамбурини. Петровъ пѣлъ тоже съ большимъ успѣхомъ въ роли Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Мнѣ всегда казалось страннымъ, что всѣ послѣдующіе знаменитые баритоны не могли придать того блестящаго колорита, который придавалъ во 2-мъ дѣйствіи Тамбурини своему пѣнію, и оно проходило безцвѣтно, тогда какъ, при Тамбурини, театръ стоналъ въ этомъ дѣйствіи отъ восторга. Тамбурини оставался въ Петербургѣ многіе годы, и всегда, и вездѣ былъ превосходенъ; въ особенности онъ былъ хорошъ въ «Донъ-Жуанѣ». Впослѣдствіи, въ этой роли появился Дебосини, славившійся ею, но все же былъ не то, что былъ въ этой роли Тамбурини, въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ. Послѣдніе годы, Тамбурини былъ уже неузнаваемъ, допѣвъ до совершенной потери голоса.

Итакъ, несмотря на то, что въ сезонъ 1843 — 1844 годовъ было всего три артиста, этотъ сезонъ я называю незабвеннымъ потому, что въ ней участвовалъ геній пѣнія — Рубини, съ величайшей артисткой Віардо и великимъ артистомъ, Тамбурини.

Въ моей памяти осталось живо послѣднее представленіе означеннаго сезона, какъ будто бы я еще вчера былъ его свидѣтелемъ. Это послѣднее представленіе было заключительнымъ представленіемъ артистической карьеры Рубини, оставившимъ послѣ того сцену еще въ полномъ ореолѣ своей славы.

Означенное представленіе было утромъ, въ прощальный день маляницы. Для того, чтобы удовлетворить публику и дать каждому артисту блеснуть на прощанье во всю свою силу, назначенъ былъ спектакль сборный изъ выдающихся сценъ трехъ драматическихъ оперъ: изъ «Лючіи» — сцена подписанія контракта; изъ «Сомнамбулы» — дуэтъ финала 2-го дѣйствія и молитва съ окончательной аріей; изъ «Пуританъ» — упомянутая сцена 2-го дѣйствія.

Надо сказать, что въ тѣ времена, по установленнымъ правиламъ формы, военные, въ воскресный день, должны были быть весь день въ мундирахъ и даже въ шарфахъ, до окончанія развода. Это обстоятельство придавало упомянутому спектаклю особую торжественность. Нечего и говорить, что публика, отъ совокупности быстро смѣнявшихся сильныхъ впечатлѣній, стонала отъ восторга. Но когда Рубини и Віардо

пропѣли въ «Сомнамбулѣ» дуэтъ и, по желанію публики, повторили его, театръ потребовалъ спѣтъ дуэтъ въ третій разъ. Конечно, всѣ чувствовали, что это, можно сказать, требованіе безчеловѣчное, но, въ то же время, всякому хотѣлось еще разъ воспріять неописуемое наслажденіе. Послѣ нѣкотораго колебанія и двухъ-трехъ словъ переговоровъ съ m-me Viardot, Рубини далъ знакъ оркестру снова начинать. Въ эту минуту, театръ моментально стихъ, и всѣ, сидѣвшіе въ первомъ ряду креселъ, поднялись на ноги. Надо замѣтить, что въ этотъ сезонъ, первый рядъ былъ исключительно абонированъ генералитетомъ и высшими сановниками, и тамъ не появлялись ни оберъ, ни штабъ-офицеры и часто преобладали генераль-адъютантскіе эксельбанты. Вслѣдъ за первымъ рядомъ поднялся весь партеръ; затѣмъ и бель-этажъ, наполненный дамами, а за нимъ и вся публика въ ложахъ. Этотъ необычайный порывъ публики былъ порывомъ «spontané» и тѣмъ произвелъ глубочайшее впечатлѣніе на артистовъ. Все свершилось не болѣе, какъ въ одну минуту; въ театрѣ установилась тишина. Рубини и Віардо заплѣли, но ни единый человѣкъ не шевельнулся, чтобы сѣсть, и, такимъ образомъ, вся публика прослушала весь длинный дуэтъ — стоя. Когда же онъ кончился, то понятно уже — что сдѣлалось въ театрѣ. Свершился какой-то всеобщій праздникъ какъ въ публикѣ, такъ и между артистами. Въ публикѣ многіе плакали отъ наслажденія и восторга; на сценѣ артисты плакали тоже отъ умиленія, оцѣнки ихъ генія и таланта и необычайной чести, имъ отданной. Главное то, что такое торжество совершилось безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ, по единодушному, индивидуальному побужденію. — Вотъ истинное торжество геніевъ!

Вызовамъ не было конца; публика не расходилась; потушили лампы; но партеръ былъ, все-таки, почти полонъ. Наконецъ вбѣжалъ какой-то офицеръ и крикнулъ: «господа, къ подъѣзду!» Всѣ бросились туда. День былъ ясный, стоялъ морозъ градусовъ въ 20. На площадкѣ, около подъѣзда, собралось не менѣе тысячи человѣкъ, и больше половины офицеровъ, носившихъ тогда треугольныя шляпы съ перьями. Несмотря на морозъ, публика ожидала выхода артистовъ. У подъѣзда стоялъ низенькій возокъ на полозьяхъ для m-me Viardot. Рубини удалось ускользнуть черезъ другой подъѣздъ, а m-me Viardot приходилось выйти черезъ подъѣздъ, гдѣ стоялъ ея экипажъ. Нѣсколько разъ выходили разныя лица, прося публику разойтись, потому, что m-me Viardot очень устала и желала бы ѣхать скорѣе, безъ задержки, домой, но все было тщетно. О вмѣшательствѣ полиціи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что большинство публики были офицеры. Прошло болѣе получаса прежде, нежели показалась m-me Viardot. Усаживая ее въ возокъ, кто-то успѣлъ спустить стекла дверецъ, и m-me Viardot стала

раздавать цвѣты. Мнѣ досталась фіалка, которую я хранилъ у себя болѣе 20 лѣтъ. Наконецъ, возокъ тронулся; на запяткахъ оказались два студента въ треуголкахъ, а третій вскочилъ на козлы. Затѣмъ кто-то крикнулъ: «господа, ѣдемъ на квартиру», и масса публики поѣхала туда и успѣла подъѣхать минутъ за 10 до пріѣзда возка. Мы расположились по лѣстницѣ, съ обѣихъ сторонъ, на ступеняхъ, вплоть до 3-го этажа. Публика состояла преимущественно изъ офицеровъ. Когда пріѣхала m-me Viardot, то ей пришлось подниматься сквозь строй офицеровъ, растянувъ обѣ руки на-право и налѣво, которыя и цѣловали, послѣдовательно, стоящіе по лѣстницѣ. Лѣтъ 30 спустя, когда я сталъ посѣщать m-me Viardot въ Парижѣ, я напомнилъ ей объ означенномъ днѣ, и она вспомнила, тоже не безъ волненія, объ исключительномъ торжествѣ своемъ и Рубини.

Очертивъ сезонъ 1843—1844 г., я, кстати, помяну вкратцѣ нѣкоторыхъ выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ послѣдующихъ сезоновъ.

Послѣ Рубини появился теноръ Сильва. Лучшей оцѣнкой этого артиста будетъ то, что онъ выступилъ въ тѣхъ же роляхъ, въ которыхъ пѣлъ Рубини, и имѣлъ положительный и заслуженный успѣхъ въ продолженіе трехъ сезоновъ. Послѣ Сильвы пѣлъ Гуаско, пѣвецъ очень искусный, но не имѣвшій сильнаго голоса.

Маріо появился уже въ 1851 году. Его имя гремѣло по всей Европѣ, и Петербургъ приходилъ въ неистовый восторгъ отъ этого соловья, но, кажется, болѣе отъ его красоты. Такъ какъ я не жилъ постоянно въ Петербургѣ, а пріѣзжалъ туда зимой мѣсяца на два, то, по моему пріѣздѣ, всюду только и было слышно о Маріо, какъ о какомъ-то чудѣ. Когда же я прослушалъ его въ трехъ, четырехъ операхъ, то не только не испыталъ наслажденія, или хоть бы удовлетворенія, но, наоборотъ, испыталъ нѣсколько разъ досадное раздраженіе нервовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ сладко-пѣвучій соловей, но въ его голосѣ не было и признака драматизма. Былъ ли у него драматизмъ въ голосѣ въ прежнее время,—я не знаю; я говорю о Маріо, явившемся въ Петербургъ въ 1851 г. Онъ раздражалъ мои нервы именно тогда, когда ухо требуетъ сильнаго драматическаго звука, и вдругъ, вмѣсто того, оно услышитъ высокую, тончайшую фистулу. Самые переходы въ эти горловые ноты были у Маріо непріятно рѣзки, тогда какъ Рубини переходилъ въ эти ноты совершенно незаметно. Зная, что Петербургъ плѣняется его красотой, Маріо очень любилъ рисоваться на сценѣ. И вотъ онъ ставитъ въ свой бенефисъ какую-то несчастную оперу — «Сарданапалъ», въ которой изображаетъ нѣгу въ очень нескромномъ костюмѣ. Послѣ этой оперы, мнѣ казалось, что это было какъ бы нѣкоторое оскорбленіе великому драматическому искусству, и я рѣшительно пересталъ ходить слушать Маріо.

Черезъ 17 лѣтъ, Маріо вновь появился въ Петербургъ, воображая, что онъ найдетъ еще собѣ поклонниковъ или поклонницъ, но жестоко ошибся. Его послѣднее появленіе въ Петербургъ было его позоромъ; у него не только не было уже голоса, но были слышны лишь нескончаемая детонація или фальшь. Тѣмъ, которые помнятъ Маріо въ первый его прїѣздъ, мой взглядъ на него, расходящійся съ общимъ мнѣніемъ, покажется рѣзкимъ; но, говоря о немъ, я не могъ не выразить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на меня. Повторю—это былъ сладко-звучный соловей, но не драматическій пѣвецъ, хотя и очень хорошій актеръ.

Въ томъ же году, когда Петербургъ наслаждался Маріо, мнѣ случилось пойти на какой-то бенефисъ въ Александринскій театръ. На афишѣ значилось, что въ одномъ антрактѣ будетъ пѣть какой-то итальянскій пѣвецъ, по имени, Тамберликъ. Хотя оказалось, что Тамберликъ и состоялъ въ итальянской труппѣ Большаго театра, но я не слышалъ еще ни единого слова о немъ отъ посѣщавшихъ въ этомъ году оперу. Появляется какой-то незнакомый мнѣ пѣвецъ и поетъ изъ «Отелло». Я пришелъ въ великій восторгъ, и послѣ этого, повсюду, гдѣ я бывалъ, сталъ упрекать посѣщавшихъ оперу—какимъ образомъ они могутъ восхищаться пѣніемъ Маріо, когда въ итальянской Петербургской труппѣ находится такой великій артистъ, какъ Тамберликъ. Меня, положительно, вездѣ подымали на смѣхъ; но на повѣрку оправдалась французская пословица: «*rire celui, qui rira le dernier*». Съ слѣдующаго сезона, Тамберликъ поглотилъ вниманіе Петербургской публики и поглощалъ его болѣе 15-ти лѣтъ. Въ какой бы роли Тамберликъ ни появлялся, онъ постоянно увлекалъ публику; но въ особенности въ «Отелло», «Вильгельмъ-Телъ», «Трубадуръ», «Риголето», словомъ вездѣ и всегда.

Въ Петербургѣ есть еще тысячи людей, которые помнятъ Тамберлика и помнятъ, конечно,—что это былъ за артистъ... Даже въ послѣдній свой прїѣздъ, въ 1884 году, когда ему было уже около 70 лѣтъ, этотъ артистъ могъ еще вполне потрясать слушателей. Кто слышалъ Тамберлика, тотъ знаетъ, что у него былъ могучій, абсолютный, грудной теноръ, и хотя въ его голосѣ не было слышно настоящаго тенороваго тембра, подобнаго Рубини, но за то задушевность издаваемыхъ имъ звуковъ лилась рѣкой въ душу людей, какъ будто эти звуки вылетали не изъ одной только теплой груди, а изъ всего существа человѣка. Конечно, единственнымъ соперникомъ Тамберлику могъ быть только Рубини, и по своей добросовѣстности Тамберликъ признавалъ извѣстное преимущество Рубини передъ собой. Въ послѣдніе годы, во время моего пребыванія въ Парижѣ, я довольно близко сошелся съ Тамберликомъ. Это былъ истинный артистъ до мозга костей, артистъ особенно умный и исключительно симпатичный человѣкъ.

Одновременно съ Тамберликомъ, постепенно возникалъ другой великій артистъ—Кольцолари, съ чистѣйшимъ теноровымъ тембромъ. Это былъ пѣвецъ феноменальный, уже по тому одному, что голосъ его усиливался, развивался и совершенствовался съ каждымъ годомъ. Подъ конецъ, онъ достигъ такого совершенства и искусства въ пѣніи, что трудно найти въ этомъ отношеніи сравненіе. Слухи носились, что будто бы сама Патти завидовала колоратурности голоса Кольцолари. Онъ берегъ свой голосъ и пѣлъ, по преимуществу, въ Петербургѣ и, лишь иногда, на короткое время, появлялся въ другихъ столицахъ Европы. Онъ оставилъ сцену въ полномъ блескѣ своего голоса и таланта. Я былъ знакомъ съ Кольцолари. Будучи въ 1886 г. въ Миланѣ, я узналъ, что онъ боленъ и, отправившись къ нему на его виллу, верстахъ въ 20 отъ Милана, увидалъ необыкновенно грустную картину. Будучи по виду совершенно здоровымъ, Кольцолари сидѣлъ въ креслахъ съ полнымъ параличемъ ногъ и языка. Когда онъ увидалъ меня, свидѣтеля его славнаго музыкальнаго поприща въ Петербургѣ, онъ буквально зарыдалъ и сталъ мычать. Не было возможности воздержаться и мнѣ отъ слезъ при видѣ такой картины.

О послѣдующихъ тенорахъ я не буду говорить: всѣ они не могли идти въ какое-либо сравненіе съ Тамберликомъ и Кольцолари, хоть бы и Мазини. Былъ, правда, еще пѣвецъ Марини, съ высочайшимъ настоящимъ теноровымъ тембромъ, но это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, пѣвецъ бессмысленный. Затѣмъ былъ Николини, котораго публика любила. Это былъ очень хорошій артистъ и превосходный актеръ съ огненнымъ жаромъ; но въ голосѣ его не было надлежащаго звука, который онъ вырывалъ изъ себя съ страшнымъ усиленіемъ.

Послѣ Тамбурины явился превосходный баритонъ—Дебосини, но вскорѣ уступилъ мѣсто Граціани. Граціани долго справедливо плѣнялъ Петербургскую публику и своимъ искусствомъ, и мягкимъ тембромъ своего голоса. Но все же ни Дебосини, ни Граціани не могли сравняться съ Тамбурины, въ его прежнее время.

Не помню, въ которомъ году, былъ въ Петербургѣ и знаменитѣйшій изъ бывшихъ когда-либо басовъ, Лаблашъ. Онъ былъ уже совершенный старикъ, громадной величины и толщины. Несмотря на это, онъ сохранялъ еще необычайный свой голосъ и искусство, доведенное до неслыханнаго совершенства. Онъ работалъ своимъ голосомъ на подобіе колоратурной пѣвицы. Въ Петербургѣ, онъ преимущественно участвовалъ только въ роляхъ баса-буфъ, да къ тому же онъ обладалъ неподдѣльнымъ комизмомъ.

Вспомню теперь о нѣкоторыхъ пѣвицахъ. Знаменитая Гризи появилась въ Петербургѣ одновременно съ Маріо. Она была уже не очень молода, но еще очень хороша собою. Эта артистка, какъ извѣстно,

была пѣвица могучая; такой Нормы и такой Валентины въ «Гугенотахъ» мы никогда уже болѣе не слыхали.

Послѣ Гризи гремѣла Бозіо. Безспорно, эта пѣвица была изящная, пскусная и съ мягкимъ голосомъ. Петербургъ былъ отъ нея безъ ума; другихъ отзывовъ о ней не было, какъ прелестная и несравненная Бозіо. Въ ней было много и лирическаго, и драматическаго таланта; но мнѣ, лично, казалось, что въ ней не было достаточно жара. Вѣроятно, на меня она произвела подобное впечатлѣніе отъ того, что я все еще не могъ забыть впечатлѣнія отъ пѣнія m-me Viardot. Бозіо, къ общему всѣхъ сожалѣнію, безвременно скончалась и похоронена здѣсь, въ Петербургѣ.

Послѣ Бозіо появилась Фіоретти. Ея голосъ былъ мягкій, сильный и баснословно обработанный. Но она была дурна собой и въ ней не было изящества, а потому большинство публики, у которой была свѣжа память о Бозіо, относилось къ Фіоретти довольно равнодушно. Затѣмъ выступила Барбо, признаваемая за красавицу. Голосъ ея былъ сильный и рѣзкій; но она частенько детонировала и фальшивила. Публика всегда встрѣчала ее хорошо, но я, съ моей точки зрѣнія, не признаю такихъ пѣвицъ, которыя могутъ детонировать.

Не бывъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, я услыхалъ Нильсонъ только въ 1873 году. Она пріѣхала въ Петербургъ уже съ громкимъ именемъ. Какова она была ранѣе, я не знаю, но въ Петербургѣ Нильсонъ не произвела на меня сколько-нибудь сильнаго впечатлѣнія. Я услыхалъ Нильсонъ послѣ того, какъ я слыхалъ уже Патти. Петербургская публика дѣлилась на двѣ партіи — на нильсонистовъ и на няттистовъ. Вообще Нильсонъ возводили въ степень великой драматической пѣвицы, а Патти называли чудной шарманкой. Когда я услыхалъ Нильсонъ, то мнѣ показалось страннымъ, что можно было увлекаться пѣніемъ Нильсонъ, когда на другой день можно услышать Патти. Впрочемъ, это дѣло вкуса; но то, что должно быть дѣломъ не вкуса, а уха, это то, что у Нильсонъ нерѣдко прорывалась детонація, такъ что я не помню ни одного представленія, гдѣ бы она не согрѣшила въ этомъ отношеніи разъ или два. Я уже замѣтилъ выше, что, по моимъ взглядамъ, подобнымъ пѣвицамъ я не даю никакого значенія. Не разъ случалось мнѣ говорить объ этомъ вопросѣ не только съ обыкновенными смертными, но и съ профессиональными музыкантами, и слышать такіе отзывы: «правда, артистъ иногда детонируетъ, но это ничего не значить, все-таки онъ замѣчательный артистъ». По-моему, Богъ съ ними, съ этими замѣчательными артистами: я не желаю слушать ихъ и вкушать «медъ изъ бочки, въ которую влита ложка дегтю». Репертуаръ Нильсонъ былъ весьма ограниченъ, — вѣчно: «Фаустъ», «Миньонъ», «Гамлетъ»; а между тѣмъ, по своей дебелости и отсутствіи граціи, Нильсонъ

не подходила къ ролямъ Маргариты, Офеліи и Миньонъ. Быть можетъ, я отнесся черезчуръ не симпатично къ Нильсонъ, но это потому, что меня раздражала несправедливая оцѣнка двухъ пѣвицъ, одновременно пребывавшихъ въ Петербургѣ—Патти и Нильсонъ, между которыми, по моимъ понятіямъ, лежала большая пропасть.

Патти я услышалъ нѣсколько ранѣе Нильсонъ, а именно, въ концѣ 1872 года. Здѣсь я попрошу у читателя извиненія за нѣкоторое необходимое, по-моему, отступленіе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я заболѣлъ и уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ болѣе 4-хъ лѣтъ, и потому и Петербургской италіанской оперы въ это время не слыхалъ. Я, конечно, умолчалъ бы о фактѣ моей болѣзни, кажущемся совсѣмъ не у мѣста, но, какъ читатель увидитъ далѣе, о немъ нужно упомянуть именно теперь, прежде дальнѣйшаго изложенія того, о чемъ я считаю не лишнимъ сообщить.

Моя болѣзнь была слѣдствіемъ чрезмѣрнаго умственнаго и физическаго утомленія, отъ непрерывнаго труда въ теченіе 28 лѣтъ, труда, слишкомъ напряженнаго, ни разу не прерывавшагося и чрезвычайно отвѣтственнаго. Симптомы болѣзни обнаружались полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему окружающему. Я не испытывалъ ни въ чемъ ни малѣйшаго удовольствія или какой-либо радости. Я потерялъ аппетитъ, ѣлъ по привычкѣ и совершенно безразлично, что бы мнѣ ни подавали. Настоящій сонъ тоже пропалъ, и вмѣсто него являлось лишь на нѣкоторое время забытіе. Самымъ тяжелымъ моментомъ было утро, въ виду мысли тянуть опять день безъ всякаго интереса. Я ничего не могъ читать: беллетристическія произведенія представлялись мнѣ пустыми, ни сколько не интересными сказками, а что-либо серьезное необходимо вызывало потребность хотя бы незначительнаго умственнаго напряженія, что и отталкивало меня отъ подобнаго чтенія. Коротко говоря, я считалъ себя лишнимъ человѣкомъ для жизни: мнѣ хотѣлось умереть, въ-время забыться, а между тѣмъ, очнувшись, я досадовалъ, что я живъ для того, чтобы продолжать свое невыносимое существованіе.

Продолжительное путешествіе за границей, по разнымъ мѣстамъ Европы, почти не улучшило моего здоровья; только морское купанье въ Корфу въ концѣ ноября и декабря мѣсяцевъ поправило нѣсколько аппетитъ и сонъ, но равнодушіе къ жизни продолжалось по-прежнему.

Въ такомъ положеніи, я вернулся въ Петербургъ. Дѣти мои неоднократно тянули меня въ театръ послушать Патти. Я наотрѣзъ отказывался, такъ какъ мнѣ казалось чѣмъ-то дикимъ искать развлеченіе въ театрѣ. Но однажды я уступилъ просьбамъ дѣтей и поѣхалъ съ ними въ оперу. Услыхавъ небывалый, необыкновенно ласкающій тембръ голоса Патти, я невольно заинтересовался и сталъ внимательно ее слушать. Возвратившись домой, я почувствовалъ потребность говорить много о

впечатлѣніи, произведенномъ на меня Патти. Въ эту ночь, я впервые, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, заснулъ настоящимъ крѣпкимъ сномъ и, проснувшись, почувствовалъ, что во мнѣ не угасла еще потребность удовольствія, и не было досады—зачѣмъ я проснулся для тоски предстоящаго дня, а, напротивъ, я возымѣлъ непреодолимое желаніе слышать вновь Патти и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать слѣдующаго спектакля.

Услыхавъ Патти во второй разъ, мнѣ захотѣлось слушать ее какъ можно чаще. Хотя семейство мое имѣло абонированную ложу на одинъ абониментъ, но я, неотлогательно перекупилъ еще ложу на другой абониментъ и, кромѣ того, не упускалъ случая доставать кресла въ другіе дни. Такимъ-то образомъ, я почувствовалъ въ себѣ извѣстное возрожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіе въ себѣ интереса ко всѣмъ сторонамъ жизни.

Таково было вліяніе на мой организмъ музыки, текущей изъ живаго человѣческаго голоса. Я не вхожу въ анализъ причины и ея объясненія; не вывожу тоже изъ этого никакого слѣдствія, а сообщилъ лишь фактъ, который, быть можетъ, не будетъ лишнимъ для психологовъ. Понятно послѣ того, что Патти оставила во мнѣ особенно отрадное впечатлѣніе.

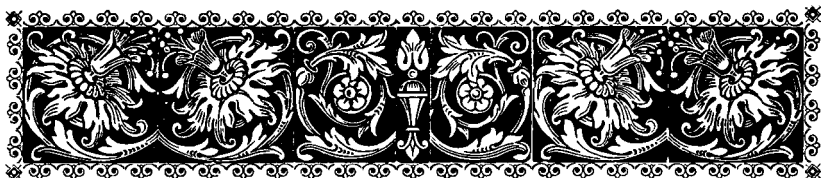
Публика, вообще, относилась къ Патти восторженно, но, по большей части, какъ я замѣтилъ уже выше, ее называли чудной, небывалой шарманкой, и болѣе ничего. Мнѣ было дико слушать подобныя отзывы и, вѣроятно, вслѣдствіе доходившихъ до нея подобныхъ слуховъ, она долгое время не рѣшалась выступить въ драматической роли. Вотъ, однажды, я увидалъ Патти въ роли Травіаты, и она явилась въ этой роли неузнаваемой.

Всѣ тѣ, у которыхъ живо въ душѣ чувство къ истинному драматизму, увидали передъ собой великую драматическую артистку. Впечатлѣніе было потрясающее.

Я былъ знакомъ съ Патти и не рѣдко носѣщалъ ее. Какъ человѣкъ, она была восхитительна и обворожала, въ особенности, простотой и искренностью своею обращенія. Въ ней не было и признака кичливости своимъ великимъ, необычайнымъ талантомъ и слишкомъ громкимъ артистическимъ своимъ положеніемъ.

Какъ ни благотворно отразилось на мнѣ вліяніе пѣнія Патти, по случайному обстоятельству, мною предъ сямъ высказанному, но я долженъ поставить *me Viardot*, какъ драматическую пѣвицу, выше Патти. Изъ всѣхъ переслышанныхъ мною пѣвицъ мнѣ, собственно, только *Viardot* и Патти доставляли истинное наслажденіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXVI ¹⁾.

Изысканіе дороги отъ Харькова до Одессы и до Феодосіи. — Собираніе статистическихъ свѣдѣній. — Отъѣздъ въ Харьковъ и встрѣча съ генераломъ Мельниковымъ. — Вызовъ въ Петербургъ. — Знакомство съ Чекинымъ. — Отъѣздъ на изысканія. — Бытъ малоросійскаго помѣщика. — Стѣздъ овцеводовъ въ имѣніи г. Абазы. — Поѣздка въ Луганскій заводъ и Грушевскій рудникъ. — Осмотръ каменно-угольныхъ копей. — Жизнь въ Славянскѣ. — Праздникъ въ Святогорскомъ монастырѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія для производства изысканій, къ генералу Мельникову, я переѣхалъ въ Петербургъ. Это было весною; ѣхать на работы было рано. Надо было распорядиться копировкою планшетовъ со съемокъ, производившихся топографами Главнаго штаба, пріобрѣсти инструменты, дожидаться назначенія дистанціонныхъ офицеровъ и проч. Въ это время, я часто заходилъ къ моему начальнику Мельникову. Однажды, пришедши къ нему, я увидалъ на столѣ два дѣла, толщиною, каждое стопы въ двѣ.

— Эти дѣла Государственнаго Совѣта прислалъ мнѣ графъ Клейнмихель, — сказалъ Мельниковъ: — одно по поводу проекта проведенія желѣзной дороги отъ Харькова до Одессы, а другое отъ Харькова до Феодосіи. Ёхать теперь еще рано, такъ ознакомьтесь съ ними и обратите мое вниманіе на то, что окажется мнѣ нужнымъ,

Я взялъ эти дѣла и въ теченіе недѣли читалъ ихъ. Я нашелъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

лишь переписываніе однихъ журналовъ въ другіе, однихъ докладовъ въ другіе и кое-какія статистическія свѣдѣнія, которыя ничего существеннаго не выявляли, и были ниже критики. Я былъ пораженъ ничтожностью этихъ свѣдѣній, на которыхъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о направленіи дорогъ. Возвративъ эти дѣла Мельникову, я сказалъ, что ни на что не могу обратить такого его вниманія, которое заслуживало бы труда чтенія.

Между тѣмъ, въ это время возбужденъ былъ вопросъ, въ главномъ управленіи путей сообщенія, о составленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ по Европейской Россіи, въ которомъ принималъ участіе и Мельниковъ.

— Не можете ли вы,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—составить какой-либо расчетъ о передвиженіи грузовъ на предполагаемой дорогѣ отъ Москвы въ Феодосію, изысканіе которой мнѣ поручено.

— Я думалъ уже объ этомъ,—отвѣчалъ я,—но пришелъ къ убѣжденію, что это дѣло невысказимо безъ изслѣдованія передвиженія грузовъ по всей Европейской Россіи, для чего потребуется громадное время, а одному это не сдѣлать.

Въ это время находился тоже у Мельникова мой товарищъ по службѣ, инженеръ Кипріяновъ, который сказалъ, что онъ готовъ пристать къ этому дѣлу и можетъ пригласить хорошаго знакомаго Ламанскаго, находившагося тогда секретаремъ Географическаго общества.

Дѣйствительно, онъ пригласилъ Ламанскаго, и мы собирались два раза у Кипріянова. Но послѣ двухъ такихъ бесѣдъ, Ламанскій отказался, заявляя, что эта задача, по отсутствію статистическихъ данныхъ, представляется невыполнимой. Вслѣдъ за Ламанскимъ, отказался и Кипріяновъ, такъ что я остался одинъ. Между тѣмъ Мельниковъ, имѣя открытый доступъ во всѣ министерства по вопросу объ изысканіяхъ, вытребовалъ уже изъ Главнаго штаба военнаго министерства статистическія описанія по всѣмъ губерніямъ, составлявшіяся офицерами этого штаба.

Я не оставилъ мысли втунѣ, потому что вопросъ заинтересовалъ уже меня лично. Въ это самое время, мой близкій знакомый Алексѣй Кусakovъ, о которомъ будетъ говорено ниже, вышелъ въ отставку изъ министерства государственныхъ имуществъ и занялся частнымъ дѣломъ. Я рассказалъ ему о моемъ намѣреніи и спросилъ его—не войдетъ ли онъ въ компанію? Это предложеніе сильно ему понравилось, и мы установили планъ нашихъ занятій.

Мы приобрѣли рѣшительно всѣ сочиненія по статистикѣ: Тенгоборскаго, Арсеньева, Небольсина, Фундуклея, Крюкова, Соловьева, Скальковскаго, изслѣдованіе пеньковой и льняной промышленности и разныя другія, и имѣли уже статистическія описанія по каждой губерніи, которыя, какъ сказано выше, приобрѣлъ Мельниковъ и передалъ намъ.

Съ этимъ запасомъ, мы приступили къ дѣлу, но ни одно сочиненіе не давало возможности кѣ разрѣшенію задачи, которая была нужна.

Кусаковъ принялся за составленіе таблицъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, а я въ началѣ августа, окончивъ копировку планшетовъ, поѣхалъ на изысканія и тѣмъ временемъ собиралъ нѣкоторыя частныя свѣдѣнія на югѣ и отчасти въ центрѣ Россіи.

Возвратившись къ зимѣ въ Петербургъ, я нашелъ у Кусакова таблицы грузовъ: хлѣба, соли, желѣза, пеньки и льна, и сала.

Условившись съ нимъ и установивъ планъ предстоящаго труда, и дождавшись разрѣшенія отъ бремени жены, мнѣ было уже крайне необходимо ѣхать на прямое мое дѣло, производство изысканій. Всѣ начальники отдѣленій еще въ концѣ мая уѣхали съ тою же цѣлью. Начальникъ нашъ генераль-лейтенантъ Мельниковъ уѣхалъ тоже на линію въ половинѣ іюля и видимо былъ недоволенъ, что я сижу еще въ Петербургѣ. Но я работалъ по его частному приглашенію для опредѣленія будущаго движенія, могущаго быть по южной дорогѣ, а также снятіемъ копій съ планшетовъ, ибо трехверстныхъ картъ тогда еще не было. По инструкціи было назначено запасть предъ изысканіями картами въ ширину 5 верстъ, въ каждую сторону отъ назначенной магистрали. По моему участку не было назначено магистрали и никакихъ пунктовъ. Надо было запасть картами на огромномъ пространствѣ, потому я и запасался копіями съ планшетовъ.

Мельникова я засталъ въ Харьковѣ. Онъ встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ слышался упрекъ.

— Наконецъ-съ мы дождались васъ! Пора-съ, пора приняться за изысканія въ полѣ; ваши товарищи уже болѣе половины сдѣлали дѣла!

— Я сидѣлъ въ Петербургѣ не сложа руки, и сейчасъ покажу вамъ мою подготовку къ полевымъ изысканіямъ,—отвѣтилъ я.

Изъ копій съ сотни планшетовъ, которые были сняты у меня въ Петербургѣ, я образовалъ карту въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ. Эту карту по величинѣ ея можно было разложить только на полу въ большой залѣ гостиницы. Я приготовилъ это, а также и возвышеніе, поставивъ столъ на столъ, для возможности обозрѣнія карты такъ, что вся огромная площадь въ 400 верстъ въ длину и 250 въ ширину, по которой мнѣ предстояло дѣлать изысканія, являлась рельефно выраженной ¹⁾.

Когда я позвалъ Мельникова посмотрѣть на карту, то онъ поразился и пришелъ въ восторгъ.

¹⁾ Въ главѣ XX. См. „Русскую Старину“ 1901 г. № 7 стр. 50.

— Видите ли, Павелъ Петровичъ, что я подготовился серьезно для изысканій, а не ограничился полосой въ 10 верстъ по неопредѣленной магистральной.

— Теперь я вижу-съ, что дѣло, главнымъ образомъ, меня озабочивающее, по вѣтви Донецкаго бассейна будетъ слажено при помощи этихъ картъ. Да вы этими картами можете помочь еще Семичеву, который дѣлаетъ теперь изысканія отъ Харькова къ Екатеринославу.

На другой день Мельниковъ уѣхалъ въ Москву и просилъ меня увѣдомлять о ходѣ дѣла по возможности чаще. Изъ Харькова я отправился въ объѣздъ мѣстности, назначивъ моимъ четыремъ помощникамъ, молодымъ офицерамъ, никогда еще не производившимъ изысканія, сѣхаться съ ними въ Екатеринославѣ. Но вскорѣ послѣ того Мельниковъ вызвалъ меня въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ столицу, я усерднѣйшимъ образомъ принялся за мой статистическій трудъ съ товарищемъ Алексѣемъ Кусаковымъ. Въ то же время, я удѣлилъ время для написанія большой брошюры подъ заглавіемъ: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ», гдѣ выяснилъ, что по недостатку въ Россіи наличныхъ капиталовъ надлежитъ призвать къ осуществленію желѣзныхъ дорогъ бездѣйствующіе избытки производительныхъ силъ.

Эта брошюра и статистическій трудъ и были причиной моего знакомства и сближенія съ главноуправляющимъ путями сообщенія Чевкинымъ, который въ это время былъ назначенъ вмѣсто графа Клейнмихеля.

Чевкинъ, освѣдомляясь о ходѣ дѣла по изысканіямъ, спросилъ о томъ, что дѣлаютъ теперь зимой начальники участковъ. Мельниковъ сказалъ ему, что всѣ находятся въ Харьковѣ и приводятъ въ порядокъ изысканія, но что онъ вызвалъ Панаева сюда для труда по статистическому вопросу, относящемуся до Южной дороги. Я не зналъ, что Мельниковъ обнаружилъ мое присутствіе въ Петербургѣ, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ, чтобы я не являлся къ главноуправляющему, и что онъ вызвалъ меня инкогнито. Вдругъ является ко мнѣ курьеръ и объявляетъ, что главноуправляющій проситъ явиться къ нему завтрашній день.

Я отправился и сталъ извиняться, что я не на мѣстѣ служенія, гдѣ находятся всѣ прочіе начальники участковъ.

— Я знаю, что Мельниковъ позволилъ вамъ пріѣхать въ Петербургъ, и что вы занимаетесь теперь статистическимъ трудомъ. Скажите мнѣ, что это за трудъ?

Я объяснилъ ему въ общихъ чертахъ цѣль и характеръ труда.

— Привезите и покажите мнѣ вашъ трудъ.

— Онъ у меня вчера и еще не оконченъ.

— Привезите въ томъ видѣ, въ какомъ есть.

Я привезъ черновикъ, и Чевкинъ такъ заинтересовался имъ, что три утра подрядъ я рассказывалъ ему всѣ приемы, употребленные мною для достиженія возможно вѣрныхъ результатовъ.

— Прошу васъ привести въ возможный порядокъ вашъ трудъ, и до тѣхъ поръ не уѣзжайте на изысканія.

Это было въ началѣ апрѣля 1856 года.

— Всѣ мои сотоварищи уже на работахъ по изысканіямъ, — сказалъ я.

— Я вамъ говорю, что до приведенія вашего труда въ порядокъ не уѣзжайте; онъ мнѣ нуженъ, и я скажу объ этомъ Павлу Петровичу Мельникову.

Когда, въ половинѣ мая, я изобразилъ весь мой трудъ въ цифрахъ на картахъ и составилъ краткую пояснительную записку, то свезъ все Чевкину. Онъ очень поблагодарилъ меня и отпустилъ на изысканія.

Въ половинѣ мая, я отправился на продолженіе изысканій, начатыхъ осенью прошедшаго года.

При моихъ поѣздкахъ для обзора мѣстности на протяженіи 500 верстъ въ длину и 300 верстъ въ ширину, мнѣ преимущественно приходилось ѣздить по проселочнымъ дорогамъ, а иногда и по степи безъ дороги. Натурально, что долженъ былъ встрѣчать множество разнообразныхъ лицъ, и вѣкоторыя остались въ моей памяти.

При этихъ разъѣздахъ надо было пользоваться обывательскими или земскими лошадьми. Въ Екатеринославской и южной части Харьковской губерній не было тогда у крестьянъ обывательскихъ лошадей, а были только волы, и земскую повинность сообщенія исполняли владельцы или помѣщики. Поэтому на каждомъ пунктѣ смѣны лошадей, меня везли прямо въ такъ называемую экономію или въ усадьбу помѣщика. Въ это-то время я и насмотрѣлся на разнородныхъ субъектовъ. Можно сказать, что мои разъѣзды уподоблялись путешествію Чичикова по помѣщикамъ.

Забравшись однажды въ глухую степь къ одному изъ помѣщиковъ, я узналъ, что у него нѣтъ, для исполненія земской повинности, лошадей, а есть только двѣ лошади, измученныя весною, которыя отхаживаются въ степи, и что онъ отправитъ меня на волахъ до пункта, гдѣ у помѣщика есть много лошадей.

— А сколько верстъ до этого пункта?

— Мы считаемъ верстъ 15 или поболѣе.

— Во сколько времени могутъ привезти волы?

— Часовъ 8 или 10, потому надо покормить дорогой воловъ.

— А скоро ли могутъ отыскать вашу пару лошадей въ степи?

— Да Богъ знаетъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ онѣ бродятъ, и гдѣ ихъ сыскать—не знаю.

— Нѣтъ, я лучше подожду, когда разыщутъ лошадей.

Этимъ временемъ я хотѣлъ воспользоваться для собранія разныхъ свѣдѣній по хозяйству, которыя были нужны для моего статистическаго труда.

Помѣщикъ былъ молодъ, одѣтъ въ казинетовое заоленное пальто, надѣтое на грязноватую холщевую рубашку, и безъ галстука; и видимо онъ не получилъ никакого образованія. Въ это время подала мнѣ стаканъ чаю молодая дѣвушка съ босыми ногами. Эта дѣвушка оказалась сестра хозяина.

— Скажите мнѣ пожалуйста, — спросилъ я помѣщика, — у васъ ведется трехпольное хозяйство?

— Нѣтъ, мы засѣваемъ то, что требуется въ порты: въ Таганрогъ, въ Мариуполь, въ Бердянскъ или въ Ростовъ. На этотъ годъ я посѣялъ одинъ левъ, 500 десятинъ.

— Какъ такъ: ни пшеницы, ни ржи, ни овса?—спросилъ я.

— Ничего другаго — теперь льняное сѣмя требуется за границу; цѣна на него высокая, я заработаю на немъ рублей по 20 съ десятины, а нѣтъ и болѣе, коли самъ свезу въ портъ; а то купцы забираютъ у насъ въ амбарѣ на мѣстѣ.

— Какой же еще доходъ вы имѣете отъ хозяйства?

— Мы держимъ немного барановъ, до 2.000 головъ. Шерсти каждый баранъ даетъ по рублю, продаемъ тоже шкуры навшихъ барановъ, рубля по 1¹/₂; да старыхъ воловъ продаемъ рублей по 30.

На повѣрку выходило, что этотъ помѣщикъ могъ получать по меньшей мѣрѣ до 15.000 руб. дохода и жилъ между тѣмъ, можно сказать, при нищенской обстановкѣ.

Часа черезъ три мнѣ подали тройку прекрасныхъ лошадей. Очевидно, помѣщикъ, ссылаясь на то, что у него заморенныя лошади бродятъ гдѣ-то неизвѣстно, въ степи, жалѣлъ дать ихъ и хотѣлъ отдѣлаться волами; но, убѣдившись, что я буду ждать лошадей, счелъ за лучшее избавиться отъ непрошеннаго гостя. Для разъѣздовъ я имѣлъ открытый листъ съ платою за прогоны.

Большую частью помѣщики звали къ себѣ пообѣдать, пока изготовятъ лошадей, и кончалась исторія тѣмъ, что надо было оставаться ночевать. Разспросамъ о томъ, что такое желѣзная дорога или чугунка, не было конца.

— Значить, — говорили многіе, — вмѣсто камня, будутъ устилать дорогу чугунными плитами и тому подобное.

Мнѣ до крайности надоѣдали мои странствованія по помѣщикамъ. Но въ одномъ мѣстѣ, я наткнулся на отставнаго гусарскаго генерала

Лошкарева. Онъ зналъ въ Петербургѣ моего отца и мою мать. Лошкаревы оставили меня ночевать, и я провелъ тамъ слѣдующій день и отвелъ нѣсколько душу въ захолустной степи.

Вслѣдъ затѣмъ, я попалъ къ помѣщику довольно богатому, у котораго пришлось тоже ночевать. Это былъ господинъ въ родѣ Собакевича и надоѣлъ мнѣ разспросами, какую можно извлечь выгоду отъ работъ при постройкѣ желѣзной дороги. Отъ этого помѣщика привезли меня въ усадьбу, гдѣ былъ прекрасный двухъэтажный домъ. Мнѣ не хотѣлось выходить изъ своего тарантаса, и я послалъ моего человѣка Аеанасія (о которомъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже) съ открытымъ листомъ къ помѣщику, просить его запретъ мнѣ лошадей; дѣло было къ вечеру, Аеанасій вернулся съ человѣкомъ помѣщика, который передалъ мнѣ приглашеніе пожаловать въ домъ. Дѣлать было нечего, и я пошелъ скрѣпя сердце, ожидая опять разныхъ пытаній и безконечныхъ разспросовъ. Но къ удивленію моему меня встрѣтила молодая прелестная особа съ распущенной косой.

— Извините меня,—сказала молоденькая дама,—я сейчасъ пришла изъ бани, и волосы еще не просохли.

Мой костюмъ былъ тоже не совсѣмъ въ порядкѣ: я былъ въ толстомъ рабочемъ сюртукѣ, но главное, при разъѣздахъ, я не брился недѣли три, и это меня особенно конфузило.

— Извините тоже меня, что я являюсь къ вамъ въ такомъ неаккуратномъ видѣ.

— Это понятно, вы въ дорогѣ,—отвѣтила прелестная особа.—Мой мужъ уѣхалъ въ Бахмутъ и пріѣдетъ завтра.

— Позвольте мнѣ переодѣться и приформиться,—сказалъ я.

— Не беспокойтесь. — Теперь холодно, вы, вѣроятно, озябли и желаете чаю, я сейчасъ прикажу подать самоваръ.

Такая неожиданная встрѣча, конечно, была пріятна и общала доставить особое удовольствіе. Вскорѣ сервировали столъ для чая; принесли самоваръ и разныя закуски. Прелестная особа оказалась веселой, разговорчивой особой нѣсколько съ малороссійскимъ выговоромъ и вообще очень милой.

Во время чая, она сказала мнѣ:

— Я отвела вамъ комнату рядомъ съ залой, въ кабинетѣ мужа, пожалуйста взглянуть, удобно ли вамъ будетъ? — и повела показать комнату.

Тамъ стояла уже постель, прикрытая атласнымъ одѣяломъ, и были приготовлены всѣ принадлежности туалета, разныя свѣжія щеточки и проч. Я поблагодарилъ за такую предупредительность, замѣтивъ, что всѣ туалетныя принадлежности вожу съ собой.

Я пробесѣдовалъ съ пріятнѣйшей дамой до полуночи; откланявшись,

я отправился въ назначенную мнѣ комнату, утонулъ въ пуховикахъ и проспалъ очень долго. Утромъ я выбрился и какъ слѣдуетъ приформился.

Хозяйка встрѣтила меня въ прекрасномъ пенъюарѣ, обшитомъ кружевами.

— Мой мужъ не пріѣхалъ еще; но онъ будетъ къ обѣду. Я васъ не отпущу и хочу, чтобы онъ познакомился съ вами. Не хотите ли почитать, мы выписываемъ нѣсколько журналовъ, а я немного поиграю на фортопіано.

Подошло время къ обѣду, мы пообѣдали, но мужъ еще не пріѣзжалъ. Послѣ обѣда я попросилъ лошадей.

— Оставайтесь,—мужъ непременно пріѣдетъ сегодня, и мнѣ будетъ очень досадно, если онъ не познакомится съ вами.

Хотя мнѣ было очень пріятно проводить время съ милѣйшей дамой, но пришлось бы ночевать во второй разъ. Мнѣ было совѣстно; скрѣпя сердце, я попросилъ приказать запрягать лошадей. Въ слѣдующемъ году, я встрѣтилъ эту прелестную даму на водахъ въ Славянскѣ, и много разъ танцевалъ съ нею на вечерахъ тамошняго курзала.

Въ скоромъ времени, я добрался до Павлограда и оставался тамъ болѣе двухъ недѣль.

Въ двухъ верстахъ отъ Павлограда проживалъ богатый помѣщикъ Ростиславъ Лихачевъ ¹⁾. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ самъ пріѣхалъ познакомиться со мною. Этотъ человѣкъ оказался весьма образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Мы скоро сошлись съ нимъ, и я часто посѣщалъ его, гдѣ встрѣчалъ тоже интеллигентную болѣе или менѣе среду помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ къ нему изъ Екатеринославля. Спустя нѣ-

¹⁾ У Лихачева было два брата, одинъ былъ артиллерійскій генералъ-лейтенантъ, директоръ кавцеларіи военнаго министерства, а другой братъ, помѣщикъ, проживающій верстахъ 70, ближе къ Харькову. Въ 1865 году, мнѣ пришлось, при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, обратиться къ этому Лихачеву за полученіемъ лошадей. Когда я вошелъ въ его домъ, то засталъ Лихачева въ большой комнатѣ, окруженнаго 10-ю или 15-ю мальчиками. Въ этой комнатѣ стояло нѣсколько большихъ чернымъ досокъ, какія бывають въ классахъ. На одной доскѣ писалъ что-то мѣломъ одинъ мальчикъ; я взглянулъ и увидалъ геометрическія фигуры и за тѣмъ дифференціалы и интегралы.

— Я обучаю своихъ мальчиковъ математикѣ, и вотъ они дошли до дифференціального и интегрального исчисленія. Этого мальчика вы застали за вычисленіемъ объема шара путемъ интегрального исчисленія.

Меня это все крайне заинтересовало, и я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые мальчикъ отвѣтилъ видимо сознательно. Я не знаю въ точности дальнѣйшей участи ни мальчиковъ, ни самого Лихачева. Кто-то говорилъ, что его впоследствии признали помѣшаннымъ. Не менѣе того, я провелъ у него вечеръ очень пріятно.

которое время, мнѣ приходилось ѣхать изъ Павлограда, для осмотра линии на Харьковъ. Я поѣхалъ къ Лихачеву, чтобы сообщить ему о предстоящей мнѣ экскурсіи.

— Мнѣ нужно ѣхать въ ту же сторону на съѣздъ овцеводовъ, который будетъ у знаменитаго въ здѣшнемъ краѣ заводчика только племенныхъ барановъ и овецъ Абазы. Поѣдьте вмѣстѣ, вы тамъ увидите всѣхъ нашихъ большихъ овцеводовъ.

Въ то время распространеніе овцеводства было въ большомъ ходу, и такъ какъ я собиралъ матеріалы для моего статистическаго труда, то я охотно принялъ его предложеніе.

Мы отправились съ Лихачевымъ къ Абазѣ вмѣстѣ. Туда поѣхала чуча овцеводовъ. Стали приводить громаднхъ разнородныхъ барановъ и матокъ, расчесанныхъ и убранныхъ лентами, ставили ихъ для осмотра на столъ, и овцеводы любовались то тѣми, то другими и опредѣляли количество шерсти, которое они могутъ дать въ годъ. Не было ни одного экземпляра менѣе 100 руб. За тѣмъ сѣли обѣдать, и послѣ хозяинъ угощалъ насъ сигарами съ его плантаціи. Спгары были свернуты изъ сыраго не размоченнаго табаку и потому уподоблялись настоящимъ гаванскимъ и возможны для куренія; но были необыкновенно крѣпки, и хозяинъ поднесъ мнѣ цѣлый ящикъ этихъ сигаръ.

Отсюда я отправился въ Луганскій заводъ, начальникомъ котораго былъ горный инженеръ полковникъ Летуновскій, старожилъ края и хорошо ознакомившійся съ каменноугольнымъ Донецкимъ бассейномъ.

Въ это время нѣсколько семействъ пріѣхали изъ Таганрога, Керчи и даже изъ Одессы, которые были бомбардированы англо-французами. Каждый день у Летуновскаго собиралось большое общество, и неминуемо каждый день танцы. Изъ числа семействъ, пріѣхавшихъ изъ Керчи, было семейство Гурьевыхъ. Онъ былъ полковникъ горнаго вѣдомства, состоявшій по особымъ порученіямъ при князя Воронцовѣ. Сама же Гурьева была изъ высшаго круга и, несмотря на зрѣлыя лѣта, была очень не дурна собой. Она была умна, весьма образована и пріятная собесѣдница. Я провелъ въ Луганскомъ заводѣ дней 5—6 полезно и весело. Послѣ того, я поѣхалъ на Грушевскій рудникъ, гдѣ было нѣсколько шахтъ въ плачевномъ состояніи, которыхъ глубина доходила только отъ 10 до 20 сажень. Я опускался въ нихъ въ бадѣѣ, отталкиваясь выпущенной наружу ногой отъ стѣнъ шахты. Не менѣе того, я убѣдился въ богатствѣ рудника, гдѣ пласты антрацита имѣли самый небольшой уклонъ. Оттуда я осмотрѣлъ антрацитовыя залежи Краснаго Кута, гдѣ антрацитъ заключалъ однако примѣсь сѣраго колчедана, стало быть, мало годный, потомъ Александровскія копи и увидалъ пластъ жирнаго превосходнаго угля толщиною въ 7 футъ; Никитскія копи, хотя и богатые по количеству пластовъ, но онѣ круто падали въ глубь. Тамъ мнѣ

пришлось спуститься даже не въ бадѣѣ, а на палкѣ верхомъ, привязанной за средину веревкой, которая навертывалась тоже на толстую палку, вращающуюся на двухъ козлахъ изъ толстыхъ жердей. Надо было осмотрѣть тоже Лисичанскій рудникъ, гдѣ производилась прежде правильная казенная разработка, и наконецъ Петровское мѣсторожденіе, ближайшее къ Харькову. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ разработокъ въ то время не производилось, и шахты были заброшены.

Наконецъ, я возвратился въ Харьковъ, гдѣ и нашелъ письмо Мельникова, вызывающаго меня въ Петербургъ.

Когда Чевкинъ отпустилъ меня на изысканія, я поѣхалъ туда съ женой и тремя дѣтьми, и избралъ мѣстомъ центральный пунктъ моего каменноугольнаго участка Славянскъ, который славился цѣлебнымъ свойствомъ воды. Оттуда я разъѣзжалъ въ Ростовъ, Екатеринославъ и Харьковъ.

Въ этотъ сезонъ Славянскъ былъ запруженъ съѣхавшимися на воды. Миръ тогда былъ заключенъ, и войска, возвращаясь изъ Крыма въ Воронежскую, Харьковскую, Курскую, Московскую и другія губерніи, избрали этапомъ Славянскъ. Это была главная причина огромнаго съѣзда помѣщиковъ съ семействами. Офицеры оставались по нѣсколько дней, а иные совсѣмъ тамъ застревали; происходили разные романы, и къ концу сезона обнаружилось не мало невѣстъ и жениховъ.

Въ одномъ мѣстѣ, на главной улицѣ стояли два дома на большомъ дворѣ одной хозяйки. Одинъ домъ занимала моя семья, а въ другомъ большое семейство Ш—скихъ, людей довольно богатыхъ. Въ семействѣ Ш—скихъ была одна молодая барышня, гдѣ не замедлилъ появиться молодой отставной гусарскій корнетъ, князь Имеретинскій, помѣщикъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Онъ привелъ съ собою 12 лошадей и привезъ десятокъ сѣделъ дамскихъ и мужскихъ, для устройства кавалькады на Славянскихъ водахъ. Это былъ живой, милый малый, и мы скоро сошлись съ нимъ. Онъ былъ женихъ изъ завидныхъ, потому что сверхъ своего состоянія получалъ 10.000 пенсін отъ казны, за свой титулъ бывшаго владѣтельнаго князя.

Хотя дѣвица Ш—ская была молода, но собой не красива, не менѣе того, Имеретинскій сталъ сильно ухаживать за ней. Онъ устраивалъ для нея кавалькады и пикники. Между тѣмъ въ Святогорскомъ монастырѣ, находящемся въ 20 верстахъ отъ Славянска, подошелъ праздникъ, на который собирается богомольцевъ до 25.000 человекъ. Святогорскій монастырь находится въ необыкновенно живописной мѣстности на самомъ высокомъ берегу рѣки Донца, покрытомъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Изъ горы выдвигаются пять бѣлыхъ мѣловыхъ узкихъ конусовъ, достигавшихъ вершинъ лѣса. Въ этихъ конусахъ на-

ходятся пещеры, въ которыхъ скрывались хрістіане. Эти конусы сошлись въ вершинѣ, образовавъ площадку, на которой поставлена небольшая церковь и въ которую можно попадать только по ступенямъ, выбитымъ въ мѣловыхъ конусахъ.

Имеретинскій устроилъ туда *partie de plaisir* для Ш—ской и пригласилъ ѣхать меня съ женой. У меня былъ дормезъ, который я взялъ въ Москвѣ у знакомаго и купилъ тамъ новую небольшую легонькую коляску, въ которыхъ мы и пріѣхали въ Славянскъ. Имеретинскій попросилъ у меня коляску и явился съ шестеркой великолѣпныхъ лошадей, самъ кучеромъ, въ красной рубахѣ и бархатной поддевкѣ, а фореиторомъ сидѣлъ меншой братъ дѣвицы Ш—ской, въ такомъ же костюмѣ. Жену и меня просилъ сѣсть въ эту коляску вмѣстѣ съ Ш—ской. Для дормеза же прислалъ тоже шестерку своихъ лошадей.

Пріѣхавъ въ монастырь подъ вечеръ, мы не нашли помѣщенія въ гостиницахъ монастыря. Богомольцы въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народу расположились на обширной зеленой площади, на луговой сторонѣ Донца лагеремъ. Безчисленная куча экипажей, въ которыхъ пріѣхали богомольцы, не нашедшіе тоже мѣста въ гостиницѣ, образовали тоже лагерь, среди громаднхъ тополей. Иные ночевали въ экипажѣ, другіе подъ экипажами, а третьи раскинули палатки изъ простыней и проч. Повсюду загорѣлись костры, надъ которыми висѣли чайники для кипяченія воды, и такимъ образомъ явилась весьма оживленная картина. Это было дѣйствительно: *partie de plaisir*.

На другой день былъ назначенъ крестный ходъ изъ монастыря въ скитъ, въ трехъ верстахъ разстоянія. Скитъ помѣщался въ горѣ и сообщался съ монастыремъ черезъ рѣку паромомъ, устроеннымъ на двухъ небольшихъ лодкахъ. Крестный ходъ шелъ по противоположной луговой сторонѣ, сопровождаемый тысячами народа, и долженъ былъ на паромѣ переѣхать въ скитъ. До берега доѣхали хоругвеносцы благополучно; но едва архимандритъ съ причтомъ и нѣсколькими образами сошли съ парома и облегчили тѣмъ переднюю его часть, какъ паромъ перекачнулся на заднюю часть, вода хлынула въ лодки, и паромъ сталъ тонуть. На паромѣ оставалось еще человекъ 20 монаховъ съ хоругвями. Я успѣлъ выйти съ архимандритомъ. При паромѣ оказался одинъ каюкъ; я бросился въ него и вытащилъ двухъ монаховъ; но, къ счастью, нѣсколько богомольцевъ сопровождали крестный ходъ, шедшій по луговому берегу, въ лодкахъ. Они тоже стали вытаскивать монаховъ, и такимъ образомъ всѣ были спасены. Архимандритъ стоялъ на берегу неподвижно и по окончаніи катастрофы пошелъ въ скитъ и совершилъ тамъ назначенное молебствіе.

Вернувшись со Святыхъ горъ, Имеретинскій сказалъ мнѣ, что онъ рѣшился посвататься за дѣвицу Ш—скую. Въ это время, мнѣ нужно

было ѣхать въ Ростовъ; я проѣздилъ недѣли двѣ и, возвратившись въ Славянскъ, въ тотъ же день поѣхалъ въ курзалъ. Тамъ я увидѣлъ вновь пріѣхавшую дѣвушку, только что вышедшую изъ Смольнаго монастыря, и очень хорошенькую собой. Я протанцевалъ съ ней нѣсколько туровъ вальса. Вечера въ курзалѣ были почти каждый день. Слѣдующіе разы, я тоже танцевалъ съ этой дѣвушкой и, какъ прежде, ни съ кѣмъ болѣе.

Дня черезъ три пріѣзжаетъ ко мнѣ Имеретинскій.

— Почему, — спрашиваетъ онъ меня, — вы танцовали только съ одной дѣвицей Рубецъ?

— Потому, что она мнѣ кажется красивѣе и граціознѣе всѣхъ. Если вы видѣли, что я, во время сезона, танцевалъ еще съ одной молоденькой дамой, то потому, что я былъ, въ прошедшемъ году, въ ея домѣ, и она приняла меня очень любезно и радушно.

— Такъ вы находите, что M-elle Рубецъ лучше M-elle III—ской?

— Вы спрашиваете моего мнѣнія, и я по правдѣ скажу, хотя, быть можетъ, вамъ это и не понравится, что тутъ сравненія быть не можетъ.

Имеретинскій задумался и потомъ сказалъ:

— Знаете ли что, я положусь на вашъ вкусъ и перестану ухаживать за III—ской.

— Какъ знаете, но я еще повторю вамъ, что тутъ не можетъ быть и сравненія.

Черезъ двѣ недѣли Имеретинскій былъ объявленъ женихомъ M-elle Рубецъ.

Въ скоромъ времени, я съ семействомъ переѣхалъ въ Бахмутъ, а вслѣдъ затѣмъ переѣхала M-me Шахова, тетка дѣвицы Рубецъ, у которой она жила. Понятно, что появился ея нареченный женихъ Имеретинскій. Онъ сталъ приставать ко мнѣ продать ему мою коляску, которая очень нравится его невѣстѣ, а также и моихъ лошадей.

— Въ настоящую минуту я продать не могу, мнѣ то и другое нужно, пока я буду въ Бахмутѣ.

— Я понимаю, — сказалъ я, — что коляска можетъ нравиться, но у васъ столько лошадей — зачѣмъ вамъ лошади, хотя лошади большія и красивыя, но онѣ совсѣмъ старыя.

— Моя невѣста непремѣнно хочетъ имѣть вашу коляску и вашихъ лошадей.

— Я заплатилъ 450 руб. за коляску и 250 руб. за лошадей.

Въ отвѣтъ на это Имеретинскій вынулъ 700 руб. и сказалъ: коляска и лошади за мной, я пришлю за ними, когда вы соберетесь ѣхать изъ Бахмута.

При моихъ непрерывныхъ разъѣздахъ по Россіи, мнѣ множество

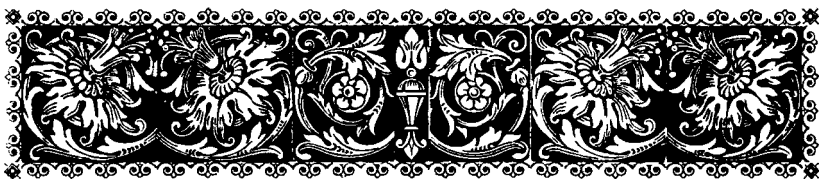
разъ приходилось продавать за отъѣздомъ экипажи и лошадей, и всегда за безцѣнокъ. На этотъ единственный разъ, я продалъ за ту же цѣну, какъ купилъ, благодаря милой дѣвицѣ Рубецъ.

Данное мнѣ оригинальное приказомъ порученіе графа Клейнмихеля было исполнено, т. е. сдѣлать изысканія для желѣзной дороги безъ обозначенія начального и конечнаго пунктовъ, и которое способствовало бы развитію каменноугольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ.

По приѣздѣ въ Петербургъ, я написалъ статью о результатахъ моихъ изысканій, послѣдствія которыхъ оправдались блестящимъ образомъ. Тамъ, гдѣ на единственно дѣйствовавшемъ плачевномъ Грушевскомъ рудникѣ, гдѣ добывалось всего до 3.000.000 англійскаго антрацита, теперь добывается до 200.000.000. Тамъ, гдѣ не было ни одного частнаго завода, а существовалъ одинъ Луганскій литейно-чугунный заводъ, явилось теперь множество желѣзодѣлательныхъ заводовъ, съ населеніемъ, какъ напримѣръ, на Юзовскомъ заводѣ, близъ Александровскихъ копей, до 20.000 жителей. Ни тогдашніе мои труды для разъясненія дѣла, ни послѣдующіе направленные на Донецкій бассейнъ, значить, не пропали безслѣдно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXVII ¹⁾.

Первая поѣздка В. А. Панаева за границу. — Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. — Свиданіе по этому поводу съ А. И. Герценомъ. — Характерика его. — Поѣздка Панаева съ семействомъ въ Лондонъ. — Семейство Кусаковыхъ. — Русскіе музыкальные вечера у Герцена. — Брошюра Панаева объ освобожденіи крестьянъ. — Письмо его императору Александру II. — Бесѣды съ А. И. Герценомъ.

Н адо сказать, что я уже давно мечталъ о поѣздкѣ за границу съ цѣлью ознакомиться съ европейскими желѣзными дорогами вообще. Но главнымъ образомъ меня интересовало начертаніе линіи перехода черезъ Альпы недавно устроенной уже дороги, а равно и изученіе разныхъ системъ паровозовъ, которые были въ то время жгучимъ вопросомъ.

Я рѣшился просить у главноуправляющаго путями сообщенія, Чевкина, отпускъ за границу, тѣмъ болѣе, что 14 лѣтъ не пользовался вообще отпусками, и что два доктора: извѣстный Эдекауеръ и Мейнгардъ совѣтовали провести нѣкоторое время въ тепломъ климатѣ, ибо у меня, время отъ времени, показывалась кровь горломъ.

Когда я заявилъ Чевкину о совѣтѣ докторовъ, онъ сказалъ:

— Хорошо, мой другъ, я дамъ вамъ порученіе въ тепломъ климатѣ, на Югѣ.

И вотъ, онъ посылаетъ меня для изысканія наилучшаго направленія дороги изъ центра Россіи на Кіевъ. Это порученіе пришлось исполнять въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1857 г. Въ это время въ данномъ мѣстѣ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1901 г.

зима была безснѣжная и очень холодная. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не приходилось мнѣ дѣлать изысканія во время морозовъ, я и порядкомъ натерпѣлся тогда отъ нихъ. Результатомъ моихъ изслѣдованій было то, что я призналъ наилучшимъ направленіемъ дороги изъ центра Россіи на Кіевъ—отъ Курска, а не отъ Орла или другого какого-либо пункта, о чемъ и представилъ пояснительную записку. Въ то время не было еще дороги отъ Москвы на Югъ.

Когда я окончилъ это порученіе, то рѣшился вновь просить отпуска за границу. Тогда Чевкинъ оказалъ, что вмѣсто отпуска онъ пошлетъ меня за границу на долго и дастъ порученіе отъ правительства.

Въ скоромъ времени, онъ дѣйствительно отправилъ меня за границу съ порученіемъ: а) изучить администрацію желѣзныхъ дорогъ; б) собрать свѣдѣнія о системѣ общаго государственнаго контроля; в) обратить вниманіе преимущественно на изученіе администраціи и порядковъ на правительственныхъ дорогахъ въ Бельгіи и г) ознакомиться съ подвижнымъ составомъ желѣзныхъ дорогъ.

Чевкинъ снабдилъ меня письмами къ посланникамъ въ Парижъ, Брюссель и Берлинъ, и, кромѣ того, письмами къ директору правительственныхъ дорогъ въ Бельгіи г. Мазюи, который былъ его большой другъ, и къ депутату Бельгійской палаты, г. де-Брауеру, которому, между прочимъ, поручилъ открыть мнѣ путь въ Англію.

Въ апрѣлѣ 1858 года, я съ женою выѣхалъ за границу и отправился прямо въ Парижъ, гдѣ находился съ своимъ семействомъ мой товарищъ по институту, Кусакъ. Кромѣ того, я хотѣлъ посоветоваться съ докторами, не столько для себя, сколько для жены. Доктора советовали ей ѣхать на лѣто въ Эмсъ, и мы отправились туда, куда вслѣдъ за тѣмъ привезены были изъ Петербурга и наши дѣти. Водворивъ въ Эмсъ мою семью, я поѣхалъ въ Брюссель и увидѣлъ, что тамъ мнѣ придется провести около полугода, и потому вскорѣ жена и дѣти переѣхали ко мнѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ изложеніе хода моихъ занятій за границей для исполненія моего порученія, и мое пребываніе въ Эмсѣ, я долженъ остановиться на одномъ обстоятельствѣ, игравшемъ роль въ моей жизни.

По вступленіи императора Александра II на престолъ, во всѣхъ слояхъ общества упорно держалось мнѣніе, что покойный императоръ завѣщалъ, при своей смерти, своему державному преемнику исполнить то, что онъ, по несозрѣвшимъ обстоятельствамъ, не успѣлъ совершить, не смотря на свое горячее желаніе, во время своего царствованія, т. е. завѣщалъ уничтожить крѣпостное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ его царствованіе, постепенно дѣлались къ тому приготовленія. Напримѣръ: 1) Уничтожена была продажа крестьянъ

безъ земли. 2) Всѣ дворовые люди были приписаны къ землѣ. 3) Власть помѣщика была ограничена тѣмъ, что, законно, онъ могъ подвергать крѣпостнаго, за проступки, не болѣе какъ 25 ударамъ розогъ, тогда какъ прежде совершались возмутительныя истязанія: людей наказывали и палками и плетью. Конечно, и послѣ этого ограниченія, злоупотребленія помѣщичьей властью встрѣчались не рѣдко, но все же эти злоупотребленія были противозаконны и могли подвергать нарушителей строгой отвѣтственности, что и случалось. Затѣмъ, при императорѣ Николаѣ, было учреждено министерство государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго былъ поставленъ наигуманнѣйшій, образованнѣйшій и умнѣйшій человекъ того времени, графъ П. Д. Киселевъ. Въ его время, самоуправленіе среди крестьянъ государственныхъ имуществъ было образцовое, которому можно позавидовать и нынѣ. Еще живы люди, которые вспоминаютъ то время съ большою радостью.

Какъ бы то ни было, но въ 1856 г. всѣ чувствовали, что верховная власть скоро проявитъ свое намѣреніе относительно уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Конечно, я такъ же, какъ и тысячи людей, лихорадочно ожидалъ реформы и возымѣлъ намѣреніе написать проектъ освобожденія крестьянъ.

Я написалъ этотъ проектъ еще въ 1856 году, и читалъ его многимъ среди литературнаго кружка, въ которомъ вращался. Понятно, что о преданіи его гласности нельзя было и думать въ то время. Но въ 1857 году картина мѣняется. Верховная власть высказала свое намѣреніе, вслѣдствіе чего были образованы губернскіе комитеты и центральный комитетъ въ Петербургѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Не менѣе того, мой проектъ не могъ пройти чрезъ цензуру.

Пользуясь моимъ пребываніемъ за границей, я задумалъ обратиться къ русской типографіи, находившейся въ Лондонѣ. Когда я водворился въ Брюссель и начерталъ себѣ путь моихъ тамъ занятій, я рѣшился ѣхать на нѣсколько дней въ Лондонъ, съ намѣреніемъ отдать мой проектъ освобожденія крестьянъ въ печать и сдѣлать его гласнымъ.

Приѣхавъ въ Лондонъ, я написалъ Герцену письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь Александръ Ивановичъ.

«Я, Панаевъ, двоюродный братъ извѣстнаго вамъ Ив. Ив. Панаева, составилъ проектъ освобожденія крестьянъ, который желаю напечатать въ вашей типографіи, на что и прошу вашего разрѣшенія».

Я не былъ знакомъ съ Герценомъ и видѣлъ его только одинъ разъ у Ив. Ив. Панаева въ 1842 г., но съ нимъ не разговаривалъ, и потому Герценъ не имѣлъ обо мнѣ никакого представленія.

Въ тотъ же день, я получилъ отъ Герцена отвѣтъ, которымъ онъ

назначилъ на завтра утренній часъ для пріема, и просилъ привезти мою рукопись.

Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ былъ въ кабинетѣ одинъ. Освѣдомившись о моемъ соціальномъ положеніи и узнавъ, что я авторъ статьи «Община», напечатанной недавно въ «Современникѣ», онъ сказалъ:

— Я вполне раздѣляю всѣ взгляды, изложенные въ вашей статьѣ; очевидно, что вы пристально изучили русскій народный бытъ; теперь потрудитесь прочесть мнѣ что-нибудь изъ вашего проекта, чтобы я могъ судить объ его направленіи.

Проектъ мой состоялъ изъ краткаго предисловія и былъ раздѣленъ на три главы, озаглавленные: «Цѣль», «Путь» и «Средства».

Я прочелъ предисловіе и остановился; тогда Герценъ попросилъ прочесть первую главу. Я прочелъ и опять остановился.

— Я прошу васъ прочесть и вторую главу,—сказалъ онъ.

Я прочелъ и въ третій разъ остановился.

— Нѣтъ, уже читайте до конца,—сказалъ онъ.

Все чтеніе рукописи заняло пять часовъ.

Когда я кончилъ, Герценъ немедленно позвонилъ, и явился чело-
вѣкъ.

— Желе, попросите Огарева придти ко мнѣ теперь же,—сказалъ Герценъ.

Пришелъ Огаревъ.

— Позволь, — говорилъ онъ, обращаясь къ Огареву, — познакомить тебя съ авторомъ «Общины», такъ намъ поправившейся, а теперь онъ привезъ намъ другой свой трудъ—проектъ освобожденія крестьянъ. Я выслушалъ его весь до конца. Вопросъ исчерпанъ вполне Панаевымъ, и намъ придется сложить перья по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Я просилъ бы тебя распорядиться, чтобы неотлагательно было приступлено къ набору, и такъ какъ проектъ весьма серьезенъ, то его надо напечатать отдѣльной книжкой, а не въ «Колоколѣ».

Когда я собрался уходить и хотѣлъ взять рукопись, Герценъ остановилъ меня со словами:

— Я прошу васъ оставить её, чтобы она сегодня же отправилась въ типографію.

Тогда я заявилъ, что долженъ завтра возвратиться въ Брюссель, и просилъ прислать мнѣ корректуру.

— Мы затрудняемся въ шрифтѣ,—сказалъ Огаревъ,—и не можемъ набрать весь проектъ разомъ, а если высылать вамъ частями, то на это пропадетъ много времени. Корректуру мы продержимъ сами и вышлемъ вамъ уже готовую книжку.

Я рассказал означенный эпизод моей первой встречи съ Герценомъ потому, что онъ очень рельефно характеризуетъ человека.

Въ то время, Герценъ былъ, неоспоримо, огромная политическая величина, блестящій и выдающійся литературный талантъ, основатель русскаго книгопечатанія за границей, полный хозяинъ всѣхъ печатаемыхъ имъ изданій, человекъ съ большими средствами и вполнѣ ни отъ чего, ни отъ кого независимый. Его вниманіемъ дорожили, въ немъ, можно сказать, заискивали; сотни лицъ изъ всѣхъ сферъ общества, и преимущественно изъ высшихъ, посѣщали его въ Лондонѣ, и онъ былъ поглощенъ трудами по своимъ изданіямъ.

Сколькомп, повидпмому, атрибутами обладалъ Герценъ, чтобы разыгрывать роль политическаго и литературнаго генерала, чтобы кичиться своимъ положеніемъ, окружить себя стѣнами недоступности. Ничего подобнаго въ Герценѣ не проявлялось, онъ не терпѣлъ ничего не натурального, искусственнаго и ходульнаго.

Такого горячаго, сердечнаго пріема моему проекту я не ожидалъ. Тутъ высказалось самое добросовѣстное отношеніе къ сущности дѣла, отсутствіе предвзятыхъ мыслей и узкихъ доктринъ и отстраненіе личнаго самолюбія, такъ какъ мой проектъ далеко не подходилъ къ тѣмъ взглядамъ, которые излагались по крестьянскому вопросу въ «Колоколѣ».

Оставивъ рукопись моего проекта у Герцена, я черезъ день уѣхалъ въ Брюссель. Вскорѣ я получилъ изъ Лондона «V книжку голосовъ изъ Россіи», которая и заключала единственно мой проектъ освобожденія крестьянъ.

Нѣсколько времени спустя появляется въ № 267 журнала «Le Nord», издававшемся въ Брюсселѣ и считавшемся официальнымъ органомъ русскаго правительства, проектъ банкировъ Френкеля и Гомберга объ освобожденіи крестьянъ путемъ выкупа, т. е. проектъ подобный моему; при чемъ «Le Nord» заявлялъ, что правительство склоняется на этотъ проектъ.

Проектъ этотъ съ виду представлялся соблазнительнымъ, но заключалъ въ себѣ ловушку въ томъ, что отдавалъ все крестьянское помѣщичье населеніе въ откупъ европейскимъ банкирамъ. Тогда я написалъ, на французскомъ языкѣ, критическій разборъ этого пресловутаго проекта, приложивъ къ разбору мой проектъ въ сокращенномъ видѣ, и издалъ его отдѣльной брошюрой въ Брюсселѣ ¹⁾. Эту брошюру я послалъ государю и нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Она была про-

¹⁾ Emancipation des serfs en Russie. Examen du projet financier de M. M Frenkel et Homberg, banquiers, suivi d'un autre projet. Bruxelles. Muquart, éditeur 1859 г.

пущена иностранной цензурой въ Россіи, а потому скоро разошлась, и издатель испросилъ у меня разрѣшенія на второе изданіе.

Въ то же время, въ № 29 «Колокола», появился «Обвинительный актъ» на Герцена, подписанный буквою Ч, вызванный отзывомъ Герцена о доктринерахъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ «Колокола», а именно въ № 27.

Обвинительный актъ былъ написанъ очень умно, во многомъ былъ справедливъ, но былъ написанъ тономъ издѣвательства надъ дѣятельностью Герцена. Находя, что авторъ «Обвинительнаго акта» не понималъ роли и значенія изданій Герцена, я написалъ возраженіе и послалъ для печати въ Лондонъ.

Разъ я коснулся Герцена, то, въ настоящей же главѣ, я расскажу о дальнѣйшихъ моихъ отношеніяхъ къ этой личности.

Дѣло, которымъ я занимался въ Брюсселѣ, подходило къ концу, и мнѣ надо было ѣхать въ Англію. Въ это время пріѣхалъ мой товарищъ Кусакъ съ женою и дочерью. Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ Лондонъ, онъ пожелалъ ѣхать туда же вмѣстѣ со мною. Такъ какъ я рассчитывалъ провести въ Англіи около двухъ мѣсяцевъ, то я поѣхалъ тоже съ женою и съ старшею дочерью, лѣтъ восьми, другія же дѣти остались въ Брюсселѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Лондонъ, Мазюи и де-Брауеръ, о которыхъ я уже упоминалъ, дали мнѣ рекомендательныя письма; въ томъ числѣ, я имѣлъ письмо къ лорду В. ¹⁾, который былъ президентомъ совѣта одной желѣзно-дорожной компаніи. Когда я свезъ ему письмо, то онъ на другой же день отдалъ мнѣ визитъ и узналъ, что я нахожусь въ Лондонѣ съ женою. На слѣдующій день жена лорда В. завезла карточку, и вслѣдъ за тѣмъ, мы получили письмо, приглашающее насъ на обѣдъ. Мы поѣхали. Хотя обѣдъ былъ семейный, но всѣ присутствующіе мужчины, не исключая и хозяина дома, были, по обычаю, во фракахъ, а дамы «décolletées» и «manche-courte». Когда мы уѣзжали, то хозяинъ дома свелъ мою жену подъ руку сверху внизъ, до самой кареты. Я упоминаю объ этомъ для характеристики англійскаго джентльменства. Вообще, лордъ открылъ мнѣ много путей для возможности исполненія моего порученія.

Между тѣмъ, я познакомилъ мою жену съ семействомъ Герцена и Огарева, которые жили вмѣстѣ. У Герцена были тогда двѣ дочери, а сынъ находился въ Италіи. Семейство Огарева состояло изъ его жены и одной дѣвочки. Я познакомилъ съ ними также и семейство Кусакъ.

¹⁾ Въ оригиналѣ фамилія обозначена одною буквою.

Надо сказать, что Кусаковъ былъ превосходный пѣвецъ, обладавшій высокимъ баритономъ, отличный музыкантъ и человѣкъ особенно веселый и живой. Онъ пѣлъ все: и итальянскія аріи, и французскіе романсы, и главнымъ образомъ восхитительно пѣлъ русскія пѣсни со всѣми переливами и разнохарактерными оттѣнками, присущими русской пѣснѣ. Диапазонъ его голоса былъ необыкновенно обширенъ, и онъ бралъ иногда извѣстную ноту октавой выше и тѣмъ значительно украшалъ пѣсню. Въ теченіе моей жизни я встрѣтилъ только двухъ пѣвцовъ, которые могли пѣть настоящимъ образомъ русскія пѣсни:—это Кусаковъ, и извѣстнаго Петербургу Шиловскаго. Послѣдній былъ богатый помѣщикъ, но артистъ до мозга костей. Это былъ сынъ знаменитой пѣвицы изъ высшаго Петербургскаго mond'a Шиловской, въ концѣ концовъ, разорился и кончилъ свою карьеру поступленіемъ на сцену Московскаго театра подъ именемъ Лошинскаго и вскорѣ умеръ. Въ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ я коснусь еще этой личности.

Пѣсня «Не одна въ полѣ дороженька», положенная кѣмъ-то на ноты, не представляетъ и подобія того, какъ ее пѣлъ Кусаковъ.

Мы часто бывали у Герцена, много разъ обѣдали у него, и, само собою разумѣется, Кусаковъ не замедлилъ обнаружить свой талантъ. Когда онъ запѣлъ русскія пѣсни, то Герценъ, Огаревъ и жена его пришли въ неописанный восторгъ. Вспоминались имъ русская удалъ, все родное, русскій добродушный мужичекъ, и слезы появились на ихъ глазахъ. Герценъ смотрѣлъ на русскаго мужичка, какъ своего роднаго брата, и находилъ, что типъ, на примѣръ, ярославскаго или сосѣднихъ губерній, мужичка есть самый красивый типъ изъ всѣхъ европейскихъ народностей, что онъ и высказалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

И вотъ, всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Кусаковъ, вся компанія собиралась около рояля, и образовывался хоръ, и такъ какъ я пѣлъ тоже русскія пѣсни, имѣя довольно сильный голосъ, то исполнялъ въ этомъ случаѣ роль запѣвалы. Когда же затягивали плясовую, то моя дочь принималась плясать русскую. Словомъ сказать, эти дни проводились всѣми весело и оживленно.

Хорошее пѣніе вообще оживляетъ и подымаетъ духъ человѣка, что и обнаружилось въ Borden Haus, гдѣ мы помѣщались въ Лондонѣ. По обычаю, проживаніе въ Borden-Haus имѣетъ характеръ семейный: всѣ постояльцы являются къ общему обѣду; послѣ того идутъ въ сосѣднюю залу, которая играетъ роль «salon de causerie et de lecture». Всѣ говорить тамъ шопотомъ, разсѣвшись по разнымъ угламъ, или занимаются чтеніемъ. Въ это время горитъ каминъ, въ которомъ поставленъ большой мѣдный чайникъ для кипяченія чая. Затѣмъ хозяйка разливаетъ чай, цвѣтомъ и крѣпостью уподобляющійся кофе. Въ залѣ между тѣмъ царитъ невыносимая тоска, а не зайти туда послѣ обѣда считалось бы

неделикатнымъ въ отношеніи хозяйки. Кусаковъ не выдержалъ и двухъ такихъ послѣобѣденныхъ чаевъ, и, увидавъ въ залѣ рояль, взялъ нѣсколько аккордовъ и сыгралъ какую-то легенькую вещь. Затѣмъ онъ, спросивъ позволенія хозяйки, спѣлъ французскій романсъ. Тогда всѣ присутствовавшіе восторжались, обступили Кусакова и просили его спѣть что-нибудь еще. Кусаковъ любилъ пѣть и не заставлялъ вообще себя упрашивать. Вся компанія оживилась и не расходилась до ухода Кусакова.

На слѣдующій день, Кусаковъ запѣлъ русскія, лихія пѣсни, и вся компанія пришла въ полный восторгъ. Съ тѣхъ поръ Кусаковъ постоянно веселилъ жильцовъ Borden Haus, и они упрекали его, если онъ иногда не обѣдалъ дома. Такъ прошло нѣсколько недѣль, пока Кусаковъ оставался въ Лондонѣ.

Между тѣмъ, мнѣ нужно было часто уѣзжать изъ Лондона для ознакомленія себя съ ходомъ административныхъ порядковъ, съ паровозами разныхъ типовъ и съ механическими заведеніями. Не зная англійскаго языка, мнѣ нужно было имѣть переводчика. Герценъ рекомендовалъ мнѣ одного француза по имени: Talandier, который давно жилъ въ Лондонѣ и зналъ хорошо англійскій языкъ. Оказалось, что этотъ господинъ былъ то самое лицо, отъ котораго я получилъ сочувственное письмо по поводу изданной мною передъ тѣмъ брошюры на французскомъ языкѣ: «La sainte Alliance des peuples», о которой будетъ упомянуто ниже.

Въ промежутокъ этого времени, не забывая главнаго, душевнаго моего вопроса, т. е. вопроса объ освобожденіи крестьянъ, я задумалъ написать еще мой проектъ въ сокращенномъ видѣ и издать его въ такой формѣ, чтобы коренныя основы, изложенныя по пунктамъ, выдѣлялись крупнымъ шрифтомъ, а поясненія къ каждому пункту были бы напечатаны мелкимъ шрифтомъ, такъ чтобы весь проектъ могъ помѣститься на четырехъ страницахъ—in quarto. Герценъ сейчасъ же напечаталъ его и издалъ отдѣльнымъ листкомъ.

Этотъ проектъ я позволилъ себѣ послать на имя государя, при моемъ письмѣ, подъ которымъ, однако, не выставилъ своего имени.

Парижъ, май, 1859 г.

Вотъ это письмо:

«Государь!

«Долгъ совѣсти побуждаетъ меня послать тебѣ прилагаемый при семъ, попавшійся мнѣ въ руки проектъ освобожденія крестьянъ.—Этотъ проектъ не оставляетъ ничего лучшаго желать.

«Государь! Если ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобы освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, со всею землею, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкупа правительствомъ, тогда ты разрѣшишь великій вопросъ о пролета-

ріатѣ, не нарушая ничьихъ интересовъ,—вопросъ, которой не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы.

«Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнивать права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи, то начало, которое покойный императоръ, твой отецъ, упрочивалъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами; то начало, великое значеніе котораго онъ понималъ, и за что потомство и исторія отдадутъ ему должную справедливость.

«Государь, вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, дабы имѣть власть творить добрыя, великія, безпримѣрныя дѣла не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества.

«Не забывай, государь, что ты царь народа, котораго назначеніе осуществить не словомъ, а дѣломъ заповѣдь Христа. Характеръ владѣнія землею въ русской общинѣ—есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда, ни въ одной странѣ не существовало, хотя иные и мнятъ противное, да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся пзъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ. До русской земли—это горе не коснулось.

«Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное начало и освободи крестьянъ разомъ цѣлыми общинами, и тогда ты утвердишь осуществленіе христіанскаго начала на дѣлѣ, ты положишь основу Царству Христову на землѣ, о которомъ Онъ пророчилъ. Тогда не будетъ монарха тебѣ равнаго,—ты будешь первымъ послѣ Христа.

«Да благословитъ тебя Богъ! Аминь».

Когда я вернулся въ Россію, то узналъ, что какъ этотъ проектъ, такъ и предшествующіе были препровождены по высочайшему повелѣнію въ Центральный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Лѣтъ 15 тому назадъ, я издалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ», гдѣ и помѣстилъ выше означенное, а равно и письмо къ Ростовцеву, имѣя въ то время неоспоримыя доказательства того, что я былъ авторъ этихъ писемъ.

У Герцена, по воскресеньямъ, собирались разныя интересныя личности изъ иностранцевъ, а также нѣкоторые русскіе, пріѣзжавшіе изъ Россіи. Всякій разъ завязывались споры, которые возбуждалъ самъ Герценъ, любя не только вступать въ споры, но и быть свидѣтелемъ спора другихъ, подобно тому, какъ многіе люди любятъ всякій спортъ. Въ философскихъ и политическихъ спорахъ Герценъ отличался мѣткостью замѣчаній, находчивостью, необыкновеннымъ остроуміемъ, особеннымъ жаромъ при защитѣ своего тезиса и большою начитанностью. Не рѣдко,

смотря по характеру присутствовавшей аудиторіи, затрогивались и вопросы экономическіе и финансовые, но Герценъ самъ признавалъ себя не совсѣмъ компетентнымъ въ этихъ вопросахъ и живаго участія въ нихъ не принималъ.

Съ однимъ, изъ постоянно являвшихся, по воскресеньямъ, иностранцемъ, мнѣ нѣсколько разъ приходилось вступать въ споры. Я старался пояснить мысль о сложившемся и водворившемся, съ незапамятныхъ временъ, ошибочномъ взглядѣ въ наукѣ о внутренней стоимости предмета, о чемъ я намекалъ въ одной изъ своихъ брошюръ на французскомъ языкѣ, не задолго передъ тѣмъ изданной мною. Герценъ пристально слѣдилъ за нашими спорами, и вотъ, послѣ послѣдняго спора, онъ спросилъ меня, когда я уѣзжаю изъ Лондона. Я отвѣтилъ ему, что я уѣзжаю черезъ три дня.

— Не можете ли вы остаться на недѣлю,—сказалъ онъ,—я получилъ письмо отъ Прудона, что онъ черезъ недѣлю пріѣдетъ въ Лондонъ. Я свелъ бы васъ тогда съ нимъ,—и вамъ было бы интересно познакомиться съ нимъ, а мнѣ было бы очень желательно узнать его мнѣнія о столь важномъ вопросѣ, который вы силитесь развивать въ наукѣ.

Я сказалъ, что мнѣ было бы, конечно, интересно познакомиться съ этою замѣчательною личностью, свободною отъ научныхъ предразсудковъ и буржуазныхъ катехизисовъ, но что я дорожу временемъ и не увѣренъ, когда пріѣдетъ Прудонъ. Я сказалъ Герцену, что въ скоромъ времени публикую научную статью о предметѣ слышаннаго имъ, Герценомъ, спора, что и исполнилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, напечатавъ мою статью: «Бумажныя деньги—товаръ».

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, я возбудилъ съ Герценомъ разговоръ по поводу моей статьи, посланной ему изъ Брюсселя: «Отвѣтъ на статью, напечатанную въ №№ 28, 30, 31 «Колокола»: «Реформа сверху или реформа снизу».

Мой отвѣтъ ставилъ вопросъ, если можно такъ выразиться, на философскую точку зрѣнія, гдѣ я проводилъ мысль, діаметрально противоположную идеямъ Герцена; а именно старался выяснить несостоятельность общепризнаннаго въ политикѣ принципа о господствѣ большинства. Я доказывалъ, что республиканская или парламентская форма правленія обезпечиваетъ лишь, въ извѣстной степени, свободу партій, а не общую свободу гражданъ; что, при этихъ формахъ правленія, одни дышатъ свободно, а другіе непремѣнно задавлены. Что истинная свобода можетъ осуществляться только при монархической формѣ, не ограниченной ни палатами, ни законами, т. е., что самодержецъ есть представитель совѣсти и является выразителемъ господства духа надъ матеріей.

Разсматривая Герцена, какъ человѣка съ широкимъ философскимъ умомъ, не раболѣпствующимъ передъ тѣми и другими доктринами и съ которыми можно дебатировать вопросы, взгляды на которые не сходились бы съ его взглядами,—я, весьма натурально пожелалъ знать, будетъ ли Герценъ печатать означенную статью?

Послѣ продолжительной нашей бесѣды, Герценъ заключилъ ее слѣдующими словами:

— Вы созидатель или строитель, а не разрушитель. «Колоколъ» же является органомъ протеста противъ существующихъ порядковъ, т. е. носить въ себѣ характеръ разрушительный; и потому я не напечатаю вашей статьи въ «Колоколъ». Но въ виду особенной серьезности затрогиваемаго вами вопроса, я не считаю себя въ правѣ не допустить его на общій судъ и потому напечатаю ее въ «Полярной Звѣздѣ», которая появится въ будущемъ году.

«Полярная Звѣзда» не появилась болѣе, а потому и статья моя не была тогда напечатана. Но въ 1877 году, я напечаталъ всю суть этой статьи отдѣльной брошюрой на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Проектъ политической реформы въ Россіи» ¹⁾. На этой брошюрѣ я выставилъ мой псевдонимъ: «В. Патфиндеръ».

Окончивши мои занятія въ Лондонѣ, я отправился въ Парижъ.

Года черезъ два, въ 1861 году, лѣтомъ, мнѣ пришлось быть опять въ Англіи. Герцена не было въ Лондонѣ; онъ проводилъ лѣто на островѣ Жернзей. Но во время его пріѣзда въ Лондонъ, я былъ у него два раза и замѣтилъ еще тогда нѣкоторую перемѣну въ его настроеніи.

Затѣмъ, въ 1865 году, я вздумалъ поѣхать на Бернскій конгрессъ, гдѣ были, между прочимъ, поставлены вопросы, постоянно меня интересовавшіе, а именно: «О сельской общинѣ и о системахъ построекъ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ».

Пользуясь этой поѣздкой, я заѣхалъ въ Женеву, гдѣ проживалъ въ это время Герценъ, переѣхавшій изъ Англіи въ Швейцарію, въ которой онъ еще прежде принялъ подданство. Я нашелъ его измѣнившимся и въ очень грустномъ настроеніи духа. Однажды, я пришелъ къ нему довольно рано, и онъ предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ прогулку пѣшкомъ за городъ. Мы отправились вдоль Женевского озера по восточной его сторонѣ. Долго мы шли почти молча, порядкомъ устали и зашли въ какую-то «aubeerge» выпить пива. Утоливши нѣсколько жажду, Герценъ, до того времени молчавшій, началъ разговоръ. Будучи отъ природы человѣкъ общительный, прямой и откровенный, онъ свернулъ свой разговоръ на исповѣдь.

¹⁾ Парижъ, типографія Адольфа Рейффа, Place Combrai, 9.

Онъ разскалъ много о Бакунинѣ, о томъ, что онъ считалъ его рыцаремъ, но теперь разочаровался и окончательно съ нимъ разошелся. Затѣмъ, онъ сталъ разсказывать о разныхъ личностяхъ, наѣзжающихъ къ нему изъ Россіи, и которые, въ концѣ-концовъ, просятъ нахальнымъ образомъ денегъ, опираясь на то, что они, бѣгущіе отъ російскаго режима, ищутъ помощи у него, какъ у представителя протеста этому режиму.

— Давалъ! давалъ! да наконецъ и усталъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь не Крезъ же я. Вотъ еще недавно, особенно назойливо, обратился ко мнѣ одинъ человѣкъ, котораго вы, кажется, встрѣчали у меня въ Лондонѣ; это братъ того С—но-С—ча, который одно время вошелъ было въ почетъ въ Петербургѣ, а затѣмъ куда-то теперь сосланъ. Лѣтъ шесть—семь тому назадъ, меня посѣщали болѣе или менѣе люди серьезные. Положимъ, люди отрицающіе существующій политическій строй, положимъ, скептики въ религіи; но люди искренно любящіе свою родину. Нынѣ же, въ пріѣзжающей сюда молодежи, я вижу какое-то особое настроеніе, мало утѣшительное. Эти господа, пменующіе себя нигилистами, характеризуются отрицаніемъ совѣсти, отрицаніемъ нравственныхъ началъ, преобладаніемъ корыстныхъ цѣлей, исключительнымъ эгоизмомъ, отсутствіемъ стремленія къ труду и какимъ-либо чистымъ идеаламъ. Неужели же таковъ общій характеръ нарастающаго поколѣнія?

Мы долго просидѣли въ Auberge'ѣ, много бесѣдовали о разныхъ личностяхъ, вернулись къ обѣду поздно и нашли нѣсколько новыхъ посѣтителей, пріѣхавшихъ къ обѣду, и въ томъ числѣ графиню Сальясъ съ сыномъ. Вечеромъ я уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ уже Герцена ни разу.

Изъ моихъ встрѣчъ съ нимъ я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе: онъ былъ человѣкъ очень добраго сердца, деликатный, весьма отзывчивый, блестяще-умный, на ходули не становящійся, правдивый, откровенный, лихорадочнымъ самолюбіемъ не страдавшій, отличающійся терпимостью въ мнѣніяхъ, несравненный собесѣдникъ, до крайности остроумный. Онъ имѣлъ наружность красивую, пріятную, внушительную, обнаруживающую интеллигентность и могущество. При всѣхъ таковыхъ условіяхъ, онъ дѣйствовалъ на людей обаятельно. Несомнѣнно, что дѣйствовалъ обаятельно и на женщинъ.

Высказавъ по моему разумѣнію столько хорошихъ качествъ человѣка, я не могу однако не обратить вниманія на то, что, при всемъ своемъ желаніи добра своей родинѣ, онъ въ своей литературной дѣятельности грѣшилъ незнаніемъ условій практической жизни Россіи, съ которыми не успѣлъ ознакомиться ни до своей эмиграціи, ни, тѣмъ паче, послѣ нея. Можно сказать, что онъ, по выходѣ изъ университета,

остался восторженнымъ студентомъ своего времени до гробовой доски. Онъ вѣрилъ разнымъ глупостямъ, посылаемымъ ему изъ Россіи, и часто печаталъ ихъ. Эти не рѣдко фальшивыя свѣдѣнія онъ, по своей пылкости и влеченію къ остроумію, облакалъ часто въ рѣзкія своеобразныя формы. Большой его ошибкой было еще то, что онъ не понималъ и не вникалъ въ значеніе царствованія императора Николая I, какъ не понимало и не вникало въ него большинство людей. Царствованіе это характеризовалось стремленіемъ къ покровительству прямоты, добросовѣстности, честности и къ выдвиганію впередъ людей истиннаго знанія и истинныхъ талантовъ по всѣмъ страстямъ. Мнѣ думается, что еслибы Герценъ былъ еще живъ, то нынѣ, находясь на точкѣ зрѣнія, болѣе удаленной, онъ уразумѣлъ бы многое въ твердой и мудрой, сообразно эпохѣ, политикѣ императора Николая I.

XXVIII.

Жизнь въ Брюсселѣ. — Французскій инженеръ Henrys. — Философъ Беронъ.

Въ Эмсѣ, гдѣ мы жили въ 1857 году, была масса посѣтителей и большое оживленіе. Между прочими, я познакомился съ извѣстнымъ знаменитѣйшимъ публицистомъ Эмиль-де-Жирарденомъ, въ которомъ я признавалъ самый сильный политическій умъ Франціи. Въ это время, онъ, будучи лѣтъ 60-ти, женился во второй разъ, на 18-ти-лѣтней, весьма красивый и богатой дѣвушкѣ. Онъ вообще любилъ, не въ прѣлѣ тогдашнимъ французамъ, Россію и много спрашивалъ меня о нашихъ порядкахъ, обычаяхъ и нравахъ. Тогда въ Эмсѣ было тоже много русскихъ, которые составляли не малочисленную колонію. Въ числѣ этой колоніи, было одно семейство изъ Москвы: вдова Феллеръ съ двумя молоденькими дочерьми. Старшая была очень умна и хорошо пѣла; меньшая—была 15-ти лѣтъ и очень хороша собою. Съ этимъ семействомъ мы особенно сдружились и въ слѣдующую весну пріятно проводили время въ Парижѣ.

Когда мы изъ Эмса поѣхали въ Брюссель, гдѣ мнѣ нужно было провести по дѣламъ моего порученія нѣсколько мѣсяцевъ, то семейство Феллеръ познакомило насъ съ однимъ французскимъ семействомъ Henrys, состоявшимъ изъ мужа и жены.

На М-г Henrys мнѣ нужно нѣсколько остановиться.

Этотъ человѣкъ былъ обширнаго образованія: онъ воспитывался въ парижской Ecole polytechnique и окончилъ курсъ въ Ecole des mines, т. е. получилъ самое высшее образованіе; затѣмъ онъ нѣсколько

лѣтъ провелъ въ Южной и Сѣверной Америкѣ и пріѣхалъ въ Россію, будучи приглашенъ ѣхать въ Сибирь на золотые прииски. Въ Петербургѣ онъ случайно встрѣтился въ обществѣ съ извѣстнымъ въ то время графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ и съ генераломъ Чевкинымъ, бывшимъ тогда начальникомъ штаба горныхъ инженеровъ. Эти люди вскорѣ подмѣтили выдающееся образованіе и обширныя свѣдѣнія Непгус. Въ это время Бобринскій начиналъ устраивать свеклосахарное производство въ Тульской губерніи, гдѣ оказывался при томъ каменный уголь или лигнитъ, чѣмъ интересовался и Чевкинъ. Бобринскій отговорилъ Непгус ѣхать въ Сибирь и предложилъ ему взять на себя устройство и управленіе свеклосахарнымъ заводомъ въ Тульской губерніи. Непгус согласился, заключилъ съ Бобринскимъ условіе и поселился въ его имѣніи Михайловскомъ, Тульской губерніи, гдѣ прожилъ 12 лѣтъ, и страшно полюбилъ Россію и вообще русскій народъ.

И такъ, Непгус былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей по введенію въ Россію свеклосахарнаго производства; говорю, однимъ изъ первыхъ, но не первымъ, ибо до него, извѣстный въ то время замѣчательный сельскій хозяинъ и писатель по этой отрасли, Николай Шишковъ имѣлъ въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Бобринскаго небольшой свеклосахарный заводъ.

Когда Непгус заработалъ въ теченіе 12-ти лѣтъ 200.000 франковъ, онъ прекратилъ дѣло, уѣхалъ за границу и избралъ мѣстомъ жительства Брюссель, по тому обстоятельству, что онъ находилъ для себя обиднымъ жить во Франціи и считаться подданнымъ Наполеона III.

Семейство Феллеръ, будучи сосѣдомъ по Тульской губерніи, гдѣ провелъ 12 лѣтъ Непгус, было очень дружно съ нимъ, и ради лишь того, чтобы повидаться съ нимъ и его женой, оно и заѣхало въ Брюссель, гдѣ и познакомило насъ съ Непгус.

Это знакомство доставило мнѣ громадное удовольствіе, и мы сдружились съ Непгус. Я могу сказать, что едва-ли я встрѣчалъ въ жизни болѣе пріятнаго и развитаго человѣка.

Надо сказать, что Непгус былъ продуктъ конца двадцатыхъ годовъ и начала тридцатыхъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ провелъ жизнь при крайнемъ скептицизмѣ. Но когда ему стукнуло 60 лѣтъ, онъ сталъ задумываться о вопросахъ будущей жизни, и это было предметомъ нашихъ бесѣдъ. Онъ какъ бы исповѣдывалъ свою душу и говорилъ, что ищетъ какого-либо разумнаго утѣшенія, и потому перечиталъ, въ послѣдніе годы, всѣ философскія сочиненія, но нигдѣ не нашелъ разумнаго отвѣта на вопросы, которые его волновали.

Мы видѣлись почти каждый день; но такъ какъ я былъ очень занятъ, то, большею частью, онъ приходилъ ко мнѣ, зная часы, въ которые я былъ свободенъ. Вотъ, однажды, зайдя ко мнѣ, онъ предложилъ

прогуляться съ нимъ. Гуляя, Henrys вздумалъ зайти въ большой книжный магазинъ.

— Не вышло ли,—спросилъ онъ,—какого-либо новаго сочиненія по философскимъ вопросамъ?

— Вчера,—отвѣчали ему,—мы получили изъ Парижа книгу: «*Origine des sciences*», неизвѣстнаго автора по имени «*Béron*».

Henrys тотчасъ же купилъ эту книгу, и мы разошлись.

Послѣ того, въ теченіе 4-хъ дней, Henrys не приходилъ ко мнѣ, что меня встревожило, и, полагая, что онъ заболѣлъ, я собрался навѣстить его; но онъ появился самъ и былъ въ необычайно восторженномъ состояніи.

— Представьте себѣ,—заговорилъ онъ.—Всѣ эти дни я не могъ оторваться отъ книги, которую купилъ, когда мы ходили гулять съ вами. Авторъ, съ первыхъ же строкъ книги, заявляетъ, что въ природѣ не существуетъ иной силы, какъ сила растяженія или расширенія, т. е. диаметрально противоположная гипотезѣ о силѣ притяженія. Меня это страшно поразило, и я было хотѣлъ бросить книгу; но едва приступилъ къ дальнѣйшему чтенію, увидалъ такую логичность, подтверждаемую фактами въ природѣ, что я увлекся прелестью этого ученія, которое, въ то же время, наводитъ на мысль, разрѣшеніе истины которой я тщетно искалъ въ прежнихъ философахъ. Если бы я только могъ не на слѣпой вѣрѣ, а разумно убѣдиться въ первоначальной аксіомѣ о силѣ расширенія, то всѣ явленія природы, до сихъ поръ намъ неизвѣстныя, могли бы быть объяснены.

Надо сказать, что лѣтъ 10 передъ тѣмъ я сошелся съ однимъ русскимъ мыслителемъ, Алексѣемъ Кусаковымъ, братомъ того, о которомъ я упоминалъ выше. Этотъ человекъ былъ весьма образованный и много читавшій. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ Московскаго университета по математическому факультету. По выходѣ изъ университета, онъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ и давалъ уроки; но его не покидала мысль, о которой, можно сказать, онъ думалъ и днемъ и ночью, а именно: что матерія совсѣмъ не одарена пресловутымъ свойствомъ притяженія, и что эта гипотеза преграждаетъ путь къ точному пониманію физической природы. И вотъ, онъ написалъ брошюру, въ которой изложилъ, строго логическимъ путемъ, отрицаніе въ матеріи свойства притяженія.

Когда я познакомился съ нимъ и онъ развилъ мнѣ свои сужденія, я уговаривалъ его напечатать свою брошюру и совѣтовалъ ему измѣнить лишь форму редакціи, на что онъ не согласился. Спустя нѣсколько лѣтъ, я попросилъ его отдать мнѣ рукопись и позволить издать ее, сохраняя хотя бы прежній текстъ. Я это и исполнилъ, т. е. издалъ на свой счетъ, въ 1857 году, брошюру Кусакова.

Она имѣла заглавіе: «Объ истинности понятій и достовѣрности чело-вѣческихъ знаній».

Вотъ, на основаніи сейчасъ здѣсь разсказаннаго, я съ большою радостью отвѣтилъ Henrys:

— Если вы сомнѣваетесь въ сочиненіи Берона, только тѣмъ, что въ самую основу его доктрины положено отрицаніе силы притяженія, то я покажу вамъ сейчасъ брошюру одного русскаго мыслителя, который доказываетъ, что въ природѣ существуетъ лишь одна сила расширимости. Брошюра эта издана мною, и вотъ она.

Съ этого времени, мы принялись за совмѣстное чтеніе книги: «Origine des sciences». Хотя въ книгѣ авторъ прибѣгалъ къ названіямъ совершенно новымъ, заимствованнымъ изъ греческаго языка, но такъ какъ Henrys зналъ хорошо греческій языкъ, то обоюдное чтеніе не представляло для меня затрудненій. Черезъ нѣсколько дней, въ то время какъ мы прочитывали первую книгу, изъ Парижа прислали еще вышедшія въ свѣтъ сочиненія Берона: 1) «Cosmobiographie» съ превосходнымъ атласомъ, трактующая о ходѣ образованія міровъ. Система Берона такъ проста, такъ ясна, что мыслящему здравому чело-вѣку представляется, что иначе и быть не могло, что тутъ нѣтъ случайностей, а все подчинено строго физическимъ законамъ намъ извѣстнымъ, а не какимъ-либо Декартовскимъ вихрямъ и тому подобнымъ фантазіямъ. 2) «La vie des plantes» и 3) «Le déluge». Ознакомившись, по возможности, съ четырьмя вышедшими, въ то время, сочиненіями Берона, намъ положительно открывался новый міръ, новый свѣтъ, въ которомъ, замѣчу, я и въ настоящее время пребываю.

Мы захотѣли, конечно, узнать: кто такой этотъ Беронъ, и написали письмо къ издателю въ Парижѣ Bachelier. Онъ отвѣтилъ намъ тогда, что авторъ пріѣзжалъ въ Парижъ, напечаталъ свои сочиненія и уѣхалъ, а куда именно, доподлинно, не знаетъ. Мы были въ отчаяніи, но все-таки думали, что, со временемъ, узнаемъ что-нибудь объ авторѣ.

Мѣсяца черезъ два, я поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ оставался около двухъ мѣсяцевъ. Вернувшись въ Брюссель, я не нашелъ тамъ Henrys. Оказалось, изъ оставленнаго имъ мнѣ письма, что свой домъ онъ продалъ, поѣхалъ путешествовать и проведетъ лѣто на водахъ, которыя укажутъ доктора для его жены.

Вскорѣ послѣ того, я долженъ былъ перебраться въ Парижъ и остановился въ Hôtel du Louvre. Въ одинъ прекрасный день, я вижу за табльдотомъ Henrys. Я несказанно обрадовался, и мы послѣ обѣда засѣли въ читальной, въ углу, за небольшимъ столомъ, чтобы побесѣдовать. Оказалось, что Henrys пріѣхалъ въ Парижъ на нѣсколько дней изъ Вишп. Бесѣдуя съ нимъ, мы замѣтили на столѣ большія въ переплетѣ книги и, развернувъ, къ великому удивленію, увидали атласъ Бе-

рона. Мы тотчасъ позвали мальчика и спросили его: откуда попали въ читальную комнату эти книги? Мальчикъ отвѣтилъ, что эту книгу подарилъ въ читальню, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ господинъ, который жилъ въ отелѣ. Онъ далъ адресъ въ Вѣну, но на-дняхъ пріѣхалъ и остановился опять здѣсь въ отелѣ.

Понятно, до какой степени мы обрадовались этой случайности, и на другой же день явились къ Берону. Мы увидали человѣка, лѣтъ 60-ти, небольшого роста, сѣдаго, но съ необыкновенно выразительными глазами.

Мы сказали ему, что знакомы уже отчасти съ его сочиненіями и признали основную его доктрину.

— Если вы, — отвѣтилъ онъ, — не заражены предразсудкомъ о силѣ притяженія, то я съ удовольствіемъ готовъ съ вами побесѣдовать.

Мы попросили позволенія изрѣдка посѣщать его.

— Хотя бы каждый день, — сказалъ онъ, — но только приходите не утромъ, въ это время я пишу, а послѣ завтрака.

Мы нѣсколько разъ были съ Henrys у Берона. Но Henrys уѣхалъ, а я оставался въ Парижѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ и продолжалъ посѣщать Берона.

Вотъ, что я узналъ о немъ: онъ былъ родомъ болгаринъ, получилъ образованіе въ Мюнхенскомъ университетѣ, по двумъ факультетамъ: медицинскому и естественныхъ наукъ. По окончаніи курса, нѣкоторое время, онъ занимался медицинской практикой; но, будучи человѣкомъ богатымъ, онъ отдался изученію физическихъ наукъ. Имѣя философское настроеніе и аналитическій умъ, онъ, послѣ долгихъ мысленій, прішелъ къ идеѣ объ отсутствіи въ природѣ силы притяженія. Тогда у него явилась мысль пересоздать основы естественныхъ наукъ, зиждущихся на заблужденіи и предразсудкѣ о существованіи силы притяженія. И вотъ онъ принялся сначала за изученіе незнакомыхъ еще ему языковъ, а затѣмъ пустился въ путешествія и излѣзъ почти весь свѣтъ: онъ былъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Индіи, Азіи, Россіи и въ Сибири до Берингова пролива. Когда онъ провѣрилъ свои идеи и съ геологической точки зрѣнія, онъ рѣшился, имѣя уже 60 лѣтъ, начать свое сочиненіе, и допуская возможность, что не успѣетъ въ своей жизни познакомить людей со всѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ — онъ изложилъ основные свои принципы въ книгѣ: «*Origine des sciences*», гдѣ резюмировалъ вкратцѣ эти принципы, дабы, въ случаѣ смерти, не погбли его идеи. Затѣмъ, онъ поспѣшилъ изложить мірозданіе, приложивъ къ нему огромный атласъ, объясненіе потоковъ и жизнь растений.

Съ тѣхъ поръ, я не прерывалъ сношеній съ Берономъ. Онъ жилъ

послѣ того 12 лѣтъ ¹⁾), и всякій разъ, какъ я бывалъ въ Парижѣ, я посѣщалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ.

Ему предстояло докончить химію. Затѣмъ, какъ онъ говорилъ мнѣ— онъ дастъ полную фізіологію, медицину, психологію, жизнь души и метафизику.

Беронъ былъ совершенно здоровъ и года въ четыре успѣлъ бы докончить свое грандіозное зданіе; но надъ нимъ совершенно было неслыханное злодѣяніе. Не получая отъ него никакихъ свѣдѣній съ 1870 года, я объяснялъ это тѣми передрагами, черезъ которыя прошелъ Парижъ въ послѣдніе годы. Въ 1874 году я поѣхалъ туда и, по обыкновенію, остановился въ Hôtel du Louvre, гдѣ жилъ постоянно Беронъ. Въ отелѣ, гдѣ его всѣ знали и называли: Père Béron, мнѣ сказали, что онъ выѣхалъ изъ Парижа передъ самой осадой, и что съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣній и никакихъ писемъ отъ него не получали. Я бросился къ издателю его сочиненій и тамъ узналъ то же самое: что никакихъ свѣдѣній о Беронѣ не имѣютъ, но что передъ отъѣздомъ онъ отобралъ всѣ книги и передалъ ихъ одному англичанину, занимающемуся книжной торговлей. Послѣ долгихъ поисковъ, я нашелъ мѣсто жительства этого англичанина, но оказалось, что онъ выѣхалъ въ Лондонъ. Тогда я отправился въ турецкое посольство и обратился къ болгарскому консулу. Едва я рассказалъ ему о моихъ отношеніяхъ къ Берону, какъ консулъ горько заплакалъ и, сказавъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ послѣднимъ, рассказалъ мнѣ слѣдующее:

— Какъ вижу, вы знали хорошо Верона и конечно знали, что онъ болѣе 12 лѣтъ жилъ въ Парижѣ и занималъ небольшую комнату въ Hôtel du Louvre. Вамъ, конечно, извѣстно, что онъ былъ богатъ; его имѣнія находились въ Болгаріи и Румыніи. Не будучи женатъ, онъ предоставилъ все свое состояніе двумъ племянникамъ, по фамиліи Veron ²⁾), возложивъ на нихъ обязательство выплачивать ему, ежегодно, по 20.000 фр. и покрывать всѣ счета по стоимости его изданій. Когда пруссаки окружили Парижъ, Берону посовѣтовали выѣхать изъ города,

¹⁾ Въ эти 12 лѣтъ онъ издалъ слѣдующія книги: 1) Origine des sciences physiques et naturelles. 2) Texte du grand atlas Cosmobiographique. 3) Deluge. 4) La vie des plantes. 5) Meteorologie. 6) Electrostatique. 7) Photostatique. 8) Thermostatique. 9) Barostatique. 10) Physique céleste: le système du monde. 11) Le système planétaire. 12) L'origine de la terre et de l'homme. 13) Physico-Chimie. 14) Origine de l'unique couple humain. 15) Много брошюръ, относящихся до физикъ, химіи, астрономіи, фізіологіи.

²⁾ Настоящее имя Верона не Béron, а Véron. Переимѣна имени случилась такъ: Беронъ, выставляя свое имя въ первомъ сочиненіи, вмѣсто французской буквы V написалъ русскую букву В, и такъ оставилъ на слѣдующихъ книгахъ.

чтобы не подвергать себя всѣмъ бѣдствіямъ осады. Онъ долго не хотѣлъ оставлять Парижа, но наканунѣ полного его обложенія, рѣшился уѣхать. И я же—консулъ опять заплакалъ—посоветывалъ ему съѣздить на родину, гдѣ онъ не былъ около 15 лѣтъ. Не прошло двухъ недѣль по его приѣздѣ на родину, какъ родственники убили Берона, чтобы избавиться отъ своихъ обязательствъ.

— Неужели такое злодѣяніе,—спросилъ я,—остается безъ преслѣдованія?

— Кто же будетъ преслѣдовать злодѣевъ? Да у насъ нѣтъ ни законовъ, ни порядковъ.

Теперь читатель, естественно, задаетъ себѣ вопросъ: какимъ же образомъ въ ученomъ мѣрѣ не слышно ничего о человѣкѣ, написавшемъ огромное сочиненіе, все изложенное научнымъ методомъ? Главная причина заключается въ томъ, что Беронъ отвергъ пресловутый и общепринятый законъ физики о томъ, что матерія одарена свойствомъ взаимнаго притяженія. Съ первыхъ же строкъ своего основнаго сочиненія: «*Origine des sciences*», онъ возгласилъ, что въ природѣ не существуетъ иной силы, какъ сила растяженія, и, въ силу этого естественнаго и непреложнаго закона, онъ пересоздалъ всѣ естественныя и физическія науки самымъ строгимъ научнымъ путемъ, нигдѣ не расходясь съ фактами, наукою доказанными, и, напротивъ, объясняя самымъ понятнымъ, нагляднымъ образомъ факты, которые оставались наука еще непонятными и необъяснимыми.

Повятно, чтобы ознакомиться съ Берономъ и здраво окритиковать его, надо было бы ученому мужу переучиваться и употребить на это нѣсколько лѣтъ. Надо было сдѣлаться фанатикомъ идеи, и потому самое лучшее, въ такомъ небываломъ случаѣ, пройти сочиненія Берона молчаніемъ и игнорировать грандіозный и колоссальный трудъ Берона, признавъ его недостойнымъ ученаго міра. Въ доказательство этого, укажу на полемику, возбужденную въ газетахъ между мною и профессоромъ астрономіи Г—мъ¹⁾ и его помощникомъ К—ъ, изъ которыхъ обнаружилось, что обѣ эти личности не имѣли никакого понятія о Беронѣ, написавшемъ три громадные тома съ астрономіи. К—ъ же, не въ отвѣтъ мнѣ, а для показанія своихъ познаній въ астрономіи, напечаталъ огромную статью въ «Русскомъ Богатствѣ», доказавшую только его полное, вообще, невѣжество, отрицая то, что знаменитый Laplace безспорно доказалъ всему ученому и неученому міру о причинѣ приливовъ и отливовъ въ морѣ.

По этому поводу я приведу еще факты. Въ Парижѣ мнѣ нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться съ знаменитымъ аббатомъ Moignau, сто-

¹⁾ Такъ въ оригиналѣ; полная фамилія не обозначена.

явшимъ тогда во главѣ ученаго міра по математическимъ и физическимъ наукамъ.

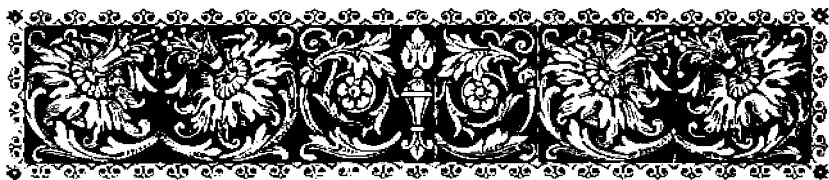
Однажды я завелъ рѣчь о Беронѣ.

— Je l'ignore, il me paraît un fantaseur, сказалъ Moignau.

Между тѣмъ, одинъ молодой ученый, ученикъ Moignau, нѣкто Rabach, будучи поклонникомъ принциповъ Берона, сталъ издавать небольшой ученый журналъ: «La réforme scientifique», который назначался специально для пропаганды ученія Берона, и въ этомъ журналѣ Rabach нѣсколько разъ обличалъ Moignau въ томъ, что тотъ, въ своихъ ученыхъ статьяхъ, даетъ разныя объясненія на основаніяхъ, выхваченныхъ изъ ученій Берона. При этомъ Rabach писалъ по адресу Moignau: «вы дѣлаете видъ, что игнорируете Берона, а я не разъ встрѣчалъ васъ въ коридорѣ отеля, выходящемъ изъ номера, занимаемаго Берономъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIX ¹⁾.

Генералъ Чевкинъ, какъ главноуправляющій путями сообщенія.—Образованіе
имъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.—Вопросъ о продажѣ Николаев-
ской дороги.—Злоупотребленія контрагента Уайманса.—Оставленіе дороги
въ вѣдѣніи правительства.

По возвращеніи изъ-за границы, мнѣ пришлось въ продолже-
ніе многихъ лѣтъ работать съ генераломъ Чевкинымъ, и я
считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ
истинно государственномъ человѣкѣ.

При вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ путей
сообщенія, Чевкинъ былъ, также какъ и графъ Клейнмихель,
сильно предубѣжденъ противъ вѣдомства; но это предубѣжденіе тоже
скоро исчезло.

По распространенному общественному мнѣнію, вѣдомство путей со-
общенія считалось, какъ бы исключительно, зараженнымъ болѣзною
казнообирательства. Между тѣмъ, это мнѣніе сильно грѣшило противъ
правды, и едва-ли вѣдомство путей сообщенія не было, наоборотъ, вѣ-
домствомъ наименѣе другихъ грѣховнымъ.

Чѣмъ менѣе человѣкъ развитъ и менѣе образованъ, тѣмъ менѣе
онъ щекотливъ въ отношеніи нравственнаго своего долга и, тѣмъ бо-
лѣе, является онъ въ этомъ отношеніи циничнымъ. Институтъ путей
сообщенія, до конца сороковыхъ годовъ, давалъ самое серьезное и са-
мое высокое образованіе. Одно время, какъ я замѣтилъ, онъ стоялъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1902 г.

даже выше политехнической Парижской школы съ ея спеціальностями. Въ институтѣ сосредоточилась тогда цѣлая плеяда великихъ и знаменитыхъ профессоровъ, которые не только блестящимъ образомъ передавали свои познанія ученикамъ, но, кромѣ того, дѣйствовали на облагораживаніе духа послѣднихъ и на ихъ нравственную сторону.

Я позволю себѣ утверждать, что, вслѣдствіе болѣе высокой степени развитія инженеровъ сравнительно съ чиновными массами другихъ вѣдомствъ, вѣдомство путей сообщенія несло на себѣ незаслуженный укоръ въ исключительной грѣховности казнообирательства. Я полагаю, что многимъ случалось слышать безцеремонные разговоры товарищей о полученіи тепленькаго мѣстечка или о хлопотахъ по этому предмету, и такіе безцеремонные разговоры происходили иногда въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли слышать совершенно посторонніе люди. Могу засвидѣтельствовать, что мнѣ ни разу не случалось слышать такого циническаго разговора между офицерами путей сообщенія. Это можетъ служить доказательствомъ, что извѣстная степень развитія накладываетъ узду, т. е. внутреннее сознаніе о грѣховности того или другаго. При этомъ надо обратить вниманіе еще на слѣдующій фактъ: я предлагаю сопоставить число служившихъ въ тѣ времена инженеровъ съ мизернымъ бюджетомъ вѣдомства путей сообщенія, включая, конечно, и расходы по работамъ. Между тѣмъ, вѣдомство путей сообщенія сооружало каналы, шоссе, мосты, шлюзы и проч., т. е. оставляло видимый слѣдъ навѣки ассигнуемыхъ ему бюджетовъ, которые всегда можно проконтролировать и убѣдиться, что укоры вѣдомству въ исключительной грѣховности казнообирательства были сущимъ вздоромъ.

По вступленіи въ управленіе Чевкина, онъ тотчасъ обратилъ свое вниманіе на развитіе у насъ желѣзныхъ дорогъ и задумалъ образовать Главное общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ французскимъ элементомъ во главѣ, чтѣ и осуществилось въ 1857 году. За созданіе этого общества Чевкинъ потерпѣлъ много нареканій.

Какъ всякое дѣло не бываетъ безъ ошибокъ, то и Чевкинъ впалъ въ ошибку, оказавъ въ началѣ слишкомъ большое довѣріе къ представителямъ общества. По прошествіи, однако, съ небольшимъ одного года, обнаружилось, что общество, считая себя могучей силой, вознамѣрилось разыгрывать роль министерства въ министерствѣ, стало игнорировать вѣдомствомъ путей сообщенія и дѣйствовать въ ущербъ общимъ государственнымъ интересамъ, охранителемъ которыхъ былъ Чевкинъ. Кромѣ того, обнаружилось, что, за исключеніемъ весьма малаго числа достойныхъ инженеровъ, вся масса прочихъ иностранныхъ инженеровъ отличалась вопіющимъ невѣжествомъ и стремленіемъ къ наглому воровству. Тогда Чевкинъ вступилъ въ упорную борьбу съ обществомъ которое онъ самъ же создалъ. Я говорю въ борьбу, потому что онъ

могъ бы, по своему положенію, обуздать общество и безъ борьбы, но ему, главнымъ образомъ, пришлось бороться съ тѣми вліятельными высшими сферами, которыя стояли за общество.

Мнѣ пришлось быть и дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ означенной борьбы, и я расскажу одинъ изъ самыхъ крупныхъ ея эпизодовъ. Въ началѣ 1860 года обнаружилась полная несостоятельность Главнаго общества: капиталъ, собранный имъ на устройство 4.000 верстъ, былъ весь израсходованъ на устройство только Варшавской и Нижегородской дорогъ, тогда какъ общество обязано было построить еще Московско-Одесійскую и Орлово-Рижскую, т. е. общество не исполнило вполнѣ даже и половины своего обязательства. Въ виду такого плачевнаго обстоятельства, наше правительство, не желая допустить разоренія десятковъ тысячъ акціонеровъ и не скомпрометтировать тѣмъ первую попытку устройства дорогъ на частные капиталы, рѣшилось утвердить гарантію не по расчету построенныхъ верстъ, а на весь собранный капиталъ, тѣмъ совершило актъ мудрости и возвышенной справедливости. Но представители Главнаго общества не удовлетворились этимъ и, видя снисходительность правительства, повели интригу о забраніи въ свои руки Николаевской желѣзной дороги за половину той цѣны, во что она обошлась казнѣ.

Это предложеніе было принято во вліятельныхъ сферахъ очень благосклонно, подъ предлогомъ, что этою покупкою Главное общество окажетъ большую услугу казнѣ усиленіемъ государственнаго фонда.

Вопреки оппозиціи Чевкина, вопросъ о продажѣ Николаевской дороги и о немедленной передачѣ ея Главному обществу былъ рѣшенъ комитетомъ министровъ, и это рѣшеніе было утверждено государемъ. На другой же день послѣ этого рѣшенія, Чевкинъ призвалъ начальника дороги и приказалъ составить, какъ можно скорѣе, опись для передачи дороги. Случилось такъ, что я находился въ пріемной Чевкина, ожидая очереди своего доклада, когда вышелъ изъ кабинета начальникъ дороги и сообщилъ мнѣ отданное ему приказаніе. Вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ кабинетъ я и, сдѣлавъ свой докладъ, спросилъ Чевкина:

— Неужели правда, что Николаевская желѣзная дорога продается?

— Къ сожалѣнію, сущая правда, — отвѣчалъ Чевкинъ.

По тону отвѣта я заключилъ, что Чевкинъ былъ противъ продажи. Тогда я предложилъ ему составить записку о тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ явиться отъ того, что правительство выпустить изъ рукъ то оружіе, которымъ оно можетъ дѣйствовать для урегулированія всей будущей сѣти замосковныхъ дорогъ, а равно и служить, вообще, примѣромъ для частныхъ дорогъ. Чевкинъ поблагодарилъ меня за мое предложеніе, но сказалъ: «поздно».

Едва я вернулся домой, какъ черезъ четверть часа прибылъ курьеръ, съ запиской отъ Чевкина, чтобы я явился сейчасъ же къ нему.

Когда я вошелъ, Чевкинъ сказалъ мнѣ:

— Вы говорили мнѣ, что можете написать записку противъ продажи Николаевской дороги; напишите, что знаете, и принесите ее не позже среды вечера.

Такъ какъ этотъ день былъ канунъ докладовъ его государю, то я понялъ, что этимъ назначеніемъ дня онъ хотѣлъ дать мнѣ почувствовать о цѣли записки, дабы въ редакціи ея не вкралось чего-либо неудобнаго. Въ назначенное время я явился и встрѣтилъ у Чевкина директора департамента желѣзныхъ дорогъ, интриговавшего въ пользу Главнаго общества, чего Чевкинъ не подозрѣвалъ и исполнѣ доврѣлся ему. Провѣдавъ, конечно, что Чевкинъ намѣревается поднять вновь вопросъ о продажѣ дороги, и, зная, уже навѣрно, что мнѣ поручено составить записку, директоръ департамента всячески старался парализовать дѣло, но ему не удалось поколебать Чевкина. Черезъ нѣсколько дней Чевкинъ прислалъ за мною.

Когда я вошелъ, то вошелъ Чевкина, на этотъ разъ, въ очень пріятномъ настроеніи, и онъ сказалъ мнѣ:

— При послѣднемъ докладѣ, я прочелъ государю мою записку въ видѣ взгляда русскихъ людей на продажу Николаевской желѣзной дороги. Содержаніе этой записки очень понравилось государю, и онъ одобряетъ изложенные въ ней взгляды. Вамъ извѣстно,—добавилъ онъ,— что продажа въ принципѣ рѣшена совѣтомъ министровъ, и рѣшеніе это было одобрено государемъ, но теперь, въ виду измѣнившихся нѣсколько воззрѣній, можно поправить дѣло. Не можете ли вы составить такія условія продажи, при которыхъ Главное общество нашло бы неудобнымъ для себя купить дорогу?

— Могу,—отвѣчалъ я.

Такъ какъ этотъ вопросъ былъ обдуманъ мною прежде, то черезъ три дня я доставилъ Чевкину желаемую имъ записку.

Суть была въ томъ, что сторонники продажи опирались на аргументъ усиленія государственнаго размѣннаго фонда. Поэтому, я и построилъ свою записку, объ условіяхъ продажи, преимущественно на томъ, чтобы Главное общество внесло весь капиталъ звонкою монетою, не допуская даже взноса государственными бумажными фондами. Эту записку Чевкинъ передалъ въ комиссію, подъ предсѣдательствомъ С. В. Кербедза, назначенную для передачи дороги Главному обществу, и, по предъявленіи ему означенныхъ условій продажи, оно, какъ извѣстно, отказалось тогда отъ приобрѣтенія Николаевской дороги.

Разсказанное мною обстоятельство происходило въ томъ же 1860

году, когда былъ измѣненъ уставъ общества. Выйдя побѣдителемъ изъ борьбы, Чевкинъ приступилъ, какъ Кутузовъ, къ удаленію иноплеменнаго нашествія на Россію.

Видя, что Николаевская желѣзная дорога не приноситъ никакого дохода, онъ, не успѣвъ еще ознакомиться съ вопросомъ, полагалъ, что причина такого положенія кроется въ злоупотребленіяхъ, и потому рѣшилъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ, произвести самую подробную и строгую ревизію дороги. Эту ревизію онъ поручилъ двумъ лицамъ: мнѣ отъ Петербурга до Бологое и инженеру Поземковскому отъ Бологое до Москвы. Мнѣ пришлось производить эту ревизію съ ранней весны и до зимы. Результатомъ этой ревизіи было выясненіе Чевкину, что причина незавиднаго состоянія дороги кроется не въ злоупотребленіяхъ, а въ самой системѣ ремонта пути и, главное, подвижнаго состава. Въслѣдствіе этого Чевкинъ отправилъ меня за границу, на продолжительное время, для изученія администраціи желѣзныхъ дорогъ и подвижнаго состава, предписавъ обратить вниманіе преимущественно на правительственныя дороги въ Бельгіи, и, независимо отъ этого, поручилъ еще ознакомиться вообще съ общимъ государственнымъ контролемъ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, гдѣ я пробылъ около двухъ лѣтъ, ознакомившись со всѣми отраслями желѣзныхъ дорогъ въ Бельгіи, Англіи, Франціи и Германіи, Чевкинъ тотчасъ же назначилъ комиссію, подъ предсѣдательствомъ своего товарища, инженеръ-генераль-лейтенанта Герсфельда, для измѣненія системы ремонта пути и сооружений Николаевской дороги. Не смотря на сильную оппозицію большинства членовъ комиссіи и департамента желѣзныхъ дорогъ, Чевкинъ одобрилъ мое особое мнѣніе, система оптоваго подряда была отвергнута, и ремонтъ дороги былъ переданъ въ хозяйственное распоряженіе управленія дороги. Результатомъ было то, что вмѣсто 1.000.000 руб., платившихся до того время оптовому подрядчику, ремонтъ, въ первый же годъ, обошелся лишь въ 650.000 руб. При этой реформѣ мнѣ удалось склонить Чевкина къ тому, чтобы инженерамъ, служащимъ на дорогѣ, вмѣсто ничтожнаго жалованья по чину, назначено было надлежащее содержаніе, а именно — по 5.000 руб. начальникамъ отдѣленій и по 2.500 руб. начальникамъ дистанцій, безъ чего, по моимъ понятіямъ, нельзя было подвергать ихъ строжайшей безпощадной отвѣтственности, при чемъ былъ указанъ и вѣрный способъ дѣйствительнаго контроля,

Но, по отношенію къ Николаевской дорогѣ, Чевкину предстояло рѣшить болѣе серьезную и болѣе крупную задачу, касающуюся ремонта подвижнаго состава. Въ то время всѣмъ былъ извѣстенъ пресловутый контрактъ Уайнманса, по которому всѣ 95 его параграфовъ ограждали лишь интересы контрагента, въ полный ущербъ казны. Когда я,

вернувшись изъ-за границы, представилъ Чевкину, съ приложеніемъ самыхъ подробныхъ документовъ, результаты изученія мною вопроса о ремонтѣ подвижнаго состава въ разныхъ странахъ Европы, то оказалось, что по ремонту, напимѣръ, вагоновъ, составлявшему главную цифру платежей по контракту, Уайнансъ получалъ въ 17 разъ болѣе, чѣмъ этотъ ремонтъ обходился въ другихъ странахъ Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я усмотрѣлъ въ контрактѣ одинъ параграфъ, 43-й (введенный контрагентомъ для огражденія своихъ интересовъ), который представлялъ возможность понизить, на основаніи этого параграфа, платимую контрагенту сумму за ремонтъ по крайней мѣрѣ на три четверти. Дѣло было въ томъ, что, на основаніи означеннаго параграфа, правительство имѣло право построить подвижной составъ иной конструкции, чѣмъ та, которая была введена тѣми же контрагентами на Николаевской дорогѣ, и, въ такомъ случаѣ, контрактныя цѣны ремонта не были обязательны для обѣихъ сторонъ. По расчету выходило, что если поставить на Николаевскую дорогу новый подвижной составъ и предложить Уайнансу только $\frac{1}{4}$ прежней цѣны, или, въ случаѣ его отказа, отремонтировать новый подвижной составъ самому управленію—что было бы еще выгоднѣе—то въ теченіе $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, которыя оставались еще за контрагентомъ, сберегалась бы сумма не только достаточная на покрытіе расходовъ по устройству новаго подвижнаго состава, но явился бы немалый остатокъ.

По моему рапорту Чевкинъ приказалъ собрать немедленно комиссію, не гласную. По разнымъ обстоятельствамъ, комиссія эта не собиралась, и Чевкинъ разсудилъ не подымать новой борьбы по этому предмету, въ виду скорого истеченія контрактнаго срока.

Я употребилъ опять слово борьбы, потому, что Уайнансъ представлялъ изъ себя могучую денежную силу, поддерживаемую вліятельными сферами. Только при этой поддержкѣ и могъ быть заключенъ такой контрактъ, который представлялъ изъ себя образецъ наглаго обирательства казны. Но Уайнансъ не довольствовался одной баснословной цѣной, получаемой имъ за ремонтъ по контракту, онъ ципалъ казну весьма крупно и другими путями, необусловленными контрактомъ, при чемъ изобрѣтательность его достигла до степени невѣроятнаго. Вообще вопросъ объ обузданіи Уайнанса и затѣмъ объ отстраненіи его отъ ремонта представлялся Чевкину вопросомъ серьезнымъ, и онъ велъ по этому дѣлу упорную борьбу. Перечислять всѣ фазисы этой борьбы было бы долго. Я расскажу лишь два болѣе выдающіеся факта.

По истеченіи срока контракта, Уайнансъ былъ обязанъ сдать паровозы въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ принялъ. Понятно, что, послѣ 12 лѣтъ движенія, котлы паровозовъ должны были быть признаны негодными. Дабы не дѣлать на свой счетъ новыхъ котловъ, Уай-

нансъ употребилъ слѣдующій фортель. Заблаговременно, еще до развитія по дорогѣ надлежащаго движенія, онъ поставилъ на паровозы невѣрные, слабые манометры, — что онъ могъ сдѣлать незамѣтнымъ образомъ, такъ какъ подвижной составъ былъ въ его рукахъ. Вслѣдствіе этого увеличилось число паровозо-верстъ, т. е. число оплачиваемыхъ казною единицъ. Проработавъ такимъ образомъ много лѣтъ, Уайнансъ, за 2¹/₂ года до окончанія контракта, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе.

Въ виду развитія въ настоящее время движенія, паровозы оказываются очевидно малосильными, и потому онъ готовъ передѣлать всѣ паровозы, за извѣстную плату, на новый типъ, такой, который будетъ возить вдвое болѣе грузные поѣзда, и предъявилъ къ осмотру передѣланный имъ паровозъ по новому типу, объясняя, при этомъ, что расходъ казны на передѣлку паровозовъ вознаградится съ излишкомъ отъ экономіи въ числѣ паровозо-верстъ. Чевкинъ принялъ это предложеніе; но въ тотъ день, когда департаментъ сдѣлалъ уже заказъ на передѣлку паровозовъ, Чевкину вздумалось убѣдиться еще разъ въ достоинствѣ новаго типа. Онъ послалъ за мной и приказалъ освидѣтельствовать передѣланный паровозъ и въ тотъ же день донести ему о результатѣ осмотра. По освидѣтельствованіи, я донесъ ему, что болѣе милліона рублей, назначенныхъ на передѣлку паровозовъ, будутъ брошенными деньгами, что гораздо лучшее на эти деньги купить совсѣмъ новые паровозы, и что цѣль передѣлки паровозовъ, сдѣланной Уайнансомъ—есть замѣна старыхъ котловъ новыми, между тѣмъ какъ онъ былъ бы обязанъ поставить новые котлы ко времени сдачи паровозовъ на свой счетъ. Тутъ же при мнѣ Чевкинъ написалъ собственноручно записку директору департамента:—«остановить заказъ». Но на другой день Уайнансъ подалъ заявленіе, что онъ, получивъ заказъ отъ департамента, въ тотъ же часъ сдѣлалъ, по телеграфу заказъ разныхъ предметовъ въ Лондонѣ, на 500.000 руб., и откажется отъ дѣла, если ему будетъ уплачена эта сумма. Чевкинъ, конечно, не измѣнилъ своего рѣшенія объ остановкѣ заказа, и потому Уайнансъ завелъ процессъ, дошедшій до Сената, но чѣмъ онъ кончился, мнѣ не извѣстно.

XXX.

Проектъ станціи въ Москвѣ для Нижегородской дороги.—Бельгійскій инженеръ де-Брауеръ.—Составленіе имъ компаніи на постройку Саратовской дороги.—Неудовлетворительное веденіе дѣлъ.—Удаленіе де-Брауера.—Желаніе совѣта общества имѣть директоромъ В. А. Панаева.—Отказъ Чевкина отпустить его отъ себя.—Дальнѣйшая исторія постройки Саратовской дороги.

Въ 1860 году, Главное общество желѣзныхъ дорогъ представило главномууправляющему проектъ станціи въ Москвѣ для строившейся Нижегородской дороги и предполагавшейся Θεодосійской, ассигнуя на это 4.000.000 руб. Чевкину предположеніе Общества почему-то не совсѣмъ понравилось. Онъ призвалъ меня и сказалъ, что назначаетъ комиссію подъ предсѣдательствомъ Мельникова изъ пяти членовъ, въ которой должны участвовать: Кербедзъ, Языковъ, Серебряковъ, Липинъ и я; при чемъ обратилъ мое вниманіе на важность вопроса. Я тутъ же замѣтилъ ему, что подобные вопросы уже поднимались теперь въ большихъ городахъ Европы, гдѣ станціи помѣщались почти на окраинахъ городовъ, и теперь раздумываютъ уже о мѣрахъ къ исправленію неудобствъ, изъ того вытекающихъ, и которыя потребуютъ значительныхъ затратъ, и потому было бы желательно избѣжать въ будущемъ этихъ затратъ, для чего надо подумать объ устройствѣ въ Москвѣ центральной станціи.

— Прошу васъ, — сказалъ Чевкинъ, — выяснить этотъ вопросъ въ комиссіи.

Вслѣдствіе этого, я представилъ двѣ записки (20-го января и 9-го февраля 1860 г.) о центральной станціи въ Москвѣ, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

1) Что въ городѣ, представляющемъ средоточіе нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, наивыгоднѣйшее рѣшеніе задачи, относительно помѣщенія пассажирской станціи, есть устройство общей центральной станціи.

2) Что таковая станція представляетъ много удобствъ и матеріальныхъ выгодъ для города и для самихъ дорогъ, и въ то же время экономизируетъ общій народный капиталъ какъ при постройкѣ, такъ и при эксплуатаціи дорогъ.

3) Что Москва представляетъ возможность для устройства центральной пассажирской станціи и прохода по городу.

4) Что отдача единственно удобнаго для этого мѣста въ руки одной компаніи или лишитъ всѣ прочія дороги удобнаго сообщенія съ городомъ или поставитъ ихъ въ полную зависимость отъ одной дороги.

Теперь слѣдуетъ рассмотреть подробнѣе, въ чемъ именно заключаются удобства и выгоды общей центральной станціи, по сравненію съ тѣмъ, если бы каждая дорога имѣла свою особую станцію.

Относительно города. Естественнымъ слѣдствіемъ желѣзныхъ дорогъ, выходящихъ изъ многолюднаго города, есть быстрое развитіе населенія окрестныхъ мѣстъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, если только окрестности сколько-нибудь тому благоприятны и если окрестное направление дорогъ проведено удачно.

Дешевизна окрестной жизни, въ сравненіи съ городской, чистый воздухъ и удобства сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ суть три условія, которыя способствуютъ быстрому населенію окрестныхъ мѣстъ города.

Желѣзныя дороги имѣютъ свойство умѣрять чрезмѣрное развитіе городского населенія, что важно въ отношеніи гигиеническомъ, нравственномъ и даже политическомъ. Въ настоящее время, въ такихъ большихъ городахъ, какъ Лондонъ и Парижъ, замѣтно даже переселеніе въ окрестныя мѣста прежнихъ постоянныхъ жителей города и даже такихъ, которые имѣютъ ежедневныя въ немъ занятія.

Окрестная жизнь совмѣщаетъ въ себѣ удобства какъ городской, такъ и деревенской жизни; между тѣмъ, развитіе окрестнаго населенія способствуетъ развитію торговли, промышленности, а, слѣдовательно, и производительности въ той же самой мѣрѣ, какъ и развитіе городского населенія, а потому окрестная жизнь, не ослабляя нисколько полезныхъ сторонъ средоточія населенія, отстраняетъ при этомъ дурныя его стороны.

Въ Россіи, вслѣдствіе особенныхъ условій страны и, главное, вслѣдствіе характера народа, городская жизнь вообще мало развилась и едва-ли можетъ когда-либо развиться въ той степени, какъ въ другихъ странахъ. Развитіе большихъ центровъ жизни должно возбудить полезное вліяніе центровъ и, въ то же время, какъ нельзя лучше можетъ удовлетворить потребностямъ страны и характеру русскаго народа.

Но развитіе окрестнаго населенія на счетъ развитія чисто городского населенія можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда сообщенія съ окрестностями города доведены до крайняго удобства и дешевизны, а этого нельзя допустить иначе, какъ помѣщеніемъ станціи желѣзныхъ дорогъ, по возможности, ближе къ центру города.

Обращаясь теперь къ Москвѣ, очевидно, что если отдать центральное въ оной мѣсто въ руки одной компаніи, то окрестная жизнь можетъ развиваться только въ одномъ направленіи, а не по всѣмъ направленіямъ выходящихъ изъ города желѣзныхъ дорогъ.

Относительно пассажировъ. Пассажировъ можно раздѣлить на 4 разряда въ отношеніи города Москвы.

1) Пассажиры окрестные, имѣющіе крайними пунктами передвиженія окрестныя мѣста и Москву, или окрестныя мѣста, лежація по ту и другую сторону города.

2) Пассажиры сквозные (проѣзжіе), имѣющіе крайнимъ пунктомъ передвиженія не Москву, но пункты, лежащіе по ту или другую сторону города, не въ значительномъ отъ него удаленіи.

3) Пассажиры сквозные, имѣющіе крайними пунктами передвиженія пункты, лежащіе по ту или другую сторону города, въ значительномъ отъ него разстояніи.

4) Пассажиры дальніе, выѣзжающіе изъ Москвы и прибывающіе туда.

Изъ отсутствія общей центральной станціи вытекають слѣдующія неудобства для пассажировъ:

Для пассажировъ перваго разряда неудобства и относительное возвышеніе расходовъ на сообщеніе, при отсутствіи центральной станціи, такъ чувствительны, что самое развитіе движенія этого рода пассажировъ будетъ до крайности парализовано.

Пассажиры втораго разряда, во-первыхъ, будутъ терять время на переѣзды или переходы съ багажемъ со станціи на станцію, а, во-вторыхъ, расходы на проѣздъ для многихъ неизбежно увеличатся отъ 20 до 25 процентовъ и даже болѣе.

Такъ, напримѣръ, пассажиръ изъ Твери или Клина въ Коломну и обратно, при существованіи центральной станціи, легко можетъ въ одинъ и тотъ же день пріѣхать на мѣсто, сдѣлать свое дѣло и вечеромъ ѣхать назадъ. При отсутствіи же общей центральной станціи, онъ этого сдѣлать не можетъ и, въ добавокъ, израсходуетъ лишнія деньги на переѣздъ отъ станціи до станціи и на плату за подноску и относку багажа. Можно положительно сказать, что, при отсутствіи центральной станціи, пассажиры втораго разряда, при своихъ перемѣщеніяхъ, постоянно будутъ терять не нѣсколько часовъ, а цѣлый день безъ всякой нужды—соображенія, заслуживающія вниманія, независимо отъ неизбежныхъ лишнихъ расходовъ пассажира.

Для пассажировъ третьяго разряда, т. е. сквозныхъ дальнихъ, отсутствіе центральной станціи будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что эти пассажиры будутъ вынуждены проводить день въ Москвѣ. Будь центральная станція—пассажиръ третьяго разряда охотно отдохнетъ на ней часъ, два или три и отправится далѣе. Но если пассажиръ вынужденъ взять свой багажъ и, затѣмъ, ѣхать въ гостиницу, то весьма натурально, что онъ останется на цѣлый день въ Москвѣ. Это обстоятельство влечетъ за собой значительный расходъ, чувствительный, въ особенности, для пассажировъ средняго класса. Проѣздъ съ багажемъ въ гостиницу, расходы въ оной и обратный переѣздъ на станцію обойдутся ему, за исключеніемъ пищи, не менѣе какъ отъ 4 до 5 р. сер.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Западной Европы, напримѣръ, въ Брюсселѣ, умышленно сдѣланы двѣ станціи, для того, чтобы городъ могъ

пользоваться отъ проѣзжающихъ пассажировъ; но нынѣ признали уже всю узкость такого взгляда и имѣютъ намѣреніе преобразовать существующій порядокъ и устроить такъ, чтобы не стѣснять болѣе, искусственнымъ образомъ, пассажировъ, давъ желающимъ возможность проѣзжать городъ насквозь безъ задержки.

Потеря Москвы отъ сквозныхъ пассажировъ будетъ состоять только въ томъ, что въ городѣ пятью или шестью гостиницами и нѣсколькими сотнями извозчиковъ будетъ менѣе. Конечно, большая часть пассажировъ, вынужденныхъ провести день въ Москвѣ, естественно сдѣлаютъ и другіе, неизбежные расходы, но рассчитывать на эти искусственные прибыли для города, если бы онѣ и дѣйствительно могли быть серьезны, было бы, съ точки зрѣнія общей пользы, несовмѣстно и, для такой страны, какъ Россія, вовсе неприлично, тѣмъ болѣе, что Россія внутреннихъ заставъ не имѣетъ, посредствомъ которыхъ въ другихъ странахъ искусственнымъ образомъ развиваютъ извѣстные пункты.

Отсутствіе общей центральной станціи, въ томъ случаѣ, когда есть возможность ее устроить, можно разсматривать какъ заставу въ отношеніи сквозныхъ пассажировъ, а расходы, въ которые они, волею или неволею, должны вовлекаться—какъ бы налогъ съ нихъ въ пользу города.

Всего менѣе чувствительно отсутствіе общей центральной станціи для пассажировъ четвертаго разряда, т. е. для такихъ, которые выѣзжаютъ изъ Москвы и пріѣзжаютъ туда. Но для извѣстнаго класса пассажировъ затрудненіе это все-таки чувствительно, и, въ общей массѣ, увеличеніе расходовъ на переѣзды въ отдаленныя отъ центра города станціи составить не малую сумму.

Всѣ исчисленныя выше неудобства и лишніе расходы для пассажировъ становятся гораздо внушительнѣе для людей семейныхъ.

Относительно желѣзныхъ дорогъ. Выше сказано уже было, что отсутствіе общей центральной станціи сильно парализуетъ развитіе движенія окрестныхъ пассажировъ и чрезвычайно затрудняетъ движеніе сквозныхъ недалнихъ пассажировъ.

Общая центральная станція будетъ имѣть слѣдствіемъ возрожденіе окрестнаго движенія и значительное усиленіе движенія сквозныхъ недалнихъ пассажировъ. На пассажировъ же прочихъ разрядовъ общая центральная станція не можетъ имѣть сильнаго вліянія. Но уже одни пассажиры перваго разряда могутъ доставить дорогамъ весьма значительный доходъ. На Западной дорогѣ во Франціи сборъ по движенію окрестныхъ пассажировъ составляетъ одинъ изъ главныхъ ресурсовъ дороги. Такъ, напримѣръ, весь сборъ съ пассажировъ въ 1857 году простирался до 20.000.000 фр., и въ этомъ числѣ 6.050.000 фр. или около 30%, падаетъ на долю сбора съ однихъ окрестныхъ пассажировъ,

которыхъ среднее разстояніе переѣзда не превышаетъ 11 километровъ, а средній сборъ съ каждого пассажира простирается только до 56 сантимовъ, или до 14 коп. сер. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы станція этой дороги находилась не по близости къ центру Парижа, то сборъ съ окрестнаго движенія далеко не достигалъ бы означенной цифры.

Центральное положеніе станціи, независимо отъ окрестнаго движенія пассажировъ, даетъ еще другіе источники доходовъ, а именно—ежедневное доставленіе свѣжихъ продуктовъ изъ окрестностей въ городъ. Напримѣръ, въ Парижъ ежедневно доставляется изъ окрестныхъ мѣстъ, по желѣзнымъ дорогамъ, особыми поѣздами, свѣжее молоко, а по нѣкоторымъ дорогамъ и свѣжая рыба.

Итакъ, устройство общей центральной станціи въ Москвѣ должно имѣть послѣдствіемъ:

- 1) Увеличеніе окрестнаго населенія. Отъ этого усилится полезное вліяніе города безъ вреднаго, во многихъ отношеніяхъ, развитія городского населенія.
- 2) Доставленіе значительныхъ удобствъ пассажирамъ всѣхъ разрядовъ.
- 3) Сбереженіе народнаго капитала въ рукахъ пассажировъ.
- 4) Усиленіе сборовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

И кромѣ того:

- 5) Уменьшеніе расходовъ какъ на первоначальное устройство, такъ и во время эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; ибо очевидно, что устройство 3-хъ и 4-хъ станцій и путей къ нимъ, съ приобрѣтеніемъ земель, будетъ стоить несравненно дороже, нежели устройство одной общей станціи.

Если бы даже вопросъ былъ рѣшенъ тѣмъ, чтобы отдать центральное мѣсто въ руки одной компаніи, то рано или поздно, прочія дороги вынуждены будутъ соединить свои станціи съ этою центральною станціею и войти съ привилегированной дорогой въ сдѣлку; слѣдовательно, не смотря на истраченный уже капиталъ на устройство отдѣльныхъ станцій для каждой дороги, все-таки придется дѣлать новыя и огромныя расходы на проложеніе путей по городу и на перестройку центральной станціи, сообразно новымъ нуждамъ; при каковой перестройкѣ, замѣтитъ надо, нельзя уже достигнуть того же удобства, какъ это возможно въ томъ случаѣ, когда станція первоначально строится для удовлетворенія извѣстнымъ условіямъ.

Возможность выполненія изложенной идеи. На основаніи всѣхъ выше изложенныхъ соображеній, слѣдуетъ употребить всѣ мѣры къ осуществленію идеи общей центральной станціи въ Москвѣ.

Характеръ общей центральной пассажирской станціи долженъ заключаться въ слѣдующихъ условіяхъ:

1) Станціонное зданіе, дебаркадеры и пути должны быть расположены такъ, чтобы каждая дорога могла отправлять свои поѣзды независимо отъ другихъ дорогъ.

2) Каждая дорога должна имѣть особую кассу для раздачи билетовъ.

3) Хозяйства подвижнаго состава каждой дороги должны быть независимы отъ центральной станціи.

4) Каждая дорога должна производить движеніе, относящееся до центральной станціи собственнымъ подвижнымъ составомъ.

5) Ремонтъ и содержаніе въ исправности станціоннаго зданія и соединительнаго пути, равно и станціонная прислуга должны быть въ одномъ управленіи.

6) Сущность назначенія центральной станціи должна состоять въ отправленіи и приѣмѣ пассажировъ и мелкихъ владѣй.

Единственное препятствіе, которое можетъ представиться къ выполненію высказанной здѣсь идеи—это несогласіе со стороны правленія Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Но можетъ ли имѣть правленіе Главнаго общества разумную причину къ подобному несогласію, и имѣетъ ли оно право требовать, чтобы Обществу непременно было уступлено извѣстное центральное въ городѣ мѣсто—эти вопросы подлежатъ обоужденію.

Единственно разумныя причины, которыя правленіе Общества можетъ привести въ оправданіе своего несогласія, суть слѣдующія:

1) Что распоряженія по отправленію и прибытію поѣздовъ и, вообще, по станціонной службѣ будутъ стѣснены и

2) Что правленіе Общества предполагаетъ помѣстить въ станціонномъ зданіи управленіе дорогъ.

Причины эти легко могутъ быть устранены.

1) Стѣсненіе или нестѣсненіе, затрудненія или неудобства въ распоряженіяхъ на станціи (какой бы то ни было—общей или отдѣльной) зависать не отъ того, что станція будетъ общая или частная, а зависеть отъ плана станціи и отъ расположенія путей. Слѣдовательно, этотъ вопросъ всегда можетъ быть рѣшенъ, сообразно извѣстнымъ требованіямъ и нуждамъ, и для выполненія этого проектъ общей станціи долженъ быть рассмотрѣнъ и обсужденъ депутатами отъ всѣхъ дорогъ.

2) Если правленіе Главнаго общества желаетъ помѣстить управленіе замосковныхъ дорогъ въ станціонномъ зданіи, то ничто не помѣшаетъ ему устроить особое зданіе подлѣ центральной станціи, ибо мѣсто, назначенное подъ станцію, чрезвычайно обширно. При этомъ, нѣкоторый излишекъ въ расходахъ, на устройство особаго зданія, не можетъ быть серьезнымъ доводомъ въ опроверженіе устройства общей станціи, тѣмъ болѣе, что правленіе проектировало станціонное зданіе въ одинъ

этажъ; слѣдовательно, оно имѣло же какія-нибудь причины для того, чтобы не воспользоваться главными выгодами, представляемыми общамъ зданіемъ.

Правленіе Общества могло бы сказать еще, что устройство общей станціи не можетъ быть скоро исполнено, а, между тѣмъ, одна изъ дорогъ ихъ Общества должна быть въ непродолжительномъ времени открыта. Такой доводъ не могъ бы имѣть тоже основанія, ибо, все равно, будетъ ли строиться станція самымъ правленіемъ для двухъ дорогъ, или она будетъ строиться для всѣхъ дорогъ—Главное общество не можетъ обойтись безъ того, чтобы не устроить временную станцію, и таковую оно можетъ поставить на мѣстѣ, назначаемомъ для товарной станціи.

Итакъ, кромѣ выше изложенныхъ причинъ, которыя легко могутъ быть отстранены, правленіе не можетъ имѣть другихъ разумныхъ причинъ въ опроверженіе идеи общей станціи. Слѣдовательно, предполагаемое несогласіе съ его стороны могло бы быть объяснено только тѣмъ, что правленіе имѣетъ въ виду, чрезъ приобрѣтеніе центральнаго мѣста, завладѣть окрестнымъ движеніемъ и поставить въ зависимость отъ своихъ дорогъ всѣ прочія дороги.

Предполагая, что правленіе Общества, не смотря ни на какіе доводы, не пожелаетъ участвовать въ общей станціи—возражается вопросъ: слѣдуетъ ли уступить одному этому Обществу центральное мѣсто въ городѣ, или нѣтъ?

Кажется, что, въ виду тѣхъ важныхъ удобствъ и выгодъ, которыя, со всѣхъ сторонъ, представляетъ общая центральная станція, уступать этого мѣста не слѣдуетъ, и въ случаѣ упорнаго несогласія со стороны правленія, можно предоставить ему выбрать другое мѣсто. Непремѣннымъ слѣдствіемъ такой мѣры будетъ то, что правленіе выразитъ свое согласіе на участіе въ общей станціи, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не будетъ имѣть никакого довода для оправданія себя передъ совѣтомъ и публикой въ пренебреженіи къ сбереженію расходовъ, которые вытекаетъ изъ устройства общей станціи.

Что же касается теперь до того, имѣетъ ли Главное общество право на требуемое имъ мѣсто, на томъ основанія, что оно его выбрало, надо замѣтить, что ни одинъ параграфъ устава Общества ни прямо, ни косвенно, такого права Обществу не даетъ. Если бы еще движеніе по отправленію и прибытію пассажировъ, по двумъ дорогамъ Главнаго общества, могло бы значительно превышать общее движеніе пассажировъ по остальнымъ дорогамъ, то это обстоятельство могло бы еще быть принято во вниманіе, но пассажирское движеніе въ Москвѣ, по тремъ остальнымъ дорогамъ, а именно: Николаевской, Саратовской и Ярославской, конечно, будетъ несравненно сильнѣе, нежели по двумъ до-

рогамъ Главнаго общества. Слѣдовательно, Главное общество не имѣетъ за собой и права большинства, если бы даже это право и въ самомъ дѣлѣ составляло дѣйствительное право.

Коммиссія признала, что изложенная мною идея будетъ самымъ лучшимъ рѣшеніемъ вопроса, что устройство центральной станціи необходимо, а представленный проектъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ слѣдуетъ отклонить, и въ концѣ засѣданія Мельниковъ обратился къ производителю дѣлъ Полежаеву, и, можно сказать, продиктовалъ ему редакцію журнала.

Надо замѣтить, что журналы коммиссій, въ которыя я назначался членомъ, доставлялись для подписанія ко мнѣ изъ департамента, наканунѣ ихъ доклада Чевкину, часовъ въ 12 ночи. По этому поводу я подалъ рапортъ Чевкину, въ которомъ жаловался, что, при такихъ порядкахъ, я не имѣю времени излагать мои особые мнѣнія, не согласныя съ редакціею журнала, который по обыкновенію приносился уже подписаннымъ всѣми прочими членами. И вотъ, вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго Чевкинымъ директору департамента Языкову, послѣдній вызналъ меня въ департаментъ.

— Вы жаловались главноуправляющему, что вамъ доставляютъ поздно журналы, то прошу васъ прочесть изготовленный къ застрашному докладу журналъ о центральной станціи.

Когда я прочелъ, то увидалъ, что редакція журнала двухсмысленнаго свойства; въ этомъ отношеніи онъ былъ составленъ необыкновенно искусно.

— Позвольте мнѣ замѣтить,—сказалъ я производителю дѣлъ Полежаеву,—коммиссія пришла къ заключенію о необходимости центральной станціи и къ полному отклоненію проекта Главнаго общества. Самъ предсѣдатель указалъ редакцію журнала, но я ничего подобнаго не вижу, и потому журнала теперь не подпишу.

— Да вѣдь въ журналѣ говорится о разрѣшеніи лишь временнаго пути,—отвѣтилъ мнѣ Полежаевъ.

На другой день утромъ я поспѣшилъ поѣхать къ Мельникову, чтобъ предупредить его о редакціи журнала. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ съ журналомъ и Полежаевъ, предчувствуя, что я предупрежу Мельникова. Когда Полежаевъ прочелъ журналъ, Мельниковъ, довольный редакціей, сказалъ:

— Да это совсѣмъ не то, какъ я приказалъ вамъ составить журналъ.

Полежаевъ молча подалъ журналъ Мельникову, гдѣ значились уже подписи всѣхъ членовъ, кромѣ меня.

— Ахъ! журналъ уже подписанъ, и директоръ подписалъ; ну, дѣлать нечего—и онъ взялся за перо.

Полежаевъ очень хорошо зналъ слабость Мельникова, что онъ никогда не пойдетъ на борьбу и подпишетъ, когда увидитъ всѣ подписи.

Въ этотъ моментъ я остановилъ Мельникова и сказалъ:

— Вы сгубите дѣло. Извините меня, Павелъ Петровичъ, я подпишу при особомъ мнѣніи.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ Мельниковъ и подмахнулъ.

Въ этотъ же день журналъ пошелъ къ докладу, и Чевкинъ, не замѣтивъ мою подпись при особомъ мнѣніи, подписалъ этотъ журналъ, въ полной увѣренности, что проектъ Главнаго общества отклоненъ.

Здѣсь надо объяснить подкладку дѣла. Главною цѣлью Общества и заинтересованныхъ лицъ было отчужденіе домовъ и земель по Москвѣ, которое оцѣнивалось болѣе одного милліона рублей. Въ журналъ проскочило слово о временномъ пути. Разъ разрѣшенъ путь временной, то дѣло было улажено къ удовольствію Общества и заинтересованныхъ лицъ.

Ко времени дебатовъ комиссіи о центральной станціи былъ вызванъ изъ Москвы инспекторъ желѣзной дороги Казначеевъ. Онъ между прочимъ доложилъ Чевкину, что Главное общество дѣлаетъ всѣ приготовления для устройства своей станціи, и небольшая артель стоитъ уже на работахъ. Чевкинъ приказалъ Казначееву немедленно остановить всѣ подготовки. Черезъ нѣсколько дней Чевкинъ получаетъ телеграмму отъ Казначеева, что, не смотря на его приказаніе, Главное общество поставило сегодня на работу болѣе 500 человекъ, ссылаясь на то, что работы разрѣшены главноуправляющимъ.

Чевкинъ послалъ за мною:

— Посмотрите, какую депешу я получилъ отъ Казначеева,—что это значитъ?

— Вы утвердили журналъ, гдѣ сказано о разрѣшеніи временнаго пути; я подписалъ журналъ при особомъ мнѣніи.

— При какомъ мнѣніи?—я его не знаю.

— Департаментъ сдѣлалъ вамъ докладъ, не дождавшись моего особаго мнѣнія, которое было доставлено ему черезъ день послѣ того, какъ я подписалъ журналъ. Еслибы вы имѣли въ виду мое особое мнѣніе, то вѣроятно не утвердили бы журнала.

Чевкинъ потеръ лобъ, нахмурился и замолчалъ.

Такъ какъ проектъ станціи Главнаго общества былъ журналомъ отклоненъ, и положено было устройство центральной станціи, для чего требовалось соглашеніе дорогъ, выборъ мѣста и въ крайнемъ случаѣ устройство центральной станціи за счетъ казны, то, въ виду этого, я подалъ Чевкину записку о назначеніи нѣсколькихъ компетентныхъ лицъ для уясненія вопроса на мѣстѣ.

Чевкинъ назначилъ комиссію изъ нѣсколькихъ лицъ подъ предѣтельствомъ генерала Кербедза.

Дальнѣйшій ходъ по вопросу центральной станціи мнѣ неизвѣстенъ, ибо я вскорѣ уѣхалъ на Донъ.

Послѣ отдачи концессіи Главному обществу на постройку дорогъ отъ Петербурга въ Варшаву, отъ Москвы въ Нижній и въ Феодосію, и отъ Орла въ Ригу, протяженіе которыхъ превышало 4.000 верстъ, возбудилась лихорадка на полученіе концессій. Серьезнымъ представилось предложеніе на дорогу изъ Москвы въ Ярославль и изъ Москвы въ Саратовъ.

Дорога въ Саратовъ представляла неоспоримыя выгоды въ государственномъ отношеніи, и потому Чевкинъ особенно расположился къ этому предпріятію.

Инициаторомъ этого дѣла явился бельгіецъ, нѣкто де-Брауеръ де-Гогендорфъ. Этотъ господинъ былъ вліятельнымъ депутатомъ въ брюссельскомъ парламентѣ. Не будучи инженеромъ или техникомъ, онъ пристально изучалъ все относящееся до желѣзныхъ дорогъ, и въ особенности до администраціи ихъ. Всякій разъ, когда вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ вносился въ палату, она назначала комиссію съ предсѣдателемъ де-Брауеромъ. Въ палатѣ было двѣ партіи: одна, стремившаяся признать правительственныя дороги убыточными и вредными, и клонила къ необходимости отдать дороги въ частныя руки,—и эта партія была многочисленна,—другая, малочисленная, отстаивала правительственныя желѣзныя дороги. Де-Брауеръ былъ представителемъ огромной партіи, враждебной системѣ правительственныхъ дорогъ. Былъ постоянно докладчикомъ въ палатѣ наряжавшихся комиссій, а послѣ трехлѣтнихъ изслѣдованій, долженъ былъ громогласно заявить палатѣ, что комиссія пришла къ заключенію, что можно только ожидать экономности отъ эксплуатаціи правительственныхъ дорогъ.

Вотъ тогда-то де-Брауеръ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ началось лихорадочное движеніе на полученіе концессій. Ему, при тогдашнемъ настроеніи, было не трудно составить компанію учредителей изъ числа лицъ, выдающихся по служебному своему положенію.

Де-Брауеръ очень понравился и Чевкину, такъ какъ былъ въ курсѣ вопросовъ, до желѣзныхъ дорогъ относящихся. Когда Чевкинъ отправлялъ меня за границу, то, кромѣ писемъ всѣмъ посланникамъ, онъ далъ мнѣ, какъ я упомянулъ выше, письма къ Мазюи и къ де-Брауеру, съ просьбою оказывать мнѣ содѣйствіе въ Брюсселѣ. Вслѣдствіе этого, я познакомился съ де-Брауеромъ и его семействомъ, который дѣйствительно помогалъ мнѣ, знакомя меня съ разными государственными дѣателями въ Бельгii.

Во время бытности моей за границей, концессія на Саратовскую

дорогу была утверждена, и, послѣ моего возвращенія, открыта была подписка на акціи, а вскорѣ назначено было общее собраніе для выбора членовъ совѣта и директора-распорядителя. Въ члены совѣта попали всѣ учредители и нѣсколько постороннихъ лицъ, принадлежащихъ къ кликѣ банкира Марка. Совѣтъ, по рекомендаціи своего члена генералъ-лейтенанта Поливанова, избралъ въ секретари Павла фонъ-Дервиза, человѣка замѣчательнаго, умнаго, особенно энергичнаго и очень дѣльнаго. О томъ, почему Поливановъ рекомендовалъ Дервиза, будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ, такъ какъ этотъ эпизодъ представляетъ большой интересъ.

Мѣсяца черезъ два совѣтъ представилъ Чевкину проектъ, который онъ поручилъ разсмотрѣть мнѣ и представить свое заключеніе. Проектъ оказался рѣшительно неудовлетворительнымъ, что было непріятно Чевкину, разсчитывавшему на дѣльность де-Брауера.

Секретарь общества, Павелъ Дервизъ, вскорѣ обнаружилъ непригодность де-Брауера. Онъ былъ краснорѣчивый ораторъ въ палатѣ по вопросамъ желѣзныхъ дорогъ, но практическое дѣло было ему не подъ силу. И вотъ Дервизъ, побуждаемый членомъ совѣта Маркомъ, стеръ вскорѣ изъ директоровъ де-Брауера.

Маркъ былъ учредителемъ и банкиромъ, подписавшимся на 20.000 акцій, поэтому, въ сущности, орудовалъ совѣтомъ. Но онъ наткнулся на секретари совѣта Дервиза, который, хотя и не имѣлъ капитала, но умомъ и энергіей стоялъ на нѣсколько головъ выше Марка и въ скоромъ времени обнаружилъ дутую банкирскую репутацію Марка, развѣжавшаго по гористымъ улицамъ Москвы цугомъ.

Съ удаленіемъ де-Брауера, поднялся вопросъ объ избраніи новаго директора.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явился генералъ-лейтенантъ Поливановъ, отрекомендовавшись членомъ совѣта Саратовскаго общества, и спросилъ меня, не пожелаю ли я принять званіе директора-распорядителя?

— Если главноуправляющій, — отвѣчалъ я, — отчислитъ меня въ распоряженіе Общества, то я готовъ. Но позвольте мнѣ узнать, отъ чьего имени вы обращаетесь ко мнѣ съ предложеніемъ? Вѣдь теперь общаго собранія акціонеровъ нѣтъ.

— Совѣтъ уполномоченъ на избраніе директора-распорядителя, — сказалъ Поливановъ. — И я къ вамъ явился отъ имени предсѣдателя совѣта генералъ-адъютанта Анненкова, и вотъ вамъ письмо отъ него.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Желая давно поближе съ вами познакомиться и побесѣдовать объ истинно-русскомъ, важномъ для меня дѣлѣ, обращаюсь къ вамъ съ почтеннѣйшею просьбою обязать и посѣтить меня, завтра, въ воскресенье,

въ 7 ч. вечера». Я не успѣлъ еще посѣтить Анненкова, какъ черезъ два дня Поливановъ явился опять уже вмѣстѣ съ Анненковымъ. Я отвѣтилъ Анненкову то же, что и Поливанову при первомъ его посѣщеніи.

Что предприняли по этому вопросу Анненковъ и Поливановъ, мнѣ тогда не было извѣстно. Только мѣсяца черезъ полтора Поливановъ доставилъ мнѣ двѣ свои записки, поданныя имъ Чевкину съ согласія председателя Анненкова, въ доказательство того, что они сильно хлопотали о моемъ назначеніи директоромъ Общества. Вотъ эти записки:

«По поводу вопроса,—писалъ генералъ-лейтенантъ Поливановъ Чевкину,—возникшаго въ совѣтѣ, о перемѣнѣ главнаго директора при правленіи Общества Саратовской желѣзной дороги, я уже выразилъ свое мнѣніе, согласное съ мнѣніемъ г. председателя, въ пользу русскаго инженера. Съ мнѣніемъ нашимъ большинство членовъ совѣта не согласилось и предпочло, по настоятельному представленію правленія, иностранца г. Жаклина. Но при первоначальномъ рѣшеніи этого вопроса, совѣтъ не имѣлъ въ виду какъ отзывовъ о достоинствахъ подполковника Панаева, такъ и того обстоятельства, что иностранный инженеръ требуетъ заключенія съ нимъ контракта на 3 года, на нижеслѣдующихъ условіяхъ: содержанія по 12.000 руб. сер. въ годъ; суточныхъ, во время разъѣздовъ, дѣлаемыхъ на счетъ Общества, по 10 руб. сер. въ день; по открытіи движенія отъ Москвы до Коломны—вознагражденія, въ видѣ преміи, 8.000 руб. сер.; на дальнѣйшее производство отъ Коломны до Саратова, при томъ же содержаніи, выдавать за каждую открытую для ѣзды версту по 50 руб. сер. преміи, что составитъ болѣе 30.000 руб. серебр., на протяженіи отъ Коломны до Саратова; въ случаѣ же перемѣны директора, заплатить ему неустойки 15.000 руб. сер.

«Я не только не могу согласиться на заключеніе контракта съ г. Жаклинымъ, и въ особенности на предлагаемыхъ имъ стѣснительныхъ для Общества условіяхъ, но остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи относительно выбора директора и считаю своею обязанностью, при настоящемъ случаѣ, заявить совѣту основаніе моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что выборъ директора, на которомъ лежитъ все дѣло, есть самый первѣйшій и важнѣйшій вопросъ успѣха предпріятія.

«Начну съ того, что сдѣлаю краткій обзоръ какъ прошедшихъ фактовъ, такъ и настоящаго положенія дѣлъ.

«Для производства изысканій отъ Москвы до Саратова приглашенъ былъ иностранный инженеръ Кеми. На эти изысканія, до утвержденія Общества, истрчено было 48.000 руб. сер. За тѣмъ, по утвержденіи Общества, приглашенъ былъ другой иностранный инженеръ, для производства окончательныхъ изысканій отъ Москвы до Коломны. На 87 верстъ неполныхъ изысканій между этими пунктами израсходовано 28.000 руб. сер. Представленный этими инженерами правительству

проектъ оказался не только до крайности неудовлетворительнымъ, но и въ отношеніи основательности избраннаго направленія весьма сомнительнымъ, а потому и былъ возвращенъ Обществу для исправленія и для пополненія надлежащими данными. Слѣдовательно, истративъ, въ оба раза, до 385 руб. сер. на версту изысканій отъ Москвы до Коломны, мы не имѣемъ до сихъ поръ проекта, по которому бы можно было приступить къ работамъ; тогда какъ до начатія работъ остается нѣсколько недѣль, и вызванные и объявившіе цѣну подрядчики съ нетерпѣніемъ ожидаютъ рѣшительнаго отвѣта.

«Естественно, что такое неудачное начало не могло не отразиться на общественномъ мнѣніи, въ подрывѣ кредита предпріятія. Изъ собранныхъ по первому взносу 3.000.000 руб. сер., сколько мнѣ извѣстно, израсходовано Обществомъ до 130.000 р. сер., что составляетъ съ небольшимъ 4% всей суммы; между тѣмъ пониженіе акцій дошло до 25%. Это обстоятельство ясно обнаруживаетъ недовѣріе къ успѣшному выполненію предпріятія, не смотря на то, что Саратовская дорога представляетъ неоспоримыя выгоды.

«Такое положеніе дѣлъ побудило совѣтъ отстранить какъ прежняго директора, такъ и инженера, съ тѣмъ, чтобы избрать въ директоры такое лицо, которое бы соединяло въ себѣ всѣ условія, нужныя къ тому, чтобы установить наконецъ надлежащій порядокъ и успокоить тѣмъ акціонеровъ.

«Нынѣ правленіе настоятельно испрашиваетъ у совѣта утвержденія главнымъ директоромъ иностранца Жаклина, соглашаясь даже и на предъявленныя имъ стѣснительныя для Общества условія. Между тѣмъ правленіе не представляетъ никакихъ соображеній, которыя бы могли убѣдить кого бы то ни было, что предлагаемое имъ лицо дѣйствительно можетъ исполнить важную обязанность директора, въ особенности при настоящемъ положеніи дѣлъ Саратовской дороги. Хотя г. Жаклинъ и имѣлъ въ Главномъ обществѣ отдѣльную линію работъ отъ Москвы до Нижняго, но какъ операція эта имъ не окончена, то о результатѣ его дѣйствій мы судить еще не можемъ. Свое удаленіе изъ Главнаго общества г. Жаклинъ объясняетъ несогласіемъ Общества заключить съ нимъ контрактъ; между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, Общество другимъ инженерамъ въ этомъ не отказываетъ. И что побуждаетъ Главное общество не заключать съ г. Жаклиномъ контракта, намъ не извѣстно.

«При подобныхъ неопредѣленныхъ и неясныхъ данныхъ, можетъ ли совѣтъ сознательно удостовѣрить акціонеровъ въ томъ, что избираемое имъ лицо совмѣщаетъ въ себѣ всѣ нужныя для директора условія? Неудача выбора, на этотъ разъ, могу съ увѣренностью сказать, окон-

чательно подорветъ довѣріе къ совѣту, отчего неминуемо сильно пострадаетъ и самое предпріятіе.

«Собственный нашъ опытъ, не говоря уже объ операціяхъ въ другихъ чуждыхъ намъ предпріятіяхъ, показалъ намъ, что три иностранца не оправдали нашихъ ожиданій. А потому руководствуясь этимъ опытомъ и простыми логическими соображеніями, что всякому иностранцу трудно вести дѣло въ чужой странѣ, что каждая страна имѣетъ свои особыя условія и что мѣстный человѣкъ непременно лучше знаетъ и понимаетъ ихъ, г. председатель и я, съ полнымъ убѣжденіемъ, подали голоса не въ пользу четвертаго иностранца, а въ пользу русскаго инженера Панаева.

«Г. Панаевъ былъ первымъ ученикомъ въ первоклассномъ заведеніи института корпуса инженеровъ путей сообщенія. Окончивъ курсъ, онъ 10 лѣтъ былъ начальникомъ дистанціи при постройкѣ, а потомъ и при эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги, гдѣ, между прочимъ, изучалъ машинную часть, не входящую обыкновенно въ кругъ дѣйствія инженеровъ путей сообщенія. Затѣмъ г. Панаевъ производилъ, какъ начальникъ отдѣльной линіи, изысканія для двухъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя подъ командой многихъ офицеровъ. Успѣхи его дѣйствій, по этому предмету, можно видѣть изъ опубликованной имъ въ журналѣ путей сообщенія статьи. Послѣ того подполковникъ Панаевъ былъ отправленъ на 1½ года за границу, для расширенія круга своихъ познаній по инженерной и административной частямъ. Сверхъ того онъ, въ бытность свою за границею, усовершенствовалъ себя по части паровозовъ и занимался изученіемъ счетной и контрольной частей, относящихся до операціи желѣзныхъ дорогъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ Панаевъ пользуется отличнымъ положеніемъ въ службѣ и стоитъ на счету одного изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ корпуса. Что г. Панаевъ достоинъ своего призванія—это засвидѣтельствовано не только главными авторитетами вѣдомства путей сообщенія, но и самымъ г. главноуправляющимъ, о чемъ уже извѣстно совѣту изъ отзыва г. председателя.

«Въ г. Жаклинѣ мы можемъ пріобрѣсти, быть можетъ, хорошаго практическаго строителя, но отнюдь не директора. Для директора мало имѣть одни практическія познанія строителя. Директоръ долженъ обнимать всѣ отрасли предпріятія, и г. Панаевъ, какъ видно изъ предыдущаго, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ необходимыя для того условія, и при этомъ важно то, что онъ, какъ русскій, знаетъ свой народъ и всѣ условія своей страны, и можетъ привлечь съ собою лучшихъ молодыхъ офицеровъ корпуса; наконецъ, г. Панаевъ въ затруднительныхъ случаяхъ всегда можетъ обращаться за совѣтомъ къ знаменитымъ нашимъ авторитетамъ корпуса, сооружениями коихъ укра-

шается наша имперія, и безъ которыхъ авторитетовъ, сколько извѣстно публикѣ, многія сооруженія Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ были бы въ жалкомъ положеніи или не могли бы быть исполнены. Эти лица, безъ сомнѣнія, вполне готовы будутъ содѣйствовать г. Панаеву, какъ ихъ воспитаннику.

«Нынѣ, когда представился новый вопросъ, не бывшій у совѣта въ виду, о заключеніи на 3 года контракта съ г. Жаклиномъ, я считаю своею обязанностью, передъ совѣтомъ и акціонерами, заявить г.г. членамъ совѣта нижеслѣдующее обстоятельство.

«Кондація, объявленная мнѣ г. Панаевымъ, были основаны на примѣрѣ Волго - Донской желѣзной дороги. Но когда г. Панаевъ узналъ, что имя его было сопоставлено въ совѣтъ съ другимъ именемъ иностранца, и что большинство членовъ совѣта не согласилось на предложеніе г. предсѣдателя, то онъ, принимая во вниманіе, что большинство членовъ совѣта не могло его знать, что рѣшеніемъ вопроса могло руководить только одно соображеніе—выборъ между русскимъ и иностранцемъ,—и видя, что пристрастіе къ иностранцамъ опять взяло верхъ,—рѣшился, какъ человекъ, лично замѣшанный въ вопросъ, безъ всякой съ его стороны инициативы, сдѣлать, ради защиты чести русскихъ инженеровъ, слѣдующее предложеніе.

«Онъ предлагалъ взять на себя обязанность директора безъ всякихъ предварительныхъ условій, какъ на счетъ жалованья, такъ и на счетъ премій, предоставляя на совѣсть совѣта, или общаго собранія акціонеровъ, назначить ему содержаніе и вознагражденіе по истеченіи года, когда будутъ видны результаты его дѣйствій; и, предвидя возможность доставить Обществу, сравнительно, значительныя выгоды, онъ предлагалъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ предпріятія, представить свои соображенія принять на себя извѣстныя гарантирующія Общество обязательства, для подтвержденія основательности которыхъ предлагалъ принять отъ него залогъ въ 30.000 руб. сер.

«Сравнивая извѣстныя намъ данныя о г. Панаевѣ и его нестѣсняющія Общество предложенія съ мало извѣстными для насъ данными о г. Жаклинѣ и его стѣснительныя условія, и принимая въ соображеніе, что, при приобрѣтенномъ подполковникомъ Панаевымъ положеніи въ службѣ, онъ не можетъ рисковать своимъ именемъ ни съ какой стороны, и наконецъ, видя твердое его убѣжденіе въ своихъ силахъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе совѣта на слѣдующій вопросъ:—Можно ли найти лучшія гарантіи, и имѣемъ ли мы право, по совѣсти и по возложенной на насъ отвѣтственности, предпочесть связать себя контрактомъ съ лицомъ, конечно, быть можетъ, достойнымъ, но не представляющимъ ни тѣхъ условій, ни тѣхъ гарантій, какъ г. Панаевъ.

«Ко всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ надо прибавить, что

русскій инженеръ, вообще, подвергается дѣйствительной и строгой отвѣтственности и передъ правительствомъ, и необходимо долженъ дорожить своимъ именемъ. А иностранецъ? Связанъ ли онъ въ этомъ отношеніи серьезною отвѣтственностью—примѣръ у насъ передъ глазами: приглашенные нами иностранцы, совершивъ свои обязанности дурно и забравъ отъ насъ значительныя деньги, удаляются въ свою страну и насъ же обвиняютъ въ нераспорядительности и несправедливости.

«Пока мы не будемъ имѣть директора не по названію, а по сущности, до тѣхъ поръ наше дѣло не пойдетъ. Отъ выбора директора зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія, и вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было не обсудить его безпристрастно со всѣхъ сторонъ и не войти, по этому предмету, въ болѣе серьезное разсмотрѣніе. Тогда и сами акціонеры не поспѣютъ на насъ за прежнія наши ошибки, вкравшіяся отъ нашей неопытности.

«Не время утаивать далѣе грустное положеніе нашего дѣла. Остановить справедливо возрастающее къ намъ съ каждымъ днемъ недовѣріе публики можно только безпристрастными и рѣшительными дѣйствіями. А потому я полагаю, что для безошибочнаго выбора директора, необходимо обратиться за совѣтомъ къ извѣстнымъ здѣсь лицамъ главнаго управленія путей сообщенія, и этими только авторитетами руководствоваться въ разрѣшеніи столь важнаго для насъ вопроса».

Вторая записка генералъ-маіора Поливанова была слѣдующаго содержания:

«Опытъ всюду и вездѣ показываетъ, что единственная гарантія успѣха какого бы то ни было предпріятія зависитъ вполне отъ личности главнаго распорядителя. Никакія административныя организаціи и комбинаціи не могутъ имѣть силы оживить предпріятіе, вложить, такъ сказать, въ него душу и тѣмъ обезпечить полный его успѣхъ.

«Въ силу этихъ неоспоримыхъ убѣжденій, я взглянулъ на вопросъ выбора директора Саратовской желѣзной дороги, какъ на вопросъ самый важнѣйшій, отъ котораго, въ моихъ понятіяхъ, зависитъ осуществленіе дороги, въ тѣхъ условіяхъ, которыя налагаются на общество высочайше утвержденнымъ уставомъ, принимавшимся акціонерами въ соображеніе при подпискѣ. Замедленіе осуществленія дороги на 10 или 15 лѣтъ равносильно паденію общества.

«Въ особомъ мнѣніи, поданномъ мною въ совѣтъ, я изложилъ отчасти тѣ соображенія, которыя побуждали меня остановиться на подполковникѣ Панаевѣ, какъ представляющемъ всевозможныя данныя и гарантіи для полнаго удовлетворенія тому, что нужно, для директора большаго государственнаго и народнаго предпріятія желѣзной дороги въ Россіи. Но независимо отъ этихъ соображеній, я руководствовался дру-

гими, весьма важными, которыя я не могъ изложить въ особомъ мнѣніи, и которыя заставляли меня настоятельно желать въ директоры личность русскую и самостоятельную.

«Если я буду умалчивать далѣе объ этихъ соображеніяхъ, то я приму на себя строгую отвѣтственность, какъ передъ правительствомъ и вашимъ высокопревосходительствомъ, такъ и передъ обществомъ, ибо соображенія мои составляютъ мое твердое убѣжденіе. Документальныхъ доказательствъ въ такомъ предметѣ, который я буду излагать, не можетъ и быть, но мои убѣжденія основываются на внимательныхъ и постоянныхъ наблюденіяхъ за ходомъ дѣла Саратовской желѣзной дороги со времени образованія общества, и на множествѣ мелочныхъ и серьезныхъ фактовъ, которыхъ нѣтъ никакой возможности передать, но которые вмѣстѣ даютъ вѣрную картину направленія дѣла.

«Вотъ результатъ моихъ наблюденій.

«На Саратовской дорогѣ нѣтъ въ сущности ни совѣта, ни управленія, а существуетъ диктатура Марка. Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ, когда личность диктатора заключаетъ всѣ нужныя условія, когда есть опытность и знаніе дѣла, и когда при этомъ личность эта руководится не личными интересами, а полною преданностью прямому успѣху дѣла, тогда характеръ диктаторства въ предпріятіи не только не можетъ быть вреденъ, но будетъ чрезвычайно полезенъ. Но на Саратовской дорогѣ я не вижу не одного изъ тѣхъ условій, которыя бы внушали хотя малѣйшее довѣріе къ личности, направляющей всѣмъ предпріятіемъ по своему произволу. Напротивъ, къ сожалѣнію, я ясно вижу и неискusstvenное и темное и, главное, недобрительное, если не сказать хуже, веденіе дѣлъ.

«Маркъ, имѣя въ своихъ рукахъ 20.000 акцій, которыя, въ сущности, могъ взять на себя всякій коммерческій человекъ, ибо за этотъ капиталъ платятся учредителями 7½ процентовъ—имѣлъ возможность своимъ вліяніемъ управлять выборами въ члены совѣта, а за тѣмъ и назначеніемъ членовъ правленія. Два введенные Маркомъ члена правленія суть лица совершенно до того чуждыя предпріятію, и главное—не акціонеры. Необходимое для выбора число акцій дано этимъ членамъ Маркомъ. Слѣдовательно, эти два члена не суть лица независимыя и самостоятельныя; они, получая 6.000 руб. сер. въ годъ, обязаны этимъ Марку и потому во всемъ должны будутъ соглашаться съ нимъ. Одинъ де-Брауеръ представлялъ затрудненіе для Марка, и вотъ онъ, не позволительной интригой, успѣлъ, внезапнымъ, неожиданнымъ образомъ, въ три минуты, безъ всякихъ обсужденій, вырвать у совѣта согласіе на замѣненіе де-Брауера Жаклиномъ,—личностью весьма темною. По дошедшимъ до меня въ послѣднее время положительнымъ слухамъ, Жаклинъ не могъ оставаться въ Главномъ обществѣ, и если вѣ-

рить всему, то по причинамъ, о которыхъ считаю лучшимъ умолчать. При такихъ обстоятельствахъ Жаклинъ спасенъ Маркомъ и, слѣдовательно, дѣлается тоже лицомъ не самостоятельнымъ, но рабски преданнымъ Марку,—чего и нужно было послѣднему.

«Главный планъ Марка—есть стремленіе способствовать видамъ Главнаго общества, дабы, по системѣ взаимнаго одолженія, приобрести чрезъ Главное общество возможность расширить свои банкирскія операціи и интересы.

«Чтобъ сдѣлать Главному обществу угодное, ему надо направить дѣло такъ, чтобъ, по окончаніи постройки участка Саратовской дороги до Коломны, Общество Саратовской дороги не могло рассчитывать на реализацію новаго капитала для продолженія дороги. Это самосознанное безсиліе будетъ официальнымъ ударомъ для кредита Саратовской дороги и торжествомъ Главнаго общества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ рукахъ Главнаго общества, во-первыхъ, является сильное оружіе для оправданія своихъ неудачъ и, во-вторыхъ, подобное обстоятельство открываетъ ему путь къ осуществленію прежняго своего плана, на которомъ оно потерпѣло пораженіе. Чтобъ не манкируя достигнуть такого положенія дѣлъ, Марку нужно искать въ директоры такое лицо, которое бы никакъ не могло возбудить довѣріе къ публикѣ, и повести дѣло въ глазахъ ея такъ, чтобы дать надежду на успѣшное осуществленіе дороги до Саратова. Независимо отъ этого, для достиженія тѣхъ же цѣлей, Марку нѣтъ нужды, чтобъ директоръ былъ—директоръ для дѣла, ему нужно въ директоры лицо, лично ему обязанное и преданное. Въ такомъ же родѣ должна быть и вся обстановка. Чего онъ также достигъ.

«Итакъ Маркъ достигъ той обстановки дѣла, какая ему нужна, и нѣтъ никого, кто бы могъ думать, что, при настоящей обстановкѣ дѣла, не смотря на выгоды, представляемыя Саратовской дорогою, публика дала бы хотя копѣйку на продолженіе дороги до Саратова. Но вышеизложенное обстоятельство влечетъ за собою новое зло, которое и не могло быть въ видахъ Марка, но которое есть необходимое слѣдствіе дѣлъ, несущихъ въ себѣ характеръ интриги.

«Если бы даже Маркъ и не сообщалъ всѣмъ преданнымъ ему лицамъ своихъ заднихъ плановъ, то лица эти должны ихъ угадать и дѣйствовать скрытно въ его духѣ. Таковыми своими отношеніями лица, отъ которыхъ на самомъ дѣлѣ должны зависѣть интересы общества, легко могутъ воспользоваться и воспользоваться въ пользу своихъ личныхъ интересовъ и во вредъ интересамъ общества. Не ускользнуло отъ меня и это обстоятельство, и я вижу уже зародышъ образованія конклава съ предосудительнымъ направленіемъ. Еслибъ Маркъ и замѣтилъ это направленіе—онъ обрекаетъ на молчаніе.

«Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Все видѣть и молчать—значить принять на себя отвѣтственность и нареканіе. Разглашать же характеръ положенія нашихъ дѣлъ,—мнѣ кажется, до поры до время, неприлично и неблагоразумно. Пока капиталы не истрачены, есть еще время предупредить зло, а потому я прежде всего рѣшился обратиться къ вашему высокопревосходительству, ибо Саратовская дорога есть дѣло государственное».

Между тѣмъ, поощряемый нѣсколько разъ словами Чевкина, чтобы я не стѣснялся ничѣмъ, когда нахожу нужнымъ сообщить ему о серьезномъ дѣлѣ и высказывать все откровенно,—я написалъ записку о ходѣ дѣла по Саратовской дорогѣ, въ которой предупреждалъ его о многомъ, не взирая на то, что эта моя записка имѣла видъ какъ бы поученія.

Въ то же время одинъ мой хорошій знакомый, который взялъ большое дѣло на Саратовской дорогѣ, держалъ меня въ курсѣ событій, совершавшихся въ ея управленіи, какъ человѣкъ заинтересованный. И вотъ онъ написалъ мнѣ, что директоромъ назначенъ совѣтомъ французъ Жаклинъ, и что всѣ обращавшіеся къ Чевкину касательно избранія меня въ директоры получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Берите, кого хотите, исключая Панаева. Этого офицера я дать не могу, и не просите его, онъ мнѣ нуженъ.

Тогда я задумался о своемъ будущемъ и сталъ подводить итоги моихъ трудовъ у Чевкина. Оказывалось, что я былъ обреченъ на безконечную борьбу съ разными крупными личностями путейскаго вѣдомства и обнаруживанію умысленныхъ или неумысленныхъ ихъ ошибокъ и промаховъ, и это создало мнѣ множество враговъ. Обдумавъ все это, я рѣшился, не смотря на исключительное довѣріе, оказываемое мнѣ Чевкинымъ, подать въ отставку, при чемъ написалъ ему длинное письмо.

Когда я пришелъ къ Чевкину, то онъ при разговорѣ какъ будто прослезился.

— Послушайте, Панаевъ,—сказалъ онъ,—я не разъ показалъ вамъ, что вы пользуетесь такимъ моимъ довѣріемъ, какъ никто, и всякій можетъ позавидовать этому. Что же касается до матеріальной обстановки, то я, сверхъ занимаемыхъ вами обязанностей, прикомандирую васъ къ департаменту и все получаемое вами отъ казны будетъ удвоено по высочайшему повелѣнію.

— Да, вотъ, что я еще вамъ скажу,—онъ усмѣхнулся.—Вѣдь я могу не выпустить васъ теперь. Вѣдь по закону, находившійся, какъ вы, почти два года за границей на казенный счетъ, обязанъ прослужить извѣстное время.

Понятно, что такое обращеніе Чевкина побудило меня взять отставку назадъ. Да и мнѣ тяжело было разстаться съ этимъ умнѣвшимъ, добрый-

шимъ, высокообразованнымъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ-министромъ, имѣвшимъ преобладающее вліяніе на всѣ государственные вопросы.

Доскажу теперь исторію постройки Саратовской дороги.

Иностранецъ Жаклинъ провелъ линію такъ неудачно, что весною размыло насыпь на огромное пространство. Назначена была Чевкинѣмъ коммисіа для обсужденія вопроса. Эта коммисіа пришла къ убѣжденію—перемѣнить направленіе дороги на значительномъ протяженіи, не смотря на увеличеніе расхода,—чуть ли не на миллионъ. Жаклинъ былъ удаленъ, и Общество осталось безъ директора. Но подрядчики-инженеры: Садовскій и фонъ-Меккъ, окончили постройку до Коломны благополучно, споспѣшествуемые секретаремъ совѣта фонъ-Дервизомъ, замѣстившимъ директора, не будучи инженеромъ.

Банкиръ Маркъ оказался несостоятельнымъ. Онъ не только не внесъ денегъ за 20.000 акцій, но рѣшительно ничего.

Капиталъ, собранный для Саратовской дороги, былъ израсходованъ на постройку до Коломны, и дальнѣйшая постройка прекратилась. Уставъ Саратовскаго общества былъ уничтоженъ и замѣненъ уставомъ дороги отъ Москвы до Коломны.

Такъ какъ въ это же время обнаружилась несостоятельность Главнаго общества, которое, вмѣсто гарантированныхъ 62.500 руб. на версту, израсходовало 120.000 руб. на версту, а Саратовская дорога 100.000 на версту,—то Чевкинъ пришелъ къ убѣжденію, что денегъ за границей давать на желѣзныя дороги въ настоящее время не будутъ.

Но бывшій секретарь совѣта Саратовской дороги, изучивъ степень движенія грузовъ къ Москвѣ и, видя тѣ особенныя выгоды, которыя можетъ дать дорога при ея продолженіи за Коломну, явился въ Петербургъ къ Чевкину съ предложеніемъ продолжать дорогу хотя бы, сначала, до Рязани.

Чевкинъ, сочувствуя этому предложенію, отвѣтилъ, что денегъ достать теперь подѣ желѣзныя дороги нельзя. Тогда Дервизъ сказалъ, что это его дѣло, надо только, чтобы онъ могъ быть гарантированъ промесомъ отъ правительства. Тогда Чевкинъ, послѣ разныхъ колебаній, рѣшился выдать просимый Дервизомъ промессъ.

Между тѣмъ Дервизъ заключилъ съ инженеръ-подрядчикомъ Меккомъ оптовый подрядъ на постройку дороги за 62.000 руб. съ версты, съ подвижнымъ составомъ, мостами, станціями и всѣми вполнѣ принадлежностями дороги.

Меккъ построилъ уже дорогу до Коломны и оказался въ этомъ подрядѣ исправнымъ, слѣдовательно, представляющимъ гарантію.

Дервизъ, заручившись промесомъ и контрактомъ съ Меккомъ, отправился немедленно въ Берлинъ. Недѣли черезъ двѣ онъ возвратился и доставилъ Чевкину подписку банкировъ, что они принимаютъ на себя

реализацію капитала. Конечно, они приняли это дѣло въ свои руки, имѣя въ виду оптовый опредѣленный контрактъ, заключенный съ Меккомъ, заявившимъ свою исправность, какъ подрядчика.

Чевкинъ былъ въ особенномъ восторгѣ отъ операціи, сдѣланной Дervизомъ.

Послѣ этого, въ скоромъ времени образовалось уже общество Московско-Рязанской дороги, и уставъ Московско-Коломенской былъ уничтоженъ.

При постройкѣ Московско-Рязанской дороги, Дervизъ былъ уже директоромъ. Когда эта дорога была построена, Дervизъ получилъ на свое уже имя концессию на продолженіе дороги отъ Рязани до Козлова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXI ¹⁾.

Мнѣніе Панаева о возможности уменьшить стоимость версты желѣзно-дорожнаго пути. -- Несостоятельность Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ и Московско-Саратовской дороги. -- Попытка правительства строить дороги собственными средствами и силами. -- Постройка Грушевской дороги на Дону. -- Полномочія, данныя Панаеву. -- Прибытіе его въ Новочеркасскъ. -- Знакомство съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. -- Дѣятельное участіе атамана Хомутова въ постройкѣ дороги. -- Возненіе рабочихъ.

Въ 1860 году, среди безпрерывныхъ порученій, даваемыхъ мнѣ Чевкинѣмъ, разныхъ записокъ, ему подаваемыхъ и разныхъ назначаемыхъ имъ комиссій, гдѣ онъ предлагалъ проводить ту или другую идею, — я нашелъ однако время, — больше по ночамъ, — написать рядъ статей по разнымъ вопросамъ, до желѣзныхъ дорогъ относящимся. Между прочимъ, я высказалъ рѣшительное мнѣніе, что нѣтъ въ Европейской Россіи такого направленія дороги, которое могло бы, при постройкѣ, обходиться дороже 50.000 р. съ версты.

Чевкинъ немедленно призвалъ меня къ себѣ.

— Какъ вы можете, — сказалъ онъ, — заявлять категорически подобную несообразность. Развѣ вы не знаете, что Николаевская дорога обошлась почти въ 150.000 р. съ версты, Варшавская — въ 120.000 р., Саратовская, концессія на которую дана въ 62.000 р., обнаружила,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

что она на протяженіи только до Коломны обойдется 190.000 р. На какихъ же данныхъ вы можете основывать заявленную вами цифру?

— Я основываюсь на впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ опыта, при постройкѣ Николаевской дороги, изъ обширныхъ изысканій и объѣздовъ по Европейской Россіи.

— Такъ это ваше убѣжденіе?

— Да!—это мое твердое убѣжденіе.

— Хорошо!—я Чевкинъ слегка улыбнулся,—вы должны будете доказать мнѣ это на опытѣ.

Я поклонился и вышелъ.

Къ этому же времени относится составленіе мною обширной статьи, по экономическому вопросу, изложенной строго-научнымъ методомъ, подъ заглавіемъ: «Бумажныя деньги—товаръ». Тогда воѣ финансисты, съ Ламанскимъ во главѣ, мнили поднять курсъ до «al-raгі»; для чего была высочайше утверждена продажа Николаевской дороги. Я возсталъ противъ этой мѣры; въ концѣ-концовъ, продажа, какъ мы видѣли, была отмѣнена. Смыслъ моей статьи клонился къ тому, что мечтать о поднятіи курса немыслимо; что настоящими деньгами надо считать деньги бумажныя, выпускаемыя въ разумныхъ размѣрахъ. Что наши бумажныя деньги есть могучая сила, которая утвердилась въ народномъ воззрѣніи; что онѣ будутъ у насъ мѣриломъ цѣнности. И вотъ черезъ 35 лѣтъ, эта мысль оправдалась на дѣлѣ. Нынѣ приравниваютъ золото и серебро къ нашему бумажному рублю.

Моя статья надѣлала шума, но безъ слѣда въ ученомъ мірѣ. Однако, бывший морской министръ, князь Меншиковъ, обратилъ на нее вниманіе и пожелалъ познакомиться со мною,—о чемъ и передалъ своему адъютанту, брату моему Аркадію.

Послѣ того, я нѣсколько разъ обѣдалъ у князя, и мы бесѣдовали съ нимъ. Это былъ человѣкъ широко-образованный, остраго ума, находчивый и горячо-любившій Россію, хотя былъ, въ сущности, англо-маномъ.

Въ этотъ періодъ, два общества, а именно: Главное Общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ и Общество Московско-Саратовской дороги явились несостоятельными, не смотря на то, что во главѣ Главнаго Общества стояли почти всѣ крупные европейскіе банкиры. Это обстоятельство невольнo привело Чевкина къ мысли о постройкѣ на будущее время дорогъ правительствомъ. Разъ эта мысль начала въ немъ вырабатываться, онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ сдѣлать опытъ такой постройки дороги, но на явныхъ основаніяхъ, чѣмъ производились въ то время казенныя работы. Наказный атаманъ Войска Донскаго, генераль-адъютантъ Хомутовъ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи постройки желѣзной дороги отъ Грушевскихъ каменноуголь-

ныхъ копей къ р. Дону на счетъ войсковыхъ суммъ, имъ скопленныхъ. Чевкинъ пожелалъ поручить эту работу мнѣ.

Онъ призвалъ меня и сказалъ:

— Вы помните, что я вамъ сказалъ:—докажите на опытѣ заявленную вами цифру. Получено представленіе отъ наказнаго атамана Хомутова о разрѣшеніи постройки, на счетъ суммъ Войска Донскаго, желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ Дону, т. е. отъ того пункта, который былъ выбранъ вами, при изысканіяхъ, какъ основной пунктъ для развитія каменно-угольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ. Я уведомилъ уже военнаго министра, что назначаю васъ, и придалъ вамъ званіе строителя этой предполагаемой дороги. Я имѣлъ въ виду дать вамъ другое назначеніе, для чего и посылалъ васъ за гравицу, но, въ виду вашего категорическаго заявленія о возможности не переходить предѣла 50.000 р. за версту, я измѣнилъ это намѣреніе и пользуюсь представившимся случаемъ.

— Благодарю васъ за довѣріе,—отвѣчалъ я,—но, вѣроятно, вы помните, ваше превосходительство, мою записку о необходимости измѣнить существующіе порядки производства работъ. Если эти порядки будутъ удержаны, то я категорически отказываюсь отъ возлагаемаго на меня порученія, такъ какъ при этихъ порядкахъ я не могу доказать ожидаемыхъ вами отъ меня результатовъ. Я долженъ буду подать записку вамъ по этому случаю.

— Хорошо, но такъ какъ я извѣстилъ уже военнаго министра о вашемъ назначеніи, то, одновременно, подайте записку и ему, и я съ своей стороны помогу этому дѣлу.

Подавъ записку Чевкину и военному министру, я подалъ такую же и Мельникову. Надо сказать, что Мельниковъ интересовался устройствомъ предполагаемой дороги; онъ собственно посоветовалъ Хомутову войти съ представленіемъ объ устройствѣ дороги отъ Грушевскихъ копей къ Дону, потому что рассчитывалъ на то, что Грушевскій рудникъ будетъ доставлять каменный уголь на Волгу и дать грузъ Волго-Донской дорогѣ, которая строилась отъ Царицына до Калача на Дону, по его инициативѣ.

Когда Мельниковъ прочелъ мою записку, онъ сказалъ:

— Значитъ, вы отказываетесь и не желаете исполнять даннаго вамъ порученія. Ваше предложеніе, изложенное въ запискѣ, не мыслимо и потому не можетъ быть выполнено, для этого надо измѣнить закономъ установленные порядки.

— При существующихъ порядкахъ я не могу взяться за исполненіе порученія, и если они не будутъ измѣнены, то я и откажусь.

— Напрасно, въ настоящую минуту, когда исполненіе дорогъ скомпрометтировано неудачей Главнаго Общества и Общества Саратовской

дороги, вы являетесь единственнымъ представителемъ этого дѣла. Порученіе, даваемое вамъ отъ правительства, чрезвычайъ лестно.

— Припомните,—отвѣтилъ я,—ваши негодованія, которыя вы выражали намъ, неоднократно во время посѣщеній вашихъ, когда строилась Николаевская дорога. Сколько разъ вы возмущались существующими порядками, при которыхъ вы были безсильны парализовать злоупотребленія.

— Да-съ,—это правда-съ, но съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Въ моей запискѣ высказана мысль о необходимости дать исполнителю самостоятельность, хотя бы при самомъ строгомъ контролѣ фактовъ, но не распоряженій, иначе учрежденіе не съ личною, а коллективною отвѣтственностью будетъ парализовать всѣ дѣйствія, что вы испытывали сами.

— Да-съ, это такъ,—съ усмѣшкой сказалъ Мельниковъ.

Когда я подаль мою записку военному министру Сухожанету, онъ передалъ ее при мнѣ же директору канцеляріи генераль-лейтенанту Лихачеву. Этотъ, какъ оказалось, былъ человекъ умный, очень образованный и энергичный. Прочитавъ мою записку, Лихачевъ сказалъ, что онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе о необходимости предоставить въ живомъ дѣлѣ самостоятельность исполнителю.

— Я прикажу написать докладъ,—сказалъ Лихачевъ;—но передайте Павлу Петровичу Мельникову, что я просилъ бы его пріѣхать ко мнѣ выѣстѣ съ вами въ четвергъ, въ то время докладъ будетъ готовъ, а я хочу спросить его совѣта.

Въ назначенный день мы пріѣхали къ Лихачеву. Онъ сталъ намъ читать я, когда дошелъ до изложенія правъ и обязанностей строителя, вдругъ остановился и сказалъ:

— Въ докладѣ не то написано, что я приказалъ: извините меня, Павелъ Петровичъ, что я напрасно васъ побеспокоилъ.

Дѣйствительно, въ докладѣ былъ исковерканъ весь смыслъ моей записки.

Раздраженный напраснымъ вызовомъ Мельникова, Лихачевъ тотчасъ позвонилъ и велѣлъ позвать къ себѣ начальника отдѣленія Мордвинова.

— Я поручилъ вамъ,—сказалъ онъ,—составить докладъ сообразно переданной вамъ записки, а не писать ваши собственные фантазіи. Если вы не сумѣли сдѣлать этого, то прошу васъ внести въ докладъ въ точности записку г. Панаева.

Затѣмъ Лихачевъ просилъ Мельникова пріѣхать черезъ три дня. Въ назначенный день мы собрались. Проектъ доклада, составленный на основаніи моей записки, былъ прочитанъ и черезъ нѣсколько дней получилъ высочайшее утвержденіе.

«Каменноугольная формація земли Войска Донскаго, сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ военнаго министра отъ 16-го мая 1860 г., занимающая площадь до 12-ти тысячъ квадратныхъ верстъ, изобилуетъ антрацитомъ высскаго достоинства. Находясь близъ Дона и Азовскаго моря, она представляетъ неотъемлемое преимущество передъ всѣми другими мѣсторожденіями каменнаго угля въ Южной Россіи. Успѣшная разработка этого угля становится необходимою, въ особенности въ настоящее время, когда промышленная дѣятельность, возбужденная въ послѣдніе годы частными предпріятіями и поддержанная правительствомъ, сильно развивается на югѣ и юго-востокѣ Россіи и требуетъ для своего существованія огромнаго количества минеральнаго топлива.

«Д) 1858 года ежегодная добыча антрацита изъ Грушевскихъ копей, признаваемыхъ лучшими въ землѣ Войска Донскаго, простиралась отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 милліоновъ пудовъ, но постепенно возникавшія торговыя предпріятія значительно увеличили требованіе на него.

«Не касаясь новыхъ предпріятій, требующихъ пароваго двигателя, осуществленіе коихъ должно совершиться въ скоромъ будущемъ, и для дѣйствія которыхъ понадобится антрацитъ, потребность его въ настоящее время для удовлетворенія выяснившихся и созрѣвшихъ уже предпріятій, простирается до 9 милліоновъ пудовъ.

«Такая возрастающая потребность въ антрацитѣ возбудила предпримчивость углепромышленниковъ. Съ сентября 1858 по 1-е января 1860 г. разобрано уже на новомъ отводѣ при рѣкѣ Грушевкѣ 472 участка, составляющіе площадь въ $5\frac{1}{4}$ квадр. верстъ, которая по приблизительному, и скорѣе уменьшенному, чѣмъ увеличенному, исчисленію должна содержать въ себѣ до 525 милліоновъ пудовъ антрацита. Изъ заложенныхъ на этой площади 150 шахтъ 31 доведены уже съ успѣхомъ до угольнаго пласта и дали по 1-е января настоящаго года болѣе 1.200.000 пудовъ антрацита. Владѣльцы участковъ приступаютъ одинъ за другимъ къ открытію новыхъ шахтъ; работы вездѣ идутъ дѣятельно, и если предположить, что въ нынѣшнемъ году изъ 150 заложенныхъ шахтъ только половина дойдетъ до угольныхъ пластовъ, то по исчисленію, основанному на опытѣ прежнихъ лѣтъ, въ 1861 году будетъ выработано около 15 милліоновъ пудовъ антрацита.

«Такимъ образомъ успѣшное развитіе работы на Грушевскихъ кояхъ не представляетъ сомнѣнія въ возможности обезпечить въ непродолжительномъ времени, какъ предъявленные уже, такъ и могущія открыться впредь требованія на минеральное топливо. Но для удовлетворенія такихъ требованій нельзя останавливаться только на одной возможности добывать извѣстное количество угля; необходимъ еще вѣрный, скорый и дешевый способъ доставки его къ мѣстамъ потребления, то-есть нужно именно то, что въ настоящее время составляетъ главное и непреодо-

лимое препятствіе къ сбыту Грушевокаго антрацита соотвѣтственно потребности въ немъ и размѣрамъ работъ, предпринятыхъ къ его добыванію.

«Нынѣ Грушевскій антрацитъ отправляется въ Азовскіе и Черноморскіе порты сплавомъ по Дону изъ Ростова, Нахичевани и Мелеховской станицы Войска Донскаго.

«Отъ Грушевскихъ копей до Ростова и Нахичевани около 70-ти, а до Мелеховской станицы около 37-ти верстъ.

«Собственно извознаго промысла на Дону, по малонаселенности края, не имѣется, а имъ занимаются, въ свободное время отъ полевыхъ работъ, какъ мѣстные жители, такъ и прибывающіе изъ ближайшихъ къ Дону уѣздовъ, употребляя для этого обыкновенныя свои воловыя фуры,— и то, впрочемъ, только до наступленія покоса. Въ половинѣ іюня фурщики покидаютъ занятіе извозомъ, обращаются къ полевымъ работамъ и возвращаются къ перевозкѣ угля въ октябрѣ, не болѣе какъ на двѣ— три недѣли, и только въ такомъ случаѣ, если сухая погода поддерживаетъ хорошее состояніе дорогъ. Зимой же перевозки вовсе нѣтъ, во-первыхъ, по всегдашнему почти бездорожью; а во-вторыхъ, потому, что для передвиженія тяжестей, въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ по дорогамъ поселеній, необходимъ подножный кормъ. Итакъ наибольшее время перевозки антрацита отъ шахтъ къ Донскимъ пристанямъ продолжается въ сложности отъ двухъ и не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Цѣна за перевозку антрацита отъ копей къ пристанямъ, два года назадъ, не превышала трехъ копѣекъ съ пуда въ Ростовъ и Нахичевань и отъ $1\frac{5}{7}$ до 2 копѣекъ въ Мелеховскую станицу; теперь первая превзошла шесть копѣекъ, а послѣдняя доходитъ до 4-хъ копѣекъ съ пуда. Такое возвышеніе платы за перевозку, кромѣ повсемѣстной въ Россіи дороговизны, объясняется увеличившеюся потребностію въ антрацитѣ, а слѣдовательно и въ средствахъ перевозки его къ пристанямъ, и крайнимъ въ нихъ недостаткомъ. При самой благопріятной перевозкѣ, отстраняя дороговизну оной, фурами можетъ быть перевезено до 5 милліоновъ пудовъ; болѣе этого нѣтъ никакой возможности перевезти, ибо потребное количество воловъ и на 5 милліоновъ пудовъ едва могутъ продовольствоваться подножнымъ кормомъ и водопоемъ, слѣдовательно, при нынѣшнихъ перевозочныхъ средствахъ, все, чтò потребуется свыше 5 милліоновъ, не возможно доставить отъ шахтъ къ пристанямъ. Между тѣмъ теперь уже потребность антрацита доходитъ до 9 милліоновъ пудовъ, будущность же потребуетъ десятки милліоновъ. При такихъ условіяхъ, развитіе каменно-угольной промышленности на Дону становится положительно невозможнымъ. Энергическая предприимчивость, съ какой приступлено теперь къ разработкѣ Грушевскихъ копей, поддерживается только убѣжденіемъ, что крайняя необходимость въ антрацитѣ, для же-

лѣзныхъ дорогъ и пароходства, приведетъ къ другой крайней необходимости—устройства искусственнаго пути, для сближенія мѣстъ выработки его съ мѣстами потребленія. Если убѣжденіе это поколеблется, то ослабнетъ энергія, каменно-угольная промышленность на Дону неминуемо упадетъ, и впослѣдствіи потребуются не только большія усилія, но даже пожертвованія, чтобъ поднять ее на ту степень развитія, которая уже настоятельно требуется, и на которую Грушевскія разработки готовы стать въ непродолжительномъ времени.

«Дабы отвратить опасность, угрожающую Донской каменно-угольной промышленности, упрочить ея самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить потребность въ минеральномъ топливѣ для военнаго и коммерческаго флота нашего, для желѣзныхъ дорогъ и вообще для всѣхъ промышленныхъ предпріятій на югѣ Россіи, требующихъ паровой силы, необходимо Донскія каменно-угольныя мѣсторожденія соединить искусственными путями съ мѣстами сбыта и потребленія минеральнаго топлива.

«Въ такихъ видахъ наказный атаманъ Войска Донскаго ходатайствуетъ о разрѣшеніи устроить желѣзную дорогу отъ Грушевскихъ копей къ рѣкѣ Дону на протяженіи до 40 верстъ.

«Издержка на сооруженіе этой желѣзной дороги, хотя не можетъ быть съ точностію опредѣлена до подробнаго изслѣдованія проектов и смѣтъ, но, по мнѣнію генералъ-адъютанта Хомутова, она будетъ значительно менѣе употребляемыхъ на устройство другихъ дорогъ, потому что нѣтъ надобности ни въ приобрѣтеніи земель подъ дорогу, такъ какъ она будетъ пролегать по землямъ, принадлежащимъ станицамъ, ни въ устройствѣ промежуточныхъ станцій, ни въ особыхъ дорогахъ стоящихъ приспособленіяхъ для быстрыхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Камень, необходимый на постройку дороги, найдется въ изобиліи на самомъ мѣстѣ работы, а лѣсъ, желѣзо и другіе матеріалы могутъ быть удобно доставлены сплавомъ по Дону; при открытіи же движенія по дорогѣ, издержка на топливо будетъ самая ничтожная, такъ какъ для этого можетъ быть употребляемъ мелкій уголь, неспособный къ дальнѣйшей перевозкѣ и потому имѣющій около шахтъ самую ничтожную цѣну.

«Если предполагать, что постройка желѣзной дороги на протяженіи 40 верстъ, съ устройствомъ обширной пристани на рѣкѣ Донѣ, обойдется около 2 милліоновъ рублей, то при перевозкѣ по ней только 8 милліоновъ пудовъ угля въ годъ, съ платою по 2½ коп. съ пуда, валовой доходъ, не считая даже обратнаго отъ Донской пристани къ копеймъ груза, будетъ составлять 200 тыс. руб., за отчисленіемъ же примѣрно 40 тыс. руб. на ремонтъ и содержаніе дороги, чистаго дохода будетъ оставаться до 160 тысячъ руб., что составитъ до 8% на затраченный капиталъ. Соображаясь съ этимъ, генералъ-адъютантъ Хомутовъ при-

знать полезнымъ и въ финансовомъ отношеніи употребить сумму необходимую на постройку дороги изъ войсковыхъ капиталовъ, которые, находясь въ кредитныхъ установленіяхъ, не приносятъ въ настоящее время болѣе 2% дохода.

«Принадлежащихъ Войску Донскому капиталовъ: общаго войскового, строительнаго, военнаго и приказа Общественнаго Призрѣнія въ настоящее время состоятъ:

На лицо	165.111 р. 94 $\frac{1}{4}$ к.
Въ кредитныхъ установленіяхъ съ процентами	4.200.555 „ 58 $\frac{3}{4}$ „
Въ оборотахъ и долгахъ	557.930 . 2 .
Итого	4.923.597 р. 55 к.

«При такомъ блестящемъ положеніи войсковыхъ капиталовъ, хотя безъ всякаго ущерба для войскового хозяйства, можетъ быть отдѣлено на устройство желѣзной дороги съ пристанью 2 мил. руб., но еслибы почему-нибудь оказалось невозможнымъ отдѣлить такую сумму, то на половину и даже на двѣ-трети оной, по свидѣтельству генераль-адъютанта Хомутова, можетъ быть выпущено акцій, которыя легко разберутся донскими же капиталистами.

«Вполнѣ раздѣляя мнѣніе наказнаго атамана Войска Донскаго о необходимости устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ, я препровождалъ соображеніе его по сему предмету на заключеніе главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, съ просьбою о назначеніи строителемъ дороги опытнаго инженера путей сообщенія.

«Генераль-адъютантъ Чевкинъ, признавая несомнѣнную пользу дороги для всего края и въ особенности для самыхъ каменноугольныхъ копей, назначалъ строителемъ оной инженеръ-подполковника Панаева, котораго уже и передалъ въ мое распоряженіе.

«Имѣя въ виду, что замедленіе въ построеніи желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону отзовется невыгодно не только на Донскомъ каменноугольномъ промыслѣ, но и на всѣхъ предпріятіяхъ Южной Россіи, требующихъ паровой силы, я полагалъ бы немедленно командировать подполковника Панаева въ землю Войска Донскаго для предварительныхъ изысканій къ опредѣленію наивыгоднѣйшей линіи желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону, а также для составленія проектов и смѣтъ на устройство какъ этой дороги, такъ и пристани на р. Донѣ, назначивъ ему въ помощь, смотря по надобности, 2-хъ или 3-хъ инженерныхъ офицеровъ, по его избранію, съ согласія генераль-адъютанта Чевкина, и вмѣнивъ подполковнику Панаеву въ обязанность приступить безотлагательно къ исполненію возлагаемаго на

него порученія, а по окончательномъ составленіи предположеній своихъ, доставить оныя со всѣми проектами и смѣтами, коими опредѣлится издержка потребная на исполненіе сказаннаго предпріятія къ наказному атаману, которому предложить представить оныя въ военное министерство для поднесенія на высочайшее утвержденіе, съ соображеніемъ, на какіе источники должна быть отнесена издержка на сооруженіе желѣзной дороги съ пристанью и въ какомъ порядкѣ должны быть ассигнуемы суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ для устраненія сложной переписки, замедляющей ходъ работъ и обыкновенно возникающей по недостатку самостоятельности въ распорядителяхъ, поручить наказному атаману Войска Донскаго образовать особый Комитетъ для построенія Грушевско-Донской желѣзной дороги и составить о немъ положеніе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Образовать Комитетъ подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана изъ начальника штаба, члена со стороны военнаго министерства, одного или двухъ членовъ отъ Войска Донскаго и инженеръ-строителя, и предоставить ему право разрѣшать всѣ представленія строителя желѣзной дороги въ предѣлахъ смѣты и нетребующія существеннаго измѣненія утвержденныхъ проектовъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшенія установленнымъ порядкомъ чрезъ военнаго министра или военный совѣтъ.

2) Если Комитетъ не одобритъ представленія строителя по техническимъ или хозяйственнымъ распоряженіямъ, то можетъ: или предоставить привести ихъ въ исполненіе строителю, возложивъ на него полную отвѣтственность за послѣдствія, или сдѣлать немедленно распоряженіе о приведеніи въ дѣйствіе своихъ собственныхъ предположеній, съ принятіемъ за тѣмъ на себя всей отвѣтственности и освобожденіемъ отъ нея строителя.

3) При утвержденіи цѣнъ по представленію строителя и подпискамъ поставщиковъ предоставить Комитету принимать въ основаніе не справочныя цѣны, большею частію невѣрныя, а дѣйствительно существующія. Въ экстренныхъ же случаяхъ, не допускающихъ отлагательства, предоставить строителю право утверждать цѣны на сумму не свыше 5.000 руб. по каждому отдѣльному случаю, обязавъ его о такихъ случаяхъ доносить немедленно Комитету съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ утвердить эти цѣны.

4) Для утвержденія представленныхъ строителемъ цѣнъ и подписокъ поставщиковъ назначается 2-хъ недѣльный срокъ, по прошествіи котораго считать цѣны утвержденными, если отъ Комитета не послѣдуетъ никакого разрѣшенія.

5) Въ случаѣ несогласія большинства членовъ утвердить представленные строителемъ или объявленные промышленниками въ подпискахъ

цѣны, Комитетъ обязанъ въ теченіе 2-хъ недѣльнаго срока сдѣлать распоряженіе по тѣмъ предметамъ, на которые не согласился утвердить цѣны.

6) Для избѣжанія бесполезной переписки и для устранинiя излишнихъ формальностей, усложняющихъ только дѣлопроизводство, опредѣлить при составленіи положенія, какого рода распоряженія, какъ по технической, такъ и хозяйственной частямъ предоставляется строителю приводить въ исполненіе, не испрашивая разрѣшенія Комитета, а только донося объ ихъ разрѣшеніи, и тѣ распоряженія, которыя до приведенія въ исполненіе должны быть предоставляемы на обсужденіе Комитета.

7) Такъ какъ за исключеніемъ инженера-строителя въ постоянный составъ Комитета назначаются лица, не имѣющія техническихъ свѣдѣній въ строительномъ искусствѣ, то по утвержденіи смѣтъ и проектовъ Грушевской желѣзной дороги, инициативу техническихъ и хозяйственныхъ распоряженій по работамъ ея, равно какъ и организацію управленія возложить на строителя, съ полною отвѣтственностію за общій результатъ операціи. Такимъ образомъ ему предоставить: а) выборъ всѣхъ лицъ для производства операцій; б) опредѣленіе имъ соотвѣтственнаго содержанія въ предѣлахъ, назначенныхъ Комитетомъ (исключая лицъ, назначенныхъ отъ правительства, еслибы таковыя были); в) устройство внутренней администраціи по работамъ желѣзной дороги и представленіе наивыгоднѣйшихъ способовъ ихъ производства, заказовъ и поставокъ.

8) Обязать строителя доставлять, по требованію Комитета, всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для обсужденія распоряженій по работамъ желѣзной дороги, въ хозяйственномъ и техническомъ отношеніяхъ. Затѣмъ, по мѣрѣ окончанія работъ, представлять по каждой статьѣ полную и ясную отчетность, сообразную съ существомъ дѣла и характеромъ работъ.

9) При составленіи правилъ отчетности не считать обязательнымъ Комитету принять въ руководство правила, установленныя по этому предмету для казенныхъ работъ, а сообразоваться съ правилами и упрощенными формами, принятыми въ хорошо организованныхъ коммерческихъ операціяхъ.

10) Въ случаѣ, еслибы при повѣркѣ дѣйствій строителя и производства самыхъ работъ, были открыты какія-либо упущенія, то предоставить Комитету право отмѣнять сдѣланныя строителемъ распоряженія и обращаться къ изысканію другихъ способовъ производства операціи.

«Принимая во вниманіе важность предпріятія, общую дороговизну, отдаленность края и степень принимаемой на себя строителемъ отвѣтственности, влекущей за собою и матеріальный и нравственный трудъ, сознавая при томъ, что только при полномъ обезпеченіи всѣхъ потребностей можно ожидать отъ производителей работъ энергіи и добро-

совѣстнаго исполненія обязанностей, столь необходимыхъ въ настоящемъ дѣлѣ, я бы полагалъ: съ назначеніемъ строителемъ Грушевско-Донской желѣзной дороги и пристани на р. Донѣ подполковника Панаева, котораго генералъ-адъютантъ Чевкинъ рекомендуетъ, какъ одного изъ лучшихъ и надежныхъ инженеровъ путей сообщенія, опредѣлить ему: единовременно на подъемъ 2.000 руб.,—содержанія по 6.000 руб. въ годъ во все время производства работъ, начиная съ прибытія его на мѣсто для изысканій, и потомъ по окончаніи постройки дороги и пристани, выдать въ видѣ награды 10.000 руб. Инженерамъ же, которые будутъ даны въ помощь подполковнику Панаеву, назначить всего содержанія отъ 1.200 до 2.500 руб. въ годъ, смотря по степени ихъ опытности и усмотрѣнію главнаго строителя.

«Повергая на высочайшее вашего императорскаго величества воззрѣніе какъ обстоятельства, вызывающія необходимость устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ, такъ и изложенныя соображенія мои къ осуществленію сего важнаго для благосостоянія края и промышленности предпріятія, имѣю счастье испрашивать, въ случаѣ, если вашему величеству благоугодно будетъ одобрить эти предположенія,—разрѣшить: привести ихъ въ исполненіе, съ отнесеніемъ, на счетъ суммъ Войска Донскаго, всѣхъ расходовъ, предстоящихъ нынѣ при приведеніи въ исполненіе предварительныхъ, по настоящей операціи, распоряженій, и на производство предназначаемаго содержанія лицамъ, опредѣляемымъ къ исполненію работъ».

Императоръ Александръ II написалъ на докладѣ: «Согласенъ и признаю дѣло весьма полезнымъ».

Утвержденіе означеннаго доклада, пробившаго какъ бы китайскую стѣну въ рутинныхъ порядкахъ, возбудило зависть во всемъ нашемъ вѣдомствѣ, въ особенности среди лицъ, занимавшихъ высшія должности. Характеръ этой зависти сохранился и отражался почти все время, пока я оставался на службѣ.

Послѣ утвержденія высочайшаго доклада, я отправился къ Чевкину. Онъ поздравилъ меня и былъ видимо доволенъ результатомъ.

— Помните,—сказалъ онъ,—что я васъ командирую, во отнюдь не отчисляю отъ вѣдомства и отъ себя, слѣдовательно, я буду пользоваться вами всякій разъ, когда мнѣ это понадобится.

Затѣмъ, собравшись уѣзжать, я поѣхалъ откланяться Чевкину, военному министру и Лихачеву.

Чевкинъ далъ мнѣ слѣдующій напутственный совѣтъ:

— Вы явитесь на Дону и будете встрѣчены тамъ медовыми рѣчами. Казачки сущіе медоусты, но медовыми ихъ рѣчами не увлекайтесь и имъ не довѣряйтесь.

Лихачевъ же сказалъ мнѣ:

— На Дону теперь начальникомъ штаба Дондуковъ-Корсаковъ, который и назначенъ членомъ Комитета. Это человекъ молодой и получившій университетское образованіе. Постарайтесь сблизиться съ нимъ, онъ будетъ вамъ помогать. Что же касается до атамана Хомутова, то совѣтую вамъ остерегаться его. Высочайше утвержденнымъ докладомъ вамъ даны такія права, при которыхъ вы можете смѣло бороться съ могущими быть натисками на васъ; слѣдовательно, остальное будетъ зависеть отъ вашего умѣнья.

Еще въ Петербургѣ, до отъѣзда на Донъ, я сообщилъ Чевкину, что предположеніе и соединеніе Грушевскихъ копей со станціею Мелеховской на Дону я нахожу большой несообразностью, вызванной лишь кратчайшимъ направленіемъ, и мысль эта внушена атаману Хомутову, сдѣлавшему представленіе, кажется, генераломъ Мельниковымъ, учредителемъ Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону, что, по предполагаемой дорогѣ, антрацитъ не пойдетъ на Донъ и оттуда на Волгу, что мною въ 1855 и 1856 г. было назначено другое направленіе, о чемъ и помѣщена статья въ журналѣ министерства, а именно: отъ Грушевскихъ копей къ Ростову черезъ Новочеркасскъ и Аксайскую станицу.

— Постарайтесь выяснить этотъ вопросъ, — сказалъ онъ, — по изысканіямъ на мѣстѣ.

На Донъ я отправился со всей семьей, т. е. съ женой и тремя дочерьми. Мы поѣхали на пароходѣ изъ Твери. Я рассчитывалъ доѣхать по Волгѣ до Царицына, а оттуда изъ Калача по Дону до Ростова.

По пріѣздѣ въ Царицынъ въ эту ужасающую по климату мѣстность, одна изъ дочекъ заболѣла сильной гастрической лихорадкой. Когда этой дочери сдѣлалось лучше, то, не ожидая ея полного выздоровленія, я поспѣшилъ поѣхать одинъ, чтобы осмотрѣть изысканія, которыя начали уже производиться около Новочеркасса посланными мною туда офицерами.

Сдѣлавъ надлежащія распоряженія, я вернулся назадъ, взявъ семейство, и отправился въ Новочеркасскъ.

По прибытіи въ Новочеркасскъ я, по совѣту Лихачева, сталъ сблизаться съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Я ожидалъ натиска со стороны атамана, въ томъ, чтобы опредѣлять разныхъ служащихъ на предполагаемую желѣзную дорогу, организацію которой я долженъ былъ устраивать. Прошло недѣли три, и никто ни съ рекомендательными письмами, ни съ словесными просьбами отъ имени атамана не появлялся; а между тѣмъ, непрерывно стали являться съ просьбами отъ князя, и онъ самъ указывалъ извѣстныхъ лицъ.

Вслѣдствіе моего заявленія Чевкину, передъ моимъ отъѣздомъ, я

предпринять произвести изысканія по двумъ направленимъ: на Мелехово и на Аксайскую станицу.

По изысканіямъ обнаружилось, что дорога на Мелехово, не смотря на то, что она на 30 верстъ короче, обойдется въ 3.900.000, а на Аксайскую станицу въ 2.900.000 рублей. Что же касается до коммерческихъ цѣлей и выгодъ соединенія копей съ Ростовомъ, черезъ Новочеркасскъ и Аксайскую станицу, Мелеховское направленіе не выдерживало ни малѣйшей критики.

Хомутовъ не предполагалъ означеннаго результата изысканій и считалъ, что я дѣлаю напрасный расходъ на производство изысканій по двумъ направленимъ. Когда же онъ узналъ результатъ, то онъ душой расположился въ пользу Аксайскаго направленія, которое неминуемо подымало значеніе Новочеркасска и оживляло край, который онъ любилъ, какъ свое дѣлаще. Вопросъ становился серьезнымъ, такъ какъ направленіе на Мелехово было высочайше утверждено. Поэтому я принужденъ былъ составить записку и приложить къ ней всевозможные расчеты, которые заняли чуть не полстопы бумаги.

Когда принесъ все Хомутову, который восчувствовалъ уже громадную разницу въ выборѣ направленія и былъ готовъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ, ради блага края, онъ, однако, задумался.

— Какъ же это будетъ? Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я сдѣлалъ категорическое представленіе о направленіи къ Мелехову, и которое высочайше утверждено, а теперь буду дѣлать представленіе о дорогѣ на Аксай, которая направляется подъ прямымъ угломъ и совершенно въ другую сторону.

— Министръ, — сказалъ я, — прежде, нежели сдѣлать докладъ государю, конечно, обратится съ запросомъ къ генералу Чевкину. А потому я посоветовалъ бы вамъ написать ему отъ себя письмо, и я съ своей стороны напишу ему, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ мною о необходимости измѣненія направленія.

Дня черезъ три я зашелъ къ Хомутову. Докладъ министру и моя записка не были еще отправлены.

— Все раздумываю, — сказалъ онъ, — и не рѣшаюсь послать докладъ министру.

— Я долженъ вамъ заявить, что если вы рѣшаетесь на постройку дороги къ Мелехову, то я откажусь отъ этого порученія и строить ее не буду, пусть исполняютъ это другіе. Я не захочу быть орудіемъ исполненія желѣзной дороги, которая истребитъ 4.000.000 и, конечно, абсолютно будетъ заброшена.

Эти слова подѣйствовали на рѣшимость Хомутова, и черезъ два дня докладъ былъ посланъ.

Дѣйствительно, военный министръ обратился къ Чевкину, посылаетъ

ему мою записку со всѣми разсчетами. Чевкинъ, не отсылая этихъ документовъ военному министру, самъ доложилъ государю и увѣдомилъ министра о высочайшемъ утвержденіи измѣненнаго направленія на Аксайскую станицу, а Хомутову послалъ отъ себя телеграмму. Послѣдній былъ въ восторгѣ.

Между тѣмъ, я, увѣренный, что Чевкинъ достигнетъ надлежащаго результата, не теряя времени, сталъ думать объ открытіи съ весны работъ. Я подалъ атаману большую записку, въ которой склонялся къ системѣ работъ, исполняемыхъ хозяйственнымъ способомъ, но только при соблюденіи извѣстныхъ условий. А потому, если Комитетъ рѣшить возложить отвѣтственность по хозяйственнымъ распоряженіямъ на меня, то я долженъ буду окружить себя лицами мнѣ близкими, преданными, вѣрными, къ которымъ я могу имѣть полное довѣріе. Хомутовъ, опасаясь, что какъ бы я не отказался отъ возлагаемой на меня обузы, съ видимымъ удовольствіемъ, тотчасъ же надписалъ: «Утверждаю».

Тогда я поспѣшилъ написать тремъ лицамъ: Алексѣю Кусакову, который былъ въ то время довѣреннымъ главнаго подрядчика, строившаго желѣзную дорогу отъ Москвы въ Нижній; Александру Усачеву, бывшему довѣреннымъ подрядчика на Николаевской дорогѣ, Широкова, и родному моему брату Крониду, который завѣдывалъ участкомъ на строившейся тогда Московско-Коломенской дорогѣ. Я предлагалъ Кусакову быть главнымъ комиссаромъ, а Усачеву и брату быть его помощниками.

Кусаковъ отвѣтилъ мнѣ, что, находясь при большомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, которое еще не кончено, онъ, при всей готовности помогать мнѣ, долженъ отказаться отъ моего предложенія. Усачевъ отвѣчалъ, что боленъ при смерти и потому пріѣхать не можетъ. Братъ отвѣтилъ, что очень теперь занятъ, можетъ освободиться лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и посоветуется съ Кусаковымъ.

Получивъ эти письма, я отправился къ Хомутову:

— Я прошу васъ,—сказалъ генералъ,—написать брату, что я избираю его комиссаромъ, чтобы онъ постарался освободиться къ концу декабря или къ началу января.

Братъ отвѣтилъ мнѣ, что постарается прибыть въ концѣ декабря. Я сообщилъ объ этомъ немедленно Хомутову.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что дѣло пришло къ такому исходу. На васъ лежитъ огромная отвѣтственность, кому же можно довѣриться, какъ не родному брату; на нашемъ мѣстѣ, я не поступилъ бы иначе.

По пріѣздѣ брата, онъ отклонилъ отъ себя поѣздку для найма рабочихъ, и на это дѣло вызвался одинъ изъ членовъ Комитета, подполковникъ Полушкинъ. Я представилъ въ Комитетъ инструкцію для него. Этою инструкціею предлагалось нанять землекоповъ въ Смоленской или

Витебской губерніяхъ, выдавать задаточныя деньги непосредственно рабочимъ на руки, совокупляя при этомъ артели, назначить къ нимъ десятниковъ и проч. Эта инструкція не была выполнена членомъ Комитета; онъ не поѣхалъ ни въ Смоленскую, ни въ Витебскую губерніи и, подъ предлогомъ сбереженія расходовъ на поѣздку, нанялъ всѣхъ рабочихъ въ Харьковской и отчасти въ Курской губерніяхъ, гдѣ тогда абсолютно не существовало землекоповъ, а было лишь незначительное число, такъ называемыхъ, граборей, т. е. возщиковъ на лошадяхъ. Невыполненіе данной инструкціи привело къ большимъ хлопотамъ и потерямъ.

Между тѣмъ на мѣстѣ заготавливались помѣщенія для рабочихъ, провіантъ, катальныя доски, лопаты и тачки. За неимѣніемъ въ то время на Дону ни единого плотника, выдавшаго настоящую землевозную тачку, пришлось составлять проектъ образца тачки. Хомутовъ интересовался всѣмъ, и когда увидалъ землевозную тачку, гдѣ нельзя было обхватить ладонью ручки, пришелъ въ недоумѣніе, полагая, что тачка устроена ошибочно. Тогда я объяснилъ ему, что землекопъ поднимаетъ и ведетъ тачку не руками, а лямкой, перекинутой черезъ загривокъ, что тачка катится на горизонтальномъ мѣстѣ почти безъ усилія по доскѣ, потому что центръ тяжести наваленной земли переходитъ нѣсколько за ось колеса. Хомутовъ, будучи уже 70 лѣтъ, захотѣлъ самъ испробовать и къ своему удивленію свезъ тачку съ грузомъ въ 10 пудовъ. Это его много успокоило, такъ какъ онъ заботился о трудѣ людей.

Я предложилъ, съ санитарной точки зрѣнія, помѣщать людей не въ землянкахъ, а въ досчатыхъ баракахъ, поверхъ земли устроенныхъ, для чего надо было заготавливать тесу и тонкихъ бревенъ, что конечно, удорожало стоимость помѣщенія. Хомутовъ не только согласился на это, но, можно сказать, потребовалъ, чтобы всѣ помѣщенія были такъ устроены. Кромѣ того, я обратилъ его вниманіе на то, что во время жаровъ, которые бываютъ на Дону, придется продовольствовать людей исключительно солониной, такъ какъ свѣжее мясо можно заготавливать лишь на одинъ день. Между тѣмъ, было бы желательно употреблять попеременно солонину съ свѣжимъ мясомъ, для чего надо бы устроить на всѣхъ пунктахъ ледники. Разъ Хомутовъ услышалъ объ этой возможности, то сталъ настаивать на этой мѣрѣ, и ѣздилъ самъ осматривать устройство барачныхъ, ледниковъ и навѣсовъ надъ столами, гдѣ должны обѣдать рабочіе. Однажды, во время этихъ подготовленій, онъ сказалъ:—«Знаете ли вы, что здѣсь, на Дону, во время жаровъ, солнце такъ печетъ, что между рабочимъ людомъ бываютъ не рѣдко солнечныя удары, и для предупрежденія этого, я думалъ бы сдѣлать холщовые колпаки или шапки съ фартуками назади для прикрытія шеи. Я рассчиталъ, что это

будетъ стоитъ по 15 или 20 коп. на человѣка. Будете ли вы согласны на такой расходъ?»

— Я не думалъ объ этомъ обстоятельстве, — отвѣчалъ я, — но вполне раздѣляю вашъ взглядъ.

Дня черезъ два, три, вечеромъ я зашелъ къ Хомутову и засталъ его за кройкой изъ холста колпаковъ или шапокъ съ фартуками.

— Я приказалъ купить нѣсколько концовъ холста, — сказалъ онъ, — и хочу убѣдиться, сколько пойдетъ аршинъ на шапки. Затѣмъ я отдамъ холстъ въ швальню рабочаго полка, такъ что работа ничего не будетъ стоить.

Это характеризуетъ заботы Хомутова о рабочемъ людѣ.

Я упомянулъ предъ симъ, что членъ Комитета, вызвавшійся самъ ѣхать на наемку рабочихъ, не исполнилъ данной ему инструкціи и нанялъ ихъ въ Харьковской и частью въ Курской губерніяхъ. Эта его ошибка разразилась весьма тяжелыми послѣдствіями съ приходомъ рабочихъ въ числѣ до 3.000 человѣкъ. Люди эти не имѣли никакихъ понятій о земляныхъ работахъ, не умѣли даже насаживать желѣзныхъ накопечниковъ на заготовленные черни и, когда увидали землевозныя тачки съ разставленными широко рукоятками, пришли въ полное недоумѣніе и заявили, что въ такихъ тачкахъ они землю возить не могутъ, и принялись передѣлывать тачки, чтобы обратить ихъ въ знакомыя имъ садовыя тачки. Садовая тачка могла вмѣщать до 4-хъ много 5-ти пудовъ земли, тогда какъ землевозныя вмѣщаютъ отъ 12 до 20 пудовъ, и рабочіе стали передѣлывать ихъ по ночамъ. Какъ ни старались объяснить имъ, что тачки съ мѣста поднимаются за ручки не руками, а что ихъ слѣдуетъ подымать лямкой, перекинутой черезъ спину, и тогда тачка на ровномъ мѣстѣ покатится сама потому что передъ будетъ тяжелѣе зада, но это не помогало дѣлу, и рабочіе начали волноваться. Въ это время я взялъ, въ качествѣ десятника, одного служившаго много лѣтъ на Кавказѣ офицера Гамазова. Этотъ Гамазовъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что однажды, въ походѣ, будучи ротнымъ командиромъ, онъ заболѣлъ и легъ въ фуру. Батальонный командиръ, при объѣздѣ батальона, растянувшагося по узкой дорогѣ въ горахъ, подѣхавъ къ ротѣ, не увидалъ ротнаго командира. Взводный командиръ сказалъ, что ротный командиръ внезапно заболѣлъ и лежитъ въ лазаретной фурѣ.

— Позвать его ко мнѣ! — закричалъ батальонный.

Гамазовъ, не смотря на страшную боль, вышелъ, сѣлъ на лошадь и подѣхалъ къ батальонному.

— Вы уклоняетесь отъ службы.

Гамазовъ, обиженный и взбѣшенный отъ испытываемой боли, схватилъ шашку и отсѣкъ все ухо, за что и былъ разжалованъ въ солдаты. Выслуживъ четыре года солдатомъ, Гамазовъ былъ произведенъ

въ офицеры, съ чиномъ прапорщика. Тогда я пригласилъ его на желѣзную дорогу десятникомъ. Это былъ человѣкъ, обладавшій силой. Я предложилъ ему показать примѣръ рабочимъ возки ва устроенныхъ тачкахъ. Гамазовъ, снявъ форменный сюртукъ, принялся за работу. Изъ этого можно судить, до чего надо было мельчаться въ занятіяхъ и отвлекаться отъ прямой моей обязательной роли строителя. Означенный видимый всѣми опытъ успокоилъ волненіе. Тѣмъ не менѣе мы съ братомъ рѣшили послать приказчика нанять человѣкъ 10 хорошихъ десятниковъ въ Смоленскую губернію и привезти ихъ на почтовыхъ. По пріѣздѣ этихъ десятниковъ, я предложилъ имъ набрать каждому артели человѣкъ по 100 и болѣе и получать плату по 10 коп. съ кубика, вырабатываемого его артелью, а не по опредѣленному жалованью. Такимъ образомъ, я заинтересовывалъ каждого десятника въ выработкѣ артели. Всѣ, конечно, согласились, выработка увеличилась, но не всѣ десятники достигали ожидаемыхъ результатовъ ¹⁾).

Между тѣмъ все-таки изрѣдка появлялись неудовольствія между рабочими, и вотъ однажды во время какого-то оффиціального большаго обѣда у Хомутова, подали мнѣ записку, присланную съ нарочнымъ съ линіи. Записка гласила, что артель въ 500 человѣкъ подѣ Новочеркасскомъ не вышла сегодня на работы. Я сидѣлъ подлѣ Хомутова, а съ другой стороны сидѣлъ Дондуковъ. Хомутовъ захотѣлъ узнать, что за записка съ линіи, я ему показалъ и сказалъ, что тотчасъ послѣ обѣда поѣду. Дондуковъ, услышавъ о содержаніи записки, сказалъ, что тоже поѣдетъ со мною.

¹⁾ Не безынтересно сообщить здѣсь слѣдующій фактъ: „Десятники были вызваны на почтовыхъ изъ Смоленской губерніи. Одинъ изъ нихъ, особенно разумный и смысленный, сразу понялъ, что предложенное мною условіе, до того нигдѣ не практиковавшееся, можетъ, при стараніи и дѣятельности, дать такой хорошій заработокъ, который будетъ въ десять разъ выше тридцатирублеваго жалованья. Съ каждымъ днемъ онъ постепенно увеличивалъ изъ нашихъ рабочихъ свою артель и набралъ, наконецъ, до 500 человѣкъ. Такимъ образомъ, къ концу осени, онъ могъ составить себѣ капиталедъ тысячи въ двѣ, а можетъ быть и болѣе. Отправляясь домой, онъ предложилъ привести на слѣдующую весну свою собственную артель и объявилъ задѣльную плату на куб. саж. земляныхъ работъ. Я чрезвычайно обрадовался такому предложенію, такъ какъ оно избавляло меня отъ большихъ хлопотъ производства работъ хозяйственнымъ способомъ. Онъ привелъ большую артель на свою отвѣтственность и въ этомъ году заработалъ, конечно, болѣе предшествующаго. Затѣмъ, онъ явился серьезнымъ поставщикомъ у моего брата на Рязанско-Козловской дорогѣ, а послѣ того уже весьма крупнымъ подрядчикомъ у насъ, на Курско-Кіевской дорогѣ. Впослѣдствіи онъ работалъ на разныхъ дорогахъ и имѣлъ большой подрядъ въ Либавскомъ портѣ. Въ сложности онъ произвелъ работъ, конечно, на нѣсколько милліоновъ и теперь состоитъ весьма крупнымъ подрядчикомъ на Симбирской дорогѣ. Имя его Салтыковъ.

Послѣ обѣда мы сейчасъ же поѣхали, и князь, скинувъ съ себя пальто, явился передъ рабочими въ полномъ мундирѣ съ лентой и звѣздами.

— Что вы бунтуете, не вышли сегодня на работу?—сказалъ князь, обращаясь къ рабочимъ.

Выступилъ одинъ изъ нихъ безъ особой почтительности и отвѣтилъ словами, которые были не вѣжливы и которые можно было признать за дерзость, такъ какъ князь никогда не имѣлъ дѣла съ рабочимъ людомъ.

— Розогъ!—закричалъ князь.

Тогда я шепнулъ ему, что полицейскаго начальства здѣсь нѣтъ, и означеннаго добра не имѣется, а лучше арестовать рабочаго и отослать въ Новочеркасскъ. Такъ и было сдѣлано.

На обратномъ пути, я сказалъ князю:

— Вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ полицейскаго управленія, что я задался принципомъ обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, который намѣренъ, абсолютно, выдержать, дабы при вопросахъ, поставляемыхъ министромъ о поведеніи рабочихъ, я могъ бы отвѣчать, что порядокъ между рабочими держится безъ употребленія тѣлесныхъ наказаній. Что же касается до означеннаго рабочаго, то его выдержать недѣли двѣ въ тюрьмѣ, и въ это время ему объяснять, что онъ сдѣлалъ преступленіе противъ такого высокаго начальника, какъ князь, и долженъ идти въ Сибирь на поселеніе. Такимъ образомъ, этотъ рабочій промучается двѣ недѣли, а потомъ ему скажутъ, чтобы онъ просилъ свезти его подъ конвоемъ къ князю, и тамъ онъ бросится при всѣхъ на колѣни и будетъ просить у князя пощады.

Все это и было въ дѣйствительности продѣлано.

Мѣсяца черезъ два, я получилъ извѣстіе, что рабочіе, верстахъ въ 30 отъ Новочеркасска, тоже не вышли на работу. Я поѣхалъ къ Хомутову и просилъ его дать мнѣ человѣкъ десять верховыхъ казаковъ, чтобы ѣхать со мною.

— Что же это будетъ?—замѣтилъ онъ.—Въ прошедшемъ году на Волго-Донской дорогѣ казаки стали стрѣлять въ рабочихъ и двоихъ убили.

— Не тревожьтесь,—сказалъ я,—до стрѣльбы не дойдемъ.

— Зачѣмъ же вамъ казаки?

— Для того, чтобы рабочіе видѣли, что я пріѣхалъ не одинъ, а съ 10-ю казаками.

— Боже, Боже, что такое будетъ?

Онъ перекрестилъ меня и сказалъ:—Храни васъ и помощи вамъ Богъ. Пожалуйста, когда вернетесь, хотя бы это было ночью, пріѣзжайте ко мнѣ, я въ тревогѣ и не буду спать.

Я тотчасъ отправился въ сопровожденіи десяти казаковъ. Приѣхавъ на мѣсто, я вызвалъ изъ бараконъ рабочихъ, которыхъ было до 300 человѣкъ.

— Что вы затѣяли, ребята, не выходить на работу! Вы получили задатки и обязаны работать; стало быть, вы ослушники начальства; пусть зачинщики выйдутъ впередъ, и казаки сведутъ ихъ въ Новочеркасскъ.

— Помилуйте,—загалтѣли рабочіе;—мы начальство готовы слушать, да намъ десятники задаютъ большіе уроки, пишутъ въ книжкахъ недоработки, а глина крѣпкая.

— Отчего же вы не заявляли мнѣ прежде о большихъ урокахъ; вѣдь я бываю здѣсь каждую недѣлю, а иногда и два раза на недѣлю?

— Да глина подошла теперь другая,—отвѣчали рабочіе.

Видя совершенно не враждебное настроеніе рабочихъ, я вступилъ съ ними въ разговоры.

— Покажите же мнѣ ваши уроки, и что это за крѣпкая глина?

Рабочіе, видя, что я желаю разобрать ихъ претензію, привалили гуртомъ на мѣсто работъ.

Хотя уроки не были вовсе большіе, но я при рабочихъ накинута на десятниковъ, что они должны принимать во вниманіе качество грунта. Рабочіе видимо удовлетворились.

— Ну что же пойдете завтра на работу?

— Хоть сейчасъ пойдѣмъ, ваше высокоблагородіе.

Я сейчасъ же велѣлъ отпустить тѣхъ, которые были отдѣлены для отсылки въ Новочеркасскъ.

— Ну, ладно, братцы, помиримся и выпьемъ на мировую чарочку винца.

И я приказалъ купить три ведра водки. Рабочіе съ пѣснями проводили меня.

Вернувшись въ Новочеркасскъ часа уже въ два ночи, я проѣхалъ прямо къ Хомутову; онъ дѣйствительно не спалъ.

— Ну что?—спросилъ онъ меня видимо встревоженнымъ тономъ.

— Все кончилось отлично—водкой,—и я рассказалъ ему все, какъ было.

Хомутовъ облобызалъ меня и сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу; у меня словно гора съ плечъ свалилась.

— Видите ли, ваше высокопревосходительство,—замѣтилъ я,—съ русскимъ рабочимъ человѣкомъ надо только знать, какъ обращаться, онъ по природѣ человѣкъ смиренный.

Хомутовъ вообще полюбилъ дѣло устройства желѣзной дороги и интересовался всѣмъ, что до него относилось.

Однажды, онъ обратился ко мнѣ и просилъ меня ознакомить его съ порядкомъ счетоводства, которое, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія, должно было вестись по примѣру коммерческихъ операцій и по двойной бухгалтеріи.

— Я не знакомъ съ этимъ счетоводствомъ, объясните мнѣ его,— говорилъ онъ.

— Я попрошу васъ съѣздить въ контору, гдѣ братъ мой покажетъ вамъ весь порядокъ счетоводства.

Когда онъ пріѣхалъ въ контору и сталъ разсматривать порядки, введенные для счетоводства, онъ такъ заинтересовался этимъ дѣломъ, что сталъ пріѣзжать въ контору ежедневно, въ теченіе цѣлой недѣли, чтобы прослѣдить весь ходъ счетоводства.

Хомутовъ былъ въ восторгѣ отъ порядка счетоводства и неприминувъ высказать это гласно при слѣдующемъ случаѣ.

Въ воскресенье по утрамъ, къ Хомутову собирались воѣ начальствующія лица Новочеркаска съ тѣмъ, чтобы отправляться съ нимъ къ обѣднѣ. Однажды я пріѣхалъ къ Хомутову въ это время. Всѣ собравшіеся сидѣли у него въ кабинетѣ.

— Знаете ли что, господа,—началъ говорить Хомутовъ,—я посоветовалъ бы вамъ съѣздить къ намъ въ контору желѣзной дороги и поучиться у Крониды Александровича (имя моего брата), какъ надо вести отчетность. Если бы мнѣ была извѣстна прежде такая отчетность, то я бы не получалъ столько официальныхъ непріятныхъ замѣчаній, и разъ чуть не попалъ подъ судъ, когда мы строили Аксайскую дамбу и почтовые станціи по Войску.

Послѣ этого нѣсколько официального внушенія, сдѣланнаго Хомутовымъ весьма деликатнымъ образомъ, я понималъ, что Хомутова надо не опасаться, какъ говорилъ мнѣ Лихачевъ, а что атаманъ являлся самымъ искреннимъ помощникомъ дѣлу желѣзной дороги, успѣхъ котораго лежалъ на моей строгой отвѣтственности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXII ¹⁾.

Начало устройства Грушевской дороги.—Поѣздка В. А. Панаева за границу.—Встрѣча съ бавкиромъ Ротшильдомъ.—Пребываніе въ Туренѣ.—Заказъ брюссельскому заводчику Эварду всѣхъ предметовъ для Грушевской дороги.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Порученіе, данное В. А. Панаеву генераломъ Чевкинѣмъ по повѣркѣ кондичій на ремонтъ Николаевской дороги.—Характеристика Хомутова и его переписка съ В. А. Панаевымъ.

Установивъ работы по Грушевской дорогѣ, мнѣ предстояла необходимость ѣхать за границу для заказовъ всѣхъ для нея принадлежностей, въ томъ числѣ и паровозовъ. Въ то время, Грушевскій антрацитъ, этотъ наилучшій матеріалъ для топлива, не употреблялся ни на паровозахъ, ни на пароходахъ вслѣдствіе того, что отъ него быстро сгорали колосники. Видя необходимость, прежде назначенія системы паровозовъ, сдѣлать за границей надлежащіе опыты, я выслалъ изъ Новочеркасска моремъ 2 куб. саж. антрацита въ Парижъ; одновременно отправилъ туда инженеръ-механика Орта. Предвидя, что мнѣ придется пробыть довольно долгое время въ отлучкѣ, я сообщалъ о томъ Непугу. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что живетъ теперь въ Туренѣ, во Франціи, гдѣ купилъ себѣ небольшое Chateau, и умолялъ меня провести у него осень, въ наипрекраснѣйшемъ уголкѣ Франціи.

Въ то же время, я получалъ письмо отъ Чевкина, которымъ онъ вызывалъ меня въ Петербургъ.

¹⁾ См. „Русс. Стар.“ сентябрь 1902 г.

Въ первыхъ числахъ августа, я выѣхалъ изъ Новочеркасска съ женой и дѣтьми, по Дону и Волгѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я явился къ Чевкину доложить о ходѣ работъ, и что я долженъ ѣхать за границу для заказовъ нужныхъ для желѣзной дороги принадлежностей.

— Я васъ нѣсколько задержу здѣсь,—сказалъ онъ.—Посмотрите, пожалуйста, проектъ кондицій, заготовленныхъ для торговъ на ремонтъ подвижнаго состава, такъ какъ контрактъ Уайненса скоро кончается; найдете ли кондиціи сообразными?

И онъ подаль мнѣ проектъ кондиціи, одобренной уже управленіемъ дороги для торговъ, заключающій безконечное количество параграфовъ. Это дѣло заняло у меня двѣ недѣли для составленія замѣчаній на разные параграфы кондицій и записки по поводу отдачи подряда на ремонтъ подвижнаго состава.

— Я передамъ ваши замѣчанія въ комиссію,—сказалъ Чевкинъ,—и теперь можете ѣхать за границу.

Такъ какъ я ѣхалъ за границу для заказовъ, при чемъ мнѣ приходилось выдавать заводчикамъ задатки, то я взялъ изъ банка кредитивъ на 500.000 фр., который былъ выданъ на имя банкира Ротшильда.

По поводу этого кредитива не могу воздержаться и не рассказать одинъ фактъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Парижъ, мнѣ нужно было получить одну тысячу фр. на личные мои расходы. Я отправился въ контору Ротшильда. Подаю чиновнику бюро кредитивъ и прошу выдать тысячу фр. Чиновникъ сталъ разсматривать кредитивъ и справа и слѣва. Потомъ послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

— Я не могу выдать вамъ денегъ, не показавъ кредитивъ барону.

И чиновникъ отправился въ кабинетъ къ Ротшильдѣ, гдѣ оставался минутъ десять. Выйдя оттуда, онъ сказалъ, что баронъ проситъ меня подождать одну минуту. Черезъ минуту вышелъ Ротшильдъ и попросилъ войти въ его кабинетъ.

— У васъ кредитивъ на 500.000 фр.?—спросилъ Ротшильдъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Вы правительственный инженеръ, строящій желѣзную дорогу?

— Да.

— Съ какимъ намѣреніемъ вы пріѣхали въ Парижъ?

— Я пріѣхалъ заказывать разные предметы для желѣзной дороги, вѣдо мнѣ подыскать подходящій заводъ, который взялся бы за это дѣло.

— А великъ ли вашъ заказъ?

— Весь заказъ можетъ простираться болѣе, чѣмъ на два милліона франковъ.

— Я возьмусь его исполнить, сдѣлайте заказъ мнѣ!

— Мнѣ нужны мосты, паровозы, вагоны, водоснабженіе и разные другіе предметы, которые были бы исполнены по проектамъ, мною составленнымъ.

— Ваши проекты совсѣмъ ненужны, мои инженеры все разработаютъ, и вамъ не нужно будетъ разыскивать по Европѣ подходящаго завода. Оставайтесь въ Парижѣ, веселитесь въ немъ, молодой человѣкъ, и все будетъ готово къ назначенному вами сроку.

— Я вамъ очень благодаренъ,—сказалъ я,—и обдумаю этотъ вопросъ.

— Вамъ, какъ видно, оказано большое довѣріе. Вы, вѣроятно, знаете вашего министра?

— Да, я его хорошо знаю!

— Когда вернетесь въ Петербургъ, передайте ему, что я дамъ деньги на всѣ полезныя предпріятія, которыя онъ имѣетъ въ виду.

Надо сказать, что Ротшильдъ, не смотря на то, что былъ, можно сказать, могучимъ всемірнымъ банкиромъ, не вошелъ въ Главное Общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что въ это время Наполеонъ III не симпатизировалъ политическимъ взглядамъ Ротшильда и созидалъ ему конкурента въ лицѣ банкира Перейра; и потому Ротшильду хотѣлось захватить рынокъ Россіи, хотя бы внѣ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ.

Во время разговора со мною, Ротшильдъ ежеминутно вкладывалъ въ ротъ кишку съ наконечникомъ, чтобы передавать что-то, а другую кишку, съ слуховымъ наконечникомъ, къ уху.

— Извините меня,—сказалъ онъ,—что прерываю разговоръ; въ этотъ часъ идетъ биржа, и надо отдавать приказанія и слушать отвѣты. Гдѣ вы остановились?

— Въ Hôtel du Louvre,—сказалъ я.

— Такъ завтра въ 11 часовъ я къ вамъ приѣду, мы поѣдемъ съ вами, чтобы познакомить васъ съ моими инженерами.

Дѣйствительно, Ротшильдъ въ 11 ч. приѣхалъ ко мнѣ, и мы отправились на станцію Chemin du Nord.

Тогда эта станція, хотя была и обширная, но строенія были деревянныя.

Войдя на станцію, надо было подняться во второй этажъ по узкой, худо освѣщенной лѣстницѣ. На лѣстницѣ встрѣтился какой-то человѣкъ въ форменной фуражкѣ. Ротшильдъ остановилъ его и особенно громко возгласилъ:

— Est-ce que vous ne me reconnaissez pas? ¹⁾ и, жестомъ указывая на свою грудь, торжественно произнесъ: «*Président de Conseil*».

¹⁾ Развѣ вы не узнаете меня?

Человѣкъ этотъ смахнулъ моментально фуражку и низко склонилъ голову, а Ротшильдъ сталъ важно подниматься на лѣстницу.

Войдя въ пріемную комнату, Ротшильдъ сказалъ сторожу:

— Скажите Petier, что я пріѣхалъ съ русскимъ инженеромъ, и попросите его сюда.

Вернувшись, сторожъ сказалъ, что М-г Petier занятъ въ засѣданіи.

— Попросите М-г Petier выйти сюда на нѣсколько минутъ изъ засѣданія.

Вернувшись назадъ, сторожъ сказалъ:

— М-г Petier извиняется, что онъ не можетъ придти теперь, и проситъ русскаго инженера обождать нѣсколько.

Ротшильдъ взволновался, побагровѣлъ и сейчасъ вышелъ, сказавъ мнѣ:

— Завтра пріѣдетъ къ вамъ М-г Petier.

Я нарочно упоминаю объ этомъ эпизодѣ, какъ характеризующемъ отношенія между могущественнѣйшимъ банкиромъ Ротшильдомъ и зависящимъ отъ него инженеромъ Petier. Послѣдній пользовался громаднымъ авторитетомъ въ инженерномъ мірѣ и завѣдывалъ всѣми желѣзными дорогами, эксплуатируемыми Ротшильдомъ; зналъ себѣ цѣну и потому не постѣснился дать, при случаѣ, маленькій урокъ Ротшильду.

Минутъ черезъ пять-шесть, Petier вышелъ.

— А! старый знакомый,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—радъ васъ видѣть, чѣмъ могу служить?

Я разсказалъ Petier, какъ и зачѣмъ я очутился вмѣстѣ съ Ротшильдомъ, и что я пріѣхалъ сюда дѣлать заказы по собственнымъ проектамъ. Petier сталъ меня спрашивать о дѣйствіяхъ Главнаго Общества по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и далъ мнѣ указанія по моему дѣлу. Я поблагодарилъ его, и мы расстались. Petier я больше не видалъ; но у Ротшильда пришлось быть второй разъ, когда, мѣсяца черезъ три, я долженъ былъ выдать чекъ заводчику на 200.000 фр. задатка.

— Такъ вы поупрямились и сдѣлали заказъ помимо меня?—сказалъ Ротшильдъ.

— Вы не могли исполнить того, что мнѣ нужно было,—отвѣтилъ я.

— Не забудьте передать вашему министру мою готовность быть ему полезнымъ.

Я поклонился и ушелъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я увѣдомилъ Henrys о моемъ туда пріѣздѣ. Тотчасъ же я получилъ телеграмму съ приглашеніемъ немедленно пріѣхать къ нему въ Chateau, въ окрестность Турена. Къ его приглашенію, сдѣланному въ письмѣ въ Новочеркасскъ, я, конечно, не отнесся серьезно и рассчитывалъ съ семьей поѣхать дня на три. Chateau Henrys'a

было не большое, но въ три этажа; въ первомъ этажѣ помѣщалась столовая, пріемная, бильярдная и кухня со службами; во второмъ этажѣ была половина жены и его, а третій былъ монтированъ для пріѣзжихъ, убранный какъ номера гостиницы. Эти комнаты и были предназначены намъ.

По прошествіи трехъ дней, мы собрались уѣзжать.

Непгус и жена его стали, не отставая отъ насъ, уговаривать остаться на нѣсколько мѣсяцевъ. Конечно, мы стояли на своемъ отъѣздѣ. Тогда Непгус пригласилъ меня прогуляться въ садъ.

— Вы поступаете неблагоразумно, увозя себѣ въ Парижъ, — сказалъ онъ. — Вѣдь вы должны будете разъѣзжать по всѣмъ концамъ Европы, а ваша семья должна сидѣть въ душномъ городѣ, въ гостиницѣ и погибать отъ жары. Согласитесь, что въ виду того, что мы предлагаемъ вамъ, вы поступаете жестоко въ отношеніи вашей жены и дѣтей. Между тѣмъ вы доставите мнѣ и женѣ истинное удовольствіе.

Я конечно понималъ его доводы, но, само собою разумѣется, стѣснялся гостепріимнымъ и задушевнымъ ихъ предложеніемъ и отвѣчалъ, что все-таки надо ѣхать.

— Я понимаю, что вы не хотите одолжаться содержаніемъ вашей семьи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но можно побѣдить вашу щекотливость. Вы знаете, что я аккуратно веду счетъ моихъ расходовъ и подвожу итоги каждый мѣсяцъ. Я вамъ покажу эти итоги и съ этой минуты буду также записывать всѣ мои расходы. Въ концѣ мѣсяца, я подведу итогъ, и вы заплатите мнѣ разницу.

При этихъ условіяхъ все мирилось, и я искренно обнялъ Непгус. Такимъ образомъ моя семья осталась у Непгус до тѣхъ поръ, пока я не окончилъ своего дѣла.

Успокоившись на счетъ семьи, я пустился въ путешествія, объѣхалъ западную часть Германіи, Австрію до Решта, центральную и южную Францію и Англію, гдѣ заболѣлъ дезинтеріею.

Я въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ Парижъ. Утромъ я былъ уже тамъ и послалъ за гомеопатическимъ докторомъ Тестомъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ и пользовавшимся мою жену и дѣтей. Тестъ посоветовалъ мнѣ отправиться къ семьѣ, что я и сдѣлалъ. Для черезъ четыре, я опять принялся за дѣло, заѣхалъ въ Парижъ за Ортомъ, который прежде все время разъѣзжалъ со мною, и мы поѣхали въ Брюссель.

Надо замѣтить здѣсь, что при моихъ непрерывныхъ поѣздкахъ, я, обыкновенно, отправлялся на скорыхъ поѣздахъ, отходящихъ позднимъ вечеромъ; растягивался на диванѣ, для чего бралъ часто два мѣста, и спалъ непробуднымъ сномъ до утра. Утромъ я былъ бодръ, свѣжъ и отправлялся на заводъ, предварительно мною намѣченный, осматривалъ его, толковалъ съ заводчиками и механиками и къ вечеру опять въ путь, чтобы на другой день очутиться за 400—500 километровъ. Между

тѣмъ Ортъ не могъ спать въ вагонахъ, о чемъ я узналъ только въ послѣднее время, когда я въ теченіе двухъ мѣсяцевъ провелъ болѣе 40 ночей въ ѣздѣ.

Въ Брюсселѣ я остановился въ Hôtel de Saxe, хозяина котораго я зналъ во время моего пребыванія въ Брюсселѣ. Приѣхавъ къ вечеру, я просилъ подать чай. Въ то время, какъ ожидался чай, Ортъ вышелъ въ другую комнату, сказавъ, что онъ немножко отдохнетъ до чая. Когда я приготовилъ чай, Ортъ на мой зовъ не откликался. Я сталъ его будить и толкать, но было тщетно. Вскорѣ у Орта явился сильнѣйшій жаръ, и онъ впалъ въ совершенную безсознательность. Ночью былъ сильный бредъ, я безпрестанно ходилъ къ нему, и къ утру онъ былъ въ такомъ же безсознательномъ состояніи. Я послалъ къ отличному доктору, Gregoir, котораго я зналъ прежде, но его не застали.

Между тѣмъ хозяинъ гостиницы, узнавъ, что у него находится больной — (въ это время въ Брюсселѣ свирѣпствовалъ горячечный тифъ), — послалъ за городскимъ полицейскимъ докторомъ. Этотъ докторъ призналъ болѣзнь Орта за жестокій тифъ, и хозяинъ гостиницы потребовалъ вывезти больного въ госпиталь въ теченіе одного часа.

Прежде нежели исполнить это, я бросился опять къ доктору Gregoir и рассказалъ ему о моемъ затруднительномъ положеніи. Я засталъ его въ слезахъ:

— У меня вчера умерла дочка въ тифъ и еще не похоронена. Но, въ виду вашего затрудненія, я сейчасъ приѣду.

Gregoir, осмотрѣвъ больного, который оставался все безъ сознанія, призналъ болѣзнь тоже за жестокій тифъ.

— Что же мнѣ дѣлать? — спрашивалъ я, — хозяинъ требуетъ вывезти больного въ госпиталь. У него въ Парижѣ жена съ пятью дѣтьми, малъ мала меньше и въ томъ числѣ грудной. Я недавно пригласилъ его въ Россію на службу. Какъ же я вернусь въ Парижъ и объявлю ей, что я оставилъ сильно больного ея мужа здѣсь въ госпиталѣ?

— Хотя больной въ безсознательномъ состояніи, но я совѣтую вамъ вмѣсто отправки его въ госпиталь сейчасъ ѣхать въ Парижъ, взять отдѣльное купе, а я вамъ пришлю сейчасъ сидѣлку. Въ этой болѣзни переѣзныя мѣста играютъ большую роль. Быть можетъ, больной и выживетъ до Парижа, и тогда онъ можетъ умереть среди своей семьи.

Я сейчасъ же поѣхалъ на желѣзную дорогу, взялъ купе и, вернувшись, нашелъ уже сидѣлку, готовую ѣхать съ больнымъ.

По дорогѣ, я заходилъ на каждой остановкѣ осведомиться о состояніи больного; онъ былъ все-таки безъ сознанія. Наконецъ, на подорожѣ до Парижа, сидѣлка сказала, что больной очнулся, хотѣлъ встать, но не могъ.

Въ Парижѣ больного вынесли изъ вагона и положили въ фіакръ.

Мнѣ предстояла еще тяжелая минута—объявить женѣ о положеніи ея мужа. Я пошелъ въ квартиру и объявилъ ей, что привезъ нѣсколько больного ея мужа, и что его сейчасъ введутъ сюда.

— Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ уже нѣсколько дней, — отвѣчала она, — и я уговаривала его отложить поѣздку, но онъ не послушалъ меня.

М-ше Orth была женщина необразованная, но практичная, съ присутствіемъ духа. Когда привели подъ руки ея мужа, она сейчасъ же послала за полицейскимъ докторомъ. Черезъ полчаса явился докторъ и въ ту же минуту пустилъ кровь, что въ горячешномъ тифѣ считается преступленіемъ. Въ половинѣ ночи, я захватилъ узнать о положеніи больного. М-ше Orth сказала мнѣ, что докторъ приходилъ и пустилъ еще кровь изъ второй руки, и сказалъ, что можетъ быть найдеть нужнымъ пустить еще кровь утромъ.

На утро я узналъ, что кровь была пущена въ третій разъ; я считалъ Orth'a погибшимъ и ни во что не вмѣшивался, такъ какъ поражалась всѣмъ жена.

Что же вышло? Orth пролежалъ три недѣли и настолько оправился, что сталъ выходить.

Тогда я поѣхалъ въ Бельгію одинъ. Въ Бельгіи извѣстный заводъ Coqueril не взялъ на себя поставку всѣхъ предметовъ заказа. Такимъ образомъ, я не наткнулся на подходящий заводъ ни въ Австріи, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Бельгіи. Приходилось разбить заказъ на нѣсколько отраслей и отдать его въ разные руки.

Неожиданно явился ко мнѣ въ Парижѣ брюссельскій заводчикъ Ewgard. Онъ узналъ, что я искалъ такого завода, который взялъ бы на себя поставку всѣхъ предметовъ заказа, простирающагося до 2-хъ милліоновъ франковъ, — что позволило бы взять поставку со сборкой на мѣстѣ, которая представляла для меня гарантію. — Кромѣ того, я требовалъ исполненія заказа по моимъ собственнымъ проектамъ.

— Покажите мнѣ ваши проекты, — сказалъ Эврардъ.

Когда я показалъ проекты, онъ рассмотрѣлъ ихъ, задумался, сталъ что-то размышлять и въ концѣ концовъ сказалъ:

— Я берусь исполнить весь вашъ заказъ, съ доставкой и сборкой на мѣстѣ и по вашимъ проектамъ.

Слова эти меня поразили.

— Какъ же вы беретесь за весь заказъ, когда у васъ существуетъ лишь заводъ для постройки вагоновъ?

— Я только-что купилъ старый заброшенный заводъ и намѣренъ монтировать его на широкую ногу. Все зависитъ отъ размѣра задатка, который вы мнѣ выдадите.

Въ слѣдующее его посѣщеніе я могъ убѣдиться, что Эврардъ научно

и практически подготовленъ къ механическому дѣлу, и сталъ считать его предложеніе серьезнымъ, котораго я искалъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Въ особенности его предложеніе было соблазнительно по цѣнѣ, которую онъ объявилъ впередъ—по 10 фр. за пудъ желѣза съ доставкой и сборкой на мѣстѣ, т. е. по 2 р. 50 к., тогда какъ заводы, ставившіе мосты Главному Обществу у насъ въ Россіи, брали отъ 4 до 4 р. 50 к. за пудъ.

Не менѣе того я объявилъ Эварду, что приѣду въ Брюссель и на его купленный вновь заводъ, какъ только поправится мой механикъ.

Когда мы приѣхали на заброшенный заводъ, мы нашли однѣ стѣны, въ которыхъ производились кое-какія приготовленія для монтированія завода. Въ Брюссель я обратился къ моему знакомому инженеру Belraige и сообщилъ ему о предложеніи Эварда.

Belraige сказалъ мнѣ, что Эвардъ человекъ знающій, практичный, добросовѣстный въ исполненіи заказовъ, расчетливый и весьма энергичный, и что потому на него можно положиться.

Я объявилъ тогда Эварду, чтобъ онъ приѣхалъ въ Парижъ для заключенія контракта.

Писавши контрактъ, Эвардъ потребовалъ выдачи ему 200.000 фр. въ задатокъ, которые ему нужны, чтобы монтировать заводъ, устроить новые валы для прокатки желѣза особой формы для мостовъ и проч.

Дѣло было рискованное, но я рѣшился на это, имѣя въ виду оставить Орта въ Брюссель для наблюденія за ходомъ работъ завода и для производства испытаній надъ всѣми частями желѣза и стали впредь до окончанія заказа.

Въ сущности, я торжествовалъ, заключивъ контрактъ, который былъ исполненъ Эвардомъ великолепно и въ срокъ. На пяти огромныхъ пароходахъ Ортъ привезъ весь заказъ изъ Антверпена въ Таганрогъ.

По приѣздѣ въ Петербургъ, я доложилъ Чекину о моемъ удачномъ заказѣ въ Бельгію, чему онъ очень былъ радъ и сказалъ мнѣ:

— Вы помните, что передъ отъѣздомъ вашимъ за границу, я вамъ давалъ проектъ кондиціи на просмотрѣніе, и вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній. Теперь уже изготовленъ окончательно проектъ контракта для торговъ, подписанный всѣми членами комиссіи. Пересмотрите этотъ контрактъ и сообщите мнѣ, приняла ли комиссія въ соображеніе ваши тогдашнія замѣчанія?

Я взялъ проектъ, конечно, на домъ и увидалъ, что всѣ мои замѣчанія обойдены, и взамѣвъ ихъ введены новые параграфы, болѣе стѣснительные для казны. Но главнѣйшее было то, что для желающихъ торговаться требовалось получить это право внесеніемъ пяти милліоновъ фр. передъ торгами. Я подалъ и написалъ опять замѣчанія на

разные параграфы проекта контракта, составившія огромную тетрадь и записку, которую принесъ Чевкину.

Чевкинъ возмущился и сказалъ:

— Что мнѣ въ вашихъ замѣчаніяхъ, напишите точную редакцію параграфовъ, которые надо измѣнить. Я не могу теперь съ вами заниматься, придите въ пятницу, я буду тогда свободнѣе.

Черезъ пять дней, въ пятницу, я опять пришелъ къ Чевкину.

— Что вы меня торопите, я не просматривалъ еще вашихъ параграфовъ. Придите послѣ.

Мнѣ нужно было въ Новочеркасскъ къ моему прямому и слишкомъ отвѣстственному дѣлу. Хомутовъ волновался и тревожился моей долгой отлучкой, братъ непрерывно писалъ мнѣ о необходимости моего пріѣзда. Былъ уже конецъ февраля, и работы должны были скоро открыться. При этихъ обстоятельствахъ, я пошелъ къ Мельникову, который очень интересовался скорѣйшимъ окончаніемъ Грушевской дороги.

Мельниковъ, увидавъ меня, сказалъ:

— Какъ я радъ, что вы вернулись.—Константинъ Владиміровичъ (Чевкинъ) остановилъ всѣ дѣла до вашего пріѣзда—и онъ усмѣхнулся.—Вотъ, напримѣръ, коммиссія давно рассмотрѣла проектъ контракта; всѣ члены подписали его, и онъ давно долженъ былъ поступить на торги; но Чевкинъ оставилъ его у себя, сказавъ: я подожду пріѣзда Панаева.

— Я былъ уже у Чевкина,—отвѣчалъ я,—и онъ далъ мнѣ проектъ контракта на разсмотрѣніе. Я подалъ ему записку и длинный рядъ моихъ замѣчаній. Онъ не удовольствовался этимъ и приказалъ составить полную редакцію тѣхъ параграфовъ, на которыхъ сдѣланы мною замѣчанія. Я составилъ эту редакцію и послѣ того два раза былъ у него и просилъ позволенія уѣхать. Онъ оба раза сказалъ, зачѣмъ я тороплюсь, и приказалъ «остаться еще».

— Константинъ Владиміровичъ, очевидно, ждетъ отъ васъ составленія полнаго контракта, и до тѣхъ поръ, пока этого не исполните, онъ не отпуститъ васъ. Совѣтую вамъ приняться за это дѣло немедленно.

Я вернулся домой и въ тотъ же день принялся за составленіе полнаго контракта. Черезъ двѣ недѣли я окончилъ контрактъ, принесъ Чевкину и сказалъ ему, что я счелъ болѣе удобнымъ написать новый контрактъ, и принесъ его.

Чевкинъ, увидавъ новый контрактъ, обрадовался и сказалъ:

— Очень благодарю васъ,—приходите ко мнѣ завтра вечеромъ.

На другой день я пришелъ, и Чевкинъ штудировалъ контрактъ до часа ночи, но, не окончивъ разсмотрѣніе, приказалъ придти на слѣдующій вечеръ.

Въ томъ параграфѣ, гдѣ говорилось о представленіи залога, я оставилъ чистое мѣсто и сталъ уговаривать Чевкина назначить не болѣе

100.000. Но онъ не рѣшился перейти съ 1.200.000 назначавшагося залога комиссіей и назначилъ залогъ въ 500.000 руб. Въ этомъ видѣ и былъ сданъ ремонтъ заводчику Кайлю, спустившему цѣну на 50 % противъ контракта Уайненса.

Послѣ утвержденія Чевкинымъ составленнаго мною контракта, я могъ уже поѣхать въ Новочеркасскъ.

Работы по постройкѣ дороги шли успѣшно. Но я не заказалъ за границей рельсовъ, имѣя въ виду приобретенные вѣдомствомъ путей сообщенія отъ постройки Θεодосійской дороги.

Между тѣмъ, членъ вашего комитета, князь Дондуковъ, заявилъ комитету, что къ нему явился богатый казакъ Устиновъ, торговавшій хлѣбомъ, съ предложеніемъ поставить дубовыя шпалы по 75 коп. за штуку, которыя онъ можетъ приобрести въ Воронежской губерніи и привезти ихъ по Дону; но просить выдать 25.000 передовыхъ денегъ.

Цѣна 75 коп. за дубовую шпалу представляла соблазнъ въ совершенно безлѣсномъ краѣ, но, въ виду выдачи передовыхъ денегъ чело-вѣку, хотя и состоятельному, но совершенно чуждому подобныхъ операцій, я не принялъ рѣшенія этого дѣла на свою отвѣтственность, а предоставилъ это комитету.

Комитетъ, большинствомъ голосовъ, рѣшилъ заключить контрактъ съ Устиновымъ. Устиновъ пригналъ по Дону двѣ баржи со шпалами, которыя оказались абсолютно негодными, и нельзя было принять ни одной шпалы. Надо было признать его несостоятельнымъ; но онъ покрылъ выданныя ему передовыя деньги поставкой провіанта.

Время однако было упущено, и я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы купить шпалы, а равно и рельсы у вѣдомства путей сообщенія. Въ Петербургѣ я обратился къ Чевкину, который и приказалъ продать намъ шпалы и рельсы, по цѣнамъ, въ которыхъ они были приняты отъ Общества на Θεодосійскомъ складѣ. Цѣна была высокая, тѣмъ болѣе, что предметы эти приходилось перевозить моремъ, съ разными перегрузками изъ Θεодосіи въ Аксайскую станицу. Не менѣе того, я успокоился, что дѣло постройки не остановится. Но перевозка изъ Θεодосіи на Таганрогскій рейдъ доставила громадныя хлопоты и необходимость послать въ Керчь на 2½ мѣсяца моего помощника, инженера Григорія Кусова.

Ранней весной прибылъ на пяти пароходахъ весь заграничный заказъ на Таганрогскій рейдъ. Ортъ сопровождалъ этотъ транспортъ. Эврардъ прислалъ достаточное количество хорошихъ мастеровъ, для монтировки и всего заказаннаго съ практическимъ инженеромъ François и помощникомъ ему Lambertz.

Надо сказать, что Lambertz былъ горный инженеръ, прекрасно

знающій механическую часть. Я просилъ Эвварда прислать именно его помощникомъ. Это былъ сынъ той сидѣлки, которая помогла мнѣ въ перипетіяхъ во время болѣзни Орта. Я имѣлъ въ виду разъяснить въпростъ о неизмѣримомъ количествѣ залегающихъ около Керчи желѣзныхъ рудъ, такъ какъ по многимъ опытамъ, производившимся у насъ, эта руда, вслѣдствіе содержанія въ большомъ количествѣ фосфора, признана негодною для выдѣлки желѣза, получаемого изъ керченскаго чугуна.

По этому случаю я отправилъ Lambertz'a въ Керчь. Осмотрѣвъ руду и всю мѣстность, Lambertz представилъ мнѣ записку, въ которой онъ заявлялъ, что всѣ руды въ Бельгіи подобнаго свойства, что не мѣшаетъ Бельгіи выкатывать въ огромномъ количествѣ годные рельсы. Когда впоследствии основались заводы въ Донецкомъ бассейнѣ, заводы, выдѣлывающіе рельсы изъ мѣстной руды, меня удивляло, что предприниматели не обратили вниманія на керченскую руду, которая залегаетъ горизонтальнымъ пластомъ на самой незначительной глубинѣ и обнаруживается въ берегу моря, слѣдовательно, легко можетъ промываться морскими волнами.

Осенью я отправился въ Петербургъ, чтобы доложить военному министру, что Грушевская дорога окончена и движеніе по ней открыто. вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились и мои отношенія къ обществу Волго-Донской желѣзной дороги. Общество назначило мнѣ содержаніе по 1.000 р. въ мѣсяцъ и 20% изъ прибылей, изъ коихъ 10% въ пользу мою, а 10% въ пользу служащихъ по моему усмотрѣнію.

Около того же времени, я неожиданно получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ извѣстнаго Кокорева, который извѣщалъ меня, что общее собраніе акціонеровъ Волго-Донскаго общества избрало меня въ директоры-распорядители, и что онъ внесъ за меня 25 акцій, требовавшихся для директора-распорядителя. Кокоревъ былъ основателемъ Волго-Донской желѣзной дороги, употребившимъ на нее свой капиталъ. Я встрѣчалъ его нѣсколько разъ у Мельникова.

Вслѣдъ за этимъ и правленіе прислало мнѣ официальное извѣщеніе о моемъ избраніи.

Между тѣмъ, я и не думалъ искать занятій въ Волго-Донскомъ обществѣ; но въ виду джентльменскаго поступка Кокорева, доказывающаго его особое довѣріе ко мнѣ, я отвѣчалъ, что, принимая во вниманіе плачевный ходъ дѣлъ Общества и затруднительныя обстоятельства, я приму эту обязанность временно, до разъясненія вопроса по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ.

Такъ какъ я находился въ вѣдѣніи главноуправляющаго путями сообщенія и, въ то же время, военнаго министра, то я долженъ былъ донести послѣднему о результатѣ моей повѣдки за границу. При моемъ

разговорѣ съ нимъ, я изложилъ ему о необходимости озаботиться предстоящей эксплуатаціей Грушевской дороги, для чего считалъ необходимымъ устройство на рудникѣ центрального водоотлива. Выслушавъ меня, онъ приказалъ изложить письменно мои соображенія и внести ихъ въ комитетъ на обсужденіе и представить ему съ своимъ заключеніемъ. Вслѣдствіе этого, я внесъ въ комитетъ мою записку, возбудившую полемику между мной и тогдашнимъ начальникомъ штаба княземъ Дондуковымъ. Послѣднему показалось нѣсколько обиднымъ для его самолюбія, что эту инициативу взялъ на себя я, а не онъ. Поэтому онъ при всемъ сознаніи важности вопроса, повелѣлъ дѣло такъ, чтобы, до поры до времени, отклонить мое предложеніе. На его записку я подалъ другую, и дѣло пошло въ длинный ящикъ.

Между тѣмъ Хомутовъ уѣхалъ уже совсѣмъ въ Петербургъ, и некому было отстаивать мою идею.

Мало-по-малу я сближался съ атаманомъ, этимъ благороднѣйшимъ, умнѣйшимъ, добрѣйшимъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ тоже видимо расположился ко мнѣ, такъ что, не смотря на громаднѣйшій мой трудъ, ибо во мнѣ сосредоточивались всѣ отрасли управленія, я не ощущалъ тяжести, и все катилось какъ по маслу, и всѣ были довольны при подобныхъ условіяхъ. Недовольны были только члены войскового правленія, потому что дѣло постройки шло совершенно помимо ихъ вліянія, и при Хомутовѣ, который понималъ ихъ насквозь, они не дерзали высказывать своихъ жалобъ.

Хомутовъ любилъ часто объѣзжать работы. Бывало послѣ обѣда подѣждетъ ко мнѣ верхомъ и пригласитъ прокатиться съ нимъ. Я тоже садился верхомъ, и мы отправлялись въ путь. У него была записная книжечка, гдѣ онъ отмѣчалъ разныя просьбы простыхъ казаковъ и базачекъ. Онъ пользовался этимъ случаемъ и заѣзжалъ въ хутора, гдѣ и производилъ судъ, по разнымъ семейнымъ жалобамъ и просьбамъ, приводя всегда къ мировой. Однажды, при объѣздѣ, Хомутова обступили черкасскіе лѣсопромышленники съ просьбою оставить ихъ лѣсную биржу на мѣстѣ. Биржа помѣщалась на крутыхъ склонахъ горы, и никакой площади для нея не было. Желѣзная дорога проходила между горой и рѣкой, имѣющей не болѣе двухъ футовъ глубины и сажень 15 ширины. Я предположилъ устроить тамъ же большую площадь на другой сторонѣ рѣки, куда весной приходятъ плоты, и былъ убѣжденъ, что лѣсопромышленники возрадуются такому удобству. Какъ ни старались убѣдить ихъ Хомутовъ и я въ огромномъ преимуществѣ мѣста для новой биржи, которая передвинется только на нѣсколько сажень за рѣку, все оставалось тщетно. Лѣсопромышленники стояли на своей просьбѣ не трогать ихъ съ мѣста, гдѣ торговали дѣды и отцы.

Я сказалъ Хомутову, что если биржу оставлять на старомъ мѣстѣ,

то потребуются откапывать гору и строить подъездные мосты, что будет лишним ненужным расходомъ для желѣзной дороги.

— Послушайте,—сказалъ Хомутовъ,—я знаю, что вы общались передъ правительствомъ не выходя изъ ассигнованной суммы; но я знаю тоже, что у васъ есть остатки изъ этой суммы; пожалуйста, я васъ прошу уступить просьбамъ этихъ торговцевъ.

Хотя этотъ расходъ, по приблизительному соображенію, могъ обойтись тысячъ въ 40, но я согласился на просьбу Хомутова. И вотъ пришлось въ шести мѣстахъ раскопать сдѣланную уже насыпь и приняться за устройство шести подъездныхъ мостовъ на каменныхъ устояхъ съ желѣзными балками.

Однажды, Хомутовъ подалъ мнѣ большую брошюру на русскомъ языкѣ, изданную въ Лейпцигѣ неизвѣстнымъ авторомъ и ему присланную.

— Не хотите ли познакомиться съ этой брошюрой?—сказалъ онъ.

— Я получилъ точно такую,—отвѣтилъ я.

Брошюра касалась описанія порядковъ на Дону. Она была написана противъ Хомутова, гдѣ онъ выставлялся взяточникомъ и казнокрадомъ, о чемъ-де хорошо извѣстно въ Петербургѣ, и что поэтому и прислали изъ Петербурга инженера съ такими правами, при которыхъ Хомутовъ не могъ бы наживаться. При этомъ была для меня лестная характеристика.

Я былъ очень огорченъ этой брошюрой потому, что Хомутовъ могъ заподозрить меня въ ея составленіи. Но Хомутовъ тотчасъ же разсѣялъ возможность такого предположенія.

— Я узнаю, безъ сомнѣнія, автора. Это одинъ молодой офицеръ, нѣсколько образованный, котораго я сначала замѣтилъ и предполагалъ его дѣловымъ; но онъ вскорѣ обнаружился, какъ пустой борзописецъ, и я ему ходу не далъ, за что онъ считаетъ себя обиженнымъ.

И, дѣйствительно, какъ обнаружилось впоследствии, Хомутовъ не ошибся, съ тою разницею, что онъ написалъ эту брошюру, вѣроятно инспирированный лицами, занимающими болѣе крупное положеніе.

Во время работъ, Хомутъ сталъ убѣждать меня употребить часть капитала, ассигнованнаго на желѣзную дорогу, на устройство механическаго заведенія для нуждъ края, гдѣ стали уже появляться локомотивы и другія сельско-хозяйственныя машины. По смѣтѣ, которая была уже утверждена, я предположилъ лишь устройство небольшой механической мастерской, которая отвѣчала бы вполнѣ потребности для желѣзной дороги. Я вполнѣ сознавалъ нужду края и не могъ возражать на доводы Хомутова, но я упирался на утвержденный бюджетъ для желѣзной дороги, и что большое механическое заведеніе потребуетъ значительнаго капитала, около 90.000 р.

— Да у васъ, какъ я вижу, будутъ остатки, надо воспользоваться случаемъ и оказать благо для края.

На убѣжденія Хомутова я отвѣчалъ, что когда поѣду въ Петербургъ, то лично обращусь къ главному управляющему Чевкину и узнаю его взглядъ на этотъ сверхсмѣтный значительный расходъ.

Когда я объяснилъ Чевкину о нуждахъ края въ механическомъ заведеніи, о неотступномъ желаніи атамана Хомутова и о томъ, что я не выйду изъ общей цифры смѣты, Чевкинъ сказалъ:

— Край нуждается, атаманъ желаетъ, деньги войсковыя и изъ смѣты вы не выйдете. Надо пожертвовать сбереженіями, которыя вы ожидаете. Передайте Михаилу Григорьевичу, что я этому дѣлу сочувствую, и потому стройте механическое заведеніе.

По возвращеніи моемъ въ Новочеркасскъ, я передалъ о моемъ посѣщеніи Чевкина Хомутову, и онъ былъ въ особенномъ восторгѣ.

Изъ нѣсколькихъ эпизодовъ моихъ сношеній съ Хомутовымъ, по поводу постройки желѣзной дороги, можно уже отчасти судить объ этой наидостойнѣйшей личности.

За время своего 23-хъ лѣтняго пребыванія на Дону, сначала въ должности начальника штаба, а потомъ—атамана, Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ скопилъ значительный войсковой капиталъ. Это одна важная заслуга для края, но другая, еще болѣе важная, это направленіе, данное имъ накопленному имъ капиталу. Не онъ ли далъ существенный, дѣйствительный и практичный толчекъ грушевскому каменно-угольному промыслу? Изъ области платоническихъ разсужденій, многіе и многіе годы тянувшихся среди разныхъ ученыхъ, о богатствѣ антрацитовыхъ залежей на Дону и о способахъ ихъ эксплуатаціи, Хомутовъ приступилъ прямо къ дѣлу, давъ ему серьезную организацію, сообразно денежнымъ средствамъ края. Разумно брошенное имъ зерно быстро разроастается теперь въ дерево, и плоды его обогатятъ не только Донской край, но и значительную часть Россіи.

Хомутовъ устроилъ Аксайскую дамбу по 10-ти верстному въ ширину разливу Дона, съ разводнымъ на плашкоутахъ мостомъ на рѣкѣ. Это сооруженіе сдѣлало возможнымъ безостановочное сообщеніе съ задонскимъ краемъ и съ Кавказомъ, и принесло истинное благо не для однихъ путешественниковъ съ Кавказа и на Кавказъ, но для жителей огромнаго раіона и для обширной торговли города Ростова. Такого прекраснаго сообщенія, какое было устроено черезъ Донъ, не существовало даже ни на одномъ пунктѣ Волги, начиная отъ Ярославля и кончая Астраханью. При этомъ, нельзя не указать на устройство почтоваго сообщенія вообще и почтовыхъ станцій въ особенности. Станціи были устроены настолько уютно, что настрадавшимся отъ грязи, копоти, мороза или мятели, давали возможность дѣйствительно отдохнуть или

отогрѣть заковѣнные члены свои или своихъ дѣтей. Въ тѣ времена, всякій проѣзжающій благословлялъ судьбу, когда добирался до войска Донскаго.

Въ то же время Хомутовъ устроилъ громаднѣйшій садъ въ Новочеркасскѣ, расположенномъ на высокой горѣ, на припекѣ, не имѣющемъ воды и лишенномъ, абсолютно, всякой зелени. Садъ устроенъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ осенью была непроходимая грязь и гдѣ, зачастую, экипажи оставались на ночлегъ. Создать садъ, въ центрѣ города, на такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не могло расти, при громкихъ соболизнованіяхъ и насмѣшкахъ мѣстныхъ жителей о бесполезно будто бы затрачиваемыхъ деньгахъ, — къ такому полезному дѣлу можно было приступить только съ такою настойчивостью, какою обладалъ Михаилъ Григорьевичъ. Нынѣ садъ этотъ, не говоря уже объ его гигиеническомъ значеніи, есть услажденіе отъ нестерпимыхъ жаровъ и восточныхъ палящихъ вѣтровъ, дующихъ иногда недѣли четыре сряду.

По почину и настоянію Хомутова предпринято было, въ 1860 году, устройство желѣзной дороги отъ грушевскихъ каменно-угольныхъ копей къ рѣкѣ Дону на счетъ капитала, имъ, Хомутовымъ, скопленнаго. Тогда это была первая дорога, затѣянная на югѣ Россіи, за исключеніемъ Волго-Донской, начавшейся въ томъ же году.

Грушевская дорога была опять-таки зерномъ, брошеннымъ Хомутовымъ. Но это зерно разрослось такъ быстро, что обмануло самыхъ пылкія ожиданія. Сверхъ того, благодаря этому зерну, Новочеркасскъ вошелъ въ общую сеть желѣзныхъ дорогъ, что, при другихъ условіяхъ, легко могло и не состояться.

Хомутовъ, все на тотъ же скопленный имъ капиталъ, предпринялъ устройство водопровода въ г. Новочеркасскѣ. Для этого потребовалось провести воду за 28 верстъ, т. е. устроить такой водопроводъ, которому нѣтъ другаго примѣра въ Россіи, да едва-ли есть и въ Европѣ. Жители Новочеркасска, пившіе прежде мутную, соленую воду, которою нельзя было даже заварить чай и которая обходилась имъ страшно дорого, пьютъ теперь даромъ отличную воду и охлаждаются фонтанами, бьющими въ тѣнистомъ «Хомутовскомъ саду». Если рыли землю и клали трубы въ то время, когда Михаилъ Григорьевичъ не былъ уже атаманомъ, то никто не можетъ приписать себѣ и одной іоты заслуги по дѣлу водопровода. Дѣло это, не смотря на многія препятствія, одолѣлъ Михаилъ Григорьевичъ еще въ свое атаманствованіе, и началось оно при немъ.

Старикъ посѣялъ много, много зеренъ, но не пришлось ему вкусить отъ всѣхъ ихъ плода. У меня сохраняются нѣкоторыя письма Михаила Григорьевича, относящіяся къ послѣднему времени его жизни, гдѣ проявляется его тихая душевная скорбь, но скорбь истинно-христіанская,

о томъ, что ему не удалось не только вкусить плодовъ имъ посѣяннаго, но даже и посмотреть на нихъ.

Изъ этихъ дѣйствій видно, какъ благотѣльно для края распорядился Хомутовъ скопленными имъ средствами. Надо замѣтить здѣсь, что въ то время—не знаю какъ теперь—войско Донское имѣло свой отдѣльный, независимый бюджетъ какъ по приходу, такъ и по расходу. Было бы очень желательно видѣть, чтобы вообще государственные дѣятеля распорядились бюджетами такъ исключительно полезно, разумно и экономно, какъ распорядился своимъ бюджетомъ атаманъ Хомутовъ.

Оставляя въ сторонѣ блестящую, по своимъ воинскимъ подвигамъ, личность атамана Платова, кто изъ прочихъ, бывшихъ до Хомутова, атамановъ принесъ краю столько пользы, какъ Хомутовъ? Онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ благотѣлемъ войска Донскаго.

Правда, былъ кружокъ, изъ числа высшаго донскаго общества, хотя и весьма ограниченный, который не относился симпатично къ Хомутову. Это вытекало изъ того, что Хомутовъ, при своемъ замѣчательномъ умѣ, при необыкновенномъ тактѣ и при продолжительномъ своемъ пребываніи на Дону, зналъ насквозь не только вѣшнія, но и ввнутреннія свойства каждаго члена общества.

Всякій зналъ, что Михаилъ Григорьевичъ если и не выражаетъ, то, не менѣе того, знаетъ—кто чего стоитъ. Всякій зналъ, что водить за носъ Михаила Григорьевича или затуманить его пылью, брошенною въ глаза—нельзя. Въ его глазахъ имѣли силу лишь дѣйствительныя достоинства человѣка, великія или малыя, но непремѣнно дѣйствительныя. Родовитости онъ отдавалъ принятое вообще уваженіе, но если съ родовитостью не соединялись нужныя для дѣла качества, то серьезныхъ обязанностей на такихъ лицъ онъ не возлагалъ. Фанфаронство, неестественность, безсодержательное краснорѣчіе и кичливость никакого хода у него имѣть не могли. Понятно, что поэтому могъ составиться извѣстный кружокъ недовольныхъ. Но найдется ли среди простолюдиновъ-казаковъ его времени хотя одинъ, который не отозвался бы о Хомутовѣ, если можно такъ выразиться, съ полнымъ благоговѣніемъ,—въ этомъ можно усомниться.

Хомутовъ, хотя и не былъ происхожденія донскаго, хотя онъ не былъ атаманомъ выборнымъ, а былъ атаманомъ, правительствомъ назначеннымъ, не менѣе того, онъ, какъ никто, соотвѣтствовалъ типу историческаго значенія атамановъ, сообразно, конечно, современной эпохѣ. Онъ былъ и начальникъ, и администраторъ, и хозяинъ, и судья, словомъ сказать—былъ то, что мы разумѣемъ подъ словомъ патріархъ. Хомутовъ не тяготился входить, по просьбѣ котораго-либо изъ членовъ семейства, въ семейные вопросы, въ примиряющемъ духѣ, и опираясь въ этихъ случаяхъ не на авторитетъ атамана, а на свой нравственный

авторитетъ, какъ судья, призванный для рѣшенія дѣла. Мнѣ лично случалось быть не разъ свидѣтелемъ подобныхъ разбирательствъ и рѣшеній Михаила Григорьевича, прекращавшихъ семейныя катастрофы.

Доступность Михаила Григорьевича не имѣла, я думаю, подобнаго примѣра.

Каждый день къ нему имѣли доступъ всѣ, не исключая малыхъ дѣтей, и при томъ, въ извѣстное время дня, а именно вечеромъ, послѣ его отдохновенія, и даже безъ доклада. Самое помѣщеніе, въ которомъ онъ прожилъ 23 года, соотвѣтствовало его безпримѣрной доступности. Михаилъ Григорьевичъ занималъ небольшой одноэтажный деревянный домъ, полъ котораго былъ на одномъ уровнѣ съ улицей. Такимъ образомъ, можно сказать буквально, что для вступленія въ его домъ не было порога. За передней слѣдовало зало, а затѣмъ кабинетъ, двери котораго послѣ обѣда были открыты. Приходившіе свободно входила въ зало. Услышавъ шаги, Михаилъ Григорьевичъ, сидя въ кабинетѣ, спрашивалъ: «Кто тамъ?» и звалъ въ кабинетъ, было ли то административное лицо, или то былъ казачокъ - ребенокъ. Постороннему наблюдателю нельзя было не поражаться истинно-христіанскимъ терпѣніемъ въ этихъ случаяхъ Михаила Григорьевича. Эта - то необычайная доступность и цѣнилась высоко всѣми простолюдинами - казаками. Мало того, она, въ родѣ легенды, ходила по окрестнымъ губерніямъ. Когда я еще не зналъ Михаила Григорьевича и производилъ въ 1865 и 1866 годахъ изысканія для желѣзныхъ дорогъ по Харьковской и Екатеринославской губерніямъ, я много разъ слышалъ, по крестьянскимъ хатамъ и хуторамъ, теплые рассказы объ атаманѣ Хомутовѣ. Впрочемъ, существуетъ одинъ эпизодъ, который долженъ храниться въ дѣлахъ, — это поголовное путешествіе рабочихъ съ Волго-Донской желѣзной дороги, находившихся въ Царицынѣ, Саратовской губерніи, въ Новочеркасскъ, за 450 верстъ къ атаману Хомутову, въ расчетѣ прибѣгнуть къ его защитѣ отъ притѣснительныхъ дѣйствій подрядчика.

Несомнѣнно, что Михаилъ Григорьевичъ, при его умѣ, сознательно хотѣлъ отвѣчать типу атамана въ его историческомъ значеніи, но, не менѣе того, это являлось у него и бессознательно, вслѣдствіе подходящей къ тому его натуры. Даже съ внѣшней стороны это былъ типичный атаманъ казаковъ. Нельзя было не любоваться Михаиломъ Григорьевичемъ, когда онъ являлся въ кругъ, или когда онъ, на примѣръ, въ крещенскій морозъ, сопровождалъ, болѣе версты, крестный ходъ, съ обнаженной головой, покрытою густыми бѣлыми, какъ лунь, кудрями, и съ такими же въ кольцо завитыми длинными усами. Живописецъ, который пожелалъ бы изобразить типъ стараго казацкаго атамана древнихъ временъ, не нашелъ бы, кажется, ничего лучшаго, какъ нарисовать Михаила Григорьевича.

Безпримѣрная доступность, обаятельная простота въ обращеніи и рѣдкая сердечная мягкость—не исключали въ Михаилѣ Григорьевичѣ замѣчательной твердости воли и характера,—качества, столь драгоценныхъ для начальника и администратора. Всѣ, и чиновный людъ, и народъ знали—чего можно достигнуть у Михаила Григорьевича и чего нельзя. Хитростнаго, обманчиваго и кляузнаго просителя онъ выслушивалъ такъ же, какъ и другихъ, но отпускалъ его съ тѣмъ же, съ чѣмъ тотъ приходилъ, добавивъ только иногда внушительное поученіе. Но человѣку, пришедшему изложить свое дѣло откровенно, по совѣсти, онъ всегда помогалъ. Никогда онъ не ограничивался однимъ платоническомъ соболѣзнованіемъ объ обстоятельствахъ такого просителя. Никогда не давалъ ему также такого отвѣта, что, «при всемъ его сочувствіи, онъ не можетъ ничего сдѣлать, по той причинѣ, что существуютъ извѣстные, установленные для дѣлъ порядки». Михаилъ Григорьевичъ не могъ мириться съ мыслию, что начальникъ края, убѣжденный въ правдѣ, могъ бы быть безсильнымъ поддержать эту правду. Да и народъ вообще, и весь русскій народъ, такого характера отношенія главнаго начальника къ дѣламъ не понимаетъ, и впредь,—чего, по истинѣ, дай Боже,—не пойметъ. У Михаила Григорьевича не было колебаній, такъ часто встрѣчающихся у начальствующихъ лицъ и администраторовъ, и такъ вредно отражающихся на всемъ.

Одаренный замѣчательно- здравымъ умомъ, освѣщаемымъ, въ добавокъ, искреннею сердечною теплотою, и прямымъ, практическимъ взглядомъ, Михаилъ Григорьевичъ не могъ, конечно, не выработать въ себѣ, къ извѣстнымъ годамъ, взглядовъ строго опредѣленныхъ, и, въ то же время, не могъ не приобрести способности быстрого пониманія людей.

Замѣчательная опредѣленность Хомутова въ его дѣйствіяхъ не вытекала, однако, вовсе изъ старческаго упрямства. Онъ былъ очень чутокъ ко всему истинно прогрессивному. Доказательствомъ тому служить то, что дѣйствительная цивилизація края началась съ его времени. Онъ былъ очень далекъ отъ тупаго консерватизма, quand même. Но онъ умѣлъ различать коренные элементы, не подлежащія ни подъ какимъ видомъ подлежать измѣненію, отъ тѣхъ, которые могутъ и должны измѣняться. Словомъ сказать, онъ умѣлъ различать корни дерева отъ его вѣтвей.

Нельзя не пожалѣть, что Хомутомъ покинулъ Донъ и умеръ преждевременно. Если на Дону, какъ и въ другихъ частяхъ Имперіи, требовались различныя разумныя реформы, сообразныя съ духомъ времени, то никто не могъ бы, кажется, выполнить эту задачу лучше Михаила Григорьевича, вслѣдствіе его продолжительнаго пребыванія въ краѣ, знанія имъ нравственныхъ и экономическихъ условій его, знанія

тамошнихъ людей и пріобрѣтеннаго имъ громаднaго нравственнаго авторитета надъ ними.

Кромѣ поименованныхъ мною выше крупныхъ явленій дѣятельности Михаила Григорьевича, я, насколько мнѣ извѣстно, перечислю менѣ видныя заслуги его для края:

Учрежденіе капитала для бѣдныхъ, капитала церковнаго и капитала пожарнаго.

Увеличеніе вообще жалованья и уменьшеніе срока службы.

Устройство въ Новочеркасскѣ собора и церквей, Маріинскаго женскаго института, отдѣленія для восточныхъ языковъ, пріюта, женской школы, мостовой, которой прежде не существовало, спусковъ съ горы къ рѣкѣ, прекраснаго гостинаго двора, который гораздо красивѣе петербургскаго, монумента Платову, базарной площади, дома дворянскаго собранія съ клубомъ и театра. Заведена портретная галерея государей и атамановъ, и устроенъ въ саду вокзалъ, для развитія общественной жизни, куда три раза въ недѣлю собиралось общество всѣхъ сословій, лишь бы были прилично одѣты и вели себя прилично. Тамъ танцовали на открытомъ воздухѣ, на устроенной для того платформѣ, среди зелени и освѣщенія разноцвѣтными фонарями. Эти, такъ именовавшіеся, пикники очень много способствовали сближенію общества и измѣненію обычаевъ. Еще во время моего пребыванія на Донѣ, въ нѣкоторыхъ домахъ женщины скрывались при моемъ тамъ появленіи.

Изъ заключеніе я замѣчу, что изъ вѣка въ вѣкъ память о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ на Донѣ будутъ поддерживать Грушевскій антрацитъ, согрѣвающий и обогащающій Донской край, прекрасная здоровая вода, утоляющая жажду жителей г. Новочеркаска, тѣнь сада, спасающая ихъ отъ нестерпимаго зноя, Маріинскій женскій институтъ, желѣзная дорога, развитіе края и его образованіе, начавшееся, въ сущности, со времени Хомутова.

Есть, конечно, еще лучшіе памятники о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ—это памятники, сохраняющіеся въ сердцахъ многихъ отцовъ, матерей и дѣтей; памятники эти исчезнутъ со смертію тѣхъ, которые хранятъ ихъ до сихъ поръ.

Такимъ памятникамъ, какіе создалъ себѣ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, могли бы позавидовать многіе государственные люди, дѣйствовавшіе на болѣе широкомъ поприщѣ.

Въ заключеніе для характеристики Хомутова, я приведу здѣсь подлинные письма его ко мнѣ, относящіеся къ тому времени, когда онъ ушелъ уже съ Донѣ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а равно и нѣкоторыя выдержки изъ моихъ писемъ къ нему.

«Судьба людей неисповѣдима,—писалъ онъ мнѣ 6-сентября 1862 г.,—

и всякій изъ насъ покоряется волѣ Всевышняго; насъ судьба соединила, она же насъ и разлучила. Я въ такой борьбѣ чувствъ, благодарности и огорченія, что никакъ не могу придти въ себя. На Дону я такъ свылся съ людьми, дѣлами и мѣстами и даже воздухомъ—и вдругъ одна высокая царская милость, за которую не нахожу оловъ благодарности, прервала всю нить моей жизни, которую старался посвятить на счастье вѣреннаго мнѣ края, при благополучномъ 23 лѣтнемъ управленіи и много имѣлъ сладкихъ и утѣшительныхъ минутъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ сближенію съ вами, узнанію вашей высокой души и вашей неутомимой дѣятельности по возложенной на васъ государственной обязанности.

«Не беру на себя васъ благодарить за все вами сдѣланное. Эта благодарность будетъ выше; но считаю себя счастливымъ, что нашелъ въ васъ друга по душѣ, на котораго во всемъ и всегда могу положиться.

«Увѣренъ, что мое удаленіе нисколько не ослабитъ предпринятаго сооруженія, и весь вашъ трудъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

«Передайте мою искреннюю благодарность Крониду Александровичу, котораго высоко цѣню, также и Григорію Петровичу, который оказалъ такъ много услугъ; благодарю также вашихъ сотрудниковъ, усердныхъ Гана и Семичева. Горько мнѣ вамъ сказать про с т и. Увѣренъ, что еслибы мое помянутое было со всѣми вами лично, то вызвало бы не одну слезу.

«Отъ души желаю вамъ и вашему семейству всѣхъ благъ на свѣтѣ. Да защититъ васъ Богъ, не забывайте меня—а вы у меня на всегда въ сердце мое тепло для васъ.

«Всѣмъ в Мнх. Хомутовъ.

«Presente à Madame votre épouse».

Когда Хо. а Дону, то хотя между мной и имъ и были симпатіи, но вѣншн. ченій ихъ не было, вслѣдствіе огромной разности лѣтъ и положеній.

Но, получивъ вышеознач. ереполненное сердечностью, любовью и благодарностью, твѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ.

«Теперь, когда вы оставили н риска быть дурно понятымъ, высказать вамъ тѣ чувства, . накопились у меня въ душѣ, которыя просятся наружу, и котор. . я долженъ и не могу удержать далѣе.

«Я полюбилъ васъ всею силою моей души, и не за расположеніе ваше ко мнѣ,—въ этомъ случаѣ, я бы не имѣлъ духу писать вамъ—я полюбилъ васъ и получилъ къ вамъ самое искреннее уваженіе и не за одинъ вашъ высокій умъ, и не за одно ваше неунынное и постоянное содѣйствіе нашему общему дѣлу, желѣзной дорогѣ, но сильная любовь и глубокое уваженіе къ вамъ развились во мнѣ, главнымъ образомъ, за вашу широкую.

теплую, непобѣдимую любовь ко всякому ближнему, и въ особенности къ низшей братіи.

«Исчислять примѣры этой любви невозможно, этому исчисленію не было бы конца; любовь эта лилась изъ васъ ежедневно, ежеминутно, по поводу всякаго столкновенія съ людьми. Всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ былъ одинъ источникъ: любовь и любовь къ ближнему. Вы тщательно старались скрывать эту пружину, и вѣроятно потому, что знали, по опыту, что большинство людей не только не могутъ еще понять, что любовь къ ближнему можетъ быть исходнымъ пунктомъ всѣхъ дѣйствій, но что такая пружина кажется имъ даже часто смѣшною. Не разъ, конечно, вы терпѣли за эту любовь, не разъ подвергались за нее же осужденію и превратнымъ толкованіямъ, но вы остались тверды, вы не могли измѣнить себѣ—эта любовь была въ вашей натурѣ.

«Есть ли примѣръ, чтобы человекъ, занимающій подобное вамъ положеніе, и въ ваши годы, поставилъ себя въ такое доступное положеніе для всѣхъ безъ исключенія, въ какое вы поставили себя здѣсь. Есть ли въ цѣлой Донской землѣ одна человѣческая душа, которая усумнилась бы, хотя на минуту, что она не найдетъ доступа до васъ во всякое время. Каждый, и въ особенности бѣднякъ, знаетъ, что онъ найдетъ въ васъ и защиту, и утѣшеніе, что его не только приметъ самъ атаманъ, во всякое время, но еще приметъ радушно, выслушаетъ терпѣливо, какъ бы ни была мелочна его просьба или нужда. Дѣти, и тѣ пользовались равнымъ со всѣми правомъ—лично передавать свое горе и свои нужды атаману.

«Но не одни непосредственно подчиненные вамъ казаки, а и всякій, разъ въ предѣлахъ Донской земли, сейчасъ уже узнавалъ, что атаманъ никого, и въ особенности рабочаго человѣка, въ обиду не даетъ, и что къ атаману двери всегда открыты. Это вѣдь не одни слова, а все это совершалось ежедневно передъ нашими глазами.

«Еще въ 1855 и 1856 году, когда я дѣлалъ изысканія для желѣзной дороги на Харьковъ, разъѣжая по губерніямъ Екатеринославской и Харьковской и ночуя по деревнямъ въ избахъ, я не разъ слышалъ разговоры, что Хомутовъ сущій отецъ для мужичковъ, что когда приходится бывать на Дону, то кто бы ни обидѣлъ—ступай прямо къ самому атаману.

«Объ этой доступности нельзя отзываться обыденнымъ образомъ; тамѣра доступности, которую вы осуществили на дѣлѣ, есть первѣйшая, главнѣйшая и единственная черта, могущая успокаивать совѣсть и которою должны бы отличаться всѣ люди, на чьей отвѣтственности лежитъ участь другихъ людей.

«Нравственное и матеріальное вліяніе вашей доступности имѣло громадное значеніе во всемъ краѣ. Не говорю уже о томъ, что она уничтожала даже возможность зарожденія чувства безутѣшности и отчаянія въ обиженномъ, и оставляла ему сладкія минуты успокоенія,

но эта доступность, естественнымъ образомъ, предотвращала миллионы могущихъ быть безъ него золъ. Встрѣчаются конечно изрѣдка люди, въ подобномъ вамъ положеніи, которые и желали бы быть доступными, но когда они столкнутся на практикѣ, лицомъ къ лицу, съ докучливыми просьбами, когда увидятъ, что на 100 просьбъ не наберешься и 10 справедливыхъ, тогда принципъ доступности начинается имъ надоедать, доступность обращается уже частенько въ пустую декорацію, и въ сущности, смѣняется недоступностью; а вы въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, и до послѣдней минуты, съ поразительнымъ терпѣніемъ практиковали доступность существенную, непримѣрную.

«Многіе ли могутъ утѣшать себя мыслью, что они исполняли такимъ чистымъ и блестящимъ образомъ свой священный долгъ начальника передъ совѣстью и людьми, какъ исполнили его вы? Вы осуществили на дѣлѣ то, что для другихъ кажется несбыточной утопійей.

«Не мнѣ исчислять тѣ результаты великихъ полезныхъ дѣяній и подготовленій, которыя видимы, осязаемы и которыя остаются живою памятью вашей искренней и неусыпной заботливости о краѣ; я хотѣлъ помянуть только тѣ дѣянія, которыя хотя и не осязаемы, но которыя приносятъ невидимо великое благо, и слѣды которыхъ остаются только въ душѣ.

«Вамъ предстоитъ теперь новое поприще. Конечно, вы не будете имѣть поля для непосредственнаго приложенія вашей любви къ ближнимъ, но за то вашъ мудрый совѣтъ, ваше практическое и близкое знаніе жизни народа и его нуждъ могутъ имѣть вліяніе несравненно обширнѣе, чѣмъ прежде. Вы отличались здѣсь тѣмъ, что всюду вносили миръ, удовлетворяя обиженнаго, не карая, но вразумляя виновнаго и пробуждая въ немъ совѣсть. Да поможетъ вамъ Богъ вносить въ вашихъ совѣтахъ то же примирительное, мудрое и истинно-христіанское начало, какое вы всюду вносили здѣсь: оно теперь болѣе нужно, нежели когда-нибудь. Да поможетъ вамъ также Богъ не быть вопіющимъ въ пустыняхъ:—голосъ истины такъ силенъ, что камни растворяются въ воду, глупыхъ дѣлаетъ умными, жестокихъ—милосердными.

«Въ отношеніи себя, скажу вамъ одно, что мнѣ скучно безъ васъ. И скучно не мнѣ одному. Не услышать также болѣе наши рабочіе мужички вашего теплаго утѣшительнаго олова, какъ вы бывало обращались къ нимъ съ радушною рѣчью, обнаживъ вашу сѣдую голову. Какъ мнѣ бывало хотѣлось обнять, въ эту торжественную минуту, эту прекрасную голову и пролить на нее наворачивающуюся слезу радости отъ того, что есть на свѣтѣ такіе люди, какъ вы.

«Я выразилъ вамъ чувства не отъ одного себя, но и отъ брата моего Кронида. Сослуживцы мои раздѣляютъ по убѣжденію одинъ со мною взглядъ. Сочту тоже своимъ долгомъ, чтобы всѣ тѣ люди, которые

будутъ знать меня, непременно знали бы о Михаилѣ Григорьевичѣ и понимали бы его такъ, какъ понимаю его я.

«Позвольте мнѣ васъ обнять. На всегда и всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

Такъ какъ Хомутовъ очень интересовался ходомъ работъ на Грушевской дорогѣ, то я вскорѣ написалъ другое письмо, отъ 30-го сентября 1862 года:

«Вы не ошиблись, сказавши въ прошедшемъ вашемъ письмѣ, что вы нашли во мнѣ друга по душѣ. Это сущая истина. А много ли найдется на свѣтѣ стариковъ, которые бы могли побѣждать душу молодыхъ такъ, какъ побѣждали вы. Вѣрно и то, что личное прощаніе являло бы у всѣхъ насъ не одну самую искреннюю слезу.

«Что же касается дѣла устройства дороги, то я преслѣдую его по-прежнему, но долженъ сказать, что намъ было очень пріятно работать, видѣвши въ васъ человѣка, который судилъ не одни результаты, но который зналъ и понималъ весь предшествующій всякому результату трудъ, который зналъ, какъ достигаются результаты въ такой странѣ, какъ здѣсь—удаленной, лишенной всякихъ техническихъ и матеріальныхъ средствъ для работъ, не имѣющей предпримчивыхъ, свѣдущихъ по подрядамъ и капитальныхъ людей. Рѣшенные вопросы и удачные соотвѣтствующіе обстоятельства результаты кажутся всегда для большинства людей такими, что какъ будто и не должно было быть иначе; они не видятъ пути, которымъ надо было доходить до того или другого результата, можетъ быть, и очень простаго, но только тогда, когда дѣло уже кончено. Вы же съ вашимъ практическимъ взглядомъ умѣли замѣчать трудности пути, и это насъ удовлетворяло. Конечно, не было бы и на сотую долю труда, какъ теперь, если бы строить дорогу не за 40.000, а за 80.000 съ версты. Но мы задали себѣ задачу построить дешево и такъ же хорошо, если еще не лучше, какъ другія дороги. Задача трудная, но, съ Божіею помощью, будемъ преслѣдовать ее...¹⁾».

«На всегда и всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

На эти письма М. Г. Хомутовъ отвѣчалъ 22-го декабря 1862 г.:

«Всему вашему и братинному семейству, вамъ и всѣмъ вашимъ подчиненнымъ приношу мое душевное поздравленіе съ новымъ годомъ. О желаніяхъ не пишу; вы увѣрены, что они полны всего лучшаго для васъ, и да будетъ благословеніе Господне во всѣхъ вашихъ.

«Хотя я и далекъ отъ васъ, но все меня тянетъ къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ работамъ. У меня былъ Ортъ и меня обрадовалъ, что у васъ все идетъ успѣшно и хлопчете, чтобы дорогу протянуть до Каменской

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ въ письмѣ длинное изложеніе положенія работъ.

станции; это дастъ большое значеніе дорогѣ и выручить проценты на капиталъ.

«По войску большія перемѣны, хоть онѣ до васъ не касаются; но все-таки интересно видѣть и слышать все происходящее. Дѣвы дѣла на семъ свѣтѣ: за перемѣною одного лица—все перемѣняется.

«Увѣдомьте меня, какъ вы полагаете, когда поспѣетъ ваша дорога.—Грустно мнѣ, что не придется по ней прокатиться.

«Вашъ братъ (братъ Инполитъ) былъ у меня, и я былъ радъ съ нимъ познакомиться. У васъ теперь новый начальникъ Павелъ Петровичъ ¹⁾. Онъ вашу часть подвинетъ и улучшить судоходство по Дону, и тогда уголь пойдетъ на Волгу.

«Легко можетъ быть, что зимой прїѣдете въ Питеръ, итакъ до свиданія. Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

Въ маѣ 1863 года я писалъ М. Г. Хомутову:

«Посылаю вамъ номеръ «Донскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечатанъ и приговоръ. Приговоръ этотъ посланъ атаманомъ въ Петербургъ, съ просьбою нарядить комиссію. Отсылая приговоръ, атаманъ не спросилъ ни мнѣніе комитета, ни мое, и ни разу даже не говорилъ объ этомъ предметѣ ни со мною, ни съ комитетомъ. Между тѣмъ слыша, что составляется приговоръ, я предлагалъ раза три атаману проѣхаться со мною по работамъ; но онъ этого почему-то не хотѣлъ сдѣлать, а ѣздитъ одинъ или съ полицеймейстеромъ. Содержаніе приговора мы узнали только изъ газеты. Вы увидите, сколько въ немъ лжи и безсмысленности.

«Оборотная сторона медали, т. е. приговора—есть интрига противъ васъ, комитета и меня. Я смѣю надѣяться, что, по самому смыслу приговора, въ Петербургѣ поймутъ настоящее значеніе его, а если по множеству болѣе серьезныхъ занятій, чѣмъ новочеркасскія дразги, и не вникнули бы въ него, то позволяю себѣ надѣяться, что, при случаѣ, вы поясните дѣло, кому найдете нужнымъ.

«Комитетъ нашъ полагаетъ, что ему надо отвѣчать публично, чтобы разъяснить дѣло (такъ какъ приговоръ напечатанъ), но главной причины всей неурядицы и того безобразія, которыя совершаются здѣсь, и результаты которыхъ будутъ, не сегодня, такъ завтра плачевны—этого, къ сожалѣнію, публично, разъяснить нельзя. Причина эта ограниченность, непониманіе дѣла.

«Обратите вниманіе на характеръ всего приговора. Тутъ выказывается та мысль: какъ-де смѣли расходовать капиталъ, не спросивъ насъ. Вы угадываете—чья эта задняя мысль. Но ее раздѣляетъ и поддерживаетъ гласно атаманъ; и это мнѣніе до того сдѣлалось популярно,

¹⁾ Мельниковъ.

что, непрерывно, простые казаки, встрѣчаясь съ нашими десятниками на работахъ,—упрекають ихъ, что они изводятъ ихъ деньги и не пускають ихъ ходить по работамъ; что теперь не то, что прежде, и что они не дадутъ распоряжаться безъ нихъ. По этому поводу даже былъ скандалъ, который постарались замаять. Вотъ какія понятія развиваются въ народѣ, и не сами собою, а текутъ свыше, конечно, не сознательно. Въ такой благоустроенной и свободной странѣ, какъ Англія, и тамъ сочли бы безумствомъ, что разъ утвержденный бюджетъ правительства кучка невѣждъ вздумала бы оспаривать, что оно, не спрося этой кучки, не смѣло расходовать суммы. Добро бы расходъ этотъ былъ на роскошь, а это на самое благое дѣло въ Россіи, на желѣзную дорогу.

«Теперь не имѣю времени писать болѣе; хотя многое бы надо было сообщить. О себѣ скажу, что я измученъ до крайности. Если бы передать всѣ шиканы, которые дѣлаются нашему дѣлу и отъ которыхъ,—что всего важнѣе—нѣтъ защиты, то ужаснулись бы въ полномъ смыслѣ слова глупости и подлости, до которыхъ могутъ доходить люди, и такіе, для которыхъ это уже до крайности не прилично. Приговоръ—это быть можетъ одна сотая доля всѣхъ другихъ шиканъ.

«Я не хочу отклонять нарядженія комиссіи изъ Петербурга; но мнѣ казалось бы, что, прежде ея нарядженія, слѣдовало бы запросить нашъ комитетъ, и если объясненіе его не найдутъ удовлетворительнымъ, тогда и нарядить комиссію. Съ своей стороны, я радъ комиссіи изъ Петербурга.

«Всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

Хомутовъ отвѣчалъ изъ Москвы 29-го мая:

«Прочелъ статью, приговоръ черкасскихъ станицъ и знаю присланную просьбу въ Питеръ, на счетъ нашей желѣзной дороги. Удивляюсь, какъ могли такъ судить, какъ могли принимать такую просьбу, и какъ могли ее представить. Грустно слышать все, что у васъ происходитъ: смѣшеніе языковъ, что надѣлалъ одинъ ядовитый языкъ. Богъ ему судья, воображаю, какъ наша совмѣстная служба была пріятна, такъ она вамъ теперь грустна, но не принимайте всего лаю къ сердцу. Ваша репутація такъ высока, что не помрачится никакими статьями. Я видѣлъ брата, онъ мнѣ на словахъ передалъ всѣ черкасскіе возгласы противъ желѣзной дороги, и увѣренъ, что вы тоже публикуете въ защиту оной, объяснивъ слѣпцамъ весь ходъ дѣла, чисто и ясно, безъ всякихъ колкостей.

«Я слышалъ, что васъ просятъ на Волго-Донскую дорогу, и былъ бы очень радъ, если бы это совершилось. Во-первыхъ, для компаніи находка, во-вторыхъ, вы бы могли много способствовать нашей желѣзной дорогѣ. Какъ меня въ войскѣ ни частять, а все-таки его люблю и желаю всякаго добра.

«Вы и Кронидъ Александровичъ въ полномъ правѣ сѣтовать—это на мѣсто благодарности вамъ дѣлають непріятности. Да, наконецъ, что же вашъ предсѣдатель, видѣлъ ли онъ все, говорилъ ли онъ съ вами, и какой его взглядъ. Еще повторяю, не принимайте къ сердцу всю болтовню и берегите свое здоровье, которое драгоцѣнно и для семейства и для отечества.

«Къ вамъ ѣдетъ Дельвигъ, который по своему хорошему взгляду всѣхъ успокоить.

«Напомните Софія Михайловнѣ и передайте мой большой поклонъ всѣмъ вашимъ сотрудникамъ, которыхъ привыкъ уважать и которымъ отдадутъ еще справедливость. Человѣческою неблагодарностію не оскорбляйтесь, она грустна, но когда совѣсть чиста, она смѣшна; никто болѣе не испытываетъ ее, какъ я.

«Обнимаю васъ всѣхъ, мои добрые друзья, Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

«Я въ Москвѣ проѣздомъ изъ имѣнія, сейчасъ ѣду въ Питеръ. Благодарю Бога, все покончилъ благополучно,—хотя много потерялъ, но оставивъ свободой миллионы народа».

Черезъ нѣсколько дней и именно 8-го іюня онъ писалъ мнѣ:

«Какъ мнѣ грустно васъ знать въ тревожномъ состояніи, могъ ли я ожидать, что въ замѣнъ благодарности вы подвергнетесь неудовольствіямъ. Геригроссъ мнѣ доставилъ ваше письмо съ знаменитымъ приговоромъ. До полученія онаго, я вамъ писалъ изъ Москвы, и наши мысли совпали. Этотъ приговоръ и его гласность есть верхъ безобразія. Не понимаю, какъ (какъ говорятъ, что во главѣ стоитъ умный человѣкъ) могъ допустить такую несообразную нелѣпость. За то могу вамъ сказать, что въ Петербургѣ на все это дѣйствіе смотрять такъ, какъ вы, и я это вижу, и этотъ небывалый фактъ даже огорчилъ высшія лица, что, кажется, и дано почувствовать въ сильныхъ выраженіяхъ. Ваша и всѣхъ вашихъ сотрудниковъ совѣсть такъ чиста, что можете быть покойны, хоть эта сущая справедливость, но понимаю, что безъ прискорбія мудрено объясниться. Я еще разъ вамъ повторю—берегите себя и помните, что вы нужны и семейству и государству. Что сдѣлалось съ Черкасскомъ не понимаю, какихъ-нибудь десять пустыхъ головъ, руководимыя однимъ потаеннымъ вліяніемъ, мутятъ все общество, и какъ не найдутся благоразумные люди (которые тамъ есть), которые бы не остановили такое фальшивое вредное направленіе. Несмотря на всю неблагодарность ко мнѣ, я все-таки люблю и люблю этотъ Донъ, и все ихъ дурное меня огорчаетъ до глубины сердца. Какъ я имъ желаю добра и счастья, и въ моихъ слабыхъ молитвахъ ихъ не забываю. Ради Бога, будьте покойны—это, понимаю, трудно при всемъ безобразіи. Я очень хорошо даю совѣты, а самъ часто принимаю съ прискорбіемъ всѣ

нелѣпости, распускаемыя на мой счетъ. Я ли не жертвовалъ всѣмъ для нихъ блага. Богъ имъ судія. Вотъ еще одна черная черта: два станичныхъ атамана запутались въ счетахъ и даютъ знать подъ сурдиною, что я у одного взялъ 20.000, у другаго значительную сумму. Что два негодяя распускаютъ такіе слухи въ оправданіе своего преступленія,—это понятно,—но что если люди, знающіе меня хорошо, вѣрятъ такимъ гадостямъ, это уже больно прискорбно, и объ этомъ пишу Павлу Христофоровичу (Граббе) и прошу дать формальный ходъ. Любопытно, какой будетъ отвѣтъ?

«И такъ судьбою назначено намъ двумъ нести напраслину. Какъ мы другъ друга знаемъ, утѣшимся тѣмъ, что это падаетъ (отложивъ скромность) на двухъ честныхъ людей.

«Геригроссъ передавалъ, какъ у васъ все идетъ хорошо. Судьба не допустила меня полюбоваться нашимъ дѣтищемъ,—придетъ время, и намъ отдадутъ справедливость, наша дорога будетъ образцовой для Россіи, по своей прочности и дешевизнѣ. Знаю, что вамъ мало времени, но не откажите мнѣ написать всѣ подробности вашихъ работъ, онѣ мнѣ близки къ сердцу. Воображаю, какъ мостъ Тузовскій хорошъ, вагоны тоже отличные.

«Прошу передать всѣмъ вашимъ добрымъ и усерднымъ товарищамъ мой дружескій поклонъ, я ихъ понимаю и цѣню.

«Напомните меня Софіи Михайловнѣ и попросите ее, чтобы она своего мужа журила за то, что онъ принимаетъ все къ оердцу.

«Обнимаю васъ всѣхъ, Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXIII ¹⁾.

Назначеніе генералъ-адъютанта графа Граббе наказнымъ атаманомъ войска Донскаго. — Его отношенія къ дѣятельности своего предшественника. — Столкновеніе В. А. Панаева съ графомъ Граббе. — Приговоръ объ уничтоженіи желѣзной дороги. — Командированіе изъ Петербурга на Донъ генерала барона Дельвига. — Путешествіе наслѣдника Николая Александровича по Волгѣ иДону. — Пребываніе его въ Царицынѣ, Цимлянской станицѣ и въ Новочеркасскѣ.

Н адо сказать, что въ концѣ 1861 года, когда Хомутовъ былъ еще атаманомъ, онъ получилъ, секретно, записку военнаго министра о преобразованіи, которое предполагается сдѣлать въ войскахъ, при чемъ долженъ былъ быть уничтоженъ особый бюджетъ войска, которое по этому случаю лишалось винныхъ и соляныхъ доходовъ. Зимой 1862 г. князь Дондуковъ былъ въ Петербургѣ и передъ отъѣздомъ своимъ подалъ, помимо министра, частную записку государю, гдѣ высказывалъ пагубныя послѣдствія реформы и возможные волненія въ донскомъ казачествѣ. Секретная записка была переписана во многихъ экземплярахъ и распространена между простымъ казачествомъ, и тамъ распространился слухъ, что казаковъ хотятъ обратить въ государственныхъ крестьянъ.

Съ отозваніемъ Хомутова, Дондуковъ не былъ назначенъ атаманомъ, а исправлялъ только эту должность. Онъ ежеминутно ожидалъ назначе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1902 г.

вія, но таковое не являлось. По войску полетѣли адъютанты и чиновники особыхъ порученій для того, чтобы успокаивать впрочемъ не волновавшееся казачество, которые главнымъ образомъ и разнесли то, чего простое казачество не могло и знать.

И вотъ, по отъѣздѣ атамана стали безпрерывно являться изъ разныхъ станицъ депутаціи къ Дондукову. Онъ принималъ эти депутаціи торжественно по воскресеньямъ и объявлялъ имъ, чтобы онѣ были покойны и что, пока онъ будетъ на Дону, не допустить преобразованій, а на другой день доносилъ объ этихъ депутаціяхъ, говоря, что онъ успокаиваетъ ихъ.

Министръ, конечно, понялъ интригу и послалъ въ Новочеркасскъ флигель-адъютанта Мезенцова, какъ бы для рекрутскаго набора по тѣмъ немногимъ селамъ, которыя находятся въ землѣ войска Донскаго. Никто, конечно, не подозрѣвалъ миссіи Мезенцова. Это былъ человѣкъ веселый, общительный, чрезвычайно умный и очень образованный.

Онъ бывалъ во всѣхъ обществахъ и черезъ два мѣсяца вернулся въ Петербургъ, съ запасомъ наблюденій того, что творилось въ Новочеркасскѣ.

Между тѣмъ, приказа о назначеніи князя Дондукова атаманомъ не появлялось. Въ Новочеркасскѣ затѣяли дать ему обѣдъ, на которомъ онъ сказалъ, что если не будетъ назначенъ атаманомъ, то не останется начальникомъ штаба.

Наконецъ, былъ назначенъ атаманомъ старикъ Граббе. Тогда нашли нужнымъ дать опять обѣдъ Дондукову, чтобы онъ имѣлъ приличный поводъ отказаться отъ своихъ словъ. И, дѣйствительно, на этомъ второмъ обѣдѣ, Дондуковъ объявилъ, что онъ почтетъ за честь служить подъ начальствомъ такого высокопочтеннаго и храбраго генерала, и на другой же день поѣхалъ къ нему навстрѣчу.

Граббе, по своей дряхлости, непрактичности и незнанію всѣхъ условій края, попалъ подъ вліяніе Дондукова.

Во всякомъ случаѣ, наблюденія, которыя могъ вынести Мезенцовъ изъ Новочеркасска, должно быть, порѣшили вопросъ объ удаленіи оттуда Дондукова.

Въ это время я собрался ѣхать въ Петербургъ и пошелъ откланяться Граббе.

— Вы когда ѣдете?—спросилъ онъ.

— Завтра или послѣ завтра,—отвѣтилъ я.

— Я попрошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе ѣхать сегодня же. Я пришлю вамъ сейчасъ конвертъ и курьерскую дорожную. Этотъ пакетъ прошу васъ, не переодѣваясь, прямо съ поѣзда, доставить лично военному министру. Дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства и касается назначенія начальника штаба.

По приїздѣ въ Петербургъ, на третій день утромъ въ 9 часовъ, я отправился прямо на квартиру къ военному министру и заявилъ фельдъегерю, что я привезъ пакетъ отъ Граббе, который приказалъ мнѣ лично доставить министру, прямо съ поѣзда.

Министръ вышелъ, и я подаль ему пакетъ. Онъ прочелъ, смялъ бумагу въ клубокъ, бросилъ ее на полъ и сталъ спрашивать, въ какомъ положеніи постройка дороги.

Вечеромъ того же дня, ко мнѣ на квартиру приѣхалъ генераль-адъютантъ Орловъ-Денисовъ.

— Я получилъ сейчасъ высочайшее повелѣніе, сказалъ онъ, отправиться немедленно въ Новочеркасскъ и везу приказъ о назначеніи начальникомъ штаба генераль-маіора Оомина.

Дондуковъ былъ назначенъ начальникомъ кавалерійской дивизіи въ Воронежъ, но туда не поѣхалъ и вышелъ въ отставку.

Нѣтъ сомнѣнія, что Граббе былъ достойнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, имѣвшій репутацію храброго генерала; но не практичный, трудно понимающій все до его спеціальности не относящееся, имѣлъ взгляды либеральнаго пошиба первой четверти нынѣшняго столѣтія, постоянно проповѣдывалъ о необходимости самоуправления, былъ склоненъ къ громкимъ фразамъ и человѣкъ уже слишкомъ дряхлый.

Граббе приѣхалъ на Донъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ Хомутова, подобно тому, какъ мнѣ обрисовали его передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ не скрывалъ этого предубѣжденія и очень рельефно проявлялъ его на каждомъ шагу. Обидно было для уважавшихъ и любившихъ искренно благороднѣйшаго Хомутова быть свидѣтелями разныхъ эпизодовъ, въ которыхъ высказывалось не деликатное отношеніе новаго атамана къ своему предшественнику.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ этой не деликатности. Надо сказать, что наказному атаману отводилось отъ войска значительное количество земли, которая сдавалась въ аренду на торгахъ. Арендаторъ слѣдующія съ него деньги приносилъ прямо Хомутову. Послѣдній любилъ аренду получать болѣею частью серебряными цѣлковыми для того, чтобы носить ихъ съ собою для раздачи разнымъ обращающимся къ нему бѣднымъ лицамъ. Арендаторъ, простой торговый казакъ, принесъ слѣдующую съ него аренду въ мѣшкѣ цѣлковыми и вошелъ съ нимъ въ кабинетъ Граббе, находившійся рядомъ съ общей пріемной залой.

Граббе разразился неистовымъ крикомъ, вынесъ мѣшокъ съ цѣлковыми въ залу, бросилъ его и приказалъ адъютантамъ сосчитать серебро и, при этомъ обращаясь къ арендатору, сказалъ:

— Какъ вы смѣете приносить деньги прямо ко мнѣ, а не въ войсковое правленіе. Я васъ не знаю и знать не хочу. Прошу отвыкнуть отъ прежнихъ порядковъ, теперь уже не то!

И вслѣдъ за тѣмъ торжественно возвратился въ кабинетъ.

Вернувшись недѣли черезъ три изъ Петербурга въ Новочеркасскъ, я, разумѣется, не нашелъ уже Дондукова. Въ тотъ же день явился ко мнѣ старшій техникъ, десять лѣтъ служившій у меня на Николаевской дорогѣ, человѣкъ испытанный, знающій работы и въ особенности честный, и сообщилъ мнѣ, что сынъ его, одинъ изъ многихъ младшихъ десятниковъ, находился на работахъ для надзора за мощеніемъ камнемъ откосовъ, спускающихся къ рѣкѣ Аксаю. Подѣхали три казака, остановились на работахъ и спрашиваютъ его: Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Мошу камнемъ откосы.

— Для чего это дѣлаешь, вѣдь весной вода все смоетъ въ рѣку, только деньги наши изводите.

— А вамъ какое дѣло, я исполняю приказаніе начальства, убирайтесь отсюда вонъ.

— Какъ какое дѣло, и какъ ты смѣешь гнать насъ. Самъ атаманъ приказалъ намъ осмотрѣть работы и довести, что не ладно. Не мы уберемся отсюда, а ты убирайся.

И казаки стали бить его нагайкой.

— Сынъ мой,—говорилъ техникъ,—бросился бѣжать отъ откоса на рѣку, гдѣ былъ тонкій ледъ и провалился; казаки за нимъ съ нагайками, избили его и потащили въ полицію, гдѣ онъ и сидитъ уже пять дней.

Я былъ убѣжденъ въ вѣрности сообщеннаго мнѣ разсказа отцомъ и написалъ сейчасъ письмо полицеймейстеру, прося его сообщить, что за люди, приведшіе десятника съ желѣзной дороги, и просилъ немедленно выпустить его, чтобы узнать, въ чемъ заключается дѣло.

На это я никакого отвѣта не получалъ, и десятникъ не былъ выпущенъ. На слѣдующій день я написалъ другое письмо уже съ категорическимъ требованіемъ выпустить подчиненнаго мнѣ десятника. Это письмо тоже осталось безъ отвѣта. Меня это крайне удивило.

Вечеромъ, не получивъ отвѣта на второе мое письмо, я отправился къ Граббе, разсказалъ ему о томъ, что мой подчиненный десятникъ взять съ работъ и сидитъ пятый день въ полиціи, и что полицеймейстеръ не отвѣтилъ мнѣ на два письма и десятника не выпускаютъ.

Выслушавъ мой разсказъ, Граббе, потрясая кулакомъ, сказалъ:

— О, я ему покажу!

Я принялъ этотъ возгласъ за обращенный къ полицеймейстеру и удивился такой энергіи. Но вслѣдъ за тѣмъ Граббе началъ ругать десятника и безпрестанно повторять: «я ему покажу, я ему покажу». Тогда я сказалъ Граббе, что у меня до 20 человѣкъ десятниковъ, что я не знаю ихъ всѣхъ въ лицо, что если десятникъ сдѣлалъ какое-либо преступленіе или проступокъ, такъ его надо отдать подъ судъ, но что я не могу допустить, чтобы посторонніе люди брали десятника съ работъ,

гдѣ онъ приставленъ для наблюденія, чтобы они при этомъ били его и затѣмъ посадили въ полицію, гдѣ десятникъ до сихъ поръ находится, и что мой авторитетъ, какъ начальника желѣзной дороги, будетъ абсолютно уничтоженъ.

Мои объясненія Граббе не понялъ. Видя его въ раздраженномъ положеніи, причину котораго я тогда не понялъ, я ушелъ, не достигши никакого результата.

На другой день, надѣвъ уже мундиръ, я пріѣхалъ къ Граббе и подалъ ему рапортъ съ требованіемъ о назначеніи форменнаго слѣдствія. Граббе поморщился и, подержавъ рапортъ нѣкоторое время въ рукахъ, положилъ его передо мной и сказалъ:

— Я прошу взять рапортъ назадъ.

Я категорически и рѣшительно отвѣтилъ, что рапорта назадъ не возьму.

— Такъ до вашей дороги, — сказалъ Граббе, — точно до святыни дотрогиваться нельзя.

Послѣ такихъ словъ, я конечно сейчасъ же уѣхалъ.

Спустя часъ времени, ко мнѣ пріѣхалъ одинъ господинъ и разъяснилъ мнѣ обстоятельство, случившееся съ десятникомъ. Три казака, пріѣхавшіе на работу, были станичные атаманы города Новочеркасска. Въ административномъ отношеніи Новочеркасскъ считался не городомъ, а совокупностью трехъ станицъ, съ выборными атаманами. Эти атаманы, подозреваемые членами войскаго правленія, явились къ Граббе съ жалобой на стѣсненія, которыя причинила будто бы городу желѣзная дорога. Граббе, бредившій самоуправленіемъ, отвѣтилъ имъ:

— Побѣжайте, осмотрите дорогу и донесите мнѣ о вашихъ претензіяхъ.

Тогда мнѣ сдѣлалось понятнымъ раздраженіе Граббе на неизвестнаго десятника и попытка его возвратить мнѣ рапортъ, требовавшій слѣдствія. Понятно, что слѣдствіе должно было обнаружить, что работы осматривали атаманы по приказанію самого Граббе. Я немедленно поѣхалъ къ нему и рассказалъ, что станичные атаманы ссылаются на приказаніе, полученное ими будто бы отъ самого наказнаго атамана, и потому, принимая это во вниманіе, я готовъ взять мой рапортъ обратно.

Граббе не понялъ моей деликатности и сказалъ:

— Такъ они ссылаются на меня, мы посмотримъ!

Прошла недѣля, но по моему рапорту однако не послѣдовало назначеніе слѣдствія.

Тогда я свезъ ему прошеніе объ отставкѣ и длинное письмо, объяснивъ при этомъ лично, что буду въ необходимости объяснить главноуправляющему путями сообщенія и военному министру причину моей

отставкѣ, за три мѣсяца до окончанія дороги, которою они оба сильно интересовались. Въ тотъ же день, Граббе возвратилъ мнѣ прошеніе объ отставкѣ и сообщилъ, что онъ назначилъ слѣдствіе по дѣлу о десятникѣ.

Слѣдствіе постаралось, конечно, скрыть, что станичные атаманы объѣзжали работы съ согласія Граббе, и приказомъ по войску былъ сдѣланъ имъ выговоръ.

Я былъ удовлетворенъ. Но члены войскового правленія, которые и подослали станичныхъ атамановъ, потерпѣвшихъ пораженіе, затѣяли другую интригу. Составленъ былъ приговоръ будто бы отъ всѣхъ жителей Новочеркасска, который разносили по домамъ, для подписей; ихъ набралось до 400.

Когда этотъ приговоръ былъ врученъ Граббе съ просьбою посланки его въ Петербургъ къ министру, онъ передалъ приговоръ въ свою канцелярію и приказалъ составить рапортъ по этому предмету. Правитель дѣлъ нашего желѣзнодорожнаго комитета доложилъ членамъ комитета, что въ канцеляріи атамана заготовленъ рапортъ къ министру съ приложеніемъ приговора; что сущность приговора состоитъ въ томъ, что желѣзная дорога, строящаяся на ихъ деньги, не приноситъ войску никакой пользы, а принесла лишь вредъ, и потому просятъ скрыть дорогу, отнести ее верстъ на 12 отъ города, и для разбирательства ихъ претензій прислать генерала.

Комитетъ состоялъ изъ наказнаго атамана, какъ предсѣдателя, начальника штаба, члена отъ военнаго министерства, трехъ штабъ-офицеровъ отъ войска и меня.

Услыхавъ о готовящемся рапортѣ, всѣ удивились, что предсѣдатель не обратился въ комитетъ для разъясненія приговора. Даже члены отъ войска оскорбились такимъ прибрежательнымъ отношеніемъ Граббе къ комитету, въ которомъ онъ, сверхъ того, ни разу и не былъ.

Всѣ члены комитета, за отсутствіемъ начальника штаба, жалѣя старика, рѣшили пойти къ Граббе и предупредить его о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ посланки приговора; при этомъ я предупредилъ всѣхъ членовъ, что я, какъ заинтересованное лицо, ни единого слова не скажу атаману. Объяснить ему дѣло взяли на себя подполковникъ Полушкинъ, майоръ Оومانъ, братъ начальника штаба и членъ отъ военнаго министерства, подполковникъ Герягрессъ.

Когда ему стали объяснять дѣло, то Граббе приподнялся и объявилъ торжественно:

— Это бунтъ, прошу васъ удалиться.

На другой же день приговоръ и рапортъ Граббе были отосланы въ Петербургъ.

Въ это время, члену отъ военнаго министерства Гернгроссу надо было представить полугодовой отчетъ о ходѣ работъ, и онъ поспѣшилъ въ Петербургъ, но не успѣлъ доложить военному министру о приговорѣ. Приговоръ былъ доложенъ государю, и вслѣдствіе этого былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, инженеръ генералъ-лейтенантъ Дельвигъ для разобранія претензій жителей Новочеркасска, изложенныхъ въ приговорѣ.

Приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ ко мнѣ Гернгросса.

«Изъ вчерашней моей депеши вы уже знаете, добрыйшій Валер. Александр., что дѣло наше приняло хорошій оборотъ. Сегодня хочу передать вамъ подробности послѣдняго моего разговора съ министромъ, который приказалъ мнѣ остаться здѣсь еще на нѣсколько дней и сказалъ слѣдующее: «государь узналъ обо всѣхъ казацкихъ продѣлкахъ, очень недоволенъ и приказалъ мнѣ написать атаману сильное письмо; я увѣренъ, что письмо это подѣйствуетъ и что всѣ глупости прекратятся».

«Все къ лучшему, если бы я не заболѣлъ воспаленіемъ въ боку, то давно уже выѣхалъ бы въ Черкасскъ и письмо привезъ бы не я, а получили бы по почтѣ. По моему мнѣнію, въ томъ-то и заключается вся суть, что письмо съ нахлобучкой привезу я, т. е. членъ комитета, противъ котораго атаманъ вздумалъ интриговать.

«Министръ мнѣ сказалъ, что ему показалось, что я упалъ духомъ, а потому, и проситъ меня выдержать характеръ до конца, ужасно расхвалилъ васъ и вообще былъ все время удивительно внимателенъ и любезенъ. Возраженіе на приговоръ, въ такомъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ войсковыхъ вѣдомостяхъ, не можетъ быть помѣщено въ «Инвалидъ», на за то будетъ перепечатано въ тѣхъ журналахъ, которые перепечатали приговоръ».

Далѣе Гернгроссъ пишетъ:

«Государь узналъ обо всемъ и приказалъ написать письмо, которое я съ удовольствіемъ вручу недѣли черезъ двѣ атаману. Гр. Строгановъ думаетъ везти наслѣдника изъ одной изъ прибрежныхъ станицъ въ Грушевку въ экипажѣ, но я сказалъ ему, что вѣроятно движеніе откроется въ половинѣ августа, и, вслѣдствіе этого, онъ рѣшилъ, что наслѣдникъ доѣдетъ до Аксая на пароходѣ, а изъ Аксая въ Черкасскъ и Грушевку по желѣзной дорогѣ. Это обстоятельство также для насъ очень важно, потому-то я и рѣшился сказать графу, что движеніе откроется къ ихъ пріѣзду.

«Дельвигъ выѣхалъ 2-го числа, но онъ пробудетъ два дня въ Москвѣ и день въ Самарѣ».

Вскорѣ пріѣхалъ баронъ Дельвигъ. Онъ былъ знакомъ съ Граббе, имѣлъ порученіе разобрать претензію жителей Черкасска, выраженную въ протоколѣ, представлявшемъ образецъ невѣжества, наглого

вранья, но не менѣ того санкціонированномъ атаманомъ рапортомъ, въ которомъ онъ просилъ о назначеніи компетентнаго инженера. Порученіе Дельвига было щекотливаго свойства, и онъ, желая разрѣшить вопросъ такъ, чтобы «волки были сыты и овцы цѣлы», сталъ уговаривать меня построить въ удовлетвореніе претензіи жителей Черкасска хоть одинъ подъѣздной мостикъ.

На это я ему отвѣтилъ категорически и рѣшительно, что не построю ни одного болѣе. Во-первыхъ, потому, что онъ будетъ стоить все-таки до 7.000 руб.; во-вторыхъ, потому, что подъѣздныхъ мостовъ построено около города 19, тогда какъ по смѣтѣ полагалось всего 9; въ третьихъ, потому, что подъѣздные мосты поставлены не только противъ всѣхъ спусковъ съ горы, но и противъ тѣхъ улицъ, гдѣ впослѣдствіи могли бы потребоваться спуски; въ четвертыхъ потому, что постройкою одного подъѣзднаго моста, мы, т. е. я и прежній атаманъ, сознали бы свой недосмотръ, вызвавшій пресловутый протоколъ.

— Если же вы, сказалъ я, порѣшите дѣло устройствомъ новаго подъѣзднаго моста, то прошу дать мнѣ на то предписаніе, къ исполненію котораго я, однако, не приступлю, а донесу прежде военному министру, съ представленіемъ плана города Черкасска и съ обозначеніемъ всѣхъ проѣздовъ подъ дорогу.

Услыхавъ мой категорическій отвѣтъ, Дельвигъ долженъ былъ измѣнить свою политику, вызвалъ на другой день депутацію отъ жителей Черкасска и назначилъ осмотръ дороги.

Вечеромъ, окончивъ осмотръ, онъ подозревалъ къ себѣ депутацію и сказалъ:

— У васъ столько сообщеній подъ дорогой, что ихъ гораздо больше, чѣмъ было бы нужно, и потому считаю вашу претензію вздорной, и ни единого подъѣзднаго моста къ постройкѣ не назначаю.

На другой день Дельвигъ вызвалъ опять депутацію для осмотра дороги въ другую сторону, къ Грушеvkѣ. Отѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ остановился для осмотра одного сооруженія. Депутація обступила его, и одинъ изъ депутатовъ обратился къ нему въ дерзкомъ тонѣ съ слѣдующими словами:

— Если вы, ваше превосходительство, не хотите исполнить наши претензіи и послушать насъ, то незачѣмъ намъ и ѣхать, и отпустите насъ по домамъ.

Какъ ни воздержанъ и ни хладнокровенъ былъ по характеру баронъ Дельвигъ, онъ вспылилъ и возвысилъ голосъ.

— Я пріѣхалъ сюда, — сказалъ онъ, — по волѣ государя, выслушать, а не слушать васъ! и вотъ второй день я выслушиваю отъ васъ одинъ глупости и одинъ вздоръ.

Депутація тутъ же вернулась, а мы поѣхали дальше.

Дельвигъ дня четыре писалъ длиннѣйшій рапортъ; всѣ претензіи, изложенныя въ приговорѣ, были имъ опровергнуты, и, въ концѣ концовъ, онъ заключилъ свой рапортъ слѣдующими словами. «Признавая всѣ претензіи, изложенныя въ приговорѣ жителей Черкасска, неосновательными, я могу объяснить ихъ только тѣмъ, что для южныхъ степныхъ жителей и верстовой столбъ считается стѣсненіемъ».

Такъ кончилось дѣло не совсѣмъ пріятнымъ образомъ для Граббе, исходъ котораго мы и хотѣли предотвратить, обратившись къ нему цѣлымъ составомъ комитета, и заслужили тогда отъ него названіе бунтовщиковъ.

Въ то же время въ Черкасскѣ получено было увѣдомленіе, что наслѣдникъ Николай Александровичъ предпринимаетъ путешествіе по Россіи, спустится по Волгѣ до Астрахани и оттуда обратно до Царицына, а потомъ по Волго-Донской желѣзной дорогѣ до Калача и затѣмъ на пароходѣ по Дону, гдѣ будетъ заѣзжать въ разныя станицы, осматривать табуны и вообще знакомиться съ бытомъ казаковъ; путешествіе по Дону должно было занять до 10 дней. Изъ Аксайской станицы предполагалось везти наслѣдника въ экипажѣ до Черкасска, гдѣ передъ въѣздомъ онъ долженъ былъ сѣсть на коня и проѣхать къ собору, гдѣ соберется казачій кругъ, который и вручитъ ему всѣ атрибуты атамана казачьихъ войскъ. Маршрутъ былъ согласованъ съ путешествіемъ императрицы Маріи Александровны, которая должна была спуститься до Царицына и Дономъ до Ростова и оттуда ѣхать въ Ливадію.

Я принялъ всѣ мѣры, чтобы Грушевско-Донская желѣзная дорога была окончена къ пріѣзду наслѣдника. Въ это время, въ виду натянутыхъ отношеній съ Граббе, я не посѣщалъ его. Въ одинъ день, въ 9 ч. утра, я отправился къ Граббе и доложилъ ему, что дорога окончена въ такомъ видѣ, что я сегодня около 4-хъ часовъ пріѣду въ Новочеркасскъ на паровозѣ, который привезетъ цѣлый поѣздъ, и, слѣдовательно, онъ можетъ доложить наслѣднику, что, если онъ захочетъ, то можетъ ѣхать въ Черкасскъ и въ Грушевку по желѣзной дорогѣ, а не на лошадахъ.

Пріѣхавъ съ паровозомъ въ Черкасскъ въ 3¼ часа, я былъ встрѣченъ тысячами народа, кричавшаго «ура!». Граббе не выѣхалъ навстрѣчу поѣзду. Сойдя съ него, я сейчасъ поскакалъ на тройкѣ къ дому Граббе; но, къ великому моему удивленію, дежурный казакъ сказалъ, что уже четверть часа, какъ атаманъ уѣхалъ въ Калачъ навстрѣчу наслѣднику.

— Развѣ атаманъ не видалъ идущаго поѣзда?

— Какъ же, съ балкона было давно видно, что поѣздъ идетъ.

Было очевидно, что Граббе уѣхалъ раньше прихода поѣзда, для того чтобы не доложить наслѣднику о томъ, что по желѣзной дорогѣ уже есть ѣзда.

Я, не раздумывая ни минуты, приказалъ гнать въ догонку. Не смотря

на то, что я пустился, быть может, 20 минутами позднѣе отъѣзда Граббе, я подѣхалъ къ первой станціи вмѣстѣ съ его коляской. Онъ оставался въ экипажѣ; я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я прибылъ въ 4-мъ часу съ поѣздомъ въ Новочеркасскъ, какъ я васъ предупредилъ сегодня утромъ, и потому вы можете сказать, что дорога для ѣзды готова.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Граббе и ничего больше мнѣ не сказалъ. Но моя цѣль была достигнута.

Въ ту же ночь я поѣхалъ въ Царицынъ навстрѣчу наслѣдника, такъ какъ я состоялъ директоромъ распорядителемъ Общества Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону. На третій день, пріѣхавъ въ Калачъ, этотъ первый пунктъ Донской области, я уже нашелъ тамъ Граббе остановившимся въ домѣ Общества.

Я, понятно, отправился къ нему, такъ какъ онъ являлся гостемъ въ домѣ Общества, которымъ я распоряжался. Граббе, увидавъ меня, былъ совершенно изумленъ.

— Какъ вы здѣсь?—спросилъ онъ меня, ибо не зная, что я былъ директоромъ Общества.

— Я ѣду въ Царицынъ навстрѣчу наслѣдника и для сопровожденія его по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ по Дону.

Онъ былъ всѣмъ этимъ такъ озадаченъ, что, повидимому, не довѣрялъ моимъ словамъ.

Въ тотъ же день я пріѣхалъ въ Царицынъ, а въ 5 часовъ прибылъ наслѣдникъ на пароходѣ и оттуда прямо отправился въ городъ на обѣдъ, даваемый, кажется, царицынскимъ городскимъ обществомъ.

Вечеромъ, около 8 часовъ явился ко мнѣ придворный служитель и, освѣдомившись, что я Панаевъ, сказалъ:

— Его высочество проситъ васъ къ чаю, на пароходѣ въ 10¹/₂ часовъ.

Я спросилъ его, не ошибка ли это, не въ половинѣ ли десятаго?

— Никакъ нѣтъ, мнѣ сказано въ 10¹/₂ часовъ.

Между тѣмъ въ 10 часовъ явился уже другой придворный офиціантъ и сказалъ:

— Его высочество ожидаетъ васъ на пароходѣ.

— Служитель, который приходилъ ко мнѣ, объявилъ, что его высочество назначилъ 10¹/₂ часовъ.

— Никакъ нѣтъ, онъ давно уже за чаемъ, и васъ всѣ ждутъ.

Я тотчасъ пошелъ на пароходъ, гдѣ наслѣдникъ и вся свита сидѣли около чайнаго стола на палубѣ. Великій князь имѣлъ уже нѣкоторое свѣдѣніе обо мнѣ отъ моего брата Людора, который служилъ унтеръ-штабмейстеромъ при его высочествѣ. Я началъ рассказывать о цѣли постройки Грушевской дороги, о богатствѣ залежей Донецкаго бассейна,

о его важномъ значеніи для нашего государства. Объяснилъ наслѣднику, что Грушевская дорога проведена подъ прямымъ угломъ къ первоначально утвержденному направленію черезъ Новочеркасскъ къ Аксайской станицѣ на Дону, что такимъ образомъ столица земли Войска Донскаго можетъ современемъ войти въ связь съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

На другой день надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Калачъ. У меня была изготовлена довольно обширная записка, излагавшая то, что могло интересовать наслѣдника о желѣзной дорогѣ и Донецкомъ бассейнѣ и проч. Я отдалъ эту записку О. Б. Рихтеру, тогда полковнику, сопровождавшему наслѣдника, и сказалъ:

— Потрудитесь передать эту записку графу Строганову и, если онъ одобритъ ее, то записка эта можетъ занять отчасти время 4-хъ часовой ѣзды до Калача.

О. Б. Рихтеръ вошелъ въ вагонъ и черезъ минуту вернулся въ тотъ вагонъ, гдѣ сѣлъ я.

— Его высочество проситъ васъ перейти въ его вагонъ-салонъ,—сказалъ онъ.

Когда я вошелъ, то увидалъ наслѣдника, держащаго уже въ рукахъ мою записку. Свистокъ раздался, и мы тронулись.

— Садитесь,—сказалъ онъ, показалъ мѣсто подлѣ себя на диванѣ и сталъ читать записку.

На каждомъ шагу онъ останавливался и просилъ поясненій. Между прочимъ, онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ было упомянуто о новой системѣ дѣленія пара.

— Здѣсь трудно, сказалъ я, безъ чертежа изложить это вашему высочеству, а если вамъ угодно будетъ поѣхать по желѣзной дорогѣ, то я передъ паровозомъ объясню вамъ.

— Такъ не забудьте же дать мнѣ это объясненіе.

Окончивъ чтеніе записки, онъ передалъ ее гр. Строганову и сказалъ:

— Прочтите, графъ, записка очень интересна.

Графъ сталъ читать записку. Такимъ образомъ она пошла не съ низу въ верхъ, какъ я предполагалъ, а съ верху въ низъ.

Вскорѣ пріѣхали въ Калачъ, гдѣ наслѣдника встрѣтилъ Граббе со всѣми чинами.

На квартирѣ у Граббе былъ приготовленъ завтракъ, какъ бы даваемый имъ, но онъ былъ сдѣланъ на счетъ Общества, въ которомъ я былъ директоромъ.

Всѣ лица были приглашены Граббе, даже всѣ офицеры парохода, на которомъ долженъ былъ ѣхать наслѣдникъ; но я приглашенія не получилъ. Дѣлать нечего, отправился на пароходъ и тамъ перекусилъ.

Въ этотъ день пароходъ долженъ былъ остановиться на два дня на Нижнечирской станціи. Въ первый день давался обѣдъ на счетъ вой-

ска, т. е. подъ распоряженіемъ Граббе. Всѣ лица и офицеры парохода, мнѣ подчиненные, были приглашены, а меня приглашеніемъ не удостоили. Въ этотъ день наслѣдникъ не возвращался на пароходъ; на другой день давался обѣдъ отъ дворянства. Никто не являлся ко мнѣ для приглашенія.

Вдругъ вижу: подъѣзжаетъ къ пароходу тройка, и оттуда выскакиваетъ какой-то казачій штабъ-офицеръ, обращается ко мнѣ съ извиненіемъ и проситъ ѣхать сейчасъ же съ нимъ на обѣдъ.

— Въѣдъ теперь четверть четвертаго и будетъ поздно,—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ, наслѣдникъ еще не сѣдился.

Я надѣлъ мундиръ и поѣхалъ. Изъ передней въ полурастворенную дверь, я увидалъ, что человѣкъ обноситъ уже блюдо съ рыбой.

— Какъ же вы увѣрили меня что наслѣдникъ не сѣдился еще за столъ,—сказалъ я и, не входя въ комнату, повернулся, чтобъ уходить.

Штабъ - офицеръ схватилъ меня за полы мундира и умоляющимъ образомъ просилъ меня остаться и войти въ столовую. Я отдернулъ его руку и уѣхалъ.

Вѣроятно, наслѣдникъ, не видя меня ни на завтракъ въ Калачѣ, ни на обѣдъ наканунѣ, спросилъ обо мнѣ. Тогда-то дворянскій предводитель и поскакалъ ко мнѣ на пароходъ.

Къ вечеру подъѣхалъ наслѣдникъ со всей свитой, взошелъ быстро на пароходъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подаль руку и приказалъ сервировать чай. Всѣ усѣлись около стола, и завязалась общая бесѣда какъ на пароходѣ въ Царицынѣ. Графъ Строгановъ былъ особенно любезенъ со мною въ этотъ вечеръ.

На другой день явился ко мнѣ придворный лакей и сказалъ, что его высочество проситъ къ завтраку въ каютъ-компанію. За завтракомъ, наслѣдникъ былъ веселъ и разговорчивъ. Выйдя на палубу, всѣ усѣлись около рубки пить чай и кофе.

Я рѣшился поставить наслѣднику вопросъ, пожелаетъ ли онъ ѣхать изъ Аксая по желѣзной дорогѣ.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ; но графъ Строгановъ замѣтилъ ему, что по высочайше утвержденному маршруту онъ долженъ изъ Аксая ѣхать въ Новочеркасскъ и Грушевку на лошадахъ.

— Въ такомъ случаѣ, пошлите телеграмму съ вопросомъ о перемѣнѣ маршрута,—сказалъ наслѣдникъ и пошелъ отдыхать.

Передъ обѣдомъ явился опять придворный лакей съ приглашеніемъ къ обѣду.

Послѣ обѣда мы вышли на палубу, и наслѣдникъ, взявъ меня подъ руку, сталъ со мною ходить.

— Что за исторія—спросилъ онъ меня,—по которой былъ удаленъ

князь Дондуковъ, и что это за протоколъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ государю?

Я, по возможности, деликатно объяснилъ всю эту исторію и старался выгородить Граббе, незнакомаго еще съ лицами, устроившими эту интригу.

На слѣдующіе дни, все шло тѣмъ же порядкомъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ бесѣды становились интимнѣе, и каждый день наслѣдникъ спрашивалъ:

— Не получена ли отвѣтная телеграмма отъ государя?

Но государь былъ въ это время тоже въ путешествіи, и телеграмма не являлась.

На Дону начались перекаты.

Противъ каждого переката на обоихъ берегахъ рѣки стояли многія сотни казаковъ. По первому сигналу съ парохода казаки бросались въ воду и подходили пѣшкомъ къ пароходу, подпирая корпусъ его плечами, и такимъ образомъ проводили его черезъ перекаты. За каждое такое перетаскиваніе я выдавалъ казакамъ по 100 руб., какъ директоръ Общества, везшаго наслѣдника. Картина была оживленная, всѣ находились на палубѣ, и когда пароходъ послѣ переката вступалъ въ плѣсъ, казаки оглашали воздухъ громкими криками «ура!».

Наконецъ, приближалась станица Цимлянская, въ которой наслѣдникъ долженъ былъ остановиться на два дня.

— Если ваше высочество пожелаете ѣхать изъ Аксая на желѣзной дорогѣ,—сказалъ я,—то отъ Цимлянской станицы идетъ почтовый трактъ, по которому я въ сутки доѣду до Черкасска для того, чтобы приготовить все къ вашему пріѣзду.

— Получена ли телеграмма? — спросилъ онъ графа.

Графъ отвѣчалъ, что не получена и вѣроятно получится въ Цимлянской станицѣ.

По пріѣздѣ въ станицу, вся каютъ-компанія отправилась въ домъ, приготовленный для наслѣдника. Когда, послѣ переодѣванія, наслѣдникъ вышелъ къ чайному столу, онъ первымъ словомъ спросилъ:

— Что, графъ, получена ли телеграмма?

Графъ отвѣчалъ: нѣтъ.

— Такъ я рѣшаю, что во всякомъ случаѣ я изъ Аксая поѣду по желѣзной дорогѣ.

Такимъ образомъ недоумѣніе кончилось къ моему вѣщшему удовольствію.

Въ это время хозяинъ-казакъ принесъ двѣ бутылки цимлянскаго, которое онъ берегъ для выдающагося случая и которое выдерживалось, какъ онъ сказалъ, 50 лѣтъ. Всѣ вышли на крыльцо и разсѣлись по ступенькамъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ. Вино оказалось чистымъ нектаромъ,

имѣло цвѣтъ коричневый, вкусъ мягкій, по виду масленистое и подходило къ превосходному венгерскому. Несмотря на его мягкость, вино было крѣпкое, такъ что всѣ мы не могли выпить и полторы бутылки.

Наслѣдникъ въ 12-мъ часу пошелъ спать. Граббе, начальникъ канцеляріи Боковъ, адъютантъ Граббе и я вернулись въ комнату. Боковъ сѣлъ писать начальнику штаба о послѣдовавшей перемѣнѣ маршрута и о новомъ церемоніалѣ для вѣзда, а Граббе оставался, чтобы подписать бумаги. Когда все было готово, Граббе отдалъ мнѣ пакетъ для немедленнаго врученія его начальнику штаба Омину.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ ночью, я, не забывъ домой, свезъ пакетъ на квартиру Омина, сказавъ, что я пріѣду въ 9 часовъ утра. На другое утро, я не засталъ Омина. Братъ его, членъ комитета, сказалъ, что начальникъ штаба поѣхалъ въ одну изъ станицъ по Дону навстрѣчу наслѣднику.

— Развѣ онъ не получилъ пакета, который я привезъ отъ Граббе сегодня ночью?

— Нѣтъ, получилъ, и потому-то онъ и поѣхалъ навстрѣчу къ наслѣднику объявить ему, что церемоніала измѣнить нельзя, что если наслѣдникъ пожелаетъ непременно ѣхать по желѣзной дорогѣ, то надо остановиться верстахъ въ 7-ми отъ города, въ Мышкинѣ пересѣсть въ экипажи и затѣмъ вѣхать въ городъ по утвержденному церемоніалу.

— Вашъ братъ,—сказалъ я,—должно быть, рехнулся. Развѣ можно на каждомъ мѣстѣ спустить людей изъ вагона,—для этого нужна платформа или надо устроить сходныя лѣстницы, для чего нѣтъ времени. Гдѣ же онъ вздумалъ помѣстить экипажи для принятія наслѣдника и его свиты? Тамъ, гдѣ онъ назначаетъ, крутѣйшая гора и не можетъ повернуться и телѣга. Какъ же онъ, не дождавшись меня, поѣхалъ докладывать такую невозможность наслѣднику!

— Ничего не знаю,—отвѣчалъ Оминъ съ улыбкой и насмѣшливымъ тономъ:—и такъ вотъ сѣлъ да и поѣхалъ.

Въ этомъ отвѣтѣ слышалось злорадство, что вотъ тебѣ пилюля, и своего ты все-таки не достигнешь.

Между тѣмъ я сдѣлалъ всѣ распоряженія. Приказалъ обить коврами вагоны, поставить въ нихъ мебель: диваны, кресла, стулья, сдѣлать крышу, повѣсить синяго казацкаго цвѣта занавѣси, вездѣ разукрасить ихъ орлами и, на всякій случай, если наслѣдникъ исполнить то, что предлагалъ Оминъ, заготовилъ сходныя лѣстницы.

Я пріѣхалъ въ Аксай за нѣсколько часовъ до прихода парохода. Въ Аксай Граббе обратился ко мнѣ со словами:

— Вы все еще сердитесь на меня?

— Нисколько,—былъ отвѣтъ.—Я ничѣмъ не выразилъ этого, но если, по необходимости, защищалъ свое положеніе, то ради того, чтобы имѣть

возможность завершить дѣло, порученное мнѣ по особому ко мнѣ до-
вѣрію.

Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился, но по самому вопросу и тону его
можно было заключить, что Граббе хотѣлось загладить тѣ непріятности,
которыя онъ мнѣ доставилъ.

Вечеромъ, я опять былъ приглашенъ къ чаю. Наслѣдникъ еще не
выходилъ, и между свитой шелъ разговоръ по поводу того, что пред-
лагалъ Ѳоминъ.

Когда наслѣдникъ вышелъ, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Развѣ дорога не кончена до Черкасска?

— Нѣтъ, кончена,—отвѣтилъ я,—не только до Черкасска, но и до
Грушевки.

— Зачѣмъ же мы останавливаемся за шесть верстъ отъ Черкасска
и ѣдемъ отсюда на лошадяхъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ графу
Строганову.

— Чтобы сохранить порядокъ церемоніала, назначенный по марш-
руту, и проѣхать по городу верхомъ къ собору, гдѣ будетъ казачій
кругъ.

— Гдѣ стоитъ въ городѣ станція и далеко ли отъ собора?—спро-
силъ меня его высочество.

— Она стоитъ противъ самой широкой улицы, около версты отъ
собора, который и виденъ со станціи.

— О! цѣлая верста, этого слишкомъ достаточно для церемоніала.
Слѣдовательно: я вѣду въ городъ по желѣзной дорогѣ. Пожалуйста,
Павель Христофоровичъ, распорядитесь церемоніаломъ сообразно этому.

Тогда Ѳоминъ тотчасъ же отправился на лошадяхъ, чтобы изгото-
вить новый порядокъ церемоніала, и интриги его разлетѣлись въ прахъ.

Послѣ чая Граббе захотѣлось тоже ѣхать въ Черкасскъ, чтобы тамъ
встрѣтить наслѣдника, и онъ просилъ меня отправить его ночью на
поѣздѣ. Я не могъ этого сдѣлать потому, что у меня было только два
готовыхъ паровоза. Одинъ подъ поѣздъ наслѣдника, а другой запасный,
и потому Граббе для удовлетворенія своего намѣренія пришлось ѣхать
25 верстъ въ 11 часовъ ночи въ экипажѣ, на лошадяхъ.

На другой день наслѣдникъ, подѣхавъ къ поѣзду, направился къ
вагону.

— Вы хотѣли,—сказать онъ,—показать и объяснить мнѣ новую
систему дѣленія пара.

Я повелъ его къ паровозу и показалъ всю систему, которая была
расположена снаружи. Затѣмъ мы тронулись въ путь.

Дорога извивалась, какъ змѣя, между рѣкой и высокой горой, покрытой
деревьями и виноградниками, между которыми видѣлись дачи. Путь
былъ очень живописный. Всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа.

Подъѣзжая къ Новочеркаску, я сказалъ наслѣднику:

— Вотъ сейчасъ въ городѣ пойдутъ подъѣздные мосты, гдѣ на протяженіи съ небольшимъ версты построено 7 штукъ, и всѣхъ около города 19, на недостатокъ будто-бы ихъ и были жалобы въ извѣстномъ государю протоколѣ. Вотъ первый мостъ.

Послѣ седьмага моста поѣздъ сейчасъ подъѣхалъ къ станціи. На платформѣ ожидалъ его Граббе съ разными чинами. Подавъ руку Граббе, наслѣдникъ сказалъ:

— Какая прекрасная дорога!—дальше я уже ничего не разслышалъ.

Вечеромъ былъ назначенъ такъ называемый пикникъ. Это музыка и танцы, на открытомъ воздухѣ, на платформѣ въ саду, увѣшанномъ разноцвѣтными фонарями.

Дня черезъ два его высочество поѣхалъ по желѣзной дорогѣ на Грушевскія копи. Послѣ осмотра шахтъ, назначенъ былъ обѣдъ отъ углепромышленниковъ. Для этого былъ устроенъ большой павильонъ изъ столбовъ, сложенныхъ изъ антрацита; на столбы упирались легкія стропила, которыя были покрыты клеенкой, и между столбами висѣли занавѣси. Все это прекрасно оборудовалъ военный инженеръ Врангель, переведенный въ войско изъ горныхъ инженеровъ. Обѣдъ былъ сервированъ на 200 слишкомъ человекъ.

На этотъ разъ Граббе, сидѣвшій рядомъ съ наслѣдникомъ, пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ.

Когда наслѣдникъ провозгласилъ тостъ за наказнаго атамана, Граббе подсунулъ свою руку съ бокаломъ подъ мою, въ которой и держалъ тоже бокалъ, и сказалъ мнѣ:

— Выпьемте брудершафтъ.

Наслѣдникъ слышалъ слова Граббе.

Послѣ обѣда я почувствовалъ, что кто-то сзади стиснулъ пальцами мою руку повыше локтя; я обернулся и увидалъ наслѣдника, отходящаго отъ стола.

Онъ наклонился къ моему уху и сказалъ съ улыбкой:

— Вы скоро помирились съ атаманомъ.

Это слово вѣнчало все дѣло, въ немъ выразился умъ, тактъ, деликатность, сердечность, задушевность и тонкая политичность.

Положеніе мое въ войскѣ радикально измѣнилось послѣ проѣзда наслѣдника, и я сталъ дышать легко, какъ было при Хомутовѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXIV ¹⁾.

Назначеніе П. П. Мельникова главноуправляющимъ путями сообщенія. — Отношенія къ нему В. А. Панаева. — Письмо его П. П. Мельникову. — Предложеніе Панаеву работать на Южной дорогѣ. — Вызовъ его въ Петербургъ. — Свиданіе съ П. П. Мельниковымъ. — Интрига, вслѣдствіе которой В. А. Панаевъ остался безъ назначенія на работы.

Въ уходѣ Чевкина изъ министерства, главноуправляющимъ путями сообщенія былъ назначенъ П. П. Мельниковъ. Онъ зналъ меня хорошо, такъ какъ я началъ у него службу и провелъ подъ его начальствомъ болѣе 10 лѣтъ. Несмотря на громадную разницу положеній, — онъ былъ министръ, а я подполковникъ — онъ не измѣнилъ своей простоты въ обращеніи и относился ко мнѣ съ видимымъ вниманіемъ.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ, я часто бывалъ у него и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предположеніяхъ. Въ это время постройка дорогъ остановилась, и Мельниковъ сталъ приходить къ убѣжденію, что надо приняться за постройку дорогъ правительствомъ, послѣ того, какъ англійская компанія не могла реализовать капиталъ, при гарантіи въ 100.000 руб. на версту.

При нашей бесѣдѣ, я нѣсколько разъ напоминалъ ему о моей брошюрѣ: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ», которой онъ прежде сочувствовалъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

— Идея, изложенная въ ней, я понимаю,—говорилъ онъ,—но министръ финансовъ рѣшительно парализуетъ мои предположенія и мой взглядъ на дѣло.

Надо оказать, что министръ финансовъ Рейтернъ держался строго современнымъ тогда экономическимъ и финансовымъ возрѣніемъ и думалъ о повышеніи курса. По совѣту управлявшаго въ то время государственнымъ банкомъ Ламанскаго, Рейтернъ попробовалъ открыть размѣнъ на золото, но кончилось тѣмъ, что недѣли въ двѣ золото выбрали и вывезли за границу.

Мельниковъ смотрѣлъ на экономическій и финансовый вопросы нѣсколько шире. Ожидать поднятія курса для устройства дорогъ онъ считалъ потерей времени. Дѣйствительно, при тогдашнемъ торговомъ балансѣ и при необходимости вывоза золота по уплатамъ процентовъ за государственные займы и за капиталы, привлеченные на разные предпріятія, поднятіе курса какими то бы ни было операціями государственнаго банка было немислимо.

Хотя Мельниковъ былъ человѣкъ высокообразованный, быстро схватывалъ и понималъ все, и былъ бы замѣчательнымъ министромъ, краснорѣчивымъ ораторомъ въ конституціонномъ государствѣ. Но онъ былъ слабаго характера, шаткихъ убѣжденій, не обладалъ административною способностью, боялся какъ огня борьбы. Вслѣдствіе многихъ бесѣдъ съ нимъ, я рѣшился написать ему письмо, которымъ старался двинуть его на борьбу.

Вотъ это письмо:

«Нѣтъ выхода Россіи,—писалъ я,—изъ настоящаго затруднительнаго ея положенія безъ желѣзныхъ дорогъ. Это сознаютъ всѣ здравомыслящіе люди и инстинктивно чувствуютъ почти всѣ.

«Вы встали во главѣ главнѣйшаго нынѣ министерства въ важную минуту русской жизни. Васъ вызвала судьба. Отъ васъ Россія ждетъ многого. Повсюду явилась надежда, что, съ вашимъ появленіемъ, насущная потребность Россіи будетъ удовлетворена. Вашъ долгъ отвѣтить этимъ ожиданіямъ—вы, конечно, это сознаете.

«Всѣ предпріятыя въ Россіи реформы относительно быта экономическаго, нравственнаго, юридическаго, относительно статей государственныхъ доходовъ, даже реформа касательно администраціи и хозяйства военныхъ—все останется пустой, мертвой фразой, безъ всякой практической пользы, пока не будетъ желѣзныхъ дорогъ. Телеграфъ конечно приноситъ пользу, онъ ускоряетъ распоряженія изъ центра, и тѣмъ тѣшитъ дѣтскіе умы, но сущность дѣла, безъ желѣзныхъ дорогъ, остается та же самая. Если всего этого не сознаютъ теоретики-реформаторы и другіе министры, вамъ предстоитъ одинъ путь: идти во-

преки мнѣніямъ остальныхъ министровъ, но въ согласіи съ общими насущными и вѣрными народными нуждами.

«Борьба неизбежна, т. е. борьба противъ рутинныхъ, узкихъ экономическихъ воззрѣній, не соотвѣтствующихъ ни обстоятельствамъ, ни народному быту, противъ воззрѣній, которыя, чего добраго, доведутъ Россію до бѣды.

«Борьба одного человѣка безсильна, кромѣ того, въ вашемъ положеніи борьба, во многихъ случаяхъ, даже невозможна. Орудія борьбы необходимы. Дайте возможность этимъ орудіямъ, т. е. людямъ, готовымъ встать за истину, вступить въ борьбу, вызвать слѣпоту и ложь на бѣлый свѣтъ и побить ихъ. Успѣхъ несомнѣненъ. Когда люди становятся за истину и становятся съ вѣрою, знаніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не отступать—вся узкость, малость и жалкое ничтожество противниковъ истины быстро обнаруживаются. Не только исторія, но и современныя явленія доказываютъ это фактами какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ размѣрахъ.

«Вы не должны сойти со сцены, не исполнивъ своего назначенія. Нашъ долгъ не допускать такого исхода дѣла; мы должны принести всѣ свои знанія, силы и опытность на защиту правды и разума. Вамъ стоитъ только пожелать, за это я вамъ ручаюсь, и тогда вы пройдете вашъ путь со славой, приложивъ на практикѣ начало вѣрныхъ экономическихъ воззрѣній, облагодѣтельствовавъ Россію и давъ ей народу средства къ развитію его матеріальнаго благосостоянія, безъ котораго не мыслимы нравственное развитіе и всѣ предпринимаемыя къ тому реформы.

«Вы, конечно, сознаете, что сущность вашей силы, предъ лицомъ кого бы то ни было, будетъ зависѣть не отъ большаго или меньшаго согласія съ воззрѣніями другихъ министровъ, но въ приведеніи въ исполненіе того, чего отъ васъ ждетъ Россія.

«Не пренебрегайте этими мелкими орудіями. Много ли нужно пороха, чтобы двинуть огромную глыбу, а чтобы воодушевить пороховъ, нужно еще меньше—искра. Не пренебрегайте совѣтами людей, хотя не большихъ, но искренно преданныхъ истинѣ и, болѣе или менѣе, доказавшихъ на дѣлѣ и печатно справедливость своихъ взглядовъ, въ чемъ и убѣждаются уже нынѣ нѣкоторые умы, имѣвшіе прежде противныя мнѣнія.

«Если вы сознаете неизбежность борьбы и необходимость вызвать для того орудія, и если слова мои найдутъ въ васъ отголосокъ, тогда я сочту своимъ долгомъ высказать вамъ то, что по моему мнѣнію необходимо нужно дѣлать теперь же, чтобы систематически и навѣрно порицать фальшивые экономическіе взгляды.

«Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать слѣдующее: всего на свѣтѣ

труднѣе узнавать людей, тѣмъ болѣе изъ официальныхъ отношеній, а потому вы легко можете подумать, что все выше сказанное продаковано побужденіями личныхъ интересовъ. Я не боюсь этого осужденія. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, я двигался отчасти личнымъ интересомъ, но, во всякомъ случаѣ, интересомъ не грязнымъ, не мелкимъ и не подлымъ. Желаніе принимать участіе и приносить пользу въ болѣе широкомъ примѣненіи, хотя бы даже и не гласно, есть самое естественное чувство всякаго порядочнаго человѣка. Я думаю даже, что отыскивать сферу полезной общественной дѣятельности въ соответствии своимъ силамъ есть его долгъ, лишь бы путь былъ чистый.

«Вызывомъ своимъ, безъ приглашенія съ вашей стороны, я очищаю тоже свою совѣсть, чтобы, ни въ одну минуту моей жизни, я не могъ упрекнуть себя, что я не пошелъ кратчайшимъ путемъ на помощь истинѣ и важному дѣлу, изъ стыда компрометтировать себя откровеннымъ обращеніемъ къ вамъ.

«Если предложеніе мое покажется вамъ увлеченіемъ, самонадѣянностью, и вы почему-либо не найдете нужнымъ или возможнымъ воспользоваться моею готовностью и моимъ вызовомъ, то это только отдалить побѣду надъ фальшивой рутинной, ибо я буду предоставленъ однимъ моимъ силамъ. А что не бѣда будетъ, въ этомъ я увѣренъ, потому что общественное мнѣніе въ настоящее время оправдало тотъ взглядъ, который мною первымъ былъ высказанъ».

Прочитавъ письмо, онъ искренно поблагодарилъ меня, какъ будто прослезился и сказалъ:

— Пожалуйста, выскажите мнѣ, что по вашему мнѣнію нужно дѣлать?

Вслѣдствіе этого, я написалъ записку о желѣзныхъ дорогахъ раздѣливъ ее на три небольшія записки, озаглавленные такъ: 1, Кому строить желѣзныя дороги, правительству или компаниямъ?

2, Отчего у насъ мало желѣзныхъ дорогъ? и

3, Гдѣ заключаются вѣрныя и дешевыя средства для осуществленія желѣзныхъ дорогъ?—и принесъ ихъ Мельникову.

— Вы находите,—сказалъ я,—что министръ финансовъ препятствуетъ исполненію вашихъ предположеній. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы дѣйствовать непосредственно на государя. Вотъ вамъ три записки. Прочтеніе каждой изъ нихъ не займетъ болѣе четверти часа времени, а потому, при вашихъ докладахъ государю, вы можете постепенно прочесть ему ихъ и такимъ образомъ ввести его въ ваши взгляды, послѣдствія которыхъ будутъ благотворны для Россіи. Вамъ извѣстно, Павелъ Петровичъ, что Чевкинъ, послѣ того, какъ

государь утвердилъ мнѣніе Комитета министровъ о продажѣ Николаевской дороги, рѣшился прочесть государю записку, мною составленную, сказавъ ему: вотъ какъ думаютъ русскіе люди о продажѣ Николаевской дороги. Такъ какъ продажа дороги была высочайше утверждена, то Чевкинъ было сдѣлано распоряженіе о сдачѣ дороги. Но послѣ сказанной записки, государь измѣнилъ свой взглядъ, и Чевкинъ поручилъ мнѣ составить такія условія продажи, вслѣдствіе которыхъ общество нашло бы ихъ затруднительными и само отказалось бы отъ приобрѣтенія дороги; и вы знаете, что, такимъ путемъ, продажа дороги была остановлена. Почему вамъ не вступить въ борьбу со взглядами министра финансовъ, когда вы твердо убѣждены въ огромной пользѣ для государства въ проведеніи вашихъ идей.

Мельниковъ прочелъ мои записки, поблагодарилъ и сказалъ:

— Я думаю послать ихъ министру финансовъ.

— Такъ какъ, по моему мнѣнію, — сказалъ я, — изъ такого пути ничего не можетъ выйти, то позвольте мнѣ напечатать ихъ.

— Это вашъ трудъ, и я никакого препятствія не сдѣлаю, — сказалъ онъ.

И вотъ я и напечаталъ эти записки въ газетѣ «День» 1863 г.

Черезъ нѣсколько времени, при одномъ моемъ посѣщеніи Мельникова, у котораго находился, на этотъ разъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, П. А. Языковъ, Мельниковъ сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, состоится постройка Феодосійской дороги отъ правительства, и что онъ сожалѣетъ, что я долженъ ѣхать въ Новочеркасскъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ бы предложить того содержанія, какое я получаю въ Волго-Донскомъ обществѣ и на постройкѣ Грушевской дороги, что составляло вмѣстѣ 19.000 руб.

Тогда я отвѣтилъ ему, что Грушевскую дорогу, я скоро кончаю и дѣятельность по эксплуатаціи меня мало интересуетъ, а ежели представится случай заняться прямымъ моимъ дѣломъ постройки дорогъ, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, то я буду согласенъ работать съ меньшимъ вознагражденіемъ.

— Такъ вы будете согласны въ могущемъ представиться случаѣ удовлетвориться меньшимъ содержаніемъ?

— Рѣшительно согласенъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось бы жить въ Царицынѣ, гдѣ я не могу давать должнаго образованія дѣтямъ.

— Вы слышите, Петръ Александровичъ, — сказалъ Мельниковъ, обращаясь къ Языкову, — мы его поймаемъ на словѣ.

Между тѣмъ Мельниковъ сообщилъ о томъ же Семичеву, служившему у него начальникомъ участка на Николаевской дорогѣ, и мы мечтали работать вмѣстѣ на болѣе широкомъ дѣлѣ.

Семичевъ по обыкновенію обратился ко мнѣ и просилъ сообщить ему высочайше утвержденную организацію Грушевской дороги, которую я уже построилъ, дабы, въ случаѣ порученія ему Мельниковымъ составить положеніе о будущей дорогѣ, имѣть эту организацію руководствомъ.

Я составилъ ему двѣ записки: одну, представляющую общій взглядъ, а другую,—съ подробнымъ изложеніемъ организаціи, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Полное довѣріе къ исполнителямъ.
2. Полная самостоятельность ихъ въ предѣлахъ назначенной сферы, которая должна быть какъ можно шире.
3. Свобода дѣйствій въ данной сферѣ, безъ испрашиванія разрѣшеній высшей инстанціи.
4. Строжайшая отвѣтственность личная, но отнюдь не коллективная.
5. Особенная бдительность высшей инстанціи въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное лицо испрашиваетъ разрѣшеніе тогда, когда дѣло относится до сферы предоставленной ему самостоятельности. Такія явленія равносильны стремленію этого лица снять съ себя отвѣтственность.
6. Возложеніе строгой обязанности на исполнителя: не выступать изъ общей смѣты данной операціи, допуская, однако, перенесеніе расходовъ изъ одной статьи въ другую, иначе руки у исполнителя часто будутъ связаны.
7. Допущеніе, по случайнымъ и мѣстнымъ, не терпящимъ отлагательства, причинамъ—измѣненій въ проектѣ.
8. Строжайшій контроль дѣйствій и фактовъ, а не предварительный контроль предложеній, снимающій отвѣтственность съ личности.
9. Возбужденіе энергіи и поддержаніе духа во всѣхъ исполнителяхъ, спускаясь даже до рабочаго люда, который долженъ быть оплачиваемъ широко.

Здѣсь я долженъ прервать, на нѣсколько времени, послѣдовательность разсказа и обратиться нѣсколько назадъ.

Мой сослуживецъ по Николаевской дорогѣ Семичевъ, лѣтъ на десять старше меня, былъ со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда я отправился на Донъ, Семичевъ строилъ въ это время Волго-Донскую желѣзную дорогу. Окончивъ ее, онъ отправился въ Петербургъ и вслѣдъ затѣмъ былъ приглашенъ въ частное общество на постройку Рязанской дороги, т. е. на продолженіе дороги отъ Коломны до Рязани. Когда я пріѣхалъ съ 1862 на 1863 г. въ Петербургъ, Семичевъ обратился ко мнѣ, между прочимъ, съ такою рѣчью:

— Вы вѣдь мастеръ по выбору линіи, а мнѣ придется дѣлать изысканія отъ Коломны къ Рязани. Я принесъ вамъ подробныя карты, пожалуйста, рассмотрите ихъ и начертите линію, какая, по вашему

взгляду, представится лучшею. Да вотъ еще, что васъ попрошу. Вы теперь человѣкъ опытный въ устройствѣ администраціи; вы вели дѣло самостоятельно на совершенно особыхъ порядкахъ; сдѣлайте мнѣ одолженіе, набросайте мнѣ, коротенько, основные принципы этихъ порядковъ. Я не далъ еще окончательнаго отвѣта правленію, т. е. Дервизу, и подожду, пока не получу отъ васъ.

— Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,—отвѣтилъ я.

И принялся, по изученіи картъ, за начертаніе линіи и за составленіе записки, которую и послалъ ему.

Замѣчу здѣсь, что по начертанной мною линіи и построена дорога, обоедшаяся необыкновенно дешево.

Семичевъ, впрочемъ, не оставался долго на Рязанской дорогѣ. Онъ не сошелся съ директоромъ правленія Дервизомъ и ушелъ отсюда.

Въ маѣ 1864 года я получилъ слѣдующую телеграмму отъ главноуправляющаго Мельникова: «можете ли вы пріѣхать неотлагательно въ Петербургъ для принятія порученія по работамъ Южной дороги».

Я телеграфировалъ главноуправляющему: «не могу ли остаться недѣли на три, для закончанія дѣла въ Новочеркасскѣ».

На это получилъ телеграмму отъ брата Ипполита, который былъ инспекторомъ въ институтъ путей сообщенія: «Мнѣ поручено отвѣтить, что если желаете воспользоваться дѣломъ по работамъ Московско-Орловской дороги, то ускорьте пріѣздомъ, потому что дѣло рѣшается теперь».

Раздумывать было нечего, и я черезъ три дня выѣхалъ, со всѣмъ семействомъ, въ Петербургъ.

Мнѣ было извѣстно только, что Мельниковъ имѣетъ намѣреніе строить дорогу отъ Москвы до Орла.

По пріѣздѣ въ Москву, я встрѣтилъ на станціи человѣка Семичева, который сообщилъ мнѣ, что его баринъ здѣсь, въ Москвѣ, и что могу его увидеть на станціи Николаевской дороги, въ чертежной.

Я заѣхалъ съ семействомъ въ гостиницу, подлѣ Николаевского вокзала, и сейчасъ отправился къ Семичеву. Изъ всего предыдущаго я, разумѣется, ожидалъ самой сердечной встрѣчи. Но каково было мое удивленіе, что, когда я вошелъ въ чертежную, Семичевъ, поднявъ голову отъ разсматриваемой имъ продольной профили, сказалъ:

— Ахъ, вы пріѣхали; Мельниковъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ и не дожидется.

Эта встрѣча была совершенно ушатомъ ледяной воды, вылитой неожиданно на меня. Я почувствовалъ полное оскорбленіе всѣхъ моихъ чувствъ и впалъ потому въ недоумѣніе.

— Гдѣ вы остановились здѣсь?—спросилъ Семичевъ.

— Въ гостиницѣ, подлѣ вокзала.

— Я приѣду къ вамъ часа черезъ два.

Когда приѣхалъ Семичевъ, Я хотѣлъ узнать о томъ, въ какомъ положеніи ходъ дѣла, такъ какъ я ничего не вѣдалъ.

— Узнаете все отъ Мельникова въ Петербургѣ. Вы когда ѣдете?

— Какъ ѣхать? Я хотѣлъ переговорить прежде обо всемъ съ вами.

— Я теперь ужасно занятъ. Повзжайте сегодня же въ Петербургъ. Мельниковъ только васъ и ждетъ, чтобы уѣхать въ объѣздъ.

Это былъ уже второй ушатъ воды. Мысли мои стали путаться, требовалось выяснитъ мое недоумѣніе, и я, несмотря на усталость семьи отъ семидневной непрерывной ѣзды, рѣшился ѣхать въ тотъ же день съ почтовымъ поѣздомъ.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я на другой же день отправился къ Мельникову.

— Я очень, очень радъ, что успѣшили приѣхать, я торопилъ васъ, потому что дѣло въ самомъ горячемъ ходу. Теперь, я поручилъ Совѣту разсмотрѣть положеніе о постройкѣ Южной дороги. Это положеніе составлено на основаніи той вашей записки, которую передалъ мнѣ Семичевъ, съ порядками, которые были организованы вами при постройкѣ Грушевской дороги. Старичкамъ въ Совѣтѣ эти порядки кажутся невысказанными. Вы, какъ приведшій въ исполненіе эти порядки, и разъясните имъ, что они освѣщены уже опытомъ. Завтра я уѣзжаю на нѣсколько дней въ объѣздъ; а вы пойдете въ Совѣтъ. Я сейчасъ дамъ вамъ отъ себя записку, что вы явились по моему порученію. На-дняхъ приѣдетъ Семичевъ, передайте ему, чтобы онъ пошелъ вмѣстѣ съ вами и помогъ вамъ въ разъясненіяхъ дѣла. Впрочемъ, вы получите объ этомъ официальное распоряженіе.

На другой день я отправился въ Совѣтъ. Въ Совѣтѣ предсѣдательствовалъ товарищъ главноуправляющаго генералъ-лейтенантъ Герсфельдъ; членами были: генералъ-лейтенантъ Четвериковъ, Алексѣй Петровичъ Мельниковъ, братъ главноуправляющаго; Петръ Александровичъ Языковъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, другіе директора разныхъ департаментовъ и тайный совѣтникъ Баричевскій.

Всѣ эти господа, при чтеніи Положенія, приходили въ полное недоумѣніе, какъ можно вести казенное дѣло безъ рабочихъ журналовъ и рабочихъ книжекъ; какъ составлять смѣты безъ урочнаго положенія и справочныхъ цѣнъ; какъ допустить, чтобы исполнитель могъ измѣнять утвержденные проекты, сообразно обстоятельствамъ по экстренности дѣла; какъ, вслѣдствіе надобности, обходиться безъ форменныхъ торговъ и проч.

Со всѣхъ сторонъ на мои разъясненія, основанныя на опытѣ, я слышалъ возраженія, которыя могли вызывать только улыбку.

Между тѣмъ, подѣхалъ Семичевъ изъ Москвы, и я ему передалъ желаніе Мельникова, чтобы онъ явился, вмѣстѣ со мною, въ Совѣтъ.

— Какъ хотите, а я туда не пойду; положеніе составлено по вашей запискѣ и оправдалось вашимъ опытомъ, вы и защищайте.

Это былъ третій ушатъ воды, вылившійся на меня. Становилось очевиднымъ, что Семичевъ уклоняется отъ совмѣстнаго дружнаго веденія дѣла, долженствовавшего насъ сильно интересовать. Тѣмъ временемъ, я получилъ отъ правителя дѣлъ Совѣта, Васильева, слѣдующее извѣщеніе: «Имѣю честь увѣдомить Валеріана Александровича, что товарищъ главноуправляющаго приказать изволилъ просить васъ пожаловать въ засѣданіе Совѣта, имѣющее быть 25-го сего мѣсяца въ часъ по полудни».

Въ виду того, что Семичевъ наотрѣвъ отказался идти со мною въ Совѣтъ, и что поэтому — «одинъ въ полѣ не воинъ» — я не пошелъ въ Совѣтъ и написалъ правителю дѣлъ, Васильеву, слѣдующій отвѣтъ:

«Честь имѣю увѣдомить, что по случаю сильной зубной боли не могу присутствовать сегодня въ засѣданіи Совѣта».

Въ это время, ко мнѣ стала обращаться масса инженеровъ съ рекомендаціями отъ товарища главноуправляющаго и отъ разныхъ лицъ для поступленія на дорогу; я отвѣчалъ товарищу главноуправляющаго, что приказъ о моемъ назначеніи еще не вышелъ, и потому я не могу еще набирать личный составъ.

— Да это дѣло рѣшенное, — отвѣтилъ мнѣ Герсфельдъ.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Мельниковъ, и я пошелъ къ нему, сказалъ ему, какъ было дѣло.

— Да это ничего не значитъ, — сказалъ Мельниковъ, — старичкамъ трудно разставаться съ прежними казенными порядками; пусть ихъ ворчатъ, а я доложу Положеніе безъ ихъ санкціи, непосредственно государю.

Тогда я поставилъ Мельникову слѣдующій вопросъ:

— Вы предполагаете, Павелъ Петровичъ, раздѣлить дорогу до Орла на два отдѣленія, изъ которыхъ одинъ поручаете Семичеву, а другой мнѣ. Кто же будетъ вашимъ начальникомъ?

— Я-съ, — отвѣтилъ порывисто Мельниковъ.

— Это вѣрно, что вы можете быть нашимъ непосредственнымъ начальникомъ только до поры до времени. Оба, избранныя вами, лица вамъ хорошо извѣстны во всѣхъ отношеніяхъ, и потому дѣло безъ хлопотъ пойдетъ гладко. Но вѣдь дорога не остановится въ Орлѣ; она пойдетъ до Курска, затѣмъ до Харькова, потомъ до Екатеринославля

и, наконецъ, до Севастополя. Тогда, по занимаемому вами положенію, вы будете не въ состояніи быть непосредственнымъ начальникомъ.

— Тогда будетъ вѣдать дорогой департаментъ желѣзныхъ дорогъ,— сказалъ Мельниковъ.

— Припомните, Павелъ Петровичъ, сколько горя, сколько непріятностей, сколько помѣхъ, сколько оскорбленій и обидъ доставлялъ вамъ департаментъ, не отвѣтственный въ живомъ дѣлѣ, и вы всего этого не скрывали отъ насъ.

— Да, это правда! Но какъ же обойтись безъ этого?

— Раздѣлите дорогу не по участкамъ, а по отраслямъ, и поставьте во главу каждой отрасли независимое самостоятельное лицо. Напримѣръ, вы оказываете довѣріе намъ. Положимъ, вы поручаете Семичеву отрасль постройки землянаго полотна и искусственныхъ сооружений, а я возьму на себя механическую часть, подвижной составъ, водоснабженіе, станціи и проч., т. е. ту отрасль, въ которой Семичевъ не компетентенъ; третья отрасль будетъ хозяйственная; для этого у васъ есть лицо, вамъ отлично извѣстное, пользовавшееся вашимъ особымъ довѣріемъ, Журавскій. Будетъ, значитъ, три лица, совершенно самостоятельныхъ, которыя и составятъ управленіе. Это будутъ не чиновники, а живые отвѣтственные исполнители.

— Да,—сказалъ Мельниковъ,— такая постановка организаціи мнѣ очень нравится. Изложите это на бумагѣ и принесите мнѣ какъ можно скорѣе. Дней черезъ пять я ъду провожать гооударя въ Варшаву, и доложу ему объ этой организаціи.

Въ тотъ же день, я засѣлъ составлять записку. Пришлось переписать ее своей рукой, такъ какъ подобное дѣло надо было держать въ секретѣ. Я просидѣлъ три дня и три ночи, и на четвертый день принесъ Мельникову записку. Онъ очень благодарилъ меня и повторилъ, что дорогой доложить это дѣло государю.

На другой день послѣ отъѣзда Мельникова, т. е. 15-го іюня 1864 года, я получилъ отъ директора департамента Языкова письмо слѣдующаго содержанія:

«Препровождая при семъ, для прочтенія вашего, копію съ Положенія о производствѣ работъ по устройству Южной желѣзной дороги, пскорнѣйше прошу васъ возвратить оное по возможности неотлагательно.

«Господинъ главноуправляющій прибудетъ въ С.-Петербургъ въ четвергъ утромъ, а потому—не будете ли имѣть возможность повидаться со мною до пріѣзда его превосходительства Павла Петровича».

Кромѣ того, Языковъ прислалъ мнѣ маленькую записку, которой просилъ пріѣхать къ нему обѣдать.

Языковъ былъ женатъ и жилъ въ это время на Большой Морской.

Жена и дочь его были на дачѣ въ Петергофѣ. Когда я приѣхалъ къ обѣду, то увидалъ столъ съ приготовленными лишь двумя кувертами. Обѣдъ былъ великолѣпный, превосходныя вина и въ заключеніе шампанское. Тутъ разговора о дѣлѣ Языковъ не подымалъ, расспрашивалъ меня о выстроенной мною дорогѣ и проч. Послѣ обѣда, онъ пригласилъ выйти на балконъ, приказалъ подать туда столикъ, разные ликеры, кофе, коньякъ и принесть мнѣ большую сигару.

— А я,—сказалъ онъ,—по старой привычкѣ покуриваю трубочку Жукова изъ длиннаго чубука. Дѣйствительно, трубка съ чубукомъ упиралась на полъ. Мы засѣли на балконъ, и, черезъ нѣсколько минутъ, Языковъ заговорилъ:

— Что это, Валеріанъ Александровичъ, вы хотите насъ похерить?

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— А записка, которую вы подали Павлу Петровичу?

— Да, я подалъ записку Павлу Петровичу, составленную по его приказанію.

Языковъ нѣсколько отвернулся, сдѣлавъ презительную гримасу и, махнувъ рукою, сказалъ:

— Полноте говорить это. Я вѣдь знаю, что записка составлена по вашей инициативѣ; вы департаментъ ни въ грошъ не ставите; вы его просто уничтожаете; за что на насъ такая напасть?

Я перемѣнилъ тонъ и сказалъ: «Я исполнялъ только приказаніе главноуправляющаго».

— Что же это будетъ: три директора будутъ исполнять самостоятельно все дѣло, и департаментъ подступиться къ нимъ не можетъ.

— Я принялъ во вниманіе порядки, которые были при постройкѣ Николаевской дороги, и порядки при построенной мною дорогѣ, которые оправдались на опытѣ, и на этомъ основаніи, я и составилъ мою записку.

Затѣмъ Языковъ сталъ пытаться меня съ разныхъ сторонъ; и я не перемѣнялъ принятаго оффиціального тона.

— А Семичевъ-то, кажется, будетъ попокладливѣе васъ,—сказалъ Языковъ.

Разговоръ началъ принимать непріятный характеръ, и я поспѣшилъ поблагодарить и откланяться.

Черезъ нѣсколько дней вернулся Мельниковъ; ожидая быть вызваннымъ, я не пошелъ къ нему. Прошло дней десять. Мельниковъ не посылалъ за мной. Въ это время, Семичевъ непрерывно приѣзжалъ изъ Москвы, потому, что его семейство жило въ Павловскѣ на дачѣ, у брата Ипполита. Онъ ничего не сообщилъ мнѣ о ходѣ дѣла и только однажды спросилъ:

— Были вы у Мельникова?

— Нѣтъ, не былъ, и жду, что онъ призоветъ меня; вѣдь онъ вызвалъ меня за 1.800 верстъ и оторвалъ отъ дѣла. Я не навязывался, и потому онъ обязанъ мнѣ.

— Я совѣтовалъ бы сходить,—сказалъ Семичевъ.

Наши отношенія съ нимъ измѣнились.

Такимъ образомъ прошло три недѣли слишкомъ, Мельниковъ не призывалъ, а я къ нему не шелъ.

Семичевъ опять пріѣхалъ изъ Москвы. Живя у брата въ Павловскѣ, я пошелъ къ нему утромъ. Онъ одѣвался, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Разговоръ между нами не клеился. Я сидѣлъ съ боку письменнаго стола, на которомъ лежала кучка официальныхъ бумагъ, написанныхъ писарскимъ, прекраснымъ почеркомъ. Я невольно взглянулъ на эту кучку, и на первомъ листѣ увидалъ написанный рапортъ Мельникову о назначеніи офицеровъ на Курскую дорогу. Семичевъ мнѣ ни слова не сказалъ, что онъ принялъ уже на себя порученіе, не только до Орла, но отъ Москвы до Курска. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, я смолчалъ; а Семичевъ, надѣвъ мундиръ и захвативъ въ портфель бумаги, сказалъ мнѣ:

— Извините, мнѣ нужно ѣхать къ Мельникову.

Я пожелалъ ему счастливаго пути и вышелъ. Съ той минуты безъ всякихъ объясненій мы разстались съ Семичевымъ навсегда.

Такимъ образомъ разыгралась интрига противъ меня, которой поспособствовалъ Семичевъ, мой закадычный другъ.

Я рассказалъ буквально факты и долженъ разъяснить ходъ интриги, направленной противъ меня, и назвать лицъ, принявшихъ въ ней то или другое участіе.

Дѣло совершилось скоро и неожиданно. Какъ сказано выше, я вручилъ Мельникову, передъ отъѣздомъ его въ Варшаву, мою записку о подраздѣленіи управленія дороги по отраслямъ, съ которой онъ хотѣлъ ознакомить государя.

Мельниковъ былъ человекъ слабаго характера, нерѣшительный и шаткій во взглядахъ. Главнымъ его совѣтникомъ былъ его родной братъ Алексѣй Петровичъ, членъ Совѣта, который и жилъ съ своимъ семействомъ въ министерскомъ домѣ, наверху.

Этотъ человекъ былъ рѣшительный, смѣлый, съ опредѣленными взглядами, и потому имѣлъ огромное вліяніе на своего брата, который и слушался его во всемъ. Этимъ только и можно объяснить возвращеніе Уайненса, прогнаннаго Чевкинымъ, опять въ контрагенты, на Николаевскую дорогу, съ контрактомъ еще худшимъ для казны противъ прежняго.

Когда главноуправляющій недоумѣвалъ, какъ организовать управленіе, то Алексѣй Петровичъ держалъ такую рѣчь:

— Что ты раздумываешь и возишься съ Панаевымъ. Это человѣкъ абсолютный, ты самъ это хорошо знаешь и видѣлъ его на дѣлѣ при Чевкинѣ, когда онъ зарѣзалъ Уайненса. Если организуешь управленіе съ Совѣтомъ, то, конечно, первую и главную роль будетъ играть Панаевъ, и весь успѣхъ дѣла припишется ему. Онъ не будетъ исполнителемъ твоей воли, а будетъ дѣйствовать самостоятельно, что видно уже изъ записки, которую онъ тебѣ представилъ. Семичевъ будетъ подходяще тебѣ; назначь его строителемъ всей дороги отъ Москвы до Курска.

— Я уже вызвалъ Панаева изъ Новочеркасска,—возразилъ ему Павелъ Петровичъ,—и заявлялъ всѣмъ, что я имѣлъ въ виду назначить его на Южную дорогу.

— Экая бѣда!—отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ. Семичевъ на 10 лѣтъ старше по службѣ Панаева, произведи его въ генералы, и тѣмъ, значить, въ глазахъ всѣхъ, ты и оправдаешь себя.

На этомъ и было рѣшено дѣло.

Хотя матеріальный ударъ былъ громадный: съ 19.000 руб. содержания, я очутился на 800 руб. жалованья по чину, но во мнѣ горѣла энергія, я вѣрилъ въ свои собственныя силы и потому перенесъ этотъ ударъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстояло получить 10.000 руб. преміи, которая была высочайше назначена за устроенную мною Грушевскую дорогу.

У Мельникова заговорила совѣсть уже впоследствии, когда онъ оставилъ постъ министра и былъ зачисленъ въ члены Государственнаго Совѣта. Въ это время онъ приобрѣлъ домъ въ Фурштатской, гдѣ и жилъ. Въ той же улицѣ, вблизи, я имѣлъ небольшой домъ, и мой кабинетъ помѣщался внизу.

Мельниковъ имѣлъ обыкновеніе, вставши утромъ, часовъ въ 6 или 7, немедленно дѣлать пѣшкомъ прогулку. Я видѣлъ его проходящимъ каждый день мимо моихъ оконъ, когда я занимался писаніемъ.

Нѣсколько разъ, проходя, онъ останавливался передъ окномъ и могъ видѣть меня. Спустя нѣкоторое время, я получилъ отъ него визитную карточку. Я не отвѣтилъ и не пошелъ къ нему. Черезъ недѣлю, я получилъ другую карточку и все-таки не пошелъ къ нему. Дня черезъ три Мельниковъ, проходя, остановился передъ окномъ, увидалъ меня, вернулся, и я немедленно услышалъ звонокъ.

— Я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ; гуляя, я часто вижу васъ въ окно занимающимся, и мнѣ захотѣлось повидать стараго сослуживца,—сказалъ Мельниковъ.

— Я очень радъ васъ видѣть,—отвѣтилъ я.

— Намъ надо бы возобновить знакомство по близкому сосѣдству.

— Я непременно явиться къ вамъ,—сказалъ я.

Зная слабый характер Мельникова, зная главныхъ дѣйствующихъ лицъ интриги, я не питалъ къ нему злобнаго чувства. Послѣ его настойчиваго желанія видѣть меня, я отправился къ нему. Ни онъ, ни я не вспоминали прошедшаго, и мы стали сходиться съ нимъ. Мельниковъ началъ ходить къ намъ часто.

Такъ я сблизился опять съ Мельниковымъ, при пословицѣ: «кто старое вспомнеть, тому глазъ вонъ».

XXXV.

Сдача Грушевской дороги.—Поѣздка Панаева за границу.—Конгрессъ въ Бернѣ.—Встрѣча съ А. И. Герценомъ.—Знакомство съ П. Г. Дервизомъ.—Его прошлое.—Предположеніе о постройкѣ дороги отъ Козлова до Воронежа.—Новый концессионеръ Поляковъ.—Постройка дороги отъ Курска до Кіева.—Два предложенія: Дервиза и Новосельскаго.—Полученіе концессіи Дервизомъ.

Когда министръ Мельниковъ вызвалъ меня изъ Новочеркасска для работъ Южной дороги, Грушевская дорога была уже окончена и четыре мѣсяца находилась въ эксплуатаціи. Вызванный экстренно, я долженъ былъ сдать всѣ дѣла старшему офицеру и отправился въ Петербургъ со всею семьей, слѣдовательно, по экстренности отъѣзда, не могла быть форменная сдача дороги.

Ожидая официальнаго назначенія меня на Южную дорогу, я проживалъ въ Петербургѣ, и только въ ноябрѣ назначена была коммиссія для приѣмки отъ меня Грушевской дороги. Въ число членовъ этой коммиссіи былъ назначенъ отъ военнаго министерства военный инженеръ, подполковникъ Паукеръ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія.

Такъ какъ на дорогѣ было устроено много сооружений, которыя не и мѣли первоначально утвержденныхъ проектовъ, и мною измѣненныхъ сообразно обстоятельствамъ, то коммиссія пришлось пробывать въ Новочеркасскѣ почти цѣлый мѣсяцъ, чтобы убѣдиться въ необходимости новыхъ сооружений и основательности сдѣланныхъ измѣненій.

Свой огромный журналъ коммиссія заключила слѣдующими словами:

«Коммиссія, повѣривъ всѣ отступленія на мѣстѣ, вполне признаетъ основательность соображеній, руководившихъ означенными отступленіями, вызванными или необходимостью или пользою дѣла.

«Всѣ сооруженія, какъ тѣ, по которымъ послѣдовало измѣненіе противъ первоначальнаго проекта, такъ и тѣ, на которыя не было утвержденныхъ проектовъ— не только вполне отвѣчаютъ своему назначенію и мѣстнымъ условіямъ, но во всемъ виденъ расчетъ на будущее развитіе движенія, и въ особенности, по тѣмъ предметамъ, которые измѣнить послѣ было бы трудно.

«Въ отношеніи къ общему характеру постройки комиссія находятъ, что всѣ сооруженія и принадлежности дороги устроены и сдѣланы вполне прочно и употреблены матеріалы лучшаго качества».

Такимъ образомъ, я окончилъ успѣшно порученное мнѣ дѣло устройства дороги, и этотъ успѣхъ былъ слѣдствіемъ тѣхъ правъ, которыя были даны мнѣ, т. е. независимости, свободы въ распоряженіяхъ и исключительнаго довѣрія, мнѣ оказаннаго.

Въ началѣ лѣта 1865 года я взялъ отпускъ, чтобы ѣхать за границу. Мнѣ хотѣлось принять участіе въ конгрессѣ въ Берлинѣ по разнымъ научнымъ вопросамъ.

Между вопросами, назначенными для обсужденія, было два вопроса, которые интересовали меня и по которымъ я не мало писалъ: Это вопросъ объ организаціи общины и вопросъ о томъ—что выгоднѣе, строить ли и эксплуатировать дороги правительствомъ или частными компаніями?

Сначала я поѣхалъ на купанье въ Остенде и помѣстился тамъ въ отелѣ на самомъ берегу моря. Тогда въ Остенде было множество русскихъ, но я въ теченіе четырехъ недѣль, тамъ проведенныхъ, ни съ кѣмъ не познакомился.

Чтобы меня не узнали, что я русскій, я не говорилъ по-русски и тѣмъ избѣжалъ навязчивыхъ знакомыхъ. Можно сказать, что я вполне наслаждался, въ эти четыре недѣли, отдыхомъ. Два раза въ день я купался, а остальное время сидѣлъ на террасѣ вытянутой во всю длину отеля передъ моремъ, которое, во время прилива, хлестало на террасу, и подготавливалъ записки для ожидаемаго конгресса. Помню, что изъ моей комнаты выходило окно на стеклянную крышу, которая покрывала танцевальный залъ отеля. По вечерамъ я наблюдалъ за танцами. Между тѣмъ большое общество американскихъ путешественниковъ арендовало эту залу три раза въ недѣлю исключительно для себя. Танцевали постоянно котильонъ. Кавалеръ, избравшій даму, не мѣнялъ ее въ продолженіе всего вечера. Каждый кавалеръ приносилъ бутылку шампанскаго и ставилъ ее подъ стулъ, и если бутылка опорожнялась во время танцевъ, онъ сейчасъ приносилъ другую. Все дѣлалось весьма прилично, и общество проводило время очень весело.

Черезъ четыре недѣли, я отправился на конгрессъ и, заѣхавъ въ Брюссель, пригласилъ ѣхать со мною А. И. Герцена.

По приѣздѣ въ Бернъ вмѣстѣ съ Герценомъ, мы пошли прогуляться въ садъ. Впереди насъ шли два господина, и одинъ изъ нихъ былъ хромымъ, и разговаривалъ по-русски. Я услыхалъ въ разговорѣ мою фамилію, и мы стали прислушиваться.

— Слышали ли вы,—сказалъ хромымъ,—что на конгрессъ пріѣхалъ

одинъ русскій офицеръ, присланный правительствомъ, и записался говорить по вопросамъ объ общинѣ и желѣзныхъ дорогахъ?

— Да, я мелькомъ что-то слышалъ.

— Надо его хорошенько пробрать.

— Постараемся,—отвѣтилъ другой.

Засѣданія, кажется, продолжались недѣлю. Я присутствовалъ на всѣхъ. Конгрессъ былъ раздѣленъ на 5-ть секцій. Утромъ, до 1 часу, секціи собирались въ федеральномъ дворцѣ, а въ два часа было всегда общее собраніе въ зданіи большой церкви, гдѣ собирались всѣ записавшіеся члены и постороннія лица. Было организовано такъ, что изъ каждой секціи выбирался одинъ болѣе интересный вопросъ изъ обсуждавшихся и дебатированныхъ уже въ секціяхъ, и вносился въ общее собраніе.

Я принялъ участіе въ 5-ой секціи, гдѣ обсуждались вопросы, меня интересовавшіе: о желѣзныхъ дорогахъ и объ общинѣ. Къ вѣщему моему удивленію, обширный докладъ, составленный профессоромъ Бернскаго университета Войтомъ (Vout), пришелъ къ рѣшительному выводу, что желѣзныя дороги должны строиться правительствомъ, а не частными компаніями. Это не согласовалось съ господствовавшимъ мнѣніемъ среди экономистовъ Европы и Америки.

Вслѣдъ за тѣмъ, я обратился къ собранію и прочелъ мою записку, въ видѣ рѣчи, прежде изготовленную, которая приводила къ тому же заключенію ¹⁾).

Собраніе было поражено совпаденіемъ такихъ необычныхъ и смѣлыхъ, по тогдашнему времени взглядовъ, идущихъ въ противоположность общесуществующимъ понятіямъ. Затѣмъ выступили ораторы, бормотавшіе разные пустяки въ защиту частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, и засѣданіе быстро прекратилось.

Въ пятой секціи былъ назначенъ къ обсужденію вопросъ: Слѣдуетъ ли государству или общинѣ участвовать въ устройствѣ жилищъ для рабочаго люда.

По этому поводу я и внесъ мою записку объ организаціи русской общины, прочитавъ ее предварительно собранію секціи.

По означенному въ этой секціи вопросу не было представлено никакого доклада, а потому и не было возбуждено никакихъ дебатовъ.

Послѣ окончанія конгресса, былъ прощальный обѣдъ, на общій четъ, на который явилось до 300 человѣкъ.

Изъерна я отправился опять въ Женеву, чтобы провести нѣсколько дней съ Герценомъ.

¹⁾ Записка эта помѣщена въ годовомъ отчетѣ международной ассоціаціи наукъ: *Annales de l'association internationale* (page 59).

Бесѣды съ Герценомъ были оживленныя, которыя не могли прерываться. Онъ имѣлъ обширную начитанность, всѣмъ живо интересовался, съ нимъ можно было заводить любой разговоръ. Онъ былъ близокъ къ политическому міру, очень вѣрно оцѣнивалъ его достоинства и недостатки; его сравненія были мѣткі и часто ѣдки, но въ нихъ не было злобы, а проявлялась иронія, и остроты лились безъ конца. День, проводимый у Герцена, пролеталъ незамѣтно. Однажды вечеромъ къ нему пришелъ какой-то незнакомый мнѣ господинъ, не русскій. Герцену хотѣлось познакомить его съ колоритомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ попросилъ меня спѣть. Дѣлать было нечего, надо было удовлетворить желанію, и я спѣлъ на террасѣ въ саду нѣсколько народныхъ пѣсенъ, заунывныхъ и залихватскихъ.

Этому господину въ особенности понравился мотивъ пѣсни: «Не одна во полѣ дороженька». Пробывъ дня три въ Женевѣ, я распрощался съ Герценомъ, и съ той минуты я его уже не встрѣчалъ.

Въ самомъ концѣ 1865 года, послѣ возвращенія моего изъ-за границы, пріѣхалъ ко мнѣ Павелъ Григорьевичъ Дервизъ, съ которымъ я не былъ лично знакомъ. Въ это время, Дервизъ построилъ уже Коломенскую и Рязанскую дороги, и имѣлъ концессию на Козловскую дорогу, постройка которой приходила къ окончанію.

— Вы, Валеріанъ Александровичъ, — говорилъ Дервизъ, — строили Николаевскую дорогу и были при эксплуатаціи ея почти 10 лѣтъ. Затѣмъ, вы самостоятельно, на особыхъ предоставленныхъ вамъ правахъ, построили Грушевско-Довскую желѣзную дорогу крайне дешево и хорошо. Слѣдовательно, вы имѣете обширную опытность во всѣхъ отрасляхъ, до постройки желѣзныхъ дорогъ относящуюся. Въ настоящее время, я кончаю Козловскую дорогу, но не намѣренъ еще складывать оружія. Мнѣ хочется построить патріотическую дорогу, для соединенія центра Россіи съ Кіевомъ, чего горячо желаетъ государь. А потомъ, пожалуй, и брошу дѣла. Мнѣ хочется притянуть васъ къ дѣлу. Я предлагаю вамъ войти съ мною въ компанію, — и что вы на это мнѣ скажете?

Среди имѣвшихъ уже дѣло съ Дервизомъ господствовало мнѣніе, что хотя онъ человѣкъ и умный, но съ необыкновенно тяжелымъ характеромъ.

Я отвѣтилъ Дервизу, что прежде, нежели дать свое согласіе, мнѣ желательно познакомиться съ нимъ поближе.

— Пріѣзжайте пожалуйста ко мнѣ въ Москву, — сказалъ Дервизъ, — тамъ мы обстоятельно переговоримъ обо всемъ. Только прошу васъ ускорить пріѣздомъ; я намѣренъ, недѣли черезъ двѣ, подать мое предложеніе на Кіевскую дорогу и буду ожидать вашего пріѣзда и вашего рѣшенія.

Я обѣщалъ ему пріѣхать черезъ недѣлю, и на этомъ мы разстались на первый разъ.

Такъ какъ при дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется много говорить о Дервизѣ и о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то не безынтересно рассказать о томъ, какъ Дервизъ, не будучи совсѣмъ инженеромъ, такъ дѣятельно и практично вошелъ въ міръ желѣзнодорожныхъ построекъ.

Я расскажу то, что мнѣ передалъ генералъ-лейтенантъ Поливановъ, одинъ изъ главныхъ учредителей Саратовской дороги, и о которомъ я упоминалъ выше.

Поливановъ былъ генералъ-интендантомъ во время венгерской кампаніи. Передъ этимъ не задолго были уничтожены въ войскѣ кивера и замѣнены касками. Гвардейскій корпусъ былъ двинутъ въ Варшаву. Въ складахъ интендантства находилось много фальшивыхъ касокъ, сдѣланныхъ не изъ кожи, а изъ лакированного картона. При внезапной мобилизаціи гвардіи, генералъ-интендантъ рѣшился выдать въ походъ эти картонныя каски. На парадахъ, конечно, эти каски могли фигурировать благополучно, но когда пошли въ походъ, и солдаты шли подъ дождями, то каски стали разваливаться. Генералъ-интендантъ сопровождалъ гвардейскій корпусъ. Въ Вильнѣ войска встрѣтилъ Паскевичъ и увидалъ развалившіяся каски. Онъ немедленно передалъ объ этомъ по существовавшему тогда телеграфу государю. Въ тотъ же день послѣдовало, по телеграфу, высочайшее повелѣніе: лишить генералъ-интенданта всѣхъ чиновъ и орденовъ и разжаловать въ солдаты.

— На другой день,—какъ сказывалъ Поливановъ,—я стоялъ подъ ружьемъ на правомъ флангѣ, такъ какъ я былъ очень большаго роста.

Поливановъ, представилъ документы, что онъ доносилъ военному министру о фальшивыхъ каскахъ, представилъ тоже наряды подрядчикамъ о вывозѣ этихъ касокъ изъ складовъ интендантства, но они однако не были вывезены, и что онъ доносилъ военному министерству, что вынужденъ отправить часть гвардіи въ фальшивыхъ каскахъ.

Словомъ сказать, Поливановъ юридически и формально оправдался, и государь повелѣлъ возвратить ему чины, но не возвратилъ орденовъ.

— Я имѣлъ,—говорилъ Поливановъ,—три звѣзды и кучу крестовъ, но теперь не могъ даже носить традиціонной дворянской медали, доставшейся, по первородству, отъ моего отца. По вступленіи на престолъ императора Александра II, всѣ мои хорошіе знакомые совѣтовали подать мнѣ просьбу государю о возвращеніи мнѣ орденовъ. Въ канцеляріи военнаго министерства мнѣ сказали, чтобы я отправился къ какому-то Дервизу, у котораго золотое перо, и что онъ сѣмѣетъ написать просьбу на высочайшее имя. Этотъ-де Дервизъ, отличный юристъ, былъ секретаремъ у министра юстиціи, графа Панина, но съ нимъ поссорился и перешелъ въ секретари къ нашему министру, и съ тѣмъ тоже поссорился, а теперь, безъ занятій, живетъ въ Гороховой въ четвертомъ

этажѣ. Я отправился къ этому Дервизу и засталъ его сидящимъ въ халатѣ и что-то пишущимъ. Я обратился къ нему и сказалъ, что мнѣ указали на него въ военномъ министерствѣ, «какъ на человѣка съ золотымъ перомъ, а мнѣ нужно составить прошеніе на высочайшее имя». — Въ чемъ дѣло? — спросилъ Дервизъ. Я рассказалъ ему, въ чемъ мое дѣло, и съ чѣмъ я желаю обратиться къ монарху. Дервизъ выслушалъ меня и сказалъ: «Такъ вамъ нужно по этому случаю написать прошеніе». Затѣмъ, онъ взялъ большой листъ почтовой бумаги и сѣлъ писать. Я всталъ сзади за стуломъ и сталъ смотрѣть, что пишетъ Дервизъ. Письмо кончалось на второй страницѣ. Я пришелъ въ восторгъ отъ редакціи и сказалъ Дервизу: «Не продолжайте». — Да съ чего вы взяли, что я буду продолжать? Дервизъ свернулъ письмо, вложилъ его въ конвертъ и подалъ мнѣ. Письмо было написано превосходнымъ почеркомъ, сразу и, разумѣется, безъ малѣйшихъ поправокъ. «Что, письмо вамъ нравится?» спросилъ меня Дервизъ. — Я отъ него въ восторгѣ — у васъ дѣйствительно золотое перо. Когда послѣдуетъ результатъ, то я васъ отблагодарю, какъ слѣдуетъ; и съ тѣмъ я ушелъ. Черезъ недѣлю послѣдовало высочайшее повелѣніе — возвратитъ мнѣ всѣ ордена. Я тотчасъ же поѣхалъ къ Дервизу, захвативъ съ собою три тысячи рублей, которыя и вручилъ ему. Дервизъ поблагодарилъ и сказалъ, что деньги эти ему очень кстати. Тогда я сказалъ Дервизу, что я съ нимъ не расстаюсь, что я орудуя теперь вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Анненковымъ, какъ учредитель, для постройки Саратовской дороги, и если дѣло это выгоритъ, и намъ дадутъ концессию, то я употреблю всѣ старанія, чтобы привлечь его (т. е. Дервиза) къ этому дѣлу.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дана была концессія на Саратовскую дорогу, учредителями которой были Анненковъ, Поливановъ, Де-Брауеръ и проч. Акціи были быстро разобраны, организованъ былъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Анненкова, и однимъ изъ членовъ былъ избранъ Поливановъ, какъ главный орудователь всего предпріятія; тогда Дервизъ былъ приглашенъ въ правители дѣлъ Совѣта. Вотъ первый шагъ вступленія его въ желѣзнодорожную дѣятельность.

Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, я сойдясь интимно и дружески съ Дервизомъ, считалъ однако не деликатнымъ спросить его объ эпизодѣ, сообщенномъ Поливановымъ; но Дервизъ самъ рассказалъ мнѣ этотъ эпизодъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда Дервизъ сидѣлъ уже во многихъ милліонахъ, онъ однажды сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, Валеріанъ Александровичъ, чему я обязанъ своему богатству?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтилъ я.

— Моей любви къ музыкѣ; я, какъ вы знаете, играю недурно,

знакомъ даже съ композиціей. Въ черные дни, чрезъ которые мнѣ приходилось проходить, я находилъ поддержку въ музыкѣ. Моя игра была въ петербургскомъ свѣтѣ болѣе или менѣе извѣстна. Я приглашался на вечера въ аристократическіе дома, чтобы слушать мою игру. Такъ я существовалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды ко мнѣ явился одинъ генералъ Поливановъ, котораго вы знали, и обратился ко мнѣ съ просьбою написать ему прошеніе на высочайшее имя. Я выслушалъ его и сѣлъ писать. Поливановъ всталъ за моей спиной и чрезъ мое плечо смотрѣлъ на мое письмо. Когда я закончилъ письмо и поставилъ точку, то Поливановъ ладонью закрылъ письмо и крикнулъ: «довольно, больше ничего не нужно». Я отдалъ ему это письмо, и мы разстались. Черезъ недѣлю Поливановъ явился ко мнѣ и принесъ 3.000 рублей. Въ скоромъ времени, образовалось Саратовское общество, куда я былъ приглашенъ правителемъ дѣлъ Совѣта на жалованье 7.000 руб. О дальнѣйшихъ перипетіяхъ хода Саратовской дороги вы, кажется, вполне въ курсѣ.

Слѣдовательно, я въ правѣ передать вышеизложенное свидѣтельство Поливанова, подтвержденное самимъ Дервизомъ, какъ неопровержимый фактъ.

Я сказалъ уже выше, что Дервизъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Москву. Я поѣхалъ и остался тамъ съ недѣлю. Въ это время, я успѣлъ высмотрѣть Дервиза и убѣдился, что это человѣкъ очень умный, энергическій, рѣшительный, съ опредѣленнымъ взглядомъ на всѣ вопросы жизни, безъ всякихъ колебаній, абсолютно честный и добрый; видимо, его опредѣленность во всемъ и абсолютность люди называли тяжелымъ характеромъ. Дервизъ понравился мнѣ вполне, и я объявилъ ему, что охотно войду съ нимъ въ компанію.

— Такъ вопросъ рѣшенъ, и я васъ включу въ число учредителей; насъ будетъ всего трое: я, Меккъ и вы.

Когда въ послѣдній вечеръ я прощался съ Дервизомъ, онъ остановилъ меня и сказалъ:

— Я вспомнилъ сейчасъ объ одномъ крайне нужномъ для меня дѣлѣ въ Петербургѣ. Я съ вами не прощаюсь и попрошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе заѣхать ко мнѣ завтра утромъ по дорогѣ на станцію.

Когда я заѣхалъ на другой день утромъ, Дервизъ сказалъ:

— Я попрошу васъ исполнить мое порученіе свезти деньги и передать ихъ моему брату Дмитрію Григорьевичу, который долженъ уплатить ихъ отъ меня лицу, о которомъ онъ знаетъ. Скажите ему, что надо исполнить это завтра до 12 часовъ. Я совсѣмъ забылъ объ этомъ, и если послать по почтѣ, то деньги дойдутъ на третій уже день.

Конечно, я не отказался исполнить это порученіе.

— Чтобы не задерживать васъ,—сказалъ Дервизъ,—я уже приготовилъ деньги, потрудитесь сосчитать.

Дервизъ отворилъ столъ, и оттуда вывалились множество пачекъ, потому что было очень много мелкихъ кредитныхъ билетовъ.

— Тутъ,—сказалъ Дервизъ,—45.000 руб.

Когда я сосчиталъ деньги, то Дервизъ сталъ укладывать ихъ въ приготовленный имъ портфель, а я сѣлъ написать расписку.

— Никакой расписки не нужно,—сказалъ онъ.—Я васъ прошу свезти эти деньги прямо съ желѣзной дороги къ брату, онъ живетъ на Загородномъ проспектѣ недалеко отъ Владимірской, и, пріѣхавши, прикажите его разбудить, такъ какъ онъ по утрамъ обыкновенно долго спитъ, а ему надо свезти эти деньги до 12 часовъ.

Затѣмъ Дервизъ подаль мнѣ портфель для укладки пачекъ.

— Нѣтъ,—сказалъ я,—я портфель не возьму потому, что въ вагонѣ я всегда сплю, и портфель могутъ стащить; я лучше разложу пачки по карманамъ сюртука и шубы.

Итакъ, нагрузившись деньгами, я отправился на станцію. Ночь я провелъ весьма непріятно, безпрестанно просыпался, опасаясь, что во время крѣпкаго сна могутъ вытащить пачки изъ кармановъ шубы.

Со станціи Николаевской дороги я, въ 9 часовъ, проѣхалъ прямо къ брату Дервиза, Дмитрію Григорьевичу. Онъ спалъ, я приказалъ разбудить его и передалъ ему деньги.

— Ахъ, какъ я радъ,—сказалъ онъ,—я ждалъ деньги и беспокоился, думая, что братъ забылъ срокъ.

Такимъ образомъ я свалилъ обузу съ плечъ.

Я привелъ этотъ фактъ, который характеризовалъ Дервиза. Онъ, сходясь со мною, очевидно, хотѣлъ увидать, какъ я отнесусь къ обращенію съ деньгами. Онъ выдаетъ значительный капиталъ и не беретъ отъ меня никакой расписки. Ему хотѣлось увидать, не щекотливый ли я формалистъ, тогда какъ въ общемъ широкомъ дѣлѣ все должно быть основано на личномъ довѣріи. Отдавая деньги его брату, я не взялъ съ него расписки въ доказательство того, что всѣ деньги мною вручены по принадлежности. И если бы я это сдѣлалъ, то мы, конечно, разошлись бы тотчасъ же съ Дервизомъ, не сойдясь еще съ нимъ.

Объ этомъ, повидимому, не важномъ эпизодѣ никогда не возбуждалось и рѣчи, но я убѣжденъ, что этотъ эпизодъ главнымъ образомъ способствовалъ нашему пятимному сближенію.

Въ скоромъ времени, Дервизъ пріѣхалъ въ Петербургъ и подаль предложеніе о концессіи на постройку дороги отъ Курска до Кіева. Конкурентовъ въ то время не было, и онъ рассчитывалъ, что, въ виду удачной постройки имъ трехъ дорогъ,—Коломенской, Рязанской и

Козловской, и въ виду особаго желанія государя, чтобы дорога осуществилась скорѣе, концессія будетъ ему немедленно дана.

Въ это время былъ тотъ фазисъ концессій, когда онѣ давались по направленіямъ сдѣланныхъ изысканій самимъ правительствомъ съ предварительнымъ проектомъ земляного полотна и строгими техническими условіями для возведенія всѣхъ прочихъ сооружений, опредѣляемыхъ общими цифрами; такимъ образомъ опредѣлялся строительный капиталъ, вводимый въ концессію. Опредѣленіе строительнаго капитала дѣлалось министерствомъ путей сообщенія. Затѣмъ, предложенія о концессіи поступали въ министерство финансовъ для обсужденія размѣра финансовой стороны операціи, — какъ то: выпуска акцій и облигацій, количества тѣхъ и другихъ, срока образованія общества и гарантіи, представляемой учредителями правительству и проч.

Казалось, что не должно было быть препятствій для полученія концессіи, ибо проектъ земляного полотна и предварительная расцѣнка всѣхъ прочихъ сооружений были готовы. Прошло однако три мѣсяца, но предложеніе Дервиза не было внесено въ Комитетъ министровъ. Дервизъ въ это время былъ отвлеченъ окончаніемъ Козловской дороги; но, наконецъ, онъ взволновался и прикатилъ въ Петербургъ. Оказалось, что министерство путей сообщенія дѣлаетъ препятствія въ опредѣленіи строительнаго капитала. Явились разныя недоразумѣнія, которыя однако были разъяснены Дервизомъ, и онъ уѣхалъ, успокоившись.

Здѣсь я долженъ прервать нить дальнѣйшаго изложенія, дабы оно было понятно. Мнѣ придется обрисовать нѣсколько человѣкъ, съ которыми я и братъ мой Кронидъ имѣли серіозныя денежныя дѣла, прошедшія между нами безъ сучка и задоринки. Мнѣ приходится говорить о Меккѣ, соучастникѣ всѣхъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, исполненныхъ Дервизомъ, и высказать характеристику Мекка, въ главныхъ обстоятельствахъ общаго ихъ дѣла.

Передъ окончаніемъ постройки Козловской дороги, Дервизъ задумалъ продолженіе дороги отъ Козлова до Воронежа. Онъ, конечно, ясно понималъ, что дорога не можетъ остановиться въ Козловѣ, а будетъ продолжаться до Ростова, т. е. до Азовскаго моря. Но онъ любилъ дѣла, которыя исполнялись бы навѣрняка, и потому распорядился, чтобы произвели изысканія отъ Козлова до Воронежа. Это относилось къ области дѣлъ, возлагаемыхъ на Мекка. Меккъ поручилъ это дѣло и составленіе проектовъ своему интимному, опытному въ дѣлѣ изысканій инженеру Данилову.

Между тѣмъ Меккъ, составившій себѣ состояніе до пяти милліоновъ, задумалъ отдѣлаться отъ Дервиза. Къ этому представился слѣдующій случай. Братъ мой, Кронидъ, имѣлъ подрядъ постройки 70 верстъ Козловской дороги. Къ нему явился содержатель почтовыхъ

станцій, нѣкій Поляковъ, и предложилъ поставить на эту часть дороги шпалы. Братъ сдалъ ему это дѣло, и Поляковъ исполнилъ поставку аккуратно. Меккъ, объѣзжая работы, нѣсколько разъ видѣлъ Полякова и познакомился съ нимъ. Поляковъ былъ разумный, энергическій, смѣлый и ловкій человекъ; онъ былъ прежде приказчикомъ на шоссе у одного товарища Мекка Кислаковского. Меккъ, оцѣнивъ качества Полякова, приблизилъ его къ себѣ и сталъ затягивать его въ желѣзнодорожное предпріятіе.

Въ это время Дервизъ съ Меккомъ представили уже въ министерство путей сообщенія произведенныя ими изысканія и проектъ землянаго полотна на продолженіе дороги отъ Козлова до Воронежа. Дервизъ былъ увѣренъ, какъ дважды два четыре, что едва онъ окончитъ дорогу до Козлова, какъ ему, безъ сомнѣнія, отдадутъ постройку до Воронежа, тѣмъ болѣе, что, повидимому, конкурентовъ не было.

Меккъ задумалъ иное и предложилъ Полякову, человеку, никому и нигдѣ неизвѣстному, явиться конкурентомъ. Для чего надо было, чтобъ Поляковъ представилъ произведенныя будто бы имъ изысканія и проектъ землянаго полотна по другой линіи.

Неотлагательно изысканія Дервиза съ Меккомъ были перечерчены въ кабинетѣ съ ничтожными измѣненіями, и для приличія посланъ былъ техникъ, чтобы поставить, кое-гдѣ, вѣхи и колья, и такимъ образомъ Поляковъ могъ явиться конкурентомъ.

Въ скоромъ времени, я, придя однажды утромъ къ Дервизу, засталъ его въ крайне раздраженномъ состояніи. Онъ подалъ мнѣ газету и сказалъ:

— Прочтите, пожалуйста.

Я прочелъ, что Комитетъ министровъ утвердилъ концессію на постройку дороги отъ Козлова до Воронежа за Поляковымъ.

— Вы говорили мнѣ, кажется, что вы представили изысканія и проекты на эту дорогу, и что у васъ конкурентовъ не было. Кто же это Поляковъ?

— Я столько же знаю, сколько и вы; знаю только, что какой-то Поляковъ былъ поставщикомъ на Козловской дорогѣ. Я сейчасъ иду къ министру финансовъ и узнаю объ этой метаморфозѣ; подождите меня.

Дервизъ вернулся отъ министра, который сказалъ ему, что Поляковымъ были представлены въ министерство путей сообщенія всѣ документы, нужные на полученіе права на концессію, и что о предпочтеніи его Дервизу ходатайствовало предъ государемъ одно высокопоставленное лицо.

Дервизъ успокоился потому, что отдача концессіи Полякову совершилась по высочайшей волѣ, а не потому, чтобы министръ финансовъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ операціями Дервиза при исполненіи построекъ. Отношенія Дервиза къ министру финансовъ не измѣнились.

Между тѣмъ, дѣло по концессіи Курско-Кіевской дороги продолжало тянуться въ министерствѣ путей сообщенія. Меккъ не оставлялъ мысли отдѣлаться все-таки какимъ-нибудь образомъ отъ Дервиза.

Во время одного пріѣзда Дервиза въ Петербургъ, я сидѣлъ у него вмѣстѣ съ Меккомъ.

— Послушайте, Павелъ Григорьевичъ,—говорилъ послѣдній,—дѣло въ министерствѣ путей сообщенія все тянется; мнѣ кажется, потому, что учредителями являются трое: вы, я и Панаевъ. Не лучше ли оставить между нами прежнія отношенія, т. е. вы будете, какъ на Козловской дорогѣ, единственнымъ учредителемъ, а я съ Валеріаномъ Александровичемъ раздѣлимъ постройку дороги пополамъ и будемъ только подрядчиками.

Казалось, съ виду, что Меккъ отказывается отъ части учредительства въ пользу Дервиза, что, слѣдовательно, должно было быть выгодно послѣднему. Дервизъ смолчалъ тогда, но черезъ два мѣсяца, въ бытность мою въ Москвѣ, онъ отвѣтилъ Мекку, очень рельефно, на эту рѣчь. Въ Москвѣ, Дервизъ пригласилъ меня сѣздить вмѣстѣ съ нимъ къ Мекку на дачу. Когда Дервизъ былъ кѣмъ-нибудь сильно озабоченъ, онъ имѣлъ обыкновеніе ходить изъ угла въ уголъ и молчать. Наконецъ, онъ остановился передъ Меккомъ и сказалъ:

— Знаете ли, Карлъ Оедоровичъ, что на ваше предложеніе, высказанное вами мѣсяца два тому назадъ, я, по здравому обсужденію, пришелъ къ убѣжденію, что дѣло затягивается потому, что мое имя стоитъ учредителемъ; я нахожу нужнымъ предоставить учредительство одному Панаеву, и тогда министерство не будетъ оказывать препятствія, ибо онъ опытомъ доказалъ свою компетентность въ дѣлѣ. Я повторяю вамъ, что это будетъ наилучшее рѣшеніе дѣла въ министерствѣ путей сообщенія, которое тянетъ болѣе года.

Тогда у Мекка задергало все лицо, ибо у него было нѣчто похожее на *tic douloureux* отъ нервнаго удара, съ нимъ случившагося, и Меккъ пробормоталъ что-то невнятное, и на этомъ кончился разговоръ.

Меккъ опасался, чтобы, сблизясь со мной, Дервизъ не вздумалъ бы, въ одинъ прекрасный день, порвать дѣло съ нимъ. Но Меккъ былъ нуженъ Дервизу для общаго дѣла, какъ великій мастеръ подыскивать подрядчиковъ, съ которыми умѣлъ ладить и вести дѣло и которые шли къ Мекку охотно, ибо онъ былъ аккуратенъ и честенъ въ расчетахъ.

Въ 1866 году, я проводилъ время въ Петергофѣ, гдѣ жилъ тоже мой давнишній знакомый, Новосельскій.

Новосельскій открылъ себѣ карьеру, затребованіемъ на биржѣ на 200.000 акція пароходства по Волгѣ «Меркурій». Акціи эти были въ сильномъ упадкѣ и находились преимущественно въ рукахъ высшаго

бруга. Акціи, вслѣдствіе запроса, сильно поднялись. Новосельскаго сочли благодѣтелемъ и великимъ финансистомъ, и онъ взялъ на себя управленіе этимъ дѣломъ. Почти въ то же время, онъ явился учредителемъ «Русскаго общества пароходства и торговли», выхлопотавъ большую субсидію отъ правительства. Словомъ сказать, въ 1860 году Новосельскій грѣмѣлъ въ Петербургѣ, и у него на вечерахъ, даваемыхъ разъ въ недѣлю, собиралось отъ 200 или 300 человѣкъ.

Однажды Новосельскій позвалъ меня прогуляться.

— Знаете, что вамъ скажу,—началъ онъ,—у насъ образовалась компанія на взятіе концессіи на постройку Курско-Кіевской дороги. Въ компанію входятъ: банкиръ Лампе, я и Похитоновъ, котораго вы знали на Николаевской дорогѣ. Я приглашаю васъ вступить въ нашу компанію. Ваше имя, какъ весьма опытнаго инженера, придастъ вѣсъ нашей компаніи, въ особенности въ глазахъ министра Мельникова.

Я былъ пораженъ такимъ сообщеніемъ и отвѣтилъ Новосельскому:

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь въ участіи Мекка.

До сихъ поръ, я никому не сообщалъ о томъ, что я сошелся съ Дервизомъ, но тутъ, захваченный *à bout portant* словами Новосельскаго, я объявилъ ему, что я вошелъ уже въ компанію съ Дервизомъ, въ которой фигурируетъ и Меккъ; слѣдовательно, онъ ошибается на счетъ его участія съ нимъ.

— Я хорошо знаю,—сказалъ Новосельскій,—что Меккъ орудуетъ съ Дервизомъ, но на концессію Дервиза Мельниковъ ни за что не согласится, а съ Меккомъ—другое дѣло.

— Я не откажусь отъ своего слова,—отвѣтилъ я Новосельскому.

— Жаль, потому, что съ вашимъ именемъ дѣло было бы навѣрно обезпечено.

Вскорѣ мнѣ пришлось ѣхать въ Москву.

Тамъ Меккъ сообщилъ мнѣ, что явятся конкуренты на концессію Дервиза съ нимъ, Меккомъ, въ лицѣ Новосельскаго, Лампе и Похитонова, но что во всякомъ случаѣ дѣло останется въ его, Мекка, рукахъ.

Тотчасъ же послѣ того, Дервизъ скоро получилъ извѣстіе, что явились конкуренты, которые спустили два слишкомъ милліона противъ предложенія Дервиза, и онъ внезапно прилетѣлъ въ Петербургъ, и сейчасъ же вызвалъ меня изъ Петергофа.

Когда я пріѣхалъ, Дервизъ сказалъ:

— Я пріѣхалъ посоветоваться съ вами. Передъ самымъ концомъ дѣла явились какіе-то конкуренты. Дѣло тянется цѣлый годъ и можетъ еще затянуться. Мнѣ это все надоѣло. Я нездоровъ, мнѣ нужно ѣхать въ Ниццу и въ Лугано, гдѣ строятся мои виллы. Я бросилъ бы все, но считаю обязаннымъ себя передъ вами, тѣмъ болѣе, что у Мельникова,

знающаго, что вы сошлись со мною, вы потеряете всякое значеніе. Мнѣ пришло въ голову измѣнить диверсію, хотя это противно моимъ взглядамъ. Я намѣренъ обратиться къ князю Долгорукову и пригласить его въ учредители. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Дѣлайте, какъ вы находите лучше, и мнѣ кажется, что дѣло ваше, при означенныхъ условіяхъ, пріобрѣтетъ вѣскій шансъ.

— Такъ вы не прочь отъ этого,—сказалъ Дервизъ. Пообѣдаемъ теперь, а потомъ я отправлюсь. Я сейчасъ вернусь, подождите меня.

Дервизъ дѣйствительно вернулся очень скоро въ веселомъ расположеніи духа, и, потирая руками, объявилъ, что все улажено, что Долгоруковъ охотно принялъ предложеніе. Завтра же испроситъ соизволеніе государя выступить въ качествѣ учредителя Курско-Кіевской дороги, этой патріотической дороги, имѣющей большое политическое значеніе. Дервизъ просилъ князя поѣхать къ министру Мельникову и заявить ему, что, съ соизволенія государя, онъ вступилъ учредителемъ на означенную дорогу.

— Пріѣзжайте, пожалуйста, ко мнѣ завтра къ этому времени,—сказалъ Дервизъ,—и мы узнаемъ результатъ.

Я пріѣхалъ на другой день, и Долгоруковъ сообщилъ, что государь одобрилъ его намѣреніе, что затѣмъ онъ тотчасъ поѣхалъ къ Мельникову, и что Мельниковъ былъ рѣшительно пораженъ такимъ оборотомъ дѣла.

Дервизъ слушалъ и съ особымъ удовольствіемъ потиралъ руки.

— Такъ я поѣду сегодня же въ Москву и прошу васъ, князь, слѣдить за дѣломъ,—сказалъ Дервизъ.

Концессію рѣшено было отдать Дервизу.

Здѣсь кстати выразить мой взглядъ на Дервиза въ дѣлѣ желѣзнодорожныхъ построекъ. Безспорно, онъ принесъ огромную услугу нашему отечеству той системой, которую онъ впервые установилъ въ Россіи. Вѣрно то, что онъ пріобрѣлъ многіе милліоны концессіонной системой, но эта система практиковалась имъ честно и разумно. Его система не стоила казнѣ ни одного гроша; тогда какъ прочіе концессіонеры обходились и по сейчасъ обходятся казнѣ милліоны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXVI ¹⁾).

Литературная дѣятельность В. А. Панаева.—Участіе его въ „Современникѣ“.—Мысль объ изданіи журнала въ Парижѣ на французскомъ языкѣ.—Статья В. А. Панаева въ защиту Тьера.—Знакомство съ Луи-Бланомъ.—Переговоры съ нимъ объ изданіи журнала.—Банкетъ въ память провозглашенія во Франціи первой республики.—Рѣчь на немъ В. А. Панаева въ пользу сербовъ.—Вопросъ объ изданіи журнала „L'homme Libre“.—Неблаговидные поступки Луи-Блана.—Отказъ Панаева отъ участія въ журналѣ.—Процессъ его съ Луи-Бланомъ.

Хотя, какъ видно изъ моихъ воспоминаній, моя жизнь проходила въ инженерной дѣятельности, но въ душѣ меня влекло къ дѣятельности литературной, по вопросамъ социальнымъ, экономическимъ и политическимъ. Еще въ 1858 году, когда уже начиналось облегченіе цензурныхъ условій, я сталъ уговаривать редакторовъ «Современника» Ив. Панаева и Некрасова, начать издавать ежедневную газету и готовъ былъ взять на себя руководить означенными выше вопросами. Въ то же время, я предсказывалъ имъ, что если не оснуется серьезный политическій органъ, то Москва задавитъ «Современникъ». Въ началѣ 1858 г., я написалъ въ видѣ образца моихъ взглядовъ, статью: *Община*, которая появилась въ мартовской книжкѣ «Современника».

Въ томъ же, въ 1858 году, я написалъ и издалъ брошюру на французскомъ языкѣ о политическихъ вопросахъ подъ заглавіемъ «*La Sainte alliance des peuples*», характеризующую мои политическіе взгляды. Кроме того, я въ томъ же году издалъ на французскомъ языкѣ неболь-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1903 г.

шую брошюру, по поводу жгучаго тогда вопроса, поглотившаго всѣхъ и вся, подъ заглавіемъ: «*Emancipation de serfs en Russie*, и наконецъ въ томъ же году я издалъ обширную брошюру на русскомъ языкѣ, которая появилась въ Лондонѣ: это V книжка голосовъ изъ Россіи, съ проектомъ освобожденія крестьянъ, впоследствии напечатанная здѣсь, цѣликомъ, въ типографіи II отдѣленія Собственной его величества канцеляріи.

Изъ воѣхъ этихъ фактовъ очевидно слѣдуетъ, что мое предложеніе редакторамъ «Современника», о томъ, что я былъ бы готовъ взять на себя руководство по вопросамъ политическимъ, экономическимъ и социальнымъ, въ той газетѣ, которую бы они предприняли, не было словомъ, выпущеннымъ мною на вѣтеръ.

Со смертію Панаева «Современникъ» скоро погибъ, и Некрасовъ явился редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ 1865 году я сталъ вновь убѣждать Некрасова приняться за изданіе ежедневной газеты. Но онъ тогда отговаривался тѣмъ, что необходимость ежедневнаго труда ему не подь силу.

Когда въ 1868 г., я закончилъ свою инженерную дѣятельность, и когда у меня явился капиталъ нѣсколько болѣе 400.000 руб., оставшихся у меня отъ подряда, я предлагалъ Некрасову войти въ компанію и внести, съ своей стороны, извѣстный капиталъ; но въ это время Некрасовъ чувствовалъ, что здоровье его плохо, и мое предложеніе осталось безъ послѣдствій.

Между тѣмъ, за нѣсколько лѣтъ у меня скопилось груда статей, написанныхъ по разнымъ вопросамъ, экономическимъ, которыя вполне соотвѣтствовали правительственной цензурѣ, но не проходили чрезъ цензуры редакторскія, которыя составляютъ извѣстные кружки, и во мнѣ подготовлялась мысль покать, наконецъ, свободы слова, въ моей родинѣ, и я задумалъ основать журналъ на французскомъ языкѣ.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства подходили къ выполненію этой мысли. Само собою разумѣется, я избралъ для этого дѣла Парижъ.

Въ Парижъ я пріѣхалъ въ то время, когда послѣ, можно сказать, диктаторства Тьера, президентомъ былъ уже Макъ-Магонъ, и въ данное время настала эпоха всеобщихъ выборовъ. Я началъ съ того, что опубликовалъ сочувственную статью Тьеру; статья эта такъ понравилась его сторонникамъ, что они напечатали ее въ 50.000 экземплярахъ, расклеили частью по улицамъ Парижа и часть разослали по разнымъ городамъ провинціи.

Я приведу здѣсь эту статью, въ переводѣ.

Тьеръ, какъ единственный для избранія депутатъ во Франціи, при первой баллотировкѣ.

«Франція никогда не находилась въ такомъ критическомъ и торже-

отвѣнномъ моментѣ, какъ нынѣ. Избиратели держать въ своихъ рукахъ спасеніе или гибель своей страны, и можно даже сказать, что самое существованіе Франціи зависить отъ предстоящихъ выборовъ.

«Если припомнить всѣ революціи, внезапныя государственныя удары, непрерывно смѣнявшіеся въ продолженіе долгаго времени, если припомнить борьбу, происходившую въ послѣднемъ парламентѣ, невольно можно сказать себѣ, что гибельно будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, и что прежнія политическія доктрины отжили свое время.

«Гибельно совершить хотя бы единую ошибку—воскликнулъ Тьеръ, обращаясь къ правительству Наполеона III. Съ такимъ точно восклицаніемъ можно обратиться теперь непосредственно къ французскому народу.

«Надо, чтобы каждый французъ убѣдился, что несчастія послѣдней войны явились не къ уничтоженію Франціи, а къ ея пробужденію. Разъ пробужденная Франція должна выбрать одну изъ слѣдующихъ дорогъ: или встать во главу воѣхъ націй, взявъ инициативу новой жизни, настойчииво требуемой человѣчествомъ, или слѣдовать по старой дорогѣ, чтобы обратиться въ ничтожество. Надобно, чтобы отнынѣ Франція не мечтала болѣе о войнѣ, чтобы не мечтала болѣе о возмездіи, влекущемъ потоки крови; но чтобы она выставила новое знамя, имѣющее надпись: «Благодеиствіе воѣхъ», благоденствіе, которое не можетъ быть достигнуто безъ доктрины вѣры въ добро. Она принесетъ дѣйствительную свободу, т. е. порядокъ, который разовьетъ производительный трудъ, что и создастъ благоденствіе, а благоденствіе расширитъ и возвыситъ образованіе; совокупленіе воѣхъ переименованныхъ элементовъ обусловитъ непобѣдимую силу, предъ которой преклонятся воѣ націи.

«Вопросъ не заключается въ томъ, чтобы основать то или другое правительство, а въ томъ, чтобы войти въ новую эру. Въ нравственныхъ элементахъ, а не въ политикѣ, надо искать сущность настоящаго вопроса.

«Принципъ, на которомъ зиждется вообще политика и воѣ учрежденія—есть недоувѣріе. Надо измѣнить этотъ принципъ и замѣнить его другимъ: Довѣріемъ и вѣрою въ добро.

«Отбросимъ теперь общія мѣста и обратимся къ фактамъ.

«Франція находится теперь на краю пропасти. Эту пропасть вырыли различныя политическія партіи. Вѣдь политическія партіи огубили Польшу, онѣ погубятъ и Францію, если она не заставитъ ихъ умолкнуть.

«Да не будетъ царство партій! Надо отнынѣ, чтобы воѣ избиратели отремались къ одной общей цѣли: къ воцаренію честности, разумности и дѣйствительной свободы, т. е. такой, которая дозволить ка-

ждому гражданину пользоваться всѣми своими натуральными правами. Утопія! скажутъ вамъ. Необходимость крайняя и неизбѣжная, отвѣтите вы: что міръ изнемогъ отъ принциповъ противоположныхъ. Оставьте кричать людей, которые ссылаются на утопію, когда приходится осуществлять истины, до того времени не практиковавшіяся или заброшенныя. Эти крики есть продуктъ посредственности, неспособности или дурныхъ инстинктовъ. Эти люди безъ «вѣры въ добро» составляютъ несчастье міра и задерживаютъ всякій прогрессъ.

«Идите рѣшительно, безъ колебаній къ идеалу правды и добра. Будьте увѣрены, что непоколебимая вѣра въ правду и добро естественно приведетъ къ господству свободы, разума, общаго благоденствія и образованія.

«Есть ли возможность избѣжать борьбы партій? Конечно, нѣтъ, но избиратели могутъ привести ихъ къ молчанію, образу единственную партію патріотовъ, а чтобы свершить это, есть средство самое простое.

«Это средство состоитъ въ томъ, чтобы создать новаго Вашингтона, выбирая при первой баллотировкѣ во всѣхъ конскрипціяхъ Тьера.

«Какія будутъ послѣдствія этой торжественной демонстраціи? Всякій легко ее пойметъ. Эта демонстрація укажетъ, что избиратели желаютъ импозировать прежде всего партіямъ политику патріотизма. Маршалъ, президентъ республики, пойметъ, въ своемъ благоразуміи, что онъ долженъ обратиться къ испытанному патріотизму Тьера, дабы онъ снизошелъ принять вице-президентство совѣта, на которое онъ можетъ согласиться лишь подъ условіемъ полной свободы въ политикѣ.

«Этой законной демонстраціей Франція укажетъ путь, которому должны слѣдовать различныя партіи, и что главное ея желаніе довѣрить направленіе своей политики человѣку, который далъ столько доказательствъ своего благоразумія, своихъ способностей государственнаго мужа, своей любви свободы, своей политической честности, своей опытности и своего безграничнаго патріотизма.

«Но могутъ сказать вамъ, что нація импозируетъ себѣ, въ такомъ случаѣ, нравственную диктатуру? Грустно будетъ, если подобная идея найдетъ сильный отголосокъ во Франціи въ настоящую минуту.

«Если Франція не наложитъ нравственнаго тормоза на партіи, она погибнетъ. Этотъ нравственный тормозъ олицетворяется нынѣ въ одномъ человѣкѣ, который пріобрѣлъ великое уваженіе и громадное вліяніе не только во Франціи, но во всемъ свѣтѣ.

«Пока, такъ называемые либералы не поймутъ, что разумъ стоитъ выше количества, пока не признаютъ извѣстныхъ права индивидуальнаго разума въ политикѣ, какъ они допускаютъ его въ наукѣ, и пока они не предоставятъ ему свободу, до тѣхъ поръ имъ не достигнуть дѣйствительной свободы.

«Съ другой стороны пока такъ называемые консерваторы не признають, что нація должна имѣть право контролировать серьезно и дѣйствительно правительство, пока не поймутъ, что порядокъ есть послѣдствіе абсолютной свободы слова, они не достигнутъ ни устойчивости правительства и никакого соціальнаго принципа.

«Если большая часть избирателей не вотируютъ при первой баллотировкѣ въ пользу Тьера, Франція докажетъ лишь недостатокъ своего политическаго такта и можетъ потерять уваженіе въ глазахъ всего свѣта, по своей неблагодарности. Неблагодарность это безиравственность. Безиравственность это признакъ декадентства.

«Декадентство это гибель!

«Раздумайте же, избиратели, и поступите по соображности. Франціи нуженъ Вашингтонъ, надо, чтобы она создала его. Безъ этого она упадетъ подъ режимъ Бонапарта и Бурбона.

«Изложенное здѣсь мнѣніе высказано иностранцемъ, который никогда не видалъ Тьера и не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ. Это мнѣніе истекаетъ изъ собственнаго убѣжденія».

Въ это-то время я встрѣтилъ въ Парижѣ лондонскаго знакомаго Таланье. Онъ сталъ часто приходить ко мнѣ, и ему я открылъ свое намѣреніе издавать еженедѣльный органъ на французскомъ языкѣ, гдѣ бы я могъ свободно проводить свои мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить Францію съ Россіей, такъ какъ она не имѣла другаго органа, кромѣ оффиціальнаго «*Journal de St.-Petersbourg*» и полуоффиціальнаго безцвѣтнаго «*Le Nord*»; слѣдовательно, французы не имѣли понятія о Россіи. Довольно сказать, что самые образованные люди Франціи на каждомъ шагѣ вопрошали меня—говорятъ ли въ обществѣ на русскомъ языкѣ, есть ли у насъ своя литература, а изъ исторіи не вѣдали даже о Петрѣ Великомъ и о его роли въ Россіи. Словомъ сказать, появленіе предложеннаго мною органа обѣщало нѣкоторый успѣхъ. Я рассчитывалъ, что при 1.500 подписчиковъ еженедѣльный журналъ покрывалъ бы расходы, а въ случаѣ недомысли, я имѣлъ капиталъ въ запасѣ, и потому могъ протянуть дѣло года три, а затѣмъ, если онъ пріобрѣтетъ какое-нибудь значеніе, то тогда перейти къ изданію ежедневнаго журнала.

Мое намѣреніе приводило въ восторгъ Таланье, но онъ сталъ уговаривать меня не расходовать напрасно деньги на изданіе еженедѣльнаго журнала, а лучше войти въ компанію съ политической величиной, имѣющей громкое имя, и тогда сразу приступить къ изданію ежедневнаго журнала.

— Я побесѣдую съ Луи-Бланомъ,—сказалъ онъ.—Какъ вамъ извѣстно, онъ жаждетъ издавать ежедневную газету.

Черезъ нѣсколько дней, Таландые прїѣхалъ ко мнѣ и повезъ меня въ Версаль, гдѣ въ то время засѣдала палата, и познакомилъ меня съ Буи-Бланомъ. Луи-Бланъ пригласилъ меня прїѣхать къ нему въ Парижъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его для бесѣдъ относительно изданія журнала. Мы перебрали всѣ вопросы, которые могли представить разномысліе. Когда коснулось до вопроса филозофскаго, я заявилъ, что я христіанинъ и признаю высшую невѣдомую намъ Силу, т. е. Бога. Тогда Луи-Бланъ сказалъ: такъ думалъ тоже и Вольтеръ. Переговоривъ о всѣхъ вопросахъ нравственнаго свойства, явилаcя полная возможность къ соглашенію. Тогда Луи-Бланъ перешелъ къ вопросу матеріальному.

— Сколько вы думаете ассигновать на изданіе журнала?—спросилъ онъ.

— Я ассигновалъ на это 100.000 фр.

Луи-Бланъ, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Для основанія журнала нужно не менѣе 150.000 фр., но разъ вы ассигнуете 100.000, можно организовать общество на акціяхъ, и остальные деньги внесутъ мои друзья, и потому я надѣюсь сыскать компаньоновъ среди ихъ.

Послѣ этого я рѣшилъ поѣхать на нѣсколько недѣль по дѣламъ въ Петербургъ.

Вскорѣ, недѣли черезъ двѣ по прїѣздѣ въ Петербургъ, я получилъ отъ Таландые письмо, при которомъ онъ приложилъ уже уставъ предполагаемаго общества, составленный нѣкоторыми предполагавшимися акціонерами, котораго самъ Луи-Бланъ не одобрилъ и сказалъ, что—
«лучше подождемъ возвращенія Панаева». Я нашелъ этотъ уставъ положительно неудовлетворительнымъ и потому не только не отвѣтилъ на письмо, но по возвращеніи въ Парижъ не извѣстилъ никого о моемъ прибытіи.

Я на лѣто поселился въ Celle St. Cloud, рядомъ съ Буживалемъ, гдѣ жила m-me Viardot и давала уроки моей дочери.

Внезапно явился ко мнѣ нѣкій M. Salles съ карточкой отъ Луи-Блана, какъ его секретарь, и заявилъ, что Луи-Бланъ желалъ бы возобновить со мной переговоры объ образованіи акціонернаго общества для изданія журнала. На слѣдующій день онъ привезъ мнѣ отъ Луи-Блана билетъ для входа на банкетъ, дающійся каждый годъ 21-го сентября, въ память провозглашенія первой республики въ концѣ прошедшаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что никогда никакой иностранецъ не присутствовалъ на этихъ банкетахъ, но что Луи-Бланъ дѣлаетъ для меня исключеніе.

Вслѣдствіе такой любезности, я поѣхалъ къ Луи-Блану, и съ нимъ начались переговоры о составленіи новаго, подходящаго для насъ устава.

Между тѣмъ, я заявилъ Луи-Блану и Таландьё, что я, какъ русскій, желаю высказать слово, на банкетѣ, по поводу борьбы, которая происходитъ въ Сербіи съ турецкимъ гнетомъ, на которую явилась масса русскихъ добровольцевъ, на счетъ пожертвованій, сыплящихся изъ Россіи, и которая руководится русскимъ извѣстнымъ генераломъ, и тѣмъ звала сочувствіе къ этой борьбѣ французовъ.

— Какая прекрасная мысль! — сказали оба они въ одинъ голосъ. — Дѣйствительно, намъ непростительно, что мы ничѣмъ не выразили симпатіи къ этой борьбѣ, когда даже Англія открыла подписку, во главѣ которой явился Гладстонъ.

Я набросалъ конспектъ моей рѣчи и повезъ его къ Таландьё. Прочитавъ ее, онъ сказалъ:

— Превосходно, но надо показать учредителямъ банкета содержаніе вашей рѣчи.

И Таландьё повезъ меня къ одному изъ учредителей, патрону (шефу) мастеровъ бронзоваго производства (имя его забылъ, назову его Х.). Мы застали его въ рабочей блузѣ; Х. тотчасъ удалился и явился черезъ нѣсколько минутъ во фракѣ. Узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, онъ прочиталъ мой проектъ, пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ:

— Да! это со стороны французовъ большое упущеніе, что мы до сихъ поръ молчали и не выразили никакой оимпатіи къ благородной борьбѣ за свободу, когда даже Англія существенно заявляетъ свое сочувствіе. Это пробѣлъ, и удивляюсь печати, что она не подняла этого вопроса. Непремѣнно произнесите, прошу васъ, на банкетѣ вашу рѣчь, и назначаю вамъ слово первому.

Я отвѣтилъ ему, что ни за что не выступлю первымъ ораторомъ.

Х. возразилъ мнѣ, сказавъ, что онъ даетъ мнѣ совѣтъ въ моихъ интересахъ, что послѣ извѣстныхъ ораторовъ, какъ Луи-Бланъ и Намелъ, обратить вниманіе слушателей на мою рѣчь будетъ трудно, а рѣчь моя, затрогивая серьезный вопросъ, должна быть произнесена непременно.

Я категорически настаивалъ, что я не выступлю первымъ ораторомъ.

Тогда Х. взглянулъ на списокъ, въ которомъ были у него записаны ораторы.

— Мы, учредители, назначили для банкета только шесть рѣчей, а ваша явится 7-ю; впрочемъ, я вычеркну одного оратора.

Тогда вмѣшался въ разговоръ Таландьё и сказалъ: — вѣдь это будетъ обида для него.

Таландьё относился къ Х. съ тономъ особеннаго почтенія, подобно тому, какъ подчиненный относится къ начальству. Надо замѣтить, что патроны, или шефы рабочихъ играютъ первостепенную роль, при избраніи депутатовъ въ палату.

Обратясь ко мнѣ, Х. сказалъ:

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ 5 часовъ, я поѣду съ вами, введу васъ въ залу и укажу вамъ мѣсто на банкетѣ.

Къ означенному времени я пріѣхалъ съ однимъ русскимъ, Свирскимъ. Надо разсказать теперь, кто былъ этотъ Свирскій. Онъ былъ студентомъ Петербургскаго университета, человѣкъ особенно музыкальный, и посѣщалъ насъ, какъ аккомпаниаторъ моей дочери для пѣнія. Курса онъ не кончилъ и сталъ давать разные уроки дѣтямъ. Потомъ онъ поступилъ гувернеромъ въ семейство, которое уѣхало въ Парижъ. Между тѣмъ Свирскій заболѣлъ и лишился мѣста. Тогда я предложилъ ему помѣститься на лѣто у насъ на дачѣ. Когда возобновились разговоры съ Луи-Бланомъ объ изданіи журнала, Свирскій пожелалъ пристроиться къ этому дѣлу, объявивъ, что онъ возьметъ 10 акцій. Тогда я познакомилъ его съ Луи-Бланомъ и доставилъ Свирскому билетъ на предполагаемый банкетъ.

Учредитель Х. поѣхалъ съ нами и, придя въ залу, указалъ мнѣ мѣсто за почетнымъ предсѣдательскимъ столомъ, рядомъ съ Луи-Бланомъ. Какой-то господинъ, пришедшій съ дамой, снялъ мою шляпу, положилъ ее на другое мѣсто и сѣлъ съ дамой, и потому я избралъ мѣсто на краю стола. Луи-Бланъ еще не являлся. Учредитель Х., замѣтивъ меня на краю стола, сказалъ мнѣ:

— Я указалъ вамъ другое мѣсто, зачѣмъ же вы пересѣли?

— Пришелъ какой-то господинъ съ дамой и сѣлъ на указанное вами мѣсто,—отвѣтилъ я.

— Это невѣжество,—сказалъ онъ и обратился къ этому господину; оказалось, что это былъ братъ Луи-Блана съ женой.

— Прошу васъ пересѣсть на другую сторону, это мѣсто указано было мною оратору, который будетъ говорить рѣчь. Братъ Луи-Блана съ женою тотчасъ же повиновались учредителю Х., и онъ посадилъ меня на прежнее мѣсто.

Послѣ трехъ рѣчей учредитель Х неожиданно вызвалъ меня, тогда какъ я ожидалъ говорить шестымъ, т. е. послѣднимъ.

Отчетъ объ этомъ банкетѣ былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой, и я приведу здѣсь въ дословномъ переводѣ ту часть, которая касается моей рѣчи.

«Гражданки и граждане!

«По поводу дня, который вы празднуете сегодня, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на нѣсколько минутъ на то, что совершается нынѣ въ Франціи, потому что я рассматриваю день 21-го сентября, какъ праздникъ не только французовъ, но всего человѣчества.

«Вы празднуете сегодня 84 годовщину торжественнаго дня, который въ прошедшемъ столѣтіи двинулъ социальную жизнь на новый путь,

и это съ такою силой, что до сихъ поръ мы идемъ этимъ толчкомъ, даннымъ всему свѣту. Эта сила заключается въ идеяхъ и принципахъ людей этой эпохи.

«Съ того времени Франція прошла черезъ многочисленные и потрясающіе кризисы; но надо надѣяться, что они не будутъ болѣе повторяться, потому что опыты, сдѣланные во всѣхъ направленіяхъ, черезчуръ уже полны. Можно, слѣдовательно, разсчитывать, что на этотъ разъ республика будетъ окончательной.

«Но, граждане, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ увлекаться иллюзіями. Французская республика еще молода, очень молода, между тѣмъ какъ враги многочисленны, и сверхъ того, она едина въ Европѣ, ибо Швейцарія не играетъ въ политикѣ значительной роли.

«Эти соображенія приводятъ къ сознанію необходимости избрать политику, которая не пренебрегала бы ничѣмъ, что могло бы дать Франціи поддержку нравственную или матеріальную.

«Между тѣмъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на вопросъ, который разрѣшается теперь на Востокѣ.

«Для тѣхъ, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей и съ современными фактами, и имѣютъ политическій умъ, для тѣхъ, говорю я, не остается сомнѣнія, что господство турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ близится къ своему концу. И если по непредусмотрительности, или недостатку смѣлости, или малой ловкости дипломатин, это господство не исчезнетъ немедленно, оно не замедлитъ рухнуть въ самомъ непродолжительномъ будущемъ.

«Немыслимо, чтобы цивилизованный міръ терпѣлъ бы долѣе такую нелѣпость, такую аномалію, чтобы высшій принципъ склонялся передъ низшимъ, безнравственнымъ и падшимъ; чтобы народы, друзья цивилизаціи, были подчинены расѣ растлѣнной и дикой. Это оскорбленіе человѣческой совѣсти, человѣческаго разума и правъ человѣка.

«Я утверждаю, что паденіе, въ скоромъ будущемъ, господства турокъ на Балканскомъ полуостровѣ явится фактомъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ, порождается вопросъ, что въ политическомъ смыслѣ представить этотъ полуостровъ послѣ турецкаго владычества? Какъ народы, тамъ проживающіе, устроятся?

«Каждый, какъ вамъ извѣстно, устраниваетъ въ мысляхъ будущность этихъ странъ по своему усмотрѣнію. Существуетъ по этому предмету множество проектовъ, множество предположеній, которыя, по большей части, совершенно произвольны. И на этотъ предметъ я и позволяю себѣ обратить ваше особенное вниманіе.

«Съ моей точки зрѣнія, я нахожу и полагаю, что я не ошибаюсь, что народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ, послѣ паденія турецкаго владычества, явятся приблизительно въ такомъ положеніи,

какъ Франція послѣ паденія Наполеона III, т. е. не смотря на всевозможныя комбинаціи, большинство различныхъ народностей Балканскаго полуострова по силѣ вещей должны будутъ придти къ организаціи республикъ, съ тою разницею однако, что они должны образовать федерацію, на подобіе оединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки.

«И такъ, является вѣроятіе, что Французская республика можетъ имѣть въ будущемъ вторую сестру въ Европѣ, и сестру уважительныхъ размѣровъ. Слѣдовательно, надо всѣми мѣрами способствовать появленію въ свѣтъ новаго государства республиканскаго.

«Высказавъ это, мнѣ кажется, что истинные республиканцы не должны упускать случая выразить свои симпатіи усиліямъ многострадальныхъ славянскихъ народовъ, которые находятся нынѣ въ борьбѣ противъ варварства турокъ, съ тою цѣлью, чтобы завоевать себѣ свободу. И не только соображенія политическаго свойства, сейчасъ мною высказаннаго; но того требуетъ духъ человѣчности, который долженъ вызвать выраженіе симпатій.

«Надѣясь, что я не ошибаюсь въ чувствахъ, которыя васъ воодушевляютъ по этому предмету, я беру смѣлость предложить выразить симпатію сказаннымъ народамъ въ адресѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Французскіе республиканцы, собравшіеся сегодня, чтобы праздновать торжественный день 21-го сентября 1792 г., пользуются случаемъ, чтобы выразить свои симпатіи тѣмъ небольшимъ группамъ славянскихъ народовъ—слабыхъ числомъ, но сильныхъ духомъ,—которые возстали, чтобы попрасть варварскій деспотизмъ и завоевать свободу, борясь противъ врага, въ десять разъ сильнѣйшаго. Мужайтесь и стойте упорно—будущность близка отъ васъ».

Банкетъ давался въ семейной залѣ St.-Mandé, по этому случаю всѣ деревянныя перегородки были сняты, образовавъ какъ бы длинный сарай; присутствующихъ было до 800 человѣкъ. Трибуна помѣщалась на одномъ концѣ залы. Я говорилъ громко, внятно и размѣренно, такъ что на противоположной сторонѣ было слышно каждое слово. При каждой остановкѣ послѣ періода рѣчи раздавался громъ единодушныхъ и восторженныхъ рукоплесканій.

Окончивъ рѣчь, я не успѣлъ еще сойти съ трибуны, какъ многіе подходили ко мнѣ и благодарили за рѣчь, подошелъ и Луи-Бланъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Поздравляю васъ, вы имѣли колоссальный успѣхъ, я никакъ не ожидалъ этого.

Но я замѣтилъ, что въ глазахъ его блеснула искорка зависти.

Сойдя съ трибуны, я тотчасъ же пошелъ садиться въ мой фіакръ, вмѣстѣ съ Свирскимъ; меня окружили и сопровождали аплодисментами,

и нѣсколько человѣкъ поѣхали за мною. Такъ какъ залo St.-Mandé находилось въ предмѣстѣи, то до дому было очень далеко. По дорогѣ, я заѣхалъ въ кафе, чтобы утолить жажду, и, сѣвъ за столъ на тротуарѣ, я спросилъ бокалъ пива. Многіе ѣхавшіе вслѣдъ за мною тоже остановились и окружали меня, интересуясь свѣдѣніями о Россіи. Я удовлетворялъ ихъ любопытство и поѣхалъ домой.

Между тѣмъ друзья Луи-Блана приготовили уже другой уставъ акціонернаго общества для изданія журнала: «L'homme Libre», съ капиталомъ въ 150.000 фр., который долженъ былъ образоваться изъ разбора 150 акцій по 1.000 фр. каждая. Вслѣдъ за тѣмъ созвано было собраніе для прочтенія устава и подписки на количество акцій, которое беретъ каждый акціонеръ. Чтобы имѣть большинство голосовъ, я объявилъ, что подпишусь на 80 акцій. Двое изъ друзей Луи-Блана, которые заявляли прежде, что они возьмутъ 60 акцій, при моментѣ подписки попятились и подписались только на 20 акцій, а остальные 50 акцій были разобраны друзьями Луи-Блана по одной акціи каждый. Въ этомъ собраніи присутствовалъ Свирскій, который не считался другомъ Луи-Блана и которому конечно ничего не осталось. Тутъ же въ собраніи въ присутствіи Луи-Блана и всѣхъ присутствующихъ Свирскій обратился ко мнѣ и просилъ уступить ему 10 акцій и внести за нихъ деньги, которыя онъ вышлетъ изъ Петербурга, куда онъ уѣзжаетъ мѣсяца на два, и выдалъ мнѣ довѣренность на право пользоваться 10-ю голосами. Тогда же былъ назначенъ редакторъ журнала Hamel и хозяйственными дѣлами одинъ изъ друзей Луи-Блана, лѣкій Gardarin, оказавшійся впоследствии «рванымъ и ноздрянымъ». Директоромъ, по уставу, являлся самъ Луи-Бланъ. Для отвѣтственнаго редактора былъ нанятъ за 3.000 фр., тоже другъ Луи-Блана съ обязанностью, если явится въ томъ необходимость, сидѣть по тюрьмамъ и пр. Подобныхъ господъ называютъ въ Парижѣ—homme de paille.

Когда все было слажено, Луи-Бланъ позвалъ меня къ обѣду. Я въ свою очередь пригласилъ его къ обѣду. Къ этому обѣду я пригласилъ редактора Hamel, Talandier, Ив. Сергѣевича Тургенева и пригласилъ также сына Viardo, полагая, что Тургеневъ поинтересуется познакомиться съ Луи-Бланомъ, и онъ общалъ пріѣхать. Но утромъ до назначеннаго обѣда, я получилъ отъ Тургенева письмо, которое въ буквальной точности привожу здѣсь.

Понедѣльникъ утромъ.

«Любезнѣйшій Валеріанъ Александровичъ, заранѣе прошу вашего извиненія въ небольшой непріятности, которую я принужденъ вамъ причинить: — я не могу придти сегодня къ вамъ обѣдать и съ полной откровенностью скажу вамъ почему.

«По моему твердому убѣжденію, журналъ, затѣваемый Луи-Бланомъ,

не имѣть никакихъ шансовъ успѣха, и вы потеряете до послѣдняго сантимата всѣ деньги, которые дадите ему въ ссуду. Въ честности и талантѣ Луи-Блана я сомнѣваюсь менѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ. Я увѣренъ, что онъ самъ твердо надѣется на успѣхъ своего предпріятія; но онъ не журналистъ, никогда ничего подобнаго ему не удавалось — да и наконецъ всѣ мѣста заняты. *Republique française, Rappel et Droit de L'homme* представляютъ всѣ оттѣнки республиканско-соціалистическаго направленія — сколько другихъ журналовъ было предпринято, чтобы стать на ихъ мѣсто — и всѣ перелопались, какъ мыльные пузырьки. Та же участь ожидаетъ несомнѣнно и журналъ Л.-Блана.

«Имѣя такого рода убѣжденіе, какое было бы мое положеніе въ отношеніи его сегодня? Оспаривать его — невозможно и не ловко въ вашемъ присутствіи, соглашаться съ нимъ запрещала бы совѣсть. Я предпочитаю сдѣлать маленькую невѣжливость и не сдержатъ даннаго слова, въ надеждѣ, что вы извините меня, вникнувъ въ изложенныя мною причины моего поступка.

«Послѣднее мое вамъ увѣщаніе, если ничего еще не рѣшено окончательно — откажитесь, или, по крайней мѣрѣ, уменьшите сумму: она во всякомъ случаѣ пропала.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и сочувствіи.

Ив. Тургеневъ.

Р. S. Т. Віардо просить также извинить своего сына: онъ слишкомъ еще не опытенъ и молодъ, чтобы присутствовать на политическомъ обѣдѣ».

Всѣ позванные съѣхались, и мнѣ было, конечно, досадно, что Тургеневъ не явился, ибо я всѣхъ предупредилъ о встрѣчѣ съ Тургеневымъ, которымъ, конечно, всѣ интересовались.

Письмо было искренне, и получи я его двѣ недѣли ранѣе, когда я сообщилъ Тургеневу о моемъ намѣреніи сойтись съ Луи-Бланомъ для изданія журнала, я, конечно, измѣнилъ бы свое намѣреніе и избавился бы отъ большихъ непріятностей, которыя испыталъ въ послѣдствіи, и также отъ большихъ матеріальныхъ потерь.

Но въ то время, когда я получилъ выше приведенное письмо, было уже поздно отказаться; и потому журналъ сталъ издаваться.

Первую плату за 80 акцій, т. е. 27.000 фр., я тотчасъ же внесъ въ банкъ. Акціонерное общество не было еще въ то время утверждено закономъ. Деньгами, внесенными мною въ банкъ, общество пользовалось по выдаваемымъ мною чекамъ. Когда же общество было утверждено, и по этому уставу требовались всѣ взносы дѣлать черезъ нотаріуса, то г. Gardarin письменно и словесно нѣсколько разъ просилъ меня поскорѣе перевести мои деньги изъ банка на имя общества.

За правильностію взноса денегъ долженъ былъ слѣдить Gardarin, но оказалось вполнѣдствіи, что ни одинъ акціонеръ изъ друзей Луи-Блана не внесъ еще ни копѣйки, за исключеніемъ одного румына Сагада.

Между тѣмъ, для редакціи было нанято большое роскошное помѣщеніе. Въ залѣ помѣщался громадный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ должны были раскладываться всѣ газеты и журналы. Съ одной стороны зала помѣщался большой кабинетъ Луи-Блана, а съ другой—комната для главнаго редактора. Ежедневно, къ 6-ти часамъ, являлось человекъ 12 такъ называемыхъ частныхъ редакторовъ, по разнымъ отдѣламъ; они садились за общій столъ и принимались за вырѣзки изъ журналовъ, которыя тутъ же наклеивались на бумагу, и къ этимъ вырѣзкамъ приписывалось нѣсколько строкъ. Въ 6-ть же часовъ приходили наборщики въ числѣ 25 человекъ съ корректоромъ. По мѣрѣ того, какъ тотъ или другой редакторъ оканчивалъ свою компиляцію, онъ отсылалъ ее внизъ къ наборщикамъ. Къ 12-ти часамъ весь журналъ былъ уже набранъ, и въ особыхъ ящикахъ отправлялся въ типографію, и появлялся въ 7 часовъ утра.

Къ 8-ми часамъ приходилъ Луи-Бланъ изъ Версаля. Тогда всѣ эти псевдо-редакторы вставали и становились въ струнку, а Луи-Бланъ торжественно, не поклонившись даже никому, проходилъ въ свой кабинетъ. Такую дисциплину я встрѣчалъ только, во время моей молодости, у насъ въ канцеляріяхъ, при появленіи директоровъ канцелярій или департаментовъ.

Обыкновенно я самъ приносилъ свои статьи въ редакцію, часу въ восьмомъ. Статьи мои я писалъ на отдѣльныхъ маленькихъ листочкахъ, съ одной стороны. Эти листочки поступали моментально въ наборъ и раздавались наборщикамъ. Черезъ полчаса мнѣ приносили уже проверенную корректуру, и тогда я подписывалъ одобреніе для печати.

Передъ изданіемъ журнала я заявилъ Луи-Блану, что мною заготовлена программа для журнала, которая обнаруживала бы направленіе его. Луи-Бланъ нашелъ ее превосходной и сказалъ, что она конечно должна появиться въ первомъ же номерѣ. Между тѣмъ, въ вышедшемъ первомъ номерѣ моя программа не появилась, а на мѣсто ея была напечатана статья Луи-Блана, водянистая, съ громкими безсодержательными фразами и общими мѣстами. Прошло четыре дня, моя программа все-таки не появилась, тогда я послалъ эту программу въ «Independence Belge», въ Брюссель, гдѣ оповѣщалось о появленіи въ Парижѣ новаго органа. Программа эта и была тамъ напечатана, но случай этотъ обнаружилъ мнѣ манеру дѣйствій Луи-Блана, его характеръ и нравственный его критеріумъ.

Издание журнала шло своимъ чередомъ и продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время я написалъ много статей, которыя Луи-Бланъ печаталъ, хотя и поморщивался, ссылаясь на то, что мои статьи не нравятся Гамбеттѣ, предъ политическимъ значеніемъ котораго онъ сильно преклонялся, и даже, можно сказать, принимался, рассчитывая занять его мѣсто въ палатѣ.

Но когда я перевелъ мои деньги на общество, Луи-Бланъ тотчасъ же прекратилъ печатаніе моихъ статей и выкинулъ нахальный, не позволительный для порядочнаго человѣка фортель, приведшій къ рѣшительному разрыву моихъ отношеній къ журналу. Исторію этихъ отношеній я изложилъ въ моей брошюрѣ, тогда же изданной и озаглавленной: *Louis Blanc et Pathfinder*, которая появилась при слѣдующемъ предисловіи, обращенномъ къ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ.

«Главной побудительной причиной моихъ трудовъ, писалъ я, было достигнуть возможности основать журналъ, предназначенный для ознакомленія европейскихъ народовъ съ Россіей, и позволить себѣ высказывать свободно мои мнѣнія по вопросамъ экономическимъ, политическимъ и философскимъ, мнѣнія, пріобрѣтенныя изъ долгаго опыта и изъ многихъ отношеній съ разными людьми, встрѣчавшимися въ теченіе моей жизни.

«Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было избрать для журнала языкъ, наиболѣе распространенный нынѣ въ Европѣ, который безспорно есть языкъ французскій.

«Нѣкоторые лица, изъ друзей Луи-Блана, узнавъ о моемъ намѣреніи, задумали свести меня съ нимъ, дабы мы могли перетолковать объ основаніи журнала.

«Понятно, надо было намъ взаимно узнать, можемъ ли мы сойтись на различныхъ вопросахъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ.

«При многихъ свиданіяхъ, Луи-Бланъ и я, мы перебрали всѣ важные вопросы. И я, чтобы вполнѣ ознакомить его съ моими взглядами, вручалъ ему мои брошюры и статьи на французскомъ языкѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сказалъ, что согласуется со всѣми моими взглядами, кромѣ моего мнѣнія объ организаціи единственной подати сообразно капиталу. Были тоже нѣкоторые неважныя разногласія относительно философскихъ вопросовъ, при чемъ, по этимъ вопросамъ или по вопросу о подати, онъ предложилъ допустить полемику между нами въ самомъ журналѣ.

«Разъ являлось согласіе относительно главныхъ общихъ вопросовъ, я поставилъ слѣдующія условія:

1) Чтобы журналъ не былъ бы журналомъ партіоннымъ и одностороннимъ.

2) Чтобы онъ далъ широкое мѣсто общимъ вопросамъ и имѣлъ корреспондентовъ въ главныхъ политическихъ центрахъ Европы.

3) Чтобы онъ относился симпатично къ русскому народу и къ славянскому вопросу, который заключается въ эмансипаціи всѣхъ христіанъ отъ мусульманскаго ига, и

4) Я оставлялъ за собой право публиковать въ этомъ журналѣ всѣ мои статьи безъ малѣйшаго измѣненія со стороны редакціи, подѣ однимъ лишь условіемъ моей подписи и допуская замѣчанія или возраженія въ самомъ журналѣ.

«Когда Луи-Бланъ принялъ всѣ эти условія относительно меня, я рѣшился подписаться на 80 акцій, изъ общаго ихъ количества 150 акцій по 1.000 ф. каждая,—и журналъ былъ основанъ.

«Но съ первыхъ же дней его появленія, журналъ обнаружилъ свои партійные взгляды и выразилъ отсутствіе симпатій къ Россіи и къ славянству, а сверхъ того мои статьи стали подвергаться невозможной редакторской цензурѣ.

«Я заявилъ мою претензію Луи-Блану, но она осталась безъ результата, и тогда я былъ вынужденъ обратиться письменно къ наблюдательному совѣту журнала, о намѣреніи выйти изъ числа акціонеровъ; въ это время я имѣлъ еще полную возможность возвратитъ значительную долю внесенныхъ мною денегъ.

«Это письмо понудило Луи-Блана подтвердить свои отношенія ко мнѣ письменно.

«Дѣйствительно, въ продолженіе трехъ недѣль, мои статьи проходили безъ редакторской цензуры, но это продолжалось не долго.

«По случайности, я, въ это время, могъ еще вступить въ обладаніе значительной частію внесеннаго мною капитала. Но какъ только я потерялъ возможность возвратитъ свои фонды, дѣло приняло иной оборотъ: моя статья, сообщенная Луи-Блану, тотчасъ послѣ истеченія означенныхъ трехъ недѣль, была не только не принята, но онъ предложилъ мнѣ по трактуемому вопросу подписать другую, имъ составленную, какъ бы она исходила отъ меня.

«Послѣ такого дѣрзкаго поступка, который являлся посягательствомъ на мою свободу и на мое достоинство, какъ человѣка и публициста, я конечно порвалъ всѣ мои отношенія къ журналу.

«Такимъ образомъ, я дѣлаю извѣстнымъ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ, чтобы оправдаться въ ихъ глазахъ, что, не смотря на исключительное мое участіе въ основаніи журнала «L'homme Libre», они не могутъ возлагать на меня отвѣтственности за журналъ, который я рассматриваю какъ журналъ мало серьезный, пропитанный насквозь партійными тенденціями, и который не относится искренно ни къ Россіи, ни къ славянству, ни къ христіанству. Я употребилъ всѣ средства, чтобы

лишить журналъ моей поддержки во-время, т. е. тотчасъ же, какъ онъ обнаружилъ свой характеръ, но мнѣ не дали никакого окончательнаго отвѣта. Я оставляю за собой право публиковать впослѣдствіи брошюру, озаглавленную: *Louis-Blanc et Pathfinder* ¹⁾, съ цѣлью подтвердить это письмо подлинными документами».

10 декабря, 1877.

Означенная брошюра заключала всѣ подлинныя документы, съ нужными поясненіями, съ подробностями, и напечатана тотчасъ послѣ прерванія всѣхъ моихъ отношеній къ Луи-Блану, занявъ до 140 страницъ.

При обществѣ былъ назначенъ наблюдательный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго избрали меня, но я отказался, предоставивъ это званіе Talandier.

Когда явилось столкновеніе съ Луи-Бланомъ, я письменно заявилъ совѣту, что выхожу изъ журнала, потому, что Луи-Бланъ нарушаетъ нашъ договоръ, который не внесенъ въ уставъ лишь по требованію самого Луи-Блана, сославшагося на то, что въ уставѣ нельзя помѣщать права и обязанности между акціонерами; но этотъ договоръ хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ совѣта, и я потребовалъ созвать общее собраніе акціонеровъ, на которомъ намѣревался поставить вопросъ о ликвидаціи журнала. Тогда Луи-Бланъ, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, желая удержать меня, прислалъ письмо Talandier съ разными увертками и просилъ сообщить это письмо мнѣ, гдѣ онъ утверждалъ, что онъ исполнитъ свои обязательства передо мною и что впредь будетъ исполнять ихъ. Это письмо я напечаталъ въ поименованной брошюрѣ.

Между тѣмъ, общее собраніе не назначалось, и только, послѣ неоднократныхъ моихъ писемъ, оно было, наконецъ, назначено. Я явился въ собраніе и прямо поставилъ вопросъ о ликвидаціи дѣлъ общества. Предсѣдатель совѣта произнесъ рѣчь, въ которой признавалъ основательной мою претензію, и заключилъ ее тѣмъ, что, въ виду выбитія главнаго акціонера, который, въ сущности, и создалъ органъ, общество должно ликвидировать свои дѣла. Когда этотъ вопросъ пустили на голоса, который по уставу долженъ былъ рѣшаться большинствомъ, а какъ я имѣлъ 80, а остальные акціонеры 70 голосовъ, то я былъ увѣренъ, что дѣло разрѣшится просто. Но въ это время секретарь журнала и въ то же время личный секретарь Луи-Блана объявилъ въ собраніи, что у меня только 70 голосовъ, а на 10 голосовъ Свирскаго онъ только-что получилъ отъ него довѣренность изъ Петербурга.

Это уже было верхъ мошенничества.

¹⁾ Луи-Бланъ не желалъ, чтобы я подписывалъ свое собственное имя, и просилъ избрать псевдонимъ. Я избралъ, Pathfinder, имя героя, дѣйствующаго въ 6-ти романахъ Купера.

— Развѣ вы не знаете—сказалъ я,—что деньги внесены за 10 акцій Свирскаго мною, и что на эти акціи онъ выдалъ мнѣ довѣренность еще два мѣсяца тому назадъ? Тогда секретарь Луи-Блана, Salles, вынулъ свою довѣренность и предъявилъ ее собранію.

— Какимъ образомъ вы получили довѣренность?—спросилъ я Салю.

— Я написалъ Свирскому,—отвѣчалъ онъ,—письмо въ Петербургъ, увѣдомляя его, что предстоитъ общее собраніе акціонеровъ и что нужна отъ него довѣренность на 10 акцій, и потому онъ прислалъ мнѣ довѣренность.

Я пришелъ въ недоумѣніе и, обратясь къ Луи-Блану, сказалъ:

— Развѣ вы не видѣли моей довѣренности, которую Свирскій выдалъ мнѣ при васъ?

— Да! — отвѣтилъ онъ, — но довѣренность, выданная Салю, послѣ вашей, и потому имѣетъ законную силу.

Нахальный образъ дѣйствія Луи-Блана до глубины сердца поразилъ меня, и сверхъ того, при этомъ выступилъ на помощь ему, братъ его, *Charles Blanc*, художественный критикъ, и сталъ говорить мнѣ дерзости.

Возмущенный всѣмъ, я немедленно вышелъ изъ собранія, и, когда спускался съ лѣстницы, нѣкоторые господа показывали мнѣ кулаки.

Надо было вывести дѣло на чистую воду, и я немедленно написалъ письмо Свирскому въ Петербургъ, обязывая его прислать телеграмму, которая возстановляла бы мои права на 10 акцій. Черезъ нѣсколько дней получена была слѣдующая отъ него телеграмма:

«Предсѣдателяю наблюдательнаго совѣта журнала: *«L'homme Libre»*.

«Введенный въ заблужденіе письмомъ г. Salles, я ему послалъ довѣренность на 10 голосовъ. Я уничтожаю эту довѣренность и заявляю вамъ, что все записанное на мое имя принадлежитъ господину Панаеву, который внесъ деньги за эти акціи. Свирскій».

Въ то время, когда дѣло еще не выяснилось, я получаю форменное извѣщеніе о назначеніи новаго общаго собранія акціонеровъ, съ приглашеніемъ присутствовать на ономъ.

Тогда я обратился къ адвокату *Думерку*, объяснилъ ему все дѣло и сказалъ, что, вслѣдствіе наглости поступковъ этой шайки, я не намѣренъ идти туда.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ—идите туда, иначе вы дадите оружіе противъ себя. Не заботьтесь о томъ, что вамъ могутъ быть сдѣланы не-пріятности, только пригласите съ собою *officier du gouvernement*, и эти господа въ присутствіи этого *officier* будутъ тихи, какъ овцы.

Я такъ и поступилъ, и когда явился со мною *officier*, и заявилъ, что онъ пришелъ, чтобы оградить г. Панаева отъ дерзостей, которыя онъ испыталъ въ прошедшемъ собраніи, то всѣ перетрусели и даже Луи-Бланъ

разыгралъ роль Лазаря. Собраніе было созвано, чтобы постановить выпустить еще 50 акцій, конечно съ цѣлью лишить меня въ будущемъ большинства голосовъ. Въ это время не было еще получено телеграммы отъ Свирскаго, и слѣдовательно я имѣлъ только 70 голосовъ, какъ и всѣ остальные акціонеры; но по уставу значилось, что въ случаѣ равенства голосовъ, вопросъ рѣшается въ пользу той стороны, къ которой пристанетъ предсѣдатель. Такъ этотъ вопросъ и былъ утвержденъ. Само собою разумѣется, что это была одна проформа, такъ какъ и бывшіе акціонеры ни одной копѣйки не вносили.

Послѣ моего ухода, журналъ издавался еще нѣсколько недѣль, пока не израсходовали деньги, мною внесенныя, а потомъ изданіе прекратилось.

Хотя я развязался съ журналомъ, но почтенный Луи-Бланъ предъявилъ ко мнѣ искъ, потребовавъ уплаты денегъ по слѣдующимъ взносамъ за акціи. Необходимо было взять адвоката, и я обратился къ тому же Думерку, о которомъ упомянулъ выше. Надо сказать, что судебныя дѣла во Франціи ведутся черезъ *авоуэ*, который обязанъ готовить дѣло адвокату для судоговоренія. Число *авоуэ* очень ограничено, напри- мѣръ, въ Парижѣ было въ то время только 13 человекъ. Мѣста эти покупаются за громадныя деньги, а адвокаты разсматриваются, какъ безкорыстные защитники правосудія; еслибы онъ заключилъ письменную одѣлку съ кліентомъ, то былъ бы отвѣтственъ передъ закономъ, потому сдѣланъ былъ словесный договоръ объ уплатѣ Думерку 2.000 ф. Но въ то же время, онъ направилъ меня къ своему *авоуэ*, который потребовалъ отъ меня 300 ф. для предварительныхъ расходовъ.

Вскорѣ послѣ этого, я уѣхалъ мѣсяца на 4 съ семействомъ въ Ниццу. Тамъ я получилъ письмо отъ Думерка, извѣщавшаго меня, что дѣло въ полномъ ходу, и что онъ подалъ встрѣчный искъ къ Луи-Блану, хотя онъ не былъ на то уполномоченъ мною, что дѣло о вторичномъ взносѣ, конечно, кончится въ мою пользу, тѣмъ болѣе, что въ давнюю минуту общество уже не существуетъ, и просилъ объ уплатѣ ему условленныхъ 2.000 ф.

Я неотлагательно послалъ ордеръ по телеграфу въ банкъ Гинсбурга въ Парижѣ, гдѣ лежали мои деньги, и въ то же время написалъ письмо Думерку, которымъ извѣщалъ его, что Гинсбургъ по его, Думерка, требованію уплатить ему деньги.

Когда, мѣсяца черезъ два, я вернулся въ Парижъ и собирался уже возвратиться въ Петербургъ, я пришелъ въ контору Гинсбурга для производства разчета, гдѣ мнѣ подали счетъ, въ которомъ значилось, что Думерку уплачено два раза по 2.000 фр.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Мы послали по вашему телеграфическому ордеру тотчасъ на квар-

тиру Думерка, адресъ котораго значился въ вашемъ ордерѣ. Недѣлю спустя, Думеркъ самъ явился въ контору и предъявилъ другой вашъ ордеръ.

— Я другаго ордера вамъ не давалъ, а извѣщалъ Думерки, что онъ получать деньги отъ Гинсбурга по его, Думерка, требованію; мое письмо было только извѣщеніе, а не ордеръ банку.

— Пожалуйста завтра въ контору и объяснитесь съ самимъ Гинсбургомъ.

Когда я увидалъ на другой день Гинсбурга и объяснилъ ему дѣло, онъ сказалъ, что это недосмотръ конторы и приказалъ выдать мнѣ немедленно деньги.

Каковъ же поступокъ адвоката Думерка?

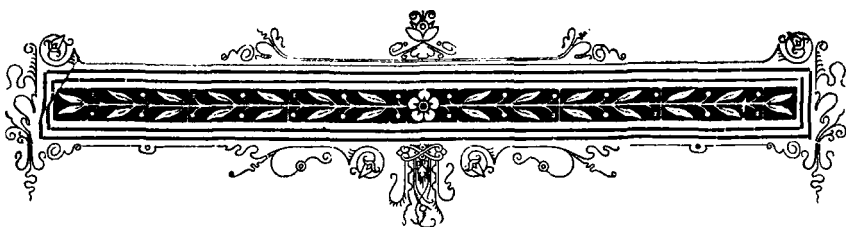
Я представилъ Гинсбургу всѣ документы для предъявленія суду; этотъ поступокъ являлся наглымъ обманомъ, за который Думеркъ могъ быть лишенъ правъ состоянія. Гинсбургъ поблагодарилъ меня за эти документы, но сказалъ, что онъ не обратится къ суду.

— Съ этими господами адвокатами ссориться опасно, лучше пускай пропадутъ деньги,—оказалъ онъ.

Между тѣмъ, трибуналъ первой инстанціи, не смотря на то, что общества въ данную минуту уже не существовало, присудилъ меня къ обязанности вторичнаго взноса денегъ по акціямъ. Пришлось обратиться къ другому адвокату, который оказался болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Онъ произнесъ на судѣ блестящую и убійственную для Луи-Блана рѣчь. Многія газеты напечатали ее цѣликомъ, и едва-ли не послѣ того престижъ Луи-Блана, какъ шефа своей партіи, значительно палъ; онъ не появлялся болѣе ораторомъ въ палатѣ и вскорѣ умеръ. Такъ, въ концѣ концовъ, кончились мои отношенія къ Луи-Блану, и моя идея изданія журнала въ Парижѣ рухнула.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній В. А. Панаева.

I.

Заграничная поѣздка.—Встрѣча съ княземъ Горчаковымъ.—Покупка мѣста на берегу Невы и разореніе.—Фонтъ-Дервизъ и его вилла въ Нидцѣ.—Его концерты, въ которыхъ участвовала моя дочь.

Въ предшествующихъ моихъ воспоминаній, обнимающихъ 30 лѣтъ, видно, что я находился въ непрерывной дѣятельности, какъ умственной, такъ и физической. Четыре года я былъ занятъ математическимъ и инженернымъ образованіемъ, требовавшимъ особеннаго умственного напряженія. Затѣмъ тотчасъ же я поступилъ на постройку Николаевской дороги, которая необходимо требовала тоже большаго труда умственного и физическаго, тѣмъ болѣе, что никакихъ подручныхъ техниковъ тогда не существовало. Вслѣдъ за тѣмъ—непрерывное производство изысканій для желѣзныхъ дорогъ, обуславливающихъ особенно тяжелый физическій трудъ. Послѣ того я произвелъ постройку двухъ желѣзныхъ дорогъ: Грушевской и Курско-Кіевской. При этомъ пришлось быть и инженеромъ, и механикомъ, и администраторомъ, съ полною отвѣтственностью за стоимость постройки, слѣдовательно, и за хозяйственныя распоряженія.

Въ теченіе 30 лѣтъ разнообразнаго, напряженнаго труда я ни разу не былъ въ отпуску, ни разу не отдыхалъ. Нервы мои были сильно подорваны, но я успѣлъ закончить постройку Курско-Кіевской дороги. Доктора предписали мнѣ прервать надолго мои занятія, не заниматься никакими дѣлами, предаться отдохновенію, морскому купанію и путешествію

Я отправился сначала въ Брюссель, потомъ, вернувшись въ Петербургъ, я поѣхалъ путешествовать по Финляндіи. Мнѣ поминется, что въ Гельсингфорсѣ со мной сдѣлался сильный припадокъ кровохарканія; но я попалъ на отличнаго доктора, который остановилъ острый припадокъ въ два дня оригинальнымъ средствомъ: нѣсколькими каплями очищеннаго скипидара. Въ Финляндіи мнѣ пришлось пробыть около 6-ти мѣсяцевъ. Послѣ того, я отправился въ Швейцарію, гдѣ мнѣ было предписано проводить время на самыхъ высокихъ мѣстахъ. Послѣ годичнаго пребыванія въ Швейцаріи меня послали въ разные курорты: Соденъ, Эмсъ, Висбаденъ, Гамбургъ. Наконецъ мнѣ предписано было отправиться въ Корфу на купанье въ морѣ, послѣ того ѣхать въ Крымъ и провести тамъ конецъ зимы и начало весны.

Весною въ Крымъ пріѣхало ко мнѣ мое семейство, жена и трое дѣтей.

Къ концу этого сезона, я почти совсѣмъ поправился, и осенью мы поѣхали въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, мое странствованіе продолжалось 3½ года, пока не возстановилось мое здоровье.

Описывать въ это время разные встрѣчи и эпизоды не представляетъ ничего интереснаго. Однако припоминаю одинъ эпизодъ курьезнаго свойства. Во время пребыванія въ Висбаденѣ, я встрѣтилъ моего знакомаго, барона Криднера, человека-фантазера, и мы ежедневно проводили вмѣстѣ время. Однажды, сидя въ ресторанѣ, подошелъ къ Криднеру неизвѣстный мнѣ господинъ, оказавшійся княземъ Горчаковымъ, находившимся, кажется, тогда чиновникомъ при швейцарскомъ посольствѣ. Криднеръ, познакомивъ меня съ нимъ, пригласилъ его отобѣдать съ нами, при чемъ съ нами обѣдали еще двое знакомыхъ намъ русскихъ.

Въ это время вошелъ въ ресторанъ элегантный, въ австрійскомъ мундирѣ, гусарскій офицеръ, съ шикарно одѣтой молодой дамой, и сѣлъ за особымъ столомъ подлѣ насъ. Костюмъ дамы, ея прическа и ея манера разговора довольно рельефно обнаруживали кокетку. Горчаковъ уже былъ навеселѣнъ и, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго, началъ трунить довольно неумѣстно надъ этой дамой и сталъ ее обзывать по-русски. Гусарскій офицеръ долго молчалъ, но наконецъ взбѣсился, молча всталъ и подаль свою корточку Горчакову. Горчаковъ оторопѣлъ и тутъ же обратился къ Криднеру и ко мнѣ, приглашая насъ быть его секундантами.

На другой день мы отправились къ Горчакову, чтобы узнать объ условіяхъ дуэли. Онъ объявилъ, что на рапирахъ драться не умѣетъ и избираетъ дуэль на пистолетахъ, и тогда мы отправились къ австрійскому офицеру.

Хотя мы сознавали, что офицеръ имѣлъ право считать себя оскорбленнымъ, но совѣтовали ему не возбуждать дѣло, потому что, какъ говорилъ Криднеръ, давно находившійся въ Висбаденѣ, всему Висбадену извѣстна дама, изъ-за которой вспыхнула исторія, которая неизвѣстно чѣмъ кончится и можетъ скомпрометтировать офицера въ глазахъ его начальства.

— Я знаю,—отвѣтилъ офицеръ — что эта дама кокетка, но она пришла со мною, прикрываемая моимъ офицерскимъ мундиромъ. Я соглашусь на мировую, если мой противникъ извинится передъ всѣми присутствовавшими за вашимъ столомъ лицами.

Мы объявили о томъ Горчакову, и я въ особенности настаивалъ покончить означеннымъ путемъ дѣло, такъ какъ мнѣ отнюдь не хотѣлось принимать участіе въ пустѣйшей скандальной исторіи.

Горчаковъ согласился, и на слѣдующій день мы пригласили бывшихъ съ нами лицъ къ обѣду въ ресторанъ. Само собою разумѣется, пригласили и офицера. Горчаковъ извинился передъ офицеромъ въ нашемъ присутствіи, и затѣмъ, мы распили полдюжины шампанскаго, и дѣло кончилось къ общему удовольствію.

Обѣхавъ разные курорты, я добрался наконецъ до Корфу на купаніе. Продолжительное время пребыванія на Корфу ознаменовалось особеннымъ обстоятельствомъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы рассказать. Въ октябрѣ мѣсяцѣ я сѣлъ на большой пароходъ въ Триестъ, откуда плы по Адриатическому морю, безостановочно, почти 4 дня. Приплы мы на рейдъ въ Корфу часовъ въ 12 ночи, въ чрезвычайно бурную дождливую погоду, гдѣ и бросили якорь. Спускаясь по трапу на баркасъ, я рухнулъ въ воду, по шею, откуда меня вытащили на баркасъ. До берега Корфу пришлось проѣхать въ такомъ видѣ болѣе версты.

Съ парохода сошли тоже два пассажира, благополучно попавшіе на баркасъ. Въ Корфу не видать было нигдѣ огонька. Мы постучались въ два, три дома, но всѣ спали и дверей намъ не растворяли. Наконецъ, въ концѣ города набрели мы на какую то гостиницу, гдѣ, послѣ неистовой съ нашей стороны стукотни, насъ пустили.

Понятно, что я сейчасъ же раздѣлся, обтерся коньякомъ, выпилъ тоже его двѣ, три рюмки, и мое неожиданное купанье прошло безъ вредныхъ послѣдствій.

Утромъ я пошелъ осмотрѣть городъ. Вернувшись, мнѣ сказали, что приходилъ спрашивать меня какой-то господинъ и оставилъ карточку. На карточкѣ значилось: Командиръ Корвета „Овричникъ“, Геркивъ. Прочитавъ фамилію Геркина, я припомнилъ, что въ юности моей я видалъ семейство Геркиныхъ въ Казани, гдѣ оно было очень извѣстно, и наше семейство считалось въ какомъ-то отдаленномъ

родствѣ съ Геркиными. Я ни съ кѣмъ изъ Геркиныхъ не былъ знакомъ. Почему приходилъ ко мнѣ Геркинъ, почему онъ могъ знать, что я пріѣхалъ наканунѣ въ первомъ часу ночи въ Корфу, и почему онъ отыскалъ меня тотчасъ же на слѣдующее утро, я рѣшительно недоумѣвалъ. Затѣмъ я отправился розыскать другую гостиницу получше, и когда я отыскавъ пріѣхалъ за вещами, мнѣ сказали, что приходилъ опять г. Геркинъ, и ему отвѣтили, что я переѣзжаю въ другую гостиницу. Это обстоятельство еще болѣе заинтересовало меня.

Обѣдать я отправился въ ту гостиницу, гдѣ былъ *table-d'hôte*. Придя туда и осмотрѣвшись, я замѣтилъ по наружности, что недалеко отъ меня повидимому сидѣлъ русскій; но я къ нему не обращался; наконецъ Геркинъ сказалъ, по-французски, что онъ часто посѣщаетъ здѣшній *table-d'hôte* и впервые встрѣчаетъ неизвѣстнаго новаго субъекта—не русскій ли вы?

— Да, я русскій.

— Не Панаевъ ли?

— Да!—Не вы ли приходили ко мнѣ?

— Я.—Я разыскивалъ васъ цѣлое утро... Вѣдь вы казанскій?

— Да!—и помню въ Казани вашу фамилію.

Тогда Геркинъ подсѣлъ ко мнѣ и сообщилъ, что утромъ вѣстовой доложилъ ему, что ночью на рейдъ пришелъ изъ Триеста пароходъ, и высадилъ въ Корфу трехъ пассажировъ, въ числѣ ихъ русскій пассажиръ Панаевъ.

Изъ Корфу я поѣхалъ на южный берегъ Крыма, въ Ялту. Тамъ я встрѣтилъ семейство князя Голицына, мужа и жену, которые лѣтъ 5—6 поселились близъ Ялты, построивъ тамъ прекрасную дачу. Мы сошлись дружески съ этимъ семействомъ еще во время нашего пребыванія въ Новочеркасскѣ. Голицыныхъ посѣщали многіе изъ знакомыхъ; между прочимъ большое семейство князя Трубецкаго, и я провелъ въ Ялтѣ незамѣтнымъ образомъ всю зиму въ ожиданіи жены съ дѣтьми. Къ этому времени я нанялъ большую дачу князя Дондукова-Корсакова, гдѣ мы провели все лѣто. Дача Голицыныхъ находилась на самомъ берегу моря въ саду. Мы ежедневно бывали у нихъ по вечерамъ.

Княгиня Голицына была урожденная графиня Платова, прямая внучка знаменитаго атамана. Она имѣла много связей при дворѣ. Этотъ годъ царская фамилія все лѣто проводила въ Ливадіи, и придворные, ливадійскіе жители, безпрерывно посѣщали княгиню.

Словомъ сказать, мы провели это лѣто въ Ялтѣ прекрасно и оживленно.

Въ это лѣто я поправился здоровьемъ, и осенью мы вернулись въ Петербургъ, и къ этому времени я уже покинулъ службу. Имѣя

свободное время, я принялся за перо: издалъ двѣ брошюры на французскомъ языкѣ—„Voix de la Russie“ и „Conférence de Bruxelles“ и русскую: „Россія и Англія“.

Годъ спусти, мы выдали меньшую дочь, Валентину, за кавалергардскаго офицера, графа Шуленбурга, которая на 21 день послѣ родовъ волею Божіею скончалась по причинѣ небрежности и ненужной операціи тогдашняго извѣстнаго акушера Баландина, оставивъ намъ сына, который по сію минуту находится у насъ. Потеря для меня была такъ чувствительна, что вслѣдъ за тѣмъ, у меня опять открылось сильнѣйшее изліяніе крови изъ легкихъ, продолжавшееся болѣе 3-хъ недѣль. Лѣчившіе меня тогда доктора, Здекауеръ и Мейнгардъ и не прибѣгли къ тому средству, которое нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ два дня, избавило меня отъ подобнаго припадка, случившагося у меня въ Финляндіи, какъ было упомянуто выше, а лѣчили меня пріемами желѣзныхъ капель и пульверизаціею изъ нихъ.

Оба доктора признали, что мнѣ обязательно ѣхать въ Ниццу или Ментону.

Здѣсь, слѣдуя хронологическому порядку, мѣсто сказать, что многіе мои родные убѣждали меня обратить мой капиталъ до 400.000 руб., оставшіяся у меня отъ подряда на 27 милліоновъ, въ недвижимую собственность. Я долго противился тому, любя свободу и независимость, и говорилъ, что я не рѣшусь жить и бросать якорь иначе, какъ на берегу моря или рѣки, впадающей въ море. Въ это время, какъ разъ является объявленіе отъ городской петербургской управы о продажѣ мѣстъ на Адмиралтейской набережной, съ особыми для того привилегіями, высочайше утвержденными для возведенія тамъ домовъ. Такимъ образомъ, являлась возможность пріобрѣсти наилучшее мѣсто въ Петербургѣ на Невѣ.

Слѣдовательно, приводимый мною аргументъ рушился, и я рѣшился на покупку мѣста на Адмиралтейской набережной.

Высочайше дарованная привилегія была установлена закономъ, гдѣ и по сейчасъ фигурируетъ. Она состояла въ томъ, что дома, возведенные на этой набережной, могли быть неограниченной закономъ высоты и безъ обязательнаго фасада, при чемъ была назначена высочайше утвержденная цѣна, съ которой должны начаться торги въ 150 руб. за квадратную саж., тогда какъ въ Петербургѣ земля оцѣнивалась въ 75 р. за кв. саж.

Не смотря на это, я рѣшился отправиться на торги, въ виду данной такой существенной привилегіи.

Эта привилегія дана была по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Государь пожелалъ соединить Дворцовую набережную съ Англійской, между тѣмъ этому мѣшали малые адмиралтейскіе доки и элинги,

помѣщавшіеся на Невѣ противъ зданія адмиралтейства. Повелѣно было отдать это мѣсто въ собственность города, бесплатно, но съ тѣмъ, чтобы городъ устроилъ въ этомъ мѣстѣ набережную на подобіе Дворцовой или Англійской.

Городъ заявилъ, что набережная будетъ стоить очень дорого, и ходатайствовалъ о предоставленіи имѣющимъ продаваться мѣстамъ особой привилегіи, дабы можно было продать ихъ дороже. Поэтому и дана была привилегія и высочайше назначена цѣна 150 руб., съ которой должны начаться торги.

Торги были объявлены безъ переторжки, и за мной остался участокъ, купленный за 152 руб. кв. с., при соблюденіи всѣхъ условій правильности торговъ, и при участіи трехъ торговавшихся лицъ. Но управа нагло нарушила свой вызовъ на торги и назначила черезъ мѣсяцъ вторые торги. Я могъ, конечно, настоять на своемъ правѣ, но для этого надо было заводить процессъ. Я подчинился рѣшенію городской управы и потому явился на вторые торги. На вторыхъ торгахъ, я купилъ другое мѣсто, по 196 руб. за кв. саж.

Я не испугался цѣны, заплаченной мною за землю, имѣя въ виду, что это наилучшее мѣсто въ столицѣ, и при тѣхъ привилегіяхъ, какія даны были означеннымъ мѣстамъ.

Зданіе было комбинировано весьма искусно: оно предназначалось для гостиницы и фешенебельнаго ресторана съ большей залой, выходящей на Неву, и съ балкономъ во всю эту залу.

Когда я предъявилъ мой проектъ бывшему градоначальнику Трепову, онъ положительно пришелъ въ восторгъ отъ идеи устройства ресторана для хорошаго общества. Кромѣ того, я предположилъ небольшой театръ, и вверху его, надъ зрительной залой, огромный магазинъ. При этой комбинаціи, зданіе, по самой умѣренной оцѣнкѣ, могло принести 80.000 валоваго сбора, а потому дороговизна купленнаго мѣста меня не страшила.

Управа подъ разными предлогами, напимѣръ, что въ проектѣ нѣтъ двора и помойной ямы, медлила утвердить мой проектъ и созвала особую комиссію для обсужденія его, чуть ли не изъ 15 лицъ. У меня въ проектѣ, дѣйствительно, не обозначался дворъ, требуемый закономъ въ 5—6 саж., составляющихъ площадь въ 30 кв. саж., ради вѣзда пожарной трубы для тушенія пожаровъ; но когда всталъ членъ комиссіи, представитель отъ Трепова, брандъ-майоръ и заявилъ, что онъ желалъ бы, чтобы всѣ дома устраивались на подобіе моего проектированнаго дома, гдѣ мѣсто для двора во всѣхъ этажахъ обнесено чугунными открытыми галлереями съ краномъ въ каждомъ этажѣ, что является необыкновеннымъ удобствомъ для тушенія пожара, тогда всѣ думскіе буквоѣды смолкли.

Управа, разбитая на главномъ вопросѣ, все-таки медлила утвержденіемъ проекта. По этому случаю мнѣ вспоминаются слова одного практическаго дѣятеля.—Чему вы удивляетесь, что ваше дѣло тормозится, оно скрипитъ потому, что колеса машины не смазаны.—Управа нашла, что фасадъ проекта дома не представляетъ надлежащей художественности. Я представлялъ три различныхъ проекта, сдѣланные тремя архитекторами, только не управскими, что стоило не малыхъ денегъ. Тогда я рѣшился обратиться въ академику Рязанову. Рязановъ сказалъ, что устарѣлъ и составленіемъ проектовъ уже не занимается.

— Но я вамъ совѣтую обратиться къ архитектору Кевелю — посмотримъ, осмѣлится ли управа забраковать проектъ его фасада?

Я, конечно, последовалъ его совѣту.

Между тѣмъ, я обратился къ градоначальнику съ прошеніемъ, что если вслѣдствіе замедленія, сдѣланнаго управой, я не приступлю немедленно къ работѣ, то не буду въ состояніи окончить зданіе къ высочайше назначенному сроку. Тогда градоначальникъ разрѣшилъ приступить къ работѣ.

Я приступилъ къ возведенію зданія, которое требовалось заложить на 7-ми аршинной глубинѣ съ толщиною наружныхъ стѣнъ въ основаніи въ $2\frac{1}{4}$ арш.; словомъ сказать, такихъ размѣровъ въ глубину и въ толщину стѣпъ, какихъ не имѣетъ ни одинъ домъ въ Петербургѣ, не исключая и Зимняго дворца, и когда я уже сталъ возводить первый этажъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ, обратилъ вниманіе на постройку, и узнавъ, что постройка разрѣшена Треповымъ, приказалъ остановить работы.

Надо сказать, что Тимашевъ и Треповъ были отъявленными врагами, и въ данное время, ходили слухи, что Треповъ замѣститъ Тимашева. Такимъ образомъ, я попалъ подъ пословицу:—„Паны дерутся, а у хлопцовъ чубы летятъ“.

Когда работы были остановлены, я отправился къ Тимашеву съ объясненіемъ дѣла.

Припоминаю здѣсь оригинальный, не совсѣмъ приличный для званія министра, пріемъ меня Тимашевымъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, онъ всталъ изъ-за стола, оперся руками и внушительнымъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Что вы затѣяли строить вавилонскую башню?

— Я строю не вавилонскую башню, а домъ, и то, что вамъ угодно назвать вавилонской башней, есть домъ, который проектированъ согласно высочайше утвержденному закону,—отвѣтилъ я ему и подалъ № „Правительственнаго Вѣстника“, гдѣ былъ опубликованъ вызовъ на торги.

— Я этого не знаю,—и позвонилъ: явился чиновникъ, и Тимашевъ сказалъ ему:—„Принесите мнѣ вотъ этотъ № „Правительственнаго Вѣстника“. Прочитавъ этотъ вызовъ къ торгамъ, онъ, ни сколько не смутясь, сказалъ:—Да, это такъ, но это все равно, я объявляю вамъ, что государь никогда не разрѣшитъ постройки дома по вашему проекту.

Такое объявленіе впередъ именемъ государя, когда проектъ не былъ еще на высочайшемъ благоусмотрѣніи, показалось мнѣ страннымъ; но дѣлать было нечего, я поклонился и ушелъ.

Оставалось подать прошеніе государю о разрѣшеніи мнѣ постройки, согласно условіямъ продажи, высочайше утвержденнымъ. Конечно, мое прошеніе было препровождено къ министру Тимашеву, и въ прошеніи мнѣ отказано.

Вскорѣ послѣ того послѣдовала объявленная мнѣ министромъ воля государя, изъ которой было видно, что привилегія, данная закономъ, какъ будто не отмѣняется, но что въ министерствѣ будетъ составленъ общій обязательный фасадъ.

И вошелъ съ прошеніемъ о томъ, что я готовъ оставить мою законную претензію безъ дальнѣйшаго хода, если мнѣ будутъ проданы всѣ назначенныя къ постройкѣ мѣста по высочайше назначенной цѣнѣ 150 руб. за кв. саж.

Надо замѣтить, что въ это время у меня оставался еще капиталъ для покупки этихъ мѣстъ; а для возведенія сооруженія, я рассчитывалъ на моего дружески мнѣ знакомаго капиталиста, Павла Григорьевича фонъ-Дервиза. На это мое прошеніе, препровожденное тоже министру Тимашеву, послѣдовалъ также отказъ.

Пришлось подать въ третій разъ прошеніе на высочайшее имя, прося отобрать у меня мѣсто съ начатой постройкой и возвратить мнѣ деньги, на то употребленныя, и въ этомъ мнѣ было отказано по докладу, конечно, того же министра Тимашева.

Въ это время государь поѣхалъ за границу. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы подать ему четвертое прошеніе, дабы избавиться отъ докладовъ враждебнаго мнѣ Тимашева. Государь проводилъ нѣсколько недѣль въ Эмсѣ, куда я и поѣхалъ, и тамъ вручилъ мое прошеніе государю приближенному къ нему лицу. Двѣ недѣли мое прошеніе лежало безъ доклада. Тогда я написалъ письмо этому приближенному лицу, что, въ виду скорого отъѣзда государя, я буду вынужденъ обратиться къ нему лично, во время его прогулки по парку. Въ тотъ же день явился ко мнѣ придворный чиновникъ и объявилъ, что прошеніе мое было доложено, что государь положилъ резолюцію передоложить сущность дѣла, съ чѣмъ и поздравилъ меня.

Вслѣдствіе этого, я вернулся въ Петербургъ, чтобы прослѣдить за дѣломъ, и узналъ, что повелѣніе государя о пересмотрѣ моего дѣла произвело страшный переполохъ. Черезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, явился ко мнѣ нѣкій Федотовъ, антрепренеръ театральныхъ дѣлъ.

— Я имѣю до васъ дѣло; мнѣ доподлинно извѣстно,—сказалъ онъ,—что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получено приказаніе государя о передоложеніи дѣла по предпринятой вами постройкѣ. Министръ страшно встревожился этимъ повелѣніемъ. Надо вамъ сказать, что я Тимашева хорошо знаю, и онъ покровительствуетъ мнѣ въ моихъ антрепризахъ. Вы проектировали домъ съ театромъ, и возвели уже часть зданія, между тѣмъ, вамъ незаконно воспретили постройку, и вы требуете, чтобы у васъ отобрали мѣсто съ начатой постройкой. Министръ знаетъ, что ваше требованіе основательно, но ему не хочется сознаться въ незаконномъ поступкѣ. Припомните, что когда я случайно узналъ, что вы закладываете театръ, я былъ у васъ съ предложеніемъ построить вамъ театръ для народныхъ драматическихъ представленій. Когда я узналъ отъ Тимашева, что вы требуете отобранія отъ васъ мѣста и возвращенія израсходованныхъ вами денегъ, я подаль ему мысль помирить это дѣло и избавить его отъ непріятностей. Я предложилъ ему дать разрѣшеніе на частныя русскія представленія, тогда я возьмусь уплатить вамъ требуемыя вами деньги, и этому моему предложенію онъ страшно обрадовался.— Я самъ давно думаю,—сказалъ онъ,—объ устройствѣ частнаго русскаго театра.

— Чѣмъ же я буду обезпеченъ, отдавая мѣсто вамъ, а не правительству,—сказалъ я.

— Разъ будетъ дано разрѣшеніе на русскія представленія, деньги сейчасъ явятся вдвое, втрое, противъ того, что вамъ нужно уплатить за мѣста и начатую постройку.

— Это все можетъ быть, но мнѣ нужна гарантія.

— Гарантію даетъ мнѣ правительство. Вѣдь Тимашеву нужно, главное, замазать свой незаконный поступокъ, не входя въ сдѣлку съ вами, а между тѣмъ, можете это сдѣлать черезъ меня, т. е. третьяго посторонняго лица. Если вы согласны, то я завтра же пойду къ Тимашеву.

— Я согласенъ только съ тѣмъ, чтобы дана была гарантія правительства въ уплатѣ мнѣ черезъ васъ стоимости мѣста и сдѣланныхъ расходовъ.

День спустя, Федотовъ опять явился ко мнѣ и сказалъ, что былъ у Тимашева, которому объявилъ, что я соглашаюсь на означенную комбинацію.

— Русскія драматическія представленія будутъ вамъ разрѣшены. Составьте по этому предмету записку. Можете смѣло комбинировать ваше предпріятіе,—сказалъ Тимашевъ и тутъ же прибавилъ словечко не совсѣмъ приличное для министра—„вамъ разрѣшимъ хотя бы б....., а Панаеву ничего“.

Федотовъ подалъ Тимашеву записку, которую прочиталъ предварительно мнѣ, а черезъ двѣ недѣли явился опять ко мнѣ, въ самомъ удрученномъ видѣ.

Когда я пришелъ къ Тимашеву, куда я приходилъ обыкновенно даже безъ доклада, чтобы узнать о результатѣ моей записки, то Тимашевъ меня не принималъ. Я пришелъ на другой день и тоже не былъ принятъ.

Надо замѣтить, что въ это время пріѣхалъ уже государь, и то лицо, которое докладывало ему мое прошеніе въ Эмсѣ, и на которомъ была положена резолюція государя о передокладѣ министерствомъ моего дѣла. Очевидно, что это лицо сообщило Тимашеву, что громъ не такъ страшенъ, какъ ему, Тимашеву, кажется, и потому онъ не сталъ принимать Федотова.

Послѣ этого я рѣшился ликвидировать мои дѣла и уѣхалъ за границу, чтобы оттуда продолжать борьбу.

Устроившись въ Парижѣ, я рѣшился написать письмо наслѣднику и приложилъ при немъ подробную пояснительную записку о ходѣ моего дѣла. Въ письмѣ я просилъ наслѣдника оказать мнѣ милость доложить государю о моемъ дѣлѣ, въ которомъ министр Тимашевъ совершилъ незаконный поступокъ, посягнувъ на собственность гражданина русскаго подданнаго. Письмо это я заключилъ тѣмъ, что обращалъ вниманіе на произвольное дѣйствіе администраторовъ, что это разрушаетъ монархическое начало и можетъ привести къ анархіи.

Въ то время я проводилъ лѣто около Парижа въ Буживалѣ, гдѣ жилъ на своей дачѣ Тургеневъ. И часто съ нимъ видался и принесъ ему прочесть предварительно это письмо. Тургеневъ, прочитавъ его, пришелъ въ ужасъ.

— Стало быть, вы хотите совершенно разстаться съ родиной,—сказалъ онъ.

— Я этого не думаю,—отвѣтилъ я,—я изложилъ только голые факты, которые подтверждаютъ мой взглядъ на общій ходъ дѣла.

Тургеневъ убѣдительно просилъ меня, изъ участія ко мнѣ, не посылать этого письма. Это, однако, не остановило меня, и я послалъ его.

Мѣсяца черезъ два, я получилъ officialный отвѣтъ отъ канцеляріи наслѣдника, подписанный завѣдующимъ его Озеровымъ,

извѣщавшій меня, что наслѣдникъ нашель неудобнымъ сдѣлать докладъ государю по моему дѣлу.

Дальпѣйшій ходъ даннаго вопроса будетъ изложенъ далѣе, когда я возвратился изъ-за границы и поднялъ вопросъ уже при императорѣ Александрѣ III.

Выѣздъ мой за границу не обусловился только лишеніемъ меня неожиданно почти половины моего состоянія, но складывались и другія обстоятельства, вызвавшія это рѣшеніе. Начать съ того, что, какъ было уже сказано выше, доктора обязывали меня переселиться временно въ южный климатъ, и, кромѣ того, я уже созналъ необходимость докончить музыкальное образованіе, т. е. пѣніе моей талантливой дочери.

Въ то время какъ я былъ въ Парижѣ, пріѣхалъ ко мнѣ мой интимный знакомый, о которомъ я говорилъ выше, Павелъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ. Онъ жилъ въ Ниццѣ, гдѣ выстроилъ превосходный замокъ, въ которомъ и обиталъ.

Въ это время дочь моя училась у m-me Віардо. Я уже говорилъ, что Дервизъ былъ музыкантъ въ душѣ; онъ завелъ у себя оркестръ изъ 60-ти человекъ, всѣ были солисты и получали большое содержаніе. По исполненію, этотъ оркестръ могъ конкурировать лишь съ оркестромъ Парижской консерваторіи, но конечно былъ только не такъ многочисленъ. Дирижеръ Миллеръ получалъ огромное содержаніе; кромѣ того, былъ дирижеръ для духовнаго пѣнія въ церкви, нѣкто Кучера, который впослѣдствіи былъ помощникомъ у Направника. Словомъ сказать, Дервизъ жилъ среди музыки и каждую недѣлю два раза открывалъ свою залу, специально выстроенную для музыкальных концертовъ, въ которую избранные жители Ниццы впускались бесплатно, но по билетамъ отъ Дервиза.

Въ Парижѣ, Дервизъ, пріѣхавъ ко мнѣ, пожелалъ послушать мою дочь. Когда онъ услышалъ сильный, звучный и металлическій ея голосъ и ея школу, онъ былъ пораженъ и восхищенъ.

— Вашей дочери нужна арена и сцена, всѣ данныя для того есть,—сказалъ онъ.

— Я знаю, отвѣтилъ я,—но есть непобѣдимое препятствіе въ томъ, что мать и слышать объ этомъ не хочетъ. Дервизъ тутъ же схватилъ меня подъ руку и увелъ меня въ другую комнату.

— Скажите мнѣ, вы желали бы видѣть вашу дочь на сценѣ? — спросилъ онъ.

— Я думалъ много разъ объ этомъ; но этого достигнуть нельзя.

— Такъ какъ вы на это согласны, то вотъ что я предложу вамъ. Я каждый годъ даю одинъ праздникъ для жителей Ниццы. Нынешній годъ я намѣренъ устроить спектакль, для котораго при-

глашу извѣстныхъ любителей; вѣроятно, ваша дочь не откажется принять участіе въ какой-либо, по ея выбору, пьесѣ.

— Вѣроятно, она не откажется, — сказалъ я — только я прошу васъ обратиться къ ней лично, я же за это не возьмусь, меня и такъ подозрѣваютъ, что я привезъ дочь въ Парижъ для приготовленія ея у Віардо для сцены.

— Разъ вы согласны, то я все устрою, только вамъ надо переѣхать на нѣкоторое время въ Ниццу, — сказалъ Дервизъ.

Дервизъ, переговоривъ съ дочкой, уѣхалъ, сказавъ, что, по пріѣздѣ въ Ниццу, онъ будетъ телеграфировать. И дѣйствительно черезъ недѣлю дочь получила телеграмму въ 150 словъ, гдѣ онъ упоминалъ весь собранный имъ персональ изъ любителей и просилъ ее выбрать одну изъ трехъ оперъ, которая могла бы быть поставлена. Дочь выбрала „Фауста“ Гуно, и, запасшись въ Парижѣ костюмами для роли Маргариты, мы поѣхали черезъ недѣлю въ Ниццу.

Дервизъ задумалъ поставить сцены изъ трехъ оперъ: Третье дѣйствіе изъ „Фауста“ Гуно. Роли для Фауста распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Маргарита, — моя дочь, Фаустъ — Діазъ де-Сорія, агентъ торговыхъ фирмъ въ Бордо, человѣкъ очень образованный, пріобрѣтшій уже извѣстность во многихъ столицахъ Европы, гдѣ его постоянно приглашали во всѣ аристократическіе салоны, ради его восхитительнаго голоса, и гдѣ онъ пѣлъ, разумѣется, бесплатно. Роль Зибеля была вручена прелестной молодой небольшого роста дамъ изъ общества нѣкоей Домбаръ-Шульцъ, дочери одного вѣнскаго музыканта. Мефистофеля долженъ былъ играть Пти, который былъ выбранъ Гуно для перваго представленія этой роли въ Парижѣ: но въ данное время онъ уже оставилъ сцену и жилъ съ семействомъ, какъ *gentier*, въ Ниццѣ. Марту должна была играть жена Дервиза.

Для извѣстнаго трио въ оперѣ „Карлъ Смѣлый“ былъ приглашенъ извѣстный итальянскій артистъ теноръ *di forza* Теберини.

По пріѣздѣ нашемъ въ Ниццу начались репетиціи, которыми режисировалъ уже вполне опытный артистъ *Petit*; ждали только пріѣзда Діазъ де-Сорія. Но когда онъ пріѣхалъ, то на первой же репетиціи призналъ, что онъ не можетъ исполнить роли Фауста, если не понизить роль на полтона, и дочь моя, имѣющая высокое сопрано, признала, что это пониженіе будетъ во вредъ оперѣ. Тогда Дервизъ предложилъ поставить, кромѣ главной пьесы спектакля, т. е., „Фауста“, еще сцену изъ оперы „Гамлетъ“, гдѣ долженъ пѣть баритонъ Діазъ де-Сорія и высокое сопрано Офелія, моя дочь. Для замѣны же Діазъ де-Сорія въ „Фаустѣ“, Дервизъ списался съ теноромъ Мержвинскимъ, который въ это время пѣлъ въ Марселѣ съ огромнымъ успѣхомъ.

Мержвинскій изъявилъ согласіе; его поджидали, и вдругъ внезапно Дервизъ получаетъ письмо, что Мержвинскій пріѣдетъ со своей Маргаритой.

Нельзя описать бѣшенство Дервиза; онъ немедленно послалъ Мержвинскому абсолютный отказъ, сопровождаемый слишкомъ впушительнаго характера телеграммой.

— Какъ Мержвинскій могъ даже подумать привезти свою Маргариту, когда весь спектакль устраивается имъ, Дервизомъ, для г-жи Панаевой.

Между тѣмъ, оставалось только два дня до оповѣщеннаго во всемъ городѣ праздника, на который были разосланы уже приглашенія.

Для Дервиза оставался одинъ ресурсъ — обратиться къ тенору итальянской оперы въ Ниццѣ, котораго онъ игнорировалъ.

Г. Домбаръ-Шульцъ, мужъ дамы, долженствовавшей играть Зибеля, явился къ Дервизу въ тотъ вечеръ, когда онъ послалъ отказъ Мержвинскому, и предложилъ помочь Дервизу въ критическихъ обстоятельствахъ, и поѣхать съ нимъ къ означенному тенору. Они поѣхали и застали его въ 12 часовъ ночи спящимъ.

Пока его будили, Дервизъ написалъ уже коротенькое условіе, по которому теноръ обязывался спѣть одну репетицію и спектакль. Теноръ этотъ согласился выполнить роль за 5.000 ф.

Когда я пріѣхалъ на другое утро къ Дервизу, я засталъ его въ восторгѣ, что спектакль можетъ состояться въ назначенный день; онъ ходилъ по комнатѣ, потиралъ руки и безпрестанно обнималъ и цѣловалъ Домбаръ-Шульца.

— Вотъ мой спаситель, — сказалъ Дервизъ, указывая на Домбаръ-Шульца. — Вѣдь этотъ теноръ могъ потребовать отъ меня не 5.000, а 15.000 ф., и я бы далъ непременно эту сумму въ данныхъ обстоятельствахъ. Теперь спектакль обезпеченъ; я въ условіи ввернулъ неустойку въ 10.000 фр. со стороны тенора.

Теноръ оказался въ общемъ весьма подходящимъ. Голосъ его былъ звучный, наружность очень представительная, костюмъ великолѣпный, отъ Дервиза; можно сказать, что „Фаустъ“ былъ непогрѣшителенъ. Спектакль вышелъ блестящимъ. Приглашенныхъ на него было больше 300 человѣкъ. Въ публикѣ до спектакля ходили разные слухи и жалѣли о томъ, что Мержвинскій не пріѣхалъ и не привезъ свою марсельскую пѣвицу, и что въ Маргаритѣ выступить какая-то неизвѣстная дѣвица, когда многимъ случалось слышать въ этой роли Патти.

Но съ первой же фразы публика была удивлена, и это удивленіе росло и росло съ каждой фразой и обратилось въ восторгъ.

Дѣйствительно, дочь моя поражала силой голоса, его металли-

ческимъ тембромъ, нюансами, задушевной, искренней, натуральной и умной игрой.

Послѣ спектакля, Дервизъ пригласилъ всѣхъ участвующихъ въ спектаклѣ, за исключеніемъ тенора Жиланди, который былъ взятъ по найму Дервизомъ за 5.000 ф.

Когда сѣли за ужинъ, то всѣ участники спектакля нашли подъ салфетками богатые подарки.

На другой день къ Дервизу явилась депутація отъ Ниццкаго благотворительнаго общества съ просьбою повторить спектакль съ благотворительной цѣлью.

— Это до меня не касается, обратитесь къ участникамъ спектакля; вѣроятно, они не откажутъ.

— Но мы васъ просимъ устроить спектакль въ той же вашей залѣ, гдѣ былъ вчерашній спектакль,—отвѣчала депутація.

Надо сказать, что къ виллѣ Дервиза была пристроена большая зала для концертовъ, въ которую спускалась непосредственно изъ дома широчайшая лѣстница изъ бѣлаго мрамора.

— Я готовъ дать залу для благотворительнаго спектакля, но подъ условіемъ, чтобы цѣна билета была назначена въ 100 ф.

На слѣдующій день та же депутація опять явилась къ Дервизу и объявила, что всѣ билеты на имѣющіяся 300 креселъ распроданы по 100 ф. Но депутаты сказали: ваша зала такъ обширна, что можетъ легко вмѣстить 1.000 человекъ, и потому не позволите ли вы продать мѣста для стоящихъ по 50 ф. Дервизъ на это изъявилъ свое согласіе.

На другой день послѣ благотворительнаго спектакля во всѣхъ газетахъ появились статьи о пѣніи и игрѣ моей дочери. Прочитавъ въ одномъ журналѣ „L'union du Midi“ огромную статью объ этомъ, я послалъ купить нѣсколько нумеровъ, чтобы послать нашимъ роднымъ въ Петербургъ; но въ редакціи не оказалось ни одного экземпляра.

Послѣ концерта, мы еще долго оставались въ Ниццѣ, и дочь моя много разъ пѣла въ музыкальныхъ концертахъ въ залѣ у Дервиза, куда съѣжалась многочисленная публика.

Въ общемъ, спектакль обошелся Дервизу съ устройствомъ приспособленій залы, декораціями, костюмами, за исключеніемъ костюмовъ моей дочери, въ 60.000 фр., счетъ котораго онъ и показалъ мнѣ.

Замѣчу здѣсь кстати, что въ томъ же году осенью и зимой 1878 года, дочь моя пѣла въ 20 благотворительныхъ концертахъ, куда публика ломилась, вслѣдствіе имени моей дочери, объявляемаго въ афишахъ. Эти концерты дали, по умѣренному разсчету, до 60.000 р.; одинъ изъ концертовъ, устроенный графинею Адлербергъ, далъ

12.000 руб. Всѣ эти концерты или шли на раненыхъ или семейства убитыхъ воиновъ, т. е. по предметамъ, связаннымъ съ цѣлью Краснаго Креста. За эти концерты дочь получила благодарность отъ высочайшихъ особъ; но Красный Крестъ не подумалъ даже декорировать мою дочь знакомъ или хотя бы адресомъ, подобно Ниццкому комитету.

Во все время нашего пребыванія въ Ниццѣ, около четырехъ мѣсяцевъ, каждый день въ 10 часовъ утра подъѣзжало отъ Дервиза ландо въ наше распоряженіе для прогулокъ или визитовъ.

Надо упомянуть здѣсь, что въ Ниццѣ проживалъ одинъ богатый рантье нѣкій, Гамбаръ; онъ былъ нѣкогда торговцемъ картинами въ Брюсселѣ и считалъ себя меценатомъ по части живописи. У него была большая вила на берегу моря съ обширнѣйшимъ паркомъ. Каждое воскресенье ниццкій высшій кругъ пріѣзжалъ гулять въ этотъ паркъ, при чемъ Гамбаръ, будучи гостепріимнымъ хозяиномъ, сервировалъ разныя угощенія. Публика развлекалась садовыми играми въ крокетъ и проч. Часто въ эти утра музыканили на фортопіано и другихъ инструментахъ, но дочь моя на этихъ утрахъ не пѣла. Вообще эти утра были очень оживленны, вслѣдствіе множества посѣтителей, собиравшихся, можно сказать, по-домашнему. Дервизъ никогда не бывалъ на этихъ утреннихъ собраніяхъ; вообще, онъ ревновалъ Гамбара за эти безцеремонныя утра, куда общество охотно стремилось. Но главнымъ образомъ, Дервиза смущали двѣ огромныя пальмы въ паркѣ Гамбара, которыя приносили плодъ гроздями финиковъ. Дервизу, у котораго въ паркѣ были соединены растенія всевозможныхъ климатовъ, хотѣлось перенести хотя бы одно финиковое дерево, и онъ предлагалъ Гамбару 25.000 ф. за одно дерево, но послѣдній на это не соглашался.

Здѣсь стоитъ сказать нѣсколько словъ о виллѣ Valrose Дервиза въ Ниццѣ.

Вилла стоитъ на обрывѣ скалы; она ничего не представляетъ привлекательнаго, а скорѣе имѣетъ видъ суроваго замка. Этотъ замокъ обнесенъ большимъ паркомъ, въ которомъ совокуплены растенія всевозможныхъ странъ и климатовъ, и представляетъ большую рѣдкость: тамъ есть и оливковыя, и осиновыя рощи, рядомъ съ каштанами и безчисленными кактусами; отѣнки разныхъ цвѣтовъ зелени поразительны. Нижняя часть парка покрыта апельсиновыми деревьями въ изобиліи. Но въ это Эльдorado нельзя попасть безъ спроса. Внизу, у самаго въѣзда, стоитъ домъ, гдѣ обиталъ тогда лысый привратникъ. и никого не впускалъ безъ билета или карточки отъ Дервиза.

II.

Русскій червонный валетъ за границею.—Русская шайка въ Парижѣ.—Искательница приключеній баронесса.—Въ обществѣ промышленности и торговли.—Похожденія вольнаго казака Ашинова.—Всеподданнѣйшее письмо Ашинова государю.—Ашиновъ въ Абиссиніи.—Исторія съ путиловскимъ каналомъ.—Инженеръ Базень.—Збышевскій.

Еще передъ отъѣздомъ въ Ниццу, я случайно встрѣтился въ Парижѣ съ однимъ русскимъ, о которомъ стоить рассказать нѣсколько подробно. Этого господина я видѣлъ три раза передъ тѣмъ въ Петербургѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды я поѣхалъ въ контору Баймакова и заѣхалъ по дорогѣ въ редакцію газеты, помѣщавшейся на углу Литейной и Бассейной,—и оставилъ извозчика подождать меня. Выйдя черезъ полчаса, извозчикъ подъѣхалъ ко мнѣ и повезъ меня дальше. Но когда я подъѣхалъ къ конторѣ Баймакова, то замѣтилъ, что извозчикъ, подъѣхавшій ко мнѣ на Литейной, совсѣмъ не тотъ, на которомъ передъ тѣмъ ѣхалъ. Было уже 5 часовъ, контора Баймакова была заперта, и денегъ я получить не могъ, а у меня былъ двугривенный въ карманѣ.

— Свези меня опять на уголъ Бассейной, гдѣ подъѣхалъ неизвѣстно съ чего ко мнѣ, я оставилъ тамъ извозчика, который будетъ меня дожидаться.

— Нѣтъ—отвѣтилъ извозчикъ,—пожалуйте деньги, я три часа ѣздилъ съ вами. Я отдалъ ему двугривенный за проѣздъ отъ Бассейной до конторы Баймакова и хотѣлъ идти, тогда извозчикъ схватилъ меня за край пальто; я крикнулъ городского, объяснилъ ему, что я пріѣхалъ на извозникъ только отъ угла Литейной и Бассейной, а извозчикъ требуетъ плату за три часа и не хочетъ свезти меня на то мѣсто, гдѣ онъ подъѣхалъ ко мнѣ, сочтя за своего сѣдока.

Городовой настоятельно требовалъ уплаты денегъ. Я далъ ему свою карточку съ адресомъ и просилъ придти за разборомъ случившагося обстоятельства и за уплатой денегъ, требуемыхъ мошенникомъ-извозчикомъ ко мнѣ, и хотѣлъ идти; но городской далъ свистокъ, на который прибѣжали еще два городскихъ и нѣсколько дворниковъ. Все происходило на углу Невского и Малой Садовой. Тогда я сѣлъ на извозчика-лихача и велѣлъ ему везти меня къ градоначальнику Трепову. Но городовые стали передъ лошадей и не велѣли ему трогаться:—вези господина въ участокъ, а сами пошли шагомъ передъ лошадью, и въ такомъ кортежѣ я доведенъ былъ до участка, сопровождаемый густой толпою народа, и городовыми впереди и сзади, и по бокамъ. Когда вышелъ приставъ и я сталъ ему объяснять, то внезапно появились два молодыхъ господина, объявивъ себя свидѣ-

телями всей происшедшей сцены, и могущими рассказать все, какъ очевидцы. Послѣ того, я объявилъ, что поѣду къ Трепову, чтобы объяснить ему все случившееся. Тогда приставъ сталъ извиняться и умолять меня не ѣхать къ Трепову; что онъ самъ распорядится строго разыскать съ городского, и затѣмъ отпустилъ меня.

Выходя отъ пристава, одинъ изъ молодыхъ людей сопровождалъ меня; я обратился къ нему и сказалъ:

— Мнѣ пріятно видѣть, что вы, ничѣмъ инымъ не побуждаемые, какъ долгомъ совѣсти, сочли нужнымъ засвидѣтельствовать непріятный фактъ, со мной случившійся; вотъ моя карточка, и если вамъ встрѣтится какая-нибудь надобность, то можете обратиться ко мнѣ.

Вечеромъ, городской, который задержалъ меня, явился ко мнѣ, повалился въ ноги и просилъ помиловать его, не доносить градоначальнику, такъ какъ онъ будетъ въ такомъ случаѣ выгнанъ изъ службы, а онъ человѣкъ семейный. Я, конечно, простилъ его.

Недѣли черезъ три, мнѣ доложили, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть; я вышелъ, и этотъ господинъ заявилъ, что его фамилія Чернядьевъ, тотъ самый, который явился въ часть, чтобы засвидѣтельствовать фактъ, со мной случившійся. Я, конечно, пригласилъ его и услышалъ слѣдующій рассказъ:

— Я Чернядьевъ, сынъ богатаго, сибирскаго, оптоваго торговца чаемъ въ Иркутскѣ и другихъ городахъ. Тятенька привезъ меня въ Петербургъ, чтобы учиться, пригласилъ профессора приготовить меня въ университетъ, оставилъ мнѣ 12.000 р., а самъ объявилъ себя несостоятельнымъ и скрылся за границу.

„Деньги эти я скоро спустилъ, явилось знакомство съ разными офицерами, которые стали меня обучать, какъ жить въ Петербургѣ: приказали шить бѣлье, сюртуки, фраки, пиджаки и всякаго прочаго добра, что иначе они не могутъ со мной являться. Велѣли тоже завести лихача-извозчика, каждый день стали меня возить по театрамъ и покупать подарки актрисамъ: то брошку, то браслетъ, то перстень, словомъ сказать, быстро я деньги спустилъ, а за ученіе и не принимался. Жилъ я въ меблированныхъ комнатахъ, а денегъ изъ-за границы тятенька больше не присылалъ, и дошелъ я до крайности, сталъ продавать, что накупилъ; за мной стали слѣдить и сообщили обо мнѣ полиціи, которая и взяла меня подъ надзоръ, подъ которымъ и по сейчасъ нахожусь. Такъ вотъ въ чемъ дѣло,—не можете ли похлопотать освободить меня отъ надзора и выдать мнѣ видъ на проѣздъ въ Иркутскъ къ матери. Вѣдь я не нигилистъ, ни съ кѣмъ изъ нихъ не былъ и знакомъ—окажите мнѣ помощь“.

Послѣ этого разсказа, Чернядьевъ вдругъ падаетъ внезапно безъ чувствъ съ пѣною у рта. Я, конечно, догадался, что онъ страдаетъ

падучей болѣзью, прикрылъ его одѣяломъ и послалъ за докторомъ. Черезъ полчаса Черныдѣевъ очнулся. Естественно, что послѣ его разсказа и припадка падучей болѣзни я возымѣлъ къ нему жалость.

И вотъ, когда онъ очнулся, я ему сказалъ:— „Надѣюсь, что черезъ зятя моего, графа Шуленбурга, который находится въ родствѣ съ Треповымъ, его вѣроятно освободятъ отъ надзора полиціи и выдадутъ видъ на проѣздъ въ Иркутскъ“.

Недѣли черезъ три, Черныдѣевъ опять явился ко мнѣ съ просьбой дать ему 100 руб., чтобы расплатиться за квартиру, за ѣду и выкупить хорошее бѣлье, которое сохранилось еще у него отъ прежней жизни, и которое не выдаетъ прачка. Я ему далъ.

Недѣлю спустя, Черныдѣевъ пришелъ благодарить меня за то, что онъ получилъ уже видъ на свободный проѣздъ въ Иркутскъ.

— Теперь будьте ужъ такъ милостивы, не можете ли мнѣ одолжить 100 руб. на дорогу; я вамъ вышлю все, какъ приѣду въ Иркутскъ.

На это я ему замѣтилъ, что на 100 руб. онъ въ Иркутскъ не доѣдетъ.

— Мнѣ нужно доѣхать только до Казани, а тамъ иркутскіе купцы возьмутъ меня съ собой и довезутъ „до дому“.—И я рѣшилъ ему дать еще 100 руб.

Спустя мѣсяцъ, я получилъ изъ Казани безграмотное письмо отъ Черныдѣева, которымъ онъ извѣщалъ, что въ Казани встрѣтилъ знакомыхъ купцовъ отца, что на-дняхъ ѣдетъ съ ними въ Иркутскъ, и въ благодарность за мое участіе къ нему посылаетъ небольшой образъ Казанской Божьей Матери, пріобрѣтенный имъ въ монастырѣ, въ Казани, а должныя мнѣ деньги онъ вышлетъ, когда приѣдетъ къ матери.

Но съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого извѣстія, ни высылки денегъ отъ Черныдѣева.

Въ Парижѣ я жилъ въ улицѣ Balsac, недалеко отъ русской церкви. И вотъ однажды я пошелъ туда, и, выходя, я былъ остановленъ однимъ господиномъ на ступенькахъ лѣстницы, съ возгласомъ.

— Вы не узнаете меня?

— Извините, но гдѣ же я васъ встрѣчалъ!

Передо мной стоялъ господинъ въ богатомъ соболѣемъ пальто и огромнымъ бобровымъ воротникомъ съ просьбою.

— Я Черныдѣевъ—припомните меня въ Петербургѣ.

— Очень радъ увидѣть васъ въ хорошихъ обстоятельствахъ.

И конечно, подумалъ, о возможности возврата 200 руб., должныхъ мнѣ Черныдѣевымъ, и меня сверхъ того интересовало узнать о его странствованіяхъ по приѣздѣ въ Иркутскъ: и я пригласилъ его зайти ко мнѣ.

Чернядьевъ охотно принялъ мое приглашеніе, и за завтракомъ онъ разсказалъ намъ свою повѣсть.

— Изъ Иркутска я отправился добровольцемъ въ Сербію и тамъ заслужилъ крестъ Такого, и видите ношу его. Вѣдь, Черняевъ считается намъ въ родствѣ. Тятенька открылъ агентуру чайной торговли, въ Лондонѣ, и меня послалъ сюда учиться французскому языку, въ нѣмецкомъ же языкѣ я немножко наторѣлъ, толкаясь по разнымъ курортамъ.

Съ этого дня Чернядьевъ сталъ навѣщать насъ чуть не каждый день и однажды принесъ намъ два большихъ альбома съ фотографическими карточками. Среди этихъ карточекъ мы увидѣли многихъ въ Петербургѣ знакомыхъ и даже нѣсколько дамъ. Въ то же время мы увидали карточку самого Чернядьева въ какомъ-то мундирѣ съ Станиславскимъ крестикомъ на груди. Меня въ особенности заинтересовала карточка одной, хорошо знакомой намъ дамы, которую Чернядьевъ не могъ видѣть.

— Откуда у васъ эта карточка?

— Это тятенькинъ альбомъ; онъ въ Петербургѣ со многими знакомъ.

— Я вижу тоже васъ въ мундирѣ и съ Станиславскимъ крестомъ?—что это значитъ?

— Тятенька сдѣлалъ большой благотворительный взносъ: вслѣдствіе этого, былъ сдѣланъ почетнымъ попечителемъ царскосельскаго пріюта и мнѣ дали крестикъ.

Все это казалось страннымъ, но возможнымъ въ тѣ времена, когда еврей П. и Губонинъ благотворительными взносами достигли чиновъ тайныхъ совѣтниковъ.

Вскорѣ затѣмъ, онъ разсказалъ намъ эпизодъ, случившійся будто бы съ нимъ въ Берлинѣ.

— Приѣхали съ тятенькой въ Берлинъ и остановились въ лучшей гостиницѣ; я впервые тогда былъ за границей и отправился гулять по улицамъ; все меня поражало и удивляло. Вдругъ подошли ко мнѣ какіе-то господина, стали мнѣ что-то говорить; я ихъ не понималъ, но понялъ, что они приняли меня за иностранца, который хочетъ осмотрѣть городъ: *wollen sie sehen?* и позвали идти съ собою. Долго мы шлялись, и наконецъ говорятъ: *wollen sie Bier trinken?* Я понялъ, что зовутъ пиво пить. Мы зашли въ пивную и усѣлись въ заднюю комнату. Выпивши по двѣ кружки пива, нѣмцы стали играть въ карты: одинъ возьметъ три карты: короля, даму и валета въ пальцы одной руки, покажетъ ихъ другому, потомъ перекинетъ ихъ, и другой долженъ угадать, на какое мѣсто палъ король, и они пригласили меня тоже угадывать. Я сталъ играть, было поставлено

условіемъ деньги выкладывать на столъ, и я выигралъ 10 талеровъ, и сейчасъ же забралъ ихъ въ карманъ. Вижу, что я наткнулся на проходимцевъ, и думаю, что тамъ будетъ дальше, а меня, сибиряка, вы не обойдете. Стали играть дальше на большіе, а я имъ рассказывать, что въ отелѣ остановился мой отецъ, грось кауфманъ.

Я проигралъ 5.000 талеровъ, нѣмцы потребовали выложить деньги на столъ, а я имъ свою карточку съ адресомъ отеля, и говорю имъ, комъ фатеръ, вексель, моргенъ. И думаю себѣ ладно, шулера—кто кого обошелъ, а у меня отъ нихъ 10 талеровъ въ карманѣ.

Пришелъ я въ отель, а тамъ былъ русскій докторъ, знакомый отцу; я къ нему и рассказываю все дѣло.

— Ну, я вамъ помогу—сказалъ онъ и сталъ мнѣ перевязывать руку и всю забинтоваль.

На другой день пришли ко мнѣ нѣмцы съ вексельной бумагой и просятъ ее подписать. Я заявилъ, что я не владѣю рукой; они стали приставать. Я только - что окунулъ перо въ чернила и черкнулъ первое слово, какъ неистово закричалъ будто бы отъ боли, и послалъ за докторомъ. Пришелъ докторъ и объявилъ, что всякое движеніе рукой невозможно. Тогда нѣмцы пошли къ отцу, сказавъ, что сынъ долженъ имъ 5.000 талеровъ и имѣютъ на это вексель. Онъ ихъ выславъ и послалъ за мной и безъ всякихъ рѣчей задалъ мнѣ трепку, что чертямъ стало тошно, приговаривая: ты смѣешь векселя выдавать, вотъ тебѣ.

— Что вы, тятенька, деретесь, вы спросите прежде у нихъ вексель, никакого векселя я имъ не выдалъ.

Онъ позвалъ нѣмцевъ и спросилъ отъ нихъ вексель, и когда увидалъ только одну начальную букву, то сказалъ мнѣ: запри на ключъ двери, а теперь задайка этимъ мошенникамъ сибирскую кутасовку, да и я помогу тебѣ; мы и задали имъ кутасовку, а затѣмъ вытолкнули ихъ изъ дверей.

Этотъ рассказъ до того былъ оригиналенъ и рельефенъ для характеристики отца и сына, чтобы его какъ-нибудь констатировать, и я пригласилъ Чернядьева придти на другой день вечеромъ, и поэтому пригласилъ одного моего знакомаго, извѣстнаго музыканта Гасельманса съ женой, которая была мнѣ близкая родственница, и еще одного господина, котораго не помню.

Въ этотъ вечеръ я подвелъ такъ разговоръ, чтобы просить Чернядьева рассказать эпизодъ изъ Берлинѣ. Онъ во всей подробности рассказалъ его. Всѣ помирали со смѣху, и Чернядеевъ, видимо, гордился своею ловкостью сибирскаго героя.

Съ этого времени обрисовалось, что Чернядеевъ былъ продуманнымъ мошенникомъ, и я болѣе не принималъ его, а послалъ комис-

сіонера съ требованіемъ возвратить мнѣ должныя имъ деньги 200 р. На это получилъ отвѣтъ, что тятенька не пріѣхалъ еще изъ Лондона, но онъ ждетъ сестру, которая привезетъ деньги.

Но мѣсяцъ спустя, я получилъ отъ Чернядьева телеграмму изъ Лондона. Въ это время случилась гибель парохода, шедшаго, кажется изъ Гавра въ Дувръ, гдѣ много погибло пассажировъ. Телеграмма отъ Чернядьева увѣдомляла меня, что онъ бѣжалъ на этомъ пароходѣ и спасся какимъ-то чудомъ. Затѣмъ изъ Висбадена, онъ телеграммой поздравлялъ меня съ именинами. Очевидно, что эти телеграммы были ему нужны для прикрытія его плутовскихъ дѣлъ.

Черезъ два года я въ Петербургѣ прочелъ извѣстіе, что въ Вѣнѣ арестованъ графъ Чернядьевъ, который передъ этимъ объегорилъ въ Парижѣ на 200.000 фр. нѣсколько ювелировъ, потомъ появился въ Вевѣ, нанялъ тамъ большую богатую дачу, привелъ съ собой десятокъ лошадей, привезъ тоже нѣсколько колясокъ, купилъ на Женевскомъ озерѣ небольшой пароходъ, на которомъ устраивалъ парти-де-плезиръ, и безпрестанно задавалъ фейерверки на озерѣ, словомъ, почти цѣлый сезонъ, т. е. три мѣсяца развлекалъ публику въ Вевѣ; но, по прибытіи въ Вѣну, онъ былъ арестованъ и преданъ суду.

Я хотѣлъ слѣдить за этимъ процессомъ, чтобы узнать, какимъ образомъ Чернядьевъ могъ въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ долго мошенничать въ Парижѣ, потомъ занимать, въ продолженіе цѣлаго сезона, публику въ Вевѣ. Очевиднымъ кажется, что Чернядьевъ былъ одинъ изъ смѣлыхъ дѣятелей сильной и вліятельной банды, заключающей въ себѣ и дамъ, рискующей, закрывъ глаза, своею личностью. Процессъ, однако, не появлялся, и неизвѣстно чѣмъ, Чернядьевъ покончилъ, быть можетъ, онъ отравился, или его отравили, чтобы спрятать концы въ воду; ибо на процессъ могли обнаружиться довольно громкія имена, принадлежащія къ бандѣ.

Когда я вернулся изъ Ниццы въ Парижъ, то наткнулся тамъ на шайку русскихъ дѣятелей, которые были, должно быть, въ связи съ мошенническими похищеніями Чернядьева, о чемъ мнѣ сообщилъ К. Е. Маковский, бывшій тогда въ Парижѣ.

Нѣкій мой знакомый баронъ Врангель, тоже пребывавшій въ Парижѣ, уговорилъ одинъ ресторанъ въ rue Royal готовить русскія кислыя щи и гречневую кашу, что онъ тѣмъ привлечетъ массу русскихъ, о чемъ онъ, Врангель, и разгласитъ между русскими, и вотъ однажды позвалъ меня пообѣдать къ этомъ ресторанѣ. Дѣйствительно, щи и каша оказались превосходными и гораздо лучше, чѣмъ подаваемые въ петербургскихъ ресторанахъ.

И сталъ часто ходить въ этотъ ресторанъ, гдѣ постоянно встрѣчалъ Врангеля и нерѣдко К. Е. Маковского.

Только-что мы сѣли за столъ, вошла молодая дама, одѣтая вся въ черномъ, обошла всѣ комнаты, видимо кого-то искавшая. Маковский поклонился ей, потомъ она вышла и стала прохаживаться по тротуару. Ресторанъ помѣщался au rez de-chaussée, съ большими зеркальными окнами, наконецъ, дама остановилась и отъ ресторана не отходила.

— Вы поклонились этой дамѣ, кто это она?—спросилъ я Маковского.

— Эта дѣвица Да—ва, только-что вышедшая изъ Смольнаго монастыря и пріѣхавшая компаньонкой съ m-me Д... Она видно еще не ѣла и, войдя сюда въ ресторанъ, думала найти кого-нибудь знакомыхъ, чтобы пригласилъ ее пообѣдать.

— Что же вы не пригласили ее?

— Слуга покорный, потомъ отъ нея отбоя не будетъ.

Мнѣ стало жаль этой дѣвушки, и я вышелъ на тротуаръ, и сказалъ, что Маковский просить ее пообѣдать съ нами. Она приняла приглашеніе, и отобѣдали вмѣстѣ.

Выйдя изъ ресторана, Маковский предложилъ проводить д. Дал—ву до дому, находившемуся недалеко, и я пошелъ съ ними.

Дал—ва просила зайти къ ней. Она помѣщалась въ маленькой комнатѣ аптресоля.

—А m-me Д..., съ которой я пріѣхала, живетъ на верху въ бель-этажѣ,—и вслѣдъ затѣмъ, она обратилась къ Маковскому умоляющимъ тономъ со словами:—Спасите меня, m-г. Маковский, сегодня утромъ m-me Д... приказала мнѣ, во что бы то ни стало, достать для нея 1000 ф. и не возвращаться къ ней безъ этихъ денегъ. И весь день искала, но не могла достать денегъ.

Маковский скорчилъ гримасу. Тогда Дал—ва обратилась ко мнѣ: я сказалъ, что я теперь не при деньгахъ.

— Что же мнѣ дѣлать, я поѣду еще въ одно мѣсто,—сказала она.

Мы вышли всѣ вмѣстѣ и, спускаясь съ лѣстницы, встрѣтили красивую молодую даму въ великолѣпномъ платьѣ декольте и всю въ брилантахъ. Маковский раскланялся съ ней.

— Кто это такая?—спросилъ я.

— Это сестра Чернядьева.

— Развѣ вы знаете Чернядьева?

— Да, я познакомился съ нимъ недѣли двѣ-три тому назадъ, а Дал—ва добавила, что эта дама подымается въ бель-этажъ къ m-me Д...

— Я тоже знаю его и совѣтую остерегаться этого опаснаго жулика. и развѣ вы увѣрены, что встрѣтившаяся намъ дама сестра Чернядьева?

— Я видалъ ее у него, и онъ представилъ ее мнѣ.

Я разсказалъ фактъ встрѣчи съ Да—овой потому, что пришлось видѣть ее еще разъ, но при другихъ обстоятельствахъ.

Черезъ нѣсколько дней, обѣдая въ томъ же ресторанѣ съ Врангелемъ, вошли два господина. Одинъ изъ нихъ высокій, красавецъ собой, особенно элегантно одѣтый, а другой въ нѣсколько потертомъ сюртукѣ. Они поздоровались съ Врангелемъ, и тотъ пригласилъ ихъ сѣсть за столъ и обѣдать съ нами, предварительно представивъ ихъ мнѣ. Элегантнаго господина отрекомендовалъ, какъ московскаго негодіанта Кригъ, а другаго, какъ корреспондента разныхъ петербургскихъ журналовъ Попова.

Когда Поповъ узналъ мою фамилію и что И. И. Панаевъ былъ двоюроднымъ братомъ, то пустился въ панегирики ему: что онъ глубоко уважаетъ и личность Панаева, и его литературную дѣятельность, и то, что онъ незабвенный, тонкій, деликатный и остроумный фельетонистъ, которому и въ подметки не годятся нынѣшніе фельетонисты, и завершилъ тѣмъ, что приказалъ подать бутылку шампанскаго, и я отвѣтилъ тѣмъ же.

Сидя за столомъ, я между прочимъ сказалъ, что благодаря барону, мы можемъ теперь получить въ Парижѣ русскій столъ, но что я все-таки испытываю нѣкоторое лишеніе отъ отсутствія самовара.

Тотчасъ же негодіантъ Кригъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ пригласить васъ послѣ обѣда на чай, сегодня же вечеромъ, изъ большаго московскаго самовара, если вы сдѣлаете честь пріѣхать ко мнѣ на дачу въ Нейли.

Затѣмъ Кригъ сказалъ, что онъ теперь въ Парижѣ покровительствуетъ одному русскому помѣщику, изобрѣтшему концентрированный кумысъ въ видѣ порошка, добываемый изъ молока степныхъ киргизскихъ кобылъ, на мѣстѣ. Что этотъ помѣщикъ приготовлялъ уже кумысъ изъ этого порошка въ Вѣнѣ и продавалъ его съ успѣхомъ, а теперь онъ жертвуетъ деньги на распространеніе этого дѣла въ Парижѣ и организуетъ его. Для этого приглашенъ русскій докторъ, чтобы руководствовать употребленіемъ кумыса, и литераторъ Поповъ, здѣсь сидящій, для рекламъ.

Послѣ обѣда Кригъ съ Поповымъ сѣли въ одинъ фіакръ, а я съ Врангелемъ въ другой и поѣхали въ Нейли.

Дача находилась въ большомъ саду и имѣла видъ деревенскаго дома.

Войдя на дачу, Кригъ представилъ мнѣ изобрѣтателя, помѣщика Виноградова, и доктора, лейбъ-медика, фамилію котораго не припомню.

Вскорѣ стали пріѣзжать разные господа. Но меня поражало одно,— что одни пріѣзжали во фракахъ, даже въ бѣлыхъ галстукахъ, а другіе

въ потасканныхъ пальто и пиджакахъ. Явилось тоже три-четыре не молодыхъ дамъ, хорошо одѣтыхъ.

Наконецъ, Кригъ пригласилъ всю публику въ большую столовую, въ которой стоялъ большой столъ, и на табуретѣ огромный ведерный самоваръ, и возлѣ него дѣвушка, разливавшая чай. Кригъ представилъ мнѣ ее, какъ дочь помѣщика Виноградова.

Всѣ засѣли за столъ, покрытый скатертью. Вся обстановка представляла видъ совершенно нашего деревенскаго помѣщичьяго дома. Вдругъ появилась дѣвица Да—ва и объявила, что княгиня С. извиняется и пріѣдетъ позже.

Хозяинъ Кригъ за столъ не садился, а ходилъ кругомъ, и все посматривалъ на часы. Между тѣмъ, стали подавать за чаемъ бокалы шампанскаго.

Наконецъ, Кригъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ, что уже 12 часовъ, вѣроятно, княгиня уже не будетъ, такъ сядемте играть безъ нея, и пригласилъ публику въ другую комнату. Тамъ оказалось три ломберныхъ стола, поставленные рядомъ. Когда я вошелъ, то увидалъ уже человѣкъ 10, играющихъ въ макао. Кригъ предложилъ присѣсть, а самъ сѣлъ рядомъ со мной съ лѣвой руки. Я подумалъ, что надо проиграть за угощеніе, и выкинулъ золотой, и выигралъ; я оставилъ—опять выигралъ, тоже вторично оставилъ на столѣ—и проигралъ. Было какъ-то неловко бросать тотчасъ игру, и я продолжалъ. Кригъ безпрестанно возвышалъ ставку, и потому принималъ карты для сдачи, и я не могъ пользоваться преимуществомъ игры. Со мной было 800 ф. золотомъ; когда я спустилъ эти франки, я не нашелъ моего компаньона Врангеля, съ которымъ пріѣхалъ въ одномъ фіакрѣ; я попросилъ Крига послать за фіакромъ.

— Подождите немножко, я сейчасъ поѣду тоже въ Парижъ, гдѣ я и живу, и доведу васъ въ своемъ ландо.

Подали ландо, въ которое сѣли двѣ дамы, откомендованныя мнѣ, элегантно одѣтыя, баронесса и знакомая уже мнѣ дѣвица Д—това, а затѣмъ Кригъ и я.

Дорогой баронесса обратилась ко мнѣ со слѣдующей рѣчью:

— Не хотите ли нажить 100.000 фр., израсходовавъ на это только 5.000 ф., которые надо внести немедленно наличными.

Кригъ, услыхавъ это, сдѣлалъ презрительную гримасу и сказалъ:

— Оставьте его, баронесса; онъ этими дѣлами не занимается.

Пріѣхавъ въ Парижъ, мы завезли дѣвицу Д—тову домой, а потомъ баронессу. Выходи изъ ландо, она сказала:

— Я съ вами не прощаюсь, потому что надѣюсь васъ видѣть у себя.

Черезъ день я нашелъ карточку, оставленную баронессой въ отелѣ.

На другой день подали отъ баронессы карточку съ надписью, что она ждетъ меня съ нетерпѣніемъ.

На третій день подали ея карточку съ надписью, что она удивляется, что я не отвѣтилъ на приглашеніе и до сихъ поръ не былъ у нея.

На четвертый день я получилъ карточку со слѣдующими словами:

— Я въ четвертый разъ прихожу къ вамъ и даже въ часъ табльдота не застаю дома, такъ что я вынуждена была пообѣдать въ вашемъ отелѣ и израсходовать на это 6 ф. Потрудитесь возвратить мнѣ эти деньги.

Изъ этого можно судить, на какую шайку я наткнулся.

Встрѣтившись съ Маковскимъ, я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Кригомъ, о томъ, что на Итальянскомъ Бульварѣ уже появилась бѣдка съ продажей кумыса въ маленькихъ бутылкахъ и о томъ, что Кригъ обегорилъ меня на 800 фр.

— А вы не знаете, что Кригъ и русскій докторъ, называвшій себя лейбъ-медикомъ, уже арестованы; увернулся только Чернядьевъ, который, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ шайкѣ этихъ мазуриковъ.

Въ заключеніе скажу, что два года спустя Виноградовъ разыскалъ меня въ Петербургѣ и явился ко мнѣ въ самомъ плачевномъ видѣ, и разсказалъ, что онъ, не имѣя никакихъ средствъ, пришелъ изъ Парижа цѣшкомъ, и что Кригъ взялъ у него и тѣ 15.000 ф., которые Виноградовъ нажилъ отъ продажи кумыса въ Вѣнѣ.

Будучи членомъ разныхъ обществъ, я, однако, очень рѣдко посѣщалъ ихъ, убѣждаясь каждый разъ, что доклады и оппонированіе ихъ преслѣдуютъ личныя цѣли, прикрываясь лишь видомъ общей пользы, или ради того, чтобы увидѣть въ отчетахъ газетъ свое имя. Но однажды въ обществѣ промышленности и торговли былъ назначенъ докладъ по вопросамъ, до желѣзныхъ дорогъ относящимся... Я пошелъ на этотъ докладъ, который длился четыре засѣданія. Докладъ этотъ дѣлалъ агентъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, нѣкій Витте, впоследствии министръ финансовъ. Докладъ, главнымъ образомъ, вращался на вопросахъ тарифа и клонился къ необходимости урегулировать означенные вопросы.

Въ то время Россія была разбита на множество обществъ желѣзныхъ дорогъ, которыя конкурировали между собою. — Правительство не могло имѣть вліянія на тарифы, которые были ограничены только максимумами, все это вредило торговлѣ, промышленности и населенію. Докладъ Витте былъ очень обширный, обстоятельный, детально составленный и хорошо обдуманый.

Я присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ; по окончаніи доклада было назначено пятое засѣданіе для оппонированія. Предсѣдатель общества былъ тогда графъ Н. П. Игнатьевъ. Это пятое засѣданіе было открыто въ думѣ, въ новомъ помѣщеніи, устроенномъ на подобіе палатъ депутатовъ.

Я выступилъ оппонентомъ на докладъ Витте. Отдавъ полную справедливость громадному и вполне обстоятельному труду докладчика, я сталъ упираться на то, что вопросъ упростился бы до крайней степени, если бы дороги были объединены въ рукахъ правительства, и что поэтому надо главнымъ образомъ стремиться къ выкупу дорогъ изъ рукъ частныхъ лицъ. Что я много уже писалъ и трудился по этому предмету, когда былъ фактическимъ дѣятелемъ, что къ мысли, которую я провожу, склонилась уже Франція, опредѣливъ въ то время 5 миллиардовъ для выкупа желѣзныхъ дорогъ, и въ этой мысли я нахожу высоко авторитетную политику Бисмарка въ Германіи.

Во время моего слова, мнѣ довольно часто аплодировали, но какъ только я произнесъ слово Бисмаркъ, то предсѣдатель Игнатьевъ сказалъ:

— Вы не въ вопросъ.

— Я въ вопросъ,—отвѣтилъ я,—и сойду сейчасъ съ трибуны; но прошу спросить собраніе,—желаетъ ли оно меня слушать или нѣтъ.

— Господа! —сказалъ предсѣдатель,—кто желаетъ слушать Панаева, прошу сидѣть, а кто не желаетъ—прошу встать!

Каково было удивленіе для предсѣдателя, когда вся аудиторія осталась сидящей, и лишь три человѣка, рядомъ сидящіе на самой задней скамьѣ встали.

— Ну, продолжайте, сказалъ предсѣдатель,—но прошу васъ ускорить вашу рѣчь.

Видя уже настроеніе предсѣдателя, я скомкалъ по возможности свою рѣчь и закончилъ ее при сильныхъ аплодисментахъ.

Сойдя съ трибуны, ко мнѣ подошелъ докладчикъ Витте и сказалъ:

— Хотя вы были моимъ оппонентомъ, но мнѣ гораздо пріятнѣе слышать ваши взгляды, чѣмъ господъ, выступившихъ съ восхваленіями моему докладу.

Уѣзжая, въ вестибюль подошелъ ко мнѣ господинъ въ казацкомъ бешметѣ и въ шубѣ съ бобровымъ воротникомъ.

— Позвольте васъ поблагодарить,—сказалъ онъ.

— За что вы благодарите меня?

— Больно храбро защищались вы отъ предсѣдателя —отвѣтилъ онъ.

— Куда изволите ѣхать?

— Въ Фурштадтскую!—отвѣтилъ я.

— Я тоже въ ту сторону, въ казармы конвоя; позвольте я васъ доведу.

— Благодарю, но у меня свои лошади, и могу васъ довести до конвоя.

Этотъ казакъ съѣлъ со мной, и дорогой я поинтересовался узнать, что могло его привести, чтобы присутствовать въ собраніи общества?

— Я здѣсь живу уже третій мѣсяцъ и пріѣхалъ съ проектомъ заселенія казаками Черноморскаго побережья, которое теперь пустоуетъ.

И рассказалъ мнѣ вкратцѣ его проектъ. Меня это очень заинтересовало, и я, пріѣхавъ домой, сказалъ казаку, чтобы онъ завтра принесъ проектъ для прочтенія.

На другой день явился ко мнѣ казакъ, объявилъ, что его фамилія Ашиновъ, ни въ какомъ казацкомъ войскѣ не служащій, а что онъ вольный казакъ и со своими молодцами спасъ цѣлый отрядъ, отступившій къ Новороссійску во время послѣдней турецкой кампаніи, когда турки высадились на пустуюющій Черноморскій берегъ и тѣснили нѣкоторыя наши войска.

Прочитавъ проектъ, я нашелъ его чрезвычайно полезнымъ для Россіи. Черноморское побережье предполагалось заселить казацкими станицами па мѣсто ушедшихъ 200.000 черкесъ, земли которыхъ были розданы чиновникамъ. Эти станицы ограждали бы побережье, охрана болѣе вѣрная, и избавили бы правительство отъ большаго расхода на содержаніе двухъ дивизій для этой цѣли.

— Слушая васъ вчера,—сказалъ Ашиновъ,—я и подумалъ, не возьметесь ли вы сдѣлать по этому предмету докладъ въ обществѣ?

— Ваше дѣло не можетъ касаться общества, да и предсѣдатель едва-ли найдетъ возможнымъ поднять такой вопросъ въ обществѣ. Но я могу представить вашъ проектъ знакомому мнѣ генералъ-адъютанту Рихтеру, завѣдующему главной квартирой; необходимо измѣнить вашъ проектъ и вмѣсто выборнаго атамана войскомъ назначить въ предполагаемыхъ станицахъ наказнаго атамана отъ правительства, на подобіе, какъ это существуетъ въ казацкихъ войскахъ: можете, развѣ, просить права представлять выборныхъ кандидатовъ въ войсковые наказные атаманы.

Ашиновъ, подумавъ, согласился на измѣненіе проекта въ этомъ смыслѣ, и черезъ два дня принесъ начисто переписанный проектъ.

Проектъ этотъ я послалъ къ Рихтеру, при слѣдующемъ письмѣ: „Глубокоуважаемый Отгонъ Борисовичъ!

Въ одномъ изъ засѣданій общества покровительства промышленности и торговли, послѣ одной моей рѣчи, подошелъ ко мнѣ нѣкій неизвѣстный мнѣ человекъ, оказавшійся кавказскимъ землевладѣльцемъ, по фамиліи Ашиновъ, и попросилъ меня посодѣйствовать ему въ

томъ, чтобы онъ могъ сдѣлать въ означенномъ обществѣ сообщеніе своего проекта о заселеніи восточнаго побережья Чернаго моря русскимъ народомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Ашиновъ сообщилъ мнѣ, что онъ являлся уже со своимъ проектомъ къ генералу Обручеву и къ министру государственныхъ имуществъ, но что они не выразили, однако, особеннаго желанія принять его проектъ подъ свое покровительство; вслѣдствіе чего, онъ намѣревается повергнуть его лично государю императору. Тогда я замѣтилъ Ашинову, что ему надо, предварительно, представить свой проектъ кому-либо изъ приближенныхъ къ государю. Нынѣ Ашиновъ принесъ мнѣ свой проектъ, прося представить его вамъ. Находя, съ своей стороны, что, въ общемъ, идея о заселеніи восточнаго побережья Чернаго моря заслуживаетъ вниманія, я рѣшился исполнить просьбу Ашинова, т. е. представить вамъ его проектъ. Если, по прочтеніи его, вы найдете его тоже заслуживающимъ вниманія, и потому пожелали бы, чтобы Ашиновъ явился къ вамъ для словеснаго разъясненія вопроса, то вотъ его адресъ: Таврическая улица, домъ № 7, кв. Никифорова.

При этомъ, считаю не лишнимъ сообщить вамъ, что Ашиновъ человекъ безъ образованія, и рѣчь его нѣсколько рѣзка; но, какъ мнѣ показалось, онъ представляетъ изъ себя замѣчательный типъ, до сего никогда мною не виданный, и, по всей вѣроятности, характеризующій ту среду, къ которой онъ принадлежитъ. Я подмѣтилъ въ немъ необыкновенную удачу, замѣчательный здравый смыслъ, ясный взглядъ на вещи, настойчивость въ достиженіи цѣли и безотчетное стремленіе искать борьбы съ препятствіями, въ чемъ, какъ кажется, и заключается цѣль и условія жизни подобныхъ людей. Словомъ сказать, мнѣ показалось, что онъ заключаетъ въ себѣ всѣ данныя, необходимыя для колонизаторства. Само собою разумѣется, что въ означенныхъ выше стремленіяхъ играетъ не малую роль матеріальный интересъ, но какія же колонизаціи могли совершиться безъ расчета на извѣстныя матеріальныя преимущества.

Ашиновъ сообщилъ мнѣ тоже, что онъ много разъ былъ у московскаго митрополита, который по его словамъ отнесся къ его проекту весьма сочувственно, въ виду облегченія возможности перехода магометанъ въ православіе.

Извините меня пожалуйста, что я безпокою васъ такимъ длиннымъ письмомъ по дѣлу, не касающемуся ни васъ, ни меня; но мнѣ подумалось, что я, по совѣсти, не долженъ отказать исполнить просьбу Ашинова и ее передать лицу, которое можетъ принять изложенную въ немъ идею подъ свое покровительство, или объявить Ашинову, что его проектъ не можетъ входить въ виды правительства,

а потому, чтобы онъ и его товарищи не теряли бесполезно время и средства и перестали преслѣдовать свою идею.

14-го декабря 1883 г. С.-Петербургъ, Фурштатская, 17^а.

На это получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь Валеріанъ Александровичъ!

Къ искреннему моему сожалѣнію, я лишень возможности сдѣлать вамъ угодное, принявъ на себя всеподданнѣйшій докладъ по присланному ко мнѣ прошенію съ приложеніями, такъ какъ предметъ его, не относясь до вѣреннаго мнѣ управленія, подлежитъ разсмотрѣнію военнаго министра.

Возвращая при семъ вашему превосходительству прошеніе Н. И. Ашинова съ приложеніемъ, прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Его превосходительству В. А. Панаеву. О. Рихтеръ.

17-го декабря 1883 года. С.-Петербургъ.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Петербургъ главноуправляющій Кавказомъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, съ которымъ я былъ коротко знакомъ еще въ Новочеркасскѣ, къ которому и слѣдовало обратиться Ашинову со своимъ проектомъ. Я свелъ Дондукова съ Ашиновымъ: Дондуковъ принялъ участіе въ его проектѣ и отдалъ приказъ отвести землю для поселенія казаковъ въ Сухумскомъ округѣ.

Вскорѣ Ашиновъ уѣхалъ на Кавказъ, по дорогѣ заявилъ въ Полтавской губерніи, гдѣ до сихъ поръ еще малороссы именуются казаками, объ устраиваемомъ, съ одобренія начальства, поселеніи на Кавказѣ. Къ веснѣ явилось уже до 600 человекъ поселенцевъ, вмѣстѣ съ коренными, по вольнымъ казаками.

Позднѣе, осенью того же года, явился ко мнѣ опять въ Петербургъ Ашиновъ. Разсказалъ, что съ весны поселилъ уже 600 человекъ, а теперь пріѣхалъ ходатайствовать, чтобы это поселеніе называли казацкой Николаевской станицей въ честь атамана наслѣдника.

Между тѣмъ, Ашиновъ задумалъ съѣздить въ Москву, и я далъ ему письмо къ моему знакомому Ивану Сергѣевичу Аксакову, въ которомъ обращалъ его вниманіе на личность казака Ашинова, представляющаго собою типъ, подходящий къ Ермаку Тимофеевичу, и Аксаковъ очень полюбилъ Ашинова. Затѣмъ, не помню, какимъ путемъ Ашиновъ познакомился съ Катковымъ, кажется, черезъ Побѣдоносцева. Катковъ принялъ большое участіе въ Ашиновѣ, и появился рядъ статей, озаглавленныхъ „Вольные казаки“, въ которыхъ обрисовывалась роль этихъ людей. Приблизительно, въ это время произошелъ бой подъ Кушкой въ Афганистанѣ.

По этому случаю, явились натянутыя отношенія съ Англіей, и могло выйти вооруженное столкновеніе на границахъ Индіи.

Однажды Ашиновъ, хлопоча все о своемъ дѣлѣ, явился ко мнѣ и просилъ,—не могу ли я представить его графу Перовскому, такъ какъ онъ слышалъ, что Перовскій играетъ роль при дворѣ, и что у него очень часто завтракаетъ великій князь Владиміръ Александровичъ.

— Я знаю хорошо старика Перовскаго,—отвѣтилъ я,—а молодого Перовскаго я встрѣчалъ только раза два—три въ обществѣ и, потому, представить ему Ашинова не могу, а если вамъ нужно его видѣть, то явитесь къ нему сами.

— На другой день Ашиновъ опять явился ко мнѣ и разсказалъ свое посѣщеніе къ графу Перовскому.

— Когда я сталъ просить графа замолвить словечко о моемъ дѣлѣ, для котораго живу здѣсь четыре мѣсяца безъ всякаго толка, онъ отвѣтилъ,—не его это дѣло, но потомъ сказалъ: подайте мнѣ записку. Я вышелъ и въ передней сталъ было надѣвать уже шинель, какъ отъ графа вышелъ лакей и позвалъ меня. Я вошелъ опять въ кабинетъ и вижу уже тамъ генерала; я узналъ, конечно, великаго князя Владиміра Александровича, но не показалъ никакого вида, что его узналъ.

— Что это за вольные казаки, о которыхъ газеты пишутъ, и много ли наберется вась?—спросилъ меня князь.

— Всякихъ-то, ваше превосходительство, наберется многонько.

— А сколько, примѣрно?

— Если считать законныхъ и незаконныхъ, то наберется тысячь 250.

— Какіе же это законные и незаконные?

— Вотъ изволите ли видѣть, ваше превосходительство: — законные, которые имѣютъ паспорта, а незаконные, это—народъ бродячій, который скрывается по камышамъ.

— А вы бывали въ Афганистанѣ?

— Бывали и въ Персіи, и заглядывали въ Индію; наши молодцы ходили тоже въ Судапъ.

— А пойдете ли вы въ Афганистанъ?

— Коли царь кличъ кликнетъ, то соберется не малая сила, только если посылать пасъ, то начальства своего не давайте, и гдѣ пройдемъ, тамъ чисто будетъ.

— Какъ же безъ начальства?

— Зачѣмъ намъ начальство, мы сами порядки держимъ, и на кругу расправа коротка, чуть что, шашкою хлестнулъ по головѣ, и дѣлу конецъ. Генералъ, т. е. великій князь разсмѣялся, я поклонился и вышелъ.

Вскорѣ Ашиновъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что къ нему при-

ходилъ съ переводчикомъ англійскій агентъ и завелъ рѣчь о подкупѣ его, дабы онъ набралъ партію казаковъ, но съ какою цѣлью, того не передавъ.—Да и французскій агентъ приходилъ ко мнѣ и объявилъ, что сегодня придетъ ко мнѣ къ часу по полудни; будьте столь любезны, приходите тоже ко мнѣ и переведите мнѣ его разговоръ.

Меня это заинтересовало, и я пришелъ въ назначенный часъ.

Французскій агентъ предложилъ Ашинову собрать сначала до 100 человекъ верховыхъ казаковъ, на образованіе кавалерійскаго эскадрона въ Алжиріи.

Ашиновъ отвѣчалъ ему коротко и категорически:

— Мы проливаемъ свою кровь за пашу вѣру, нашего царя и за ту землю; мы не наемники, и драться за васъ съ нехристями никто не пойдетъ.

Агентъ что-то пробормоталъ и съ тѣмъ и ушелъ.

Прошла зима, по Ашиновъ ничего не достигъ. Между тѣмъ, онъ сталъ получать письма отъ своего круга, и письма эти онъ приносилъ мнѣ для прочтенія, такъ какъ, въ то время, онъ могъ читать лишь печатанное, а письменное читать еще не могъ.

Въ этихъ письмахъ ему рекомендовалось бросить хлопоты въ Петербургъ, что кругъ уже два года высылаетъ ему по 1.000 руб. въ мѣсяцъ на его, Ашинова, хлопоты и расходы, а толку никакого нѣтъ.

— Приѣзжай лучше назадъ,—писали ему отъ круга.—Мы избрали теперь тебя атаманомъ, на мѣсто Коршуна, и желали бы отправиться къ православному царю Іоанну въ Абиссинію: тамъ работа есть.

Немного спустя, Ашиновъ явился ко мнѣ проститься и просилъ приѣхать на Николаевскій вокзалъ, проводить его.

Стоя на площадкѣ вагона, Ашиновъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, дружокъ; получите отъ меня письмо изъ Абиссиніи, когда доберусь до царя Іоанна.

Ашиновъ, передъ отъѣздомъ, ничего не говорилъ мнѣ о своей рѣшимости ѣхать въ Абиссинію, и я также не зналъ, что его сопровождаетъ англійскій агентъ.

Приѣхавъ въ Москву, Ашиновъ открылся Аксакову, что англійскій агентъ склоняетъ его къ подкупу. Аксаковъ написалъ въ Петербургъ письмо, вызывая своего пріятеля и товарища по училищу правовѣдѣнія Хитрово, консула въ Каирѣ, бывшего въ то время въ Петербургѣ. Ашиновъ пригласилъ также на совѣщаніе полковника войска Донскаго Дукмасова. На совѣщаніи рѣшили, чтобы Ашиновъ склонился на подкупъ, вѣри въ то, что онъ не сдѣлается измѣнникомъ.

Рѣшившись ѣхать съ агентомъ въ Одессу, Ашиновъ потребовалъ отъ него выдачи двухъ тысячъ рублей авансомъ. Но вмѣстѣ съ Ашиновымъ отправился въ Одессу и переодѣтый полковникъ Дукмасовъ.

Передъ отъѣздомъ въ Константинополь, гдѣ агентъ долженъ былъ объяснить дѣло, повидавшись съ чрезвычайнымъ посломъ Друмондомъ-Вольфомъ, Ашиновъ потребовалъ еще выдачи 1.000 руб.

Дукмасовъ поѣхалъ тоже въ Константинополь, но не обнаруживалъ на пароходѣ своего знакомства съ Ашиновымъ.

Приѣхавъ въ Константинополь, Ашиновъ остановился въ Аюнсскомъ подворьѣ, гдѣ ютятся русскіе богомольцы, а Дукмасовъ въ какомъ-то отелѣ, и они условились встрѣчаться въ разныхъ ресторанахъ. Агентъ слѣдилъ за Ашиновымъ и ежедневно приходилъ въ подворье.

Агентъ обнаружилъ цѣль подкуна. Ашиновъ долженъ былъ на первый разъ собрать партію казаковъ изъ 100 человекъ, доставить оружіе въ Афганистанъ, взбунтовать покорныхъ Россіи афганцевъ. Кромѣ того доставить оружіе на Кавказъ и замутить тамъ оставшихся черкесовъ и предложилъ по 10 фунт. стер. на человека. Но для окончательнаго рѣшенія дѣла назначилъ срокъ, въ который Ашиновъ долженъ придти къ послу Друмонду-Вольфу и получить тамъ деньги.

Между тѣмъ Дукмасовъ сообщилъ нашему русскому посланнику, что приѣхалъ въ Константинополь англійскій агентъ и подкупаетъ Ашинова, и что Друмондъ-Вольфъ назначилъ уже ему свиданіе. Нашъ посланникъ не повѣрилъ, сказалъ, что онъ повѣритъ лишь тогда, когда Ашиновъ предъявитъ ему деньги.

Ашиновъ сообщилъ Дукмасову и просилъ его придти къ этому времени и прохаживаться по улицѣ, около входныхъ дверей дома, гдѣ жилъ Друмондъ-Вольфъ. Ашиновъ получилъ всѣ деньги золотомъ, встрѣтилъ на улицѣ Дукмасова, и они вмѣстѣ, немедленно же ночью, отправились къ нашему посланнику, гдѣ Ашиновъ, въ присутствіи Дукмасова, и показалъ посланнику деньги, только-что полученные у Друмонда-Вольфа.

Агентъ продолжалъ слѣдить за Ашиновымъ нѣсколько дней. Ашиновъ сѣлъ на пароходъ, который отправлялся въ Одессу, но на дорогѣ пересѣлъ на другой, который шелъ изъ Одессы въ Каиръ. Между тѣмъ Дукмасовъ извѣстилъ товарищей Ашинова, что онъ поѣхалъ въ Абиссинію къ царю Іоанну.

Такимъ образомъ, Ашиновъ отправился впервые въ Абиссинію на англійскія деньги.

Съ той минуты, когда Ашиновъ простился со мною на Николаевской дорогѣ, отъѣзжая въ Москву, я ничего не зналъ о немъ. Все, что изложено выше, о совѣщаніи въ Москвѣ, о поѣздкѣ въ

Одессу и Константинополь и о дальнѣйшихъ эпизодахъ, я услышалъ лишь отъ него и отъ свидѣтеля всего Дукмасова, когда они вернулись уже въ Петербургъ.

Товарищи Ашинова, получивъ извѣстіе, что ихъ атаманъ отправился въ Абиссинію, верхами въ числѣ 20 или 25 человекъ добрались до Краснаго моря и переѣхали на пароходѣ въ Массову. Между тѣмъ Ашиновъ сошелся съ главнокомандующимъ царя Іоанна Расъ-Аулла.

Въ это время я получилъ уже нѣсколько писемъ отъ Ашинова изъ Азмары. Когда товарищи его прибыли, Ашиновъ отправился въ Гендаръ къ царю Іоанну съ подарками, состоящими изъ богатыхъ образовъ и священническихъ ризъ, которыми запасся еще въ Москвѣ, такъ какъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе, во что бы то ни стало, ѣхать въ Абиссинію. Негусъ Іоаннъ принялъ Ашинова очень радушно и выдалъ ему разные подарки для нашего царя. Между прочимъ, громаднаго льва и нѣсколько большихъ страусовъ. Затѣмъ Ашиновъ убѣдилъ царя Іоанна отпустить свою племянницу въ Россію, для полученія тамъ образованія, и выпатъ католическихъ миссіонеровъ изъ Абиссиніи. Но въ это время негусъ собирался на борьбу съ магдистами. Ашиновъ отправился со своими казаками туда и принималъ участіе въ одной стычкѣ, и затѣмъ поѣхалъ обратно.

Прибывъ въ Каиръ съ багажемъ, состоящимъ изъ подарковъ царя Іоанна, Ашиновъ обратился къ консулу Хитрово, который увѣдомилъ о томъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, и Ашинову былъ присланъ видъ для проѣзда въ Петербургъ, съ дарами Негуса, не платя никакой пошлины. Левъ дорогой умеръ, но самага большаго страуса передалъ въ Гатчинскій царскій птичникъ. Привезъ онъ тоже племянницу негуса, дѣвушку лѣтъ 14-ти, и мальчика абиссинца. Но когда Ашиновъ пріѣхалъ въ Константинополь, то получилъ тамъ письмо отъ Дукмасова изъ Одессы, гдѣ онъ писалъ, что если Ашиновъ появится въ Одессѣ или въ какомъ-либо другомъ пограничномъ городѣ, то будетъ немедленно арестованъ, и, поэтому, будетъ прпровожденъ къ сухумскому судебному слѣдователю, что онъ, Дукмасовъ, поѣдетъ въ Петербургъ и обратится къ министру внутреннихъ дѣлъ Толстому, объяснить ему дѣло, чтобы избавить Ашинова отъ предстоящей ему перспективы прогуляться по этапу въ Сухумъ, чтобы Ашиновъ не трогался изъ Константинополя и ожидалъ письма отъ Дукмасова.

Дѣйствительно, Толстой отдалъ приказъ не арестовывать Ашинова, везущаго подарки отъ негуса къ нашему царю.

Дѣло было въ томъ, что Ашиновъ, не сдавши отчета въ выданныхъ ему деньгахъ на поселеніе, и за грубое сопротивленіе ста-

новому приставу, пріѣхавшему собирать подати, какъ бы съ крестьянъ поселенцевъ, когда они считали себя станичниками, былъ отданъ подъ судъ. Поэтому сухумскій судебный слѣдователь и разослалъ повсюду приказъ арестовать его гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Россіи.

Хотя, благодаря графу Толстому, Ашиновъ и проѣхалъ благополучно въ Петербургъ, по судебное слѣдствіе продолжалось своимъ чередомъ.

Ашиновъ скрывался нѣкоторое время въ конвоѣ, но ежеминутно находился подъ страхомъ быть арестованнымъ.

Въ это время пріѣхалъ изъ Москвы Катковъ. Катковъ сказалъ ему, чтобы онъ постарался не попасться полиціи въ теченіе двухъ дней, и что онъ въ это время повидается съ министромъ юстиціи.

Министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Ашинова не арестовывали, разсмотрѣлъ дѣло и сдѣлалъ докладъ государю объ освобожденіи Ашинова отъ суда и слѣдствія.

Тогда я повезъ Ашинова къ генералу Рихтеру, котораго Ашиновъ и просилъ представить привезенные имъ подарки отъ негуса государю, такъ какъ министерство иностранныхъ дѣлъ не пожелало принять на себя въ этомъ инициативу. Черезъ Рихтера подарки и были милостиво приняты государемъ.

Однажды, послѣ того Ашиновъ пришелъ ко мнѣ, блестяще одѣтый по-казацки и вытащивъ изъ кармана большую пачку серій и кредитныхъ билетовъ, вывалилъ ее на столъ передо мной и сказалъ:

— Здѣсь 10.000 руб., которые я получилъ отъ нашего круга. Иду сейчасъ къ военному министру и отдамъ ему деньги, которыя были выданы мнѣ на поселеніе на Кавказѣ.

— Министръ отъ васъ не приметъ,—сказалъ я,—вы должны внести деньги туда, откуда вы получили ихъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, а все-таки снесу ему, чтобы онъ видѣлъ, что я не плутъ, котораго отдали подъ судъ, и только по милости царя бѣда не стряслась падо мною; я приду къ вамъ сейчасъ и сообщу о результатѣ.

Конечно, министръ не принялъ денегъ отъ Ашинова; и при этомъ было сказано нѣсколько дерзкихъ словъ со стороны Ашинова, за которыя и получилъ отъ меня головомойку.

Вслѣдъ затѣмъ, Ашиновъ попросилъ меня составить ему прошеніе на высочайшее имя. Я и написалъ съ его словъ и, можно сказать, подъ его диктовку; это прошеніе я приведу здѣсь:

Ваше императорское величество, августѣйшій монархъ!

Мы, вѣрные твои, нашей матушки Руси и святой православной вѣры слуги, вольные казаки, пожелали сѣсть на землю и на ту самую землю, которая была полита кровью нашею, нашихъ отцовъ и дѣдовъ, а именно, по восточному побережью Черпаго моря.

И выбрали меня вольные казаки для того, чтобы хлопотать объ этомъ дѣлѣ и, выдавъ мнѣ общественныя деньги, послали въ Питеръ, въ 1883 году.

Въ апрѣлѣ 1884 года, отвели намъ для поселенія небольшой участокъ земли въ Сухумскомъ отдѣлѣ, но такой земли, отъ которой мало чего можно получить добраго.

Мы, однако, на это не сѣтовали, хотя и обидно, что армянамъ и другимъ не русскимъ людямъ отводятъ земли наилучшія, а намъ отвели что ни на есть — похуже. А не сѣтовали потому, что мы привыкли работать во всемъ безпардонно: нужно ли врага валить, нужно ли землю ворошить.

Къ концу того же 1884 года я уже успѣлъ поселить небольшую станицу въ Усбельдѣ, какую позволяла отведенная намъ земля; а больше той земли, послѣдовалъ приказъ, намъ не отводить.

На это поселеніе было намъ выдано въ помощь только 1.750 руб., такъ что мы много извели своихъ денегъ и снабдили постороннихъ поселенцевъ своимъ собственнымъ скотомъ.

Новое наше поселеніе мы пожелали назвать Николаевскою станицею, въ честь твоего сына, нашего атамана, которому, въ тотъ годъ, было совершеннолѣтіе, мѣстныя же власти принуждали насъ назвать наше поселеніе въ честь кого-либо изъ тамошняго начальства.

Тогда товарищи мои, избравъ меня атаманомъ, послали меня опять въ Питеръ бить челомъ нашему главному атаману, твоему сыну, просить его позволенія назвать новую станицу—Николаевскою, и принять насъ подъ свое покровительство.

Но здѣсь меня не допустили представиться предъ ясныя очи твоего сына, нашего атамана, и, вдобавокъ, стали на меня клеветать, что я размоталъ выданные мнѣ 1.750 рублей, потому что не представляю въ нихъ отчета.

У насъ ни кассировъ, ни счетчиковъ, ни шнуровыхъ книгъ нѣтъ, потому что мы люди мало грамотные и боимся такихъ порядковъ. У насъ денежныя дѣла ведутся по совѣсти тѣми людьми, которымъ такія дѣла повѣряють. Стало быть, я отчета представить не могъ; а какъ только узналъ о затѣянной противъ меня кляузѣ, то чтобы не кляли на меня пятна, я сейчасъ же предложилъ возвратить всѣ 1.750 руб. назадъ; по ихъ тогда отъ меня не приняли.

Когда же я уѣхалъ въ Абиссинію, то придумали преслѣдовать меня судебнымъ порядкомъ, и судебный слѣдователь города Сухума сдѣлалъ постановленіе, которое послалъ къ полицейскимъ властямъ столицъ и разныхъ городовъ: разыскать Ашинова и препроводить его по этапу къ нему въ городъ Сухумъ. Такимъ образомъ, по возвращеніи моемъ изъ Абиссиніи, мнѣ подготовлена была награда: путе-

шествовать на цѣпи по этапу. Отъ такого позора спасло меня распоряженіе двухъ твоихъ министровъ: министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи. И же, какъ только узналъ, о такой кровной мнѣ обидѣ, тотчасъ отослалъ по почтѣ всѣ 1.750 руб. судебному слѣдователю.

Когда насъ не допустили поселиться на родной землѣ, отчего намъ стало горько, мы порѣшили послужить святой вѣрѣ православной въ другой православной землѣ, и отправились въ Абиссинію.

Тѣмъ временемъ, англичане стали насъ подкупать на службу къ себѣ противъ тебя, великаго нашего царя. Объ этомъ я сейчасъ же именитымъ русскимъ людямъ передалъ, и мы совѣтъ держали. На этомъ совѣтѣ мнѣ сказали: коли головы своей не жалѣешь, то послужи службу своей родинѣ — иди съ англичанами на сговоръ и узнай, на какое дѣло тебя подкупаютъ, а что ты своей родины не продашь — тому вѣримъ.

Въ Стамбулѣ англичанинъ Дурмонтъ - Вольфъ, черезъ своего агента, предложилъ намъ провести въ Афганскую землю оружіе, взбунтовать тамъ покорныхъ и идти съ ними противъ нашего войска. Кромѣ того, доставить оружіе на Кавказъ и замутить тамъ мусульманъ. Мы сговорились, взяли задатокъ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ англійскаго золота и принесли показать его твоему посланнику въ Стамбулѣ, который не хотѣлъ сначала вѣрить, что англичане насъ подкупаютъ на подлое противъ Руси дѣло.

Послѣ того мы отправились въ Абиссинію. Тамъ насъ, какъ православныхъ годовѣрцевъ, приняли дружески. Мы привезли имъ святыхъ иконъ и множество твоихъ портретовъ, которые ихній царь Іоаннъ приказалъ по церквамъ разставить, и потомъ, по нашему совѣту, приказалъ всѣхъ іезуитовъ, католиковъ, совращавшихъ пародъ изъ православія, удалить изъ Абиссинской земли.

За наши разныя услуги намъ предоставлено было занять любое мѣсто. Но мы сами заняли двѣ свободныя страны, Абиссиніи не принадлежащія: Сингитъ и Богосъ, и кромѣ того облюбовали мѣсто на Красномъ морѣ, для порта, называемое — Зула, никѣмъ не занятое.

Чтобы водвориться тамъ, намъ нужно привезти туда всякаго оружія, и нужна помощь въ томъ, чтобы перевозить туда охотниковъ. Если мы получимъ такую помощь, то скоро населимъ тамошнюю землю многими тысячами русскихъ людей.

Изъ Египта я дерзнулъ послать тебѣ, великій нашъ царь, письмо, въ которомъ просилъ приказать отводить намъ землю на Кавказѣ, а если того не можно, то приказать намъ занимать означенныя сейчасъ земли, никому не принадлежащія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ милостиваго позволенія предстать предъ твои ясныя очи и повер-

гнуть къ стопамъ твоимъ разные рѣдкіе гостинцы изъ Абиссинской земли, нами вывезенные для тебя, для матушки царицы и для нашего атамана, твоего сына.

Въ отвѣтъ на это, получилъ я черезъ посольство въ Стамбулѣ приказаніе прибыть въ Петербургъ. Но вотъ уже мѣсяцъ, какъ я пріѣхалъ сюда; но никакого приказанія отъ министерства представиться твоему царскому величеству и повергнуть къ стопамъ твоимъ наши гостинцы не получилъ.

Наша къ твоему царскому величеству просьба: допусти насъ предъ ясныя очи твои или твоего сына, и прикажи принять отъ насъ привезенные нами гостинцы. Мы, кромѣ того, привезли съ собой молодую абиссинку и молодого абиссинца для того, чтобы они повидали нашу родину, понаучились русскому языку и какому-либо рукодѣлю и мастерству, и потомъ отправились бы назадъ въ Абиссинію славить тамъ русскаго царя и нашу матушку Русь.

Еще просимъ, чтобы насъ допустили селиться по казачьему обычаю на нашей родинѣ, на пустующихъ земляхъ восточнаго побережья Чернаго моря. А если на то милости твоей царской не послѣдуетъ, и если ты найдешь полезнымъ, чтобы русскіе люди водворились въ Африкѣ, и чтобы у Руси былъ портъ на Красномъ морѣ, гдѣ заводятъ ихъ другіе народы, въ виду того, что по тому морю пошла всесвѣтная торговля, то дай намъ помощь поселиться тамъ. И будемъ мы держать тамъ русское знамя крѣпко на честь русскаго царя и матушки Руси, и на страхъ врагамъ ея.

Отъ имени вѣрныхъ подданныхъ, вольныхъ русскихъ казаковъ, глубоко и искренне преданныхъ душою и сердцемъ своему царю и своей родинѣ, и готовыхъ сложить всегда головы за нихъ и за вѣру православную

Атаманъ Николай Ивановичъ.

Августа 19 дня 1886 года.

Отвѣтъ на просьбу неизвѣстенъ.

Послѣ того, Ашиновъ задумалъ поѣхать въ свой кругъ за деньгами, на которыя онъ разсчитывалъ закупить ружья во Франціи, гдѣ въ то время перевооружалась армія, и ружья продавались за баснословно дешевую цѣну. На обратномъ пути изъ круга, съ Ашиновымъ на станціи желѣзной дороги въ Харьковѣ, произошло обстоятельство, которое рѣшило дальнѣйшую его судьбу.

Поэтому я долженъ разсказать не сложный, а простой романъ Ашинова.

Ашиновъ былъ старовѣръ, и когда бывалъ въ Москвѣ, останавливался въ домѣ у своихъ единовѣрцевъ. Онъ былъ красивъ и могущественнаго вида, и потому представлялъ завиднаго жениха. Од-

нажды, во время моей бытности въ Москвѣ, Ашиновъ при мнѣ былъ атаковываемъ свахами, но все безуспѣшно. Въ домѣ, въ которомъ онъ остановился, была дѣвушка, которая, понятво, плѣнилась Ашиновымъ и его разсказами о молодецкихъ походехъ. Между тѣмъ дѣвушка эта была уже просватана за купца, старика 60 лѣтъ, носившаго большой парикъ.

Назначенъ былъ день обрученія. Невѣсту разодѣли и почти силой привели въ залу. Тамъ былъ накрытъ столъ со всякими закусками и угощеньями для гостей.

Дѣвушку разодѣли и почти силой привели въ залу всю въ слезахъ. Проходя мимо Ашинова, она шепнула ему: спасите меня, Николай Ивановичъ! Ашиновъ, долго не думавши, подошелъ къ жениху, сорвалъ съ него парикъ, со словами: постыдись, старичина, губить дѣвушку, и затѣмъ сдернулъ скатерть со стола, на которомъ были приготовлены угощенія, и все съ посудой рухнулось на полъ.

Въ домѣ все затормошилось. Мать и братъ невѣсты, которые не хотѣли этой свадьбы, ужасно обрадовались такому скандалу, жепихъ куда-то скрылся, и обрученіе не состоялось.

На другой день явился полицейскій для составленія протокола о случившемся скандалѣ; но Ашиновъ съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Петербургъ; такъ полиція и осталась ни при чемъ.

Но дѣвушка эта, имѣя независимыя средства, прикатила въ Петербургъ, въ расчетѣ, что Ашиновъ предложитъ ей свою руку. Но Ашиновъ объявилъ дѣвушкѣ, что онъ разстроилъ свадьбу, чтобы спасти ее по ея просьбѣ, но что жениться онъ не намѣренъ, что онъ служить молодцамъ казакамъ и обобиться вовсе не желаетъ.

Къ этому роману Ашинова надо дополнить слѣдующее обстоятельство. Когда онъ возвращался изъ Абиссиніи, то встрѣтилъ на пароходѣ дѣвушку, которой ему пришлось оказать серьезную услугу. Они провели четыре дня на пароходѣ, и дѣвушка почувствовала къ Ашинову сильное расположеніе.

И вдругъ, черезъ два года, онъ встрѣчаетъ эту дѣвушку на станціи Харьковской желѣзной дороги. Дѣвушка сильно обрадовалась этой встрѣчѣ, пошли воспоминанія и благодарности о томъ, какъ Ашиновъ выручилъ ее отъ бѣды и, въ концѣ концовъ, дѣвушка призналась, что она сильно его съ тѣхъ поръ полюбила, что она готова признать его своею главою, и что она, по своему характеру, не можетъ стѣснить его въ его казацкихъ походехъ.

— Если вы будете согласны взять меня въ помощницы вашей жизни, то можно рѣшить дѣло теперь же, потому что отецъ, ѣдучи со мной, находится здѣсь на станціи.

Позвали отца, и дѣвушка объявила ему, что она дала слово Аши-

пову, о которомъ онъ уже слышалъ,—о его благородномъ поступкѣ на пароходѣ.

Оказалось, что дѣвушка была дочь богатаго помѣщика Хоненко, хорошо образованнаго, происхожденіемъ изъ малороссійскихъ казаковъ.

Отецъ благословилъ пару и пригласилъ Ашинова ѣхать къ нему въ имѣніе въ Черниговскую губернію, съ тѣмъ, чтобы сыграть тамъ свадьбу.

Ашиновъ сказалъ, что онъ теперь на дорогѣ, по дѣлу, въ Парижъ, но съ удовольствіемъ поѣдетъ въ деревню, чтобы повѣнчаться; но просить устроить свадьбу въ теченіе недѣли.

Отецъ отвѣтилъ, что надо оповѣстить родныхъ, и когда они соберутся, то тотчасъ и повѣнчаютъ молодыхъ.

Въ деревнѣ, послѣ свадьбы, отецъ выдалъ въ приданіе 100.000 фр., и молодые поѣхали въ Парижъ. Дѣвушка была образована, знала англійскій, французскій и нѣмецкій языки, и еще прежде бывала за границей.

Я ничего не зналъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ Ашиновъ поѣхалъ въ свой кругъ. Уже изъ Парижа получилъ я письмо отъ Ашинова, извѣстившаго меня о своей женитьбѣ.

Потомъ, онъ сообщилъ мнѣ, что купилъ во Франціи 20.000 ружей и ѣдетъ съ ними и женой въ Абиссинію.

Въ Абиссиніи Ашиновъ встрѣтилъ дикій народъ: сомали. Съ небольшой группой казаковъ, которые оставались тамъ отъ первой его поѣздки, и нѣсколькими абиссинскими воинами, присланными ему Расъ-Алудой Ашиновъ успѣлъ отбиться отъ дикихъ. Во время боя, Ашинова рожала въ палаткѣ, и мужъ прибѣжалъ туда и принялъ самъ ребенка. Такъ Ашинова сдержала слово, что она не будетъ помѣхой мужу въ его казацкихъ походахъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Ашиновъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою афонскаго монаха Паисія, извѣстнаго русскому посольству въ Константинополѣ и всѣмъ богомольцамъ, ѣдущимъ черезъ Константинополь въ Іерусалимъ.

Въ Петербургѣ Ашиновъ сталъ готовиться къ снаряженію духовной миссіи въ Абиссинію. Съ высочайшаго соизволенія была открыта по всей Россіи подписка на эту миссію. Монахъ Паисій на одной недѣлѣ былъ посвященъ въ Невской Лаврѣ, въ діаконы, священники и затѣмъ въ архимандриты и былъ назначенъ главой абиссинской миссіи, и Ашиновъ со своими казаками долженъ былъ сопровождать миссію.

Подписка дала болѣе 40.000 капитала. Людей собралось около 200 человекъ, вмѣстѣ съ казаками. Большею частью были всякіе

мастеровые, преимущественно камешники и плотники. Люди собрались въ Одессѣ, забрана была на первое время всякая провизія, доски и разный матеріалъ для постройки, и Ашиновъ отправился вмѣстѣ съ женою.

Миссія высадилась у старой, заброшенной турецкой крѣпости Сагала, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Обока, которая считалась на территоріи племени сомали.

Сомали былъ народъ дикій, но, тѣмъ не менѣе, Ашиновъ успѣлъ сдружиться съ нимъ.

Нѣсколько времени спустя, подошелъ пароходъ, и съ него сошелъ французскій офицеръ, Ашиновъ принялъ его и угостилъ.

Но недѣли черезъ три явилось три парохода и противъ Сагала бросили якорь. Подѣхалъ на шлюпкѣ какой-то господинъ и потребовалъ убрать русскій флагъ и немедленнаго удаленія людей, иначе съ пароходовъ откроютъ бомбардировку.

Ашиновъ предполагалъ, что его не могутъ считать за флибустьера, такъ какъ миссія отправилась съ дозволенія нашего правительства, и потому не снялъ немедленно флага. Едва посланный вернулся на пароходъ, какъ черезъ 10 минутъ раздался выстрѣлъ; затѣмъ началась бомбардировка. Ашиновъ приказалъ выставить бѣлый флагъ, для чего была употреблена рубашка. При бомбардировкѣ убито было 5 человекъ, въ томъ числѣ три женщины, и одна изъ нихъ беременная на послѣднемъ исходѣ. Ашиновъ былъ сильно контуженъ въ ногу, отъ чего онъ страдаетъ до сихъ поръ. Бомбардировка окончилась, и немедленно съ парохода наѣхали французы, стали разбивать сундуки и вытаскивать вещи. На другой день всѣхъ людей разсадили на пароходы, Ашинова съ женой и архимандрита Паисія арестовали, и всѣ отправились въ Обокъ. Дня четыре Ашинова съ женой и Паисія продержали въ Обокѣ и затѣмъ повезли въ Каиръ. Все это я передаю со словъ Ашинова и свидѣтелей катастрофы Паисія и жены Ашинова.

Изъ Каира Ашинова на рускомъ пароходѣ свезли въ Севастополь, а прочихъ свезли въ Одессу. Въ Севастополѣ Ашинова продержали въ крѣпости и затѣмъ отпустили къ женѣ въ деревню подъ ея поучительство.

Не менѣе того Ашиновъ появился въ Парижѣ и сталъ хлопотать тамъ о возвращеніи имущества своего и своей жены, захваченнаго на пароходѣ, когда ихъ везли изъ Обока въ Каиръ. Въ Парижѣ онъ познакомился съ m-me Adan, и ему сдѣлали тамъ овацію. Но наше правительство попросило Ашинова вернуться въ Россію, и тогда его отдали подъ строгій надзоръ полиціи, подъ которымъ онъ пребывалъ почти 10 лѣтъ.

Теперь онъ живетъ въ имѣніи жены и имѣетъ уже пять чело-
вѣкъ дѣтей. Насколько онъ былъ энергичный казакъ, настолько онъ
теперь энергичный сельскій хозяинъ.

Ашиновъ, вообще, былъ рѣдкій типъ необычайной энергіи и смѣ-
лости. Онъ обладалъ благородными инстинктами, широкимъ и топ-
кимъ политическимъ умомъ; при грубоватой, повидимому, манерѣ, у
него крылось деликатное сердце. Имѣя не мало враговъ и завистни-
ковъ, можно было любоваться остротой и быстротой находчивости
отвѣтовъ, когда онъ встрѣчался съ ними въ обществѣ. Коротко го-
воря, это была цѣльная, могучая натура, возмущавшаяся до глубины
души всѣмъ неблагороднымъ и подленькимъ; и, сверхъ всего, не-
смотря на отсутствіе образованія, имѣлъ стремленіе и вкусъ ко
всему изящному.

Въ 1875 году я получилъ письмо отъ П. Г. фонъ-Дервиза изъ
Парижа, въ которомъ писалъ, что наше правительство рѣшилось на
сооруженіе морскаго канала изъ Петербурга въ Кронштадтъ, что
проектъ этотъ уже изготовленъ въ министерствѣ путей сообщенія и
на это сооруженіе ассигновано 11.000.000. Между тѣмъ, его познако-
мили съ вѣрнымъ изобрѣтателемъ Базеномъ, изобрѣтеніе котораго
какъ разъ относится къ подобному сооруженію; но что онъ, Дервизъ,
этого дѣла не понимаетъ, но, въ виду важности изобрѣтенія и серьез-
ности дѣла, просилъ меня неотлагательно пріѣхать въ Парижъ и убѣ-
диться въ достоинствѣ изобрѣтенія Базена. Въ такомъ случаѣ, онъ,
Дервизъ, желалъ бы дать ему ходъ, при сооруженіи морскаго канала,
и что ему пришла мысль взяться за это сооруженіе. Поэтому про-
силъ собрать всѣ свѣдѣнія и предложилъ быть компаньономъ въ
этомъ необыкновенно полезномъ дѣлѣ, съ которымъ ему хотѣлось бы
связать свое имя.

Въ Парижѣ я познакомился съ Базеномъ, который производилъ
въ то время опыты на Сенѣ съ своимъ изобрѣтеніемъ.

Это изобрѣтеніе относилось къ землечерпанію, и производимые
Базеномъ опыты были началомъ къ устройству землесоса.

Базень сообщилъ мнѣ, что онъ имѣетъ серьезный опытъ по
очисткѣ затонувшихъ въ началѣ прошлаго столѣтія кораблей въ
портѣ Виго, которые были затянута иломъ до верха мачтъ. Опыты
на Сенѣ, которые я видѣлъ, производились въ песчаномъ грунтѣ.
Тогда я обратилъ вниманіе Базена, что его принципъ дѣйствительно
примѣнимъ для ила и песка, но не для твердыхъ грунтовъ. На это
Базень сказалъ, что онъ изготовилъ уже разрыхлитель, который и
примѣнить къ своему изобрѣтенію.

Мои изслѣдованія я сообщилъ Дервизу и высказалъ мнѣніе о важности и практичности изобрѣтенія.

Тогда Дервизъ просилъ меня безотлагательно вернуться въ Петербургъ и заявить его намѣреніе взять на себя сооруженіе канала.

Инженеръ Базенъ отличался необыкновеннымъ изобрѣтательнымъ умомъ; по преимуществу онъ изобрѣлъ разные снаряды и аппараты для подводныхъ работъ, и нѣкоторые его изобрѣтенія были уже тогда въ практикѣ права гражданства.

Базенъ задумалъ составить акціонерную компанію для добычи золота и серебра, изъ кораблей, потопленныхъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ испанскомъ портѣ Вьго, куда испанскіе корабли, везшіе этотъ грузъ, вошли преслѣдуемые англійскимъ флотомъ. Въ Парижѣ, по мысли Базена, составила компанія съ капиталомъ въ милліонъ франковъ, и Базенъ былъ приглашенъ главнымъ инженеромъ для этого предпріятія.

Оказывалось, что на рейдѣ торчали кое-гдѣ только самыя верхушки мачтъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи Базенъ убѣдился, что потопившіе корабли затонуло иломъ. Тогда ему и пришла мысль придумать особый аппаратъ для очистки кораблей отъ ила. Этотъ аппаратъ необыкновенно остроумный Базенъ и называлъ экстракторомъ (extracteur). Путемъ этого экстрактора, онъ очистилъ корабль, проникъ въ него и работалъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; выбралъ изъ него всѣ принадлежности, но золота не нашелъ. Очищены были еще нѣсколько кораблей, и въ нихъ тоже золота и серебра не нашлось.

Базенъ объяснялъ себѣ этотъ фактъ тѣмъ, что въ виду англійскаго флота, которому должна была достаться необыкновенно богатая добыча, испанскіе корабли вышли на рейдъ и бросали ящики съ золотомъ и серебромъ въ море.

Илъ, который добывался около кораблей, былъ подвергнутъ тщательному анализу и химическому изслѣдованію, и по этому изслѣдованію находили признаки золота и серебра, которые, конечно, подъ вліяніемъ образующихся гальваническихъ токовъ, разлагались. Послѣ того было рѣшено прекратить розыски.

Всѣ добытые изъ корабля предметы Базенъ привезъ въ Парижъ, въ предмѣстѣяхъ котораго построилъ большой досчатый сарай, который представлялъ собою оригинальный музей. Въ этомъ музеѣ, между прочимъ, можно было видѣть отлично сохранившуюся деревянную мебель изъ окажу, чугунныя ядра, присосавшіяся къ глиняной посудѣ, путемъ гальваническихъ токовъ. Это явленіе доказывало, что золота и серебра и слѣды простыли.

Какъ я сказалъ выше, Базенъ имѣлъ крайне изобрѣтательный и практическій умъ: многія его изобрѣтенія вошли въ практику, но не

обогатили его. Не имѣя средствъ, онъ продавалъ свои привилегіи за безцѣнокъ, на приобрѣтеніе которыхъ онъ разорялся и умеръ въ нуждѣ.

Когда Дєрвизъ задумалъ взяться за постройку морскаго канала въ Петербургѣ и пригласилъ меня для ознакомленія съ новымъ изобрѣтеніемъ, мнѣ пришлось обратиться сначала не къ Базену, а къ нѣкому русско-польской національности Збышевскому, имѣвшему контору въ Парижѣ, для скупки привилегій на новыя изобрѣтенія, которому была уже продана Базеномъ за ничтожную сумму привилегія на экстракторъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Збышевскомъ.

Это былъ молодой морской офицеръ, весьма образованный, выдающійся, и былъ назначенъ командиромъ клипера въ 1860 или 1861 году въ заграничное плаваніе. Въ то время, когда клиперъ находился въ Сингапурѣ, было получено извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ. Въ одинъ прекрасный день, онъ, подъ предлогомъ болѣзни, съѣхалъ на берегъ, сдавъ команду старшему офицеру, которому и передалъ всѣ казенныя деньги, находившіяся въ его распоряженіи.

На клиперъ онъ не вернулся, а уѣхалъ въ Парижъ. Онъ считалъ, что по совѣсти онъ не можетъ служить Богу и чорту, такъ какъ онъ былъ въ душѣ преданъ польскому дѣятели. Онъ былъ, конечно, отданъ подъ судъ и по суду заочно былъ приговоренъ къ разстрѣлянью, и потому не могъ уже являться въ Россію.

Збышевскій былъ очень видный и красивый чеконъкъ и вскорѣ женился на одной изъ близкихъ родственницъ Ротшильда, и затѣмъ открылъ тамъ контору для скупки привилегій на изобрѣтенія, о которой я упомянулъ предъ симъ.

Во время одного пребыванія въ Парижѣ великаго князя Константина Николаевича, онъ пожелалъ видѣть музей Базена, который показывалъ опыты относительно постановки быстроходныхъ пароходовъ на колесахъ и относительно экстрактора. Збышевскій, который былъ уже владѣтель привилегій, присутствовалъ при этомъ. Великій князь увидалъ Збышевскаго и узналъ его, и говорилъ съ нимъ.

Принялъ ли великій князь Збышевскаго въ Парижѣ, у себя, какъ мнѣ говорили, этого я не знаю, но когда онъ явился однимъ изъ членовъ компаніи, взявшейся за очистку Волги отъ перекатовъ путемъ экстракторовъ, въѣздъ Збышевскому былъ допущенъ въ Петербургъ негласно. Кромѣ того, онъ былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей банка, *Credit Lyonnais*, контора котораго находится и въ Петербургѣ. Такъ или иначе, но онъ посѣтилъ меня здѣсь, въ Петербургѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, я обратился къ министру путей сообщ-

щенія графу Алексѣю Бобринскому съ заявленіемъ о желаніи Дервиза взять сооруженіе канала. Бобринскій сказалъ, что онъ на-дняхъ входилъ съ докладомъ государю, который и утвержденъ, о томъ, чтобы къ торгамъ допускались лишь соискатели, производившіе уже землечерпательныя работы. Я отвѣтилъ, что я производилъ такія работы въ устьѣ Дона.

— Въ такомъ случаѣ Дервизъ, пригласивъ васъ въ компанію, можетъ быть соискателемъ; впрочемъ, я назначилъ уже комитетъ подъ предсѣдательствомъ Кербедза, обратитесь къ нему, можетъ ли Дервизъ съ вами принять участіе въ торгахъ.

Между тѣмъ, я узналъ, что сооруженіе морскаго канала желаетъ взять на себя нѣкій Путиловъ, извѣстный строитель огромнаго механическаго завода, бывшій морякъ, по мысли котораго, и предпринято было сооруженіе канала, и устраивалась уже вѣтъ желѣзной дороги отъ Невы къ предполагаемому порту.

Въ Петербургѣ считали, что дѣло устройства морскаго канала будетъ отдано Путилову; но графъ Бобринскій не симпатизировалъ ему, въ особенности потому, что Путиловъ, покровительствуемый в. к. Константиномъ Николаевичемъ, въ ожиданіи большаго подряда, успѣлъ исходатайствовать въ московскомъ коммерческомъ банкѣ выдачу ему авансомъ 5.000.000 р.

Увѣренность Путилова, что подрядъ будетъ за нимъ, раздражала гр. Бобринскаго, и онъ вошелъ съ докладомъ государю о томъ, чтобы къ торгамъ на сооруженіе морскаго канала были бы допускаемы лишь лица, которыя производили уже подобныя работы сами или въ товариществѣ съ опытными инженерами, занимавшимися землечерпаніями. Такимъ образомъ, онъ рассчитывалъ устранивъ Путилова.

Дервизъ былъ человѣкъ нетерпѣливый и своеобразный, избалованный своими успѣхами, чтобы все дѣлалось по пословицѣ: „по щучьему велѣнію и по моему прошенію“. Недѣли черезъ три, я получаю отъ него письмо, приглашающее меня пріѣхать къ нему въ Лугано вмѣстѣ съ моимъ братомъ Кронидомъ, съ которымъ мы строили Курско-Кіевскую дорогу отъ Дервиза. Я списался съ братомъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. Мы застали Дервиза въ Миланѣ, и онъ объявилъ намъ, что третьяго дня онъ получилъ письмо изъ Петербурга, извѣщающее его, что министръ Бобринскій ухочитъ, что поэтому дѣло о каналѣ отложено, и могутъ встрѣтиться разныя препятствія.—Все-таки поѣзжайте въ Парижъ,—сказалъ онъ,—пригласите въ компаньоны Базена и опытныхъ инженеровъ, и дѣйствуйте отъ своего имени, а я вамъ открою кредитъ на мои деньги, въ количествѣ стоимости операціи.

Въ Парижѣ, Базенъ свелъ меня съ знаменитымъ инженеромъ

профессоромъ Моляно и съ опытнымъ инженеромъ, работавшимъ на Суэцкомъ каналѣ Комбулемъ.

Люди эти изъявили полное согласіе принять участіе въ дѣлѣ, принимая на себя, подъ моимъ руководствомъ, техническую сторону исполненія операціи. Они заявили, что, по незнанію русскихъ законовъ и русскаго языка, они не могутъ войти гласными компаньонами. Они имѣли уже полное свѣдѣніе о проектѣ и потому составили подробный расчетъ стоимости сооруженія. Условившись съ ними во всѣхъ отношеніяхъ, я вернулся въ Петербургъ.

Въ то время, какъ я уѣзжалъ на мѣсяцъ въ Парижъ, Бобринскій былъ удаленъ, и кажется именно за то препятствіе, которое онъ поставилъ Путилову, и былъ назначенъ другой министръ, генералъ-адъютантъ Посыетъ.

Посыетъ тотчасъ, по вступленіи, назначилъ другаго предсѣдателя комитета по сооруженію морскаго канала, инженера Эрнрольда и приказалъ измѣнить проектъ и главное политику.

Когда я явился къ новому предсѣдателю и пожелалъ осмотрѣть списокъ соискателей на сооруженіе канала, которые будутъ приглашены къ торгамъ, то увидаль имя Путилова.

Меня это удивило, и я спросилъ Эрнрольда: какъ же это, вѣдь этимъ нарушается высочайшее повелѣніе; Путиловъ не производитъ землечерпательныхъ работъ?

Эрнрольдъ улыбнулся и отвѣтилъ: министръ приказалъ ввести Путилова въ списокъ соискателей потому, что онъ представилъ свидѣтельство отъ Кронштадтскаго портоваго правленія, что онъ производилъ подобныя работы.

Само собою разумѣется, что Путиловъ и получилъ подрядъ на сооруженіе канала.

Я не стану входить въ анализъ этого курьезнаго дѣла, но сообщу здѣсь только одинъ эпизодъ, случившійся при посѣщеніи моимъ министромъ Посыетомъ.

Въ то время, когда высочайшее повелѣніе играло буквальную роль, я телеграфировалъ своимъ товарищамъ Молино и Комбулю въ Парижъ, что если они хотятъ принять участіе въ дѣлѣ, то необходимо заявить себя гласными компаньонами. На это я получилъ письменное согласіе, и при этомъ Комбуль приложилъ свидѣтельство и рекомендацію отъ Лессенса, строителя Суэцкаго канала. Рекомендациею Молино было его имя въ инженерномъ мірѣ.

Когда я явился въ Посыету съ запиской и согласіемъ моихъ товарищей о гласномъ участіи ихъ и что капиталъ на дѣло представляетъ Дервизъ, я пояснилъ Посыету, объ особенно остроумной системѣ землечерпанія и испытанной уже моимъ третьимъ товарищемъ, Базеномъ, и показалъ чертежи.

Разсмотрѣвъ ихъ, Посыетъ сказалъ: Какое важное изобрѣтеніе, а есть ли на него привилегія?

— Есть,—отвѣтилъ я.

— Но вѣдь можно сдѣлать какую-нибудь модификацію.

Я вспыхнулъ и отвѣчалъ.

— Базень много лѣтъ трудился надъ этимъ дѣломъ, это его коренная собственность, и я не сочту себя въ правѣ придумывать какую-либо модификацію.

Затѣмъ поклонился и вышелъ. И съ тѣхъ поръ къ министру уже не ходилъ.

Однако, на всѣ стремленія содѣйствовать Путилову, онъ въ скоромъ времени оказался несостоятельнымъ.

Дѣло въ томъ, что подрядъ на сооруженіе канала былъ раздѣленъ страннымъ образомъ на двѣ отрасли: подрядчикъ долженъ былъ поставить казнѣ весь предварительной составъ, нужный для работъ т. е. землечерпательныя машины и проч., и когда опытомъ будетъ доказано, что этотъ подвижной составъ вполне удовлетворителенъ для сооруженія канала въ данный срокъ, то подрядчику казна должна была уплатить 4.000.000 руб., а на весь подрядъ было ассигновано 7.000.000. Слѣдовательно, для работъ оставалось только 3.000.000.

Путиловъ поставилъ старыя землечерпательныя машины, и въ недостаточномъ количествѣ. Но опытъ, производившійся сутки или менѣе, показалъ, что подвижной составъ работаетъ успѣшно и вычерпываетъ надлежащее количество кубовъ. На этомъ основаніи Путилову и было выдано 4.000.000 р.

Но въ дѣйствительности, по истеченіи почти двухъ лѣтъ, не было Путиловымъ вынуто и десятой доли кубовъ.

Тогда Путиловъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ взять на себя сооруженіе канала. При этомъ увеличить подвижной составъ на деньги, которыя ему слѣдуетъ еще получить отъ казны. По расчету выходило, что съ существующимъ и добавочнымъ составомъ можно исполнить сооруженіе канала лишь въ 10 лѣтъ. Поэтому я предложилъ Путилову достигнуть увеличенія срока окончанія канала на означенное время. Между тѣмъ, Путиловъ заявилъ министру финансовъ, что онъ сдалъ свою операцію мнѣ. Это вынудило меня поѣхать къ министру, что я былъ бы готовъ взять сооруженіе на свою отвѣтственность, если правительство увеличить срокъ. На это министръ, конечно, не согласился, и Путиловъ долженъ былъ продолжать работы. Видя его несостоятельность, казна приняла дѣло въ свои руки и окончила его, израсходовавъ, кажется, до 18.000.000.

